

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

1

2019

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

V E S T N I K
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2 0 1 9 **Том 25**

2 0 1 9 **Volume 25**

№ 1
Январь – Март

№ 1
January – March

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ОТРАСЛЯМ:
07.00.00. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ; 10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ;
12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
И ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ**

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук,
Костромской государственной университет

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ**

доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,

Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,

член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

**ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF AND
EXECUTIVE SECRETARY**

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN
Doctor of Historical Sciences, Professor,

Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV

Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTILOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV

Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур Запада
и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Украины,
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Honoured lawyer of the Ukraine,
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 8 Алибеков С.Я., Курочкина С.А., Павленко Ю.А., Шмелев Д.Д.**
Предварительный анализ керамического материала памятника «Старая Самара. Деревянные сооружения, возведенные не позднее середины XIX в.» (по археологическим материалам 2017 г.)
- 16 Ибнеева Г.В., Лебедева А.И.**
Субъекты колониационной политики Российской империи за рубежом в 1762–1766 гг.: структура и иерархия
- 21 Камнева Г.П., Сотников А.А., Сотников С.А.**
Охранные ведомства в Российской империи во второй половине XIX века
- 26 Кривошеева Ю.А.**
Семейная повседневность текстильщиц Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX в.
- 30 Щетинина Н.М.**
Создание и деятельность учреждений для детей-инвалидов на территории Воронежского края в конце XIX – первой половине XX века
- 34 Егоров В.В.**
Участие евреев в экономической и трудовой деятельности в Нижегородской и Иваново-Вознесенской губерниях в конце XIX – начале XX вв.
- 38 Турыгин А.А.**
«Германская плотина против напора польских волн»: геополитика пангерманизма
- 45 Осипова Е.А., Турыгин А.А.**
Образ Российской империи и имперских границ в представлении правомонархических консервативных партий накануне 1917 года
- 50 Петровичева Е.М., Птицына Г.М.**
Поведение избирателей на выборах в волостные земства 1917 г. (на материалах Владимирской губернии)
- 56 Зуев А.Н.**
Преодоление жилищного кризиса в России в первые годы советской власти и роль жилищно-строительной кооперации
- 61 Околотин В.С.**
Производство 45-миллиметровых артиллерийских снарядов на заводах Ивановской области в 1942 году
- 67 Ушкалов С.В., Трифанков Ю.Т., Захарова Л.И.**
Роль танкистов генерал-майора Лазарева в Севско-Дмитровской наступательной операции зимой – весной 1943 г.
- 71 Зинчук С.М.**
Хрущевская антирелигиозная кампания 1954–1964 гг.: практическая реализация и результаты
- 76 Шигарева А.Н.**
Прошлое и настоящее на службе советской пропаганды (на материалах книги «Лицом к лицу с Америкой», посвященной первому визиту Хрущева в США)
- 79 Зверев К.А.**
История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990-е – 2000-е гг.

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL SCIENCES

- 8 S.Ya. Alibekov, S.A. Kurochkina, Yu.A. Pavlenko, D.D. Shmelyov**
Preliminary analysis of the ceramic material of the monument "Old Samara. Wooden buildings" erected no later than the middle of the 19th century" (according to archaeological materials of 2017)
- 16 G.V. Ibneyeva, A.I. Lebedeva**
Subjects of the Russian Empire's colonisation policy abroad in 1762–1766: structure and hierarchy
- 21 G.P. Kamneva, A.A. Sotnikov, S.A. Sotnikov**
Security agencies in the Russian Empire in the second half of the 19th century
- 26 Yu.A. Krivosheyeva**
Yaroslavl provincial female textile workers' everyday and family life in the second half of the 19th – the early 20th centuries
- 30 N.M. Shchetinina**
Formation of charitable institutions in the territory of Voronezh land in the late 19th — the early 20th centuries
- 34 V.V. Yegorov**
Jews' participation in economic and labour activities in Nizhny Novgorod and Ivanovo-Voznesensk provinces in the late 19th — the early 20th centuries
- 38 A.A. Turygin**
"German dam to resist the head of the Polish waves": the Pan-Germanism geopolitics
- 45 Ye.A. Osipova, A.A. Turygin**
Image of the Russian Empire and the empire borders in the minds of the right-wing monarchical conservative parties before 1917
- 50 Ye.M. Petrovicheva, G.M. Ptitsyna**
Voters' behaviour during Volost Zemstva elections in 1917 (in terms of Vladimir Province)
- 56 A.N. Zuyev**
Overcoming housing shortage in Russia during first years of the Soviet power and role of building and loan cooperation
- 61 V.S. Okolotin**
The production of shells for 45 mm anti-tank guns on the plants of Ivanovo Region in 1942
- 67 S.V. Ushkalov, Yu.T. Trifankov, L.I. Zakharova**
The role of Major General Pavel Lazarev's tank troops in the run at Sevsk and Dmitrovsk in winter to spring 1943
- 71 S.M. Zinchuk**
Nikita Khrushchev's anti-religious campaign of 1954—1964: practical implementation and results
- 76 A.N. Shigareva**
The past and the present in the Soviet propaganda's service (in terms of the book "Facing America" devoted to Khrushchev's first US visit)
- 79 K.A. Zverev**
History as instrument of propaganda in the political struggle of the Baltic republics in the 1990s–2000s

- 82 Абехтикова М.Б.**
История отечественных детских и молодежных организаций в XX веке: от скаутского движения до православных лагерей
- 88 Сипягина Е.А.**
Социальное служение Русской православной церкви в современной историографии (1988–2008 гг.)
- 92 Тулянов В.А.**
Благотворительность Русской Православной Церкви в рамках феномена современной российской благотворительности (на примере православной службы «Милосердие»)
- ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**
- 99 Труфанова Н.А.**
Заговоры от змеи и червя в средневековой немецкой традиции
- 102 Моцарт Е.-Н.Ю.**
Романтическая трансформация образов Дон Жуана и Фауста у Х.Д. Граббе
- 106 Тернополь Т.В.**
Раз, два, три, четыре, пять – выходи меня искать. Считалки в детективах Агаты Кристи
- 111 Захарова Н.В.**
Движение за права женщин и рождение периодических изданий для женщин в Китае в эпоху поздней Цин
- 115 Лобкова Н.А.**
П.В. Анненков в «Вестнике Европы» (по письмам к М.М. Стасюлевичу)
- 121 Володина Н.В.**
«Еще раз» лишние люди: от литературного типа к концепту (историко-функциональный аспект). Статья первая
- 126 Дегтерев Н.А.**
Аксиологическая проблематика телесных наказаний в «Очерках бурсы» Н.Г. Помяловского
- 130 Лебедев Ю.В.**
Творческая история «весенней сказки» А.Н. Островского «Снегурочка»
- 137 Овчинина И.А., Пирвердян Е.А.**
Об автографе либретто комической оперы А.Н. Островского «Не так живи, как хочется»
- 141 Дмитриев А.П.**
Народные рассказы и комедия «Первый винокур» Л.Н. Толстого в оценке Н.П. Гилярова-Платонова
- 146 Королева В.В.**
«Гофмановский комплекс» в драмах Л. Андреева «Жизнь Человека», «Черные маски» и «Царь-голод»
- 152 Скоропадская А.А.**
Фонографические средства стилизации турецкого акцента в рассказе И.С. Шмелева «Гассан и его Джеджи»
- 156 Пимкина А.А.**
О возможном поэтическом предтексте и прототипах романа В. Набокова «Защита Лужина»
- 160 Кучина Т.Г., Третьякова М.Ю.**
Сюжетно-композиционные функции визуальных aberrаций в романах В. Набокова «Король, дама, валет» и «Отчаяние»
- 165 Иванова Е.Р.**
Своеобразие темы шахмат и шахматной игры в художественной литературе
- 82 M.B. Abekhtikova**
History of Russian children's and youth organisations in the 20th century: from scout movement to orthodox camps
- 88 Ye.A. Sipyagina**
Social service of the Russian Orthodox Church in modern historiography (1988—2008)
- 92 V.A. Tulyanov**
Charity of the Russian Orthodox Church in the phenomenon of modern Russian charity (in terms of the orthodox service "Mercy")
- SCIENCE OF LITERATURE**
- 99 N.A. Trufanova**
Charms against a snake and a worm in medieval German tradition
- 102 Ye.-N.Yu. Motsart**
The romantic transformation of the characters of Don Juan and Faust by Christian Dietrich Grabbe
- 106 T.V. Ternopol**
One, two, three, four, five – come and find me. Counting rhymes in A. Christie's detective novels
- 111 N.V. Zakharova**
Women's rights movement and rise of periodicals for women in the Late Qing China
- 115 N.A. Lobkova**
Pavel Annenkov in "Vestnik Europy" (in terms of the critic's letters to Mikhail Stasyulevich)
- 121 N.V. Volodina**
"Once again" about "unwanted people": the transformation from literary type to a concept (historical and functional aspect). Part I
- 126 N.A. Degterev**
Axiological problems of corporal punishment in Nikolai Pomyalovsky's "Seminary Sketches"
- 130 Yu.V. Lebedev**
Creative history of a "spring's tale" "The Snow Maiden" by Alexander Ostrovsky
- 137 I.A. Ovchinina, Ye.A. Pirverdyan**
On the libretto manuscript of the comic opera "Live Not as You Would Like to" by Alexander Ostrovsky
- 141 A.P. Dmitriyev**
Leo Tolstoy's folk stories and the comedy "The First Distiller" in Nikita Gilyarov-Platonov's assessment
- 146 V.V. Korolyova**
"Hoffmann's complex" in dramas "The Life of Man", "Black Masks" and "Tsar Hunger" by Leonid Andreyev
- 152 A.A. Skoropadskaya**
Phonographic means of stylising the Turkish accent in the short story "Hassan and his Jeddi" by Ivan Shmelyov
- 156 A.A. Pimkina**
About a possible poetic pretext and the prototypes of Vladimir Nabokov's novel "The Luzhin Defense"
- 160 T.G. Kuchina, M.Yu. Tret'yakova**
Visual aberrations and their structural functions in the plot of Vladimir Nabokov's novels "King, Queen, Knave" and "Despair"
- 165 Ye.R. Ivanova**
The originality of the chess topic in fiction in terms of creative work of Arturo Pérez-Reverte Gutiérrez

- 170 Резаков Я.О.**
Орнитологическая поэтика:
Дж. Сэлинджер – от А. Чехова до В. Аксёнова
- 174 Тюленева Е.М.**
К вопросу о внутренних процессах
в авторском сверхтексте Саши Соколова.
Статья 3: Потенциал диалогической формы
и нарративное интервью
- 179 Ребрикова К.А.**
Языковая трансгрессия в постмодернистском тек-
сте (роман Саши Соколова «Палисандрия»)
- 183 Белопухова О.В.**
Значение творчества И.С. Тургенева сегодня.
По поводу исследования Хорста-Юргена Герика
о И.С. Тургеневе
- 187 Стебловская С.Б.**
Роль современной медиасферы
в трансформации медиапотребления подростков
- ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- 192 Медведев В.Г.**
Ордалий в практике судопроизводства
древневосточных государств
- 196 Романовская В.Б., Серпухова О.Ю.**
Революция семейного права в странах Запада
в XX веке (на примере США)
- 200 Груздев В.В.**
Государства без «признаков государства»
на территории Аравийского полуострова
и Северной Африки
- 203 Черкасов К.В.**
Некоторые вопросы мониторинга правоприменения
в современной России в контексте противодействия
коррупции в сфере государственного управления
- 208 Лысаков А.Е.**
О содержании организации работы следственного
отдела по расследованию преступлений коррупци-
онной направленности в сфере экономики
- 213 Ткач А.С.**
Динамика и анализ причин абсентеизма в России
с начала 1990-х годов
- 218 Желева О.В.**
Уголовная ответственность
за ненадлежащее оказание медицинской помощи
- 222 Кузьмин И.А.**
Доступ к базам данных кредитных организаций
и операторов связи: правовые и организационные
вопросы
- 225 Хазиев С.Ю.**
Категория «интерес» в контексте закрепления
и осуществления вторичных прав
- 230 Кудряшова А.В.**
Организационные аспекты деятельности прокуро-
ров в свете рекомендаций органов Совета Европы
(Часть 1)
- 235 Бабичев Д.А.**
Прокурорский надзор за законностью оператив-
но-розыскных решений, принимаемых в условиях
риска: проблемы применения уголовного закона
- 239 Оганян В.А.**
Историко-правовые основы регулирования автор-
ских прав России в сравнении с опытом зарубеж-
ных стран
- 243 SUMMARY**

- 170 Ya.O. Rezakov**
Ornithological poetics: Jerome David Salinger –
from Anton Chekhov to Vasily Aksyonov
- 174 Ye.M. Tyuleneva**
To the issue of internal processes in the author's
supertext of Sasha Sokolov.
Article 3: The capacity of dialogic structure
and the narrative interview
- 179 K.A. Rebrikova**
Language transgression in a postmodern text
("Palisandria" by Sasha Sokolov)
- 183 O.V. Belopukhova**
Significance of Ivan Turgenev's works today.
Horst-Jürgen Gerigk's
study of Ivan Turgenev
- 187 S.B. Steblovskaia**
Contemporary mediaspace
and teens' mediaconsuming transformation
- JURAL SCIENCES**
- 192 V.G. Medvedev**
Trial by ordeal in judicial practice
of ancient Oriental states
- 196 V.B. Romanovskaya, O.Yu. Serpukhova**
Family law revolution in Western countries
in the 20th century (in terms of the USA)
- 200 V.V. Gruzdev**
The Arabian peninsula
and North Africa:
states without "statehood"
- 203 K.V. Cherkasov**
Some issues of law enforcement monitoring
in modern Russia in the context of combating
corruption in the field of public administration
- 208 A.Ye. Lysakov**
On the content of organisation of work of an
investigative department for the investigation of
corruption in the field of economy
- 213 A.S. Tkach**
Dynamics and analysis of the causes of absenteeism
in Russia since the early 1990s
- 218 O.V. Zheleva**
The criminal liability
for wrong medical care
- 222 I.A. Kuz'min**
Access to base data of credit organisations
and communication operators:
legal and organisational questions
- 225 S.Yu. Khaziyev**
The category "interest" in the context of consolidation
and implementation of secondary rights
- 230 A.V. Kudryashova**
Organisational aspects of prosecutors' activity
in view of recommendations of bodies of the Council
of Europe. Part 1
- 235 D.A. Babichev**
Prosecutor's supervision of the law of operational-
investigative decisions taken under risk conditions:
problems of criminal law
- 239 V.A. Oganyan**
Historical and legal basis of regulation the copyright
law in Russia in comparison with the experience of
foreign countries
- 243 SUMMARY**

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 930.26(470) ; 902.2

Алибеков Сергей Якубович

доктор технических наук
Поволжский государственный технический университет, г. Йошкар-Ола
kmit@volgatech.net

Курочкина Светлана Александровна

кандидат исторических наук
Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия, г. Саратов
kurochkina-sveta@bk.ru

Павленко Юрий Алексеевич

кандидат исторических наук
Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия, г. Саратов
pavlenko127@mail.ru

Шмелев Даниил Дмитриевич

Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия, г. Саратов
aors87@yandex.ru

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КЕРАМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ПАМЯТНИКА «СТАРАЯ САМАРА. ДЕРЕВЯННЫЕ СООРУЖЕНИЯ, ВОЗВЕДЕННЫЕ НЕ ПОЗДНЕЕ СЕРЕДИНЫ XIX В.» (по археологическим материалам 2017 г.)

В 2017 г. на территории Самарской «земляной крепости» проводились спасательные археологические исследования, в результате которых было получено 2 тысячи фрагментов керамического материала. Авторы статьи с целью получения дополнительной информации о технологических особенностях изготовления «самарской» керамики обработали серию керамического материала. Им были использованы такие естественно-научные методы, как термическая обработка, метод бинокулярной микроскопии, химический рентгенофлуоресцентный анализ, макроскопический анализ. Проведенные технико-технологический и естественно-научные анализы показали неоднородность трудовых навыков среди самарских гончаров. Основу ассортимента проанализированных групп керамики составляют кувшины, горшки, корчаги, миски, крышки. Время их бытования – XVII–XVIII вв. и XIX в., что совпадает с временем существования самого памятника. В рассматриваемый временной период самарское гончарство было уже ремесленным производством, а традиции местных мастеров похожи на традиции гончаров других русских центров.

Ключевые слова: земляная крепость, керамический материал, технико-технологический метод, естественно-научные методы.

В 2017 г. археологической экспедицией Автономной некоммерческой организации «Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия» проводились раскопки на территории памятника «Старая Самара. Деревянные сооружения, возведенные не позднее середины XIX в.» (г. Самара, площадь Хлебная).

В период с 1704–1706 по 1851–1853 гг. в районе Хлебной площади существовала Самарская «земляная крепость» («Замок»). Археологические

раскопки на Хлебной площади, начатые в 2013 г. (под руководством Н.А. Лифанова) и продолженные в 2014 г. (под руководством П.Ф. Кузнецова) выявили материал XVIII – начала XX вв. [10, с. 12–13, 39].

В ходе археологических исследований 2017 г. было получено 2000 фрагментов керамического материала (табл. 1).

При анализе полученного в 2017 г. керамического материала мы опирались прежде всего на ис-

Таблица 1

Распределение керамического материала по группам

№ п/п	Группы керамики	%
1	красноглиняная лепная	1,18
2	красноглиняная гончарная	46,88
3	поливная (поздняя)	8,90
4	мореная	25,51
5	чернолощенная	11,27
6	белоглиняная	0,59
7	фарфор	2,96
8	фаянс	2,67

Примечание: в данном случае деление керамического материала на группы дается по цвету черепка и на основе технологических признаков: состав формовочной массы, обжиг изделия, способ дополнительной обработки поверхности.

Распределение керамического материала в группах

№	Группа керамики	Число фрагментов	%
1	Красноглиняная лепная		
	– стенки	2	
	<i>Всего</i>	2	5,12
2	Красноглиняная гончарная		
	– венчики	11	
	– стенки	2	
	– донца	4	
	<i>Всего</i>	17	43,58
3	Поливная (поздняя)		
	– венчики	1	
	<i>Всего</i>	1	2,56
4	Мореная		
	– венчики	3	
	– донца	6	
	– крышки	1	
	<i>Всего</i>	10	25,64
5	Чернолощенная		
	– венчики	8	
	– стенки	1	
	<i>Всего</i>	9	23,07
ИТОГО		39	

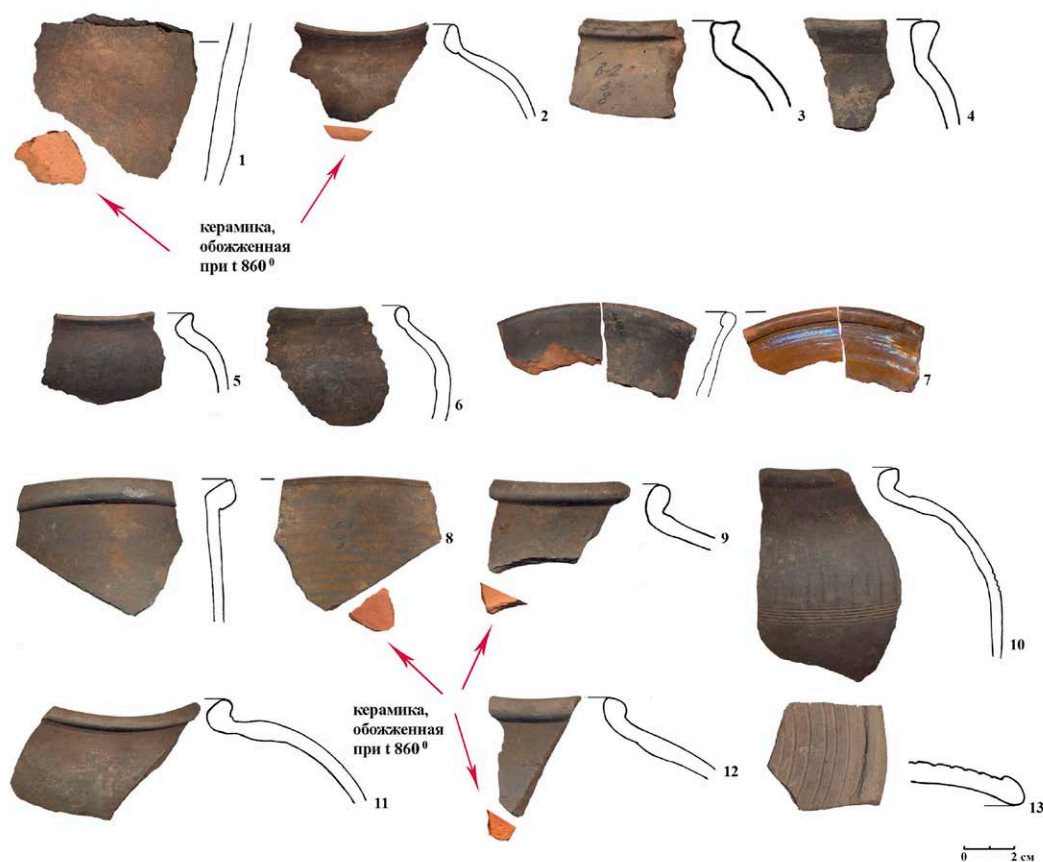

Рис. 1. Фрагменты керамики: 1 – стенка сосуда; 2–6, 12 – венчики горшков; 7–8 – миски; 9, 11–12 – венчики корчаг; 13 – крышка (1–7 – красноглиняная; 8–10 – чернолощенная; 11–13 – мореная) (1 – лепная; 2–13 – гончарная; 8 – поливная)

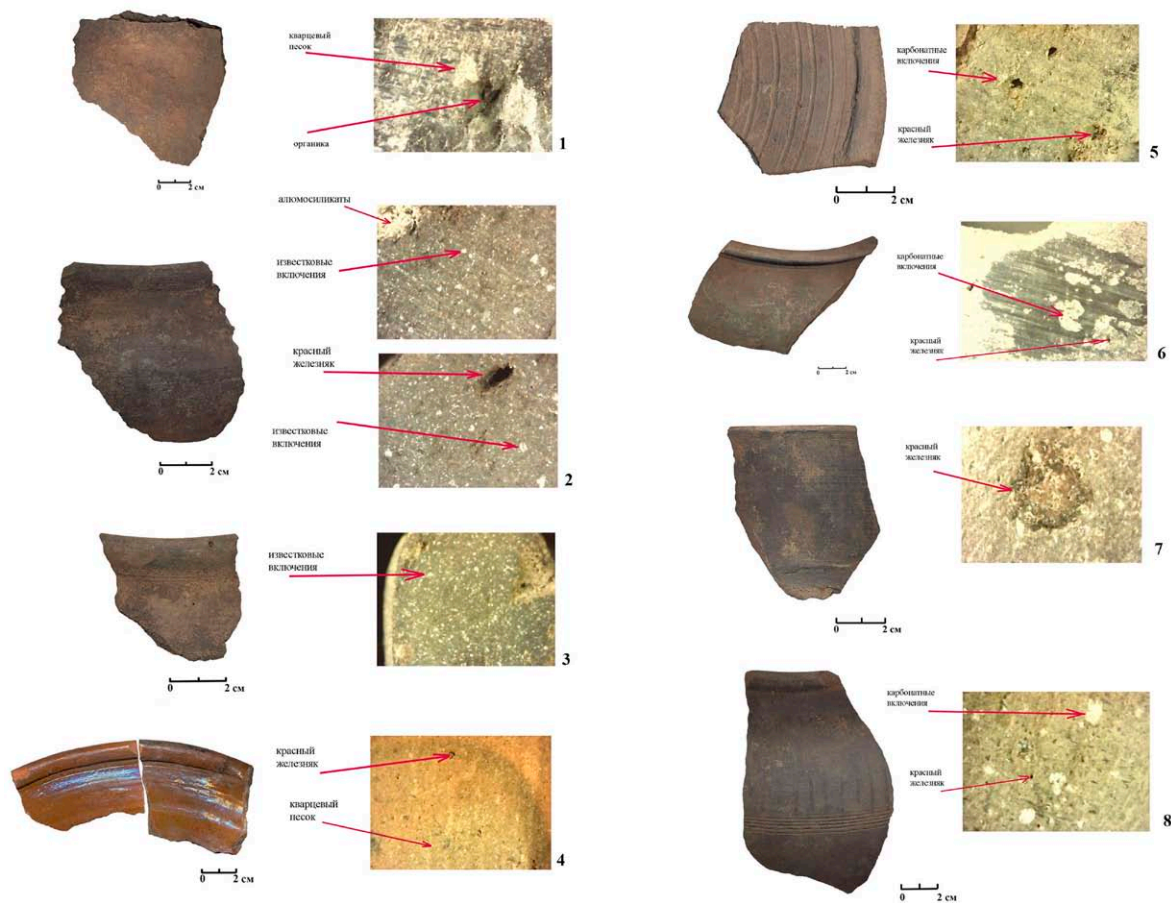

Рис. 2. Фотофиксация естественных примесей на макрошлифах керамических изделий (увеличение в 100^х)

следование Р.С. Кирсанова «Гончарство населения Самарского Поволжья в конце XVII–XVIII вв.», который отметил, что данная тема является слабо изученной [6, с. 153].

С целью получения дополнительной информации о «самарской» керамике XVIII–XIX вв. была обработана серия керамического материала (табл. 2).

При обработке данного материала было использовано несколько методов:

- 1) методика технико-технологического анализа;
- 2) естественно-научные методы: термическая обработка, метод бинокулярной микроскопии, химический рентгенофлуоресцентный анализ, макроскопический анализ¹.

Ниже представлены полученные нами результаты.

Используя методику *технико-технологического анализа* (разработана А.А. Бобринским и Ю.Б. Цетлиным), определялись технологические признаки: уровень РФК, вид начина, программа и конструирование полого тела, способы дополнительной обработки поверхности изделия [1, с. 114–241; 9, с. 49–126].

Прежде чем перейти к технической характеристике изделий, необходимо было определить состав формовочной массы (исходное глинистое сырье, естественные и искусственные примеси).

В качестве пластичного сырья гончары применяли глины, которые использовались во влажном состоянии. Для определения степени ожелезненности природного глинистого сырья был произведен *обжиг в муфельной печи* (по методике Ю.Б. Цетлина) 39 фрагментов керамики, которые после обжига приобрели кирпично-красный цвет [8, с. 422]. Таким образом, для всех изделий была использована железосодержащая глина (рис. 1 / 1–2, 8–9, 12).

Для анализа исходного глинистого сырья и входящих в состав формовочной массы примесей был использован *метод бинокулярной микроскопии*².

В изученных образцах присутствует мелкий пылевидный песок, сочетающийся с отдельными крупными окатанными частицами; мелкий и среднезернистый песок окатанный песок (рис. 2/1, 4); просматриваются мелкая рельефность и зернистость излома. Практически во всех образцах глина среднезапесоченная.

Метод бинокулярной микроскопии позволил определить более полно минералогический состав глин. Ниже в таблице 3 представлен перечень примесей в некоторых керамических образцах. Во всех рассмотренных образцах глина красная, железосодержащая.

Данные включения хорошо просматриваются на сделанных макрошлифах (рис. 2).

Примеси в керамических образцах

Группа керамики / шифр образца	Примеси	№ рисунка
Красноглиняная		
<i>Ленная</i>		
Стенка сосуда кв. 4, уч. 2, пл. 2	Органические включения Карбонаты Оксиды алюминия Известковые включения (мало) Кристаллы кварцевого песка Каолин (оксиды Al + оксиды Si)	2/1
<i>Гончарная</i>		
Венчик горшка D-1, 3/6	Кварцевый песок Каолин Органические включения	2/3
Венчик горшка D-1, 3/6	Красный железняк Кристаллы кварцевого песка Органические включения	2/2
<i>Поливная</i>		
Венчик сосуда б/ш	Кварцевый песок Красный железняк	2/4
Мореная		
Крышка С-8, 3	Графитовые включения Оксиды кремния Оксиды алюминия Кристаллы кварцевого песка	2/5
Чернолощеная		
Венчик сосуда 3, Я-1	Кристаллы кварцевого песка Известковые включения Крупинки оксида кремния Каолин	2/8
Венчик сосуда С-8, 3	Красный железняк Оксиды кремния Каолин Карбонатные включения	2/6
Венчик кувшина В-2, 3/4	Кристаллы кварцевого песка Карбонатные включения Красный железняк Органические включения (немного)	2/7

В качестве естественных примесей в 34 образцах (87,2 %) присутствуют включения красного железняка, известковой крошки, органические включения, окатанный разнокалиберный, многоцветный кварцевый песок, каолин, в незначительном количестве оксиды меди (возможно, попали случайно). В качестве искусственных примесей зафиксированы в 4 образцах (10,25 %) песок, в 1 образце (2,56 %) – шамот.

В рассмотренных материалах можно выявить 1 простой и 2 сложных рецепта формовочных масс:

1) простой: глина без искусственных примесей (46,82 %);

2) сложные: глина + песок (10,25 %); глина + шамот (2,56 %).

Как видим, в среде гончаров имел массовое распространение прием изготовления керамики из одной глины – среднезапесоченной ожелезненной без искусственных добавок. Наличие естественных примесей красного железняка, известковой крошки, каолина, органические включения,

а также концентрация естественного кварцевого песка позволяют предположить использование гончарами как минимум 4–5 разных сырьевых источников.

Данный вывод подтверждают результаты, полученные в ходе *химического рентгенофлуоресцентного анализа (РФА)*³.

Метод РФА использован для получения более полной информации об исходном глинистом сырье, так как в данном случае определяется химический состав глин (табл. 4).

Проанализировав данные химического анализа, мы видим, что глины по составу идентичны и представлены одной группой – кремнеземные: в них больше оксида кремния SiO₂, а по содержанию глинозема (Al₂O₃) они тощие.

В представленных образцах содержание SiO₂ колеблется в пределах от 30 до 68 %, Al₂O₃ – от 2 до 6 %, Fe₂O₃ – 20–30 %. Данный вывод позволяет предположить, что гончары селища использовали как минимум 4–5 разных сырьевых источника.

Таблица 4

Химический состав глин по данным рентгенофлуоресцентного анализа

№ п/п	Шифр образца/ Группа керамики	Элемент %										Глина					
		SiO ₂	Fe ₂ O ₃	Al ₂ O ₃	Na ₂ O	TiO ₂	FeS	MgCO ₃	SnO ₂	PbO							
	Красноглинная																
1	Стенка сосуда, кв. 4, уч. 2, пл. 2	58,06	26,78	4,34	5,02	1,39											тощая кремнеземная
2	Стенка сосуда, В-1, 4	57,25	27,45	5,57	3,43	2,95	1,03				0,37						тощая кремнеземная
	Гончарная																
3	Венчик горшка, D-1, 3/6	67,73	22,02		4,03	1,91	1,51				1,01						тощая кремнеземная
4	Венчик горшка, C-2, 3/3	67,07	22,47	4,29	1,06	2,13	0,85				0,51						тощая кремнеземная
5	Венчик горшка, E-1, 9	61,56	21,85	5,67	1,61												тощая кремнеземная
6	Дно сосуда, E-1, 5-6	59,98	27,55		5,51	1,67	2,20										тощая кремнеземная
7	Дно сосуда, 3, Я-1	53,62	24,45	4,48	2,13	4,54	7,88										тощая кремнеземная
8	Венчик горшка, D-1, 3/6	45,61	27,08	2,31	15,99	2,00	5,19										тощая кремнеземная
	Полевая																
9	Венчик миски, б/п	30,42	25,17	2,97		2,82	29,17				0,49						тощая кремнеземная
	Мореная																
10	Венчик горшка, бровка 1, Б1-В2, 3	63,45	25,79		4,01	2,01	1,02				0,79						тощая кремнеземная
11	Крышка, C-8, 3	59,17	28,27	3,77	3,10	1,87					0,29						тощая кремнеземная
12	Венчик горшка, кв. 9, пл. 3	57,38	20,02	2,45		2,13	2,21				0,56						тощая кремнеземная
	Чернолощенная																
13	Венчик сосуда, 3, Я-1	60,32	29,14		5,01	2,49	1,13				0,33						тощая кремнеземная
14	Венчик сосуда, C-8, 3	54,72	30,81	3,94	4,65	1,98	1,48				0,35						тощая кремнеземная
15	Венчик кувшина, В-2, 3/4	43,94	32,73	2,23	7,82	1,97	6,80				0,50						тощая кремнеземная

Для более полной характеристики макроструктуры изделий был проведен *макроскопический анализ*, цель которого:

- определить макроструктуру изделия (его зернистость);
- определить пористость изделия (форма, глубина пор, их внутренняя структура);
- проследить форму и состав включений (макрошлиф четко показывает форму кристаллов песка, красного железняка и др.);
- определить структурные несовершенства (дефекты, трещины).

На наш взгляд, у большинства рассмотренных образцов зернистость средняя. В некоторых образцах четко просматриваются крупные «глубокие» поры, рядом с которыми фиксируются кристаллы кварцевого песка или красного железняка.

Таким образом, используя результаты естественно-научных методов, мы более точно определили состав формовочной массы (исходное глинистое сырье, естественные и искусственные примеси) изделий памятника «Старая Самара. Деревянные сооружения, возведенные не позднее середины XIX в.». Гончары использовали тощие кремнеземные глины как минимум из 4–5 сырьевых источников. Хотя более 85 % гончаров изготавливали керамику из одной глины (запасоченной ожелезненной без искусственных добавок), в качестве искусственных примесей фиксируются песок и шамот.

Во всех рассмотренных образцах железосодержащие глины различаются только по содержанию естественных и искусственных примесей. Подобная однородность образцов обусловлена единством территории: образцы археологической керамики изготовлены из глин одного территориального происхождения (Самарское Поволжье).

Далее мы переходим к технической характеристике изделий, используя методику *технико-технологического анализа*.

Из 39 изученных керамических образцов донцев сосудов 10. Исследование днищ сосудов выявило *донно-емкостную* программу конструирования начинов. Все начинны составные, неполные, сконструированы спиральным налепом из жгутов. Высота начинов колеблется от 1,5 до 3,0 см. С внешней стороны придонная часть сосудов могла быть заглажена рукой или деревянным ножом. На поверхности днищ фиксируются бортик, подсыпка песка, следы срезания.

На изученных образцах выделен один способ конструирования полого тела: спиральный налеп из жгутов.

Выделяются следующие уровни развития функций круга (РФК). Керамика с признаками РФК-1(2): лепная керамика, представленная 2 фрагментами стенок красноглиняных толсто-стенных сосудов (рис. 1/1). Керамика с признаками РФК-3(4): круг используется для профилирования

основной части емкости, начин и полое тело сконструированы навыками скульптурной лепки [1, с. 27, 51]. В обработанной коллекции – это красноглиняная керамика (рис. 1/6). Керамика с признаками РФК-5: круг используется для заглаживания, профилирования, частичного конструирования полого тела путем вытягивания глины, из которой предварительно навыками скульптурной лепки образована часть полого тела и начин [1, с. 27, 55]. Это красноглиняная, мореная и чернолощенная керамика (рис. 1/3–4, 8–12).

Обработанный материал позволяет говорить, что гончары применяли следующие способы обработки поверхности:

- заглаживание (деревянным ножом, пальцами) и лощение (по подсушенной поверхности). Лощение нанесено в виде косой сетки, «зигзага», вертикальных и горизонтальных полос, сплошное (небрежное) (рис. 1/8–10).

- глазурирование. В обработанной серии присутствует фрагмент красноглиняного изделия, покрытого поливой коричневого цвета без ангобной подгрунтовки (рис. 1/7).

Орнамент встречен на нескольких фрагментах: врезные горизонтальные линии (рис. 1/10, 13).

Для придания сосудам прочности гончары использовали горячие способы, то есть они выдерживали сосуды при температурах каления (выше 650–700°) [9, с. 118–119].

Изучение образцов показало, что в среде гончаров были распространены два направления представлений об обжиге как особой технологической процедуре:

- 1) частично сформированное: фиксируется по изделиям, испытавшим неполное действие температур каления глины, что ведет к образованию трехслойной или двухслойной окраски изломов;

- 2) полностью сформированное: фиксируется по целиком прокаленным изделиям [2, с. 102–105].

Причем данная выборка показывает преобладание второго направления: у 23 фрагментов (58,9 % от общего числа изученных образцов) обжиг сквозной и равномерный. Это красноглиняная, мореная и чернолощенная керамика (рис. 1/7–13). Остальные фрагменты имеют в изломе черепка темные прослойки (с четкой или размытой границей), что является признаком неполного прокаливания⁴.

Среди гончаров были распространены:

- обжиг в окислительной среде (с доступом кислорода) – 51,3 % керамики (20 фр., цвет черепка колеблется от кирпично-красного до серо- и темно-коричневого) (группы керамики 1–3);

- с ограниченным доступом воздуха (чернение) – 48,7 % керамики (19 фр., цвет черепка однотонно темный (черный или серый) с серым цветом излома) (группы керамики 4–5).

Но пока не проведены дополнительные исследования, мы не можем сказать точно, при какой

именно температуре обжигалась керамика, полученная с данного археологического памятника.

Мы предполагаем, что сосуды могли быть обожжены в специальных печах для обжига керамики или в горновых устройствах. Данное предположение не противоречит выводам Р.С. Кирсанова [6, с. 156–164].

Итак, проведенный технико-технологический анализ керамической коллекции 2017 г. показал неоднородность трудовых навыков среди самарских гончаров.

Кратко остановимся на времени бытования проанализированной керамики 1–5 групп, основу ассортимента которых составляют кувшины (рис. 2/7), кухонные горшки (рис. 1/2–6, 12), корчаги (рис. 1/9, 11–12), миски (рис. 1/7–8), крышки (рис. 1/13).

1. Красноглиняную лепную керамику, представленную единичными фрагментами стенок сосудов (один из них с примесью шамота), возможно связать с мордовским населением [4, с. 149].

2. Красноглиняные изделия (кухонные горшки) аналогичны московским сосудам XVII в. (тип VIII) [5, с. 427, рис. 7], верхнеокскими сосудами (XVI–XVIII вв.) (типы ЕЗ, И К) [3, с. 151, рис. 2/9–11; 2/17; 2/18].

3. Красноглиняная поливная (миска со сливом) керамика появляется в большом количестве в XVII–XVIII вв., также встречается в XIX в. [7, с. 48–55].

4. Мореные изделия (горшки, корчаги, крышки) аналогичны московским изделиям XVII–XVIII вв. (типы V, VIII) [5, с. 427, рис. 7]. По мнению Р.Л. Розенфельдта, в русских городах мореная керамика получает массовое распространение в XVIII в. [7, с. 28].

5. Чернолощенная керамика (кувшин, корчаги, миска) аналогична московской керамике XVII–XVIII вв. (тип V) [5, с. 427, рис. 7]. Скорее всего, была залощена только верхняя часть сосудов, а придонная часть была оставлена без лощения. Такой способ лощения характерен для XVIII в. Некоторые горшки по характеру разреженного лощения, иногда в косую сетку, можно датировать второй половиной XVII – началом XVIII вв. [7, с. 29, 38, табл. 13/6е]. Миски, аналогичные «самарской», бытовали в Москве в XVII в. [7, с. 34, табл. 12/3].

Необходимо отметить, что «самарские» сосуды находят аналогии в материалах, полученных при раскопках поселков конца XVII–XVIII вв. Шигоны III и Рождествено I (Самарское Поволжье) [6, с. 153–185].

Итак, в результате проведенных технико-технологического и естественно-научных анализов керамического материала мы получили более подробную информацию о технологических особенностях изготовления «самарской» глиняной посуды. Время ее бытования, судя по аналогиям,

XVII–XVIII вв. и XIX в., что совпадает с временем существования самого памятника (начало XVIII – начало XIX вв.).

В рассматриваемый временной период самарское гончарство было уже ремесленным производством, а традиции местных мастеров похожи на традиции гончаров других русских центров.

Примечания

¹ Исследования с применением всех естественно-научных методов были проведены в лаборатории Поволжского государственного технического университета д-ром техн. наук, профессором С.Я. Алибековым.

² Для данного анализа были использованы микроскоп МБС-2, цифровой USB-микроскоп «Микрон-500», цифровая видеокамера.

³ Для данного анализа использован портативный рентгенофлуоресцентный спектрометр (анализатор) S1 TINAN Series.

⁴ Но эти цифры – это результаты только для данной выборки. Поэтому полученный вывод автоматически переносить на всю коллекцию керамики будет некорректно.

Библиографический список

1. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 278 с.
2. *Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). – Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. – 233 с.
3. *Болдин И.В.* Круговая керамика Верхнего Поволжья и политическая история региона: опыт сопоставления // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. – М.: ИА РАН, 2010. – С. 144–152.
4. *Васильева И.Н., Салугина Н.П.* Некоторые итоги изучения древнего и средневекового гончарства в Самарском Поволжье // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции: сборник / отв. ред. Л.Н. Кузнецова. – Самара: ООО «Офорт», 2010. – С. 135–154. – (Краеведческие записки. Вып. XV).
5. *Векслер А.Г., Гусаков М.Г., Беркович В.А.* К вопросу о хронологии московской керамики (по материалам раскопок на Садовнической набережной в 1989 году) // Археология Подмоскovie: материалы науч. семинара. – М.: Институт археологии РАН, 2012. – Вып. 8. – С. 421–430.
6. *Кирсанов Р.С.* Гончарство населения Самарского Поволжья в конце XVII–XVIII вв. // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. – М.: ИА РАН, 2010. – С. 153–185.
7. *Розенфельдт Р.Л.* Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. В. Е 1-39. – М.: Изд-во «Наука», 1968. – 124 с.

8. *Цетлин Ю.Б.* Об определении степени оже-лезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья. – Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2006. – Вып. 4. – С. 421–425.

9. *Цетлин Ю.Б.* Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2012. – 430 с.

10. *Шмелев Д.Д.* Технический отчет о выполненных археологических работах (раскопках) на объекте археологического наследия «Старая Самара. Деревянные сооружения, возведенные не позднее середины XIX века», расположенного по адресу: г. Самара, Самарский район, площадь Хлебная // Архив АНО «НИЦ». – Саратов, 2017. – 346 с.

References

1. Bobrinskij A.A. Goncharstvo Vostochnoj Evropy: Istochniki i metody izucheniya. – М.: Nauka, 1978. – 278 s.

2. Bobrinskij A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya // Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva (kollektivnaya monografiya). – Samara: Izd-vo SamGPU, 1999. – 233 s.

3. Boldin I.V. Krugovaya keramika Verhnego Pooch'ya i politicheskaya istoriya regiona: opyt sopostavleniya // Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya. – М.: IA RAN, 2010. – С. 144–152.

4. Vasil'eva I.N., Salugina N.P. Nekotorye itogi izucheniya drevnego i srednevekovogo goncharstva

v Samarskom Povolzh'e // 40 let Srednevolzhskoj arheologicheskoy ehkspedicii: sbornik / otv. red. L.N. Kuznecova. – Samara: ООО «Ofort», 2010. – С. 135–154. – (Kraevedcheskie zapiski. Vyp. XV).

5. Veksler A.G., Gusakov M.G., Berkovich V.A. K voprosu o hronologii moskovskoj keramiki (po materialam raskopok na Sadovnicheskoy naberezhnoj v 1989 godu) // Arheologiya Podmoskov'ya: materialy nauch. seminar. – М.: Institut arheologii RAN, 2012. – Вып. 8. – С. 421–430.

6. Kirsanov R.S. Goncharstvo naseleniya Samarskogo Povolzh'ya v konce XVII–XVIII vv. // Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya. – М.: IA RAN, 2010. – С. 153–185.

7. Rozenfel'dt R.L. Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVIII vv. // Arheologiya SSSR. Svod arheologicheskikh istochnikov. V. E 1-39. – М.: Izd-vo «Nauka», 1968. – 124 s.

8. Cetlin YU.B. Ob opredelenii stepeni ozheleznenosti iskhodnogo syr'ya dlya proizvodstva glinyanoy posudy // Voprosy arheologii Povolzh'ya. – Samara: Izd-vo «Nauchno-tekhnicheskij centr», 2006. – Вып. 4. – С. 421–425.

9. Cetlin YU.B. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podhoda. – М.: IA RAN, 2012. – 430 s.

10. SHmelev D.D. Tekhnicheskij otchet o vypolnennykh arheologicheskikh rabotah (raskopkah) na ob'ekte arheologicheskogo naslediya «Staraya Samara. Derevyannye sooruzheniya, vozvedennye ne pozdnee serediny XIX veka», raspolozhennogo po adresu: g. Samara, Samarskij rajon, ploschad' Hlebnaya // Arhiv ANO «NIC». – Саратов, 2017. – 346 с.

Ибнеева Гузель Вазыховна

доктор исторических наук
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
guzel.ibneyeva@yandex.ru

Лебедева Анастасия Игоревна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
performance0707@mail.ru

СУБЪЕКТЫ КОЛОНИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ЗА РУБЕЖОМ В 1762–1766 ГГ.: СТРУКТУРА И ИЕРАРХИЯ

В данной статье рассматривается проблема формирования системы представителей Российской империи за рубежом, решавших задачи колонизационной политики правительства. На основании архивных источников авторы выделяют категории российских агентов, выполнявших функции вербовки и отправки иностранцев в Россию для освоения незаселенных территорий. В статье исследуются характерные особенности процесса разграничения должностных полномочий проводников колонизационной политики. Авторы приходят к выводу, что складывание административной структуры, ответственной за привлечение потенциальных колонистов и их перевоз в Россию, сталкивалось с определенными трудностями. Подобные препятствия отразились как на самом механизме вызова иностранцев, так и на структуре системы российских агентов колонизационной политики за границей.

Ключевые слова: колонизация, вызыватели, вербовка колонистов, императрица Екатерина II, колонизационная политика, агитаторы, комиссары, посланники.

В XVIII столетии в связи с расширением границ Российской империи возникает острая необходимость политической и социально-экономической интеграции новых территорий в состав государства. Учитывая факт отсутствия рынка свободной рабочей силы по причине нахождения крестьян в крепостной зависимости, перед российской властью встает вопрос о необходимости привлечения иностранцев для освоения пустующих земель. Законодательная основа реализации колонизационной политики была создана правительством Екатерины II в начале 60-х гг. XVIII в. Вместе с тем механизм привлечения колонистов, без которого дальнейшие планы заселения и интегрирования новых территорий теряли всякий смысл, находился на стадии формирования.

На этапе становления в 1760-х гг. находился и корпус агентов Российской империи за границей, непосредственно выполнявших функции привлечения и отправки иностранцев в Россию. Именно поэтому становится неизбежным решение проблемы установления соподчиненности в этой структуре, а также точного определения обязанностей проводников колонизационной политики в иностранных государствах.

Под субъектами колонизационной политики в данной статье понимаются государственные организации, должностные лица, а также иностранные граждане, вступившие в договорные отношения с представителями Российской империи за рубежом, задача которых заключалась в привлечении и отправке потенциальных колонистов в Россию.

Объектами же, в свою очередь, выступают непосредственно потенциальные колонисты. Однако в ряде случаев они могут рассматриваться одновременно и объектами, и субъектами колонизаци-

онной политики (например, при заключении договора на переселение или оформлении расписки в получении денег на проезд в Россию).

Цель данной статьи – реконструировать структуру и иерархию проводников колонизационной политики Российской империи за рубежом в 1760-е гг.

Первым законодательным актом, разрешавшим иностранцам («кроме жидов») и бежавшим из России переселение в Россию, стал манифест от 4 декабря 1762 г. [16]. Однако он представлял собой лишь декларацию намерений российской власти по привлечению потенциальных колонистов.

Законодательной же базой политики по привлечению иностранных колонистов стали два важнейших акта от 22 июля 1763 г.: манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» [15] и указ «Об учреждении Канцелярии опекунства иностранных колонистов» [17].

Данными законодательными актами российское правительство гарантировало всем иностранцам комплексную поддержку и всестороннюю помощь в деле переселения их в Россию. В них озвучивались льготы для обосновавшихся в России колонистов, устанавливались условия их пребывания на новых территориях, а также определялся статус переселенцев.

Несмотря на то, что манифест 22 июля 1763 г. не содержал конкретных рекомендаций, направленных на решение основных задач колонизационной политики, данный законодательный акт выполнил свою функцию по привлечению внимания потенциальных колонистов и стал катализатором формирования административной системы, занимающейся приглашением и переселением иностранцев в Россию.

Выход вышеозначенных документов стал точкой отсчета в процессе складывания иерархии субъектов колониционной политики. Именно с этого времени начался процесс выработки их должностных полномочий.

В связи с тем, что созданная Канцелярия опекунства иностранных не имела представительств за границей, становится актуальным вопрос о формировании структуры зарубежных агентов [16, с. 312]. Первоначальными субъектами, на которых была возложена обязанность по распространению содержания манифеста 22 июля 1763 г. и приглашению колонистов, были определены дипломатические представители Российской империи за рубежом. Среди них – посланник И.М. Симолин в Регенсбурге, посланник А.С. Мусин-Пушкин в Гамбурге и т. д.

Следует отметить, что Канцелярия опекунства иностранных не имела полномочий отдавать указания напрямую дипломатическим посланникам за рубежом. Исходя из этого, практически все сношения с ними осуществлялись посредством Государственной коллегии иностранных дел. Деятельность дипломатических агентов в вопросах, связанных с колонистами, курировал вице-канцлер А.М. Голицын [13, л. 65].

Для того чтобы определить полномочия посланников и уточнить порядок действий в деле привлечения потенциальных колонистов, Коллегия иностранных дел в августе и ноябре 1763 г. отправила российским дипломатическим агентам ряд циркулярных рескриптов. Они являли собой руководство по набору и отправке колонистов, то есть устанавливали процедуру переселения [20, л. 571].

Вместе с тем дипломатические посланники за границей сталкивались с определенными трудностями в выполнении возложенных на них обязанностей. Во-первых, далеко не во всех государствах Западной Европы правители благосклонно относились к оттоку местного населения в другие страны, и деятельность посланников могла стать причиной ухудшения отношений между государствами.

Во-вторых, круг задач, которые решали дипломатические агенты, был достаточно широк, и в ряде случаев они не всегда имели возможность уделять должное внимание вопросам, связанным непосредственно с вербовкой потенциальных колонистов.

В-третьих, дипломатические агенты были ограничены в средствах реализации возложенных на них задач. Основным каналом трансляции содержания манифеста о приглашении иностранцев в Россию являлись средства массовой информации. Однако публикация в местных газетах данного законодательного акта не решала вопрос о вербовке крестьян (а именно в «хлебопашцах» остро нуждалась Российская империя [14, л. 68 об.]), поскольку подавляющая часть сельских жителей не читала газет в силу своей безграмотности.

Определенные пути решения данной проблемы поступали со стороны российских дипломатов. Так, посланник в Гамбурге А.С. Мусин-Пушкин выдвинул предложение нанимать специальных агитаторов из местного населения, задача которых заключалась бы в распространении содержания манифеста 1763 г. среди крестьян. Канцелярия опекунства иностранных данную идею одобрила, поскольку использование агитаторов, с одной стороны, решало проблему информирования сельского населения о возможностях переселения в Россию и предоставляемых им льготах, а с другой стороны, не ставило под удар российских представителей за границей [18, л. 2].

Выполнять функции агитаторов изъявило желание большое количество местных жителей. В течение осени – зимы 1763 г. к А.С. Мусину-Пушкину в Гамбурге, а также к И.М. Симолину в Регенсбурге приходили представители различных слоев общества: крестьяне, отставные офицеры и т. д. [10, л. 12].

Вместе с тем взаимодействие агитаторов и российских посланников не вписывалось в основной круг должностных обязанностей последних. Потенциально это могло быть расценено местными властями как вмешательство во внутренние дела. Для того, чтобы разрешить подобную противоречивую ситуацию, по предложению посланника И.М. Симолина учреждались должности комиссаров в Любеке (весной 1764 г.), Ульме (весной 1765 г.) и Франкфурте-на-Майне (весной 1765 г.) [11, л. 1].

Принятое решение формировать состав комиссаров из местных жителей позволяло решать одновременно несколько задач. Во-первых, таким образом практически исключалась возможность заподозрить дипломатических агентов в вербовке иностранцев, поскольку в их обязанность теперь не входило распространение содержания манифеста и согласования с агитаторами. Во-вторых, уровень доверия сельских жителей к комиссарам из местного населения был выше, чем к должностным лицам из других государств. Благодаря этому увеличивалась возможность привлечения к переселению большего числа людей.

В вопросе, связанном с полномочиями комиссаров, ключевую роль играет «Инструкция для императорских комиссаров», составленная И.М. Симолиным. Данный документ определял границы компетенции комиссаров [5, л. 52]. В обязанности комиссаров не входила непосредственная деятельность по вербовке потенциальных переселенцев. Данная задача была возложена на агитаторов, с которыми комиссары заключали договоры. Сумма вознаграждения агитаторов была прямо пропорциональна количеству привлеченных к переселению семей.

Прямыми же обязанностями комиссаров являлось осуществление отбора среди завербованных

агитаторами иностранцев наилучших претендентов на переселение и организация отправки колонистов в Россию [5, л. 55].

Осознавая, что вызов и отправка колонистов в Россию является дорогостоящим предприятием, власть призывала комиссаров действовать крайне аккуратно в выдаче денег иностранцам и настаивала на том, чтобы их деятельность основывалась на «экономии и бережливости» [5, л. 57].

Таким образом, на комиссаров возлагалась обязанность посредников между агитаторами, работающими непосредственно с сельским населением, и дипломатическим посланниками, отвечающими за создание общих условий для отправки завербованных иностранцев в Россию.

Особое внимание в инструкции, составленной И.М. Симолиным уделялось методам, к которым комиссары были вправе прибегать при выполнении своих функций. В документе подчеркивалось, что для избегания конфликтов с местными властями действовать комиссарам следовало крайне осмотрительно. Ведь нарушение местного законодательства могло негативно отразиться на вызове колонистов в целом.

Таким образом, в инструкции достаточно четко прописывались обязанности комиссаров, а также давались конкретные рекомендации относительно методов решения, возложенных на них задач.

Помимо дипломатических агентов, участвовавших в реализации колонизационной политики за рубежом, действовали второстепенные эмиссары-вербовщики. В отличие от агитаторов данная группа состояла из уже завербованных колонистов. Они были в полной мере осведомлены относительно условий и процедуры переселения в Россию, и поэтому их агитация среди крестьян была результативна.

Другим важным субъектом колонизационной политики Екатерины II за рубежом, судя по промемории из Канцелярии опекунства иностранных в Коллегию иностранных дел от 11 июня 1765 г., являлись частные вызыватели [3, л. 344]. Они заключали контракт непосредственно с Канцелярией опекунства иностранных. В то же время деятельность данной группы лиц курировалась дипломатическими посланниками.

Следует отметить, что состав вызывателей и их деятельность временами вызывали неприятие дипломатов. В процессе знакомства с делопроизводственными документами были обнаружены свидетельства, связанные с критическими суждениями И.М. Симолина в отношении частных вызывателей. Во-первых, в письме к вице-канцлеру Голицыну от 3 мая 1764 г. Симолин ставит вопрос о невозможности установить репутацию подобных вызывателей, в результате чего сложно сформировать мнение об их благонадежности и порядочности.

Во-вторых, в реляции от сентября 1765 г. И.М. Симолин указывает на недостойное и преступное поведение представителей данной группы [4, л. 41–48 об]. При этом Симолин, видимо, полагал, что дипломатический корпус должен был иметь возможность контролировать и влиять на деятельность вызывателей [2, л. 254].

Показательными в данном контексте являются взаимоотношения российской власти с вызывателем бароном К. де Борегардом, продолжавшим набор колонистов в 1766 г., когда он был официально приостановлен. Подобные действия со стороны Борегарда осложняли и без того непростые отношения комиссаров и дипломатических агентов с главами немецких земель, где шел основной набор колонистов [1, л. 69]. Кроме того, мотивом частных вызывателей в их деятельности по контракту с Канцелярией опекунства иностранных выступало лишь денежное вознаграждение, которое напрямую зависело от количества набранных иностранцев. В связи с этим данные субъекты колонизационной политики не делали различий в набираемых людях, записывая в колонисты зачастую неблагонадежных иностранцев [9, л. 215].

Вопрос о целесообразности обращения к услугам частных вызывателей вызывал дискуссии между комиссарами, дипломатическими посланниками и Канцелярией опекунства иностранных [6, л. 321]. С одной стороны, деятельность данной группы агентов зачастую наносила непоправимый ущерб репутации посланников как представителей Российской империи за рубежом, а также самому делу вызова колонистов [7, л. 67]. С другой стороны, частные вызыватели обладали свободой действий в иностранных государствах и имели возможность действовать намного активнее по сравнению с другими субъектами колонизационной политики. Исходя из вышесказанного, обращение к услугам данной категории агентов представляется в достаточной степени обоснованным на этапе формирования механизма привлечения и отправки иностранных переселенцев в Российскую империю.

Особую группу должностных лиц, принимавших участие в колонизационной политике за рубежом, составляют переводчики. Судя по делопроизводственной документации, отложившейся в АВПРИ и РГАДА, на переводчиков накладывалась важная функция финансовой отчетности [19, л. 26]. Они являлись своеобразными счетоводами, ведущими учет денежных средств, которые тратились на выдачу вознаграждения агитаторам, частным вызывателям, кормовых денег колонистам, оплату места их проживания, а также транспорта в Россию [7, л. 68].

Кроме того, переводчики выступали своеобразными осведомителями Коллегии иностранных дел и Канцелярии опекунства иностранных в вопросах реализации намеченных задач колонизационной политики. В рапортах и доношениях переводчи-

ков И. Вихляева и И. Нилуса, во-первых, представлялся отчет о потраченных на вызов колонистов средствах (причем сами они непосредственно вербовкой не занимались) [7, Л. 69 об.], и, во-вторых, высказывалось их собственное мнение относительно процесса реализации переселенческой политики за рубежом, акцентируя внимание на проблемных вопросах [8, л. 198]. Отсутствие фиксации конкретных полномочий переводчиков свидетельствует о том, что механизм вызова и отправки колонистов в первые пять лет после выхода манифеста 1763 г. лишь начинал формироваться.

Исходя из вышесказанного, встает вопрос об иерархии в структуре субъектов, принимающих непосредственное участие в реализации колониционной политики за рубежом.

В 1760-х гг. Канцелярия опекунства иностранных находилась в прямом подчинении у императрицы. Взаимоотношения нового органа с Коллегией иностранных дел, вероятно, можно считать равноправными. Большое число промеморий, отправляемых из Коллегии иностранных дел в Канцелярию опекунства иностранных свидетельствует об их активном сотрудничестве в деле выработки механизма и структуры формирования субъектов колониционной политики за границей. Вместе с тем стоит отметить, что основным предметом делопроизводственной переписки между данными организациями являлись финансовые вопросы.

Ввиду отсутствия представительств Канцелярии опекунства иностранных за рубежом и использования в качестве первых проводников колониционной политики в иностранных государствах дипломатических посланников, особая роль в решении задач по вызову и отправке потенциальных колонистов принадлежала Коллегии иностранных дел. В ее прямом подчинении находились дипломатические агенты Российской империи в иностранных государствах. Спектр их полномочий был достаточно широк. Они курировали деятельность комиссаров, основной функцией которых являлось посредничество между агитаторами, занимающимися непосредственно вербовкой сельских жителей, и дипломатическими посланниками.

Второстепенные эмиссары-вербовщики и частные вызыватели заключали контракт напрямую с Канцелярией опекунства иностранных. Вместе с тем на местах (за границей) их деятельность контролировалась дипломатами. Переводчики, являясь чиновниками дипломатического корпуса, были подконтрольны Коллегии иностранных дел. В то же время они вступали в прямую делопроизводственную переписку и с Канцелярией опекунства иностранных, и с дипломатическими агентами, и с комиссарами.

Таким образом, изучая структуру и компетенцию субъектов колониционной политики Российской империи за рубежом в 1762–1767 гг.,

можно отметить следующие проходившие в ней процессы. Во-первых, начинается выработка механизма вызова и отправки потенциальных колонистов в Россию. Во-вторых, происходит становление административной структуры, выполняющей функции, связанные с вербовкой и переселением иностранных колонистов. В-третьих, постепенно разграничиваются обязанности субъектов колониционной политики за рубежом, наполнение их полномочий. Процесс формирования системы агентов колонизации будет прерван в 1767 г. и возобновится несколько позднее. Однако проделанная работа в период с 1763 по 1767 гг. в деле выработки процедуры вербовки и отправки иностранных переселенцев в Россию стала основой для дальнейшего складывания механизма реализации колониционной политики за границей.

Библиографический список

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). – Ф. 2. – Оп. 6 (2). – Д. 4272. – Л. 69.
2. АВПРИ. – Ф. 2. – Оп. 6 (2). – Д. 4272. – Л. 254–261 об.
3. АВПРИ. – Ф. 2. – Оп. 6 (1). – Д. 4272. – Л. 344.
4. АВПРИ. – Ф. 2. – Оп. 6 (2). – Д. 4273. – Л. 41–48 об.
5. АВПРИ. – Ф. 2. – Оп. 6 (2). – Д. 4273. – Л. 52.
6. АВПРИ. – Ф. 2. – Оп. 6 (2). – Д. 4273. – Л. 321.
7. АВПРИ. – Ф. 2. – Оп. 2 (2). – Д. 4274. – Л. 67–69 об.
8. АВПРИ. – Ф. 2. – Оп. 2 (2). – Д. 4274. – Л. 198.
9. АВПРИ. – Ф. 2. – Оп. 2 (2). – Д. 4274. – Л. 215–216 об.
10. АВПРИ. – Ф. 2. – Оп. 6 (1). – Д. 4276. – Л. 12.
11. АВПРИ. – Ф. 33. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 1.
12. АВПРИ. – Ф. 33. – Оп. 2. – Д. 13. – Л. 15.
13. АВПРИ. – Ф. 33. – Оп. 2. – Д. 13. – Л. 65.
14. АВПРИ. – Ф. 33. – Оп. 2. – Д. 13. – Л. 68 об.
15. О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах, 22 июля 1763 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Т. 16. – № 11880. – С. 313–316.
16. О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу, 4 декабря 1762 г. // Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. 16. – № 11720. – С. 126–127.
17. Об учреждении Канцелярии опекунства иностранных колонистов, 22 июля 1763 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Т. 16. – № 11879. – С. 312–313.
18. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 283. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 2.
19. РГАДА. – Ф. 283. – Оп. 1. – Д. 61. – Л. 26.
20. Разъяснение о порядке вызова в Россию иностранных переселенцев: циркулярный рескрипт:

(12 августа 1763 г.) // Сборник Русского исторического общества. – 1886. – Т. 48. – С. 571–572.

References

1. Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI). – F. 2. – Op. 6 (2). – D. 4272. – L. 69.
2. AVPRI. – F. 2. – Op. 6 (2). – D. 4272. – L. 254–261 ob.
3. AVPRI. – F. 2. – Op. 6 (1). – D. 4272. – L. 344.
4. AVPRI. – F. 2. – Op. 6 (2). – D. 4273. – L. 41–48 ob.
5. AVPRI. – F. 2. – Op. 6 (2). – D. 4273. – L. 52.
6. AVPRI. – F. 2. – Op. 6 (2). – D. 4273. – L. 321.
7. AVPRI. – F. 2. – Op. 2 (2). – D. 4274. – L. 67–69 ob.
8. AVPRI. – F. 2. – Op. 2 (2). – D. 4274. – L. 198.
9. AVPRI. – F. 2. – Op. 2 (2). – D. 4274. – L. 215–216 ob.
10. AVPRI. – F. 2. – Op. 6 (1). – D. 4276. – L. 12.
11. AVPRI. – F. 33. – Op. 1. – D. 16. – L. 1.
12. AVPRI. – F. 33. – Op. 2. – D. 13. – L. 15.
13. AVPRI. – F. 33. – Op. 2. – D. 13. – L. 65.
14. AVPRI. – F. 33. – Op. 2. – D. 13. – L. 68 ob.

15. O dozvolenii vsem inostrancam, v Rossiyu v"ezzhayushchim, poselyat'sya v kotoryh guberniyah oni pozhelayut i o darovannyh im pravah, 22 iyulya 1763 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. – T. 16. – № 11880. – S. 313–316.

16. O pozvolenii inostrancam, krome zhidov, vyhodit' i selitsya v Rossii i svobodnom vozvrashchenii v svoe otechestvo russkih lyudej, bezhavshih za granicu, 4 dekabrya 1762 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. – SPb., 1830. – T. 16. – № 11720. – S. 126–127.

17. Ob uchrezhdenii Kancelyarii opekunstva inostrannyh kolonistov, 22 iyulya 1763 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. – T. 16. – № 11879. – S. 312–313.

18. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA). – F. 283. – Op. 1. – D. 21. – L. 2.

19. RGADA. – F. 283. – Op. 1. – D. 61. – L. 26.

20. Raz"yasnenie o poryadke vyzova v Rossiyu inostrannyh pereselencev: cirkulyarnyj reskript: (12 avgusta 1763 g.) // Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. – 1886. – Т. 48. – С. 571–572.

Камнева Галина Петровнакандидат исторических наук
Московский государственный областной университет
kamnevagr@gmail.com**Сотников Андрей Александрович**кандидат исторических наук
Московский государственный областной университет
microlabuss@mail.ru**Сотников Сергей Александрович**кандидат исторических наук
Московский государственный областной университет
sergey@histr.ru

ОХРАННЫЕ ВЕДОМСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Данная статья посвящена исследованию деятельности охранных ведомств Российской империи во второй половине XIX в. Под охранными ведомствами подразумеваются государственные структуры Российской империи, занимавшиеся выявлением и подавлением политического инакомыслия, а в дальнейшем и политического терроризма. В данной работе рассмотрены конкретные ситуации противодействия первых российских революционеров и охранных структур. Проанализировано развитие охранных ведомств на протяжении второй половины XIX в., в том числе функции, задачи, структура Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, деятельность «Отделения по охранению общественной безопасности и порядка». Отмечено влияние конкретных проявлений политического террора в Российской империи, таких как покушение С. Халтурина на Александра II, на усиление борьбы с революционным движением.

Ключевые слова: министерство внутренних дел, политический сыск, тайная полиция, борьба с инакомыслием, Третье отделение, Жандармский корпус.

Тайная полиция в Российской империи существовала еще в начале XIX в., но её функции, предназначение и структура были довольно размыты. Многочисленные ведомства путались в поставленных задачах, соперничая и мешая друг другу. Так, например, министр внутренних дел мог вовсе не знать о существовании политической полиции до вступления в должность [11, с. 8]. Однако эта организация имела довольно чёткую сферу компетенции: «...все предметы, деяния, речи, клонящиеся к разрушению самодержавной власти <...> заговоры, дерзкие и возжигательные речи <...> пасквилесочинителей...» [11, с. 9–10]. В дальнейшем, до создания Департамента полиции, высшим органом политического сыска было так называемое Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее – Третье отделение), которое отвечало за выявление и розыск политически неблагонадёжных лиц на территории Российской империи. Отдельный Жандармский корпус при Третьем отделении отвечал за исполнительные функции. Создавая в 1826 г. Третье отделение, Николай I считал, что строгое администрирование должно касаться не только государственной сферы, но и общественной жизни, что было с его стороны оправданно, учитывая обстоятельства, при которых Николай Павлович вззошел на престол и усиление во второй половине XIX века нигилистических тенденций в настроениях молодёжи и интеллигенции. А.Х. Бенкендорф, будущий начальник Третьего отделения, зимой 1826 г., вскоре после начала следствия над декабристами, писал Николаю: «...собы-

тия 14 декабря, страшный заговор, подготавливавший уже более 10 лет эти события, вполне доказывают ничтожность нашей полиции и необходимость реорганизовать полицейскую власть по заранее продуманному плану, приведённому как можно скорее в исполнение» [11, с. 30]. Поэтому, по сравнению с тайной полицией Александра I, новая организация была куда более могущественной, хотя при этом и гораздо более громоздкой. Указ от 3 июля 1826 г., определявший круг задач нового ведомства (Третьего отделения), был настолько расплывчатым и неопределённым, что дал возможность Третьему отделению вмешиваться почти в любые государственные дела. Состояло Третье отделение из 5 экспедиций [11, с. 48–49], разделённых по функциям:

1. Первая экспедиция – все «политические дела»; все особо важные дела, надзор за общественными настроениями; наблюдение за революционными организациями, революционно настроенными личностями. В первые годы существования Третьего отделения к последним обычно приписывали даже довольно безобидных сторонников умеренных реформ (либералы, сторонники введения конституции).

2. Вторая экспедиция – ведала местами отбывания наказания, большинством уголовных преступлений, религиозным инакомыслием и розыском беглых крестьян.

3. Третья экспедиция – ведала надзором за иностранцами, находящимися на территории Российской империи, убывающими и прибывающими.

4. Четвертая экспедиция – ведала сбором сведений о происшествиях на территории Российской

империи, кадровой политикой (существовала до 1873 г., позже ликвидирована, а её функции переданы третьей экспедиции).

5. Пятая экспедиция – ведала цензурой. Изначально не существовала, а создана была только в 1842 г.

Функции и задачи Третьего отделения, возложенные на него при создании, с каждым годом всё усложнялись и перемещались между его составными частями, из-за чего работа этого необычайно важного ведомства была слабой и из года в год всё менее отвечавшей возрастающим требованиям. Революционные организации, совершенствуясь, постепенно учились эффективно противостоять методам Третьего отделения. Отсутствие столь важной внутренней агентуры выделяется авторами как один из главных недостатков Третьего отделения в его борьбе с зарождающимся политическим терроризмом. А. Шилов отмечал [11, с. 50–51], что наблюдение за такими видными деятелями революционного движения, как П.Л. Лавров и Н.Г. Чернышевский, показало: «...низкий уровень агентов. Их донесения не выходили за пределы сведений наружного наблюдения или сообщений о толках и слухах. Никакой внутренней агентуры, дававших впоследствии столько важных сведений охранке, не существовало. Не существовало и настоящих секретных агентов». И всё это при условии того, что с начала 1860-х гг. Третье отделение прилагало максимум усилий к повышению уровня своей агентуры в связи с активизацией революционного движения. До этого агентурная сеть вовсе находилась в плачевном состоянии, вплоть до того, что рядовые граждане использовали доносы в Третье отделение как механизм сведения личных счётов. 90 % информации, получаемой от агентов, было ложной. Функции, возложенные на жандармов и Третье отделение в начале второй четверти века Николаем I, к концу третьей четверти привели систему госбезопасности к осознанию собственной неэффективности и неспособности противостоять тщательно законспирированным революционным организациям.

Жандармам и чиновникам Третьего отделения приходилось выполнять катастрофически широкий спектр обязанностей. Николай I провозгласил так называемую идеологию «официальной народности», по которой никто и ничто не должно было нарушать устои нравственной жизни, угрожая двум столпам русской государственности – православной вере и самодержавной монархии. Третье отделение вкупе с Жандармским корпусом являлись главными охранителями этих «столпов». Поэтому жандармам приходилось помимо политического сыска исполнять самые неожиданные функции, начиная от дознания и розыска по обычным уголовным преступлениям, вплоть до перлюстрации (которую в принципе можно оправдать нуждами

охранения государственной безопасности) и надзора за «общественной благонамеренностью»: слежка за тем, чтобы никто из граждан не позволял себе безнравственного поведения, предотвращение притеснения бедняков и даже парадоксальное слежение за тем, чтобы мужья не изменяли женам [5, с. 2]. Подобный пример, приведенный одним из видных деятелей политического сыска второй половины XIX в. В.Д. Новицким в его книге «Из воспоминаний жандарма», очень показательно иллюстрирует объем функций и задач, взваленных на плечи органов госбезопасности, которые препятствовали качественному исполнению ими охранных функций. Между тем после смерти императора Николая I революционные организации росли и крепились, представляя собой всё большую угрозу российскому самодержавию. В.И. Ленин писал [10, с. 3] об этом периоде, что в 1861 г. освободительное (революционное) движение в России окончательно сменило свой характер с «дворянского» на «разночинный», или «буржуазно-демократический». Именно этот период характеризуется окончательным формированием мощных революционных организаций, которые позже будут стоять за наиболее шумевшими актами политического терроризма. Так называемые «кружки» перерастали в могущественные группировки, переходившие к решительным действиям. Хотя первой «ласточкой» политического террора стал именно один из таких кружков – «ишутинский», среди его участников носивший грозное название «Организация». Кружок «ишутинцев» существовал в Москве с 1863 по 1866 гг. и именно один из его участников, бывший студент Д. Каракозов, первым совершил попытку цареубийства, выстрелив в Александра II у ворот Летнего сада в Петербурге 4 апреля 1866 г. Стоит отметить, что цареубийство и политический террор не являлись конечной целью «ишутинцев» – они также ставили перед собой задачу дальнейшего контроля над революционными событиями и определяли себе важную роль в дальнейшей жизни российского государства [8]. Также не исключено, что именно «ишутинцы» одними из первых выработали идею «хождений в народ» [8, с. 7]. Всё это свидетельствует о выходе российских революционных организаций на существенно новый уровень уже в первые годы после «великих реформ» Александра II. В этот же период организационно оформилась знаменитая в дальнейшем «Народная воля». Охранные структуры в лице Третьего отделения и Жандармского корпуса оставались всё на том же прежнем низком уровне противодействия подобным явлениям политического инакомыслия, путаясь в многочисленных функциях и задачах, порой мешая в работе самим же себе. В.Д. Новицкий, критикуя работу охранных структур тех лет, также отмечает: «В 1840–1850-е годы публицисты, литераторы и ученые различных оппозиционных

направлений – славянофильского, западнического, революционно-демократического – невзирая на постоянный бдительный надзор, установленный за ними жандармами, сумели как нельзя лучше подготовить «внутреннее освобождение» русского общества, привить ему жажду решительных перемен».

Именно покушение «ишутинца» Д. Каракозова спровоцировало создание первого ведомства в России, которое больше всего ассоциируется с политическим сыском. В 1866 г., задолго до полицейских реформ Александра II, в Санкт-Петербурге было создано «Отделение по охранению общественной безопасности и порядка» [4, с. 101], ставшее известным как Охранное отделение, или просто «охранка». Подчинялась она канцелярии градоначальника. Аппарат петербургской охранки был очень серьезно проработанным и более отвечал требованиям времени, чем громоздкий и неуклюжий аппарат Третьего отделения. Охранка имела множество оперативных сотрудников, каждый из которых заведовал определенной революционной организацией, политической партией и т. д., вел агентурную разработку по ним и анализировал результаты. Имелась внушительная агентурная сеть – «отдел наружного наблюдения» из ста агентов (так называемых филеров). Для безопасности высочайших лиц в городе при Охранном отделении была создана охранная команда из ста человек. Регистрационный отдел заведовал надзором за прибывающими в столицу «неблагонадёжными элементами». Они наблюдали за гостиницами, активно пользуясь помощью служащих, особенно дворников. Эффективность работы нового ведомства значительно превосходила Третье отделение.

Покушение Каракозова стало толчком не только для создания новых структур для охраны самодержавного строя, но и для немедленного реформирования старых. В 1867 г. новый шеф жандармов и начальник Третьего отделения граф П.А. Шувалов подготовил «Положение о корпусе жандармов», в сентябре того же года утвержденное императором [5, с. 3]. «Положение» устранило громоздкие жандармские округа, заменив их более эффективными губернскими управлениями. Третье отделение также было реформировано, и, что очень важно, изменения касались именно сферы политического сыска. Было улучшено качество работы как внутренней, так и наружной агентуры. В то же время сохранялся полнейший бюрократический хаос, который часто подмечали современники. Однако, как отмечает в своей книге В.Д. Новицкий [5, с. 6], даже реформированные структуры госбезопасности оказались не готовы предстать перед такой серьезной угрозой, как революционная организация «Народная воля». Василий Дмитриевич, говоря об этом периоде, коротко, но ёмко именуется охранителей порядка «банкротами», а о революционерах выражается более ярко: «Эта организация объеди-

нила в своих рядах немало ярких личностей – красноречивых идеологов, талантливых организаторов, бесстрашных исполнителей террористических акций: А.И. Желябова, А.Д. Михайлова, В.Н. Фигнер, С.Л. Перовскую и многих прочих. Не менее важным было то, что «Народной воле» удалось достичь небывалого в российском подполье уровня дисциплины и конспирации. Серьезную роль в том успехе, с каким она противостояла политическому сыску, сыграл и Н.В. Клеточников – агент ее Исполнительного комитета, которому удалось устроиться в Третье отделение письмоводителем; через него в «Народную волю» шла важнейшая информация, позволявшая сводить на нет все сыскные усилия жандармов. Само же Третье отделение «похвалиться подобными агентами в те времена никак не могло...» [5, с. 6–7]. При том, что речь идёт об уже реформированном Третьем отделении, беспомощность охранителей государственной безопасности выглядит парадоксальной. При том, что еще в 1866 г. была предпринята попытка царубийства Д.В. Каракозовым (когда Александра, по официальной версии, спас оказавшийся рядом простой крестьянин Осип Комиссаров, который ударил Каракозова по руке, державшей револьвер, и тот промахнулся), отношение ведомств, призванных охранять государственную безопасность, к «нигилизму» было довольно странным по причине своей наивности. «Нигилизм в последние годы видоизменился, – можно прочесть во “Всепоподданнейшем отчёте Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и корпуса жандармов” за 1869 г. – Из гадкой шалости небольшого числа молодых людей обоого пола, видевших в непризнании наружных общепринятых приличий способ доказать свою самостоятельность, он перешел в положительное учение, преследующее определенные социальные и политические идеи. Он уже не только отрицает, но и утверждает» [2, с. 40–41]. С другой стороны, еще весной 1862 г. студент Московского университета П. Зайчневский, будучи под арестом за крамольные мысли, написал: «Мы изучали историю Запада, и это изучение не прошло для нас даром. Мы будем последовательнее не только жалких революционеров 92-ого года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения существующего порядка приходится пролить втрое больше крови, чем было пролито якобинцами в 90-х годах» [1, с. 5].

1870-е гг. также характеризовались проведением множества показательных процессов над революционной интеллигенцией, ставших ответной реакцией на «хождения в народ». Во многом их вычислению и поимке способствовала шуваловская реформа, усилившая жандармские управления на местах. Наиболее важную роль в дальнейших событиях сыграл так называемый «Процесс 193-х». Этот процесс играл во многом показательную роль.

90 из 193 осужденных были арестованы, по выражению одного из обвинителей, «для фону» и провели огромные сроки в ожидании помилования. Многие содержание в тюрьме довело до сумасшествия, на кого-то не повлияло совсем, но у большинства оно лишь укрепило революционный настрой. «Придёт и наше время, – писал один из “оправданных”, – когда мы дадим единодушный кровавый ответ» [9, с. 11–12]. Это время наступило тогда, когда в конце 1870-х гг. окончательно сформировалась революционная партия «Народная воля».

Существенный толчок к развитию крупномасштабного политического террора против самодержавия дал инцидент, когда в 1877 г. В. Засулич стреляла в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, руководствуясь мотивом мести тому за уязвление чести (наказание розгами) её товарища Боголюбова (ложная фамилия, под которой скрывался революционер Емельянов), и смогла его ранить. На суде присяжный поверенный П. Александров выставил Засулич невинной девушкой, абсолютно непричастной к революционному движению и впутанной туда совершенно случайно С.Г. Нечаевым, который «оказался» вдруг государственным преступником [1, с. 68–69]. Суд присяжных оправдал Засулич, трактуя её поступок не как террористический акт и не как преступление вообще, назвав его крайним средством защиты законности. Революционно настроенные круги восприняли вердикт присяжных с ликованием, многие же восприняли это как призыв к действию. С. Кравчинский позже писал, что оправдание В. Засулич придало революционному терроризму «санкцию общественного одобрения» [1, с. 12]. Хотя справедливости ради стоит отметить, что сразу после этого Вере Засулич пришлось бежать в Швейцарию во избежание нового ареста.

В 1879 г. «Народная воля» открыла полномасштабную охоту на государственных деятелей, апогеем чего стало убийство народником С. Кравчинским шефа жандармов Н.В. Мезенцева. Убийство произошло среди бела дня на Итальянской улице в Петербурге. В книге Б.Б. Глинского, современника описываемых событий, можно найти описание произошедшего: «Зайдя туда и 4 августа, в девятом часу утра, Николай Владимирович по окончании молитвы в сопровождении своего бывшего товарища, отставного подполковника Макарова, направился обратно домой, через Михайловскую улицу, Михайловскую площадь и Большую Итальянскую улицу. Едва он вступил на мостовую Итальянской улицы и поравнялся с домом Кочкурова, перед самыми окнами кондитерской приблизились к нему двое шедших навстречу людей, весьма прилично одетых. Один из них нанёс ему рану кинжалом и вместе со своим спутником поспешно сел в поджидавший тут же экипаж. Г. Макаров сделал попытку задержать их, но в него сделали выстрел

из револьвера, пуля пролетела мимо, а виновники катастрофы, никем не задержанные, так как в этой местности не было ни одного полицейского стража, а равно отсутствовала и публика, успели скрыться» [3, с. 249–250].

Революционеры смогли смертельно ранить одного из важнейших людей государства и скрыться безнаказанными. Так революционеры смогли продемонстрировать общественности бессилие охранителей самодержавия, которые не смогли уберечь от террористов даже собственного начальника. Позже Кравчинский написал в газете «Земля и воля»: «Если мы и прибегли к кинжалу, то значит действительно не оставалось средств заставить уважать наши священные человеческие права» [1, с. 75]. Ответная реакция, по воспоминаниям В.Д. Новицкого, была не менее разочаровывающей [5, с. 9]. Преемник убитого Мезенцева Н.Д. Селивестров смог ответить на террор лишь усилением контроля над въезжающими/уезжающими в крупных городах и тотальными обысками у подозрительных личностей. Убийца Кравчинский же смог скрыться за рубежом и так и остался безнаказанным. Следователь А.А. Лопухин, руководивший следствием об убийстве Мезенцева, 9 августа получил от революционеров письмо с угрозами, в котором они издеваются и корят Лопухина, не способного раскрыть деталей убийства, а на случай перехода с его стороны к массовым репрессиям они открыто грозят: «Мы, члены И. КР. СР. П., объявляем вам, что если вы пойдете по стопам Гейкинга¹, то и с вами будет поступлено так же: вы будете убиты, как был убит Гейкинг, как был убит Мезенцев, которого убили мы, социалисты-революционеры, за все его злодеяния против нас, о чём вскоре будет заявлено во всеобщее сведение в нашей революционной печати» [7, с. 46–47]. Революционеры осмеливались даже на такие провокационные меры в адрес полицейских и охранителей госбезопасности, что, по мнению автора – чрезвычайно показательное явление.

Подвигнуть государство на максимально серьезное и решительное противодействие революционерам и политическим террористам смогло только покушение на цареубийство, совершенное в феврале 1880 г. народником С. Халтуриным [6, с. 14]. Взрыв динамита в самом сердце Зимнего дворца показал императору и его окружению всю угрозу революционного террора в полном объеме. Остается только удивляться, почему на подобные решительные меры государство не подвигли предшествующие покушения на первых лиц страны (с годами всё чаще удачные), революционная пропаганда и прочая деятельность, направленная на разрушение самодержавия. По сути, почти беспомощные к началу 1880-х гг. охраняющие ведомства сами создали условия для усиления и возвышения революционных организаций.

Примечание

¹ Гейкинг Г.Э. – киевский жандармский начальник, 24 мая 1878 г. смертельно раненный революционерами.

Библиографический список

1. Будницкий О.В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. – Ростов н/Д: Феникс, 1996. – 576 с.
2. Всеподданнейший отчёт III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и корпуса жандармов за 1869 г. // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.): сб. документов / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – 651 с. – (Сер. «Первая публикация»).
3. Глинский Б.Б. Революционный период российской истории. – СПб.: Новое время, 1913. – 554 с.
4. Григорьев Б.Н., Колоколов Б.Г. Повседневная жизнь российских жандармов. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 186 с.
5. Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. – М.: МГУ, 1991. – 314 с.
6. Перегудова З.И. Политический сыск в России, 1880–1917. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. – 432 с.
7. Письмо киевского «Исполнительного комитета Русской социально-революционной партии» прокурору Петербургской судебной палаты А. Лопухину // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.): сб. документов / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 46–47. – (Сер. «Первая публикация»).
8. Покушение Каракозова: стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. / Центральная архив; подгот. М.М. Клевенский, К.Г. Котельников. – М.; Л.: Изд-во Центрархива РСФСР: Гос. изд-во, 1928–1930. – (Политические процессы 60–80-х гг.).
9. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.): сб. документов / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2001. – 528 с. – (Сер. «Первая публикация»).
10. Седов М.Г. Героический период революционного народничества. – М.: Мысль, 1966. – 364 с.

11. Троцкий И.М. Третье отделение при Николае I. – М.: Изд-во всесоюзного общества политкаторжан, 1930. – 139 с.

References

1. Budnickij O.V. Istoriya terrorizma v Rossii v dokumentah, biografijah, issledovaniyah. – Rostov n/D: Feniks, 1996. – 576 s.
2. Vsepoddannejšij otčyot III otdeleniya sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelarii i korpusa zhandarmov za 1869 g. // Politicheskaya policiya i politicheskij terrorizm v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.): sb. dokumentov / pod red. G.A. Bordjugova. – M.: AIRO-XX, 2001. – 651 s. – (Ser. «Pervaya publikaciya»).
3. Glinkij B.B. Revolyucionnyj period rossijskoj istorii. – SPb.: Novoe vremya, 1913. – 554 s.
4. Grigor'ev B.N., Kolokolov B.G. Povsednevnaya zhizn' rossijskih zhandarmov. – M.: Molodaya gvardiya, 2007. – 186 s.
5. Novickij V.D. Iz vospominanij zhandarma. – M.: MGU, 1991. – 314 s.
6. Peregudova Z.I. Politicheskij sysk v Rossii, 1880–1917. – M.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya, 2000. – 432 s.
7. Pis'mo kievskogo «Ispolnitel'nogo komiteta Russkoj social'no-revolucionnoj partii» prokuroru Peterburgskoj sudebnoj palaty A. Lopuhinu // Politicheskaya policiya i politicheskij terrorizm v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.): sb. dokumentov / pod red. G.A. Bordjugova. – M.: AIRO-XX, 2001. – S. 46–47. – (Ser. «Pervaya publikaciya»).
8. Pokushenie Karakozova: stenograficheskij otchet po delu D. Karakozova, I. Hudyakova, N. Ishutina i dr. / Centrarchiv; podgot. M.M. Klevenskij, K.G. Kotel'nikov. – M.; L.: Izd-vo Centrarchiva RSFSR: Gos. izd-vo, 1928–1930. – (Politicheskie processy 60–80-h gg.).
9. Politicheskaya policiya i politicheskij terrorizm v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.): sb. dokumentov / pod red. G.A. Bordjugova. – M.: AIRO-HKH, 2001. – 528 s. – (Ser. «Pervaya publikaciya»).
10. Sedov M.G. Geroicheskij period revolyucionnogo narodnichestva. – M.: Mysl', 1966. – 364 s.
11. Trockij I.M. Tret'e otdelenie pri Nikolae I. – M.: Izd-vo vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan, 1930. – 139 s.

СЕМЕЙНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ТЕКСТИЛЬЩИЦ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В статье рассматриваются основные аспекты семейной повседневности текстильщиц Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Изучение повседневной жизни женщин, занятых на тяжелых работах, в том числе и в крупном промышленном производстве, сегодня проводится в русле подходов гендерной и женской истории, истории повседневности и регионалистики. На основе архивных документов автором анализируются и сопоставляются условия проживания, заболеваемость, социальное обеспечение работниц и рабочих, отдельное внимание уделяется вопросам нравственности, социальных девиаций в семьях, организации свободного времени и досуга, а также смене гендерных ролей в среде текстильщиц. В заключении делается вывод о том, что, несмотря на развитие рабочего законодательства и продуманную социальную политику фабрикантов, качество жизни женщин-работниц было значительно ниже по сравнению с рабочими-мужчинами.

Ключевые слова: женщины, текстильная промышленность, семейная повседневность, социальные проблемы, гендер, история повседневности.

Изучение повседневной жизни работниц текстильных предприятий имеет достаточно долгую историю. Первые работы, посвященные быту и производственной повседневности рабочих, начали появляться в последние десятилетия XIX века, их авторами становились врачи, фабричные инспекторы, экономисты, юристы. Тема положения женщин в промышленности возникала и в трудах политических деятелей [1].

В советский период на первый план вышли сильные и инициативные женщины, трудившиеся наравне с мужчинами. В это время появились работы по истории отдельных текстильных предприятий, в соответствии с духом времени значительное внимание уделялось общественной борьбе рабочих, в том числе и женщин [5].

В настоящее время среди исследователей отмечается рост интереса к рассмотрению частных вопросов жизни женщин, в том числе занятых на тяжелых работах [6]. Изучение бытовой и производственной повседневности текстильщиц может быть реализовано в русле подходов гендерной и женской истории, а также истории повседневности и регионалистики. Достаточно востребованным становится метод изучения повседневности женщин в промышленности через создание коллективного портрета работниц, исследования локальных сообществ и топографии местного промышленного производства.

В рассматриваемый период Ярославская губерния считалась одним из крупнейших торгово-индустриальных центров России. Ведущей отраслью промышленности здесь была текстильная отрасль. Старейшим и наиболее крупным промышленным предприятием считалась Ярославская большая мануфактура (ЯБМ), где уже к 1905 г. отчетливо проявилась тенденция к увеличению численности занятых в производстве работниц, свойственная западным странам и России в целом [8, с. 73].

Повседневность рабочих во многом характеризовалась достаточно суровыми нравами и тра-

дициями, распространенными в их среде. Многие рабочие, приезжая на работы из деревни в город, на протяжении длительного времени сохраняли обычаи крестьянской и ремесленной жизни. Часть подобных обычаев сопровождалась шумными посиделками, выпивкой, чему зачастую способствовало и наличие в округе предприятий большого количества питейных заведений. Так, уже к началу Первой мировой войны вокруг Ярославской большой мануфактуры работало несколько десятков шинков, трактиров, кабаков и т. д. [9, с. 122].

Пьянство, прогулы, нарушение порядка на фабрике были известной проблемой. За подобные проступки рабочему грозили штрафы и увольнение. Нарушителям руководство могло отказать в кредите на ремонт или приобретение собственного дома, а также в получении награды за долгую службу [4, л. 17 об., 28]. В «зону риска» также попадали и престарелые родители пьющих текстильщиц, которые, в силу возраста, уже не могли позаботиться о себе самостоятельно и, в отсутствие должной помощи со стороны детей, вынуждены были переселяться в фабричную богадельню [3, л. 111–112].

Конечно же, далеко не все рабочие злоупотребляли алкоголем. Несмотря на это повседневная жизнь достаточно благополучных семей могла быть омрачена вынужденным сосуществованием с «беспокойными» соседями. Многолетняя переписка администрации с фабричной инспекцией сохранила разбирательство рабочих, проживавших в одном доме и конфликтовавших друг с другом на почве пьянства – регулярные оскорбления, драки, «свинство», появление в доме пьяных женщин и мужчин становились причиной неразрешимых противоречий [2, л. 45–46].

Очевидно, что пьянство было не чуждо самим работницам. Не случайно при ЯБМ в рассматриваемый период существовала так называемая «женская миссия».

Ярославскую большую мануфактуру можно с уверенностью отнести к разряду предприятий,

проводивших вдумчивую и планомерную социальную политику. Администрация фабрики пыталась повысить культурный, образовательный и нравственный уровень рабочих, наполнив их свободное время полезным досугом. К услугам работниц и рабочих при фабрике функционировали библиотека, театр, устраивались чтения с демонстрацией туманных картин, гуляния с состязаниями и призами, текстильщики-рабочие имели возможность петь в церковном хоре, играть в оркестре. Также при ЯБМ функционировало общество трезвости, была открыта чайная. Ряд развлечений рабочие могли найти за пределами фабричного городка.

Изучая тему досуга текстильщиков, необходимо поставить вопрос о том, находили ли семейные работницы время и возможности для удовлетворения своих потребностей в культурно-образовательных мероприятиях наравне с мужчинами-рабочими. В 1897 г. продолжительность рабочего времени была установлена законом: 11,5 часов для взрослых рабочих (10 часов для ночных работ у мужчин, а также 10 часов в субботу и предпраздничные дни). Малолетние без различия пола в последнее десятилетие XIX столетия работали 6 или 9 часов. Рабочая неделя составляла 6 дней, воскресный день считался выходным, было установлено 14 обязательных праздников.

Характерной чертой повседневной жизни рабочих была многосемейность, говоря о которой, нельзя обойти вниманием тему беременности, родов и ухода за маленькими детьми. В рассматриваемый период понятия «декретный отпуск» еще не существовало. Обычным явлением для беременных была работа до самых родов. Вредные условия труда негативно сказывались на здоровье женщин и детей, становясь причиной выкидышей и ранней смертности младенцев. Тем не менее на Ярославской большой мануфактуре практика «отпусков» все же существовала: работницы предприятия могли обратиться к администрации с жалобами на недомогание и невозможность работать, прося разрешения отпустить их с фабрики. Значительная часть просительниц уезжала на родину в деревню в среднем на 1–2 месяца. Такой отпуск предполагал увольнение до родов и принятие женщин обратно на работу после них. В 1901 г. количество обращений работниц к администрации фабрики составило 49 % от их общего числа, из них обращений по вопросам отпусков «до родов» – 13 %. Руководством была удовлетворена лишь половина подобных просьб.

Помимо характерных недомоганий беременная текстильщица могла обладать и другими заболеваниями: малокровием, туберкулезом и т. д. У некоторых женщин достаточно долгое время не получалось быстро восстановиться после родов, что заставляло их брать дополнительные отпуска для поправки здоровья [3, л. 64–65, 170–171]. Не слу-

чайно в период первой русской революции одним из требований текстильщиков губернии становилось предоставление работницам отпусков «на роды», а также финансовой поддержки [8, с. 63–64]. Официально российское законодательство закрепило за беременными женщинами возможность получать соответствующие пособия и отпуска лишь в 1912 г. Тем не менее практика вспомоществования текстильщицам существовала на ЯБМ уже с 1900 г., когда размер выдаваемых женщинам пособий составлял 3 рубля (к 1902 г. – 2 рубля) [8, с. 280–281].

Несмотря на то, что мануфактура развивала такие передовые для своего времени учреждения, как детский сад и «колыбельня», в условиях отсутствия в рассматриваемый период поддержки материнства со стороны государства говорить о высвобождении сил и времени для отдыха и повышения культурного уровня работавших женщин, конечно же, не приходилось. Равно как не приходилось говорить и о наличии должного ухода за грудными детьми. Занятым в производстве женщинам приходилось оставлять младенцев с родственниками или старшими детьми. В домашние заботы вовлекались, в частности, и маленькие девочки, на что указывала фабричная администрация, отмечая снижение посещаемости детьми школы [12, с. 60]. Либо же приходилось нанимать няней, услуги которых были доступны далеко не всем семьям ввиду их дороговизны, оставляло желать лучшего и качество оказываемых услуг. В связи с этим женщинам позволялось отлучаться с фабрики для кормления новорожденных [8, с. 248]. Тем не менее невыход на смену по причине отсутствия няньки вполне мог стать причиной для увольнения текстильщицы с фабрики [4, л. 54 об].

Помимо сложностей с уходом за детьми одной из распространенных проблем текстильщиц были так называемые «женские болезни» и болезни, возникавшие в результате беременности и родов. Наиболее часто встречались разного рода воспаления половых органов, а также доброкачественные и злокачественные опухоли. Имели место внематочные беременности. Все это затрудняло выполнение работницами их трудовых функций. В начале XX в. «женские болезни» составляли порядка 12 % от общего числа заболеваний текстильщиц. Для излечения серьезных заболеваний администрация направляла текстильщиц за счет предприятия в земскую больницу. В наиболее серьезных случаях операции делались в Москве [3, л. 105–106].

Пожалуй, один из самых высоких показателей заболеваемости и смертности рабочих давали заболевания дыхательных органов, первым среди которых был туберкулез. По данным амбулаторных книг визитаций, в начале столетия заболеваемость туберкулезом составила 19 % от общего числа обращений, причем женщины болели туберкулезом

несколько реже мужчин (18 % и 19 % обращений соответственно). Для поправки здоровья рабочие также могли пользоваться «отпусками». В 1901 г. подобным «отпуском» воспользовались 49 % женщин и 51 % мужчин, болевших туберкулезом различной степени тяжести. Рабочие, происходившие из сельской местности, зачастую отправлялись лечиться на родину. На время болезни текстильщики получали пособия из сумм штрафного капитала в размере от 3 до 10 рублей (при необходимости оплачивался и проезд в деревню). В случае, если лечение не давало достаточного эффекта, отпуска продлялись. В безнадежных случаях рабочие возвращались доживать свой век на родину либо же оставались в городе. На туберкулез приходилась десятая часть всех зафиксированных в амбулатории смертей (12 % мужчин и 8 % женщин).

На похороны членам семьи фабрикой выдавались пособия из сумм штрафного капитала. В документах упоминаются пособия до 15 рублей, размер которых не зависел от пола умершего. Детей, оставшихся без попечения взрослых, фабрика определяла в городские приюты либо же передавала на поруки родственникам или в семьи рабочих, готовых принять сирот под свою опеку. Вдовцам и опекунам оказывалось вспомоществование на детей. Обычной практикой на ЯБМ было оказание содействия по устройству сирот на работу.

Зачастую болезни становились своего рода импульсом, смещавшим традиционные стереотипы поведения в семьях рабочих, влияя на смену гендерных ролей в их среде. Женщины, имевшие серьезные заболевания, в том числе связанные с репродуктивной системой организма, вынуждены были уходить с фабрики «по семейным обстоятельствам», обычно включавшим наличие дома малолетних детей или внуков, оставшихся без попечения родителей, а также, зачастую, пьющего супруга. Таким работницам приходилось активно включаться во взаимодействие с фабричной администрацией по вопросам разного рода, что обычно считалось мужской прерогативой. То же самое ожидало и вдов, оставшихся после смерти супругов с многочисленными детьми на руках. Мужчинам-вдовцам также приходилось брать на себя новые обязанности в связи со смертью жен.

Те рабочие, которые смогли побороть болезни, по мере выздоровления сталкивались с новыми трудностями – и мужчин, и женщин ожидала необходимость рассчитываться с долгами: за время болезни рабочие обычно просили для себя и своих семей «харчи», размер кредита на которые определялся в каждом случае отдельно. И если при потере одного из членов семьи фабрика могла частично списать его задолженность, облегчив тем самым долговые обязательства вдовствующего супруга, то выздоровевшие рабочие подчас должны были полностью рассчитываться с предприятием.

Не менее важным аспектом семейной жизни являлись бытовые условия проживания. Согласно региональным исследованиям повседневной жизни рабочих, ярославским текстильщикам были доступны такие варианты размещения, как фабричные казармы, наемное и собственное жилье. Фабрика оказывала финансовую поддержку семьям рабочих в виде «квартирных денег» на наем жилья, а также ссуд на приобретение и ремонт собственных домов. Основанием для выдачи ссуд становились стабильный и достаточно высокий доход порой сразу нескольких членов семьи, качественная работа, отсутствие прогулов, образцовое поведение. Несмотря на то, что в целом условия проживания в собственных домах были гораздо лучше, чем условия жизни в казармах, ЯБМ заботилась о содержании в порядке фабричных помещений. Конечно, значительное количество рабочих и их домочадцев не могло не приводить к скученности проживания и возникновению бытовых конфликтов, но тем не менее фабричные помещения становились выгодной альтернативой для рабочих, не имевших собственного жилья. Соответственно, потеря возможности проживать в казармах могла стать проблемой для средней семьи рабочих.

Обычно выселение из казарм следовало за нарушением порядка и за увольнением с фабрики. При увольнении одного члена семьи выселению могли подвергнуться и его родственники, в частности жены, увольнявшиеся с работы и выселявшиеся из фабричных помещений вслед за мужьями [10, с. 181–182]. Исследователи также указывают на то, что увольнению и выселению подвергались незамужние женщины с внебрачными детьми [8, с. 170]. Тем не менее фабричная документация начала XX столетия свидетельствует о том, что некоторые работницы, обращавшиеся с соответствующей просьбой к администрации предприятия, оставались проживать в рабочих казармах [4, л. 12, 14 об., 73 об.], хотя впоследствии и могли быть рассчитаны в срок найма. Шалости маленьких детей, оставленных без присмотра, также становились причиной выселения из казарм целых семей [4, л. 13 об.].

Непростым оставался вопрос личных взаимоотношений мужчин и женщин, в том числе занимавших различное положение на фабрике. Законодательство воспрещало женщинам и малолетним ночные работы, в частности, в целях соблюдения нравственности – ночная работа допускалась в исключительных случаях (в том числе ненастья, наличие больших заказов перед ярмарками) и при условии, что на производстве работал глава семейства [11, с. 7]. Официально женщины могли пожаловаться на домогательства или притеснения со стороны мужчин, работавших в фабрике, в том числе и на начальствующих должностях, фабричной инспекции [2, л. 51–52, 55, 57].

Таким образом, несмотря на достаточно грамотную социальную политику, проводимую Ярославской большой мануфактурой, семейная повседневность текстильщиц всех возрастов отличалась монотонностью жизненного ритма, отсутствием свободного времени и опасностями социального и бытового характера. В среде текстильщиков имела место и смена гендерных ролей, когда мужчинам и женщинам приходилось менять традиционные для обоих полов модели и стереотипы поведения.

Библиографический список

1. Бройдо Е.Л. Женщина-работница. – Пг.: Рабочая библиотека, 1917. – 16 с.
2. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). – Ф. 674. – Оп. 1. – Д. 3279. – Л. 45–46, 51–52, 55, 57.
3. ГАЯО. – Ф. 674. – Оп. 1. – Д. 3955. – Л. 64–65, 105–106, 111–112, 170–171.
4. ГАЯО. – Ф. 674. – Оп. 1. – Д. 4040. – Л. 12, 13 об., 14 об., 17 об., 28, 54 об., 73 об.
5. Герасимов Н.В., Карасев С.М., Тарасов Е.П. Красный Перекоп: Очерки истории ордена Ленина комбината «Красный Перекоп». – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1972. – 414 с.
6. Кривошеева Ю.А. Досуг ярославских текстильщиц на рубеже XIX – XX вв. // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков // Материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН (4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород): в 2 т. – М.: ИЭА РАН, 2018. – Т. 1. – 366 с.
7. Марасанова В.М., Албегова И.Ф., Шаматонова Г.Л. Женщины и профессионально-политические организации в Ярославской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Женщина в российском обществе. – 2013. – № 2. – С. 60–69.
8. «Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России / Л.И. Бородин, Т.Я. Валетов, Ю.Б. Смирнова, И.В. Шильникова. – М.: РОССПЭН, 2010. – 534 с.
9. Полищук Н.С. Обычай и нравы рабочих России (конец XIX – начало XX вв.) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций, 1861 – февраль 1917 г. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1997. – С. 114–130.
10. Шильникова И.В. «Женщины сговорчивее мужчин и ладить с ними легче»: к вопросу об оплате труда и положении на производстве женщин-работниц в начале XX в. (на материалах Ярославской Большой мануфактуры) // Рабочие – предприниматели – власть в XX веке: в 2 ч. / отв. ред. А.М. Белов. – Кострома: ГОУВПО КГУ имени Н.А. Некрасова, 2005. – Ч. 2. – С. 173–184.

11. Ярмонова Е.Н. Формирование трудовой дееспособности женщин (конец XIX – начало XX века) // Юридическая наука. – 2013. – № 2. – С. 6–8.

12. Ярославская Большая мануфактура. – М., 1900. – 25 с.

References

1. Brojdo E.L. ZHenshchina-rabotnica. – Pg.: Rabochaya biblioteka, 1917. – 16 s.
2. Gosudarstvennyj arhiv YAroslavskij oblasti (GAYAO). – F. 674. – Op. 1. – D. 3279. – L. 45–46, 51–52, 55, 57.
3. GAYAO. – F. 674. – Op. 1. – D. 3955. – L. 64–65, 105–106, 111–112, 170–171.
4. GAYAO. – F. 674. – Op. 1. – D. 4040. – L. 12, 13 ob., 14 ob., 17 ob., 28, 54 ob., 73 ob.
5. Gerasimov N.V., Karasev S.M., Tarasov E.P. Krasnyj Perekop: Ocherki istorii ordena Lenina kombinata «Krasnyj Perekop». – YAroslav': Verh.-Volzh. kn. izd-vo, 1972. – 414 s.
6. Krivosheeva YU.A. Dosug yaroslavskih tekstil'shchic na rubezhe XIX – HKH vv. // Gorozhanki i gorozhane v politicheskikh, ehkonomicheskikh i kul'turnyh processah rossijskoj urbanizacii XIV–XXI vekov // Materialy Odinnadcatoy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii RAIZHI i IEHA RAN (4–7 oktyabrya 2018 g., Nizhnij Novgorod): v 2 t. – M.: IEHA RAN, 2018. – T. 1. – 366 s.
7. Marasanova V.M., Albegova I.F., SHamatonova G.L. ZHenshchiny i professional'no-politicheskie organizacii v YAroslavskoj gubernii na rubezhe XIX–HKH vv. // ZHenshchina v rossijskom obshchestve. – 2013. – № 2. – S. 60–69.
8. «Ne rublem edinyim»: trudovye stimuly rabochih-tekstil'shchikov dorevolucionnoy Rossii / L.I. Borodkin, T.YA. Valetov, YU.B. Smirnova, I.V. SHil'nikova. – M.: ROSSPEHN, 2010. – 534 s.
9. Polishchuk N.S. Obychai i nruvy rabochih Rossii (konec XIX – nachalo XX vv.) // Rabochie i intelligenciya Rossii v ehpohe reform i revolyucij, 1861 – fevral' 1917 g. – SPb.: Russko-Baltijskij informacionnyj centr «BLIC», 1997. – С. 114–130.
10. SHil'nikova I.V. «ZHenshchiny sgovorhivee muzhchin i ladit' s nimi legche»: k voprosu ob oplate truda i polozhenii na proizvodstve zhenshchin-rabotnic v nachale XX v. (na materialah YAroslavskoj Bol'shoj manufaktury) // Rabochie – predprinimateli – vlast' v HKH veke: v 2 ch. / отв. red. A.M. Belov. – Kostroma: GOUVPO KGU imeni N.A. Nekrasova, 2005. – CH. 2. – S. 173–184.
11. YArmonova E.N. Formirovanie trudovoj deesposobnosti zhenshchin (konec XIX – nachalo XX veka) // YUridicheskaya nauka. – 2013. – № 2. – S. 6–8.
12. YAroslavskaya Bol'shaya manufaktura. – M., 1900. – 25 s.

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ НА ТЕРРИТОРИИ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

В данной статье рассматривается проблема организации образовательных учреждений для детей-инвалидов на территории Воронежского края. Возникшие инновационные процессы на местах были вызваны новыми тенденциями в системе общественного призрения, в центральном управлении. Первая школа для слепых детей в Центральном Черноземье была открыта в конце XIX века. Активное содействие в устройстве заведений оказывали местные благотворители. Вопрос открытия образовательных организаций для глухих был решён в первой половине XX века. Созданные институты осуществляли профессиональную подготовку детей с ограниченными возможностями здоровья и оказывали помощь в социальной адаптации. В статье делается вывод о том, что школы для глухих и слепых детей послужили прототипами учреждений инклюзивного образования, формирующихся на современном этапе.

Ключевые слова: дети-инвалиды, слепые, глухие, благотворительность, образование, прототип, Воронежская губерния, конец XIX – первая половина XX века.

Работа о социально незащищённых слоях населения на протяжении истории являлась одним из приоритетных направлений деятельности государства. Создание учреждений общественного призрения входило в круг обязанностей светских и церковных институтов. Подтверждением тому служили такие учреждения, как Патриарший приказ, органы общественного призрения, капитулы, братства, церковно-приходские попечительства. Активное участие в решении обозначенной проблемы принимали представители частной благотворительности. Ведущую роль указанные социальные институты приобретали в устройстве детей-инвалидов. Важные шаги в организации жизни и образования указанной категории детей были сделаны в XIX веке. Обозначенная проблематика находит отражение в работах таких исследователей, как Н.Н. Малофеев, Б.В. Белявский, Н.Ф. Басов, М.Ф. Фирсов.

Масштабное открытие и деятельность учреждений для детей-инвалидов на территории Российской империи относится к концу XIX века. Примером тому являлась Воронежская губерния. В рамках региональной истории указанная проблема отражена в трудах исследователей Ю.В. Пыльнева, С.А. Рогачёва, Б.А. Ершова, П.А. Попова.

Огромная заслуга в устройстве детей-инвалидов принадлежала жене императора Павла I, Марии Фёдоровне. Человеческие качества императрицы и долг супруги царствующего монарха способствовали открытию и функционированию учреждений для обучения слепых и глухих. По инициативе императрицы были организованы многие филантропические заведения для детей. «В 1881 г. открывается Попечительство для слепых. Структура Попечительства включала в себя училища для слепых, заведения для обучения взрослых, приюты для малолетних слепых, общежития для слепых работников и работниц...» [11, с. 113–114]. В конце XIX века в целом ряде городов России действовали училища для обучения контингента с особенностями здоровья.

Примеру столицы в организации подобных учреждений следовали провинциальные города, в частности Воронеж: «В 1887 г. Воронежское отделение Мариинского попечительства для призрения слепых открыло приют для слепцов и училище для слепых детей» [10, с. 359]. «Главными основателями местного попечительства приюта и училища слепых были в 1887 г. ревизор губернского акционерного управления П.П. Вейнбер и купец А.Н. Ключков, которые пожертвовали для призрения незрячих свои усадьбы. С 1895 г. в попечительство входил промышленник-благотворитель В.Г. Столль. В здании находились: спальни для мальчиков и девочек, классные комнаты, библиотека, медицинский изолятор. При учреждении располагалась церковь Марии Египетской. В 1913 г. здесь жили и учились 72 воспитанника. Впоследствии, до эвакуации 1941 г., училище действовало под названием «школа слепых» [9, с. 284].

Согласно отчёту о состоянии Воронежского училища слепых детей от 1898 г., «к 1-му января 1898 года в училище состояло 29 детей (20 девочек и 9 мальчиков... По месту рождения дети распределяются следующим образом: 29 уроженцев Воронежской губернии и 1 Тамбовской). По происхождению все дети из крестьян. В училище было младшее и старшее отделение... где воспитанники обучались щётчному и корзиночному плетению...» [3, с. 104–105]. В отчёте отмечали особые успехи в музыке, поскольку пению учили исключительно по слуху. В училище имелось 2 хора. Один состоял из воспитанниц ремесленного отделения. Девушки прекрасно исполняли произведения, потому были приглашены для пения в одну «... из городских церквей за плату; другой (хор) состоит из младших воспитанников и воспитанниц и поют пока в училище во время всенощной...» [3, с. 105]. Организация трудового обучения и досуга являлась неотъемлемой частью жизни воспитанников. В 1912 г. «в училище обучалось 58 человек, а к 1 января 1913 г. числилось 72 ученика (43 маль-

чика и 29 девочек)» [4, с. 359]. Обучение «...продолжалось не менее 5 лет и не более 8 лет. Попечительство имело право удалить ребенка, если обучение не приносило пользу... его развитию... или пагубно влияло на поведение других воспитанников» [3, с. 128]. За обучение детей родители или попечители обязаны были вносить оплату. Детей из бедных семей принимали на обучение бесплатно. По окончании училища Воронежское отделение Попечительства о слепых продолжало заниматься устройством подопечных. В частности было создано «общежитие слепых работниц» [3, с. 130]. Основная цель данного структурного элемента попечительства заключалась в дальнейшей адаптации к новым условиям социума, за пределами училища.

Несмотря на ограничения по здоровью, воспитанниц приучали к порядку и дисциплине, для этого попечительство разработало «Временные правила для общежития слепых работниц в Воронеже». Нарушение предписаний могло завершиться исключением из общежития, при этом администрация не учитывала наличие ограничений по здоровью. Стоит указать, что подобные нормы позволяли воспитаннику понять, что общество требует от личности соблюдения и выполнения социальных норм, за нарушение которых следуют санкции. Последнее применяется к любому гражданину вне зависимости от состояния его здоровья. Члены попечительства понимали сложности, которые слепые девушки будут испытывать в своей жизни, потому учреждение обязалось оказывать помощь в устройстве быта своим выпускницам. Девушкам не только предоставляли общежитие на неопределённый срок, но и старались устроить в «благонравное семейство или ремесленные заведения» [3, с. 130]. Если удавалось найти подходящее место, то девушке выдавалось имущество и инструменты для того, чтобы подопечная могла продолжить работу. Таким образом, она могла обеспечивать себя и приносить доход в семью, которая приняла её на постоянное место жительства. Наряду с функцией социального контроля, снабжения материалами и инструментами для работы, попечительство заботилось о продаже изделий слепых девушек. Проживающие в общежитии воспитанницы занимались не только трудовой деятельностью, за что получали жалование, но и организовывали досуг. К числу наиболее распространённых занятий относились хоровое пение, вязание, чтение религиозных книг, написанных шрифтом Брайля. Девушки принимали участие в музыкальных мероприятиях и участвовали в театральных постановках. Вырученные средства использовались на организацию и устройство быта проживающих в общежитии подопечных.

Большой вклад в устройство жизни и быта внёс упомянутый выше крупнейший промышленник

и филантроп г. Воронежа Вильгельм Германович Столь (1842–1924). Находясь в должности попечителя училища слепых, он с большой долей ответственности подходил к исполнению возложенных на него обязанностей. Благодаря организаторским качествам Столля стало возможным проведение выставок и продажа изделий слепых детей. Одним из мест реализации был «...специальный магазин, открытый в доме брата Вильгельма – Карла». Кроме того, «работа в попечительстве сближает Вильгельма Германовича с отзывчивой, разделяющей его помыслы женщиной (Анна Григорьевна Айдарова) – старшей учительницей училища слепых. Женщина становится его супругой. Столли берут на воспитание в семью сначала двух, а затем ещё и трёх слепых девушек» [8, с. 319]. После смерти супруги В.Г. Столь переезжает на дачу в ст. Графское, где открывает приют – училище для слепых провинциальных девушек, приглашённых из разных уездов губернии. Для своих подопечных он приглашал преподавателей из Петербурга для обучения девушек массажу, вязанию и пению. Здесь слепые девушки давали концерты и ставили спектакли [8].

Активное участие в организации жизни людей с ограниченными возможностями здоровья принимала провинциальная православная церковь. «В 1898 году совет попечительства... направил в Воронежскую духовную консисторию прошение об установлении в церквях кружечного сбора, пожертвований в пользу слепых. В прошении говорилось, что в России числится 25 0000 слепых... Попечительство обращается с просьбой пожертвовать кто сколько может на благое дело» [7, с. 74–75].

Наряду с заботой о слепых, осуществлялась помощь глухим детям, открывались специальные учреждения для них. Идея создания первого подобного учреждения также принадлежала императрице Марии Фёдоровне. В 1806 г. было открыто первое в России училище для глухонемых в г. Павловске, дворцовом пригороде Санкт-Петербурга. Императрица приглашала в качестве учителей иностранных специалистов. В России предстояло организовать учреждения, где обучали педагогов для работы с детьми-инвалидами. Затем учреждение было переведено из г. Павловска в г. Санкт-Петербург. Выпускник школы Иван Карлович Арнольд в XIX веке был основателем первой школы для глухих в Москве. Учреждение в дальнейшем было переименовано в Арнольдо-Третьяковское училище, по фамилии богатого мецената Третьякова.

С целью успешной социализации, в процессе обучения акцентировали внимание на развитии трудовых навыков, поскольку владение ремеслом позволяло обеспечить себя заработком. В учебном заведении действовали токарная, сапожная мастерские и типография. В женском отделении девочек учили шить. В конце XIX века создаётся специали-

зированное структурное подразделение: «В 1898 г. создаётся Попечительство Императрицы Марии Фёдоровны для глухонемых. Его цель – учреждение для глухонемых мастерских, домов трудолюбия, дешёвых квартир. С 1897 по 1907 гг. количество школ для глухонемых увеличилось с 19 до 60, где обучалось всего 2 777 человек...» [4, с. 113–114]. Проблема создания школ для обучения глухих детей приобрела актуальность для отдельных губерний, в числе которых оказалась Воронежская губерния. Согласно отчёту о Съезде деятелей по воспитанию, обучению и призрению глухонемых, состоявшемся в Москве с 27 по 31 декабря 2010 г., «председатель организационного комитета Съезда Ф.А. Рау сообщает, что делегат Воронежского отдела Общества охранения народного здоровья А.С. Грейденберг просит Совет высказать своё авторитетное мнение о необходимости открытия в Воронеже училища глухонемых и официально сообщить постановление Съезда Воронежскому отделу... Съезд вынес следующую резолюцию: “Заслушать постановление собрания Воронежского отдела Общества охранения народного здоровья и сделать постановление о составлении петиции в Государственную думу о введении в России всеобщего обучения глухонемых – Съезд приветствует Воронежский отдел Общества народного здоровья как общество, идущее навстречу пожеланиям Съезда, и выражает своё искреннее сочувствие» [5, с. 96].

Открытие учреждений для обучения глухих детей в Центральном Черноземье произошло после Октябрьской революции 1917 года.

В Справочнике от 1925 года об учреждениях в г. Воронеже указаны: «Школа-коммуна глухонемых детей», располагавшаяся по адресу ул. Средне-Московская, д. 24, и «Школа-коммуна для слепых детей», по адресу ул. Плехановская, д. 28 [2, с. 63]. В 1932 г. в городе Павловске Воронежской области была образована Павловская школа-интернат для глухих детей (приказ № 108/4 от 07.09.1932 г.), которую в 1933 году разделили на две: школу слепых и школу глухонемых. В 1941 году школу эвакуировали в Кустанайский край. В 1948 г. её вновь восстановили в Павловске. В разное время здесь учились дети от 7 до 19 лет из Калужской, Тюменской областей, Дагестана, Чечни и Казахстана. В настоящее время – общеобразовательное учреждение Воронежской области «Павловская школа-интернат № 1 для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья» [6]. Приведённые данные свидетельствуют, что создание в России учреждения для обучения детей-инвалидов были необходимой мерой, поскольку имели ключевое значение для их дальнейшей жизни в обществе. На основании вышеизложенного можно выделить особенности учреждений для детей-инвалидов в конце XIX – начале XX века: 1) обеспечение образования детей с ограниченными возможностями здоровья; 2) ор-

ганизация досуга обучающихся и выпускников; 3) внедрение в социальную практику труда людей, которые имеют особенности в развитии; 4) создание образовательных учреждений и мест проживания для подопечных; 5) осуществление контроля за качеством жизни воспитанников; 6) привлечение в качестве источников дохода частных пожертвований, прибыли от продажи изделий тружеников-инвалидов.

В первой половине XX века к вопросу устройства детей-инвалидов подходили так же ответственно. Распоряжением правительства в послевоенные годы были восстановлены учреждения для обучения инвалидов, которые были построены в период императорской России, созданы новые типы учреждений на местах. Продолжалась работа в направлении организации досуга инвалидов и дальнейшего их трудоустройства.

Из вышеуказанного следует, что первые учреждения для обучения детей-инвалидов возникли на территории России в первой половине XIX века. В провинции, в частности Воронежской губернии, внедрение опыта работы с детьми-инвалидами приходится на конец XIX – начало XX века. Специальные учреждения позволяли детям-инвалидам получать не только знания, но и будущую профессию. В свою очередь работа приносила человеку возможность получить средства для жизни. Благотворительные организации продолжали оказывать помощь выпускникам и принимали активное участие в дальнейшем устройстве их жизни и быта.

Подобные учреждения существуют в Центральном Черноземье до настоящего времени. Прежде чем дети с ограниченными возможностями здоровья придут в школу, техникум или вуз, они учатся жить в организованных условиях, поскольку психика «особенного ребёнка» очень ранима. Поэтому специализированные детские сады и школы готовят детей к обучению со сверстниками и жизни в социуме.

Опыт учреждений, созданных в конце XIX века, заимствовали образовательные организации в XXI веке. Модернизация указанных выше особенностей способствовала развитию целого направления в образовании, которое получило название «инклюзия».

Библиографический список

1. Благотворительность в России и государственная политика / С.С. Сулакшин, Д.В. Бачурин, М.В. Вилисов и др. – М.: Наука, 2013. – 224 с.
2. Воронеж в кармане. Справочная книжка на 1925 г. – Воронеж: Изд. Воронеж. агентства гос. контроля «Двигатель», 1925. – 86 с.
3. Документы (постановление, сведения, переписка) о деятельности Воронежского попечительного о бедных комитетах 10 сентября 1898 – 27 апреля 1900 гг. // Государственный архив

Воронежской области (ГАВО). – Ф. И-19. – Оп. 1. – Д. 1708. – Л. 104–130.

4. *Ершов Б.А.* Русская православная церковь и светская власть в Воронежской губернии в XIX – начале XX века. – Воронеж: ГОУ ВПО «Воронежский государственный технический университет», 2010. – 167 с.

5. Отчёт о съезде деятелей по воспитанию, обучению и призрению глухонемых, состоявшемся в Москве с 27 по 31 декабря 1910 г. // Вестник попечительства Государыни Императрицы Марии Фёдоровны о глухонемых. – 1912. – № 3–4. – С. 90–96.

6. Павловская школа-интернат для слабослышащих детей отметила 85-летие [Электронный ресурс] // РИА «Воронеж». – Режим доступа: <https://ria.vrn.ru> (дата обращения: 21.11.2018).

7. Памяти Преосвященного Иосифа, Епископа Михайловского // Воронежские епархиальные ведомости (неофициальная часть). – 1902. – № 9. – С. 56–63.

8. *Попов П.А.* Немецкая фамилия Столь в Воронеже // Русская провинция. – Воронеж: Центрально-Чернозёмное изд-во, 1995. – С. 309–327.

9. *Попов П.А., Рылева А.Н.* Улица Плехановская, д. 29 // Историко-культурное наследие Воронежа. – Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2000. – С. 384–386.

10. *Пыльнев Ю.В., Рогачев С.А.* История школы и народного просвещения Воронежского края. XVIII – начало XX века. – Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 1999. – 528 с.

11. *Фирсов М.В.* История социальной работы в России. – М.: ВЛАДОС, 1999. – 256 с.

References

1. Blagotvoritel'nost' v Rossii i gosudarstvennaya politika / S.S. Sulakshin, D.V. Bachurin, M.V. Vilisov i dr. – М.: Nauka, 2013. – 224 s.

2. Voronezh v karmane. Spravochnaya knizhka na 1925 g. – Voronezh: Izd. Voronezh. agentstva gos. kontrolya «Dvigatel'», 1925. – 86 s.

3. Dokumenty (postanovlenie, svedeniya, perepiska) o deyatel'nosti Voronezhskogo popечitel'nogo o bednyh komitetah 10 sentyabrya 1898 – 27 aprelya 1900 gg. // Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti (GAVO). – Ф. I-19. – Оп. 1. – Д. 1708. – Л. 104–130.

4. *Ershov B.A.* Russkaya pravoslavnaya cerkov' i svetskaya vlast' v Voronezhskoj gubernii v XIX – nachale XX veka. – Voronezh: GOU VPO «Voronezhskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet», 2010. – 167 s.

5. Otchyot o s"ezde deyatel'ej po vospitaniju, obucheniju i prizreniju gluhonemyh, sostoyavshemsya v Moskve s 27 po 31 dekabrya 1910 g. // Vestnik popечitel'stva Gosudaryni Imperatricy Marii Fyodorovny o gluhonemyh. – 1912. – № 3–4. – С. 90–96.

6. Pavlovskaya shkola-internat dlya slaboslyshashchih detej otmetila 85-letie [Электронный ресурс] // РИА «Воронеж». – Режим доступа: <https://ria.vrn.ru> (дата обращения: 21.11.2018).

7. Pamyati Preosvyashchennogo Iosifa, Episkopa Mihajlovskogo // Voronezhskie eparhial'nye vedomosti (neoficial'naya chast'). – 1902. – № 9. – С. 56–63.

8. *Popov P.A.* Nemeckaya familiya Stoll' v Voronezhe // Russkaya provinciya. – Voronezh: Central'no-CHernozyomnoe izd-vo, 1995. – С. 309–327.

9. *Popov P.A., Ryleva A.N.* Ulica Plekhanovskaya, d. 29 // Istoriko-kul'turnoe nasledie Voronezha. – Voronezh: Centr duhovnogo vozrozhdeniya CHernozyomnogo kraja, 2000. – С. 384–386.

10. *Pyl'nev YU.V., Rogachev S.A.* Istoriya shkoly i narodnogo prosveshcheniya Voronezhskogo kraja. XVIII – nachalo XX veka. – Voronezh: Centr duhovnogo vozrozhdeniya CHernozyomnogo kraja, 1999. – 528 s.

11. *Firsov M.V.* Istoriya social'noj raboty v Rossii. – М.: VLADOS, 1999. – 256 s.

УЧАСТИЕ ЕВРЕЕВ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НИЖЕГОРОДСКОЙ И ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ ГУБЕРНИях В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье анализируются особенности участия евреев в экономической и трудовой деятельности в Нижегородской и Иваново-Вознесенской губерниях в конце XIX – начале XX вв. Рассматривается политика властей в отношении допуска евреев в означенные губернии, так как для большинства из них он был ограничен по законодательству о черте оседлости. Автор приходит к выводу о том, что евреи поселялись в Нижегородской губернии в первую очередь для того, чтобы участвовать в экономических и трудовых отношениях, связанных с работой Нижегородской ярмарки, в этом были заинтересованы и местные власти. В то же время власти Иваново-Вознесенской губернии проявляли в данном вопросе меньшую заинтересованность. Несмотря на запреты, некоторые евреи проживали в обеих губерниях, но в основном на законных основаниях. Экономическая и трудовая деятельность евреев приносила значительную пользу коренному населению.

Ключевые слова: евреи, Нижегородская губерния, Иваново-Вознесенская губерния, почётные граждане, право жительства, Нижегородская ярмарка, экономическая деятельность, трудовая деятельность, водворение.

В конце XIX – начале XX вв. евреи приезжали в Нижний Новгород, привлечённые крупнейшей в Европе Нижегородской ярмаркой.

Так, в мае 1896 г. для участия в работе Всероссийской выставки и ярмарки в Нижнем Новгороде были поданы прошения от 241 представителя этой нации. Среди них было: мещан – 133 человека; купцов и членов их семей – 8 купцов 1-й гильдии, 21 купец 2-й гильдии, 3 купца, 4 купеческих сына, 2 купеческих дочери; работников образования и студентов – 12 учителей, 7 студентов; работников администраций и членов их семей – 3 приказчика 1-го класса, 2 приказчика 2-го класса, 2 приказчика 4-го класса, 1 запасной нижний чин, 1 сын коллежского советника; военных и членов их семей – 1 унтер-офицер, 1 отставной унтер-офицер, 1 отставной рядовой, 1 вдова рядового; представителей медицинской сферы – 1 магистр формации, 2 провизора, 2 аптекарских помощника; представителей сферы обслуживания и членов их семей – 1 парикмахер, 1 сапожный мастер, 4 часовых мастера, 4 подмастерья, 3 портных, 2 столяра, 1 мастер-шляпник, 1 булочница, 3 кухарки, 2 служанки, 1 дочь продавца; работников заводов – 1 инженер-технолог, 1 красильщик; работников музыкальной сферы – 3 музыканта, 1 музыкальный учитель; также были 2 юриста, 1 житель г. Варшавы, 1 житель г. Лодзи.

География жительства евреев, прибывших в Нижний Новгород в мае 1896 г., была огромна: Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород и Нижегородская губерния, Казань и Казанская губерния, Ковно и Ковенская губерния, Радом, Двинск, Полоцк, Суздаль. Также были жители Варшавы, Киева, Полтавы, Харькова, Гродненской губернии, Курляндской губернии. Кроме них на ярмарку прибыли представители Симбирской губернии, Орловской губернии, Рыбинска, Минска. Были и жители

Риги, Вильно, Томска, Екатеринбург, Ярославля, Херсона, Симферополя. Также прибыли евреи из Кременчуга, Витебска, Тобольска, Лодзи. Были представители Костромской губернии, Рязанской губернии, Тверской губернии, Курска, Самары и Самарской губернии.

Интересно отметить, что из Санкт-Петербурга приехали на ярмарку учителя И.С. Маркильс и М.С. Кайранский, а из Москвы учитель М.Ю. Якобсон. Студенты приезжали в основном из Казанского и Варшавского университетов [13, л. 3–12].

Вопросами водворения евреев в Нижнем Новгороде и на ярмарке занималась специально созданная для этих целей комиссия по еврейским делам.

Некоторые евреи, прибывшие на ярмарку, остались в Нижнем Новгороде на жительство. Иные поселялись в Арзамасском, Балахнинском и других уездах Нижегородской губернии.

Вообще же по российскому законодательству евреи могли жить только в пределах черты оседлости – границы территории 15 западных губерний. Это были губернии: Бессарабская, Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, а также Екатеринославская, Киевская, Ковенская, Минская, Могилевская. Также Подольская, Полтавская, Таврическая, Херсонская и Черниговская.

Однако в соответствии с высочайше утверждённым мнением Государственного совета от 27 ноября 1861 г. [2] в разных частях империи могли жить и трудиться евреи, имевшие степень доктора медицинских наук или какую-либо учёную степень в других областях знаний, а также евреи, имеющие аттестаты об окончании полного курса лицеев и гимназий, и купцы первой и второй гильдий. Кроме указанных выше категорий лиц право проживания за пределами черты оседлости получили инспекторы и учителя еврейских училищ.

Всё же большинство евреев оставалось в пределах черты оседлости. Это мешало реализации их

экономических, политических и социальных интересов.

Очень часто евреи нарушали запрет и селились в центральных губерниях. Местные чиновники зачастую не выселяли их. Дело было в том, что евреи своей деятельностью приносили существенную выгоду коренному населению. Поэтому местным властям было выгодно их постоянное проживание.

В июне 1900 г. в Нижний Новгород прибыло 16 иностранных евреев для ведения торговли на ярмарке. Из них пятеро были австрийскими подданными, четверо – германскими подданными, четверо – бухарскими, два – персидскими и один – прусским [11, л. 5–6, 23–25, 27, 42–44, 63–64, 66–70, 84–85].

На Нижегородчине постоянно жили и работали евреи – почётные граждане: О.К. Машкилейсон, Я.А. Гурвич и Г.В. Фрумкин, а также владелец часового магазина Ц.Д. Хейфиц, владелец парикмахерской Я.И. Садкевич. Г.Я. Фридман работал заведующим магазином К^о Зингер.

В Васильском (Васильсурском) уезде жил караванщик П. Вольфович. Он работал аптекарским помощником [9, л. 132, 134, 156–157, 398, 445–446].

В Лукояновском уезде работал заведующим Больше-Мареевской больницей врач Х.Х. Хейфиц [10, л. 551]. Это было проявлением действия закона 1879 г., который разрешал евреям, получившим высшее образование, селиться в любой части страны [1].

Были известны случаи, когда православные жители из коренного населения просили за то, чтобы евреи оставались на Нижегородской ярмарке. Так, Л.Г. Миронов, Е.К. Трусов, Е.Ф. Филатычев просили у начальника губернии о том, чтобы он позволил покупать товары 5 еврейским купцам и 10 мещанам. Это было связано с экономическими интересами этих православных лиц. Однако это свидетельствовало также и о том, что великороссы и евреи не испытывали друг к другу взаимной неприязни, а, наоборот, были заинтересованы друг в друге. Начальник губернии удовлетворил эту просьбу.

За могилевского мещанина еврея Ш. Менькина разрешение жительства на ярмарке просил директор цирка православного вероисповедания Никитин. Менькину также разрешили жить [12, л. 11–12, 19, 26, 46–48, 52].

В Нижнем Новгороде на незаконных основаниях жило 129 еврейских семейств. Они занимались торговлей. Обо всём этом было известно полицейским властям и губернатору. Однако из города этих лиц не выселяли [14, л. 3–4]. Если бы эти семьи были выдворены в пределы черты оседлости, то экономика нижегородского края пострадала бы. Однако если учесть, что в Нижнем Новгороде с 1817 г. существовала крупнейшая в Европе ярмарка, то становится ясно, что положение дел достаточно скоро бы восстановилось. Получается,

что нижегородское губернское начальство не выселяло евреев из города, так как сочувствовало им и относилось с симпатией.

Евреи выбирали для жительства Нижний Новгород, так как это был крупнейший экономический центр Поволжья. Он представлял для них существенный интерес. Арзамас Нижегородской губернии привлекал их потому, что был важнейшим транзитным пунктом из Москвы в юго-восточные районы страны. Там были развиты кожевенное, скорняжное, салотопенное, войлочное производства. Там велась торговля луком, гусьями и юфью. При этом юфь экспортировали даже в Англию и Францию. В Балахне евреев жило меньше, чем в Балахнинском уезде потому, что большинство солеварен, которые составляли основу экономической жизни балахнинской земли, находилось именно в уезде, и евреи имели к ним экономический интерес.

В Васильском (Васильсурском) и Лукояновском уездах были развиты в большей степени кустарные промыслы. Эти территории привлекали евреев всё же меньше, чем остальные.

В Иваново-Вознесенске евреи работали в отделении Московского международного банка: Л.Н. Лурье, почётный гражданин, окончивший юридический факультет Московского государственного университета с дипломом 1-й степени, проживал на Часовенной улице в д. Матросово, А.П. Вейсбург проживал на Троицкой улице в д. Пузырёво [5, л. 22].

28 сентября 1901 г. в Иваново-Вознесенске было разрешено жить мещанину г. Берёзино Черниговской губернии М.А. Хацкелевичу. Оно разрешалось в течение года (по сроку паспорта, выданного ему Берёзинским городским головой) [6, л. 2]. А 13 марта 1903 г. шкловскому мещанину У. Шинкарёву разрешили поселиться в Иваново-Вознесенске с тем условием, чтобы он занимался только ремесленной деятельностью с выданным ему в Шклове свидетельством [7, л. 1].

Если еврей занимался какой-то иной деятельностью, отличавшейся от той, которую он указывал по приезду на новое место жительства из черты оседлости, то подлежал выселению. Так, в 1903 г. Иваново-Вознесенский полицмейстер обращался к приставу этого города и сообщал о том, что неудовлетворён отчётом, полученным от него. Дело в том, что в отчёте пристав указывал, что все евреи, которые проживали в Иваново-Вознесенске, занимались ремесленной деятельностью и имели ремесленные свидетельства. Полицмейстер сетовал, что в городе живёт еврей З. Нейдмингер, который никаким ремеслом не занимается, поэтому права жительства в городе не имеет.

В 1903 г. в Иваново-Вознесенске жило 403 еврея. Это были торговцы, провизоры, парикмахеры, кузнецы, а также красильщики и маляры [3,

л. 1–43]. Такая численность евреев, живших в этих городах, по сравнению с Нижегородской губернией была невелика. Дело в том, что местные власти принимали евреев неохотно, в отличие от Нижегородской губернии, где ввиду наличия ярмарки, власти желали приезда большего количества евреев. А евреи зачастую сами оставались на жительство. Однако стоит обратить внимание на то, что учёту подвергались только лица иудейского вероисповедания, и местные власти всё же не изгоняли их, несмотря на общеимперский запрет иудеям жить за пределами черты оседлости.

Евреи выбирали для жительства не только Иваново-Вознесенск, но и близлежащие сёла. В 1906 г. чаусский мещанин Р. Пташкин поселился в деревне Пески, на улице Георгиевской [8, л. 1–3]. В том же году оршанский мещанин, мастер золотых и серебряных дел М.Ш. Войцингер, также предпочёл эту деревню [4, л. 1].

Особенно большой приток рабочей силы произошёл в означенные губернии в период Первой мировой войны.

Весной – летом 1913 г. имела место следующая статистика: в Ардатове и в Ардатовском уезде жили 7 евреев, в Арзамасе и в Арзамасском уезде – 52 человека, в Балахне и в Балахнинском уезде – 99, в Василе и Васильском уезде – 5, в Лукоянове и Лукояновском уезде – 5, в Макарьеве и Макарьевском уезде – 6, в Нижегородском уезде – 9, в самом Нижнем Новгороде – 891, в Семёнове и в Семёновском уезде – 8, в Сергаче и Сергачском уезде – 3, в Княгинине и Княгининском уезде – 2 [9, л. 3–6, 38–57, 131–162, 396–400, 532–534, 536–538а, 616–619, 629–633, 657–660, 675–676, 683–1009]; итого – 1087 человек. В несколько раз увеличилось еврейское население и Иваново-Вознесенской губернии.

В основном евреи были переселенцами из Белорусских губерний. Много было уроженцев центральных регионов России. Меньшее количество евреев прибыло из Прибалтийских, Малороссийских и Новороссийских губерний.

Евреи занимались торговлей, но было и большое количество врачей, часовых дел мастеров, портных, аптекарей, приказчиков, парикмахеров, учеников. Также были юристы, техники, чулочницы и др.

До периода Первой Мировой войны евреи приезжали в Нижегородскую губернию, привлечённые ярмаркой. Некоторые из них оставались на жительство в нижегородском крае на законных основаниях. Однако были и те, кто поселялся в нарушение закона. В период Первой Мировой войны многие евреи были вынуждены иммигрировать в Нижегородскую и Иваново-Вознесенскую губернии.

Трудовая и экономическая деятельность евреев была выгодна государству и обществу. Участвуя в ней, евреи платили налоги государству. Коренные жители пользовались услугами, которые оказывали им евреи. Имевшийся запрет на жительство

евреев в центральных губерниях был связан, с одной стороны, с религиозными предрассудками некоторых чиновников, которые считали их религию, иудаизм, противницей христианства, а с другой стороны, с их нежеланием допустить усиление конкуренции со стороны евреев коренному населению за пределами черты оседлости. Однако всё же многие власть имущие лица сочувствовали евреям и испытывали к ним симпатию. Евреи своей трудовой деятельностью приносили пользу, и их не выселяли из губерний, в которых они водворились, пусть даже и на незаконных основаниях.

Библиографический список

1. О предоставлении Евреям, окончившим курс в высших учебных заведениях, права дальнейшего пребывания в местностях, не определённых для постоянной их оседлости: Высочайше утверждённый всеподданнейший доклад Управляющего Министерством Внутренних Дел: (от 19 января 1879 г.) // Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1881. – Собр. 2. – Т. 54. – № 59236.
2. О преимуществах Евреев, получивших высшее образование, а равно служащих при Еврейских учебных заведениях: Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета: (от 27 ноября 1861 г.) // Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1863. – Собр. 2. – Т. 36. – № 37684.
3. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 1562. – Л. 1–43.
4. ГАИО. – Ф. 46. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 1.
5. ГАИО. – Ф. 339. – Оп. 2. – Д. 51. – Л. 22.
6. ГАИО. – Ф. 339. – Оп. 2. – Д. 83. – Л. 2.
7. ГАИО. – Ф. 339. – Оп. 2. – Д. 96. – Л. 1.
8. ГАИО. – Ф. 339. – Оп. 2. – Д. 106. – Л. 1–3.
9. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 1400. – Л. 3–6, 38–57, 131–162, 396–400, 532–534, 536–538а, 616–619, 629–633, 657–660, 675–676, 683–1009.
10. ЦАНО. – Ф. 2. – Оп. 5. – Д. 1400. – Л. 551.
11. ЦАНО. – Ф. 342. – Оп. 1. – Д. 2560. – Л. 5–6, 23–25, 27, 42–44, 63–64, 66–70, 84–85.
12. ЦАНО. – Ф. 624. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 11–12, 19, 26, 46–48, 52.
13. ЦАНО. – Ф. 624. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 3–12.
14. ЦАНО. – Ф. 624. – Оп. 5. – Д. 448. – Л. 3–4.

References

1. O predostavlenii Evreyam, okonchivshim kurs v vysshih uchebnyh zavedeniyah, prava dal'nejshego prebyvaniya v mestnostyah, ne opredelyonnyh dlya postoyannoj ih osedlosti: Vysochajshe utverzhdyonnyj vsepoddannejshij doklad Upravlyayushchego Ministerstvom Vnutrennih Del: (ot 19 yanvarya 1879 g.) // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. – SPb., 1881. – Sobr. 2. – T. 54. – № 59236.
2. O preimushchestvah Evreev, poluchivshih vysshee obrazovanie, a ravno sluzhashchih pri

Evrejskih uchebnyh zavedeniyah: Vyschajshe utverzhdyonnoe mnenie Gosudarstvennago Soveta: (ot 27 noyabrya 1861 g.) // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. – SPb., 1863. – Sobr. 2. – T. 36. – № 37684.

3. Gosudarstvennyj arhiv Ivanovskoj oblasti (GAIO). – F. 4. – Op. 1. – D. 1562. – L. 1–43.

4. GAIO. – F. 46. – Op. 1. – D. 11. – L. 1.

5. GAIO. – F. 339. – Op. 2. – D. 51. – L. 22.

6. GAIO. – F. 339. – Op. 2. – D. 83. – L. 2.

7. GAIO. – F. 339. – Op. 2. – D. 96. – L. 1.

8. GAIO. – F. 339. – Op. 2. – D. 106. – L. 1–3.

9. Central'nyj arhiv Nizhegorodskoj oblasti (CANO). – F. 2. – Op. – 1. – D. 1400. – L. 3–6, 38–57, 131–162, 396–400, 532–534, 536–538a, 616–619, 629–633, 657–660, 675–676, 683–1009.

10. CANO. – F. 2. – Op. 5. – D. 1400. – L. 551.

11. CANO. – F. 342. – Op. 1. – D. 2560. – L. 5–6, 23–25, 27, 42–44, 63–64, 66–70, 84–85.

12. CANO. – F. 624. – Op. 1 – D. 1. – L. 11–12, 19, 26, 46–48, 52.

13. CANO. – F. 624. – Op. 1. – D. 7. – L. 3–12.

14. CANO. – F. 624. – Op. 5. – D. 448. – L. 3–4.

«ГЕРМАНСКАЯ ПЛОТИНА ПРОТИВ НАПОРА ПОЛЬСКИХ ВОЛН»: ГЕОПОЛИТИКА ПАНГЕРМАНИЗМА

В статье речь идет о политике внутренней колонизации польских земель, инициированной правительством канцлера Германской империи Бисмарком. Политика внутренней колонизации обеспечивалась Поселенческой комиссией и была поддержана национально-политическими силами рейха. Обращение к проблемам колонизации активизировало теоретическую мысль в академической среде – произошло формирование школы геополитики, а также способствовало подъему националистических сил, которые в достаточно короткий срок обрели организационно-политическую структуру. Опыт участия в деятельности Поселенческой комиссии стал фундаментом общественной и политической карьеры одного из лидеров Пангерманского союза, выступавшего за проведение активной внутренней и внешней колониальной политики, Альфреда Гугенберга. Им была продумана и предложена программа внутренней колонизации рейха, идеи которой позже нашли реализацию в политике рейхсканцлеров.

Ключевые слова: геополитика, пангерманизм, Поселенческая комиссия, колонизация, германизация, «жизненное пространство», «кружок Вегенера», национализм, кооперация, Райффайзенбанк.

История созданной усилиями «железного канцлера» Германской империи оказалась тесно переплетена с невероятными территориальными амбициями, от удовлетворения которых, казалось бы, зависел сам факт существования новой немецкой государственности. Войны Германии с Данией и Австрией, целью которых стало не столько завоевание новых территорий, сколько потребность в осознании самими немцами единства нации в пределах одного государства, дальше приобретают оттенок явно выраженного экспансионизма. Пожалуй, о потребности в территориальной экспансии нового рейха красноречивее всего высказывался отец немецкой геополитики Фридрих Ратцель (1844–1904), связав её с «жизненным пространством» (Lebensraum), от которого поставил в зависимость факт сохранения немецкой нации. Описывая закономерности развития человечества, понимаемого учёным как «нечто подвижное», Ратцель становится одним из апологетов немецкого единства. В одной из первых серьезных работ «Народоведение» (1885), впервые опубликованной в Лейпциге, спустя 14 лет с момента образования Германской империи, Ратцель, намекая на идею единения всех немцев, прямо указывает на тенденцию «воссоединения разделившихся частей человечества <...> в одно целое, что явится последней целью всех движений» [4, с. 10]. Потребность в единении, по Ратцелю, есть естественное состояние человечества, детерминированное общностью культуры, для которой государственные (политические) границы не являются ограничивающим фактором, так как носителем культуры является народ. Так, выводя за скобки мысль о государстве как форме искусственного состояния, Ратцель апеллирует к идее «пространства», в зависимость от которого ставит сохранение культуры.

Изучив историю немцев и предложив собственный оригинальный подход к её интерпретации, Ратцель заявил о том, что только благодаря «жизнен-

ной энергии» народа (Lebensenergie) пространство, само по себе представляющее категорию материальную, обретает духовный «пространственный смысл» (Raumsinn), становясь «жизненным пространством», и, соответственно, чем больше пространства, тем больше возможностей для жизни оно даёт народу [4; 19; 20]. Что касается понятия «народ», то здесь Ратцель являлся сторонником теорий эволюционизма и социал-дарвинизма, приверженцы которых связывали историю народов с закономерностями естественного отбора. Государство для Ратцеля есть инструмент политической организации жизни народа в пределах конкретной территории, дающий ему возможность реализовать свой «инстинкт экспансии» [20, s. 5], – в том случае, если сам народ проявил себя в истории как сильный народ. Закон пространственного роста, сформулированный Ратцелем в «Антропогеографии» (1882), объективно определялся приростом населения (для Германской империи: 1871 – 41,6 млн чел., 1880 – 45,23 млн чел., 1890 – 49,43 млн чел., 1900 – 56,3 млн чел., 1910 – 64,93 млн чел.) [23, s. 494], субъективно зависел от силы воли завоевателя, то есть государства [18, s. 79, 251].

Непосредственное участие Ратцеля в принятии политических решений проследить довольно сложно, тем более что «железный канцлер» предпочитал руководствоваться собственными соображениями по поводу внутренней и внешней политики рейха, однако нельзя не согласиться с мнением военного историка Вольфганга Мариенфельда, что «немецкая профессура эпохи Вильгельма II принимала необычайно активное участие в текущих политических событиях» [17, s. 95]. Подтверждением тому является членство и участие Ратцеля в деятельности Германского колониального общества, Германского флотского союза, Пангерманского союза [14, s. 75].

Идеи Ратцеля относительно «жизненного пространства» и необходимости его расширения были

необычайно быстро восприняты политической элитой, которая нашла в них идеологическое обоснование целому комплексу мер, принимаемых в отношении утверждения нового рейха на европейском континенте. В связи с тем, что объединение нации произошло сравнительно позже других, а сами «немцы были единственным народом, который создал свое государство не «снизу», в союзе с демократией против старых держав, а (по выражению Хаймпеля) «благодарно принял» его из рук последних, защищаясь от демократии» [6, с. 26], правительству была необходима поддержка общества, уверовавшего в исключительность миссии борьбы за «место под солнцем» (Platz an der Sonne) [5; 16; 23], в том числе в Европе.

Приоритеты рейха лежали в первую очередь в области германизации присоединенных территорий, которым в дальнейшем надлежало стать тем самым «жизненным пространством», обеспечившим сохранение немецкой нации. Речь здесь идет о польских землях, отошедших в первой четверти XIX века Пруссии в качестве автономии и лишенных её после 1848 года (провинция Позен). В связи с высокими темпами роста населения рейха и фактом «стеснения немецкого элемента», правительство принимает меры «для ограждения там господствующей в государстве народности» [2, с. 4] при помощи «устройства германской плотины против напора польских волн» (Бисмарк) [2, с. 12]. Целью правительства рейха становится заселение территорий с польским населением немецкими колонистами и создание для них необходимых условий. Для реализации этой цели была образована Поселенческая комиссия (Ansiedlungskommission).

По закону от 26 апреля 1886 года Комиссии было выделено 100 млн марок «на приобретение фонда земель для поселения в них немецких крестьян и рабочих» [2, с. 12] (часть суммы шла на делопроизводительные нужды и выплату жалования). Позже эта сумма была увеличена до 220 млн марок (1906) [23, с. 964]. На эти деньги Комиссия по своему усмотрению должна была скупить у поляков «лучшие» земли, предоставив их в собственность или временную аренду немцам за сумму, которую можно было внести сразу или в рассрочку от уплаты ренты (оброк зерном) с будущих доходов. Г.-У. Велер указывает на то, что часть правительственной суммы, выделенной в распоряжение Комиссии, шла на поддержку немецких юнкеров, уже владевших поместьями в польских землях. Для этих целей был образован специальный фонд, доходами которого распоряжался Банк спасения (Rettungsbank). Однако, пишет историк, эти меры обернулись в том числе и тем, что немецкие держатели поместий, хозяйственные инициативы которых не приносили желаемого дохода, предпочитали продавать Комиссии свои владения по цене выше рыночной («доходный патриотизм») [23, с. 964].

Председателем Комиссии был назначен обер-президент провинции Позен граф Роберт фон Цедлиц-Трютцшлер, заместителем – обер-президент провинции Западная Пруссия Адольф Эрнст фон Эрнстхаузен (позже – председатель правления Германского колониального общества) и еще 12 членов, представляющих разные министерства рейха (внутренних дел, сельского хозяйства, исповеданий, народного просвещения, медицины, финансов), назначение которых не было случайным, а преследовало конкретные цели, выходящие за рамки простой скупки земель. Позже, начиная с 1891 года, количество членов Комиссии постоянно увеличивалось (к началу XX века – 91 человек), что повлекло за собой организацию целых департаментов, созданных в лучших традициях немецкой бюрократии.

Основные задачи, которые решала Комиссия, сводились к следующему:

1. Приобретение имений.
2. Заведование имениями в промежутки от времени их приобретения до передачи поселенцам; подготовка имений для колонизационных целей посредством: а) ремонта строений; б) возведения плотин, производства оросительных и осушительных работ, разработки болот, исправления дорог, вырубки излишнего леса; в) постройки новых домов, сараев и прочих сельскохозяйственных строений, пригодных для поселенцев.
3. Подготовительная деятельность по организации поселения.
4. Организация поселений.
5. Наблюдение за устроившимися поселенцами и вспомоществование им [2, с. 16].

Результаты деятельности Комиссии за первые шесть лет деятельности (1886–1892) оказались существенными, но далеко не внушительными. Практика показала, что процесс колонизации должен был растянуться на десятилетия, с тем чтобы покрыть расходы казны. Общая площадь приобретенных в провинции имений увеличилась с 31,398 до 54,916 га, расходы казны соразмерно ежегодным выплатам (сумма в 100 млн марок была распределена казначейством рейха на ежегодные взносы в зависимости от покупательной способности населения) покрывались поселенцами также ежегодно в пропорциональном отношении 1/2 (вносимые казначейством суммы ежегодно увеличивались в связи с увеличением объема площадей, скупаемой Комиссией земли и разрастанием бюрократического аппарата). Общий доход от колонизации за шесть лет составил 2 442 867 марок, что составило 48 % от общего объема затрат [2, с. 146]. За два десятилетия работы Комиссии польские земли были заселены более 40 тыс. немецких колонистов.

В Комиссии, находясь на службе рейха, начал свою политическую карьеру будущий «король прессы» и один из главных идеологов пангерма-

низма Альфред Гугенберг (1865–1951). В качестве правительственного ассессора от министерства финансов Гугенберг проработал в Комиссии с 1894 по 1899 год, контролируя и оценивая финансовые операции. Назначение Гугенберга не было случайностью, а было связано с тем, что несколькими годами ранее он успешно защитил диссертацию о «Внутренней колонизации Северо-Западной Германии», став признанным экспертом в этой области [13, s. 532]. Работа в Комиссии стала для Гугенберга ступенью последующей блестящей карьеры, которая стала возможной исключительно благодаря его собственным заслугам: от чиновника до банкира, от медиамагната и «короля прессы» до идеолога пангерманизма и политика, пережившего монархию, республику и диктатуру национал-социализма.

Один из биографов Гугенберга, Данкварт Гуратч, защитивший о нём диссертацию (1971), отразил в названии и структуре своей монографии исключительный организаторский талант Гугенберга: «Власть через организацию» (Глава 1. Особенности и развитие индивидуального стиля власти. Глава 2. Организация экономических интересов. Глава 3. Организация движения за военные цели. Глава 4. Организация «национальной прессы». Глава 5. Влияние Альфреда Гугенберга на вильгельминистскую Германию) [8]. Организационный принцип, которого придерживался Гугенберг, имел для него свою специфику. Его выражением являлась «децентрализация», нарушение традиционной для немцев иерархичности и вертикали власти в организации жизни как на повседневном, так и на государственном (политическом, экономическом, социальном) уровне [21, s. 171]. Идея «децентрализации ответственности» позже найдет воплощение в деятельности банковского кооператива «Райффайзен» в Познани, директором которого стал Гугенберг (1900), и реорганизации Пангерманского союза.

Отмечая удивительные способности Гугенберга в организации, Гуратч останавливается на их специфике [8]:

1. Гугенберг предпочитал отказ от любых форм ограничения деятельности, традиционно сохранявшихся в вильгельминистской монархии (сословной, классовой, профессиональной, возрастной), концентрируясь на задачах и возможностях их решения.

2. Гугенберг стремился создать новый общественный порядок, предпочитая действовать не в какой-то одной сфере, а сразу в нескольких, создавая тем самым «новый тип» отношений взаимозависимости и взаимодействия, ориентированных на понимание общей цели [8, s. 348].

3. Внутреннее единство при таком порядке необходимо было поддерживать идеологией, «фундаментальной и направляющей действия людей» [8,

s. 13] (для Гугенберга идеология строилась вокруг образа «врага» (внутреннего и внешнего), которым должны были стать социал-демократы, либералы, иностранные государства. Можно предположить, что такая идеология позволяла, с одной стороны, закалить характер нации, а с другой, устранить конкуренцию в борьбе за власть внутри общества.

4. «Новый общественный порядок» должен был стать адекватным историческим условиям [8, s. 12]. Для Германии, в которой на рубеже веков происходил экономический подъем, этот «порядок» был связан с появлением крупных монополий, сформировавших особый тип монополиста, который отличала «подчеркнуто патриотическая манера поведения» [6, с. 35]. Учитывая это обстоятельство, именно частный монополистический капитал, по мнению Гугенберга, должен был стать основой будущих изменений в экономической, политической и социокультурной сфере.

5. Организацией частного капитала в структуре общества, по мнению Гугенберга, должна была заняться инициативная группа, связанная с «новым порядком», не стесненная традиционными сословными или профессиональными ограничениями, стремящаяся к власти и изменению её архаичных структур. По сути, «новый общественный порядок», напоминая скорее государство в государстве, имел своей целью борьбу за власть. Осознание необходимости борьбы за власть проистекало из неразвитости средневековых государственных структур рейха, что уже не соответствовало запросам реальности (на то, что политические структуры рейха в отличие от экономических так и не были реформированы, сохранившись со времен прусской монархии, указывает историк Г.-У. Велер, отмечавший, что «успех промышленной революции сопровождался потерпевшей крах политической революцией» («двойная революция») [24, s. 665].

По своей сути идеи, высказанные Гугенбергом относительно «нового общественного порядка», составили программу его будущей деятельности. Представляя интересы частного капитала (возглавляя правления ряда немецких банков и являясь медиамагнатом), Гугенберг при поддержке единомышленников из числа пангерманцев сумел воплотить эту программу, став одним из авторитетных лидеров националистического фронта, по сути, создав собственную партию (Немецкая национальная народная партия) и возглавив её фракцию в парламенте пришедшей на смену вильгельминистской монархии Веймарской республики.

Гугенберг приступает к реализации собственных программных замыслов сразу после завершения академической карьеры. Первый шанс масштабной организации единомышленников ему представился в начале 90-х гг. XIX века на волне мощного патриотического подъема, вызванного колониальной политикой. В обществе к тому вре-

мени уже велись оживленные дискуссии на предмет активной внешней политики правительства. Вместе с известным колонизатором и популярным общественным деятелем Карлом Петерсом, а также единомышленниками из академической среды Гугенберг становится одним из организаторов негосударственного Всеобщего германского союза. Его цели сформулированы в Декларации, принятой на учредительном собрании в Берлине 9 апреля 1891 года: «1) Оживление отечественного сознания на родине и борьба за национальное развитие по всем направлениям; 2) Забота и поддержка национальных немецких устремлений во всех странах, где представители нашего народа должны бороться за утверждение его особенности, объединив все немецкие элементы на Земле для этой цели; 3) Содействие политике соблюдения немецких интересов в Европе и на море, в особенности достижению практических целей немецкого колониализма» [15, с. 16]. Чтобы подчеркнуть национальный дух и характер Союза, в качестве девиза были взяты слова Великого курфюрста Фридриха Вильгельма I: «Помни, что ты – немец!» [9, с. 242–243].

Позже «Союз» был переименован в Пангерманский союз (1894). Создание Пангерманского союза с достаточно пестрой социальной базой (государственные служащие, предприниматели, финансисты, офицеры и евангелическое духовенство) позволило Гугенбергу воплотить часть собственных замыслов по объединению «частного капитала» и различных слоёв общественности. Личные цели Гугенберга также были достигнуты знакомством с промышленными магнатами, поддержавшими инициативы пангерманцев. Речь здесь идет о том, что в мае 1893 года депутатами рейхстага был отклонен законопроект об увеличении военных расходов на содержание сильной армии, инициированный частным капиталом. Пангерманский союз должен был обеспечить поддержку правительству рейхсканцлера фон Каприви, который внёс эту законодательную инициативу. Активная деятельность пангерманцев Гугенберга в поддержку правительства вызвала симпатию у представителей крупного бизнеса. Стремясь доказать свою преданность поверившей в него бизнес-элите, Гугенберг в 1894 году отправился в польские земли, став членом Поселенческой комиссии.

Министерская финансовая инспекция деятельности Поселенческой комиссии, порученная Гугенбергу, оказалась крайне важной миссией. Дело в том, что за первые годы существования Комиссии возникли сложности с ведением финансовых операций при скупке польских имений. Вслед за приобретением имений на казенные средства и до момента их заселения немецкими колонистами Комиссия должна была ежегодно поддерживать имения в надлежащем виде, занимаясь их обустройством, пока не находился немецкий посе-

лец, желавший приобрести имение с участком. Поскольку уровень хозяйственного развития имений был разным, то и затраты были соответствующими. Ввиду «такого сложного счетоводства», оказавшегося «не по силам управляющим, обремененным работою», а также того, что Комиссия «не вела никакого расчета прибыльности или убыточности хозяйства», имея по Закону 1886 года задачу не ежегодного «выяснения результатов заведывания имениями», а только первичную «подготовку их для колонизации», Комиссия оказалась в тупике, отчитываясь перед ландтагом растущими расходами [2, с. 43].

Прибыв в Комиссию, Гугенберг с присущим ему стремлением к упорядочению и организации «полностью изменил её поведение и деятельность», организовав частные земельные кооперативы для немецких колонистов, «связанных местом проживания» [8, с. 26–27].

Свет на деятельность Гугенберга в Комиссии проливает его докладная записка руководителю Пангерманского союза Эрнсту Хассе от 12 января 1902 года, где Гугенберг пытается подвести аналитические итоги участию в польских делах [12]. Текст докладной записки был опубликован польским историком Ф. Папроцким с микрофильма, хранящегося в Потсдамском архиве, в журнале «Западное обозрение» (*Przegląd Zachodni*) научно-исследовательского общества в Познани.

Основываясь на собственных «наблюдениях за положением немцев в Познани и Западной Пруссии», Гугенберг обосновывает «задачи немецкой политики в Польше» [12, с. 318]. Он убежден, что традиционный подход германского правительства к польским делам уже не соответствует реальным историческим условиям. Во-первых, текущие задачи германской колонизации связаны с переселением в польские земли преимущественно крестьянского населения, которому рейх на льготных условиях и под низкий процент предоставляет обширные сельскохозяйственные угодья. Хотя в самом начале Комиссия и помогает поселенцу в обустройстве на новом месте, но в дальнейшем предоставляет ему распоряжаться своей собственной судьбой самостоятельно. В этом кроется опасность, по мнению Гугенберга, так как нужды крестьян связаны с продукцией промышленного производства, которую они вынуждены по завышенным ценам приобретать в Польше. Учитывая сложные двусторонние политические отношения, поляки намеренно пойдут на повышение цен, чтобы вытеснить волну немецких поселенцев. Приобретение необходимых товаров в Германии также не выгодно, а убыточно, поскольку сопряжено с многочисленными транспортными издержками. Выход из ситуации, по мнению Гугенберга, состоит в приведении германской колонизации к балансу между «крестьянином-фермером, пролетариатом и иму-

щим классом» [12, s. 322]. От рейха требовалось создать в польских землях одинаково выгодные условия для всех категорий населения, а это означало, что польские земли должны стать интересны крупному финансовому и промышленному капиталу. «Втянуть германский рабочий пролетариат в провинцию, какие бы меры не пришлось использовать», – важнейшая задача внутренней колонизации (Гугенберг использует метафору «плыть против течения»), иначе «борьба окажется неравной, а набирающий силу польский поток сметет древние германские бастионы» [12, s. 321].

Во-вторых, проблема германской колонизации в Польше состояла, по мнению Гугенберга, в самом характере распределения земли. Задача Комиссии состояла в покупке больших земельных участков с последующей передачей немецким колонистам. Поскольку казначейство рейха тратило на приобретение польских земель значительные суммы, часть которых шла на последующее обустройство и поддержание хозяйственных нужд приобретенных поместий до тех пор, пока их не захотят приобрести немцы, правительство стремилось к скорейшему возмещению затрат. Но крупные участки могли приобрести только состоятельные немцы из числа прусской знати. Перераспределение земли на мелкие участки и их сдача в аренду или собственность не являлось задачей Поселенческой комиссии. Предложение Гугенберга было направлено как раз на дробление крупных участков на более мелкие, способные заинтересовать среднего крестьянина. «Распределение земли всегда было предметом произвола и вмешательства правителей, а не предметом свободной конкуренции и её случайных последствий <...> Если бы у нас, как в Верхней Силезии, была сравнительно значительная раздробленность собственности, то сильное польское крестьянство не нашло бы от этого никакого лекарства» [12, s. 322]. Имея в виду польское крестьянство, Гугенберг пишет об имевшей место конкуренции между немецким и польским крестьянством.

Важной проблемой в делах внутренней колонизации, решением которой начал заниматься Гугенберг, воплощая собственные замыслы по организации жизни немецких колонистов, было объединение крестьян в кооперативы. В материалах отчета о деятельности Комиссии в первые годы отмечено, что «колонисты еще не сжились друг с другом. Нет еще между ними того взаимного доверия, которое необходимо для ведения дел сообща» [2, с. 81]. Необходимость их единения была продиктована намерением противостоять сильному польскому крестьянину-средняку и желанием «закрепить» колонистов в Польше.

Еще до приезда Гугенберга в Польшу там уже действовала инициативная группа немецких служащих, стремящихся воплотить замысел по соз-

данию самостоятельных немецких поселений. Эта группа объединилась вокруг талантливого экономиста, «любимого ученика» Макса Вебера [10, s. 12–13] – Лео Вегенера (1870–1936). Именно Вегенер позже представит проект расширения немецкой колонизации на Курляндское герцогство, образованное в марте 1918 года на оккупированной немецкими войсками территории Российской империи. Вокруг Вегенера образовался круг единомышленников из числа молодых чиновников и служащих государственных министерств – Людвиг Бернхард (1875–1935), Фридрих Вильгельм Людвиг фон Шверин (1862–1925), Арнольд Ваншаффе (1865–1941). Все были членами Поселенческой комиссии, выступая с критикой официального правительственного курса.

Между прусскими чиновниками в Берлине не было единства в деле внутренней колонизации, так как многие из них, поддерживая линию помещиков-латифундистов, выступали против дробления польских владений, приобретенных Комиссией. В этой связи «кружок» Вегенера образовал нечто, напоминающее «теневое правительство», к которому в конечном итоге вынуждены были прислушаться в Берлине (Шверин представлял Министерство внутренних дел, Ваншаффе был уполномоченным представителем Министерства сельского хозяйства, Гугенберг, который присоединился к Вегенеру, представлял Министерство финансов). Поддержку «теневое правительство» обрело в лице немецких колонистов, заинтересованных в приобретении мелких участков [7, s. 5–6]. Реальным аргументом, способным оказать влияние на правительство в Берлине, была поддержка «Германского общества Восточной марки» (Deutscher Ostmarkenverein), националистической организации, образованной в 1894 году в Познани и насчитывающей несколько десятков тысяч членов. Цели «Общества» совпадали с целями Пангерманского союза, а в его круги, кроме интеллигенции, входили немецкие бизнес-элиты, заинтересованные в активном проникновении на Восток.

Задача участников «кружка» Вегенера состояла в том, чтобы сделать колонистов самостоятельными предпринимателями, а деятельность Поселенческой комиссии – «независимой от вмешательства государства» [7, s. 4].

Пользуясь поддержкой Вегенера, друга по университету, руководившего центральным офисом «Германского общества Восточной марки» в Познани [22, s. 147], Гугенберг содействовал образованию в польских землях кредитно-банковской корпорации «Райффайзен», став ее директором (1900). Филиалы банков, которые были открыты в Познани и других городах, благодаря Гугенбергу стали активно предоставлять выгодные ссуды тем немецким поселенцам, которые были заинтересованы в приобретении мелких земельных владений. При-

чем льготы предоставлялись тем немцам, которые объединялись в товарищества, неся не только персональную, но и коллективную ответственность за возвращение банковской ссуды. Часть средств шла на обеспечение сплочённости немецких поселенцев и распространение немецкой культуры, что придало политике германизации новое звучание. Так, признавая излишними методы политической пропаганды в деле германизации польских территорий, Гугенберг стремился «воспитать» там «хороших немцев» [11, с. 32]. По словам Х. Хольцбаха, на средства, вырученные банком, Гугенберг «в 1897 году основал Евангелическое общество Восточной марки по уходу за сиротами, а через два года при поддержке Пангерманского союза он открыл детский дом, обязав банки в Познани и Берлине тратить суммы на благотворительность. Даже после отъезда из Познани Гугенберг активно участвовал в благотворительных акциях. В отличие от своих более поздних идей, тогда он заботился не о расе, а об интересах государства» [11, с. 32].

Инициативы Гугенберга и его единомышленников из числа «кружка» Вегенера не позволяют однозначно оценивать деятельность Поселенческой комиссии в Польше как «безуспешную», не справившуюся «ни с одной из поставленных перед ней задач» [3, с. 23]. Отказываясь видеть в германской колонизации исключительно политические мотивы, Гугенберг, имея теоретический и практический опыт изучения проблем экономической колонизации на севере Германии, разработал и начал воплощать программу последовательной колонизации с привлечением на Восток финансового и промышленного капитала, что «полностью переориентировало деятельность Комиссии» [22, с. 147].

Инициативы Гугенберга об ограничении крупных землевладений в Познани посредством их дробления и передаче в собственность мелкому немецкому крестьянству позже найдут продолжение в законе о принудительном отчуждении канцлера Бюлова в 1908 году, что откроет дорогу «плановой крестьянской колонизации» [1, с. 562]. Идея об организации немецких колонистов в товарищества также будет поддержана канцлером, убежденным, что успех германской колонизации связан с «образованием в польском море больших немецких островов» [1, с. 556]. Объединенные в товарищества мелкие немецкие поселенцы будут постепенно втягиваться в торгово-экономические отношения и в конечном итоге окажут влияние на формирование пролетариата. «Вследствие заселения польских владений мелкими крестьянами, – отметит позже один из единомышленников Гугенберга, член «кружка Вегенера» Л. Бернхард, – сельские рабочие руки освободятся, и будут влиять на рабочий рынок» [1, с. 574].

Участие в «польских делах» в дальнейшем дало Гугенбергу возможность включиться в решение за-

дач Пангерманского союза, программными целями которого были вопросы колонизации и обеспечения немецких интересов.

Библиографический список

1. *Бернхард Л.* Борьба поляков за существование в Пруссии: Die Polenfrage. Das polnische Gemeinwesen im preussischen Stadt / Людвиг Бернхард, проф. гос. наук в Берл. ун-те; пер. А.С. Изгоева; предисл. П.Б. Струве. – М.: В.П. Рябушинский, 1911. – 584 с.
2. Германская колонизация польских провинций Пруссии по закону 26 апреля 1886 г. / Изд. Канцелярии комитета министров. – СПб., 1894. – 205 с.
3. *Матвеева А.Г.* Польская политика Германии в 1890–1894 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2000. – 25 с.
4. *Ратцель Ф.* Народоведение: в 2 т. Т. 1. – СПб.: Тип. Тов-ва «Просвещение», 1904. – 764 с.
5. *Туполев Б.М.* Германский империализм в борьбе за «место под солнцем»: Герм. экспансия на Ближнем Востоке, в Вост. Африке и в р-не Индийск. океана в конце XIX – нач. XX вв. / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М.: Наука, 1991. – 292 с.
6. *Фишер Ф.* Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / пер. с нем. Л.В. Ланника. – М.: Полит. энци., 2017. – 676 с.
7. *Bernhard L.* Der “Hugenberg-Konzern”. Psychologie und Technik einer Großorganisation der Presse. – Bremen: Faksimile-Verlag, 1983 (Nachdr. d. Ausg. Berlin 1928). – 109 Seiten.
8. *Guratzsch D.* Macht durch Organisation. Die Grundlegung des Hugenbergschen Presseimperiums. Dissertationsschrift. – Hamburg, 1970. – 486 Seiten.
9. *Hartwig E.* Zur Politik und Entwicklung des Alldeutschen Verbandes von seiner Gründung bis zum Beginn der ersten Weltkriege (1891–1914). – Jena, 1966. – 600 Seiten.
10. *Hennis W.* Max Weber und Thukydides. – Wiesbaden, 2003. – 202 Seiten.
11. *Holzbach H.* Das «System Hugenberg»: Die Organisation burgerlicher Sammlungspolitik vor dem Aufstieg der NSDAP (Studien zur Zeitgeschichte). – Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt, 1981. – 350 Seiten.
12. *Hugenberg A.* Eine andere deutsche Polenpolitik. Denkschrift vom Regierungsrat Dr. Hugenberg in Posen an Prof. Dr. Hasse, den 12. Januar 1902 // Przegląd Zachodni. – № 4. – 1958. – S. 318–329.
13. *Hugenberg A.* Innere Kolonisation im Nordwesten Deutschlands. – Straßburg, 1891. – 532 Seiten.
14. *Laak D., van.* Über alles in der Welt. Deutscher Imperialismus im 19. und 20. Jahrhundert. – München, 2005. – 229 Seiten.
15. Lexikon zur Parteiengeschichte. Die bürgerlichen und kleinbürgerlichen Parteien

und Verbände in Deutschland (1789–1945). Bd. 1. – 759 Seiten.

16. Link W. Die Neuordnung der Weltpolitik: Grundprobleme globaler Politik an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. – München, 2001. – 184 Seiten.

17. Marienfeld W. Wissenschaft und Schlachtflottenbau in Deutschland 1897–1906. – Berlin: E.S. Mittler & Sohn, 1957. – 125 Seiten.

18. Ratzel F. Antropogeographie. Bd. 1. Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte. Stuttgart: J. Engelhorn, 1882. Bd. 2. Die geographische Vorbereitung des Menschen. – Stuttgart: J. Engelhorn, 1891. – 506 Seiten.

19. Ratzel F. Die geographische Lage der großen Städte/Grosstadt, Jahrbuch der Gehe-Stiftung. Vol. 9. – Dresden: Zahn & Jaensch, 1903. – 314 Seiten.

20. Ratzel F. Politische Geographie oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges. – München; Berlin, 1897. – 946 Seiten.

21. Thimme A. Flucht in den Mythos. Die Deutschnationale Volkspartei und die Niederlage von 1918. – Göttingen, 1969. – 644 Seiten.

22. Tu T. Die Deutsche Ostsiedlung als Ideologie bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. – Kassel: Univ., Diss. 2009. – 211 Seiten.

23. Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 3. Von der «Deutschen Doppelrevolution» bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges 1849–1914. – München: Beck, 1995. – 1515 Seiten.

24. Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 2. Von der Reformära bis zur industriellen und politischen 'Deutschen Doppelrevolution', 1815–1845/49. – München, 1987. – 1173 Seiten.

References

1. Bernhard L. Bor'ba polyakov za sushchestvovanie v Prussii: Die Polenfrage. Das polnische Gemeinwesen im preussischen Stadt / Lyudvig Berggard, prof. gos. nauk v Berl. un-te; per. A.S. Izgoeva; predisl. P.B. Struve. – M.: V.P. Ryabushinskij, 1911. – 584 s.

2. Germanskaya kolonizaciya pol'skih provincij Prussii po zakonu 26 aprelya 1886 g. / Izd. Kanceljarii komiteta ministrov. – SPb., 1894. – 205 s.

3. Matveeva A.G. Pol'skaya politika Germanii v 1890–1894 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. – M., 2000. – 25 s.

4. Ratcel' F. Narodovedenie: v 2 t. T. 1. – SPb.: Tip. Tov-va «Prosveshchenie», 1904. – 764 s.

5. Tupolev B.M. Germanskij imperializm v bor'be za «mesto pod solncem»: Germ. ehkspansiya na Blizhnem Vostoke, v Vost. Afrike i v r-ne Indijs. okeana v konce XIX – nach. XX vv. / AN SSSR, In-t vseobshch. istorii. – M.: Nauka, 1991. – 292 s.

6. Fisher F. Ryvok k mirovomu gospodstvu. Politika voennyh celej kajzerovskoj Germanii v 1914–1918 gg. / per. s nem. L.V. Lannika. – M.: Polit. ehnc., 2017. – 676 s.

7. Bernhard L. Der “Hugenberg-Konzern”. Psychologie und Technik einer Großorganisation

der Presse. – Bremen: Faksimile-Verlag, 1983 (Nachdr. d. Ausg. Berlin 1928). – 109 Seiten.

8. Guratzsch D. Macht durch Organisation. Die Grundlegung des Hugenbergschen Presseimperiums. Dissertationsschrift. – Hamburg, 1970. – 486 Seiten.

9. Hartwig E. Zur Politik und Entwicklung des Alldeutschen Verbandes von seiner Gründung bis zum Beginn der ersten Weltkriege (1891–1914). – Jena, 1966. – 600 Seiten.

10. Hennis W. Max Weber und Thukydides. – Wiesbaden, 2003. – 202 Seiten.

11. Holzbach H. Das «System Hugenberg»: Die Organisation burgerlicher Sammlungspolitik vor dem Aufstieg der NSDAP (Studien zur Zeitgeschichte). – Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt, 1981. – 350 Seiten.

12. Hugenberg A. Eine andere deutsche Polenpolitik. Denkschrift vom Regierungsrat Dr. Hugenberg in Posen an Prof. Dr. Hasse, den 12. Januar 1902 // Przeglad Zachodni. – № 4. – 1958. – S. 318–329.

13. Hugenberg A. Innere Kolonisation im Nordwesten Deutschlands. – Straßburg, 1891. – 532 Seiten.

14. Laak D., van. Über alles in der Welt. Deutscher Imperialismus im 19. und 20. Jahrhundert. – München, 2005. – 229 Seiten.

15. Lexikon zur Parteiengeschichte. Die bürgerlichen und kleinbürgerlichen Parteien und Verbände in Deutschland (1789–1945). Bd. 1. – 759 Seiten.

16. Link W. Die Neuordnung der Weltpolitik: Grundprobleme globaler Politik an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. – München, 2001. – 184 Seiten.

17. Marienfeld W. Wissenschaft und Schlachtflottenbau in Deutschland 1897–1906. – Berlin: E.S. Mittler & Sohn, 1957. – 125 Seiten.

18. Ratzel F. Antropogeographie. Bd. 1. Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte. Stuttgart: J. Engelhorn, 1882. Bd. 2. Die geographische Vorbereitung des Menschen. – Stuttgart: J. Engelhorn, 1891. – 506 Seiten.

19. Ratzel F. Die geographische Lage der großen Städte/Grosstadt, Jahrbuch der Gehe-Stiftung. Vol. 9. – Dresden: Zahn & Jaensch, 1903. – 314 Seiten.

20. Ratzel F. Politische Geographie oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges. – München; Berlin, 1897. – 946 Seiten.

21. Thimme A. Flucht in den Mythos. Die Deutschnationale Volkspartei und die Niederlage von 1918. – Göttingen, 1969. – 644 Seiten.

22. Tu T. Die Deutsche Ostsiedlung als Ideologie bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. – Kassel: Univ., Diss. 2009. – 211 Seiten.

23. Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 3. Von der «Deutschen Doppelrevolution» bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges 1849–1914. – München: Beck, 1995. – 1515 Seiten.

24. Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 2. Von der Reformära bis zur industriellen und politischen 'Deutschen Doppelrevolution', 1815–1845/49. – München, 1987. – 1173 Seiten.

Осипова Елена Александровна
Костромской государственной университет
elena-decide@yandex.ru

Турыгин Александр Александрович
кандидат исторических наук, доцент
Костромской государственной университет
aturigin@mail.ru

ОБРАЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ИМПЕРСКИХ ГРАНИЦ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПРАВОМОНАРХИЧЕСКИХ КОНСЕРВАТИВНЫХ ПАРТИЙ НАКАНУНЕ 1917 ГОДА

Целью статьи является попытка охарактеризовать образ Российской империи и имперских границ в представлениях правомонархических партий накануне революционных событий 1917 г. Автор уделяет внимание теоретическим предпосылкам идейных воззрений черносотенцев («теория официальной народности» и концепции поздних славянофилов) и практическим задачам, которые они ставили перед собой на политической арене (стремление к сохранению единой и неделимой Российской империи). Главный вывод заключается в том, что в представлениях правомонархических организаций русская национальная традиция тесно переплеталась с парадигмой единой империи, воспринимавшейся как безусловная политическая ценность, выполнявшая защитную функцию перед лицом западной цивилизации. Обеспечить единство и неделимость Российской империи в целях достижения культурного и экономического расцвета могла только унитарная модель государственного устройства, предусматривающая строгую централизацию и не допускающая автономности окраин.

Ключевые слова: правомонархические партии, черносотенцы, империализм, «теория официальной народности», Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Российская империя.

В преддверии Первой мировой войны, когда Россия готовилась к вступлению в «битву» за передел колониальных владений, вопросы, связанные с имперской политикой, вышли на первый план в общественно-политическом дискурсе. В этой связи особую значимость приобрела позиция черносотенных организаций, уделявших большое внимание этой проблематике. Цель настоящей статьи – охарактеризовать образ Российской империи и имперских границ в представлениях правомонархических партий накануне революционных событий 1917 г.

В программных документах черносотенных организаций одним из главных ориентиров в их политической борьбе называлось стремление к сохранению «единой и неделимой России» [см., например: 9, с. 81, 89, 103, 126]. Этот пункт, занимающий первостепенное значение для характеристики представлений правомонархических партий о Российской империи и ее границах, имел вполне определенное идеологическое обоснование, покоившееся, с одной стороны, на знаменитой формуле «Православие, Самодержавие, Народность», получившей в начале XX в. «второе дыхание», а с другой – на идее «самобытного» пути развития и теоретических воззрениях поздних славянофилов о непримиримых различиях российской и европейской цивилизаций, которые не могут заимствовать опыт друг друга.

Остановимся подробнее на рассмотрении идейных основ политических убеждений черносотенцев. В научных исследованиях, посвященных правомонархическим партиям, отмечается, что в основе их мировоззрения лежала «уваровская триада “Православие, Самодержавие, Народность”», ставшая своего рода политическим кредо

правомонархического движения», получив обоснование в программных документах его союзов и организаций [3, с. 285]. М.Л. Размолодин, подробно изучив идеологические установки черносотенцев, пришел к выводу, что они воспринимали уваровскую триаду как монолитный фундамент русского народа, утверждая, что каждый ее элемент не может существовать обособленно, «без привязки с другими он теряет свою силу». «Все элементы конструкции, – пишет исследователь, – фокусировались в личности монарха, который являлся “персонификацией духа нации”, носителем и олицетворением ее культурного и политического идеалов. ...Наряду с православием (религиозный элемент) русская народность (национальный элемент) занимала равнозначное место, так как и самодержавие, и православие вытекали из свойств и характера самого русского народа» [12, с. 32].

С озвученными позициями историков трудно поспорить, поскольку и в программных документах правоконсервативных партий, и на страницах их периодической печати, и в официальных заявлениях лидеров организаций и союзов звучали призывы отстаивать базовые ценности традиционного российского общества, сформулированные С.С. Уваровым [16, с. 14]. Так, Союз русского народа – одна из крупнейших правомонархических партий – в своей программе перечислил положения, которые намерен отстаивать «как в жизни, так и в Государственной Думе», среди которых главными выделил православие, самодержавие, народность [4, с. 765–766]. Другая известная черносотенная организация – Русский народный союз им. Михаила Архангела – в качестве одного из пунктов своей программы указывала: «Благо Родины зависит от сохранения в чистоте православной

Веры, Русского неограниченного Царского Самодержавия и Русской самобытности» [13]. При этом заявлялось, что «Народ Русский в подавляющем большинстве – православный, а потому Православной Церкви, покоящейся на канонических началах соборности и правильного приходского устройства, должно быть предоставлено первенствующее в России положение» [13]. В свою очередь, Русский монархический союз видел свою миссию в том, чтобы способствовать укреплению «русской исторической государственности на основах Православия» [15, с. 21].

Важно отметить, что не меньшее значение правомонархические партии уделяли отстаиванию принципа народности, под которой понимали «русскость», тесно связанную с православной религией и лояльную самодержавному режиму. В постановлениях Второго всероссийского съезда русских людей, проходившего 6–12 апреля 1906 г., была высказана единая позиция по национальному вопросу. В качестве главных врагов русской государственности были определены немецкая колонизация и иудизация. Съезд постановил необходимость «уничтожить: привилегии немецкого населения, вредные для местного блага населения и всей России...» [10, с. 150], а также «признать, что равноправие Евреев с Русскими грозит нам порабощением, может повлечь за собой утрату нашей политической независимости» [10, с. 152]. Задаваясь вопросом, «в чем заключается суть русской народности», черносотенцы пришли к выводу, что «народность, в отличие от национальности и космополитизма, есть триединство 1.°вероисповедания, 2.°государственности и 3.°своеобытной просвещенности, основанной на обособленности языка, страны и нравов (обычаев) [14, с. 15]. Таким образом, уваровская триада, будучи базисом черносотенной идеологии, наполнялась национальным содержанием и преподносилась как национальная идея русского народа: «Русский народ как нация выражается в трех символах: вере православной, царе самодержавном и народе русском» [цит. по: 12, с. 31].

В идеологии правомонархических партий Российской империя представляется как самобытное общественно-политическое пространство, требующее сохранения и поддержания духовных и культурных границ. В связи с этим признавалась пагубность влияния западных и иных цивилизаций и полное отрицание возможности реформирования страны с опорой на опыт народов, развивающихся в других социокультурных условиях. Данные мировоззренческие установки не просто подпитывались идеями славянофилов, но к началу XX в. получили развернутое концептуальное обоснование в виде теоретических систем, разработанных в трудах Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. В частности, цивилизационный подход Н.Я. Данилевского привлекал правомонархистов тем, что разграничи-

вал романо-германский (католический) мир, характеризующийся чрезмерной насильственностью, история которого была наполнена примерами уничтожения и разграбления покоренных народов, и славянский (православный) мир, стремящийся принести завоеванным народам культуру и просвещение [2, с. 58]. Из «византийской» концепции К.Н. Леонтьева правомонархисты взяли на вооружение идею единственно приемлемого для России иноземного влияния: «Все живое у нас сопряжено органически с родовой монархией нашей, освященной православием, которого мы естественные наследники... Византизм организовал нас, система византийских идей создала величие наше, сопрягаясь с нашими патриархальными, простыми началами, с нашим, еще старым и грубым вначале, славянским материалом...» [6, с. 145].

Идеи Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева в интерпретации правомонархических сил приобрели новое государственно-политическое звучание, что, по словам И.В. Омелянчука, выразилось в «противопоставлении “Россия – Запад”... В политической сфере это самодержавие и конституционализм, в экономической – сельское хозяйство и промышленность, в социальной – соборность и индивидуализм, в духовной – православие и католицизм (протестантизм)» [8, с. 36]. Этими противоположностями как раз выражалось видовое различие русско-православной и европейской цивилизаций, имеющих совершенно разные корни.

Если теоретические конструкции взглядов правомонархических организаций базировались на вере в богоданность самодержавия, самобытности пути развития, почитании государственных и общинных традиций, то практические цели, на достижение которых были направлены усилия их представителей, действовавших на политической арене, находили выражение в емком и лаконичном лозунге «единой и неделимой России». М.Л. Размолодин в своих исследованиях наиболее полно раскрыл суть этого постулата, включавшего следующие общественно-политические принципы: «единство и неделимость национально-государственного устройства Российской империи; первенство русского народа как “собирателя земель” и создателя государства; первенство русского языка; строгая унитарность государственного устройства, единоначалие и твердый порядок как основа существования разноплеменного государства; необходимость борьбы с “инородческим засильем” (т. е. со стремлением инородцев к сепаратизму и одновременно к захвату высших этажей социальной иерархии в империи); право инородцев на ограниченную политическую и экономическую свободу» [11, с. 234].

Иными словами, говоря о единой и неделимой России, черносотенцы имели ввиду необходимость сохранения Российской империи в современных

им границах. Так, в программе Союза русских рабочих людей было отражено, что «созданное русским народом Русское государство не может быть ни под каким видом делимо и разделяемо на разные автономные области, а должно сохранять все земли, ему принадлежащие в настоящее время, в полной неприкосновенности» [цит. по: 11, с. 234]. В Своде основных понятий и положений русских монархистов, принятом 19 мая 1912 г., указывалось: «Нет необходимости разбиваться на части, как разбита земельно и народно маленькая Европа. Дробное деление на части, удовлетворяя началу многообразности и свободы частей, не удовлетворит началу соборного братства и единства целого. От сего происходят постоянные враждебные столкновения и распад самодержавного домостроительства частей страны. Только в соборно сплоченной великодержавной единице Россия может выполнить предназначенную ей Судьбою великую просветительную задачу... В чем сия просветительная задача Русского Народа? Задача – явить миру свой самобытный государственный христианский строй управления и довести его до такого совершенства, которое уже недоступно европейским государствам...» [14, с. 13]. Гарантом же выживания русского народа и сохранения его самобытности для исполнения своей мессианской роли являлось самодержавие, сохранить которое представлялось возможным только в рамках имперского пространства. В представлениях правомонархических партий империя раскрывалась как категория духовного порядка, включавшая «религиозные, самодержавно-политические и национально-психологические компоненты» [11, с. 233].

Согласно программным установкам черносотенцев, обеспечить единство и неделимость Российской империи могла только унитарная модель государственного устройства, предусматривающая строгую централизацию и не допускающая автономности окраин. Все это, по их мнению, должно было способствовать территориальной сплоченности империи, лишь посредством которой может быть достигнут культурный и экономический расцвет национальных территорий. В этом виделся единственный путь объединения всего населения империи в борьбе за сохранение наследия и традиций страны. В частности, в программе, разработанной Союзом Михаила Архангела, отмечалось: «Сила Родины кроется в сохранении неделимой целостности Государства Российского, в соблюдении в нем законности и порядка, а также в братской поддержке Русскими всех сословий и состояний, друг друга, везде и всюду, как в духовном, так и в материальном отношениях» [13].

Анализируя взгляды черносотенцев относительно единства имперского пространства, нельзя не остановиться на проблеме, прямо вытекающей из вышеописанного – национальном вопросе. Рос-

сия начала XX в. представляла собой многонациональное государство с пестрым территориальным составом, включавшим окраины и регионы, уровень культурного развития которых мог быть совершенно несопоставим между собой (например, Польшу и Финляндию трудно поставить в один ряд со Средней Азией). Рассматривая национальную проблематику, черносотенцы, конечно, отделяли русских от населявших страну инородцев. В своих рассуждениях они отталкивались от тезиса о том, что поглощение сильными нациями слабых этносов в истории человечества неизбежно. В связи с этим неизбежна и культурная ассимиляция, в том числе для реализации геополитических задач.

В исторической науке есть ряд исследований, специально посвященных рассмотрению действий правомонархических партий в разных регионах империи и их взаимоотношению с местным населением. Проанализировав эти работы, мы можем прийти к выводу, что инородное население Поволжья, Сибири и Средней Азии воспринималось черносотенцами как лояльное самодержавию: прочной основой для союза здесь выступали защита универсальных традиционных ценностей, социального строя и общественных устоев, а также неприятие западных либеральных идей [1, с. 17; 5, с. 306–308; 7, с. 35]. В противовес этому в населении Финляндии, Польши, Прибалтики и Кавказа черносотенцы видели угрозу имперской целостности. Конечно, речь шла не обо всех жителях указанных территорий, а лишь об их национальных элитах, демонстрировавших в угоду собственным интересам сепаратистские настроения [11, с. 252–253]. В связи с этим для национальных окраин не предусматривалось ни автономности, ни возможности предоставления права на самоопределение в какой бы то ни было форме. Современный исследователь Ю.И. Кирьянов пришел к выводу, что черносотенцы выступали за «твердое проведение политического и государственного объединения Кавказа с Россией», против автономии Польши и Финляндии с тем, чтобы с точки зрения общегосударственной и экономической они оставались бы в составе Российской империи» [5, с. 309].

Такой подход в сфере национально-государственного строительства правомонархические партии связывали с историческими заслугами страны: «...великое множество инородцев, входящих ныне в состав Русского государства, никогда не терпело от русского народа зла и притеснений; мало того, все они, а некоторые в особенности (евреи, поляки, финляндцы, армяне, грузины), под защитой русского народа, пользуясь его потом, кровью и могуществом, – укрепились, разбогатели. Жили и спаслись от поглощения их другими народами» [цит. по: 11, с. 283]. Кроме того, пропагандировался тезис о том, что единство империи в первую очередь выгодно самим инородцам, вернее – рядово-

му населению, поскольку только самодержавный монарх заинтересован в «полном единении всех подданных», стремясь обеспечить такие условия, чтобы и коренное русское, и инородное население «наименее будет стеснено в отыскании себе пропитания при помощи разных привилегий некоторых частей государства» [цит. по: 11, с. 242].

Подводя итоги, отметим, что в представлениях правомонархических партий имперская проблематика занимала одно из основных положений. Если теоретической основой их взглядов служили уваровская триада (Православие, Самодержавие, Народность) и идея «самобытного» пути развития, заимствованная у поздних славянофилов, то практические цели, на достижение которых были направлены усилия их представителей, находили выражение в стремлении к сохранению единой и неделимой России. При этом самодержавие, сохранить которое представлялось возможным только в рамках имперского пространства, в идеологии черносотенцев выступало в качестве гаранта выживания русского народа и сохранения его самобытности для исполнения своей мессианской роли. В представлениях правомонархических организаций русская национальная традиция тесно переплеталась с парадигмой единой империи, воспринимавшейся как безусловная политическая ценность, выполнявшая защитную функцию перед лицом западной цивилизации.

Библиографический список

1. *Алексеев И.Е.* Черносотенные и умеренномонархические организации Казанской губернии (1905 – февраль 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1997. – 22 с.
2. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому / отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации: Благословение, 2011. – 816 с.
3. *Ивакин Г.А.* Основные элементы правоконсервативной идеологии черносотенства в начале XX в. // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 3. – С. 285–292.
4. История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. Т.1. 1917–1970 / под ред. М. Данилушкина. – СПб.: Воскресение, 1997. – 1020 с.
5. *Кирьянов Ю.И.* Правые партии России 1911–1917 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – 464 с.
6. *Леонтьев К.Н.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5. Восток, Россия и славянство. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1912. – 468 с.
7. *Михайлова Е.М.* Правомонархическое движение начала XX века в Поволжье: идеологическое оформление и общественно-политическая практика: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Казань, 2007. – 51 с.

8. *Омельянчук И.В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Воронеж, 2006. – 46 с.

9. Полный сборник платформ всех русских политических партий, с приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. – М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2001. – 132 с.

10. Постановления Второго Всероссийского съезда русских людей [6–12 апреля 1906 г.] // Правые партии. 1905–1917 гг.: Документы и материалы: в 2 т. Т.1. 1905–1910 гг. / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 1998. – С. 147–154.

11. *Размолодин М.Л.* О консервативной сущности черной сотни. – Ярославль: Ньюанс, 2012. – 388 с.

12. *Размолодин М.Л.* Православно-религиозные основы черносотенной идеологии // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 4 (12). – С. 31–36.

13. Русский народный союз им. Михаила Архангела: Программа и Устав. СПб., 1909 (Приложение к «Колоколу»). 1908. № 692 // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 116. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 678–678 об. [Электронный ресурс]. – Доступ из эл. библиотеки «Гумер». – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/Pr_RussNarS.php (дата обращения: 28.01.2018).

14. Свод основных понятий и положений русских монархистов, выработанный Программным Разрядом IV-го Всероссийского Съезда Союза Русского Народа и V-го Всероссийского Съезда Русских Людей и принятый общим собранием сих Съездов 19 мая 1912 г. // Вестник Союза Русского народа. – 1912. – № 104 (1 июня). – С. 11–15.

15. Устав Общества под названием «Русский Монархический Союз», или «Русская Монархическая Партия»: (утвержден 17 января 1911 года). – М.: Русская Печатня, 1911. – 23 с.

16. Черная сотня: Историческая энциклопедия 1900–1917 / сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов; отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Ин-т русской цивилизации. – 2008. – 640 с.

References

1. *Alekseev I.E.* Chernosotennye i umerennomonarhicheskie organizacii Kazanskoj gubernii (1905 – fevral' 1917 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Kazan', 1997. – 22 s.
2. *Danilevskij N.YA.* Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k romano-germanskomu / отв. red. O.A. Platonov. – M.: Institut russkoj civilizacii: Blagoslovenie, 2011. – 816 s.
3. *Ivakin G.A.* Osnovnye ehlementy pravokonservativnoj ideologii chernosotenstva v nachale XX v. // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. – 2014. – № 3. – S. 285–292.

4. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. Novyj patriarshij period. T.1. 1917–1970 / pod red. M. Danilushkina. – SPb.: Voskresenie, 1997. – 1020 s.
5. Kir'yanov YU.I. Pravye partii Rossii 1911–1917 gg. – M.: ROSSPEHN, 2001. – 464 s.
6. Leont'ev K.N. Sobranie sochinenij: v 9 t. T. 5. Vostok, Rossiya i slavyanstvo. – M.: Tip. V.M. Sablina, 1912. – 468 s.
7. Mihajlova E.M. Pravomonarhicheskoe dvizhenie nachala XX veka v Povolzh'e: ideologicheskoe oformlenie i obshchestvenno-politicheskaya praktika: avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk. – Kazan', 2007. – 51 s.
8. Omel'yanchuk I.V. CHernosotennoe dvizhenie v Rossijskoj imperii (1901–1914 gg.): avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk. – Voronezh, 2006. – 46 s.
9. Polnyj sbornik platform vsekh russkih politicheskikh partij, s prilozheniem vysochajshego manifesta 17 oktyabrya 1905 g. i vsepoddanejshego doklada grafa Vitte. – M.: Gos. publ. ist. b-ka Rossii, 2001. – 132 s.
10. Postanovleniya Vtorogo Vserossijskogo s"ezda russkih lyudej [6–12 aprelya 1906 g.] // Pravye partii. 1905–1917 gg.: Dokumenty i materialy: v 2 t. T.1. 1905–1910 gg. / otv. red. V.V. SHelohaev. – M.: ROSSPEHN, 1998. – S. 147–154.
11. Razmolodin M.L. O konservativnoj sushchnosti chernoj sotni. – YAroslavl': Nyuans, 2012. – 388 s.
12. Razmolodin M.L. Pravoslavno-religioznye osnovy chernosotennoj ideologii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – № 4 (12). – S. 31–36.
13. Russkij narodnyj soyuz im. Mihaila Arhangela: Programma i Ustav. SPb., 1909 (Prilozhenie k «Kolokolu». 1908. № 692) // Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. – F. 116. – Op. 2. – D. 1. – L. 678–678 ob. [EHlektronnyj resurs]. – Dostup iz ehl. biblioteki «Gumer». – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/Pr_RussNarS.php (data obrashcheniya: 28.01.2018).
14. Svod osnovnyh ponyatij i polozhenij russkih monarhistov, vyrabotannyj Programmym Razryadom IV-go Vserossijskogo S"ezda Soyuza Russkogo Naroda i V-go Vserossijskogo S"ezda Russkih Lyudej i prinyatyj obshchim sobranie sikh S"ezdov 19 maya 1912 g. // Vestnik Soyuza Russkogo naroda. – 1912. – № 104 (1 iyunya). – S. 11–15.
15. Ustav Obshchestva pod nazvaniem «Russkij Monarhicheskij Soyuz», ili «Russkaya Monarhicheskaya Partiya»: (utverzhen 17 yanvary 1911 goda). – M.: Russkaya Pechatnya, 1911. – 23 s.
16. CHernaya sotnya: Istoricheskaya ehnciklopediya 1900–1917 / sost. A.D. Stepanov, A.A. Ivanov; otv. red. O.A. Platonov. – M.: In-t russkoj civilizacii. – 2008. – 640 s.

Петровичева Елена Михайловна

доктор исторических наук
helenp94@mail.ru

Птицына Галина Михайловна

ms_ptitsina@mail.ru

ПОВЕДЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЕЙ НА ВЫБОРАХ В ВОЛОСТНЫЕ ЗЕМСТВА 1917 Г. (на материалах Владимирской губернии)

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект 17-11-33002

В статье рассматривается поведение сельского населения в ходе выборов в волостные земские учреждения в 1917 году в одной из наиболее типичных губерний промышленного центра России – Владимирской. Анализ свидетельств местной прессы и хранящихся в центральных и местных архивах сообщений губернского и уездных комиссаров Временного правительства позволил выявить особенности восприятия крестьянами и сельской интеллигенцией данного региона революционной власти в начале осени 1917 г. Используя методы исторической антропологии и новой политической истории, авторы выявили причины индифферентности крестьянства по отношению к новой земской единице, среди которых отмечаются: задержка с разработкой и проведением земской реформы; появление к тому времени на местах исполнительных, земельных, продовольственных комитетов и советов крестьянских депутатов, непосредственно представлявших интересы крестьянства; недостатки в организации предвыборной кампании; финансовые и организационные проблемы волостных земств.

Ключевые слова: социальное поведение крестьянства, избирательная кампания, волостное земство, 1917 год, революция, Временное правительство.

Современные исследователи до сих пор по-разному оценивают земскую реформу Временного правительства. Была ли введенная в 1917 г. избирательная система удачным демократическим проектом новой России [13] или же явилась поспешной, слишком радикальной и непонятной для общества того периода [18]? Глубокий анализ новой избирательной системы содержится в трудах Л.Е. Лаптевой и А.Ю. Шутова, которые весьма высоко оценивают земскую реформу Временного правительства, подчеркивая при этом, что история не оставила возможности проверить, как эта реформа работала бы на практике [20; 28]. Ход избирательной кампании в волостные земства на материалах различных регионов страны рассматривался в последние годы рядом авторов, затрагивавших проблему поведения сельских избирателей и выяснявших причины их абсентеизма [1; 4; 5, с. 284–299; 6; 21, с. 235–263].

Цель данной статьи – на основе сообщений местной прессы и хранящихся в архивах отчетов губернского и уездных комиссаров Временного правительства проанализировать социальное поведение сельского населения Владимирской губернии в период выборов в волостные земства. Это позволит выявить особенности восприятия крестьянами данного региона революционной власти к началу осени 1917 г. Данный анализ является попыткой взглянуть на 1917 год, прежде всего, с точки зрения исторической антропологии, стремящейся рассмотреть исторические процессы с позиций их участников [24, с. 25–61]. Изучение местных органов власти переносит нас также в плоскость новой политической истории, которая, в свою очередь, тоже антропологизируется, выдвигая на первый план не государство и его деятелей, а власть в социокультурном контексте эпохи [19, с. 7–20]. Сквозь при-

зму этих подходов доминирующим фактором становится сознание крестьян, их отношение к власти и проводимой ею земской реформе.

3 марта была опубликована декларация Временного правительства, объявившая о начале реформы местного самоуправления. Как следовало из этого документа, правительство сделало ставку на земские учреждения как основу будущей административной власти на местах [15, № 5–6], опираясь на практический опыт его деятельности за более чем полувековой период [22, с. 34–41]. Однако разработка земской реформы затянулась [16, № 1, с. 3–4]. Положение «О волостном земском управлении» было утверждено правительством 21 мая и опубликовано в начале июня [3, № 16].

Введение волостных земств (собраний и управ) как фундамента всей земской системы знаменовало коренные изменения в государственном управлении [2, с. 1–5], которые так долго отстаивала либеральная и демократическая общественность. Согласно указанному положению, волостные земства, избираемые на трёхлетний срок, ведали делами местного общественного хозяйства и управления в пределах волости. Они заведовали земскими повинностями и капиталами, снабжением населения продовольствием, устройством и содержанием местных дорог, пожарным делом, попечением о народном образовании, здравоохранении и благотворительности, санитарным делом. Помимо традиционных обязанностей, на земство были возложены и новые – оказание юридической помощи населению, охрана общественного порядка и безопасности, исполнение государственных и земских повинностей, а также распоряжений правительственных и общественных учреждений [4, с. 49].

В выборах могли участвовать все граждане, достигшие 20 лет, включая женщин. Выборы были

прямыми, всеобщими, равными и тайными. Постановление возложило руководство выборами и их финансирование на уездные земские управы. Комиссары Временного правительства должны были оказывать последним всяческое содействие [3, № 62, с. 1–2]. Уездные управы Владимирской губернии получали от Министерства внутренних дел специальные кредиты на организацию выборов, но финансирование было недостаточным [7, оп. 3, д. 202, л. 5; 9, оп. 4, д. 1388, л. 89].

Временное правительство давало простор для выбора предстоящей избирательной системы – пропорциональной или же мажоритарной. Во Владимирской губернии выборы чаще всего проходили по пропорциональной системе, которая предполагала голосование не за отдельных лиц, а за списки кандидатов, выдвинутых политическими партиями, союзами, группами населения [11, оп. 5, д. 736, л. 3 об.].

Для Владимирской губернии изначально был установлен единый день выборов – 27 августа [8, оп. 2, д. 41, л. 25]. Однако на практике уезды чаще всего утверждали собственные сроки: так, в Юрьев-Польском и Шуйском уездах выборы были назначены на 3 сентября, в Муромском – на 10, в Суздальском уезде – на 14 сентября [17, № 128, с. 2]. Но и эти даты нередко отодвигались из-за неподготовленности списков или из-за неявки избирателей [21, с. 264–266].

Только в августе начинается подготовка избирательной кампании, в которой большую роль сыграла сельская демократическая интеллигенция, так называемый «третий элемент». Земская общественность понимала, что крестьянство, не прошедшее в массе своей школы работы в самоуправлении, может отнестись к этим выборам индифферентно. В губернский и уездные центры неоднократно поступали просьбы высылать на места необходимую литературу и лекторов – слишком непонятной и громоздкой казалась простым сельским обывателям общественно-политическая лексика [17, № 24, с. 4; 35, № 139].

Корреспондент из Черсевской волости Меленковского уезда сообщал: «По волости началась перепись для организации выборов в волостное земство. Однако работа идет медленно, так как население пока совсем не имеет понятия, что такое волостное земство». По сообщению газеты «Известия Владимирского губернского временного исполнительного комитета», в начале августа 1917 г. в селе Лавса Меленковского уезда «местная учительница, член волостной избирательной комиссии, пыталась на волостном сходе несколько раз выступить и разъяснить населению значение и порядок представительных выборов в волостные земства, но неудачно... Среди слушателей были лица, которые шумно выражали свое нежелание слушать разъяснение учительницы...» [21, с. 266].

Большое внимание разъяснительной и пропагандистской работе в период избирательной кампании уделяла пресса – как центральная, так и местная. Журнал «Земское дело» отмечал необходимость добиться того, чтобы «деревня имела возможность сознательно отнестись к выборам волостных гласных, чтобы перед нею были ясно поставлены задачи волостного земства...» [14, № 9–10, с. 363].

В августе 1917 г. на первой полосе «Известий Владимирского губернского Временного исполкома» началась публикация серии статей на тему волостных выборов. 11 августа в статье «Как будут избираться волостные земские гласные» подробно разбирались суть закона от 21 мая 1917 года, назначение новых земств, процедура голосования, состав избирательных комиссий, печатались избирательные списки, назывались сроки, округа, порядок подсчета голосов. Текст был написан упрощенным языком, без громоздких юридических терминов и витиеватых фраз, содержал много вопросительных предложений и тут же предлагал ответы на них. Статья, очевидно, была нацелена на то, чтобы сделать реформу предельно понятной для крестьян, а процедуру предстоящих выборов – максимально прозрачной.

«Все жители волости, достигшие 20 лет, мужчины и женщины, без различия вероисповедания, сословия, звания, богатства и образования – все жители имеют право подать свои голоса за тех или других лиц», – подчеркивает издание. Заканчивается текст призывом прийти на выборы, обоснованием необходимости этого для самих крестьян: «Волостное земство будет заведовать всеми делами волости. Поэтому каждый житель волости должен интересоваться волостным земством, а следовательно, и участвовать в выборах волостных земских гласных. Каждый должен знать, как будут происходить выборы, вовремя просмотреть избирательные списки, не пропустить сроков, чтобы не потерять своего права на голосование, – и в день выборов принять в них участие вместе со всеми остальными гражданами» [17, № 120, с. 1].

Практически накануне самих выборов, 26 августа, печатается, на наш взгляд, запоздалое разъяснение того, как надо было составлять кандидатские списки, а также горячий призыв баллотироваться женщинам, которые впервые в российской истории могли воспользоваться избирательным правом: «Из них есть и деловые, и чрезвычайно чуткие ко всем начинаниям, идущим на благо народа». «Новому земству предстоит много дел и таких, которые знает женщина», – подытоживает автор. В этой статье также подчеркивалась важная роль, которую предстояло сыграть будущему волостному земству при организации выборов в Учредительное собрание [17, № 131, с. 1].

К началу сентября всё внимание «Известий ВГВИК» было сосредоточено на разъяснении функций нового органа власти. В доступной форме и очень подробно перечислялись все неотложные дела, которые предстояли волостной управе, начиная с решения продовольственного вопроса и заканчивая народным образованием. Особое внимание уделялось призрению: «Нужно распространить в деревни ясли и детские сады, приняты для рожениц. Нужно приложить все меры к тому, чтобы ни одна вдова-солдатка и ни один сирота ребенок солдат не были брошены на произвол судьбы, не пошли бы по миру, к стыду своего общества, но и не легли бы бесплодным бременем на его плечи» [17, № 129, с. 1].

На страницах же наиболее популярной в г. Владимире газеты «Старый Владимирец» специальная колонка – «Хроника городских, волостных и уездных земских выборов во Владимирской губернии» – появилась только в самом преддверии выборов и большой информативностью не отличалась. После краткого объяснения безымянный автор провозгласил: «Волостное земство – это нива общественной работы, которую надо уметь возделывать» [25, № 170, с. 2]. Подобная агитация не имела большого резонанса в деревне, поскольку не сопровождалась необходимыми разъяснениями.

Что касается «Известий ВГВИК», то они гораздо активнее вели разъяснительную работу среди крестьян и охотно откликнулись на призывы корреспондентов с мест, которые писали: «Население в своей массе совершенно смутно представляет права и обязанности волостного земства. Необходимо в скорейшем времени поставить население в известность о разграничении их от обязанностей и прав уездных и губернских с подробным указанием, что должны делать те и другие, чтобы крестьяне уяснили крайнюю необходимость его создания. Чтобы не было такого холодного равнодушия к выборам...» [17, № 138, с. 4].

Наступили дни выборов! И уездные комиссары, и пресса – все были солидарны в том, что в целом они проходили спокойно, без эксцессов. Но что скрывалось за этим спокойствием? Апатия и равнодушие избирателей. Из Ковровского уезда, например, сообщалось, что агитация проходила мирно; местами списочной системой были недовольны, но открыто выражали недовольство лишь отдельные небольшие группы, и почти везде были довыборы. По заключению уездного комиссара, население в общем отнеслось к выборам крайне равнодушно [10, оп. 2, д. 42, л. 97].

Дополнительные выборы приходилось проводить и в Переславском уезде. Как сообщал уездный комиссар, «административным судом по 6 волостям выборы совершенно отменены, а по одной постановлено составить новый список кандидатов» [10, оп. 2, д. 42, л. 113].

Равнодушно отнеслось к выборам и население Александровского уезда. По наблюдениям корреспондента, «граждане-избиратели были подготовлены к выборам неважно и шли к избирательным ящикам неохотно» [17, № 143, с. 4]. Корреспонденты с мест заключали: «Голосовать совсем не идут, по пяти раз приходилось делать наряд, и всё никто не идет» [17, № 138, с. 4]. Аналогичным образом развивалась ситуация в Меленковском уезде, где по третьему выборному округу, состоящему из села Крюкова и деревень Заболотье и Васювино, выборы в волостное земство состоялись 27 августа. Право голоса имели более 300 человек, «первоначально на выборы явилось не более 6–10 чел., потом через 2–4 часа собралось человек до 30» [17, № 138, с. 4].

Пассивность избирателей можно объяснить рядом причин и прежде всего – недостаточно хорошей организационной и разъяснительной предвыборной работой на местах, что было особенно необходимо для незнакомых с техникой выборов и в большинстве своем неграмотных крестьян. Народные корреспонденты неоднократно подчеркивали, что деятельность избирательных комиссий оставляла желать лучшего. Корреспондент из Крюковской волости Меленковского уезда свидетельствовал: «К моменту начала выборов ничего не было разослано выборщикам. Записки для занесения кандидатов раздавались тут же. Большинство прибывших были неграмотны. Население проявило полное непонимание, а в иных случаях даже враждебное отношение. Оно смутно представляет права и обязанности волостного земства» [17, № 138, с. 4]. Нарушения наблюдались и в другом избирательном округе Меленковского уезда, где комиссия от одного избирателя принимала до 6–7 записок, приносимых за родственников и соседей. При этом некоторые записки развертывались одним из членов комиссии, а потом уже опускались в избирательный ящик [17, № 141, с. 4]. Корреспондент с другого участка отмечал, что поскольку большинство прибывших на выборы крестьян были неграмотными, члены избирательной комиссии сами писали им записки с кандидатами, «и выходило, что выборы из тайных превратились в открытые» [17, № 138, с. 4].

Аналогичная ситуация наблюдалась в Переславском уезде. Небольшое количество избирателей уездный комиссар объяснял спешностью самих выборов и недостаточным инструктированием со стороны уездной избирательной комиссии [10, оп. 2, д. 42, л. 113]. С этим были согласны народные корреспонденты, писавшие, что крестьяне во многих участках не были ознакомлены с тем, зачем устраиваются волостные земства, как выбирать и кого. Отмечая «вялость» выборов в этом уезде, корреспонденты подчеркивали неудачный подбор отдельных председателей избирательных

участков: «Некоторые председатели ограничились только составлением списков и даже, пожалуй, не прочли как следует постановление правительства о волостном земстве и пропорциональной системе выборов» [17, № 138, с. 4]. Известно, что председатели избирательных комиссий нередко злоупотребляли своими полномочиями. Так, например, один участок, председателем которого было «лицо, занимающее почётную земскую должность», выразил своё участие в выборах 33 голосами, то есть 6 % имевших право голосовать [17, № 143, с. 4].

О плохой организации выборов в с. Кожево Владимирской губернии писал некий корреспондент П.А. Шмелёв в газете «Известия Пензенского Совета рабочих, крестьянских и военных депутатов»: «Наступил день выборов. Но не было ни агитации, ни объявлений, словно все забыли, какой это важный день. На предвыборные собрания ходили мало, с трудом, кое-где в округах нашли кандидатов, да вообще нет внимания к столь важному моменту. Внимание крестьян отвлечено мелкими будничными заботами. Призыв к общественной работе от передовых вождей революции остаётся гласом вопиющего в пустыне» [12, оп. 6, д. 70, л. 30].

Из-за недостаточной подготовленности к волостным земским выборам и равнодушия населения на избирательных участках нередко допускались нарушения. Так, в одном округе Меленковского уезда избирательная комиссия от одного избирателя принимала до 6–7 записок, приносимых за родственников и соседей. При этом некоторые записки развешивались одним из членов комиссии, а потом уже опускались в избирательный ящик [17, № 141, с. 4].

И все-таки стараниями, главным образом, сельской интеллигенции, в сентябре – первой половине октября 1917 г. волостные земства во Владимирской губернии были избраны практически повсеместно, и это нашло отражение на страницах местных газет. Например, в положительном ключе описываются выборы в с. Антилохово Ковровского уезда: «10 и 17 сентября в нашем избирательном округе, как и по всему уезду, состоялись первые и дополнительные выборы в волостное земство. Население проявило к выборам достаточный интерес, процент отсутствующих был меньше, чем в других округах. Благодаря умелой предварительной подготовке населения и правильному руководству местной избирательной комиссии выборы прошли стройно и без всяких инцидентов. Несмотря на агитацию отдельных лиц против интеллигенции, Антилоховский округ правильно понял начало всесословности выборов и наряду с гласными крестьянами выбрал в волостное земство двух интеллигентов (студента и учителя), столь необходимых на первых шагах будущей земской работы» [17, № 151, с. 4].

Описывая ход выборов по Дубровскому сельскому избирательному округу, корреспондент отмечает и наблюдавшиеся поначалу трудности, и конечный успех мероприятия: «Начались в 8 утра и продолжались до 8 вечера. В начале избирателей явилось мало, так как в виду праздничного дня народ ушёл в церковь; но когда кончилась служба, то избиратели начали являться более. В начале выборов возникли некоторые недоразумения у тех, которые были плохо знакомы с выборами, но после разъяснения членами избирательной комиссии приступили к составлению записок, и всё обрело правильный ход. Явилось 204 из 551. Причина неявки – дальность расстояния, 2 селения в 4–5 верстах, а среди избирателей много стариков. Выборы прошли сравнительно спокойно. Избирательный ящик был опечатан и оставлен до следующего утра в помещении комиссии под наблюдением охраны из председателя комиссии и волостного милиционера» [17, № 146, с. 4].

В некоторых газетных заметках наблюдалось даже стремление несколько приукрасить обстановку на избирательных участках. Так, газета «Шуйские известия» отмечала, что выборы в большей части волостей этого уезда прошли вполне удачно: «Несмотря на неблагоприятную в день выборов дождливую погоду, сельские избиратели шли охотно к избирательным урнам, и лишь по некоторым волостям 8 и 10 сентября были произведены дополнительные выборы недостающих гласных». Заканчивается статья воодушевлённо: «Дисциплина и сознательность, проявленная сельскими избирателями при выборах волостных гласных, внушают уверенность, что и выборы уездных гласных пройдут так же ровно и гладко, как и предшествующие» [27, № 121, с. 3].

Разоблачение этой «хвалебной оды» волостным выборам последовало незамедлительно – в номере Шуйских известий от 24 сентября под названием «Выборы в округах Дуниловской волости Шуйского уезда». Некий «сознательный избиратель» отметил крайне низкую явку и повсеместные дополнительные выборы, а также осветил сюжет о том, как председатель избирательной комиссии, человек весьма энергичный, «созвал» предвыборное собрание, на котором были намечены кандидаты, в числе коих был и сам председатель. В результате знакомые с техникой выборов крестьяне чувствовали себя обескураженными и не приходили к избирательным участкам. «Действительность говорит, что выборы у нас прошли уже не так блестяще, как можно было судить по заметке, напечатанной в Шуйских известиях, к тому же по нашей волости 3 сентября было выбрано 75 % от положенного числа гласных», – заключает автор [27, № 127, с. 3].

Правоту этого корреспондента подтверждают и отдельные случаи отказа от введения волостного земства, как это случилось в трех волостях Пере-

славского уезда. Уездный комиссар докладывал по этому поводу следующее: «Мотивы не совсем ясны и, в общем, они сводятся к тому, что согласно положению о волостном управлении волостные земства должны работать под контролем уездного земства и администрации, а это благодаря малой сознательности населения и под влиянием агитации возвратившихся солдат понимается в смысле ограничения завоеванной свободы» [10, оп. 2, д. 42, л. 186]. В Ковровском уезде население одной из волостей также отказалось участвовать в выборах, опасаясь увеличения налогов в связи с деятельностью волостного земства [12, оп. 6, д. 70, л. 31].

Выросшими расходами на содержание нового земского звена было недовольно и население Шуйского уезда. По наблюдениям корреспондента, «...не прошло и одной недели, как в народе, по слухам, да и факты были налицо, стали говорить: “на что нам земство, вовсе и не надо”, так как вошли 2 лица членами с жалованием по 150 рублей и с лошадью в месяц, крестьяне же враждебно смотрят на всё это, думая управиться лишь с малыми расходами.

Вглядываешься, всматриваешься – кто кричит? Буржуй-торгаш, набивший тысячи рублей в свой карман. А бедняк послушивает и тоже кивает головой, якобы соглашаясь с ним. Раньше уездное земство среди крестьян доверием не пользовалось, а тут сам базис волостному земству сделали и через два-три дня его уничтожить готовы, не видя существенных результатов в такое короткое время» [27, № 139].

Индифферентность к земским выборам, политическим событиям и занятость крестьян текущими заботами отмечалась наблюдателями и в Александровском уезде: «У нас темнота в деревне страшная. Интерес к выборам упал, так как выборные сами народ тёмный, ничего избирателям ни указать, ни объяснить не могут. В волости призрак голодной смерти. Хлеб уродился очень плохой, привоза же совсем нет». В этой заметке, напечатанной в газете партии социалистов-революционеров «Земля и воля», подчеркивалось также, что население не было знакомо с политическими партиями и их программами и даже не знало, как и для чего должно быть создано Учредительное собрание [14, № 161].

Подводя итоги, следует отметить, что поведение сельского населения на выборах в волостные земства обнажило социальную пассивность крестьян, которая была вызвана малограмотностью и неопытностью населения в политических вопросах. Привлечение к выборам женского населения, отличавшегося политической некомпетентностью и пассивностью, также не дало желаемого результата [4, с. 69–70]. Абсентеизм крестьян во многом объяснялся тем, что подготовка земской реформы Временного правительства затянулась и пришлось во многом на летнюю страду. Летом – в начале

осени в среде сельской интеллигенции, которая вынесла на своих плечах всю тяжесть подготовки и проведения земской реформы, накопилась усталость от революции. К тому же к этому времени на селе уже действовали многочисленные общественные организации, функции которых во многом перекликались с земством. Крестьяне не понимали необходимости создания новой земской единицы, за содержание аппарата которой нужно было платить налоги. Крестьянское население склонно было поддерживать скорее земельные комитеты и советы крестьянских депутатов, являвшиеся по существу организациями синдикалистского типа, искренне полагая, что они помогут решить насущные социальные вопросы [23, с. 55].

Библиографический список

1. *Акимов Т.М.* Первые выборы в земства Владимирской губернии на основе всеобщего избирательного права // *Материалы Межрегиональной краеведческой конференции* (28 апреля 2008 г.). – Владимир, 2009. – С. 59–63.
2. *Веселовский Б.Б.* Земство и его новое устройство. – Пг., 1917. – 32 с.
3. *Вестник Временного правительства.* – 1917.
4. *Гаврилова О.А.* Земство и революция. 1917 год в Петроградской губернии. – СПб., 2009. – 256 с.
5. *Герасименко Г.А.* Земства в русской революции 1917 г. // *Россия в XX веке. Реформы и революции.* Т. 1. – М., 2002. – С. 284–299.
6. *Горская Н.И.* Земская реформа Временного правительства (на материалах Смоленской губернии) // *Вестник Владимирского государственного университета.* Сер.: Социальные и гуманитарные науки. – 2018. – № 1. – С. 36–44.
7. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 205 – Владимирское губернское по земским и городским делам присутствие.
8. ГАВО – Ф. 381. – Вязниковская уездная земская управа.
9. ГАВО. – Ф. 796. – Юрьев-Польская уездная земская управа.
10. ГАВО. – Ф. 1186. – Владимирский губернский комиссар Временного правительства.
11. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р393. – Народный комиссариат внутренних дел.
12. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 1791. – Главное управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан Министерства внутренних дел Временного правительства.
13. *Жукова Л.А.* Взаимодействие властных структур и органов земского самоуправления в России, 1864–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2000. – 380 с.
14. *Земля и воля.* – 1917.
15. *Земское дело.* – 1917.

16. Земское дело. – 1918.
17. Известия Владимирского губернского Временного исполкома. – 1917.
18. Кабытова Н.Н. Власть и общество в Российской провинции: 1917 г. в Поволжье. – Самара, 1999. – 258 с.
19. Кром М. Новая политическая история: темы, подходы, проблемы // Новая политическая история. – СПб., 2004. – С. 7–20.
20. Лаптева Л.Е., Шутов А.Ю. Из истории земского, городского и сословного самоуправления в России. – М., 1999. – 322 с.
21. Петровичева Е.М. Земское самоуправление Центральной России в 1906–1918 гг.: эволюция на последних этапах деятельности: дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2003. – 353 с.
22. Петровичева Е.М. Земское самоуправление и власть в период думской монархии в контексте модернизационной парадигмы // Вестник Владимирского государственного университета Сер.: Социальные и гуманитарные науки. – 2015. – № 2 (6).
23. Петровичева Е.М. Местное самоуправление и государственная власть после Февраля 1917 г.: дискуссионные проблемы изучения // Великая Российская революция 1917 года: проблемы истории и проблемы преподавания: сб. ст. по итогам Междунар. науч. конф. 24–25 апреля 2017 г. – М., 2017. – С. 47–55.
24. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Круг, 2011. – 559 с.
25. Старый владимирец. – 1917.
26. Тропов И.А. Революция и провинция: Местная власть в России (февраль – октябрь 1917 г.). – СПб.: Европейский дом, 2011. – 250 с.
27. Шуйские известия. – 1917.
28. Шутов А.Ю. Земские выборы в истории России (1864–1917 гг.). – М., 2000. – 216 с.
7. Gosudarstvennyj arhiv Vladimirskoj oblasti (GAVO). F. 205 –Vladimirskoe gubernskoe po zemskim i gorodskim delam prisutstvie.
8. GAVO – F. 381. – Vyaznikovskaya uездnaya zemskaya uprava.
9. GAVO. – F. 796. – YU'ev-Pol'skaya uездnaya zemskaya uprava.
10. GAVO. – F. 1186. – Vladimirskij gubernskij komissar Vremennogo pravitel'stva.
11. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. – F. R393. – Narodnyj komissariat vnutrennih del.
12. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. – F. 1791. – Glavnoe upravlenie po delam milicii i po obespecheniyu lichnoj i imushchestvennoj bezopasnosti grazhdan Ministerstva vnutrennih del Vremennogo pravitel'stva.
13. Zhukova I.A. Vzaimodejstvie vlastnyh struktur i organov zemskogo samoupravleniya v Rossii, 1864–1917 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk. – М., 2000. – 380 s.
14. Zemlya i volya. – 1917.
15. Zemskoe delo. – 1917.
16. Zemskoe delo. – 1918.
17. Izvestiya Vladimirskogo gubernskogo Vremennogo ispolkoma. – 1917.
18. Kabytova N.N. Vlast' i obshchestvo v Rossijskoj provincii: 1917 g. v Povolzh'e. – Samara, 1999. – 258 s.
19. Krom M. Novaya politicheskaya istoriya: temy, podhody, problemy // Novaya politicheskaya istoriya. – СПб., 2004. – С. 7–20.
20. Lapteva L.E., SHutov A.YU. Iz istorii zemskogo, gorodskogo i soslovnogo samoupravleniya v Rossii. – М., 1999. – 322 s.
21. Petrovicheva E.M. Zemskoe samoupravlenie Central'noj Rossii v 1906–1918 gg.: ehvolyuciya na poslednih etapah deyatel'nosti: dis. ... d-ra ist. nauk. – М., 2003. – 353 s.
22. Petrovicheva E.M. Zemskoe samoupravlenie i vlast' v period dumskoj monarhii v kontekste modernizacionnoj paradigmy // Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta Ser.: Social'nye i gumanitarnye nauki. – 2015. – № 2 (6).
23. Petrovicheva E.M. Mestnoe samoupravlenie i gosudarstvennaya vlast' posle Fevralya 1917 g.: diskussionnye problemy izucheniya // Velikaya Rossijskaya revolyuciya 1917 goda: problemy istorii i problemy prepodavaniya: sb. st. po itogam Mezhdunar. nauch. konf. 24–25 aprelya 2017 g. – М., 2017. – С. 47–55.
24. Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. – М.: Krug", 2011. – 559 s.
25. Staryj vladimirec. – 1917.
26. Tropov I.A. Revolyuciya i provinciya: Mestnaya vlast' v Rossii (fevral' – oktyabr' 1917 g.). – СПб.: Evropejskij dom, 2011. – 250 s.
27. SHujskie izvestiya. – 1917.
28. SHutov A.YU. Zemskie vybory v istorii Rossii (1864–1917 gg.). – М., 2000. – 216 s.

References

1. Akimova T.M. Pervye vybory v zemstva Vladimirskoj gubernii na osnove vseobshchego izbiratel'nogo prava // Materialy Mezhtsevnogo kraevedcheskoj konferencii (28 aprelya 2008 g.). – Vladimir, 2009. – S. 59–63.
2. Veselovskij B.B. Zemstvo i ego novoe ustrojstvo. – Pg., 1917. – 32 s.
3. Vestnik Vremennogo pravitel'stva. – 1917.
4. Gavrilova O.A. Zemstvo i revolyuciya. 1917 god v Petrogradskoj gubernii. – СПб., 2009. – 256 s.
5. Gerasimenko G.A. Zemstva v russkoj revolyucii 1917 g. // Rossiya v HKH veke. Reformy i revolyucii. T. 1. – М., 2002. – С. 284–299.
6. Gorskaya N.I. Zemskaya reforma Vremennogo pravitel'stva (na materialah Smolenskoj gubernii) // Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Social'nye i gumanitarnye nauki. – 2018. – № 1. – С. 36–44.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЖИЛИЩНОГО КРИЗИСА В РОССИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И РОЛЬ ЖИЛИЩНО-СТРОИТЕЛЬНОЙ КООПЕРАЦИИ

В данной статье рассматриваются первоочередные меры советской власти по преодолению жилищного кризиса в России после выхода страны из Первой мировой и Гражданской войн. Особое внимание уделено развитию жилищно-строительной кооперации в 20-е годы XX века. Автор показывает жилищные условия населения России в 1910–20-е годы XX века, прослеживает процесс формирования нормативно-правовой базы Советского государства в жилищном секторе. В статье рассмотрены принятые государством меры по поддержке жилищно-строительной кооперации и особая привилегированность и исключительность рабочего класса в политике государства, а также приведены показатели площади жилья, построенного жилищно-строительной кооперацией. Автор приходит к выводу, что жилищно-строительная кооперация в 20-е годы XX века внесла большой вклад в преодолении жилищного кризиса в стране.

Ключевые слова: декреты советской власти, законодательная база строительства, жилищно-строительные кооперативы, жилищно-арендные кооперативы, рабочие жилищно-строительные кооперативные товарищества, общегражданские кооперативные товарищества, жилищные условия.

С приходом к власти молодое советское правительство столкнулось с проблемой доступности жилья. Необходимо рассмотреть какие меры принимались Советами и союзами кооперации в 20–30-е годы XX века по преодолению жилищного кризиса с целью изучения исторического опыта нашего государства.

До начала Первой мировой войны рабочий класс России имел ужасные жилищные условия. Сами рабочие и их семьи ютились в казармах или коечно-каморочных квартирах. Рабочий снимал часть комнаты (угол) или сторонку – какую-либо сторону комнаты.

180 млн кв. м жилья советское правительство унаследовало от Российской империи. По итогам переписи 1912 года на одного городского жителя приходилось 6,4 кв. м. Безусловно, до прихода к власти Советов распределение жилой площади между населением отличалось крайней неравномерностью. Если богатые занимали роскошные особняки и многокомнатные квартиры, то трудовое население городов ютилось в трущобах. В коечно-каморочных квартирах и подвалах столицы проживало около 850 тыс. человек, или более 70 % всего городского населения [3, с. 30]. На каждого такого жильца приходилось в среднем 1,5 кв. м жилой площади [7, с. 8].

В годы Первой мировой войны жилищное строительство было приостановлено, так как всё государство работало на обеспечение фронта. Соответственно, по понятным причинам и во время Гражданской войны жилищного строительства не велось. Работы по ремонту ветхого жилья не проводились. Не стоит забывать и о естественном износе жилищного фонда за этот период времени.

Советское правительство понимало остроту жилищной проблемы и в октябре 1917 года стало принимать радикальные меры для решения жилищного вопроса. Декрет СНК РСФСР от 8 ноября

1917 года «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса» обеспечил только часть населения страны жильем. Экспроприация жилищного фонда богатых и зажиточных людей частично сняла жилищные проблемы рабочих и беднейших слоев населения городов страны. Однако острота проблемы оставалась прежней.

Следующим шагом стало постановление НКВД РСФСР «О жилищном моратории» от 20 ноября 1917 года, которое принуждало домовладельцев оплачивать собственные квадратные метры. Домовладельцам запрещалось производить повышение квартирной платы. От оплаты освободили фронтовиков на время войны и на три месяца после нее, а также рабочих и служащих с низким уровнем оплаты труда.

21 ноября 1917 года СНК РСФСР отменил право частной собственности на все без исключения участки, как застроенные, так и незастроенные, в пределах всех городских поселений в городах с населением свыше 10 тыс. Отмена права частной собственности также коснулась всех строений, которые вместе с находящейся под ними землей имеют стоимость или доходность свыше предела, установленного органами местной власти [12, с. 14–15].

Но на этом советская власть не остановилась и 20 августа 1918 года был принят Декрет ВЦИК «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах». В соответствии с декретом частная собственность на строения, стоимость которых превышала определенный, установленный местными Советами предел, конфисковалась [12, с. 833–836].

Таким образом, бывшие собственники домовладений теряли все привилегии и были обязаны платить квартирную плату за проживание наравне с другими жильцами дома.

Конечно, государственная власть вынуждена была нормировать и плотность заселения жилищного фонда. Таким образом, временными правилами Наркомздрава РСФСР от 17 июля 1919 года впервые установлена санитарная норма жилой площади в размере 8,25 кв. м на одного человека [1, с. 73]. Эта норма окончательно утверждена 25 мая 1920 года декретом Совнаркома РСФСР. В последующие годы она была увеличена до 9 кв. м. Однако с началом индустриализации, восстановлением и запуском стоящих в годы войны заводов приток людей в города значительно увеличился и острота жилищного вопроса возросла. Понимая сложившуюся ситуацию, государство сокращает санитарные нормы до 5,8 кв. м.

Несмотря ни на что, принятые органами советской власти меры в 1917–1920 годах давали положительные результаты. В столице более 500 тыс. человек были переселены из каморок и подвалов в комфортные жилищные помещения.

С окончанием Гражданской войны советское правительство приступило к реализации новых задач жилищного строительства. 23 мая 1921 года выходит декрет СНК РСФСР «О мерах улучшения жилищных условий трудящегося населения и о мерах борьбы с разрушением жилищ», который определял, что единственным органом заведования и распределения жилищного фонда являются жилищные подотделы коммунотделов.

Соответствующим ведомствам ставилась задача разработать положение об управлении домами. В этом положении определялась ответственность домовых управлений за сохранность помещений, с предоставлением достаточных прав и возможностей осуществлять возложенные на них задачи. Население домов принимало участие в контроле над управлениями на основе заинтересованности населения в сохранении жилища, премирования старательности в этом отношении. Соответствующие ведомства обязывались в месячный срок разработать положение об ответственности съемщиков квартир и комнат за небрежное содержание и порчу по их вине жилищ. Поручалось разработать положения о возможных формах жилищного кооперирования.

Жилищные подотделы обязывались строжайшим образом следить за тем, чтобы выселение граждан допускалось лишь в случаях острой общественной необходимости с соблюдением всех гарантий для выселяемых, указанных в декрете СНК РСФСР от 25 мая 1920 года «О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения» [14, с. 494–495].

Декрет СНК «О государственной общеплановой комиссии» от 28 февраля 1921 года заложил фундамент политики централизации управления строительством [10, т. 1, с. 199].

После перехода государства к НЭПу принимается декрет СНК РСФСР от 8 августа 1921 года

«Об управлении домами», который решает вопрос управления жилым фондом. Впервые управление жилым фондом приобретает известную законную форму [14, с. 707–709]. Жители муниципализированных домов избирали на один год заведующего домами и привлекались к возмещению расходов на содержание жилищ. Жилищное хозяйство было переведено на самоокупаемость [5, с. 10].

Кооперативное жилищное строительство сыграло одну из главных ролей в преодолении жилищного кризиса. Декрет СНК РСФСР от 8 августа 1921 года «Об управлении домами» гарантировал гражданам, вступившим в жилищно-строительный кооператив, право невыселения и беспрепятственного пользования жильем в пределах жилищных норм, установленных Наркоматом здравоохранения. Если жилая площадь превышала установленные нормой потребности в жилье застройщиков и их семей, то она могла быть сдана внаем, но не свыше 70 % всей площади, а в остальной части жилья – площадь находилась в распоряжении коммунальных отделов [14, с. 494–495].

14 ноября 1921 года утверждена инструкция губернским и городским комотделам «О порядке отвода и сдачи жилищных помещений», в которой определялось, что коллективы жильцов освобождаются от излишних стеснений и регламентаций. В соответствии с этим документом, а также «Положением об управлении домами» от 8 августа 1921 года жильцы пользовались определенной самостоятельностью в осуществлении жилищных прав, однако контроль за правильным и достаточным использованием жилой площади сохранялся [11, с. 49].

Следующим шагом явилось создание в ноябре 1921 года Госстроя при Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ). Большое значение ЦК ВКП(б) и СНК СССР в эти годы уделяли делу постройки рабочих жилищ. Ставилась задача создать постоянный фонд рабочего жилищного строительства, Госплану рекомендовалось учесть перспективы жилищного строительства с тем, чтобы оно соответствовало плану восстановления промышленности по крупнейшим промышленным центрам и районам, отмечалась необходимость усилить жилищно-кооперативное строительство, поощрять частных застройщиков.

В апреле 1922 года была введена квартирная плата. Она взималась в зависимости от имущественного и социального положения квартиросъемщиков.

Особо значимым в развитии кооперативного строительства стало постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 16 мая 1924 года «О содействии кооперативному строительству рабочих жилищ». Постановлением предусматривался целый ряд льгот для рабочих жилищно-строительных кооперативов, причем их характер соответствовал потребностям и возможностям того времени.

Так, в целях финансовой поддержки кооперативного жилищного строительства жилая площадь в городах, которая была занята нетрудовыми элементами (бывшими буржуа), облагалась налогом [9].

Размер этого налога определялся местными Советами, но не мог быть выше 10 рублей с квартирной сажени в месяц. Из полученных средств местные Советы выдавали льготные долгосрочные ссуды на нужды кооперативного строительства для рабочих. В этих же целях была установлена надбавка к подоходно-имущественному налогу. Соответствующие решения СНК СССР разрешали на кооперативное строительство употреблять часть прибыли государственных, промышленных, торговых предприятий общесоюзного, республиканского и местного значения.

Постановление от 16 мая 1924 года обязывало местные Советы предоставлять на льготных условиях землю рабочим строительным кооперативам. Рабочие жилищные кооперативы освобождались также от земельной ренты с момента отвода земельного участка до истечения 3-х лет после возведения строений. Поставка леса осуществлялась на льготных условиях, либо плата за него оформлялась как долгосрочная ссуда с освобождением ее возврата в первые годы существования кооператива. Рабочие жилищные кооперативы и их союзы освобождались от промыслового и подоходно-имущественного налога, а сделки, в которых участвовали эти кооперативные организации, – от гербового и нотариального сборов.

Льготные тарифы для жилищных кооперативов предоставлялись за провоз лесных и других материалов, частей постройки, а также оборудования [3, с. 32–33]. Постановлением от 16 мая 1924 года определено создание комитета содействия строительству рабочих жилищ при Народном комитете труда СССР [9].

Документом, определяющим правовые отношения в жилищно-арендных и жилищно-строительных союзах и артелях, стало постановление ЦИК и СНК СССР от 19 августа 1924 года «О жилищной кооперации». Оно определяло, что жилищные кооперативы организуются только на началах добровольного объединения граждан. Никто не может быть принужден к вступлению в состав кооперативного товарищества, так же как нельзя принуждать и к организации кооперативных товариществ. Также установлены виды жилищных кооперативных товариществ: жилищно-арендные (ЖАКТы), рабочие жилищно-строительные (РЖСКТы) и общегражданские кооперативные товарищества [8].

ЖАКТы создавались для улучшения жилищных условий их членов путем обеспечения надлежащего содержания и ремонта жилых помещений. Они возникали при эксплуатации муниципальных строений в случае согласия создать кооператив со стороны не менее половины лиц, проживающих

в доме, и во всяком случае при объединении не менее 10 человек. Для мелких домов разрешалось создание ЖАКТов из жильцов нескольких домов.

Членами ЖАКТов могли быть только лица, пользующиеся избирательными правами. Лица, не пользующиеся такими правами, – нэпманы и другие «бывшие» – имели право проживать в доме и пользоваться жилой площадью. Условия проживания таких лиц определял коллектив трудового населения дома [5, с. 11]. Таким образом, было разграничено понятие «члена товарищества» и просто «жильца дома», что имело не только юридическое значение, но и политическое.

Для лиц без избирательных прав возможность выдвигаться на руководящие посты в кооперативах и союзах была закрыта полностью всеми правовыми документами, определяющими членство в ЖАКТах и ЖСКа, их производственно-хозяйственную деятельность.

Если ЖАКТы преимущественно концентрировали свои усилия на восстановлении и ремонте жилищного фонда и решали задачи управления восстановленным жильем, то ЖСК создавались для строительства нового жилья. Однако в отдельных случаях они занимались и восстановлением разрушенных зданий или завершением строительства незаконченных жилищных строений.

Регламент создания рабочих жилищно-строительных кооперативов в 20-е годы XX века имел пролетарскую направленность, которая пронизывала все правовые акты тех лет. В РЖСКа набирались только из рабочих и служащих – государственных и приравненных к ним предприятий и учреждений, инвалидов труда и войны, которые до инвалидности работали рабочими и служащими в указанных организациях. Общегражданские ЖСК и товарищества, имевшие те же цели, что и РЖСКТ, отличались от последних двумя особенностями. Первая особенность состояла в том, что членами их могли быть все граждане, достигшие 18-летнего возраста и не лишённые по суду гражданских и имущественных прав. Вторая заключалась в том, что они не пользовались льготами, предусмотренными постановлением ЦИК и СНК СССР от 16 мая 1924 года «О содействии кооперативному строительству рабочих жилищ».

Все три вида кооперативных товариществ могли объединяться в союзы, начиная с районного и вплоть до масштабов союзной республики. Правом избирать и быть избранным в органы управления и контроля союзов всех степеней пользовались только лица, обладающие избирательными правами.

Постановление СНК СССР «О жилищной кооперации» от 19 августа 1924 года определило основной формой управления муниципализированным жилищным хозяйством жилищно-арендные кооперативные товарищества (ЖАКТы). Они обязаны были восстанавливать хозяйство арендуемых

домов, содержать их в надлежащем техническом состоянии и удовлетворять членов товарищества жилой площадью.

Новое жилищное строительство осуществлялось жилищно-строительными кооперативными товариществами (ЖСКТ) на государственные и привлеченные средства населения – ЖСКТ [3, с. 35].

Созданная Советами в начале 1920-х годов нормативно-правовая база стала серьезным фундаментом в решении жилищного вопроса населения страны. К тому же сама власть вносила неоспоримый вклад в решение жилищного вопроса. Например, Московский совет израсходовал на новое жилищное строительство в 1922 году 2 млн руб., в 1923 году – 3 млн руб., в 1925 году – 15 млн руб. В последующие годы сумма вложений достигла 40 млн руб. [6]. Результатом масштабного строительства явились не только новые дома, но и целые кварталы и даже населенные пункты, например: Усачевка, Дубровка, поселок имени 1905 года, при заводе АМО и «Красном богатыре» возникли новые рабочие кварталы. Новые жилые дома и отремонтированный жилой фонд в лучшую сторону изменили облик прежних рабочих окраин [4, с. 104].

Ежегодно число кооперативов росло. К 1928 году по всему СССР было создано 1 926 кооперативов, из числа которых 731 – уже вели строительство домов. А к 1929 году в ЖСКТ состояло 258 тыс. человек, из которых около 210 тыс. – в ЖСКТ, уже осуществлявших строительство жилья [2, с. 69].

В результате ввода в эксплуатацию новых домов, принадлежавших жилищно-строительной кооперации, а также домов, построенных за счет государственных капиталовложений и средств индивидуальных застройщиков, за период 1926–1928 гг. было вновь построено и восстановлено более 15 млн кв. м жилой площади против 5,4 млн кв. м за период 1923–1925 гг. [2, с. 74].

Библиографический список

1. Бронер Д.Л. Жилищный вопрос и статистика. – М.: Статистика, 1966. – 73 с.
2. Бронер Д.Л. Современные проблемы жилищного хозяйства. – М.: Высш. школа, 1961. – 264 с.
3. Гендзехадзе Е.Н. Жилищно-строительные кооперативы в городе и селе. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 174 с.
4. Дмитриев Н.Г. Жилищный вопрос. Два мира – два подхода. – М.: Московский рабочий, 1973. – 208 с.
5. Дмитриев Н.Г., Розанцев С.Н. Справочник по жилищным вопросам. – М.: Московский рабочий, 1963. – 196 с.
6. Коломин С.М. Пути решения жилищной проблемы // Городское хозяйство Москвы. – 1970. – № 4. – С. 12.
7. Мальков А.В. Жилище и жилищный вопрос. – М., 1919. – 27 с.

8. О жилищной кооперации: постановление ЦИК и СНК СССР от 19 августа 1924 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.m/wikisource.org/wiki/Постановление_ЦИК_и_СНК_СССР_от_19.08.1924_о_жилищной_кооперации](https://ru.m.wikisource.org/wiki/Постановление_ЦИК_и_СНК_СССР_от_19.08.1924_о_жилищной_кооперации) (дата обращения: 10.09.2018).

9. О содействии кооперативному строительству рабочих жилищ: декрет ЦИК и СНК СССР от 16 мая 1924 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2029.htm (дата обращения: 10.09.2018).

10. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М.: Политиздат, 1967. – Т. 1. – 784 с.

11. Сборник декретов и важнейших распоряжений по жилищному вопросу. Вып. 2. За период с октября 1920 г. – по октябрь 1921 / Народный комиссариат внутренних дел; Главное управление коммунального хозяйства. – М., 1921. – 52 с.

12. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. – М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. – 1483 с.

13. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. – М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1943. – 818 с.

14. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921г. – М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1944. – 1198 с.

References

1. Broner D.L. ZHilishchnyj vopros i statistika. – M.: Statistika, 1966. – 73 s.
2. Broner D.L. Sovremennye problemy zhilishchnogo hozyajstva. – M.: Vyssh. shkola, 1961. – 264 s.
3. Gendzekhadze E.N. ZHilishchno-stroitel'nye kooperativy v gorode i sele. – M.: Izd-vo MGU, 1976. – 174 s.
4. Dmitriev N.G. ZHilishchnyj vopros. Dva mira – dva podhoda. – M.: Moskovskij rabochij, 1973. – 208 s.
5. Dmitriev N.G., Rozancev S.N. Spravochnik po zhilishchnym voprosam. – M.: Moskovskij rabochij, 1963. – 196 s.
6. Kolomin S.M. Puti resheniya zhilishchnoj problemy // Gorodskoe hozyajstvo Moskvyy. – 1970. – № 4. – S. 12.
7. Mal'kov A.V. ZHilishche i zhilishchnyj vopros. – M., 1919. – 27 s.
8. O zhilishchnoj kooperacii: postanovlenie CIK i SNK SSSR ot 19 avgusta 1924 goda [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [https://ru.m/wikisource.org/wiki/Postanovlenie_CIK_i_SNK_SSSR_ot_19.08.1924_o_zhilishchnoj_kooperacii](https://ru.m.wikisource.org/wiki/Postanovlenie_CIK_i_SNK_SSSR_ot_19.08.1924_o_zhilishchnoj_kooperacii) (data obrashcheniya: 10.09.2018).
9. O sodejstvii kooperativnomu stroitel'stvu rabochih zhilishch: dekret CIK i SNK SSSR ot 16 maya 1924 goda [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2029.htm (data obrashcheniya: 10.09.2018).

10. Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam. – M.: Politizdat, 1967. – T. 1. – 784 s.

11. Sbornik dekretov i vazhnejshih rasporyazhenij po zhilishchnomu voprosu. Vyp. 2. Za period s oktyabrya 1920 g. – po oktyabr' 1921 / Narodnyj komissariat vnutrennih del; Glavnoe upravlenie kommunal'nogo hozyajstva. – M., 1921. – 52 s.

12. Sobranie zakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1917–1918 gg. – M.: Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR, 1942. – 1483 s.

13. Sobranie zakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1920 g. – M.: Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR, 1943. – 818 s.

14. Sobranie zakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1921g. – M.: Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR, 1944. – 1198 s.

ПРОИЗВОДСТВО 45-МИЛЛИМЕТРОВЫХ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ СНАРЯДОВ НА ЗАВОДАХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1942 ГОДУ

Статья посвящена исследованию деятельности машиностроительных заводов Ивановской области по производству 45-мм артиллерийских снарядов для действующей армии в 1942 году. Особое внимание уделено раскрытию ее результативности, а также выявлению причин, препятствовавших выполнению постановлений Государственного комитета обороны СССР. В статье отражена роль обкома ВКП(б) по оперативному решению вопросов, связанных с обеспечением заводов металлом, топливом, рабочей силой. Уделено также внимание его усилиям по мобилизации региональных ресурсов и созданию новых материалов, необходимых для производства снарядов. Статья подготовлена на материалах Российского государственного архива социально-политической истории и Государственного архива Ивановской области. В ней представлены новые сведения по истории Ивановской области в годы Великой Отечественной войны, большинство архивных документов вводятся в научный оборот впервые. Результаты данного исследования могут представлять интерес для специалистов в области региональной экономики и истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: действующая армия, снаряды, заводы Ивановской области, отливка сталистого чугуна, изготовление торфокоса, выполнение производственной программы.

Во втором полугодии 1941 года на территории Ивановской области во исполнение постановлений Государственного Комитета Обороны СССР было освоено производство корпусов 45-мм артиллерийских снарядов. Они изготавливались на Ивановском механическом заводе им. Королева, литейно-механических заводах, расположенных в Вичуге, Майдакове (Палехский район), Фурманове и Тейкове, на механическом заводе Родниковского меланжевого комбината «Большевик», на Шуйском заводе им. Фрунзе и других предприятиях области. Указанные предприятия подчинялись наркоматам текстильной промышленности (НКТП) и минометного вооружения (НКМВ) и в силу этого имели отличия в снабжении металлом, топливом и продовольствием.

В 1942 году заводы продолжили производство указанных боеприпасов, а также приступили к их выпуску из сталистого чугуна, произведенного в доменных печах Ивановской области. Для получения представления о проблемах, возникавших в ходе производства снарядов и способах их преодоления, следует обратиться к хронологии событий 1942 года. Они восстановлены автором по материалам Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственного архива Ивановской области (ГАИО).

Итак, 14 февраля 1942 года прокурор области Н.Н. Хламов направил секретарю обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцеву под грифом «совершенно секретно» информацию о причинах невыполнения планов по изготовлению оборонных заказов. В числе примеров бюрократического отношения главков к нуждам предприятий был назван механический завод Родниковского комбината «Большевик», который из-за отсутствия арматуры для упаковочных ящиков не мог отправить по назначению 18 тыс. снарядных корпусов. В ходе изучения ситуации

выяснилось, что арматурой завод должен был снабжаться Раменским заводом, который прекратил ее отгрузку из-за отсутствия транспорта. Попытки директора Родниковского комбината М.А. Сорокина использовать для этих целей транспорт 3-го Главного управления хлопчатобумажной промышленности также не увенчались успехом [1].

Тем не менее деятельность механического завода комбината «Большевик» по выполнению спецзаданий в январе – феврале оказалась настолько успешной, что приказом наркома текстильной промышленности СССР И.Н. Акимова от 1 апреля 1942 года за № 39 с были премированы его работники (31 человек) [2]. Всего за первый квартал на механическом заводе Родниковского комбината «Большевик» было изготовлено 30 тыс. корпусов для 45-мм осколочных снарядов к танковым и противотанковым пушкам, что составило 100 % от квартального плана [3].

2 марта 1942 года ГКО СССР принял постановление № 1362 сс «О плане производства боеприпасов на март 1942 года» [15]. Данным документом предприятиям области были установлены следующие плановые задания по выпуску снарядов (табл. 1) [см.: 16].

Однако для выполнения плановых заданий предприятиям был нужен металл, доставка которого, несмотря на его отгрузку, железной дорогой осуществлялась медленно. В общей сложности в пути на различных дорогах страны находились 35 вагонов со спецсталью. В итоге секретарь Ивановского обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцев 5 марта 1942 года был вынужден обратиться за поддержкой в ГКО СССР к Л.М. Кагановичу. В обращении он информировал его о том, что заводы Ивановской области, такие как им. Королева, Вичужский, Фурмановский Майдаковский и Шуйский завод им. Фрунзе, в марте вынуждены были остановить

План производства 45-мм снарядов на март 1942 года

п/п	Название предприятия	Местонахождение	Название наркомата	Фамилия директора	Плановое задание (в тыс.)
1	Машиностроительный завод им. Фрунзе	г. Шуя	НКМВ	Кокорев	50
2	Завод им. Королева № 10	г. Иваново	НКТП	Смирнов	35
3	Родниковский механический завод при комбинате «Большевик»	г. Родники	НКТП	Сорокин	10
4	Вичугский машиностроительный завод	г. Вичуга		Дубков	20
5	Тейковский механический завод при хлопчатобумажном комбинате	г. Тейково	НКТП	Корчагин	10
6	Майдаковский завод	с. Майдаково Палехского района	НКТП	Чесноков	20
7	Вязниковский механический завод при фабрике им. К. Либкнехта	г. Вязники	НКТП		8
8	Фурмановский механический завод	г. Фурманов	НКТП	Попков	12
9	Артель «Ткацкая деталь»		промокооперация при СНК РСФСР		4
Итого					169

Примечание. На март 1942 года ГКО СССР установил для предприятий страны план по производству 1500 тыс. штук 45-мм артиллерийских снарядов. Из них 169 000 планировалось произвести на территории Ивановской области (чуть более 11 %).

производство 45-мм снарядов из-за отсутствия спецметалла. Он был отгружен из Магнитогорска в декабре 1941–январе 1942 года, но к марту так и не прибыл к месту назначения. Меры, принятые руководством заводов и обкома ВКП(б) к розыску грузов, к положительным результатам не привели. В этой связи Г.Н. Пальцев был вынужден просить наркома путей сообщения Л.М. Кагановича дать указание начальникам Южно-Уральской, Куйбышевской, Пензенской, Казанской, Горьковской и Ярославской дорог разыскать и оперативно направить вагоны (их номера были приложены к информации) к месту назначения [4].

Ответ на обращение к Л.М. Кагановичу Г.Н. Пальцев получил довольно быстро. 11 марта 1942 года замнаркома путей сообщения Б.Н. Арутюнов информировал его о том, что НКПС дал указание грузовому управлению срочно рыскать и доставить вагоны со спецметаллом в адреса Вичугского, Фурмановского и Майдаковского механических заводов, а также Шуйскому заводу им. Фрунзе [6]. Новое задание по снарядам на апрель и второй квартал 1942 года ГКО СССР установил своим постановлением № 1545 сс от 5 апреля «О плане производства боеприпасов на апрель и II квартал 1942 года» (табл. 2) [см.: 17].

Механический завод комбината «Большевик», лидировавший в I квартале по выпуску 45-мм снарядов, в апреле – мае снизил свои темпы. Аналогичная ситуация имела место и на других механических заводах. Не помогло даже несанкционированное использование специальных мобилизационных резервов, допущенных на Майдаковском механическом заводе и заводе им. Королева в Иваново [6].

В результате 11 апреля 1942 года Г.Н. Пальцев был вынужден обратиться в ГКО СССР к Л.П. Берии с совершенно секретной информацией. В ней он вновь говорит о том, что заводы области не обеспечиваются металлом под плановые задания ГКО СССР. По его словам, если «до февраля месяца задания по производству указанных боеприпасов на предприятиях Ивановской области выполнялись удовлетворительно, мощности систематически наращивались», то «с марта, вследствие необеспеченности металлом, выпуск готовых изделий резко сократился, а в настоящее время полностью прекращен. Неоднократные обращения в Наркомат текстильной промышленности СССР об обеспечении подведомственных ему предприятий металлом для выполнения заданий – не дали результатов». В этой связи он попросил Л.П. Берия лично вмешаться «в дело обеспечения предприятий Наркомтекстиля СССР Ивановской области, выполняющих задания ГКО по выпуску снарядов 45-мм, необходимым металлом марки С-63, для чего обязать Наркомчермет и НКПС ежемесячно отгружать 480-500 тонн требуемого металла ивановским предприятиям Наркомтекстиля». В качестве варианта решения данного вопроса он предложил использовать металл с Люберецкого завода им. Ухтомского, который в количестве 700 тонн находился там, на хранении и не использовался [7].

По всей вероятности, Л.П. Берия, несмотря на свое влияние, не смог оказать помощь предприятиям области, поскольку военпред артиллерийского управления Красной Армии В.А. Якимов 17 мая 1942 года сообщил Г.Н. Пальцеву о невыполнении заданий ГКО по производству снарядов. По

Таблица 2

Производство 45-мм осколочных снарядов на апрель и II квартал 1942 года на заводах области

п/п	Название предприятия	Местонахождение	Название наркомата	Фамилия директора	План на апрель (в тыс.)	План на II квартал (в тыс.)
1	Машиностроительный завод им. Фрунзе	г. Шуя	НКМВ	Кокорев	50	150
2	Завод им. Королева № 10	г. Иваново	НКТП	Пестриков	25	90
3	Родниковский механический завод при комбинате «Большевик»	г. Родники	НКТП	Сорокин	10	30
4	Вичугский машиностроительный завод	г. Вичуга		Дубков	20	60
5	Тейковский механический завод при хлопчатобумажном комбинате	г. Тейково	НКТП	Корчагин	10	30
6	Майдаковский завод	с. Майдаково Палехского района	НКТП	Чесноков	20	60
7	Вязниковский механический завод при фабрике им. К. Либкнехта	г. Вязники	НКТП	Павлов	10	30
8	Фурмановский механический завод	г. Фурманов	НКТП	Попков	12	36
Итого					157	486

Примечание. В таблице из-за их отсутствия не приведены данные по «Ткацкой детали». По сравнению с мартом снижено задание по заводу им. Королева (25 тыс. вместо 35 тыс. в марте), и наоборот, оно повышено для Вязниковского механического завода при фабрике им. К. Либкнехта. В целом план по выпуску 45-мм снарядов для заводов области в апреле и на II квартал сохранился на уровне марта 1942 года.

его словам, «ивановская группа заводов: Шуйский завод им. Фрунзе, Майдаковский литейно-механический завод, Тейковский литейно-механический завод, Фурмановский литейно-механический завод, Королевский завод, артель «Ткацкая деталь», производящие 45-мм осколочные снаряды к танковым и противотанковым пушкам, в первый квартал 1942 года и в апреле 1942 года задание правительства выполнили неудовлетворительно. За 15 дней мая 1942 года выполнение программы по этим заводам также идет совершенно неудовлетворительно: завод им. Фрунзе, г. Шуя, директор завода тов. Кокорев – задание 50 000, изготовлено 12 435 штук корпусов; завод им. Королева, г. Иваново, директор завода тов. Ерохин – задание 30 000, изготовлено 6 801 штук; Вичугский литейно-механический завод, директор тов. Дубков – задание 24 000, изготовлено 1 450 штук корпусов и т. д.».

Там же отмечалось, что указанные заводы имели все условия и возможности выполнять государственные планы, поскольку они «хорошо освоили технологический процесс изготовления 45-мм корпусов, есть оборудование, металл и др. материалы, есть достаточная квалифицированная рабочая сила, стахановцы и стахановки». В конце своего обращения он предложил «созвать совещание руководителей заводов, производящих 45-мм осколочные снаряды для Красной Армии», для выяснения причин срыва спецзаданий [8].

Его просьба была удовлетворена, и на 22 мая обком ВКП(б) вызвал директоров и секретарей парторганизаций заводов им. Фрунзе, им. Королева, а также Вичугского, Фурмановского, Майдаковского и Родниковского предприятий для докладов о выполнении спецзаданий [9].

На июнь 1942 года план производства 45-мм осколочных снарядов был установлен постановлением ГКО СССР № 1848 сс «О плане производства боеприпасов на июнь 1942 года» [18]. По сравнению с апрелем он был увеличен до 169 тыс. снарядов за счет увеличения заданий Ивановскому заводу им. Королева и Вичугскому машиностроительному заводу. Лидером в производстве снарядов, как и прежде, остался Шуйский машиностроительный завод им. Фрунзе [19].

4 июля 1942 года ГКО СССР принял постановление № 1960 сс от 4 июля 1942 года «О плане производства боеприпасов на июль месяц и III квартал 1942 года» [22]. О плановых заданиях, установленных предприятиям области, свидетельствует следующая таблица (табл. 3) [см.: 21].

Из архивных документов следует, что частичная замена металла сталистым чугуном для производства корпусов снарядов была вынужденной мерой. Так, 10 июля 1942 года секретарь обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцев вновь информировал заместителя председателя СНК СССР А.Н. Косыгина о том, что для выполнения июльского задания по 45-мм осколочным снарядам механические заводы НКТП – Вичугский, Майдаковский, Фурмановский, Тейковский, Родниковский, при фабрике Карла Либкнехта и Меленковский льнокомбинат – металлом не обеспечены. «Отгрузка металла марки С-63 с Магнитогорского завода и продвижение его по железной дороге происходит с большими опозданиями от 30 до 50 дней. Над освоением сталистого чугуна заводы усиленно работают, но сделать переход к полной замене стали марки С-63 не представляется возможным. Содействие указанным заводам НКТП в своевременном получении металла

**План производства 45-мм осколочных снарядов
на июль и III квартал 1942 года на заводах области**

п/п	Название завода	Место нахождения	Стальные		Сталистый чугун (в том числе)	
			Июль (в тыс.)	III квартал (в тыс.)	Июль (в тыс.)	III квартал (в тыс.)
1	Машиностроительный завод им. Фрунзе	г. Шуя	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
2	Завод им. Королева № 10	г. Иваново	30 тыс.	90 тыс.	5 тыс.	15 тыс.
3	Родниковский механический завод при комбинате «Большевик»	г. Родники	10 тыс.	30 тыс.	–	–
4	Вичугский машиностроительный завод	г. Вичуга	25 тыс.	75 тыс.	5 тыс.	15 тыс.
5	Тейковский механический завод при хлопчатобумажном комбинате	г. Тейково	10 тыс.	30 тыс.	1 тыс.	10 тыс.
6	Майдаковский завод	с. Майдаково Палехского района	20 тыс.	60 тыс.	2 тыс.	15 тыс.
7	Вязниковский механический завод при фабрике им. К. Либкнехта	г. Вязники	10 тыс.	30 тыс.	–	–
8	Фурмановский механический завод	г. Фурманов	10 тыс.	30 тыс.	1 тыс.	10 тыс.
	Итого		115	345	14	65

Примечание. Согласно данным, приведенным в таблице, плановые задания были увеличены для Вичугского машиностроительного завода и снижены для завода им. Королева. К сожалению, нет данных по машиностроительному заводу им. Фрунзе. Кроме того, определенную часть корпусов снарядов в июле 1942 года им предстояло произвести из сталистого чугуна.

с Магнитогорского завода для программы июля и августа месяцев 1942 года не оказывает» [10].

Кроме освоения производства сталистого чугуна были предприняты меры по выпуску торфококса, необходимого для работы доменных печей. Об этом свидетельствует постановление бюро обкома ВКП(б) от 4 сентября 1942 года «О производстве торфококса для заводов и фабрик Ивановской области» [11]. Это было вынужденное решение, поскольку, говорилось в постановлении, «заводы, освоившие сталистый чугун для производства спецпродукции, не могут его лить только из-за отсутствия кокса и антрацита». Вместе с тем опыты, проведенные на заводе им. Королева и Вичужском машиностроительном заводе, показали, что «литье серого, ковкого и сталистого чугуна можно производить на торфококсе».

С целью его производства бюро обкома ВКП(б) постановило просить заместителя председателя СНК СССР А.Н. Косыгина обязать наркома текстильной промышленности И.Н. Акимова дать указание начальникам 2-го и 3-го главков (Говорову и В.М. Спорышеву) поставить на кирпичный завод № 1 г. Иванова торф в количестве 16 тыс. тонн для коксования. Проектно-монтажной конторе «Энерготекстильмаш» было поручено в 15-дневный срок «сделать проект реконструкции печи Гофмана на кирпичном заводе № 1 для коксования торфа производительностью 5–6 тонн», а также изготовить чертежи на реторты и загрузочно-погрузочные механизмы, произвести их монтаж и пустить в эксплуатацию данную установку к 1 сентября 1942 года.

Бюро обкома ВКП(б) также обязало ректора химико-технологического института Бронникова и директора завода № 743 Г.Д. Димова откомандировать в распоряжение «Энерготекстильмаша» инженера-технолога Сердюкова и конструктора Устинова соответственно для проектирования и консультирования установки печи по производству кокса. Выполнение подготовительных работ для ее установки было поручено управлению стройматериалов. Производство реторт из листового железа толщиной 4–5 мм к 25 сентября было возложено на заводы: № 743 и Торфмаш – по 30 штук, им. Королева, Энерготорфмаш и фабрику БИМ – по 10 штук. Начальнику управления НКВД М.И. Маркееву было предложено к 25 сентября выделить на кирпичный завод № 1 50 человек ИТК для работы на коксующей установке [12].

3 октября 1942 года ГКО СССР принял постановление № 2368 сс «О плане производства боеприпасов на октябрь месяц и IV квартал 1942 года» [24], который отражен в следующей таблице (табл. 4) [см.: 23].

Через месяц, 6 октября 1942 года, бюро обкома ВКП(б) рассмотрело результаты проверки деятельности механических заводов, проведенной уполномоченным КПК при ЦК ВКП(б) В.Г. Татаринцевым и приняло постановление «Об использовании мощностей литейных цехов заводов Ивановской области» [13]. В нем говорилось о недостаточном использовании мощностей чугунолитейных цехов ряда заводов области, что было вызвано рядом причин. Во-первых, наркоматы резко снизили для заводов плановые задания по литью чугуна и, во-

Таблица 4

Производство 45-мм осколочных снарядов на октябрь и IV квартал 1942 года на заводах области

п/п	Название завода	Место нахождения	Стальные		Сталистый чугун	
			Октябрь (в тыс.)	IV квартал (в тыс.)	Октябрь (в тыс.)	IV квартал (в тыс.)
1	Машиностроительный завод им. Фрунзе	г. Шуя	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
2	Завод им. Королева №10	г. Иваново	20	60	10	20
3	Родниковский механический завод при комбинате «Большевик»	г. Родники	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
4	Вичугский машиностроительный завод	г. Вичуга	14	45	6	20
5	Тейковский механический завод при хлопчатобумажном комбинате	г. Тейково	-	-	1	5
6	Майдаковский завод	с. Майдаково Палехского района	15	45	5	15
7	Вязниковский механический завод при фабрике им. К. Либкнехта	г. Вязники	9	25	1	5
8	Фурмановский механический завод	г. Фурманов	9	25	1	5
	Итого		67	200	24	70

Примечание. Из таблицы следует, что план был снижен для многих (данные по машиностроительному заводу им. Фрунзе и Родниковскому механическому заводу при комбинате «Большевик» отсутствуют) предприятий области. Почти треть снарядов планировалось изготовить из сталистого чугуна.

вторых, даже они не были обеспечены необходимым количеством технологического топлива (кок, торф) и сырья (чугун и присадки). В дополнение к указанным обстоятельствам в постановлении отмечалось, что и «директора заводов... не проявляют должной борьбы за полное использование литейных мощностей, ссылаясь на объективные причины: отсутствие топлива (кокса), не применяют заменителей (торф, торфококсы), несмотря на наличие положительного опыта в работе на этом топливе». Там же говорилось, что на большинстве заводов технология по литью стоит на низком уровне. Передовой опыт (литье в постоянные формы – кокиля) не используется.

На основании изложенного бюро обкома ВКП(б) постановило информировать ЦК ВКП(б) и СНК СССР о том, что мощности литейных заводов Ивановской области используются на 40–45 %. Оно также обратилось к ним с просьбой обязать наркомов минометного вооружения и текстильной промышленности П.И. Паршина и И.Н. Акимова соответственно пересмотреть планы по выпуску годного литья для заводов № 743, 745, 802 (НКМВ), а также завода им. Королева, Вичужского механического завода (НКТП) и других в сторону увеличения, обеспечить их необходимым количеством сырья и топлива.

Одновременно бюро обкома ВКП(б) обязало директоров предприятий принять все меры для увеличения годного литья, использовать для этого передовой опыт отливки чугуна в кокиля и внедрение заменителей (торфококсы вместо кокса). В частности, директору завода № 743 Горюхину было

предложено отлить для заводов № 745 и 802 постоянные формы (кокиля) для изготовления ими мины М-82 мм. Директорам завода им. Калинина Огурцову (г. Кинешма) было предписано перенести опыт отлива мины М-50 в кокилях на меланжевый комбинат, а Вичужского механического завода Дубкову начать с 15 октября 1942 года работу «по переходу отливки 45-мм снарядов из сталистого чугуна в кокилях» [14].

Таким образом, механические и машиностроительные заводы Ивановской области в течение всего 1942 года были задействованы ГКО СССР в производстве корпусов для 45-мм снарядов. Эта работа проводилась в условиях катастрофического недостатка металла, топлива и рабочей силы. Для их возмещения был принят ряд усилий по производству на территории области сталистого чугуна и торфококсы, что нашло поддержку и признание в ГКО СССР. В результате в IV квартале треть снарядов из плановых заданий ГКО СССР предполагалось уже изготовить из сталистого чугуна, отлитого в чугунолитейных цехах предприятий Ивановской области. По сути, для обеспечения действующей армии снарядами изыскивались и максимально привлекались все имевшиеся в распоряжении региона ресурсы.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф П. 327. – Оп. 7. – Д. 619. – Л. 20.
2. ГАИО. – Ф Р. 197. – Оп. 4. – Д. 42. – Л. 187.
3. ГАИО. – Ф П. 327. – Оп. 7. – Д. 499. – Л. 127–132.

4. ГАИО. – Ф П. 327. – Оп. 7. – Д. 479. – Л. 101.
5. ГАИО. – Ф П. 327. – Оп. 7. – Д. 480. – Л. 125.
6. ГАИО. – Ф П. 327. – Оп. 7. – Д. 395. – Л. 96.
7. ГАИО. – Ф П. 327. – Оп. 7. – Д. 479. – Л. 142.
8. ГАИО. – Ф П. 327. – Оп. 7. – Д. 496. – Л. 80.
9. ГАИО. – Ф П. 327. – Оп. 7. – Д. 496. – Л. 8.
10. ГАИО. – Ф П. 327. – Оп. 7. – Д. 481. – Л. 88.
11. ГАИО. – Ф П. 327. – Оп. 7. – Д. 380. – Л. 212–213.
12. ГАИО. – Ф П. 327. – Оп. 7. – Д. 380. – Л. 213.
13. ГАИО. – Ф П. 327. – Оп. 7. – Д. 382. – Л. 10–11.
14. ГАИО. – Ф П. 327. – Оп. 7. – Д. 382. – Л. 11.
15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 644. – Оп. 2. – Д. 39. – Л. 1–12.
16. РГАСПИ. – Ф. 644. – Оп. 2. – Д. 39. – Л. 10.
17. РГАСПИ. – Ф. 644. – Оп. 2. – Д. 47. – Л. 1–23.
18. РГАСПИ. – Ф. 644. – Оп. 2. – Д. 66. – Л. 1–18.
19. РГАСПИ. – Ф. 644. – Оп. 2. – Д. 66. – Л. 21–22.
20. РГАСПИ. – Ф. 644. – Оп. 2. – Д. 73. – Л. 1–302.
21. РГАСПИ. – Ф. 644. – Оп. 2. – Д. 73. – Л. 27,173.
22. РГАСПИ. – Ф. 644. – Оп. 2. – Д. 97. – Л. 1–309.
23. РГАСПИ. – Ф. 644. – Оп. 2. – Д. 97. – Л. 26.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Ivanovskoj oblasti (GAIO). – F P. 327. – Op. 7. – D. 619. – L. 20.
2. GAIO. – F R. 197. – Op. 4. – D. 42. – L. 187.
3. GAIO. – F P. 327. – Op. 7. – D. 499. – L. 127–132.
4. GAIO. – F P. 327. – Op. 7. – D. 479. – L. 101.
5. GAIO. – F P. 327. – Op. 7. – D. 480. – L. 125.
6. GAIO. – F P. 327. – Op. 7. – D. 395. – L. 96.
7. GAIO. – F P. 327. – Op. 7. – D. 479. – L. 142.
8. GAIO. – F P. 327. – Op. 7. – D. 496. – L. 80.
9. GAIO. – F P. 327. – Op. 7. – D. 496. – L. 8.
10. GAIO. – F P. 327. – Op. 7. – D. 481. – L. 88.
11. GAIO. – F P. 327. – Op. 7. – D. 380. – L. 212–213.
12. GAIO. – F P. 327. – Op. 7. – D. 380. – L. 213.
13. GAIO. – F P. 327. – Op. 7. – D. 382. – L. 10–11.
14. GAIO. – F P. 327. – Op. 7. – D. 382. – L. 11.
15. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI). – F. 644. – Op. 2. – D. 39. – L. 1–12.
16. RGASPI. – F. 644. – Op. 2. – D. 39. – L. 10.
17. RGASPI. – F. 644. – Op. 2. – D. 47. – L. 1–23.
18. RGASPI. – F. 644. – Op. 2. – D. 66. – L. 1–18.
19. RGASPI. – F. 644. – Op. 2. – D. 66. – L. 21–22.
20. RGASPI. – F. 644. – Op. 2. – D. 73. – L. 1–302.
21. RGASPI. – F. 644. – Op. 2. – D. 73. – L. 27,173.
22. RGASPI. – F. 644. – Op. 2. – D. 97. – L. 1–309.
23. RGASPI. – F. 644. – Op. 2. – D. 97. – L. 26.

УДК 94(470)''1943''

Ушкалов Сергей Валерьевич

Брянский государственный технический университет
sushkalov@yandex.ru

Трифанков Юрий Трофимович

доктор исторических наук
Брянский государственный технический университет
trifankov.yury@yandex.ru

Захарова Людмила Ивановна

кандидат исторических наук
Брянский государственный технический университет
tim-lyud@yandex.ru

РОЛЬ ТАНКИСТОВ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ЛАЗАРЕВА В СЕВСКО-ДМИТРОВСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ ЗИМОЙ – ВЕСНОЙ 1943 Г.

В статье на основе анализа архивных документов Центрального архива Министерства обороны рассмотрено значение наступательных операций Центрального фронта зимой – весной 1943 г. Статья посвящена одному из неизвестных сражений, которое происходило на Брянщине. В результате данной операции образовался «курский выступ», послуживший плацдармом для последующих операций на орловском и харьковском направлениях летом 1943 г., итогом которых стал окончательный переход стратегической инициативы к Красной армии. В статье раскрываются неизвестные страницы истории, опирающиеся на архивные данные. Авторы приходят к выводу, что наступательные операции Центрального фронта в начале 1943 года повлияли на исход Курской битвы. В результате действий войск Центрального, Брянского, Западного и Калининского фронтов в феврале – марте 1943 г. немецкое командование вынуждено было вывести войска с Ржевско-Вяземского выступа, тем самым была ликвидирована непосредственная угроза столице нашей Родины – городу Москве.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Центральный фронт, Севско-Дмитровская наступательная операция.

Среди наступательных операций Красной армии во время зимней кампании 1942–1943 гг., которые неоднозначно оцениваются в современной российской и зарубежной историографии, особенно в контексте перехвата стратегической инициативы в войне, есть малоизвестная и почти забытая Севско-Дмитровская наступательная операция Центрального фронта, проходившая с 25 февраля по 27 марта 1943 г. Основные события будут проходить вокруг Севска – ныне города Брянской (тогда Орловской) области РФ [1, с. 164; 2, с. 115].

С фразы, вынесенной в название статьи, начинается документ, отправленный штабом 2-й танковой армии Центрального фронта 20.03.1943 г. в редакцию газеты «Красная звезда» [8, д. 131, л. 132]. Поводом для возникновения этого документа стало донесение командира 11-го танкового корпуса генерал-майора И.Г. Лазарева командующему 2-й танковой армии Центрального фронта генерал-лейтенанту А.Г. Родину. В своем донесении генерал-майор Лазарев указывает на «продолжающиеся претензии со стороны 2-го гвардейского кавалерийского корпуса в овладении гор. Севск» [8, д. 131, л. 131] и излагает свою версию боя по овладению Севском.

Севск во время наступательной части операции был взят частями Красной армии, что было очень важно, а позднее, когда наступление сменилось обороной, город был сдан врагу. По поводу самого факта взятия Севска между командирами воинских частей, принимавших в этом участие, произошел

острый спор, который предлагается теперь разрешить на основе анализа архивных документов и других источников [3, с. 455–461; 4, с. 78].

Согласно донесению командира 11-го танкового корпуса от 13.3.43 г., вверенные ему части «действовали следующим образом: 1.3.43 г. 59 тбр. (59-я танковая бригада. – авт.) подполковника Козина действовала в направлении Ясная Поляна, Самохваловка, Погребы, Дубки, Липницы, Севск, форсировали р. Сев у Дубки и к 16-00 окружили г. Севск, заняли все дороги и выходы из г. Севск с юга, запада, севера, мотострелковым десантом с отдельными орудиями и танками начали штурм города с запада» [8, д. 131, л. 131]. В это время 12-я мотострелковая бригада (МСбр.) под командованием подполковника Винокурова вышла в район Юрасова Хутора и «начала штурм города двумя батальонами с севера, востока и одним батальоном с востока» [8, д. 131, л. 131]. Танковый батальон 160-й тбр. с ротой автоматчиков попытались ворваться в Севск из района юго-западнее Юрасова Хутора по мосту через реку Сев. Но противник поджег мост, вследствие чего в реку провалился танк Мк-2 (такие танки поставляли в СССР из Британии), переправа была отложена до укрепления льда на реке. С наступлением темноты город очищали от неприятеля штурмовыми группами с отдельными танками и орудиями.

В донесении генерал-майор Лазарев обращает внимание вышестоящего командования на действия 4-й гвардейской кавалерийской дивизии (4-й гв. кд.), подошедшей к г. Севск, «когда бой

в городе шел за овладение укрепленным узлом в районе базарной площади, то есть последним узлом сопротивления. Доказательно отсюда видно, что части 2-го гв. кк. (2-го гвардейского кавалерийского корпуса. – *авт.*) не только не взяли город, но и не способствовали его взятию» [8, д. 131, л. 131].

В 19.00 1 марта 1943 г. генерал-майор Лазарев назначил коменданта и начальника гарнизона г. Севск. Уже в 20–21 час в район Юрасова Хутора прибыл генерал-майор Латышев, член Военного совета 2-й танковой армии Центрального фронта, которому командир 11-го такового корпуса доложил о ходе боя за город. Согласно донесению, «все пленные и трофеи взяты частями 11-го ТК» [8, д. 131, л. 131].

Во второй части указанного донесения генерал-майор Лазарев сообщает о «безобразном поведении отдельных частей 4-го гв. кд, которые безобразничали в г. Севск, Середина-Буда, снимали с постов у складов трофейного имущества, гуртов скота, обозов и конского состава поставленную охрану. Нарушая установленный порядок, силой забирали различное имущество. Если будет нужен фактический материал, то он будет представлен» [8, д. 131, л. 131]. В заключение генерал-майор Лазарев просит «вышеизложенное доложить командующему фронту» [9, д. 131, л. 131].

В журнале боевых действий 11-го танкового корпуса при описании боя по овладению г. Севск 4-я гвардейская кавалерийская дивизия вообще не упоминается. Для несения гарнизонной службы в г. Севск был оставлен 2-й мотострелковый батальон 12-й мотострелковой бригады 11-го танкового корпуса [9, д. 1, л. 36].

Согласно журналу боевых действий 4-й гвардейской кавалерийской дивизии, связь с 59-й танковой бригадой 2-й танковой армии, частями дивизии была установлена около 16.00 1.3.43 г. В 19.30 4-я гвардейская кавалерийская дивизия всеми частями сосредоточилась для атаки, а в 20.00 атаковала противника в г. Севск 15-м и 11-м гвардейскими кавалерийскими полками, «и овладели г. Севск, ведя бой с отдельными огневыми точками на сев. окраине города» [8, д. 1, л. 36]. Далее записано, что в 23.00 кавалеристы полностью заняли г. Севск. Роль танкистов в этом журнале боевых действий 4-й гвардейской кавалерийской дивизии показана скромно: «59 тбр вышла на дорогу, ведущую в Середина Буда, вела огонь по городу из танков» [9, д. 1, л. 36]. В нем есть записи о количестве пленных. Так, на конец 1 марта 1943 г. указывается захват «до 200 человек (число пленных прибывало, вылавливались мелкие группы и одиночки, про-к потерял убитыми до 170 человек» [8, д. 1, л. 36]. В течение 2 марта количество пленных солдат противника возрастает до 250 человек, и к ним еще плюсоются 300 человек русских полицейских из бригады Каминского «Российской освободитель-

ной народной армии» (РОНА), центром которой являлся г. Локоть. На свой счет дивизия записывает трофеи: лошадей – 200, орудий – 3, винтовок – 350, станковых пулеметов – 3, ручных пулеметов – 4, ружей ПТР – 6, бронемашин – 1, танков – 1, автомашин – 6, повозок – 16, складов с продовольствием и фуражом 6, складов с б/припасами 1, раций – 2 [6, с. 114–116].

Но журнал боевых действий Центрального фронта от 2 марта фиксирует итоги боев за г. Севск так: «В результате боя захвачено 2 орудия, 3 пулемета, 75 винтовок, обоз с горючим, 2 продсклада, 200 тонн зерна, 48 лошадей, 200 овец и 250 пленных. Истреблено 170 фашистов» [9, д. 203, л. 5 об.]. Захват трофеев в журнале боевых действий фронта увязывается с действиями 4-й гвардейской кавалерийской дивизии.

Однако изучение боевых донесений штаба 4-й гвардейской кавалерийской дивизии показывает несколько иную картину боя за г. Севск и взятие после освобождения города трофеи. В боевом донесении № 22, составленном в 24.00 2 марта 1943 г. в г. Севск, то есть сразу по окончании боев за город, взятие г. Севск описывается так: «4-я гв. кав. д. при поддержке танков 11-го тк. в г. Севск уничтожен и частично пленен 3/38-й пп 2-й венг. пд. (38-й пехотный полк 2-й венгерской пехотной дивизии. – *авт.*). Остатки 38-го пп находятся в Середина-Буда. Там-же штаб. В населенном пункте Морицкий 11-й гв. кп. (11-й гвардейский кавалерийский полк. – *авт.*) разгромлен 14-м батальоном Локотской бригады Каминского. К-р 14 бат. убит. Взяты документы (прилагаются). Взято 32 пленных» [10, д. 94, л. 117].

Боевое донесение штаба 11-го танкового корпуса от 2 марта 1943 г. так описывает взятие г. Севск: «...2. Части корпуса, выполняя поставленную задачу, к 17.00 1.3.43 г. вышли на южную окраину гор. Севск в составе 59 Тбр, 352 ТБ, 160 Тбр и 12 МСБр к 21.00 1.3.43 г. овладели гор. Севск. До утра 2.3.43 г. продолжали очистку города от оставшихся в домах мадьяр и полицейских. К 8.00 2.3.43 г. части получили боевой приказ и с 10.00 2.3.43 г. приступили к выполнению дальнейшей боевой задачи.

3. 12 МСБр до исхода 2.3.43 г. продолжала очистку города от остатков фашистских войск и оборонять его до подхода смены другими подходящими частями» [8, д. 131, л. 132]. В этом донесении есть предварительные данные о нанесенном противнику уроне: «...взято в плен около 200 человек, уничтожено до 300 солдат и офицеров. Трофеи: танков БТ-5 – 1, орудий – 2, количество пулеметов, винтовок и других трофеев выясняется и подсчитывается» [8, д. 131, л. 132].

Своеобразно описано взятие г. Севск в «Боевом пути 15-го Гвардейского Кавалерийского полка 4 Гвард. Кавалерийской Дивизии /за период

с 3.7.1941 г. по 15.4.1943 г./», документе, составленном спустя полтора месяца после описываемых событий. «Совершив 70 км марш полк к 15.00 1.3 /первым/ подходит и спешившись с хода врывается в южную окраину города, ведя ожесточенные уличные бои с превосходящим по силе противником и уже к 20.00 1.3 овладевает большей частью города. Подошедшие другие части дивизии обеспечили завершить (так в оригинале текста. – *авт.*) успех 15 Гв. КП. В этом бою полк, понеся незначительные потери, захватил и уничтожил до батальона солдат и офицеров и батальон полицейских. Захвачены богатые трофеи» [11, д. 94, л. 177].

В документе никаких ссылок на совместные действия с частями 11-го танкового корпуса нет, и это несмотря на то, что город брали 59-я и 160-я танковые бригады, а также 12-я мотострелковая бригада. Описание боевого пути 15-го гвардейского кавалерийского полка составлено командиром 4-й гвардейской кавалерийской дивизии (в составе которой полк воевал) гвардии генерал-майором Панкратовым и начальником штаба дивизии гвардии полковником Петровым, которые не могли не знать о записях, сделанных в журнале боевых действий дивизии за 1 и 2 марта 1943 г. В журнале указано, что 4-я гвардейская кавалерийская дивизия в 16.00 1 марта 1943 г. установила связь с 59-й танковой бригадой, в 20.00 сосредоточилась для атаки, и только к 23.00 кавалеристы полностью заняли город, что не совпадает с данными в описании боевого пути 15-го гвардейского полка [5, с. 97].

Анализ документов 4-й гвардейской кавалерийской дивизии, 11-го танкового корпуса, 59-й и 160-й танковых бригад, а также анализ журнала боевых действий Центрального фронта свидетельствуют о попытках командования 2-го гвардейского кавалерийского корпуса и 4-й гвардейской кавалерийской дивизии без оснований записать взятие Севска на свой счет. Помогло и то, что 2-й гвардейский кавалерийский корпус являлся соединением фронтового подчинения, и все донесения направлялись в штаб Центрального фронта [8, д. 131, л. 131], а командование 11-го танкового корпуса передавало донесения через штаб 2-й танковой армии. Более того, танкисты для связи с вышестоящими штабами пользовались в основном радиосвязью, которая работала нестабильно, а у кавалеристов работала «летучая почта» посредством конно-почтовых. Только 1 марта 1943 г. штаб 4-й гвардейской кавалерийской дивизии отправил на ВПУ (военный пункт управления) 2-го гвардейского кавалерийского корпуса шесть донесений [10, д. 94, л. 117 об.].

Важным документом, подтверждающим, что именно части 11-го танкового корпуса сыграли основную роль в освобождении г. Севск 1–2 марта 1943 г., является «Боевой приказ № 9 Штабриг

160 танк. 5.00. 1.3.1943 г.». В нем подробно приводится план наступления на Севск 160-й танковой бригады 11-го танкового корпуса.

«1. Противник частями 747 ПП, 70 ПП продолжает оказывать сопротивление частям 11 ТК, отходит на Доброводье, Севск.

2. Бригада имеет задачу с рассветом 1.3.43 г. продолжать наступление в направлении: Ясная Поляна, южные скаты выс. 220, выс. 222,4, и с запада овладеть Доброводье, одновременно прикрыть себя с северо-запада. Группой танков схода овладеть переправой 1 км восточнее Севск. Начало наступления 6.00 1.3.43 г.

3. Справа в направлении Доброводье, Севск наступают части 12 МСБр, Слева в направлении северная окраина Погребы, Дубки, Липница, Севск наступает 59 ТБр.

4. Я РЕШИЛ: наступать, имея в голове 352 ТБ, ПТБ, во 2-м эшелоне 353 ТБ.

5. 352 ТБ с ПТБ наступать в направлении бригады с задачей ударом с юго-запада перерезать пути отхода противника на Севск до подхода 353 ТБ. Исходный пункт северо-западная окраина Ясная Поляна пройти в 6.00 1.3.43 г.

6. 353 ТБ наступать за 352 ТБ с задачей ударом с запада овладеть Доброводье. Взводом танков схода овладеть переправой 1 км восточнее Севск, выставить засаду в составе взвода на дороге Доброводье, Гапоново. Исходный пункт северо-западная окраина Ясная Поляна пройти в 6.00 1.3.43 г.

7. Командиру 353 ТБ выслать ГПЗ в направлении наступления бригады в составе одной танковой роты. Начальник ГПЗ командир 2-й танковой роты. Исходный пункт северо-западная окраина Ясная Поляна головой колонны пройти в 5.40. 1.3.43 г. <...>

10. Штабриг с 5.00 1.3.43 г. Ясная Поляна.

11. Я в голове 353 ТБ...» [7, д. 7, л. 21].

Приказ подписан командиром 160-й танковой бригады полковником Давиденко и начальником штаба майором Стопником. Документ подтверждает слова командира 11-го танкового корпуса генерал-майора Лазарева о том, что части вверенного ему корпуса, наступая на г. Севск, действовали согласно плану. 20 марта 1943 г. в редакцию газеты «Красная звезда» штабом 2-й танковой армии было отправлено письмо: «Документально доказано, что г. Севск взят частями г-м Лазарева, а не г-м Крюкова, как это опубликовано в ваших газетах. Удостоверяющий материал представлен НШ ЦФ (начальником штаба Центрального фронта. – *авт.*) 20 марта 1943 г.» [8, д. 131, л. 132].

Таким образом, следует отметить, что, несмотря на неудачный исход операции, активные действия наших войск на Орловско-Брянском направлении сделали невозможным удар германских войск из района Орла на Курск навстречу наступающей немецкой 4-й танковой армии.

Библиографический список

1. Трифанков Ю.Т. Исследование социальных процессов на Брянщине в период оккупации 1941–1943 гг.: монография / Ю.Т. Трифанков, В.В. Дзюбан, Е.Н. Шанцева. – Брянск: Изд-во БГТУ, 2011. – 240 с.
2. Ушкалов С.В. Взаимодействие фронтов и партизанских соединений на стратегических переломах Великой Отечественной войны в Брянском регионе в 1941–1943 гг. / С.В. Ушкалов, Ю.Т. Трифанков, Л.И. Захарова, Я.Ю. Трифанков. – Брянск: БГТУ, 2016. – 220 с.
3. Ушкалов С.В. Влияние партизанского движения на качественное изменение стратегического положения на советско-германском фронте после Сталинградской битвы // Качество и жизнь: научно-производственный и культурно-образовательный журнал. – 2016. – Спецвыпуск. – № 4 (12). – С. 455–461.
4. Ушкалов С.В. Забытые герои Севска // Орловский военный вестник. – 2016. – № 3 (48). – С. 78–80.
5. Шанцева Е.Н. Брянщина в период оккупации 1941–1943 гг.: Генезис партизанского движения и коллаборационизма: монография / Е.Н. Шанцева, В.В. Дзюбан, Ю.Т. Трифанков. – Брянск: БГТУ, 2010. – 280 с.
6. Ушкалов С.В. Подготовка к Севско-Дмитровской наступательной операции Центрального фронта (25.02.1943–28.03.1943) // Вестник воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. – 2016. – № 2. – С. 114–116.
7. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). – Ф. 307. – Оп. 4148.
8. ЦАМО. – Ф. 3536. – Оп. 1.
9. ЦАМО. – Ф. 62. – Оп. 321.
10. ЦАМО. – Ф. 3467. – Оп. 1.
11. ЦАМО. – Ф. 3226. – Оп. 1.

References

1. Trifankov YU.T. Issledovanie social'nyh processov na Bryanshchine v period okkupacii 1941–1943 gg.: monografiya / YU.T. Trifankov, V.V. Dzyuban, E.N. SHanceva. – Bryansk: Izd-vo BGTU, 2011. – 240 s.
2. Ushkalov S.V. Vzaimodejstvie frontov i partizanskih soedinenij na strategicheskikh perelomah Velikoj Otechestvennoj vojny v Bryan-skom regione v 1941–1943 gg. / S.V. Ushkalov, YU.T. Trifankov, L.I. Zaharova, YA.YU. Trifankov. – Bryansk: BGTU, 2016. – 220 s.
3. Ushkalov S.V. Vliyanie partizanskogo dvizheniya na kachestvennoe izmenenie strategicheskogo polozheniya na sovetско-germanskom fronte posle Stalingradskoj bitvy // Kachestvo i zhizn': nauchno-proizvodstvennyj i kul'turno-obrazovatel'nyj zhurnal. – 2016. – Specvypusk. – № 4 (12). – S. 455–461.
4. Ushkalov S.V. Zabytye geroi Sevskaja // Orlovskij voennyj vest-nik. – 2016. – № 3 (48). – S. 78–80.
5. SHanceva E.N. Bryanshchina v period okkupacii 1941–1943 gg.: Genezis partizanskogo dvizheniya i kollaboracionizma: monografiya / E.N. SHanceva, V.V. Dzyuban, YU.T. Trifankov. – Bryansk: BGTU, 2010. – 280 s.
6. Ushkalov S.V. Podgotovka k Sevsko-Dmitrovskoj nastupatel'noj operacii Central'nogo fronta (25.02.1943–28.03.1943) // Vestnik voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istorija. Politologiya. Sociologiya. – 2016. – № 2. – S. 114–116.
7. Central'nyj arhiv Ministerstva oborony (CAMO). – F. 307. – Op. 4148.
8. CAMO. – F. 3536. – Op. 1.
9. CAMO. – F. 62. – Op. 321.
10. CAMO. – F. 3467. – Op. 1.
11. CAMO. – F. 3226. – Op. 1.

ХРУЩЕВСКАЯ АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ КАМПАНИЯ 1954–1964 ГГ.: ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Статья раскрывает инструментальный комплекс хрущевских гонений в процессе принятия государственными структурами специальных нормативно-правовых актов, ущемлявших права верующих, реализации широкого спектра экономических санкций, направленного на подрыв хозяйственной базы Русской православной церкви (далее – РПЦ), проведения антирелигиозной пропаганды, в том числе с активным участием людей, открыто порвавших с религией. Все это было направлено, прежде всего, на советскую молодежь и предполагало широкое использование административного ресурса для давления на духовенство и мирян. Вместе с тем в условиях относительного ослабления тоталитарного режима как результата развенчания культа личности И.В. Сталина и политики «оттепели» верующие имели возможность правовыми методами защищать свои религиозные права, тогда как в 20–30-е гг. XX в. государство использовало против духовенства и мирян неприкрытое насилие. Очевидно, что Н.С. Хрущёву приходилось учитывать возросшую роль РПЦ в советском обществе после Великой Отечественной войны и частичное потепление в государственно-церковных отношениях в 1940-х – начале 1950-х гг., однако, несмотря на все мероприятия антирелигиозной кампании, она потерпела неудачу. Такой итог объяснялся неэффективностью методов её реализации, их недостаточной продуманностью при использовании против верующих.

Ключевые слова: государственно-церковные отношения, Русская православная церковь, атеистическая политика, патриарх Алексей I, митрополит Николай (Ярушевич).

Исторический опыт показывает важность государственно-церковного компромисса для каждого общества в любой период его развития. В связи с этим возрастает актуальность исследования взаимоотношений Церкви и государства в советский период, когда гонения на верующих были частью официальной политики правящей коммунистической партии. И вопреки имеющимся государственным ресурсам, настойчивости и последовательной реализации антицерковной политики, постоянному давлению на священнослужителей и мирян, ее результативность была далека от планируемого уничтожения религии и церкви. Вопрос о причинах провала и неэффективности различных антирелигиозных кампаний и уникальной, мистической жизнеспособности Церкви, способной выстоять даже в тяжелейшие годы неприкрытых репрессий, представляет несомненный интерес. Одним из таких периодов является правление Н.С. Хрущева, одного из советских лидеров-«адептов» антиклерикализации общества.

Возможность новых гонений на религию после относительного послабления к ней советского режима была вполне ожидаемой. Уже сталинское правительство начинает терять интерес к Церкви как потенциальному инструменту своей внутренней и внешней политики. К примеру, в 1948 г. в СМИ постепенно выходят статьи, призывающие активизировать антирелигиозную пропаганду, так как религия как таковая рано или поздно должна естественным образом исчезнуть. Впрочем, вскоре для властей становится очевидным, что одной пропаганды недостаточно: так, в Постановлении ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» Церковь и секты рассматривались, по сути, как тождественные понятия: призыва-

лось ограничить их деятельность по привлечению к себе молодежи и ограничить влияние религии на молодых людей. Власти отлично понимали, что после Великой Отечественной войны число верующих в советском обществе возросло: режим тревожило, что Церковь активизировала привлечение к себе граждан, «...отправляющих религиозные обряды» [8, с. 9–10]. Вскоре после смерти И.В. Сталина в 1953 г. стартовала очередная антирелигиозная кампания: развернувшись на полные обороты при Н.С. Хрущеве в 1958–1964 гг., она официально декларировалась как составная часть «восстановления ленинских норм» в правящих структурах СССР, но главное – по причине религиозного пафоса его коммунистической наивности и марксистско-ленинской ортодоксии. Положения в коммунистической идеологии об естественном отмирании религии по мере развития социализма Н.С. Хрущев рассчитывал во многом (хотя, очевидно, далеко не во всем) воплотить в жизнь в связи с объявленной им на XXII съезде КПСС программой построения коммунизма к 1981 г., где вере в Бога уже не было бы места. Дополнительно данное направление было озвучено и в четвёртой Программе Коммунистической партии в 1961 г.: религия там представлялась как «пережиток капитализма в сознании и поведении людей», а борьба против Церкви – «составной частью работы [КПСС] по коммунистическому воспитанию» [9, с. 121–122].

Активизируя антирелигиозную кампанию, власти отлично понимали, что необходимо создать новый комплекс санкций для верующих – стала проводиться работа над созданием новой нормативной базы для будущих гонений. К примеру, уже в октябре 1960 г. был обновлен Уголовный кодекс РСФСР: нововведением стало изменение содержания статьи 142 («Нарушение законов об отделении

церкви от государства»), наказание по которой было увеличено до 3 лет лишения свободы.

Алексий I несколько раз пытался привлечь внимание управляющего Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпова, отмечая рост мнения среди верующих о бездействии патриарха в сложившейся обстановке [4, с. 324]. Впрочем, Карпов предпочел проигнорировать все его обращения по этому поводу. Одной из наиболее решительных попыток Алексия I сдержать напор новой антирелигиозной кампании можно считать его выступление на заседании Конференции советской общественности за разоружение 16 февраля 1960 г.: «Церковь Христова, полагаящая своей целью благо людей, от людей же испытывает нападки и порицания... что могут значить все усилия человеческого разума против христианства, если... Сам Иисус Христос и дал обетование непоколебимости Церкви, сказав, что и врата ада не одолеют Церкви Его» [12, с. 34]. По сути, данные слова не содержали в себе открытой критики существующего строя, однако ответ советских властей не заставил себя долго ждать: после 1959 г. было закрыто около 7 тыс. церквей: основоположники послевоенной системы государственно-церковных отношений – митрополит Николай (Ярушевич) и Г.Г. Карпов (председатель Совета по делам РПЦ) – были сняты со своих постов в 1960 г. Кроме того, за период с 1 января 1960 г. по 1 января 1961 г. общее количество православных храмов по стране сократилось с 12 963 до 11 571. Вообще за 1960 г. в стране не было открыто ни одного храма. Стоит отметить, что до 1959 г. сокращение действующих храмов частично можно было оправдывать миграцией населения в города и сокращением сельского населения.

Усилилась антирелигиозная работа спецслужб – так, в конце 1959 г. сотрудники КГБ дали распоряжение давно связанному с ними профессору Ленинградской духовной академии А.А. Осипову открыто заявить о своем разрыве с Церковью. В отделе официальной пропаганды ЦК появились два его труда: «Об общем положении православия в СССР» и «Об антирелигиозной работе», написанных им по указке спецслужб и растиражированных в советских СМИ. Используя инструменты в виде подкупов, угроз, шантажа, клеветы в конце 1950-х – начале 1960-х гг. режиму удалось склонить к отказу от сана около 200 православных священников [14, с. 366–367]. К примеру, в Костромской епархии священник Покровской церкви с. Шунга Александр Маёров (был настоятелем данного прихода с 07 мая 1957 г. по 22 июня 1960 г.) обратился к правящему епископу с прошением от 12 июня 1960 г., в котором сообщал, что «порывает с религией и снимает с себя священный сан». 16 июня он публично подтвердил свой поступок в местной газете «Северная Правда», куда отправил свою статью «Я порываю

с религией», где представил внутрицерковную жизнь в самых непривлекательных тонах. В итоге правящий епископ Пимен удовлетворил его просьбу, в результате чего Александр Маёров был лишен сана священника [3]. Впрочем, несмотря на использование режимом подобных ренегатов для агитационной пропаганды, к ожидаемому перелому в антирелигиозной кампании это не привело, поэтому от подобной практики затем пришлось отказаться. Справедливости ради стоит отметить, что многие из священников-ренегатов уже к середине 1960-х гг. спились, покончили жизнь самоубийством, некоторые просили своих архиереев о прощении [12, с. 367], что явно свидетельствовало о кризисе кампании. Священный Синод еще 30 декабря 1959 г. принял решение клириков, «похуливших Имя Божие, считать извергнутыми из священного сана и лишенными всякого церковного общения» [6, с. 20].

Партия резонно полагала, что митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, будучи весьма авторитетным церковным иерархом, в ближайшей перспективе станет оплотом всех недовольных в Патриархии и теоретически сможет сплотить определенную церковную группировку, потенциально способную создать проблемы властям. Его активные протесты против новой волны антирелигиозной кампании привели к тому, что при участии спецслужб митрополит был смещен со всех церковных постов, в результате чего затем 13 декабря 1961 г. умер в Боткинской больнице при невыясненных обстоятельствах. По свидетельству очевидцев, родные попросили медицинское свидетельство о смерти. Было сделано врачебное заключение, что болезнь усопшего якобы спровоцирована «переменой климата». У морга собралась группа верующих, кричавшая «Убийцы!». До сих пор имеются анонимные письма в адрес Верховного Совета и Правительства СССР с требованием отправить дело на дополнительное расследование, так как это «несомненное убийство»: как правило, такие письма сразу отправлялись в КГБ для определения авторства. Кроме того, был снесен дом, в котором проживал покойный митрополит в последние годы (Баумановский пер., д. 6), и разрушен храм, в котором он служил [14, с. 370]. Иными словами, власть всячески старалась стереть даже память о неугодном архиерее.

Ранее, 15 июня 1960 года, состоялась встреча В.А. Куроедова – нового председателя Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР – с патриархом Алексием I (Симанским), где Куроедов сразу показал себя как бескомпромиссный человек: им были озвучены претензии в связи с неэффективной внешней политикой Московской патриархии. Это было использовано как повод для необходимости снять митрополита Николая с поста Председателя ОВЦС, что и было выполнено. В ходе заседания

12 сентября 1960 г. Совет по делам РПЦ озвучил среди прочего: «...Поручить т. Куроедову переговорить с патриархом Алексием по вопросу вступления Русской православной церкви в члены Всемирного совета церквей» [11, с. 60–61]. Впрочем, РПЦ в данной ситуации могла получить и пользу: будучи отправленной на периферию общественной жизни внутри СССР, она получила возможность заявлять о себе на международной арене.

1 апреля 1961 года, в разгар антирелигиозной кампании, во время всенощного бдения в Елохове произошло нападение на патриарха со стороны некоего гражданина И.Н. Таршилова, который в ходе разбирательства был признан невменяемым. Показательно, что Куроедов при встрече 18 апреля даже не выразил Патриарху своего возмущения или хотя бы сочувствия [13].

Очередным этапом антирелигиозной кампании стал 1960 г., когда в советских СМИ началась критика продажи в храмах свечей – именно с этого момента родилось мнение о том, что Церковь получает колоссальную прибыль именно за счет этого. Декларировалось, что 75 % доходов Церковь получает выручка именно от их продажи. Впрочем, данные материалы были заранее недостоверными: советская пропаганда явно не учитывала, что все эти доходы зависят не от количества свечей в целом, а от соотношения их использования для служебных целей с количеством свечей, проданных верующим. Допустим, когда соотношение бывало 50 на 50, тогда Церковь могла получить около 10 руб. на килограмме. Впрочем, в сельских храмах, где свечи использовались в основном лишь для освещения, храм реализовывал их себе же в убыток: он терял на каждом килограмме по 5 руб. при соотношении 75 % для нужд храма и 25 % – верующим. Несмотря на это, православным приходом было запрещено зарабатывать на свечах под предлогом, будто такая прибыль равноценна обязательным пожертвованиям, которые были незаконны, хотя фактически твердых установленных цен на свечи и так не существовало [5, с. 280–288].

Очевидно, что Московская патриархия понесла тяжелый урон в период хрущевских гонений: так, к 1 января 1966 г. она имела всего лишь 7 523 храма (тогда как на 1 января 1952 г. в стране имелось 13 786 официально действующих приходов), численность зарегистрированного духовенства к 1967 г. снизилась до 7410 человек (для сравнения – к началу хрущевских гонений 12 254 человек). Священноначалие РПЦ, прежде всего митрополиты Никодим (Ротов) и Пимен (Извеков), были вынуждены официально говорить в СМИ о том, что храмы в стране закрываются добровольно: однако следует понимать, что в тогдашней обстановке это можно рассматривать как вынужденную уступку советской власти с целью не провоцировать ее на более серьезные и масштабные гонения.

Основной акцент власть делала на подрыв экономического фундамента монастырей как духовных оплотов РПЦ: при Хрущеве их количество сократилось с 90 в середине 1950-х гг. до 18 спустя десятилетие. Процесс ликвидации монастырей начался в 1958 г., когда значительно повысился налог на здания и монастырские угодья, установленный еще в 1945 г. Теперь монастыри должны были платить ежегодно 40 тыс. руб. (старыми) или 4 тыс. руб. (новыми) за одну сотку земли [7]. Тяжелым ударом было и то, что административная и финансовая жизнь приходов была передана под контроль назначаемых режимом мирян-старост, которые делали все, чтобы разорить храм, сдавая практически все пожертвования в Фонд мира, где эти средства втихую разворовывались советскими чиновниками. Очевидно, что местные власти старались назначать членами церковных советов убежденных атеистов, нацеленных на организационную деформацию Церкви. Протоиерей Георгий (Эдельштейн) в своей книге «Право на правду» приводит в пример старосту Троицкого собора Александро-Невской Лавры Людоговского – человека, имевшего внешне вид православного человека, выступавшего на международных религиозных семинарах, однако на деле бывшего злейшим врагом Церкви и ее гонителем, который, выполняя указания местного уполномоченного Совета по делам РПЦ, мог перекрыть воду на праздник Богоявления, в результате чего сотни людей оставались без крещенской воды. Настоятели приходов оказались, по сути, под полным финансовым контролем старост – без их разрешения священник не мог даже нанять уборщицу в храм. Фактически, священники стали наемниками у прихода – им официально разрешалось совершать лишь богослужения и требы. Кроме того, старосты сразу же передавали местным властям данные людей, которые решались крестить ребенка – именно отсюда появилась легенда о «попах в погонах», так как люди были уверены, что «сдали» их именно священники [16, с. 118]. Проблема с кадрами в Церкви стояла как никогда остро: к примеру, в Костромской епархии в 1963 г. были 5 человек, а покинули ее 10 человек. В следующем, 1964 г., пришло 11 священнослужителей, по различным причинам покинуло ее 10 (4 было отправлено за штат, 2 выехали в другую епархию, 4 умерло), то есть фактически новые кадры едва покрывали убыль [10]. Не стоит забывать и об административном давлении на священников. Однако, вопреки логике, уровень религиозности населения в среднем по СССР не снизился, а в некоторых его частях даже вырос [15, с. 391].

В целом следует отметить, что «хрущевские» гонения на Церковь имели много общего с антирелигиозной практикой предшествующих периодов: нормативно-правовая обоснованность, проведение антирелигиозной пропаганды, в том числе с актив-

ным участием людей, демонстративно порвавших с религией, экономические меры, направленные на подрыв хозяйства храмов и монастырей, их закрытие, использование административного ресурса для давления на верующих. Вместе с тем, в отличие от прежних советских эпох, когда защита верующими свободы совести безжалостно подавлялась (в период красного террора, антирелигиозных кампаний 1922 и 1930 гг. [1; 2] и, наконец, в «большой» террор 1937 г.), теперь она могла уже вестись более эффективно – прежде всего, правовыми методами, что наглядно показала защита в 1962–1963 гг. Почаевской лавры, когда братия монастыря смогла написать в ООН официальное письмо в её защиту. «Хрущевская» кампания явно провалилась, но нанесла Церкви огромный урон. Среди причин ее неудачи можно выделить следующие: она противопоставляла верующих и советскую систему, загнав религиозную жизнь в подполье. Частичная идеологизация общества и ослабление тоталитарной системы в ходе развенчания культа личности И.В. Сталина также стала одной из причин провала кампании

Библиографический список

1. Майорова Н.С. Вскрытие мощей Сергия Радонежского и кампания по ликвидации мощей во всероссийском масштабе (1918–1920-е гг.) // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – № 2. – С. 52–57.
2. Майорова Н.С. Государственно-церковные отношения в 1917–1929 гг. (на материалах Верхнего Поволжья). – Кострома: Костромской государственный университет, 2006. – С. 59–67.
3. Определение Управляющего Костромской епархией Пимена, епископа Дмитровского: (22 июня 1960 г., № 365 а) // Архив Канцелярии Костромской епархии РПЦ МП.
4. Поспеловский Д.В. Православная церковь в истории Руси, России и СССР / Библиско-Богословский Институт св. апостола Андрея. – М., 1996. – 415 с.
5. Поспеловский Д.В. Русская Православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 511 с.
6. [Священный Синод отлучает ренегатов]: постановление Патриарха и Священного Синода: (30.12.1959) // Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. – М.: Пропилеи, 1995. – 540 с.
7. О налоговом обложении лиц, имеющих крупные доходы от отдельных отраслей сельского хозяйства: постановление Совета Министров РСФСР: (от 16 октября 1961 г., № 1303) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi req=doc;base=ESU;n= 30149> (дата обращения: 22.12.2014).

8. О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения: постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 года (извлечения) // Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. – М.: Пропилеи, 1995.

9. Программа Коммунистической Партии Советского Союза: Принята XXII съездом КПСС. – М.: Политиздат, 1964. – 22 с.

10. Сазонов Д.И. (прот.) Проблема «кадрового голода» в Русской Православной Церкви и ее разрешение с 1958 по 1988 гг. (по материалам Костромской епархии) [Электронный ресурс] // Библиотека Дмитрия Сазонова: сайт. – Режим доступа: <http://sazonow.ru/stati/790-problema-kadrovogo-goloda-v-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi-i-ee-razreshenie-s-1958-po-1988-gg-i-po-materialam-kostromskoj-eparkhii> (дата обращения: 12.05.2017).

11. Протокол заседания Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР 12 сентября 1960 г. (секретно) // Исторический архив. – 2008. – № 1. – С. 45–50.

12. Речь Патриарха Алексия I на заседании Конференции советской общественности за разрушение 16 февраля 1960 г. // Журнал Московской патриархии. – 1960. – № 3. – С. 18–20.

13. Хрущев и его церковная политика [Электронный ресурс] // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. – Режим доступа: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2010/04/27/hruwyov_i_ego_cerkovnaya_politika_chast_2 (дата обращения: 21.05.2017).

14. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М., Вече, 2010. – 480 с.

15. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве. Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг. – М., 1999. – 400 с.

16. Эдельштейн Г. Право на правду. – М.: Издательство ИПК Парето-Принт, 2016. – 504 с.

References

1. Majorova N.S. Vskrytie moshchej Sergiya Radonezhskogo i kampaniya po likvidacii moshchej vo vsrossijskom masshtabe (1918–1920-e gg.) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 2. – S. 52–57.
2. Majorova N.S. Gosudarstvenno-cerkovnye otnosheniya v 1917–1929 gg. (na materialah Verhnego Povolzh'ya). – Kostroma: Kostromskoj gosudarstvennyj universitet, 2006. – S. 59–67.
3. Opredelenie Upravlyayushchego Kostromskoj eparhiej Pimena, episkopa Dmitrovskogo: (22 iyunya 1960 g., № 365 a) // Arhiv Kancelyarii Kostromskoj eparhii RPC MP.
4. Pospelovskij D.V. Pravoslavnaya cerkov' v istorii Rusi, Rossii i SSSR / Biblejsko-Bogoslovskij Institut sv. apostola Andreya. – М., 1996. – 415 с.

5. Pospelovskij D.V. Russkaya Pravoslavnaya cerkov' v XX veke. – M.: Respublika, 1995. – 511 s.

6. [Svyashchennyj Sinod otluhaet renegatov]: postanovlenie Patriarha i Svyashchennogo Sinoda: (30.12.1959) // Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v sovetskoe vremya (1917–1991): materialy i dokumenty po istorii otnoshenij mezhdru gosudarstvom i Cerkov'yu / sost. G. SHtrikker. – M.: Propilei, 1995. – 540 s.

7. O nalogovom oblozhenii lic, imeyushchih krupnye dohody ot otdel'nyh otraslej sel'skogo hozyajstva: postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR: (ot 16 oktyabrya 1961 g., № 1303) [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=30149> (data obrashcheniya: 22.12.2014).

8. O krupnyh nedostatkah v nauchno-ateisticheskoy propagande i merah ee uluchsheniya: postanovlenie CK KPSS ot 7 iyulya 1954 goda (izvlecheniya) // Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v sovetskoe vremya (1917–1991): materialy i dokumenty po istorii otnoshenij mezhdru gosudarstvom i Cerkov'yu / sost. G. SHtrikker. – M.: Propilei, 1995.

9. Programma Kommunisticheskoy Partii Sovetskogo Soyuza: Prinyata HKHII s"ezdrom KPSS. – M.: Politizdat, 1964. – 22 s.

10. Sazonov D.I. (prot.) Problema «kadrovogo goloda» v Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi i ee razreshenie s 1958 po 1988 gg. (po materialam Kostromskoj

eparhii) [EHlektronnyj resurs] // Biblioteka Dmitriya Sazonova: sajt. – Rezhim dostupa: <http://sazonow.ru/stati/790-problema-kadrovogo-goloda-v-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi-i-ee-razreshenie-s-1958-po-1988-gg-i-po-materialam-kostromskoj-eparhii> (data obrashcheniya: 12.05.2017).

11. Protokol zasedaniya Soveta po delam Russkoj pravoslavnoj cerkvi pri SM SSSR 12 sentyabrya 1960 g. (sekretno) // Istoricheskij arhiv. – 2008. – № 1. – S. 45–50.

12. Rech' Patriarha Aleksiya I na zasedanii Konferencii sovetskoy obschestvennosti za razoruzhenie 16 fevralya 1960 g. // ZHurnal Moskovskoj patriarhii. – 1960. – № 3. – S. 18–20.

13. Hrushchev i ego cerkovnaya politika [EHlektronnyj resurs] // Russkaya narodnaya liniya: informacionno-analiticheskaya sluzhba. – Rezhim dostupa: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2010/04/27/hruwyov_i_ego_cerkovnaya_politika_chast_2 (data obrashcheniya: 21.05.2017).

14. SHkarovskij M.V. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v XX veke. – M., Veche, 2010. – 480 s.

15. SHkarovskij M.V. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' pri Staline i Hrushchyove. Gosudarstvenno-cerkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 gg. – M., 1999. – 400 s.

16. EHdel'shtejn G. Pravo na pravdu. – M.: Izdatel'stvo IPK Pareto-Print", 2016. – 504 s.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ НА СЛУЖБЕ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ (на материалах книги «Лицом к лицу с Америкой», посвященной первому визиту Хрущева в США)

Ровно 60 лет исполняется в этом году визиту Н.С. Хрущева в «логово» идеологического врага СССР – США. Во время этого визита впервые советский лидер стал публичной персоной евроатлантического масштаба, самым именитым визитером из мира социалистической реальности. Официальный визит советского лидера в США изначально преподносился не просто как событие, значимое в области международной политики. Это был исторический шаг и памятное событие. Особое место среди публикаций данного периода занимает своеобразная хроника хрущевского визита «Лицом к лицу с Америкой. Рассказ о поездке Н.С. Хрущева в США. 15–27 сентября 1959 г.». Объемный труд коллектива авторов, сопровождавших советского деятеля в поездке, насыщен разнообразными материалами и источниками, документальными свидетельствами эпохи. В статье предпринята попытка определить место конструкции прошлого в структуре советского политического мифа о визите Хрущева в Америку, отраженного в данной книге, беспрецедентной по качеству и объему исторического материала.

Ключевые слова: советская пропаганда, Н.С. Хрущев, холодная война, политический дискурс, тоталитаризм, визит в США, история памяти, идеология.

Воплощение политико-социальных утопий неизбежно приводило к экспериментам со временем: принятию новых календарей, праздников, провозглашению заведомо недостижимых целей и обязательств. В статье речь пойдет о попытке овладения временем с позиции коммунистической идеологии в рамках противостояния двух систем. Помимо «культы личности» на страницах советской публицистики присутствовало еще и Время, которое принимало на коммунистической стороне все большую плотность. Официальная пропаганда в период «оттепели» переживала своеобразный подъем в связи с развитием технических возможностей трансляции информации, а также благодаря развитию журналистики, приходу в нее новых людей и новых идей. Утопический дискурс советской журналистики, сдобренный грубоватой хрущевской риторикой, наделял положительными чертами «прогрессивного строя» собственную действительность, четко проведя границу с Америкой в «большой день» визита Хрущева в 1959 году. В информационной войне с Западом были задействованы все фазы временного цикла: прошлое, настоящее и будущее. В статье речь пойдет о назначении и содержании исторических экскурсов в освещении этого события советскими пропагандистами.

Центральное место в обширном советском нарративе занимает объемная книга, написанная коллективом авторов, при участии таких влиятельных кремлевских идеологов, как Л.Ф. Ильичев и А.И. Аджубей. Версия А.И. Аджубея, чья карьера стремительно развивалась в хрущевское десятилетие, предполагала, что практически все они входили в состав некой «рабочей группы», обладавшей политическим влиянием и занимавшейся написанием и редакцией объемных хрущевских текстов [1]. По мнению исследователя

С.А. Зубкова, занимавшегося вопросами формирования международного имиджа Хрущева, речь идет о беспрецедентном советском PR-проекте для Запада, за которым стояли: «идеологический отдел ЦК КПСС (или отдел пропаганды), институт помощников и консультантов при отделах ЦК КПСС и непосредственно при Хрущеве, соответствующие подразделения МИД СССР» [2].

«Лицом к лицу с Америкой» – это не только летопись о «хождении Никиты Хрущева за моря», но и утопическое произведение о «победившем социализме», о состоявшейся «социалистической конкисте», по значимости сопоставимой с событиями Великих географических открытий. Книга была написана живым и ясным языком с широким цитированием западных СМИ, огромным количеством фотодокументов. Рассказ о визите Хрущева содержит пространные приложения из писем советских и иностранных граждан, которые можно разделить на две группы: письма-наказы и письма-благодарности. Размещение эго-источников, прошедших строгий идеологический отбор, можно оценить как пропагандистский прием, стремление доказать единство воли партии и народа, то есть «дипломатов, техников-механиков, токарей, плотников, пионеров, многодетных матерей» и т. д. По истечении времени репрезентативность тиражируемых документов позволяет оценить соотношение исторической реальности и политического мифа.

В книге «Лицом к лицу с Америкой» «победа коммунизма над капитализмом» выглядела делом вполне решенным, и даже уже практически свершившимся историческим фактом: «Что победит? Победил социализм» [5, с. 15]. «Визит главы Советского правительства Н.С. Хрущева в США с миссией мира и дружбы – выдающееся историческое событие» – такими словами начинается многостраничное повествование, названное авторами по жан-

ру рассказом. Впрочем, победа в противостоянии с Западом – это следствие ряда триумфов большевизма в новейшей истории: «Октябрьская революция», «победа над фашизмом», достижения мирного и военного атома, создание водородной бомбы, советские спутники, общедоступная система образования». Время на коммунистической стороне приобретало все большую плотность: «...мы сигналим с нашего атомного корабля капиталистическому тихоходу...» [5, с. 11]. Исторические корни западного «свободного мира» не столь крепки: «крестовые походы... колониализм... поиски “жизненного пространства”, маккиавеллизм и талейранизм, кайзеры и гитлеры». В беседе с журналистами западных изданий Хрущев продемонстрировал свои познания в области формационной теории, в частности о неизбежной смене одной исторической формации другой [5, с. 112]. То есть капитализм должен уступить дорогу более прогрессивному общественному строю – коммунизму. Доктринерство и пропаганда, задача поддержания имиджа страны, как видим, брали вверх над реальным положением дел в советской экономике, в которой все еще существовал тяжелый ручной труд практически во всех областях народного хозяйства [6, с. 4].

Среди славословий в адрес Хрущева и его политики можно найти также любопытную отсылку к идее, якобы высказанной зарубежными СМИ, о создании мирового правительства, которое мог бы возглавить советский лидер, а также о неких словах В.И. Ленина, без прямой отсылки к первоисточнику, о возможности мирного сосуществования различных политических систем [5, с. 19]. Применение столь часто встречающегося пропагандистского приема свидетельствовало о сохранении «каноничной» формы подачи идеологического материала пусть и о лидере нового, не сталинского формата.

Метод, реализуемый авторами, предполагал включение значительных компилятивных извлечений из западной прессы, с которыми спорят, дискутируют, соглашаются и не соглашаются, используют его иллюстративные возможности. Например, достаточно льстивое для Хрущева сравнение «Нью-Йорк таймс» с «Великим посольством» Петра I в Европу названо не исторической параллелью, а исторической противоположностью [5, с. 68]. Аргументация подобного довода проста: глобальную миссию Хрущева, прибывшего в США, чтобы поучать мир и американцев, не стоит сравнивать с задачами царя-реформатора, отправившегося в Амстердам под видом плотника обучаться корабельному делу.

Дискурс «ядерной дипломатии» погружал читателя в историю создания атомного оружия в СССР: процесса превращения голодной, снежной, «лапотной» России в ядерную державу. Диалоговая форма подачи позволяет выявить и позицию западной прессы по этому вопросу, хотя многое сейчас вы-

зывает шокирующую реакцию: «раскрепощенный атом», «исполинский взрыв водородной бомбы», наряду с указанием на высокий гуманизм советской науки. История противостояния «Западного и Восточного великанов» показывает, что разумнее и миролюбивее второй, преодолевший путь Колумба в самые короткие сроки.

На страницах хрущевского травелога была представлена не только отечественная, но и американская история. История богатства Америки в настоящем, с советской позиции, вполне объяснима отсутствием войн, высоким уровнем доходов большинства жителей. И если за бортом самолета Вашингтон выглядел идеальной картинкой победившего консюмеризма, то напоминание о темных страницах истории американской столицы должны были подействовать отрезвляюще на тех, кто мог быть очарован скромным обаянием буржуазной Америки: ужасы кризиса 1929–1933 годов, преследования рабочего и коммунистического движения со стороны властей. Эти страницы истории не должны забывать, по мнению авторов книги, ни американцы, ни соотечественники.

Включение, напоминающее о начале установления дипломатических отношений в правление Александра I, было процитировано Хрущевым, известным любителем экспромта, не случайно. В книге было прямо указано, что симпатии русского правительства в период Гражданской войны в США были целиком на стороне северян, а вопрос масштаба помощи России президенту А. Линкольну еще недостаточно проработан. Советские идеологи не имели ничего против демократического прошлого Америки, которое, на общий взгляд, имело прогрессивное значение. Более подробно американская локальная история представлена в «Лицом к лицу с Америкой» на примере экскурсии в прошлое индустриального города Питтсбурга по вполне хрестоматийному плану: от истории борьбы индейцев с колонистами до стачечной борьбы против монополистического капитала.

Исторические экскурсии в прошлое отношений между двумя странами определялись прежде всего идеологическими задачами, а также придавали значимость и достоверность обстоятельствам самого визита. Проектор исторической памяти, направленный советскими пропагандистами, высвечивал факты прошлого, связанные со сближением России и Америки, с превосходством социалистической системы и достаточно умеренной критикой капитализма. Последний подход и вовсе представляется уникальным для советской пропагандистской машины. История прочно заняла место консервативного элемента в советском мифе о хрущевском визите, что некоторым образом уравновешивало его напористый пропагандистский характер. Коммуникационные практики 1959 г., несмотря на видимость активного диалога между Западом

и Советским Союзом, нельзя отнести к конструктивным по причине идеологической конкуренции, мешавшей сторонам «услышать» друг друга. Поле конфликта переносилось и на исторические дискуссии, хотя и в менее выраженной форме.

Библиографический список

1. *Аджубей А.И.* Те десять лет. – М.: Сов. Россия, 1989. – 335 с.
2. *Зубков С.А.* «Лицом к лицу»: формирование международного имиджа Н.С. Хрущева в средствах массовой информации // Новый исторический вестник. – 2006. – Вып. 1 (15). – Режим доступа: http://www.nivestnik.ru/2007_1/010.shtml (режим доступа: 14.04.2018).
3. *Кускова С.А.* Освещение первого визита Н.С. Хрущева в США американскими и советскими газетами (на примере «Нью-Йорк таймс» и «Правды») // Вестник Костромского государственного университета. 2018. – Т. 24. – № 2. – С. 64–68.
4. *Кускова С.А.* Информационная подготовка населения к первому визиту Н.С. Хрущева в США американскими и советскими газетами (на примере «Нью-Йорк таймс» и «Правды») // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – Т. 24. – № 1. – С. 182–185.
5. Лицом к лицу с Америкой: Рассказ о поездке Н.С. Хрущева в США. 15–27 сент. 1959 г.: сборник. – М.: Госполитиздат, 1959. – 679 с.
6. *Хрущев Н.С.* Доклад товарища Н.С. Хрущева на внеочередном XXI съезде Коммунистической партии // Правда. – 1959. – 28 января.

7. *Хрущев С.Н.* Рождение сверхдержавы: Книга об отце. – М.: Время, 2003. – 672 с.

References

1. Adzhubej A.I. Te desyat' let. – M.: Sov. Rossiya, 1989. – 335 s.
2. Zubkov S.A. «Licom k licu»: formirovanie mezhdunarodnogo imidzha N.S. Hrushcheva v sredstvakh massovoj informacii // Novyj istoricheskij vestnik. – 2006. – Vyp. 1 (15). – Rezhim dostupa: http://www.nivestnik.ru/2007_1/010.shtml (rezhim dostupa: 14.04.2018).
3. Kuskova S.A. Osveshchenie pervogo vizita N.S. Hrushcheva v SSHA amerikanskimi i sovetskimi gazetami (na primere «N'yu-Jork tajms» i «Pravdy») // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. – T. 24. – № 2. – S. 64–68.
4. Kuskova S.A. Informacionnaya podgotovka naseleniya k pervomu vizitu N.S. Hrushcheva v SSHA amerikanskimi i sovetskimi gazetami (na primere «N'yu-Jork tajms» i «Pravdy») // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – T. 24. – № 1. – S. 182–185.
5. Licom k licu s Amerikoj: Rasskaz o poezdke N.S. Hrushcheva v SSHA. 15–27 sent. 1959 g.: sbornik. – M.: Gospolitizdat, 1959. – 679 s.
6. Hrushchev N.S. Doklad tovarishcha N.S. Hrushcheva na vneocherednom XXI s"ezde Kommunisticheskoy partii // Pravda. – 1959. – 28 yanvaryaya.
7. Hrushchev S.N. Rozhdenie sverhderzhavy: Kniga ob otce. – M.: Vremya, 2003. – 672 s.

ИСТОРИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОПАГАНДЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ПРИБАЛТИЙСКИХ РЕСПУБЛИК В 1990-Е – 2000-Е ГГ.

В статье рассматривается вопрос об использовании истории в качестве инструмента пропаганды на примере Эстонии, Латвии, Литвы. С обретением независимости в этих Прибалтийских республиках изменилось отношение ко многим историческим событиям. В особенности ревизии подвергся период Второй мировой войны и существование Эстонской ССР, Латвийской ССР и Литовской ССР как части Советского Союза. С 1990-х эти события стали именоваться «периодом советской оккупации». Данный тезис нашёл поддержку в научной литературе, школьных учебниках, прессе и кинематографе. Пропаганда ориентируется в первую очередь на молодое поколение и активизируется накануне политических выборов, для мобилизации националистически настроенного электората. Данные акции негативно сказались на положении русскоязычного населения в Прибалтийских республиках, которое было лишено политических прав и возможности влиять на законодательную деятельность. Переписывая историю, местные власти пытаются отвлечь население от текущих проблем и избавиться от политических конкурентов.

Ключевые слова: пропаганда, оккупация, русскоязычное население, политическая борьба, история, националистически настроенный электорат, Прибалтийские республики.

Несмотря на демократические преобразования на постсоветском пространстве конца 1980-х – начала 1990-х, старые методы политической борьбы никуда не исчезли, а стали использоваться в интересах новых властей. Пожалуй, наиболее популярной стала пропаганда. Здесь и далее под пропагандой мы понимаем распространение исторических, политических, научных и других идей с целью формирования у широких масс населения определенных взглядов, а также манипулирование общественным мнением [1; 6]. В особенности стало распространено вмешательство политики и политиков в историю, ведь проблемы людей здесь и сейчас гораздо проще объяснить ошибками предыдущих властей, но никак не нынешних. В данной статье мы рассмотрим, каким образом власти Прибалтийских республик используют историю в качестве инструмента пропаганды для решения конкретных политических задач.

В августе 1991 г. Верховные Советы Эстонской и Латвийской ССР провозгласили восстановление независимости на основании принципа исторической преемственности [9; 5]. Фактически это означало, что полвека существования республик в составе Советского Союза (1940–1991) объявлялось периодом оккупации. Это имело самые негативные последствия для нетитульного населения (в основном русскоязычных). Тезис о «советской оккупации» стал отправной точкой в идеологической пропаганде новых властей и послужил поводом для отказа в автоматическом предоставлении гражданства тем жителям республик, которые прибыли после 1940 г. Формальным основанием для подобного решения стало международное право, согласно которому оккупационные власти не могут менять этнический состав населения на занятой ими территории [3]. По нашему мнению, лишение некоренного населения гражданских и политических прав было целенаправленным ша-

гом новых правительств, призванным избавиться от возможных политических конкурентов на предстоящих выборах и сохранить свою собственную власть. В Литве был реализован нулевой вариант предоставления гражданства (из-за включения в её состав Виленской области с преимущественно польским населением), но отношение к периоду пребывания в составе Советского Союза было таким же, как в соседних Эстонии и Латвии. Теперь тезис об «оккупации» предстояло доказать историкам, а также широко пропагандировать внутри государств и на международной арене.

Было выпущено огромное количество откровенно тенденциозных работ [8; 13; 14], призванных научно обосновать состоятельность тезиса об оккупации и справедливость строительства национально ориентированных государств. Особенно активно новые взгляды начали пропагандироваться в молодёжной среде. Для того чтобы подрастающее поколение с «правильных» позиций оценивало события недавнего прошлого, одним из первых актов новых правительств Прибалтийских республик стало изъятие из школ старых учебников истории XX века. В переизданных работах был предложен иной взгляд на события Второй мировой войны, а также вводился тезис об оккупации Эстонии, Латвии и Литвы в послевоенный период и об их насильственном включении в состав СССР [4; 7; 11; 12]. Но эффект оказался спорным. По данным социологических исследований 2009 г., в Латвии лишь 5 % процентов русскоязычных школьников и 62 % их латышских сверстников считают, что в 1944 г. Советский Союз оккупировал Прибалтику [2].

В целях пропаганды новых взглядов на историю в широких кругах общественности к образовательным учреждениям присоединились и средства массовой информации, а также кинематограф. На рубеже XX–XXI вв. во всех трёх Балтийских республиках появились киноленты, посвящённые

Левые и правые партии в государствах Балтии

Эстония		Латвия		Литва	
Правые партии	Левые партии	Правые партии	Левые партии	Правые партии	Левые партии
Союз Отечества и Res Publica	Центристская партия	«Единство»	Социал-демократическая партия «Согласие»	Порядок и справедливость	Литовская социал-демократическая партия
Консервативная народная партия Эстонии	Русская партия Эстонии (до 2012)	Национальное объединение «Все для Латвии!» – «Отечеству и свободе/ДННЛ»		Союз Отечества – Литовские христианские демократы	Избирательная акция поляков Литвы

переломным для региона 1940-м гг., где негативно оценивался факт присоединения к СССР (фильм «*Vaiga vasara*» («*Страшное лето*») – режиссер Айгарс Грауба, 2000, Латвия; «*Forest Brothers – Fight for the Baltics*» – 2017, Латвия, Литва).

Но, разумеется, крайние точки зрения на историю давно минувших лет выгодны политическими кругами, которые поддерживают националистическую пропаганду для мобилизации своего электората. В государствах Балтии сформировались политические партии, чётко разделяющиеся по этнической ориентации: правые – националистические и левые – нацеленные на диалог с нетитульным населением (см. таблицу).

Эксплуатировать «русский вопрос» стало нормой в Эстонии, Латвии и Литве. Электорат этих стран разделён по национальному признаку и голосует лишь за те партии, которые отстаивают его национальные и языковые интересы. Поэтому пропагандистская составляющая истории здесь стала неотъемлемой частью политической борьбы, особенно в предвыборный период.

Специфической формой противостояния также является так называемая «война памятников», которая активно проявила себя ещё в начале 1990-х. В первую очередь с центральных площадей Таллина, Риги и Вильнюса исчезли памятники Ленину и другим коммунистическим вождям. Всё это было частью антисоветской пропаганды и политики по переписыванию истории. Но на рубеже 1990-х – 2000-х центр внимания переместился на монументы, посвящённые победе в Великой Отечественной войне. Их осквернение или демонтаж проводились в преддверии местных парламентских выборов (осквернение памятника Освободителям в Риге в 1997 и 2001 г., а также монумента «Павшим во II Мировой войне» в Таллине в 2006–2007 гг.) [10, с. 13] и использовались в качестве провокации для мобилизации как националистически настроенного электората, так и русскоязычных избирателей.

Подводя итог всему вышесказанному, приходится констатировать, что в Прибалтийских республиках история активно используется как инструмент пропаганды и политической борьбы. Принципами научности и непредвзятости часто пренебрегают в интересах сиюминутной конъюнк-

туры. При этом, по нашему мнению, проводится широкомасштабная и хорошо продуманная кампания по переписыванию истории, рассчитанная на несколько поколений жителей Восточной Европы (в том числе и русскоязычных).

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 1456 с.
2. В оккупацию Латвии верят лишь 5% учеников русских школ [Электронный ресурс] // RU.DELFI: сайт (06 февраля 2009 г.). – Режим доступа: <https://ru.delfi.lt/news/live/v-okkupaciju-latvii-verit-5-uchenikov-russkih-shkol.d?id=20454266> (дата обращения: 23.01.2018).
3. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединённых Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_33.shtml (дата обращения: 21.01.2018).
4. Кениньш И. История Латвии: учебник для 8–9-х классов. – Рига: Звайгзне, 1990.
5. Конституционный закон Латвийской Республики «О государственном статусе Латвийской Республики» // Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской Республики. – 1991. – 22 августа. – № 43.
6. Кордуэлл М. Психология. А–Я: словарь-справочник / пер. с англ. К.С. Ткаченко. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 448 с.
7. Лаар М., Валк Х., Вахтре Л. Очерки истории эстонского народа. – Таллин: Купар, 1992. – 234 с.
8. Мялксон Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве / пер. А. Крашевского. – Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2005. – 400 с.
9. О государственной независимости Эстонии // Ведомости Эстонской Республики. – 1991. – 21 августа. – № 25.
10. Радионов В., Антоненко О. Балтийская война с монументами // Независимая газета. – 2008. – 28 апреля. – № 89. – С. 13.

11. Ajalugu 5. klassile / M. Laar, M. Tilk, E. Hergauk. – Tallinn: AVITA, 1997.

12. *Kurlovičs G., Tomašūns A.* Latvijas vēsture vidusskolai. 1. daļa. Eksperimentāla mācību grāmata. – Rīga: Zvaigzne ABC, 1999.

13. The Baltic states at historical crossroads: political, economical and legal problems in the context of international cooperation on the doorstep of the 21st century/ ed. by dr. T. Jundzis. – Riga: Academy of Sciences of Latvia, 1998.

14. The return to the Western World: cultural and political perspectives on the Estonian post-communist transition / ed. by M. Lauristin. – Tartu: Tartu University Press, 1997. – 309 p.

References

1. Bol'shoj ehnciklopedicheskiy slovar'. – M.: Bol'shaya Rossijskaya ehnciklopediya, 2000. – 1456 s.

2. V okkupaciyu Latvii veryat lish' 5 % uchenikov russkih shkol [EHlektronnyj resurs] // RU.DELFI: sajt (06 fevralya 2009 g.). – Rezhim dostupa: <https://ru.delfi.lt/news/live/v-okkupaciyu-latvii-verit-5-uchenikov-russkih-shkol.d?id=20454266> (data obrashcheniya: 23.01.2018).

3. ZHenevskaya konvenciya ot 12 avgusta 1949 goda o zashchite grazhdan-skogo naseleniya vo vremya vojny [EHlektronnyj resurs] // Sajt Organizacii Ob"edinyonnyh Nacij. – Rezhim dostupa: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_33.shtml (data obrashcheniya: 21.01.2018).

4. Kenin'sh I. Istoriya Latvii: uchebnik dlya 8–9-h klassov. – Rīga: Zvaigzne, 1990.

5. Konstitucionnyj zakon Latvijskoj Respubliki «O gosudarst-vennom statute Latvijskoj Respubliki» //

Vedomosti Verhovnogo Sove-ta i Pravitel'stva Latvijskoj Respubliki. – 1991. – 22 avgusta. – № 43.

6. Korduehl M. Psihologiya. A–YA: slovar'-spravochnik / per. s angl. K.S. Tkachenko. – M.: FAIR-PRESS, 2000. – 448 c.

7. Laar M., Valk H., Vahtre L. Ocherki istorii ehstonskogo naroda. – Tallin: Kupar, 1992. – 234 .

8. Myalksoo L. Sovetskaya anneksiya i gosudarstvennyj kontinuitet: mezhdunarodno-pravovoj status EHstonii, Latvii i Litvy v 1940–1991 gg. i posle 1991 g. Issledovanie konflikta mezhdru normativno-st'yu i siloj v mezhdunarodnom prave / per. A. Krashevskogo. – Tartu: Izd-vo Tartuskogo un-ta, 2005. – 400 s.

9. O gosudarstvennoj nezavisimosti EHstonii // Vedomosti EHston-skoy Respubliki. – 1991. – 21 avgusta. – № 25.

10. Radionov V., Antonenko O. Baltijskaya vojna s monumentami // Nezavisimaya gazeta. – 2008. – 28 aprelya. – № 89. – S. 13.

11. Ajalugu 5. klassile / M. Laar, M. Tilk, E. Hergauk. – Tallinn: AVI-TA, 1997.

12. *Kurlovičs G., Tomašūns A.* Latvijas vēsture vidusskolai. 1. daļa. Eksperimentāla mācību grāmata. – Rīga: Zvaigzne ABC, 1999.

13. The Baltic states at historical crossroads: political, economical and legal problems in the context of international cooperation on the doorstep of the 21st century/ ed. by dr. T. Jundzis. – Riga: Academy of Sciences of Latvia, 1998.

14. The return to the Western World: cultural and political perspectives on the Estonian post-communist transition / ed. by M. Lauristin. – Tartu: Tartu University Press, 1997. – 309 p.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ДЕТСКИХ И МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В XX ВЕКЕ: ОТ СКАУТСКОГО ДВИЖЕНИЯ ДО ПРАВОСЛАВНЫХ ЛАГЕРЕЙ

В статье на примере основных фактов и событий прослеживается история общего и дополнительного образования детей, подростков и молодежи в России XX века. Автор статьи обращается к ряду проблем, стоявших перед российским образованием в начале XX века, кратко останавливается на вопросах работы школ министерства народного просвещения и церковно-приходских школ, показывает историю зарождения в России скаутского движения. В начале XX века скаутское движение прижилось в России и стало активно распространяться, ведь в целом оно полностью соответствовало идее становления гражданина и патриота, верующего человека, в присяге заявлявшего о своем долге служения Богу и своей стране. К сожалению, после революции скаутское движение распалось. Автор статьи анализирует последующие шаги советского руководства по созданию приютов для беспризорников в предвоенные и послевоенные годы, детских лагерей, учитывает плюсы и минусы советской системы учреждений для детей, показывает возвращение в Россию скаутского движения и возрождение религиозного и духовно-нравственного воспитания, начавшегося в 1990-х годах.

Ключевые слова: подростки, молодежные организации, детские организации, образование, скаутское движение, пионеры, духовно-нравственное воспитание, возрождение церкви, православные лагеря.

В любом государстве мира дети ассоциируются с будущим, именно с ними связываются надежды на новое развитие. Кроме того, дети – это продолжение своих родителей, это важнейший элемент семьи, обуславливающий передачу жизненных ценностей. В подростковом возрасте человек впервые задумывается о своем предназначении, в это же время формируется процесс совершенствования личности – человек начинает осознавать свои ошибки, пытается их исправить. Собственно, в 10–12 лет начинается бурный и сложный процесс, который охватывает все стороны духовной жизни личности. И от того, как переживет подросток определенные годы своей жизни, во многом будет зависеть его отношение к другим людям, к родителям и себе самому.

Проблема отцов и детей, проблема непонимания других людей, проблема скрытности и замкнутости человека, проблема странной озлобленности и многие другие проблемы подросткового периода часто остаются у человека на всю жизнь. Именно в это сложное время ребенок должен быть окружен заботой и вниманием родителей и наставников, а при этом не лишен общения: именно в подростковом возрасте человек должен научиться взаимодействовать с другими людьми, выстраивать различные виды отношений как со своими сверстниками, так и с более взрослыми подростками, с маленькими детьми.

Вопросы активности и здоровья подрастающего поколения поднимались в начале XX века в Российской империи и на государственном уровне. В историческом развитии образовательные учреждения прошли путь от детских дошкольных учреждений до учреждений профессиональной направленности, но не было молодежных организаций, которые могли бы сплотить подрастающее поколение для воспитания будущих воинов. В Рос-

сийском государстве с древних времен семья была величайшей ценностью, даром Божиим. Человек должен создавать семью один раз на всю жизнь и беречь как зеницу ока. И если хозяином семьи считался мужчина, то ее основой не случайно признавалась женщина – хранительница очага, первая воспитательница детей.

В конце XIX – начале XX века воспитанию женщин также уделялось большое внимание. После прошедшей эмансипации женщины в большом числе учились на курсах, посещали лекции. При благочиниях создавались церковно-приходские школы, в которых учились в том числе и женщины.

Церковно-приходские школы в начале XX века играли огромную роль в деле просвещения населения и начального образования. В этих школах, которые подчинялись Синоду, получали образование около трети всех подростков. В отличие от школ Министерства народного просвещения, церковно-приходские школы часто держались на инициативе преподавателей и духовенства. «Церковные школы находились в тесной взаимосвязи с местным приходским духовенством, которое не только являлось законоучителем, но и зачастую создателем школы. Исполнение этих трудов в подавляющем большинстве осуществлялось без всякого вознаграждения, что позволяет говорить о том, что церковная школа стала результатом упорного труда приходского духовенства. Значительный вклад в организацию школ вносили и другие члены причта, обучая детей Закону Божьему и другим учебным предметам», – отмечает Т.Е. Житенев [3].

В начале XX века необходимость образования признавалась все большей частью населения, однако среди крестьян катастрофически не хватало рабочих рук, в связи с чем детей нередко забирали из учебных заведений сразу после того, как они осваивали навыки чтения и письма.

Нередкими были случаи, когда о просвещении и образовании народа заботились дворяне по собственной инициативе. Вспомним, к примеру, княгиню М.К. Тенишеву, которая создала курсы, а также подготовительную школу, позволявшую поступать на учебу даже неграмотным.

Большая разница в начале века была между столичными школами, школами больших городов и сельскими учебными заведениями, которые были подведомственны Министерству народного просвещения. Почти все эти школы сталкивались с проблемой нехватки грамотных учителей. Как отмечает Е.П. Барина, «в большинстве сельских школ учителя не имели специальной педагогической подготовки и набирались из лиц, окончивших четыре класса средних учебных заведений» [1, с. 87]. Государство в 1909–1910-х годах попыталось решить данную проблему, запланировало открытие ряда педагогических школ. На многочисленных дворянских съездах ставились вопросы патриотического и духовно-нравственного образования молодежи. Однако дворяне, к сожалению, не всегда радели именно за образование, многие из них отстаивали свои права, стремились к тому, чтобы земство не могло влиять на школу.

Разумеется, нельзя сказать, что подобные проблемы не возникали в той среде, где учились дворянские дети. Конечно, большинство дворянских детей получали первоначальное домашнее образование, потом поступали в гимназии, а далее в университеты. Однако педагоги гимназий также далеко не всегда соответствовали основным требованиям, предъявляемым к учителям.

Существовали и некоторые пробелы, касавшиеся кружков, специальных школ, которые дополняли бы обучение подростков в образовательных заведениях. Так, если вузу предшествовало обучение в гимназии, то не было ступени, которая предшествовала бы поступлению юношей в военные учебные заведения. Император Николай II, прочитав книгу Баден-Пауэлла «Скаутинг для мальчиков», заинтересовался опытом английского молодежного движения, вдохновился идеей создания такового в России. В результате было принято решение о необходимости внедрения скаутского движения на территории Российской империи для допризывной подготовки молодежи разных сословий [4]. Эта идея объединяла принцип гармонии: духовной – православной и политической, разделенной на два крыла: «монархическое» – скаут как «военный разведчик» – и «демократическое» – скаут как «пионер культуры». В каждом новом лагере скаутов обязательно был священник-духовник. Основателем скаутинга в России считают капитана лейб-гвардии Царскосельского полка Олега Ивановича Пантюхова. Примечательно, что цесаревич Алексей получил из рук О.И. Пантюхова скаутский значок и стал Августейшим русским скаутом.

Первый скаутский костер был зажжен в Павловском парке.

С 1909 года начинают свою историю детские оздоровительные, патриотические лагеря. На следующий год в I Петербургской мужской гимназии организуется «Легион юных разведчиков». Первая группа скаутов называлась «Бобер», а ее девиз был таким: «Вера в Бога. Лояльность к царю. Помощь другим» [3].

Из-за проблемы детской безнадзорности и беспризорности в 1915 году в Петрограде состоялся «Первый Всероссийский съезд инструкторов и лиц, интересующихся скаутизмом». К 1917 году в различных городах России, главным образом при учебных заведениях, насчитывалось от 20 до 50 тысяч скаутов и герлскаутов. Один из принципов скаутского метода – жизнь на основе обещания и скаутских законов. Каждый человек, вступая в скауты, давал обещание о собственном долге перед Богом, Родиной, окружающими.

После революционных событий 1917 года монархическая Российская империя исчезает с карты мира, и наступают новые времена. В связи с новыми формами общественной и идеологической жизни в 1919 году был издан декрет об учреждении Совета защиты детей, в этом же году создан I Всероссийский съезд, решавший задачи социального воспитания и перевоспитания: «О необходимости переустройства старой семьи, установлению единых задач семейного и общественного воспитания», где было сказано, что граждане Советской страны обязаны эффективно осуществлять всестороннее развитие детей, и основным типом дошкольного учреждения должен быть детский сад – очаг с длительным сроком пребывания в нем детей, чтобы помогать делу раскрепощения женщины [5].

Если до революции основной целью было объединение духовно-нравственного и патриотического воспитания, поддерживаемое государством и церковью, то после революции целью воспитания стало, прежде всего, формирование гражданина Советской республики. I Всероссийский съезд по дошкольному воспитанию работал с 25 апреля по 4 мая 1919 года. Одной из основных выступающих на нем была Д.А. Лазуркина, заведующая дошкольным отделом Наркомпроса. Представим цитату из заключения по ее докладу: «Дошкольное воспитание общественное, проникнутое духом коллективизма, вносящее в жизнь ребенка одухотворяющее начало общественного, творческого, свободного труда, должно явиться мощным фактором перевоспитания не только детей, но и среды, в которой живут дети. Ребенок принесет с собой из нашего детского сада в семью новую идеологию, новые навыки, новые праздники, песни, игры, он явится в семью как посланник того грядущего мира, строителем которого он будет. Детские руки медленно, но верно будут разрушать старую ме-

щанскую идеологию, старые предрассудки, старый уклад жизни» [2].

После Октябрьских событий движение скаутов распалось. Одни приняли сторону «белых», занимались подрывной деятельностью против «красных», другие организовывали «пионерское» движение Иннокентия Жукова, движение юных коммунистов-скаутов, принявших красные галстуки. Антиполитическое движение – «лесные братья», следопыты леса, наблюдали за природой и интересовались путешествиями. Различные скаутские движения постепенно стали сливаться в одну организацию. «Лесные братья» легко влились в пионерскую организацию, остальные были объявлены реакционными буржуазным явлением. А гражданская война только добавила в общество нищеты и беспризорности.

В 1920 году была создана специальная детская милиция, организация детского питания для беспризорников, их лечения, организация приемников. В 1921 году Президиум ВЦИК издал постановление об образовании «Комиссии по улучшению жизни детей». В комиссию входили представители просвещения, здравоохранения, рабоче-крестьянская инспекция. Была успешно заложена воспитательная доктрина. Основу этой доктрины заложил Ф.Э. Дзержинский и педагоги З.П. Соловьев и А.С. Макаренко. Особо надо отметить, что главной задачей стало воспитание нового человека, передача подрастающему поколению атеистического миропонимания.

Большевики очень тщательно и продуманно изучили скаутское движение. 10 декабря 1921 года комиссия ЦК РКСМ рассмотрела доклад И. Жукова, бывшего секретаря общества «Русский скаут», и его призыв к созданию «Всемирного рыцарства и трудового братства скаутов на базе труда, игры, любви друг к другу и всему миру, но самое главное, к тесному сотрудничеству скаутов с комсомольцами».

19 мая 1922 года на II Всероссийской конференции была принята резолюция: «Разработать вопрос о детском движении и применении в нем организованной системы скаутинг». На этой конференции название «скаут» было отвергнуто большевиками, и не были приняты по известным причинам законы скаутского обещания: «...Исполнять свой долг перед Богом и Родиной, помогать ближним и жить по законам разведчиков». Было признано, что скаутское движение тесно связано с религиозным мировоззрением [5].

Н.К. Крупская в своем выступлении предложила перенести в новую детскую организацию скаутский метод, она говорила о психологическом значении скаутизма, положительного отношения подростков к этой организации. В итоге было принято решение реорганизовать скаутское движение в новую пролетарскую организацию и связать ее

деятельность со школой. Участники конференции призвали к правильному воспитанию детей, при котором они должны быть не пассивными созерцателями строительства социализма, а активными его строителями.

Повсеместно начали создаваться пионерские отряды, детские коммунистические движения, но форма и принцип остались от скаутов: «Вместо зеленого галстука и зеленой блузы – красный галстук и белая блуза; сборы у костра; игровые формы с детьми по отрядам; вожатые. Символика “три лепестка лилии” заменены на пионерском значке “три языка пламени”» [5]. В целом законы торжественного обещания комсомольцев и пионеров очень сходны со скаутскими.

Первые пионерские лагеря создавались по месту жительства или при крупных предприятиях. Городские пионеры выезжали в лагерь, организованный на один летний сезон, уже сложившимся составом со своим постоянным вожатым. Фактически такой лагерь был продолжением отрядной деятельности в летний период с упором на спортивное и военно-патриотическое воспитание. Часто пионеры оказывали помощь жителям села и вели просветительскую работу среди сельских детей.

5 ноября 1924 года по инициативе председателя Российского общества Красного Креста Зиновия Петровича Соловьева было объявлено о создании детского лагеря-санатория «Артек», открытого для детей, страдающих туберкулезной интоксикацией. Позже «Артек» стал Международным центром пионерских лагерей в СССР, куда приглашались официальные иностранные делегации.

Период НЭПа явился не только новым экономическим периодом, но и новым политическим и социальным этапом. При всех трудностях жизни русского народа политика государства, направленная на ликвидацию беспризорности, была неоднозначной, сложно решаемой, но при этом очень эффективной.

Во второй половине 1930-х годов, в период культа личности и нарастания репрессий, были ликвидированы комиссии для несовершеннолетних. Трудовые коммуны и колонии переданы в ведение НКВД. Детские колонии часто располагали в монастырях («Оптина пустынь» в Калужской области, «Данилов монастырь» в Москве, «Валаамский монастырь» в Карелии), монахи которых были расстреляны или отправлены в лагеря особого назначения.

В годы Великой Отечественной войны с особой остротой встал вопрос о судьбах детей, ставших сиротами. Чтобы предотвратить и предупредить детскую безнадзорность, во многих городах работали не только дневные детские сады, но и круглосуточные, в детские дома безотказно принимались дети всех возрастов. Подопечным детям систематически выдавались пайки и материальная

помощь. На летнее время в школах были организованы летние оздоровительные лагеря для детей от 7 до 12 лет, 13-летние подростки помогали взрослым на заводах и фабриках. Эта система существовала по всей стране, даже в блокадном Ленинграде. В исторической и мемуарной литературе можно наблюдать эмоциональные оценки политиков и самого И.В. Сталина, менявших свое отношение к Русской православной церкви. Многие храмы были открыты, разрешили печатать журнал Московской патриархии, в 1946 году была открыта Московская духовная академия. Власти понимали, что в христианской вере народ черпает духовные силы, но молодежь продолжали тщательно оберегать от религии.

Коммунистическая идеология оставалась доминирующей в обществе и после войны, система воспитательных и социальных учреждений для молодого поколения функционировала в достаточно гибком и нестандартном виде. Уже летом 1945 года пионерские лагеря посетило около 300 тысяч школьников. За десять лет в послевоенный период столичными и подмосковными предприятиями и профсоюзными организациями было построено более 500 пионерских лагерей. В 1950-е годы организовывались палаточные лагеря для старшеклассников. В каждом регионе Советского Союза прослеживалась работа детских оздоровительных лагерей, находящихся в системе ведомственного профсоюзного принципа при предприятиях и учреждениях для детей сотрудников. Уровень материального обеспечения оздоровительных лагерей был разным, он зависел от бюджета предприятий, где работали родители школьников. Однако почти во всех лагерях условия проживания были достойные.

К 1980 году менталитет русского православного человека полностью изменился, единственным важным религиозным атрибутом оставалось освящение куличей и крещенской воды. Многие семейные православные традиции потеряли свой смысл. Поразительно, но самая читающая страна не могла приобрести желаемую литературу. В пределах всего СССР было создано множество государственных организаций, отслеживающих любую информацию извне. Большая часть цензуры приходилась на литературу. Именно государство определяло списки того, что можно читать, а что нельзя.

Издательство Русской православной церкви в советские годы имело право выпускать минимум изданий: подарочные экземпляры Библии, ЖМП («Журнал Московской Патриархии») и молитвословы. В год 1000-летия Крещения Руси, в 1988 году, М.С. Горбачев на встрече с патриархом Пименом дал разрешение Русской православной церкви на издательство православной литературы. Также было разрешено открыть при храмах воскресные школы. Школы начали открываться, однако сложностей перед учредителями встало мно-

жество. Опыт работы с детьми дореволюционной России был полностью утерян, требовалось с нуля создавать новые наработки.

В период перестройки детские лагеря были переведены на самофинансирование и на коммерческую основу, а при закрытии предприятий арендованы коммерческими структурами и впоследствии проданы организациям для личных нужд. После распада Советского Союза в начале 1990-х годов новая власть распустила Всероссийскую пионерскую организацию им. Ленина. Множество пионерских лагерей были перепрофилированы в частные туристические базы и пансионаты, большая их часть вовсе прекратила свое существование. Вакуум, который образовался вместо пионерских лагерей, стал заполняться неформальными молодежными организациями и даже сектантскими организациями. Многие руководители учреждений и предприятий были встревожены и обеспокоены будущим молодого поколения.

На основе материальной базы одного из своих предприятий администрации города Ногинска летом 1990 года организовала встречу со скаутами из США русского происхождения. Это были люди, не знавшие Россию, но мечтавшие приехать на историческую Родину своих дедов и отцов. Среди них были старики и молодежь. Все они состояли в одной Организации российских юных разведчиков (ОРИОР) – неполитической общественной скаутской организации, которая ставила своей целью общественное воспитание российских детей и молодежи в национальном и религиозном духе, дополняющем воспитательную деятельность семьи и школы. Данная организация основывалась на христианском миропонимании и приверженности к историческим ценностям русской культуры и государственности. В нее входили люди разных профессий и социального происхождения, но объединяла их любовь к православной вере и России. Для гостей был организован ряд паломнических поездок по монастырям России. В Костромской области, в селе Горелец Парфеньевского района, был проведен первый скаутский лагерь.

В 1991 году был проведен международный скаутский лагерь ОРИОР в Подмосковном селе Маврино, участниками слета были дети и молодежь со всей России и гости из Америки, всего около 170 человек. Американские скауты привезли русским детям книги, песенники, состоящие не только из слов, но также из нот русских народных и патристических песен. Летом 1997 года состоялся слет скаутов под Ногинском в честь 850-летия Москвы. Молодежное движение поддержали Комитет по делам молодежи и епархии Русской православной церкви.

В 2000 году состоялся юбилейный Архиерейский собор Русской православной церкви, где было принято решение для совершенствования миссии

в молодежной среде образовать Синодальный отдел по делам молодежи. 13–16 мая 2001 года в Москве с успехом прошел Всецерковный съезд православной молодежи, в котором принимали участие председатели епархиальных отделов и представители православной молодежи со всей России и стран ближнего зарубежья. Подготовку и проведение съезда поддержал президент РФ В.В. Путин, он направил приветствие в адрес гостей и участников съезда. С приветственным словом обратились к участникам также Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, председатель Элладской церкви, архиепископ Афинский Христовул. На Всецерковном съезде православной молодежи было принято решение о создании всероссийских общественных организаций православных детей и молодежи «Братство Православных следопытов» и «Всероссийское Православное молодежное движение». За период 2001–2007 годов во всех епархиях были созданы региональные отделы по делам молодежи, начался процесс методического обеспечения их работы.

В рамках XV Международных Рождественских чтений по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия впервые были проведены Молодежные Рождественские чтения. Одним из первых с докладом «Основные направления православного молодежного служения» выступил председатель Синодального отдела по делам молодежи, архиепископ Костромской и Галичский Александр.

При деятельном участии костромских скаутов возрождались храмы Костромской епархии в с. Прискоково Красносельского района, с. Шахово Судиславского района, с. Воскресенское и с. Тетеринское Нерехтского района и т. д. Скаутские отряды получали духовные наставления от священнослужителей.

К концу 1990-х годов на приходах Русской православной церкви по всей стране стали создаваться семейные, патриотические, экологические лагеря. В 2000-е годы Церковь приобретает опыт работы не только с детьми, но и с социальными учреждениями и воинскими частями. К примеру, в городе Ногинске при Богородском благочинии был создан православный лагерь «Дружина – школа юнг», где каждый год проходят спортивные состязания на базе воинской части № 19889. Безопасность детей обеспечивают сотрудники части, а дети обучаются парусному делу.

В конце 1990-х годов XX века вышел Федеральный закон ФЗ-98 от 28.07.1998 г. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» (от 28.06.1995 г. № 98-ФЗ с изменениями от 21 марта 2002 г. и 22.08.2004 г.). Приказом Минобрнауки России № 2688 от 13 июля 2001 г. (с из-

менениями от 28 июня 2002 г.) «Об утверждении порядка проведения смен профильных лагерей, с дневным пребыванием, лагерей труда и отдыха» под государственным надзором создана прочная нормативная основа функционирования системы каникулярного отдыха и оздоровления детей.

Мы видим, что в XX веке Россия пережила немало кризисных ситуаций. В эти трудные времена русского человека спасали твердая духовная опора, вера, надежда и любовь. Эти высочайшие ценности всегда концентрировались в семье. Однако в подростковом возрасте ребенок остро начинает нуждаться в коллективе. Поэтому важно создать среду, в которой ребенок сможет общаться со сверстниками. Необходимо, чтобы эта среда, в которой живут и общаются подростки, юноши и девушки, была комфортной для них самих, открытой для всей новаций и при этом хранила бы основы нормального общения, те ценности, которые испокон веков считаются основами любого здорового в духовном плане общества.

Православные оздоровительные лагеря плодотворно влияют на личность молодого человека, формирование его взглядов, формируют и укрепляют его волю, учат добру, милосердию. Кроме того, во всех православных лагерях существуют программы дополнительного образования, благодаря которым подростки осознают самобытность православной культуры, знакомятся с рядом моментов исторического пути России, изучают различные церковные и светские традиции.

Библиографический список

1. *Барина Е.П.* Дворянство и проблемы народного образования в начале XX века // Интеграция образования. – 2003. – № 1. – С. 86–88.
2. Государственный архив Ярославской области. – Ф. 178. – Оп. 1. – Д. 248. – Л. 161.
3. *Житнев Т.Е.* Условия обучения в начальных церковных школах в конце XIX – начале XX века [Электронный ресурс] // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2009. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-obucheniya-v-nachalnyh-tserkovnyh-shkolah-v-kontse-xix-nachale-xx-vv> (дата обращения: 23.11.2018).
4. *Кудинов В.А.* История детского и юношеского движения в России: учеб. пособие. – Кострома: КГУ, 2017. – 289 с.
5. Пионеры или скауты. За кем будущее? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eot-su.livejournal.com/1828519.html> (дата обращения: 23.11.2018).
6. *Салова Ю.Г.* Съезды и конференции по дошкольному воспитанию 1920-х годов о роли семьи и коллектива в становлении личности ребенка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.museum-murom.ru/nauch-rab/uvar-vii/sezdy-i>

konferencii-po-doshkolnomu-vospitaniyu (дата обращения: 23.11.2018).

References

1. Barinova E.P. Dvoryanstvo i problemy narodnogo obrazovaniya v nachale XX veka // Integraciya obrazovaniya. – 2003. – № 1. – S. 86–88.

2. Gosudarstvennyj arhiv YAroslavskoj oblasti. – F. 178. – Op. 1. – D. 248. – L. 161.

3. ZHitenev T.E. Usloviya obucheniya v nachal'nyh cerkovnyh shkolah v konce XIX – nachale XX veka [EHlektronnyj resurs] // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. – 2009. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-obucheniya-v-nachal'nyh-tserkovnyh-shkolah-v->

kontse-xix-nachale-xx-vm (дата обращения: 23.11.2018).

4. Kudinov V.A. Istoriya detskogo i yunosheskogo dvizheniya v Rossii: ucheb. posobie. – Kostroma: KGU, 2017. – 289 s.

5. Pionery ili skauty. Za kem budushchee? [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://eot-su.livejournal.com/1828519.html> (дата обращения: 23.11.2018).

6. Salova YU.G. S"ezdy i konferencii po doshkol'nomu vospitaniyu 1920-h godov o roli sem'i i kollektiva v stanovlenii lichnosti rebenka [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://old.museum-murom.ru/nauch-rab/uvar-vii/sezdy-i-konferencii-po-doshkolnomu-vospitaniyu> (дата обращения: 23.11.2018).

**СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1988–2008 ГГ.)**

Необходимо понимать, что с 1988 г. Церковь получила возможность восстановить свою организацию, практически разрушенную в годы советских гонений, что позволило ей активизировать свою социальную работу. Вполне очевидно, что данный процесс будет привлекать внимание различных исследователей. В статье проводится анализ церковной и светской историографии как 1990-х, так и 2000-х гг. в рамках изучения вопроса благотворительной деятельности Русской православной церкви (далее – РПЦ). Раскрывается перечень вопросов, изучаемых исследователями в разные периоды как в духовном, так и в материалистическом понимании. Важно отметить, что одной из центральных проблем, рассматриваемых в трудах историографов, является анализ терминологии церковной благотворительности.

Ключевые слова: Русская православная церковь, социальное служение Церкви, благотворительность в России.

В постсоветский период все большую значимость приобретало социальное служение Православной церкви, особенно востребованное в условиях социально-экономического кризиса. Осмысление в историографии опыта христианской благотворительности, основанного на милосердии и человеколюбии, в этой связи представляется актуальным. Хронологические рамки исследования охватывают 1988–2008 гг. Нижняя граница обусловлена 1000-летием Крещения Руси, отмеченным на государственном уровне. Это показало, что произошло снятие ограничений на деятельность Церкви, которая смогла выстоять в период самых жестких гонений. Доказательством тому служит встреча М.С. Горбачева 29 апреля 1988 г. с патриархом Пименом и членами Священного синода при трансляции СМИ. Именно тогда руководитель СССР определил важность Крещения Руси: «...это знаменательная веха на многовековом пути развития отечественной истории, культуры, русской государственности» [2, с. 225]. Кроме того, по итогам XIX Всесоюзной конференции КПСС (проходила 28 июня – 1 июля 1988 г.) было подтверждено неприятие «религиозной нетерпимости» и произошло снятие цензуры, в том числе на деятельность Церкви [7]. Верхней границей служит 2008 г. – окончание патриаршества Алексия II и, по сути, целой эпохи, в рамках шла институциональная реконструкция РПЦ.

Историография проблемы может быть условно разделена на 1990-е и 2000-е гг. Для 1990-х гг. характерен анализ проблем, возникших перед РПЦ в постсоветское время и ставших препятствием для расширения социального служения. Так, М.В. Шкаровский обращал внимание, что падение советского режима и формирование на территории бывшего СССР 15 независимых государств ознаменовало новую историю Церкви. Он отмечал характерные черты данного периода: катастрофическую нехватку духовенства и образованных мирян, полную разруху и неустроенность, поиск светским обществом новых идеалов, новых путей организации своей общественной жизни. В этих условиях,

по мнению историка, Церковь старалась активно заполнить эту нишу и дать ответы на наболевшие вопросы, однако наладить активное взаимодействие с потенциальной паствой в полной мере у руководства РПЦ не получилось. Причинами можно считать указанные проблемы, расколы и нестроения в Церкви, пережившей годы гонения и разрухи. Это позволило огромному количеству зарубежных сект и новообразованных религиозных организаций начать активную пропаганду и деятельность на территории бывшего СССР [13, с. 390]. Историк Д.В. Поспеловский отмечал, что восстановление разрушенных институтов РПЦ, в том числе и благотворительных, требовало серьезных финансовых затрат, причем помощь частных лиц или государства не покрывали этих расходов [6, с. 441]. Протоиерей В. Цыпин придавал значение сотрудничеству РПЦ с другими конфессиями в сфере гуманитарной помощи, однако отмечал, что подобная помощь часто становилась декорацией для деятельности разных сект. Историк приводит цитату Алексия II 18 февраля 1997 г. на открытии Архиерейского собора: «Проповедь таких миссионеров объективно приводит не к распространению Благой вести, а к отрыву верующих от Церкви. Такое миссионерство... игнорирует и духовные, и культурные традиции народа. Многие пришлые миссионеры приспособляются к быстро меняющейся обстановке, пользуются материальными затруднениями наших сограждан и их религиозной неподготовленностью». Вместе с тем В. Цыпин отмечал, что существовали и определенные положительные примеры сотрудничества православных и католиков в области благотворительности и миротворчества. Кроме того, ссылаясь на упомянутое выступление Алексия II, историк видел причины, тормозящие расширение социальной работы РПЦ, не только в материальных трудностях, но и в недостатках самой работы Церкви, нежелании отдельных священнослужителей трудиться для ее блага [11, с. 464].

В целом в историографии 1990-х гг. комплексный анализ социального служения РПЦ проведен не был, нераскрыты все стороны и итоги процесса,

внимание обращалось лишь на его проблематику, что объясняется социально-экономическим кризисом в России.

В историографии 2000-х гг. центральным вопросом стало разъяснение профессиональных терминов, относящихся к благотворительной работе. Это можно объяснить организованной подготовкой специалистов по социальному служению в семинариях, богословских институтах и воскресных школах. Прежде всего, данный процесс требовал определения термина «социальное служение». По мнению профессора О.В. Решетникова, подобное явление следует понимать как совокупность организованных форм социальной деятельности, заключающихся в актах милосердия, благотворительности, помощи нуждающимся. В своей статье «Концепция социального служения в современном обществе» он разъясняет, что социальное служение проявляется в виде создания определенных условий для социальной реабилитации нуждающихся членов общества [8]. В.Г. Галушко отмечает, что социальное служение Церкви включает и борьбу за достоинство человеческой личности. Средства этой борьбы – милосердие и любовь [3, с. 48]. Г.В. Щекин указывал, что особое значение социальная работа приобретает в период экономического кризиса, политической трансформации и социальных реформ общества, поскольку эти явления, как правило, сопровождаются высоким процентом безработицы, инфляцией, увеличением масштабов бедности и снижением общего жизненного уровня населения [14, с. 473]. Протоиерей Д.С. Мартышин и П.В. Бочков отмечали, что социальная работа Церкви – это духовная и социальная деятельность христианских институций, направленная на предоставление духовной и социальной помощи человеку [5, с. 610]. Это в конечном итоге предопределяло необходимость широкого применения социального, психологического, педагогического и философского знания для формирования такой отрасли знания, как социальная работа Церкви и, по мнению Ю.П. Сурмина и И.П. Бидзюры, «без этого эффекта принципиально невозможны самосохранение, функционирование и развитие общества, его подсистем и сфер жизнедеятельности». Авторы делают акцент, что при активной социальной работой на приходе священнослужителю необходимо учитывать постоянную динамику социальных процессов, которые имеют много разных векторов движения и направлений. Человек тесно связан с процессами в области экономики, политики, потребления информации, и невозможно либо чрезвычайно трудно проводить духовную и социальную работу, как говорят ученые, «в чистом виде в лабораторных условиях», поскольку жизнь человека тесно связана с многогранными процессами, происходящими в обществе и государстве. Специфика социальной работы предусматривает

не только самоуправление человека, но эффективное взаимодействие Церкви и общества. По мнению исследователей, социальная работа Церкви является одним из наиболее мощных каналов проповеди миру о любви Бога ко всему мирозданию. Вместе с тем они отмечали, что социальная работа Церкви – это сфера проявления интересов людей и социальных групп. На церковном приходе постоянно возникают, формулируются, пересекаются, взаимодействуют, актуализируются, удовлетворяются и «исчезают одни интересы и возникают другие» [10, с. 11]. Подобную мысль развивал и протоиерей Д.С. Мартышин. В своем труде «Социальная работа Церкви как наука на современном этапе» он отмечает, что, учитывая экономические аспекты проблем, с которыми сталкивается Церковь, священнослужителям необходимо тесно сотрудничать с представителями светской науки в области экономики, социальной философии, психологии, менеджмента и государственной социальной политики. Диапазон социальной работы достаточно широк. Исследователь включал в него социальное учение Церкви, концепции социологии, методику социальной помощи, инструменты психологической реабилитации личности. Поэтому социальная работа Церкви, с одной стороны, тесно смыкается с богословским знанием (нельзя заниматься духовным окормлением, миссионерством, просветительской деятельностью, катехизацией, не имея твердой богословской платформы развития). А с другой стороны, социальная работа приобретает статус сугубо прикладной и практической науки, имеющей свой собственный арсенал методик и концепций социальной помощи и реабилитации человека. Можно сделать предположение, что именно эта широта научного осмысления социальной работы Церкви и мешает формулированию однозначных терминов и понятий, обозначающих и выражающих всю многогранность социального служения Православной церкви [4, с. 70]. Следует отметить, что в каждом из выделенных аспектов социальной работы центром всей деятельности государства, Церкви, общественных организаций является человек. Вообще, социальную работу Церкви нельзя представить без человека и христианской жертвенной любви к нему. По сути, социальная работа Церкви – это явление любви, заботы, помощи и милосердия Бога к человеку посредством христианской церковной общинной жизни. Не случайно председатель Синодального отдела по благотворительности Русской православной церкви епископ Орехово-Зуевский Пантелеимон (Шатов), говоря о приходской жизни, о центре церковно-приходского бытия – Евхаристии, напоминает, что «социальное служение – это тоже жертва, когда мы отдаем себя, жертвуем собой ради других» [12].

Важным событием для современной историографии следует считать учебное пособие «Соци-

альное служение Русской Православной Церкви» под редакцией профессора Н.Ф. Басова и священника Георгия Адрианова, изданное в 2018 г. в Костроме. Авторы четко описывают все основные направления социальной деятельности Церкви, приводят обзор многообразия форм призрения нуждающихся. Учебник раскрывает основные направления социального служения Русской православной церкви, авторы систематизируют и анализируют содержание ее деятельности. В учебном пособии представлены основные документы, выступления епископата, итоговые документы съездов по социальному служению и материалы, изданные за последние 20 лет и имеющие отношение к социальной сфере [9].

Кроме того, в историографии 2000-х гг. поднимается вопрос о путях и перспективах государственно-церковного сотрудничества в сфере благотворительности. Здесь особое внимание следует уделить И.В. Астэр и Г.Ф. Нестеровой, которые отмечают, что сегодня есть все возможности взаимовыгодного партнерства между государством и Церковью для улучшения социального положения разных категорий населения путем слаженной работы государственных и негосударственных организаций, в том числе и религиозных. Это поддержка семьи, здорового образа жизни, сохранение и развитие системы ценностей, которая обеспечивает преемственность поколений и социальный мир. Исторический опыт, отмечают авторы, убедительно доказал эффективность взаимодействия Церкви и светской власти в преодолении социальных проблем. Каждый из общественных институтов играет свою роль в решении указанного вопроса, участие Церкви в первую очередь заключается в преобразовании существующей государственной системы, внесении в нее духа любви, деятельной веры, жертвенного служения ближним, а также предложении новых технологий и форм работы. Церковно- и священнослужитель должен видеть беду конкретного человека, по возможности оказать ему духовную и минимально необходимую материальную помощь, а также способствовать получению от государства гарантированных мер. Задача государства заключается в постоянном совершенствовании системы социального обеспечения и защиты, ее модернизации и большей лабильности. Кроме того, действующее законодательство и церковные установления не создают никаких препятствий для взаимодействия между Церковью и государством [1].

Таким образом, современная историография более полно раскрывает процесс социального служения РПЦ. Прежде всего, отмечается проблематика неоднозначности терминологии в сфере благотворительности, вопрос о путях взаимодействия в ней государства и Церкви. Акцент на терминологию в исследованиях можно объяснить тем, что

социально-экономические проблемы 1990-х гг. стали менее явными в 2000-х гг., что позволило историографии сконцентрировать свое внимание на других вопросах. Вместе с тем исследователи в 1990–2000-х гг. не раскрывают комплексно реализацию и итоги церковной благотворительности, что усиливает актуальность исследования и предполагает дальнейшую разработку вопроса.

Библиографический список

1. Астэр И.В., Нестерова Г.Ф. Взаимодействие Русской Православной Церкви и государства. История и современность: учеб. пособие // под ред. прот. В. Хулапа, И.В. Астэр. – СПб.: СПбГИПСР, 2014.
2. Встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева с Патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Синода Русской Православной Церкви (29.4.1988) // Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. – М.: Пропилеи, 1995.
3. Галушко В.Г. Социальное служение и социальная справедливость // Социальное служение Православной Церкви: проблемы, практики, перспективы: материалы всерос. науч.-практ. конф., 7–8 июня 2013 г. – СПб.: СПбГИПСР, 2013. – 294 с.
4. Мартышин Д.С., прот. Социальная работа Церкви как наука на современном этапе: богословско-исторический сборник. – Калуга: Изд-во КДС, 2016. – 272 с.
5. Мартышин Д.С., Бочков П.В. Социальная работа Церкви как важнейшее условие социализации человека // Молодой ученый: ежемесячный науч. журнал. – Казань, 2014 (январь). – № 1 (60). – Ч. 5. – 680 с.
6. Поспеловский Д.В. Русская Православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 509 с.
7. Резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ru-90.ru/node/71> (дата обращения: 30.11.2018).
8. Решетников О.В. Концепция социального служения в современном обществе. – М., 2008.
9. Социальное служение Русской Православной Церкви: учеб. пособие / под ред. Н.Ф. Басова, свящ. Георгия Андрианова. – Кострома: Костромская духовная семинария, 2018. – 460 с.
10. Сурмин Ю.П., Бидзюра И.П. Социология управления: учеб. пособие. – К.: Издательский дом «Персонал», 2012. – 124 с.
11. Цытин В. Протоиерей. История Русской Церкви в 1917–1997 гг. – М., 1997. – 697 с.
12. Шатов Пантелеимон, епископ Орехово-Зуевский. «Сам Христос учит нас основам социального служения» // Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному

служению: веб-портал. – 2018. – URL: <http://www.diaconia.ru/episkop-panteleimon-sam-khristos-uchit-nas-osnovam-socialnogo-sluzheniya> (дата обращения: 01.04.2018).

13. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Вече, 2010. – 420 с.

14. Щёкин Г.В. Социальная теория и кадровая политика: монография. – К.: МАУП, 2000. – 576 с.

References

1. Astehr I.V., Nesterova G.F. Vzaimodejstvie Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi i gosudarstva. Istorija i sovremennost': ucheb. posobie // pod red. prot. V. Hulapa, I.V. Astehr. – SPb.: SPbGIPSR, 2014.

2. Vstrecha General'nogo sekretarya CK KPSS M.S. Gorbacheva s Patriarhom Moskovskim i vseya Rusi Pimenom i chlenami Sinoda Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi (29.4.1988) // Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v sovetskoe vremya (1917–1991): materialy i dokumenty po istorii otnoshenij mezhdru gosudarstvom i Cerkov'yu / sost. G. SHtrikker. – M.: Propilei, 1995.

3. Galushko V.G. Social'noe sluzhenie i social'naya spravedlivost' // Social'noe sluzhenie Pravoslavnoj Cerkvi: problemy, praktiki, perspektivy: materialy vseros. nauch.-prakt. konf., 7–8 iyunya 2013 g. – SPb.: SPbGIPSR, 2013. – 294 s.

4. Martyshin D.S., prot. Social'naya rabota Cerkvi kak nauka na sovremennom ehtape: bogoslovsko-istoricheskij sbornik. – Kaluga: Izd-vo KDS, 2016. – 272 s.

5. Martyshin D.S., Bochkov P.V. Social'naya rabota Cerkvi kak vazhnejshee uslovie socializacii

cheloveka // Molodoj uchenyj: ezhemesyachnyj nauch. zhurnal. – Kazan', 2014 (yanvar'). – № 1 (60). – CH. 5. – 680 s.

6. Pospelovskij D.V. Russkaya Pravoslavnaya cerkov' v XX veke. – M.: Respublika, 1995. – 509 s.

7. Rezolyucii XIX Vsesoyuznoj konferencii KPSS [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.ru-90.ru/node/71> (дата obrashcheniya: 30.11.2018).

8. Reshetnikov O.V. Konceptiya social'nogo sluzheniya v sovremennom obshchestve. – M., 2008.

9. Social'noe sluzhenie Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi: ucheb. posobie / pod red. N.F. Basova, svyashch. Georgiya Andrianova. – Kostroma: Kostromskaya duhovnaya seminariya, 2018. – 460 s.

10. Surmin YU.P., Bidzyura I.P. Sociologiya upravleniya: ucheb. posobie. – K.: Izdatel'skij dom «Personal», 2012. – 124 s.

11. Cypin V. Protoierej. Istorija Russkoj Cerkvi v 1917–1997 gg. – M., 1997. – 697 s.

12. SHatov Panteleimon, episkop Orekhovo-Zuevskij. «Sam Hristos uchit nas osnovam social'nogo sluzheniya» // Sinodal'nyj otdel po cerkovnoj blagotvoritel'nosti i social'nomu sluzheniyu: veb-portal. – 2018. – URL: <http://www.diaconia.ru/episkop-panteleimon-sam-khristos-uchit-nas-osnovam-socialnogo-sluzheniya> (дата obrashcheniya: 01.04.2018).

13. SHkarovskij M.V. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v XX veke. – M.: Veche, 2010. – 420 c.

14. SHCHyokin G.V. Social'naya teoriya i kadrovaya politika: monografiya. – K.: MAUP, 2000. – 576 s.

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В РАМКАХ ФЕНОМЕНА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ
(на примере православной службы «Милосердие»)**

В статье исследованы некоторые аспекты социальной роли Русской Православной Церкви в современной России. Цель статьи – изучение места церковной благотворительности (на примере службы «Милосердие») в рамках феномена современной российской благотворительности. В статье поставлены следующие исследовательские задачи: выявить основные источники финансирования службы «Милосердие», основные каналы расходования средств, сравнить доходность службы «Милосердие» с аналогичными светскими организациями. Основу методологии исследования составил анализ статистической информации отчетной документации службы «Милосердие» и некоторых светских благотворительных организаций. Сделан вывод о том, что церковная благотворительность занимает одно из ведущих мест в российской благотворительности вообще, а служба «Милосердие» является намного более успешным проектом по привлечению пожертвований на социальные нужды, чем некоторые светские фонды.

Ключевые слова: церковная благотворительность, Русская Православная Церковь, православная служба «Милосердие», благотворительные фонды.

«Переходный период» 1990-х гг. в России был временем тяжелых социальных потрясений. Так, радикальные экономические реформы привели к частичной деградации человеческого потенциала. По ожидаемой продолжительности жизни страна оказалась на 115-м месте в мире (к 1995 г. средняя продолжительность жизни достигла нижней отметки в 58 лет), по индексу экономической свободы – на 112–116-м. Особенно сильно в 1990-е гг. упал индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) – по этому показателю страна опустилась на 71 место в мире. Огромными были демографические потери – страна ежегодно теряла 700–800 тыс. человек. С 1992 г. смертность превышала рождаемость [12, с. 19]. Количество нищих, по разным оценкам, колебалось от 40 до 65% населения. И это при высоком проценте бедных в стране (25–40% по разным данным) [31, с. 182]. Тяжелые потрясения затронули и другие сферы общественной жизни [13, с. 68–72].

Тяжелейшее социально-экономическое положение России стало, вероятно, наиболее важным фактором восстановления практики церковной благотворительности. С начала 1990-х гг. Русской Православной Церковью (РПЦ) начали учреждаться благотворительные организации и фонды (одним из первых таких учреждений и стало Свято-Димитриевское сестричество, с основания которого 28 мая 1991 г. ведет свою историю православная служба «Милосердие»). За прошедшие 27 лет с момента основания службы «Милосердие» (хотя само название «Милосердие» появилось уже в 2000-е гг.) ее деятельность по решению социальных проблем современной России, являющихся логическим продолжением проблем 1990-х гг., существенно расширилась. Это делает актуальным для современной исторической науки изучение церковной благотворительности и ее роли в решении социально-экономических проблем нашей страны. Примечательно, что современная благо-

творительность РПЦ может опираться не только на собственный дореволюционный опыт, но и на опыт представителей других конфессий, например, старообрядцев [14, с. 15–19].

В рамках данной статьи проблематика социальной роли РПЦ рассмотрена на примере православной службы «Милосердие». На данный момент ее возглавляет епископ Орехово-Зуевский Пантелеймон (Шатов), который также является председателем Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению (ОЦБСС). Благодаря такому организационному единству с главной благотворительной структурой РПЦ, «Милосердие» играет ведущую роль в осуществлении церковной благотворительности. Большинство благотворительных проектов службы находится на территории г. Москвы, однако некоторые имеют и общероссийскую направленность.

Постараемся показать, какое место занимает церковная благотворительность (на примере службы «Милосердие») в феномене современной российской благотворительности вообще.

В 2005 г. региональная общественная организация «Милосердие» была официально зарегистрирована и получила статус юридического лица. В том же году был принят Устав РОО «Милосердие», в котором указаны цели организации: 1) оказание содействия РПЦ в ее деятельности, осуществляемой в социальной сфере; 2) содействие духовному развитию личности, распространению знаний о православной религии и культуре, улучшению морально-психологического состояния граждан, воспитанию, образованию и просвещению граждан [30, с. 4]. Ст. 9 устанавливает направления деятельности организации, среди которых, в частности, – привлечение физических и юридических лиц для помощи РПЦ в решении следующих проблем: 1) осуществление социальной поддержки и защиты граждан, включая улучшение их материального положения; 2) оказание адресной

помощи малообеспеченным, многодетным, безработным, инвалидам, пенсионерам, беженцам, вынужденным переселенцам, бездомным, неимущим и другим категориям социально незащищенных лиц [30, с. 4].

Во время финансового кризиса 2008 г., когда сильно сократились пожертвования от крупных благотворителей, существование службы «Милосердие» находилось под угрозой. Тогда было принято решение о создании «Общества Друзей милосердия», которое должно было способствовать привлечению пожертвований для содержания остальных проектов службы «Милосердие»: детских домов, патронажных служб, автобусов и других. В число официально зарегистрированных «друзей», в чьи обязанности входит отчисление сотой части своего дохода в пользу «Общества», и поручителей организации вошло несколько известных людей, к примеру, художественный руководитель и главный дирижер Большого симфонического оркестра имени П.И. Чайковского В. Федосеев, поэт, публицист, сопредседатель Союза российских писателей Ю. Кублановский, актер театр и кино, кинорежиссер А. Мерзликин и другие [24]. Участие в церковной благотворительности публичных людей способствует ее дальнейшему развитию. Разумеется, пожертвования осуществляют не только «друзья», но и все желающие.

Начиная с 2010 г. «Общество Друзей милосердия» стало успешным проектом по привлечению пожертвований для реализации уставных целей службы «Милосердие». Назначение пожертвования остается на его усмотрении: он может выбрать программу «Общества Друзей милосердия» (без указания конкретного адресата пожертвования) или конкретный проект «Общества». Кроме того, существует возможность направить свое пожертвование на нужды конкретного человека (адресная поддержка) через сайт, а также на один из специальных проектов службы.

В отдельные месяцы принимались пожертвования на особые случаи, но их суммы были невелики: сентябрь 2012 г. – 12 000 руб. [16] (помощь пострадавшим от наводнения в Крымске), декабрь 2012 г. – 6 300 руб. [17] (помощь пострадавшим от наводнения в Крымске), июль 2013 г. – 33 500 руб. [18] (помощь Сирии), сентябрь 2013 г. – 11 000 руб. [19] (пострадавшим от наводнения).

На основе данных, представленных на официальном сайте службы «Милосердие» составим сводную таблицу доходов «Общества Друзей милосердия» (табл. 1) [29].

Безусловно, данные, представленные в итоговой таблице, не являются точными суммами доходов службы «Милосердие», а лишь доходами, полученными «Обществом Друзей милосердия» с помощью методов фандрайзинга и краудфандинга, т.е. добровольными взносами со стороны физических и юридических лиц. Помимо этих доходов, доходы службы «Милосердие» включают в себя, к примеру, государственное финансирование, а также гранты и субсидии (на конкурсной основе) [25].

Открытым остается вопрос о месте церковной благотворительности (на примере службы «Милосердие») вообще в феномене современной российской благотворительности. В какой-то мере ответ на этот вопрос дает сопоставление доходов церковных благотворительных учреждений с доходами светских фондов. Так, доходы благотворительного фонда «Возрождение», основанного в 2005 г. крупным бизнесменом Ю.П. Кушнеровым и специализирующегося, во многом, на оказании помощи тем же группам населения, что и служба «Милосердие» (инвалиды, бездомные, алко- и наркозависимые и т.д.), в 2014 г. составили 1 278 729,62 руб., причем на добровольные пожертвования физических и юридических лиц из них приходится 628 829,62 руб. [2, с. 16]. Доходы службы «Милосердие» (учитывая только средства, полученные от деятельности «Общества Друзей милосердия», т.е. собранные в виде пожертвований с физических и юридических лиц) за тот же год составили 106 304 063,9 руб. Это говорит о куда большем успехе именно церковной организации.

Другая ситуация с фондами известных личностей. Так, в 2011 г. доход службы «Милосердие» составил 35 431 713,46 руб. (учтены только доходы от деятельности «Общества Друзей милосердия»), а фонд «Подари жизнь» Дины Корзун и Чулпан Хаматовой лишь в январе 2011 г. смог собрать

Таблица 1

Сводная таблица доходов «Общества Друзей милосердия» (в руб.)

Год	Сумма
2010	25 628 220,82
2011	35 431 713,46
2012	75 429 191,85
2013	91 591 397,07
2014	106 304 063,9
2015	143 388 573,4
2016	163 239 141,1

Таблица 2

Доходы «Общества Друзей милосердия» и Фонда К. Хабенского (в руб.)

	2013	2014	2015	2016
«Общ. Др. милосердия»	91 591 397,07	106 304 063,9	143 388 573,4	163 239 141,1
Фонд К. Хабенского	34 312 676,29	86 470 522,11	145 913 164,10	180 983 155,2

Таблица 3

Доходы «Общества Друзей милосердия» и СБОР (в руб.)

	2011	2012	2013	2014	2015	2016
«Общ. Др. милосердия»	35 431 713,46	75 429 191,85	91 591 397,07	106 304 063,9	143 388 573,4	163 239 141,1
СБОР	27 057 627,44	35 991 818	34 496 665	37 538 236	34 082 355	22 702 074

53 858 577,78 руб. [9]. С фондом Константина Хабенского доходы разнятся не столь серьезно (см. табл. 2 [10]). Доходы двух фондов вполне сопоставимы, в отдельные годы доходы службы «Милосердие» существенно выше (учтены только доходы от деятельности «Общества Друзей милосердия»).

Еще одной крупной светской благотворительной организацией современной России является Союз благотворительных организаций (СБОР), основанный в ноябре 2000 г. Его учредителем являются 312 различных организаций из 59 регионов России. В последние годы СБОР реализовывал свои национальные благотворительные программы и проекты «Миллиард мелочью», «Искусственная почка» и другие, приоритетом которых являлась адресная помощь нуждающимся – детям-инвалидам, тяжелобольным, людям в трудной жизненной ситуации. Таким образом, группы населения, поддерживаемые СБОРом, во многом совпадают с поддерживаемыми службой «Милосердие». Кроме того, СБОР осуществляет проекты, связанные с развитием феномена благотворительности вообще – развивал единый электронный ресурс московской благотворительности Мосблаго.ру, выпускал электронный дайджест «Российская благотворительность – в зеркале СМИ» [1]. Стоит сказать, что СБОР, как и большинство благотворительных организаций в современной России, для привлечения средств использует имена известных личностей, которые поддерживают организацию (А. Волочкова, Н. Сафронов, А. Леонов и др.) [15]. Наверное, это можно назвать массовым трендом современной российской благотворительности.

Теперь обратимся к финансовой составляющей деятельности СБОРа. Данные представлены в таблице 3 [11].

Как видно из представленной таблицы, на протяжении всего рассмотренного периода (2011–2016 гг.) «Обществу друзей Милосердия» удавалось собрать в форме пожертвований гораздо большие суммы, чем СБОРу. Если в 2011 г. разница была еще не столь велика, то в 2012–2016 гг. она уже очень серьезная. В первую очередь, это объясняется отличным соотношением количества пожертвований со стороны физических или юридических лиц у СБОРа, нежели чем у «Общества Друзей ми-

лосердия». У «Общества» данная статистика выглядит следующим образом: по данным на январь 2011 г. [21] пожертвования со стороны юридических лиц составляли лишь 12% от числа пожертвований со стороны физических лиц. В последующие годы статистика изменилась незначительно: по данным на январь 2014 г. [20] – 16%, на январь 2016 г. [22] – 17%. А у СБОРа так: в 2011 г. на долю юридических лиц («корпоративные пожертвования» в отчетах организации) приходится 45,8% всех пожертвований в пользу СБОР [3, с. 13], в 2012 г. – 23,38% [4, с. 12], в 2013 г. – 32,45% [5, с. 11], в 2014 г. – 64,73% [6, с. 14], в 2015 г. – 54,88% [7, с. 5], в 2016 г. – 77,3% [8, с. 5]. Такой перекоп в сторону пожертвований от юридических лиц связан с преобладанием такого метода фандрайзинга, как «привлечение пожертвований посредством адресной работы с коммерческими структурами», который был преобладающим на протяжении всего рассмотренного периода (2011 г. – 33,2% от всего дохода, 2012 г. – 26,53%, 2013 г. – 34,48%, 2014 г. – 36,04%, 2015 г. – 42,68%, 2016 г. – 49,5%). Из этого можно сделать вывод, что ориентация на пожертвования со стороны физических лиц (в случае с «Обществом Друзей милосердия»), куда более доходна, нежели чем ориентация на пожертвования со стороны юридических лиц (в случае со СБОРом).

Таким образом, в плане доходов «Общество Друзей милосердия» является более успешным проектом, чем многие светские благотворительные организации. Объясняется это ориентацией на привлечение пожертвований со стороны физических лиц, которые приносят больший доход. Однако фонды некоторых известных личностей, также во многом ориентированные на пожертвования со стороны физических лиц, в финансовом отношении куда более доходны. Тем не менее, по данным Русфонда, РОО «Милосердие» с 2014 г. стабильно входит в десятку самых доходных благотворительных фондов России [23]. Однако в статистике Русфонда были учтены доходы не только от «Общества Друзей милосердия». В данном исследовании мы более подробно сосредоточились именно на доходах от «Общества».

Каналы расходования средств включают расходы на уставную деятельность (финансирование раз-

Сводная таблица расходов службы «Милосердие» (в руб.) [29]

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Расходы	32120408,57	35633834,30	75005521,14	89718690,95	93180563,23	146613749,9	247487122,4

личных благотворительных проектов и сопутствующие расходы), а также административные расходы (оплата труда сотрудников: сестер милосердия, воспитателей и т.д., налоги). Процентное соотношение этих двух показателей иллюстрирует эффективность осуществления уставной деятельности. В начале составим сводную таблицу расходов службы «Милосердие». Данные представлены в таблице 4.

Теперь обратимся к соотношению расходов на уставную деятельность и административные расходы. Такую информацию нам дают ежегодные отчеты службы «Милосердие». Так административные расходы составляют: 2012 г. – 57% (без учета накладных расходов: коммунальные услуги, связь и т.д.) [26], 2013 г. – 62,5% (без учета хозяйственных и накладных расходов) [27], 2014 г. – 75% (без учета хозяйственных и накладных расходов) [28].

Безусловно, процент средств, выделяемых на административные расходы, весьма велик. Однако с учетом того, что служба «Милосердие» является не совсем фондом, а вполне законченной инфраструктурой, в постоянный штат которой входят сестры милосердия, врачи, учителя, психологи, воспитатели, можно констатировать, эти административные расходы являются зарплатой тех людей, без которых церковная благотворительность была бы невозможна в принципе.

Итак, в плане доходов «Общество Друзей милосердия» (а вместе с ним и служба «Милосердие» вообще) является куда более успешным проектом, чем многие светские благотворительные организации. Объясняется это ориентацией на привлечение пожертвований со стороны физических лиц, которые приносят куда больший доход, нежели чем пожертвования со стороны юридических лиц (недаром девизом службы «Милосердие» являются слова «Понемногу от многих – это спасает жизни»). Однако фонды некоторых известных личностей, ориентированные на пожертвования со стороны физических лиц, в финансовом отношении куда более доходны. В плане расходов преобладают административные расходы, что объясняется наличием развитой инфраструктуры службы «Милосердие», включающей в себя людей разных профессий, своим трудом и осуществляющих церковную благотворительность.

Библиографический список

1. Архив журнала «Российская благотворительность – в зеркале СМИ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sbornet.ru/nashi_smi/dajdzhest_blagotvoritelnosti (дата обращения: 08.06.2018).

2. Благотворительный фонд «Возрождение». Отчет о проведенной деятельности за 2014–2015 гг. Архив автора.

3. Годовой отчет о деятельности Союза благотворительных организаций России (некоммерческого партнерства). 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sbornet.ru/files/otchet/otchet_np_sbor_o_deyatelnosti_v_2011_godu.pdf (дата обращения: 18.06.2018).

4. Годовой отчет о деятельности Союза благотворительных организаций России (некоммерческого партнерства). 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sbornet.ru/files/otchet/otchet_np_sbor_o_deyatelnosti_v_2012_godu.pdf (дата обращения: 18.06.2018).

5. Годовой отчет о деятельности Союза благотворительных организаций России (некоммерческого партнерства). 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sbornet.ru/files/otchet/otchet_np_sbor_o_deyatelnosti_v_2013_godu.pdf (дата обращения: 18.06.2018).

6. Годовой отчет о деятельности Союза благотворительных организаций России (некоммерческого партнерства). 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sbornet.ru/files/reports/2014.pdf> (дата обращения: 18.06.2018).

7. Годовой отчет о деятельности Союза благотворительных организаций России (некоммерческого партнерства). 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sbornet.ru/files/reports/2015.pdf> (дата обращения: 18.06.2018).

8. Годовой отчет о деятельности Союза благотворительных организаций России (некоммерческого партнерства). 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sbornet.ru/files/reports/2016.pdf> (дата обращения: 18.06.2018).

9. Данные взяты из официального отчета фонда «Подари жизнь» за 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://podari-zhizn.ru/main/node/8714> (дата обращения: 18.04.2018). В отчете представлены доходы, полученные от пожертвований физических и юридических лиц. Таким образом, эти данные можно сравнивать с данными по «Обществу Друзей милосердия».

10. Данные взяты из официальных отчетов благотворительного фонда Константина Хабенского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bfkh.ru/reports/> (дата обращения: 19.04.2018).

11. Данные отчетов Союза благотворительных организаций России (СБОР) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sbornet.ru/otchet/> (дата обращения: 04.05.2018).

12. Инновационная модернизация России. Политологические очерки / ред. Ю.А. Красин. – М.: Институт социологии РАН, 2011.
13. *Киселев А.А.* Реформирование сферы торговли и общественного питания в Карелии (1991–1993 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – № 5. – С. 68–72.
14. *Кочергина М.В., Дзюбан В.В.* Благотворительность и меценатство в среде русских старообрядцев: региональный аспект // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – № 6. – С. 15–19.
15. Нас поддерживают [Электронный ресурс] // Союз благотворительных организаций России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sbornet.ru/sbor/nas_podderzhivajut (дата обращения: 18.06.2018).
16. Отчет о поступлении и использовании средств по благотворительным программам в сентябре 2012 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.miloserdie.ru/article/otchet-o-postuplenii-i-ispolzovanii-sredstv-po-blagotvoritelnyh-programmam-v-sentyabre-2012-goda/> (дата обращения: 18.06.2018).
17. Отчет о поступлении и использовании средств по благотворительным программам в декабре 2012 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.miloserdie.ru/article/otchet-o-postuplenii-i-ispolzovanii-sredstv-po-blagotvoritelnyh-programmam-v-dekabre-2012-goda/> (дата обращения: 18.06.2018).
18. Отчет о поступлении и использовании средств по благотворительным программам в июле 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.miloserdie.ru/article/otchet-o-postuplenii-i-ispolzovanii-sredstv-po-blagotvoritelnyh-programmam-v-iyule-2013-goda/> (дата обращения: 18.06.2018).
19. Отчет о поступлении и использовании средств по благотворительным программам в сентябре 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.miloserdie.ru/article/otchet-o-postuplenii-i-ispolzovanii-sredstv-po-blagotvoritelnyh-programmam-v-sentyabre-2013-goda/> (дата обращения: 18.06.2018).
20. Отчет о поступлении и использовании средств по благотворительным программам в январе 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.miloserdie.ru/article/otchet-o-postuplenii-i-ispolzovanii-sredstv-po-blagotvoritelnyh-programmam-v-yanvare-2014-goda-2/> (дата обращения: 18.06.2018).
21. Отчет о поступлении и использовании средств по программе «Общество Друзей милосердия» в январе 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.miloserdie.ru/article/otchet-o-postuplenii-i-ispolzovanii-sredstv-po-programme-obshchestvo-druzej-miloserdiya-v-yanvare-2011-g/> (дата обращения: 18.06.2018).
22. Отчет по благотворительным программам за январь 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.miloserdie.ru/report/otchet-po-blagotvoritelnyh-programmam-za-yanvar-2016-goda/> (дата обращения: 18.06.2018).
23. Первые в рейтинге: 10 крупнейших благотворительных организаций России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.miloserdie.ru/article/pervye-v-rejtinge-10-krupnejshih-blagotvoritelnyh-organizatsij-rossii/> (дата обращения: 04.05.2018).
24. Поручители. Православная служба помощи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://miloserdie.help/poruchiteli/> (дата обращения: 18.06.2018).
25. Процентное соотношение различных форм финансирования службы «Милосердие» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.miloserdie.ru/report/sluzhba-miloserdie-opublikovala-godovoj-otchet-za-2014-god/> (дата обращения: 08.06.2018).
26. Служба «Милосердие» опубликовала годовой отчет за 2012 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.miloserdie.ru/article/sluzhba-miloserdie-opublikovala-godovoj-otchet-za-2012-god/> (дата обращения: 08.06.2018).
27. Служба «Милосердие» опубликовала годовой отчет за 2013 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.miloserdie.ru/article/sluzhba-miloserdie-opublikovala-godovoj-otchet-za-2013-god/> (дата обращения: 08.06.2018).
28. Служба «Милосердие» опубликовала годовой отчет за 2014 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.miloserdie.ru/report/sluzhba-miloserdie-opublikovala-godovoj-otchet-za-2014-god/> (дата обращения: 08.06.2018).
29. Таблица отчетов службы «Милосердие» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.miloserdie.ru/reports/> (дата обращения: 18.06.2018).
30. Устав региональной общественной организации поддержки социальной деятельности Русской Православной Церкви «Милосердие». – М., 2005.
31. *Шахбанов А.М.* Условия и причины развития бедности в России в 1990-е гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – № 5(10).

References

1. Arhiv zhurnala «Rossijskaya blagotvoritel'nost' – v zerkale SMI» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sbornet.ru/nashi_smi/dajdzhest_blagotvoritelnosti (дата обращения: 08.06.2018).
2. Blagotvoritel'nyj fond «Vozrozhdenie». Otchet o provedennoj deyatelnosti za 2014–2015 gg. Arhiv avtora.
3. Godovoj otchet o deyatelnosti Soyuz blagotvoritel'nyh organizacij Rossii (nekommercheskogo partnerstva). 2011 [Электронный ресурс].

resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.sbornet.ru/files/otchety/otchet_np_sbor_o_deyatelnosti_v_2011_godu.pdf (data obrashcheniya: 18.06.2018).

4. Godovoj otchet o deyatelnosti Soyuza blagotvoritel'nyh organizacij Rossii (nekommercheskogo partnerstva). 2012 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.sbornet.ru/files/otchety/otchet_np_sbor_o_deyatelnosti_v_2012_godu.pdf (data obrashcheniya: 18.06.2018).

5. Godovoj otchet o deyatelnosti Soyuza blagotvoritel'nyh organizacij Rossii (nekommercheskogo partnerstva). 2013 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.sbornet.ru/files/otchety/otchet_np_sbor_o_deyatelnosti_v_2013_godu.pdf (data obrashcheniya: 18.06.2018).

6. Godovoj otchet o deyatelnosti Soyuza blagotvoritel'nyh organizacij Rossii (nekommercheskogo partnerstva). 2014 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.sbornet.ru/files/reports/2014.pdf> (data obrashcheniya: 18.06.2018).

7. Godovoj otchet o deyatelnosti Soyuza blagotvoritel'nyh organizacij Rossii (nekommercheskogo partnerstva). 2015 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.sbornet.ru/files/reports/2015.pdf> (data obrashcheniya: 18.06.2018).

8. Godovoj otchet o deyatelnosti Soyuza blagotvoritel'nyh organizacij Rossii (nekommercheskogo partnerstva). 2016 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.sbornet.ru/files/reports/2016.pdf> (data obrashcheniya: 18.06.2018).

9. Dannye vzyaty iz oficial'nogo otcheta fonda «Podari zhizn'» za 2011 g. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://podari-zhizn.ru/main/node/8714> (data obrashcheniya: 18.04.2018). V otchete predstavleny dohody, poluchennye ot pozhertvovaniy fizicheskikh i yuridicheskikh lic. Takim obrazom, ehti dannye mozjno sravnivat' s dannymi po «Obshchestvu Druzej miloserdiya».

10. Dannye vzyaty iz oficial'nyh otchetov blagotvoritel'nogo fonda Konstantina Habenskogo [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://bfkh.ru/reports/> (data obrashchenie: 19.04.2018).

11. Dannye otchetov Soyuza blagotvoritel'nyh organizacij Rossii (SBOR) [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.sbornet.ru/otchety> (data obrashcheniya: 04.05.2018).

12. Innovacionnaya modernizaciya Rossii. Politologicheskie ocherki / red. YU.A. Krasin. – M.: Institut sociologii RAN, 2011.

13. Kiselev A.A. Reformirovanie sfery trgovli i obshchestvennogo pitaniya v Karelii (1991–1993 gg.) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 5. – S. 68–72.

14. Kochergina M.V., Dzyuban V.V. Blagotvoritel'nost' i mecenatstvo v srede russkikh staroobryadcev: regional'nyj aspekt // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 6. – S. 15–19.

15. Nas podderzhivayut [EHlektronnyj resurs] // Soyuz blagotvoritel'nyh organizacij Rossii [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.sbornet.ru/sbor/nas_podderzhivayut (data obrashcheniya: 18.06.2018).

16. Otchet o postuplenii i ispol'zovanii sredstv po blagotvoritel'nyh programmam v sentyabre 2012 goda [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.miloserdie.ru/article/otchet-o-postuplenii-i-ispol'zovanii-sredstv-po-blagotvoritel'nyh-programmam-v-sentyabre-2012-goda/> (data obrashcheniya: 18.06.2018).

17. Otchet o postuplenii i ispol'zovanii sredstv po blagotvoritel'nyh programmam v dekabre 2012 goda [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.miloserdie.ru/article/otchet-o-postuplenii-i-ispol'zovanii-sredstv-po-blagotvoritel'nyh-programmam-v-dekabre-2012-goda/> (data obrashcheniya: 18.06.2018).

18. Otchet o postuplenii i ispol'zovanii sredstv po blagotvoritel'nyh programmam v iyule 2013 goda [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.miloserdie.ru/article/otchet-o-postuplenii-i-ispol'zovanii-sredstv-po-blagotvoritel'nyh-programmam-v-iyule-2013-goda/> (data obrashcheniya: 18.06.2018).

19. Otchet o postuplenii i ispol'zovanii sredstv po blagotvoritel'nyh programmam v sentyabre 2013 goda [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.miloserdie.ru/article/otchet-o-postuplenii-i-ispol'zovanii-sredstv-po-blagotvoritel'nyh-programmam-v-sentyabre-2013-goda/> (data obrashcheniya: 18.06.2018).

20. Otchet o postuplenii i ispol'zovanii sredstv po blagotvoritel'nyh programmam v yanvare 2014 goda [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.miloserdie.ru/article/otchet-o-postuplenii-i-ispol'zovanii-sredstv-po-blagotvoritel'nyh-programmam-v-yanvare-2014-goda-2/> (data obrashcheniya: 18.06.2018).

21. Otchet o postuplenii i ispol'zovanii sredstv po programme «Obshchestvo Druzej miloserdiya» v yanvare 2011 g. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.miloserdie.ru/article/otchet-o-postuplenii-i-ispol'zovanii-sredstv-po-programme-obshchestvo-druzej-miloserdiya-v-yanvare-2011-g/> (data obrashcheniya: 18.06.2018).

22. Otchet po blagotvoritel'nyh programmam za yanvar' 2016 goda [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.miloserdie.ru/report/otchet-po-blagotvoritel'nyh-programmam-za-yanvar-2016-goda/> (data obrashcheniya: 18.06.2018).

23. Pervye v rejtinge: 10 krupnejshih blagotvoritel'nyh organizacij Rossii [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.miloserdie.ru/article/pervye-v-rejtinge-10-krupnejshih-blagotvoritel'nyh-organizatsij-rossii/> (data obrashcheniya: 04.05.2018).

24. Poruchiteli. Pravoslavnaya sluzhba pomoshchi [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://miloserdie.help/poruchiteli/> (data obrashcheniya: 18.06.2018).

25. Procentnoe sootnoshenie razlichnyh form finansirovaniya sluzhby «Miloserdie» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.miloserdie.ru/report/sluzhba-miloserdie-opublikovala-godovoj-otchet-za-2014-god/> (data obrashcheniya: 08.06.2018).

26. Sluzhba «Miloserdie» opublikovala godovoj otchet za 2012 god [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.miloserdie.ru/article/sluzhba-miloserdie-opublikovala-godovoj-otchet-za-2012-god/> (data obrashcheniya: 08.06.2018).

27. Sluzhba «Miloserdie» opublikovala godovoj otchet za 2013 god [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.miloserdie.ru/article/sluzhba->

[miloserdie-opublikovala-godovoj-otchet-za-2013-god/](https://www.miloserdie.ru/report/sluzhba-miloserdie-opublikovala-godovoj-otchet-za-2013-god/) (data obrashcheniya: 08.06.2018).

28. Sluzhba «Miloserdie» opublikovala godovoj otchet za 2014 god [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.miloserdie.ru/report/sluzhba-miloserdie-opublikovala-godovoj-otchet-za-2014-god/> (data obrashcheniya: 08.06.2018).

29. Tablica otchetov sluzhby «Miloserdie» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.miloserdie.ru/reports/> (data obrashcheniya: 18.06.2018).

30. Ustav regional'noj obschestvennoj organizacii podderzhki social'noj deyatel'nosti Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi «Miloserdie». – M., 2005.

31. SHahbanov A.M. Usloviya i prichiny razvitiya bednosti v Rossii v 1990-e gg. // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. – 2011. – № 5(10).

ЗАГОВОРЫ ОТ ЗМЕИ И ЧЕРВЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ НЕМЕЦКОЙ ТРАДИЦИИ

В данной статье рассматриваются характерные черты немецких заговорных текстов, направленных против змеи и червя. Хронология письменной фиксации таких формул охватывает период с древневерхненемецкого по ранне-нововерхненемецкий, а ареал распространения – все регионы Германии, что позволяет судить о популярности этих текстов и потребности в их использовании. Для данной статьи отобраны преимущественно памятники Высокого Средневековья, относящиеся как к верхне-, так и к нижненемецкой языковым областям, публикующиеся впервые в русском переводе. В рамках статьи анализируется синтаксическое построение текстов данной тематической группы, их лексическое наполнение и прагматическая направленность, выявляются общие особенности и основные модели. Полученные выводы будут интересны специалистам в области истории немецкого языка и литературы, а также фольклористики и медицины Средневековья.

Ключевые слова: заговоры, фольклор, Средние века, медицина, немецкий язык, змея, червь, 'wurm und wurmin'.

Заговоры от змеи и червя занимают в германском ареале исключительно нишу охранительных и лечебных заговоров. Такая специфика приводит к тому, что заговоры, объектом которых является змея, и заговоры, направленные против червей, начинают сближаться по синтаксическому построению и лексическому наполнению. Лексема 'worm'/'wurm' может использоваться в немецких текстах параллельно как в значении червя, так и в значении змеи, и часто лишь по отдельным деталям в тексте (например, указание на змеиный яд или употребление данной лексики в синонимическом ряду с другими характерными наименованиями змеи, такими как 'slange', 'snake', 'adder', 'nater') и пояснениям к использованию заговора можно судить о его назначении:

In deme namen des vaders, des sones unde des hilghen gheystes.
 Ik bydde dy unde beswere dy du worm,
 du sist addere, snake efte slange
 myt dyner twelaftighen tunghen,
 dattu my nicht en schadest unde ok
 neunen mynschen tho schaden komest...

Во имя Отца, Сына и Святого Духа.
 Я прошу тебя и заклинаю тебя, змей,
 будь ты гадушкой, змеёй или гадиной,
 с твоим раздвоенным языком,
 чтоб ты меня никогда не тронул, а также
 никому не принёс вреда...

(здесь и далее перевод мой. – Н. Т.) [3, с. 157]

Данный нижненемецкий заговор содержит четыре синонимичных наименования змеи, два из которых являются ингвеонизмами (addere, snake). Вероятно, в данном случае имеет место стремление перечислить все известные наименования змеи, чтобы обезопасить субъекта заговора наверняка. Однако нельзя исключать возможности того, что разные наименования змеи могли обозначать разные виды змей в рамках определённого региона.

Назначение следующего заговора становится понятным из его пояснения и указания на змеиный яд в тексте:

Item wie man ein Nattern bannen oder beschworen sol vnd lawttet also:

Ich beschwer dich wurm und wurmin
 bey der waren gottes stimm
 vnnnd bei der waren gothayt gut,
 vnnnd das dein aytter vnnnd dein blut,
 wird lawtter vnd auch rain...

Так же, если нужно изгнать или заклясть змею, то звучит так:

Я заклинаю тебя, змей и змея,
 истинным голосом Господним
 и истинным благом Господним,
 чтобы твой яд и твоя кровь
 стали чистыми и прозрачным... [3, с. 144]

Обращение "wurm und wurmin" является достаточно частотным в заговорах от червей и служит всё той же функции расширения сферы воздействия заговора на вредоносный объект. Важно назвать все характеристики объекта: не только перечислить различные его наименования или виды, но и указать его пол, подчеркнув, что слова заговора распространяются как на мужских его представителей ('wurm'), так и на женских ('wurmin'). В заговорах от червей, соответственно, данное обращение по аналогии будет переводиться как 'червь и червиха'.

Для немецких заклинательных формул как данного типа, так и в целом характерны ссылки на христианского Бога, христианские реликвии, эпизоды Священной Истории ("bey der waren gottes stimm / vnnnd bei der waren gothayt gut"). Христианский Бог выступает в роли гаранта исполнения заговорной формулы, и привнесение в текст такого рода конструкций сближает языческий по интенции заговор с христианской молитвой ("In deme namen des vaders, des sones unde des hilghen gheystes"). При этом змеи, как и черви, маркированы резко отрицательно, им откровенно предписывается дьявольская сущность:

Contra serpentes:
 Lig lig lang, du teyfelische schlang,
 du tewfels aygne, lig nw fur tode.

Против змей:

Лежи, лежи долго (или лежи «долго», то есть вытянись по всей длине змеиного тела?), ты, дьявольская змея, ты, дьявольское существо, лежи теперь мёртвой [3, с. 134].

Большое количество немецких заговоров от червей используют эпический зачин, содержащий ссылку на «Книгу Иова»: мучимый язвами и червями Иов просит Бога об исцелении. Его мольбы услышаны, и Господь повелевает червям покинуть тело Иова:

Jôb lac in miste,
er rief ûf ze Criste,
mit eiter bewollen:
die maden im ûz wielen
(unde sîn gebeine
âzen die wurme cleine).
der genâdige Crist,
der der inemo himile ist
der erhôrte Jôbes bete,
die er mit anedâht ze imo tete.
[...]
wurm, dû sîst wîz, swarz oder rôt,
ich gebiute dir, dû sîst nû tôt
(oder : ir sulent nû alle ligen tôt).

Иов лежал в грязи,
он взывал к Христу,
гноем загрязнённый:
личинки из него вываливались
(и его кости
поедали черви малые).
Милостивый Господь,
что на небесах,
услышал мольбы Иова,
которые тот с благоговением произносил...
Червь, будь ты белым, чёрным или красным,
Я повелеваю тебе: тотчас умри
(или: вы должны теперь все лежать мёртвыми)
[3, с. 98].

По логике заговорного текста то, что произошло когда-то в сопоставляемом с реальной ситуацией эпизоде Библии, должно повториться вновь в точке «здесь и сейчас». Такое построение является типичной *historiôl* ой в христианском обрамлении. Для установления необходимой связи с эпической древностью используется отсылка не к основному мифу о поединке бога-громовержца со змеем, как это происходит во многих текстах древнеиндийской и славянской традиций (подробнее см.: [2]), а к эпизоду Священного Писания, трактованному в нужном ключе. При этом заключительные строки в императиве могут преподноситься либо как приказ, вложенный в уста Христа, либо как собственные слова субъекта заговора, актуализируясь при произнесении. Данные строки являются распространённой завершающей формулой германских заговоров против червей и змей. Характерна и формулировка „wurm, dû sîst wîz, swarz oder rôt“, призванная расширить сферу воздействия заговора. На месте обозначений цвета в текстах такого типа может стоять указание на ко-

личество червей, их размер, возраст, пол и другие признаки:

„Ich beschwere uch wurme by unserm herrn Jesu Christ, <...> ir syent einer oder zwene oder wie vil uwer sint...“ – «Я заклинаю вас, черви, нашим господом Иисусом Христом... будь вас один или двое, или сколько бы вас ни было...» [3, с. 157];

„Du wûrm, du wûrme ich beschwere dich du seÿest jung oder alt bôs oder gûtt klein oder groß [...] du seÿest gel grün blaw schwarz oder wellen farben du seÿest [...]“ – «Ты, червь, ты, червиха, я заклинаю тебя, будь ты молод или стар, зол или добр, мал или велик... будь ты жёлтым, зелёным, синим, чёрным или какого бы цвета ты ни был...» [5, с. 60].

Германским текстам свойственна достаточно хорошо проработанная классификация червей по месту их паразитического обитания в теле человека/животного и заболеваниям, ими провоцируемым. Так, германской традиции известны: ‘manewurm’ – ‘желудочный червь’, который вызывает голод, ‘navelwurm’ – ‘кишечный червь’, вызывающий истощение, ‘hârworm’ – ‘волосной червь’, провоцирующий выпадение волос, а также способный, пробравшись во внутренние органы (кишечник, лёгкие, печень), вызывать общую слабость организма, ‘perzel’/’bûrzel’ – род червей, опасных для лошадей, провоцирует заболевания, сопровождающееся появлением бубонов (также ‘bûrzel’ в средневерхненемецких текстах традиционно используется в качестве наименования гриппа и катаральной лихорадки скота), ‘berneworm’ – дословно ‘ударяющий червь’ (от свн. ‘bern’ ‘ударять’, ‘стучать’) – род червей, вызывающий боли такого свойства, ‘quaseworm’ (от двн. ‘weiz’ [‘queiz’] ‘пустула’) – червь, вызывающий болезненные волдыри на коже скота, ‘varnworm’ – дословно ‘папоротниковый червь’ – червь-паразит, получивший своё имя, вероятно, по названию глистогонного средства, содержащего папоротник, ‘teneworm’ – зубной червь, подтачивающий зубы и вызывающий зубную боль, ‘cancer’ – червь, вызывающий (раковую) опухоль. Данная классификация приводится с опорой на книгу Верены Хольцманн [3, с. 99–100]. Помимо всего перечисленного, существовало представление о паразитических червях, вызывающих путём раздражения внутренних органов у человека и животного эпилепсию („Wurm-Epilepsie = eine durch den Reiz der Eingeweide-Würmer veranlasste Fallsucht bei Mensch und Tier“ [4, с. 114]). Состояние средневековой гельминтологии может проиллюстрировать следующая заговорная формула XV века:

„[...] Sive sit harworm, sive navelworm, sive berneworm, sive schafworm, sive quaseworm, sive varn, sive teneworm, sive hesper, sive cancer sive cuiuscumque [...]“ – «Будь то волосной червь, или кишечный червь, или ударяющий червь, или овечий червь, или пустульный червь, или папорот-

никовый червь, или зубной червь, или геспер, или рак, или какой бы он ни был...» [5, с. 61]

Данный заговор повторяет модель, рассмотренную выше – в одном ряду однородных членов называются все известные вредоносные объекты для приобретения власти над всеми негативными проявлениями – с той разницей, что здесь для каждого червя имеется своё устойчивое наименование. Все эти наименования с пояснениями даны в классификации выше, за исключением ‘schafworm’, что можно перевести как ‘овечий червь’, и ‘hesper’, которое, очевидно, является латинизмом и может означать либо некоего ‘вечернего/западного червя’ (от лат. ‘Hesperus’ ‘Геспер’, ‘вечерняя (западная) звезда’), либо, что более вероятно, определённый род червей/насекомых (как жуки-листоеды рода *Hespera*).

Стремление к такой детальной классификации сближает германские заговоры с древнеиндийскими текстами, в которых описание червей доведено до совершенства – как в терминологическом, так и в поэтическом плане (ср. заговор «Атхарваеды», V, 23 [1, с. 247]). Средневековые немецкие формулы, направленные против червей, демонстрируют тесную связь с индоевропейскими донаучными представлениями о природе заболеваний. В древности любую болезнь трактовали не как самостоятельную зародившуюся в организме, но как нечто, привнесённое извне, из окружающего мира, проникающее в тело человека или животного в виде болезнетворного червя. Таким образом, чтобы избавиться от заболевания, необходимо изгнать из организма червя как предполагаемого возбудителя недуга. Данная категория заговоров применима как для человека, так и для животного, точно так же как и заговоры от змей и змеиных укусов.

Таким образом, средневековые немецкие заговоры от змей и червя обнаруживают определенное сходство в построении (использование эпического зачина со ссылкой на эпизоды из Священного Писания, ряды однородных членов с перечислением всех релевантных признаков вредоносного объекта), языковом оформлении (характерное обращение “wurm und wurmin“, христианская метафорика) и общей прагматической направленности (установка заговаривающего субъекта на изгнание вредоносного объекта из тела или жилища посред-

ством слова). Заговоры от змей и червя представляют категорию лечебных и охранительных заговоров, совпадая в практическом применении. Это становится возможным благодаря сближению в народном сознании змей и червя как родственных существ, что мотивировано не только их схожим внешним видом, но и ассоциативными связями (змея и червь – дьявольские, вредоносные сущности, способные наслать недуг) и особым местом червя в средневековом классификаторе болезней.

Библиографический список

1. Атхарваеда (Шаунака): в 3 т. / пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т.Я. Елизаренковой. – М.: Вост. лит., 2005. – Т. 1. – 573 с.
2. Труфанова Н.А. Реликты мифа о поединке бога-громовержца со змеем в индоевропейских заговорных текстах // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. – 2018. – № 2. – С. 192–198.
3. Holzmann V. «Ich beswer dich wurm und wurmin...»: Formen und Typen altdeutscher Zaubersprüche und Segen. – Bern, 2001. – 322 S.
4. Höfler M. Deutsches Krankheitsnamen-Buch. – München, 1899. – 949 S.
5. Schulz M. Beschwörungen im Mittelalter: Einführung und Überblick. – Heidelberg, 2003. – 184 S.

References

1. Atharvaveda (SHAunaka): v 3 t. / per. s ved., vstup. st., komment. i pril. T.YA. Elizarenkovej. – M.: Vost. lit., 2005. – T. 1. – 573 s.
2. Trufanova N.A. Relikty mifa o poedinke boga-gromoverzhca so zmeem v indoeuropejskih zagovornyh tekstah // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. – 2018. – № 2. – S. 192–198.
3. Holzmann V. «Ich beswer dich wurm und wurmin...»: Formen und Typen altdeutscher Zaubersprüche und Segen. – Bern, 2001. – 322 S.
4. Höfler M. Deutsches Krankheitsnamen-Buch. – München, 1899. – 949 S.
5. Schulz M. Beschwörungen im Mittelalter: Einführung und Überblick. – Heidelberg, 2003. – 184 S.

РОМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВ ДОН ЖУАНА И ФАУСТА У Х.Д. ГРАББЕ

В данной статье рассматривается романтическая трансформация образов Дон Жуана и Фауста на материале трагедии Х.Д. Граббе «Дон Жуан и Фауст», а также анализируется специфика данных персонажей у Х.Д. Граббе. Особое внимание в работе автор акцентирует на сравнении Фауста и Дон Жуана через их противопоставление в качестве сюжетных соперников и драматургических противников: в трагедии немецкая статика-слово приходит в конфликт с романской, латинской (испанской) динамикой-музыкой. Автор статьи сосредоточивает внимание на противоположности двух героев, двух противоборствующих начал и двух культур, а также на стремлении Граббе предложить собственную романтическую трактовку образа Фауста, главная особенность которой заключается в том, что его герой может полноценно существовать только в «связке» со своим двойником-антиподом.

Ключевые слова: Дон Жуан, Фауст, статика, слово, динамика, музыка, романтический герой.

Трагедия Христиана Дитриха Граббе «Дон Жуан и Фауст» (Christian Dietrich Grabbe, “Don Juan und Faust: Eine Tragödie in vier Akten”, 1829) – одно из наиболее далёких от «канона» народных книг произведение на фаустовскую тему. О Фаусте и Дон Жуане писали И.В. Гёте, лорд Байрон, В.А. Жуковский, В.М. Жирмунский, А.А. Аникст, М.А. Аникст, И.О. Шайтанов и др.

В зарубежном литературоведении Х.Д. Граббе не был первым, кто решил сопоставить в своём творчестве двух известных героев мировой литературы. Мотив гибели души в сочетании с проблемой нравственного выбора человека сделал возможным сближение образов Дон Жуана и Фауста, и к моменту написания пьесы Граббе данная попытка уже не раз предпринималась.

Например, к теме сходства Фауста и Дон Жуана обращался немецкий поэт и историк литературы Франц Хорн (Frenz Horn): «Фауст и Дон Жуан – вершины современной христианской поэтической мифологии»¹»² (“Faust und Don Juan sind die Gipfel der modernen christlich poetischen Mythologie” [4, с. 322]). По мнению исследователя, оба мифа, благодаря некой универсальности их романтических составляющих, получили доступ к культурному пространству большинства наций, однако именно за немцами было закреплено право наиболее полно их «представлять». Гётевский «Фауст» и моцартовский «Дон Жуан», как отмечает Ф. Хорн, занимают слишком высокую ступень, что позволило им обрести свою заслуженную нишу именно в Германии.

Немецкий философ и писатель Карл Розенкранц (Karl Rosenkranz) также занимался данной проблематикой. В своей книге “Ueber Calderon’s Tragödie vom wunderthätigen Magus: Ein Beitrag zum Verständniß der Faustischen Fabel”³ (1829) исследователь подчеркивал, что Дон Жуан олицетворяет собой по большей части дух романских народов, Фауст же – раздираемую противоречиями душу германского народа: «Таким образом, связи обоих характеров друг с другом возникают сами по себе, как нечто само собой разумеющееся» (“So ergibt

sich die Beziehung beider Charaktere auf einander von selbst” [5, с. 5]). Рядом с Фаустом, посеявшим раздор между верой и жизнью через стремление к знанию и наивысшему наслаждению, стоит полумифическая фигура Дон Жуана, примиряющая атеистически настроенного человека с жизнью без веры. По мнению К. Розенкранца, и Фауст, и Дон Жуан – «личности, которые способны быть самодостаточными, лишь исчерпав себя полностью, и, живя в сознательном отдалении от всего сущего, извлекают из своей хаотичной памяти больше тёмных, чем светлых сторон...» (“Daß Charaktere, welche nur im Erschöpfenden sich genügen können, welche mit Allem, was ist, in bewußtem Bruch leben, welchen aus dem chaotischen Gewühl ihres Bewußtseins mehr dunkle als helle Punkte entgegenblicken...” [5, с. 75–76]). Размышляя над сопоставлением главных героев в трагедии Граббе «Дон Жуан и Фауст», Карл Розенкранц отмечал, что автор *объединил*⁴ в своей трагедии указанных персонажей. Действительно, судьба каждого из них в какой-то степени схожа с участием другого, однако, хотя пьеса и заканчивается смертью обоих, герои приходят к концу земного пути по-разному.

Своего рода косвенным комментарием к трагедии Х.Д. Граббе может служить эссе⁵ датского философа Сёрена Кьеркегора в его книге «Или – или» (Søren Kierkegaard, “Enten-Eller”, 1843) о «Дон Жуане» В.А. Моцарта. В данной работе отчётливо прослеживается романтическое толкование образа Дон Жуана в сопоставлении с образом Фауста. Оба героя являются носителями демонического начала, но если Дон Жуан олицетворяет собой демонизм чувственного наслаждения, то Фауст – демонизм разума; оба героя вступают в противостояние с Небесами, но используют при этом разные средства. Если *Фауст* с его интеллектуализмом принадлежит миру *слова*, то *Дон Жуан* – это воплощение абсолютной чувственности, порождение духа *музыки* (именно поэтому, кстати, лучшим и единственно великим Кьеркегор считал именно моцартовского Дон Жуана: «...Моцарт – это величайший из всех классических композиторов, а его «Дон Жуан» за-

служивает самой высокой оценки среди всех классических произведений искусства» [2, с. 91].

Симпатии С. Кьеркегора, безусловно, на стороне Дон Жуана, так как последний являет собой личность более естественную и непосредственную, чем Фауст: натуру, способную покорять одной лишь силой чувственного наслаждения. Фауст же, по Кьеркегору, одерживает свои победы при помощи лжи – следовательно, он лишён обольстительности Дон Жуана, и отношение читателя к нему будет менее благосклонным.

«Гётевский “Фауст”, – утверждает Сёрен Кьеркегор, – это, конечно же, истинно классическое произведение, но идея его – идея историческая, а потому всякая историческая эпоха будет иметь своего “Фауста”. Средой “Фауста” является язык, а поскольку слова всегда остаются куда более конкретным средством, отсюда следует, что можно помыслить о существовании нескольких схожих по содержанию работ⁶. Напротив, «Дон Жуан» всегда был и останется единственным в своём роде, подобно классическим произведениям греческих скульпторов» [2, с. 83–84]. В «Несущественном введении» Кьеркегор неоднократно упоминает гётевского «Фауста» как наиболее значимого и художественно полноценного и именно его выбирает антиподом Дон Жуану.

Исходя из концепции автора эссе, часть характеристик, которые даёт гётевскому Фаусту Кьеркегор, вполне могут быть отнесены и к другим Фаустам, в частности к Фаусту Х.Д. Граббе, чью трагедию «Дон Жуан и Фауст», основанную «на понятии зла», С. Кьеркегор считал «во многих отношениях гениальной» [2, с. 175].

Новаторство Х.Д. Граббе проявилось в том, что в своём произведении он сделал Фауста и Дон Жуана *сюжетными соперниками и драматургическими противниками* – иными словами, решил показать, каким образом можно сравнить этих двух героев по-новому, а именно через их противопоставление. В тексте трагедии неоднократно подчёркивается, что Фауст – германец, а Дон Жуан – испанский гранд. У Граббе *немецкая любовь к порядку, стремление к систематизации мыслей и поступков, порой даже нарочитая медлительность и «правильность», то есть статика (слово) приходит в конфликт с романской, латинской (в данном случае – испанской) динамикой (музыкой): беззаботностью и «хаосом», жизнелюбием, бессистемностью, «неправильностью» и любовью к импровизации. Таким образом, друг другу противостоят уже не только два персонажа и два противоположных начала, но и две разные культуры, что выводит трагедию Граббе на совершенно другой уровень.*

Из двух главных героев у Х.Д. Граббе «первостепенным» является Дон Жуан: его мы наблюдаем на протяжении всего действия (Фауст появляется

лишь во второй сцене первого акта); кроме того, именно он поставлен автором первым в названии трагедии: «Дон Жуан и Фауст», а не «Фауст и Дон Жуан». Однако необходимо отметить, что при отсутствии в трагедии такого персонажа, как Фауст, характер Дон Жуана был бы неполным. Фауст играет в пьесе Граббе роль двойника-антипода Дон Жуана – поскольку Дон Жуан является противоположностью Фауста, при его отсутствии в трагедии характер последнего был бы неполным.

У обоих персонажей легко обнаружить черты, присущие романтическому герою. Так, для личности Фауста характерны богоборчество, недовольство мировым порядком, конфликт человека и общества, неудовлетворённость собственной жизнью, а для Дон Жуана – непримиримость и восторг перед буйством природы. Безусловно, конфликт «человек – общество» мы можем наблюдать и в случае с Дон Жуаном (в доказательство можно привести разговор с начальником полиции, а также реплики Дон Жуана о доне Гусмане), хотя здесь он проявляется не так ярко, как в случае с Фаустом, который намеренно отделяет себя от людей, рассуждая о себе как о сверхчеловеке:

...Ich bin Faust⁷, der himmelstürmende
Gigante, bin es, den die Schrecknisse
Der Unterwelt umkleiden...» [3, с. 95]

(«...Я – Фауст, штурмующий небо / Исполн, я тот, которого ужасы / Преисподней окружают...»)⁸.

То же можно сказать и о мотиве богоборчества, который в словах Фауста звучит более явно, чем у Дон Жуана:

...Nicht schmeicheln, beugen
(Selbst vor Gott nicht) kann ich... [3, с. 98]

(«...Льстить, склоняться / (Даже перед Богом) я не могу...»)⁹;

...doch glaube,
So klein der Mensch ist, größer ist er als
Die Welt... [3, с. 77]

(«...всё же верю, / Как ни мал человек, он больше, чем / Мир...»)¹⁰;

...urgeborene Kraft,
Glut bis zum Firmament erregt er mir –
Mit ihr trotz ich Gott, Satan und mir selbst... [3, с. 78]

(«...прарождённая сила, / Жар до небосвода всколыхнул во мне – / С ними пойду я против Бога, сатаны и самого себя...»)¹¹.

В то же время восхищение буйством природы, которым изобилуют реплики Дон Жуана (его рассуждения о безднах и горных вершинах, о величии бури и грозы, о красоте молний и др.), довольно трудно найти в словах Фауста.

Разочаровавшись в устройстве мира и желая изменить участь человека, даровав ему Знание, Фауст сам делает свой выбор, заключая договор с дьяволом. Его первый монолог напоминает монолог графа Манфреда из одноимённой драматической поэмы Дж.Г. Байрона (George Gordon Byron,

“Manfred. A Dramatic Poem”, 1816–1817) – с рефреном повторяющейся одной и той же фразой в разных вариациях, общий смысл которой: “But this avail’d not” («Но это не помогло»). По мере развития сюжета фигура Фауста обретает всё более мрачные очертания: буквально «по мановению руки» умертвив собственную жену, чародей убивает и Донну Анну, таким образом присваивая себе право вершить судьбы других (то есть Фауст приравнивает себя к Богу).

В этой связи особого внимания заслуживает финал трагедии Граббе. С точки зрения эстетики романтизма, смерть романтического героя – это победа, поскольку она очищает и освобождает человека. Это победа над миром, над земной оболочкой, которая только сковывает человеческий дух; это разбитые оковы жизни.

Дон Жуан отказывается от покаяния, тем самым отдавая свою душу на вечные муки. Тем не менее Граббе неоднократно показывает его сомнения и страх: “Der will kommen! – Lustig! – Seltsam!” [3, с. 91] («Он хочет прийти! – Смешно! – Странно!»)¹²; “...Ich stürz / Zu Boden!...” [3, с. 113] («...Я падаю / На землю!...»)¹³; “Die Hand! die Hand! – Doch bin ich nicht in Rom?...” [3, с. 113] («Руку! руку! – Разве я не в Риме?...»)¹⁴ и т. п. – и тем самым, даже несмотря на некую финальную «бравату» (“Noch jetzt ruf ich, als letztes Wort auf Erden: / „König und Ruhm und Vaterland und Liebe!”” [3, с. 116] («Даже теперь я выкрикну, как последнее слово на земле: “Король, и слава, и отечество, и любовь!”»)¹⁵, несколько снижает образ бесстрашного бунтаря.

Фауст, осознав весь ужас собственных поступков и идей, решает добровольно отдать себя аду, но как истинно романтический герой перед смертью бросает Рыцарю вызов, утверждая, что будет продолжать борьбу и дальше:

Trotzend
Stürz ich in deine Arme – Wisse aber:
Wenn ich ein ew’ges Wesen bin, so ring
Ich auch mit dir von Ewigkeit
Zu Ewigkeit, und möglich, daß ich siege,
Dich nochmals tretend, wie ich schon getan!

[3, с. 108–109]

(«Упорствующий, / Падаю я в твои руки – однако знай: / Если я сущность вечная, то *бороться* / С тобой я буду тоже *вечно*, / И возможно, что я *выйду победителем*, / Снова низвергну тебя передо мною во прах, как я уже делал!»)¹⁶. Вместе с тем и его смерть нельзя в полной мере назвать победой, поскольку сама кончина его несколько «снижена»: Фауст умирает от рук задушившего его Рыцаря.

Признаем, что романтическое осознание величия смерти как победы над миром у Граббе всё же присутствует, но возникает оно в результате смертей *обоих* романтических героев.

В финале трагедии «Дон Жуан и Фауст» явственно проступает стремление Х.Д. Граббе предложить собственную романтическую трактовку образа Фа-

уста, главная особенность которой заключается в том, что его герой может полноценно существовать только в «связке» со своим двойником-антиподом.

Подводя итог сказанному выше, отметим, что образ романтического героя пьесы вбирает черты *обоих* персонажей – Дон Жуана и Фауста, и сюжет трагедии Х.Д. Граббе построен на конфликте двух противоположных начал.

Примечания

¹ Ср. с высказываниями о мифологии у Ф. Шеллинга в его работе «Философия искусства».

² Здесь и далее, если не указано иное, дословный перевод выполнен автором статьи.

³ Книга не переведена на русский язык, кроме того, в изданиях разных лет заглавия книги могут различаться. Мы будем опираться на следующее издание: Halle und Leipzig, 1829. Дословно название книги можно перевести как «О кальдероновской трагедии о волшебном маге: вклад в понимание фаустовского сюжета» (речь идёт о философской драме Кальдерона «Волшебный маг» (исп. “El mágico prodigioso”), 1635).

⁴ Здесь и далее, если не указано иное, курсив автора статьи.

⁵ *Кьеркегор С.* Непосредственные стадии эротического, или Музыкально-эротическое несущественное введение (точная дата окончания эссе указана в Дневниках (см.: Пар III В 172.4): 13 июня 1842 года).

⁶ Исходя из этого утверждения, «Дон Жуан и Фауст» Х.Д. Граббе вполне может быть рассмотрен как раз в качестве одной из таких работ.

⁷ Здесь и далее разреженный шрифт используется в соответствии с оригиналом текста. В дословном переводе разреженный шрифт заменён курсивом.

⁸ Ср. в переводе Н.А. Холодковского: «Я – Фауст, я гигант, который небо / стремится покорить; титан могучий, / который всеми прелестями ада / украшен...» [1, с. 250].

⁹ В переводе Н.А. Холодковского: «...Склоняться с лестью / пред Небом даже не могу я...» [1, с. 252].

¹⁰ В переводе Н.А. Холодковского: «...и все же / я думаю: как человек ни мал, / он больше мира...» [1, с. 233].

¹¹ В переводе Н.А. Холодковского: «...проснулася таинственная сила / души моей, – и с ней восстану я / на мрачный ад, на небо, на себя!» [1, с. 234].

¹² В переводе Н.А. Холодковского: «...он придет! Забавно... странно...» [1, с. 246].

¹³ В переводе Н.А. Холодковского: «...Немеют ноги / От ужаса...» [1, с. 265].

¹⁴ В переводе Н.А. Холодковского: «Дать руку, руку... Разве я не в Риме?...» [1, с. 265].

¹⁵ В переводе Н.А. Холодковского: «В последний раз воскликну на земле: / “Король, любовь, отечество и слава!”» [1, с. 268].

¹⁶ В переводе Н.А. Холодковского: «С угрозой / Бросаюсь я в твои объятия... знай: / Коль вечен я, то и бороться буду / С тобой весь век, и, если победить / Удастся мне, рабом ты будешь снова!» [1, с. 261].

Библиографический список

1. *Граббе Х.Д.* Дон Жуан и Фауст / пер. Холодковского // Век. – 1882. – № 1. – С. 172–268.
2. *Кьеркегор С.* Или – или. Фрагмент из жизни: в 2 ч. / пер. с датского Н. Исаевой, С. Исаева. – СПб.: РХГА: Амфора, 2011. – 823 с.
3. *Grabbe Ch.D.* Don Juan und Faust: Eine Tragödie in vier Akten // Grabbes Werke: in zwei Bänden. Bd. 2. – Berlin und Weimar: Bibliothek Deutscher Klassiker, 1987. – S. 5–116.
4. *Horn F.C.* Andeutungen für Freunde der Poesie, von Franz Horn. Ein Anhang zu dem Taschenbuche: Luna. 1804 / Luna, ein Taschenbuch auf das Jahr 1805 / hrsg. v. Franz Horn. – Leipzig, 1805.

5. *Rosenkranz K.* Ueber Calderon's Tragödie vom wunderthätigen Magus: Ein Beitrag zum Verständniß der Faustischen Fabel. – Halle und Leipzig, 1829.

References

1. Grabbe H.D. Don ZHuan i Faust / per. Holodkovskogo // Vek. – 1882. – № 1. – S. 172–268.
2. K'erkegor S. Ili – ili. Fragment iz zhizni: v 2 ch. / per. s datskogo N. Isaevoy, S. Isaeva. – SPb.: RHGA: Amfora, 2011. – 823 s.
3. Grabbe Ch.D. Don Juan und Faust: Eine Tragödie in vier Akten // Grabbes Werke: in zwei Bänden. Bd. 2. – Berlin und Weimar: Bibliothek Deutscher Klassiker, 1987. – S. 5–116.
4. Horn F.C. Andeutungen für Freunde der Poesie, von Franz Horn. Ein Anhang zu dem Taschenbuche: Luna. 1804 / Luna, ein Taschenbuch auf das Jahr 1805 / hrsg. v. Franz Horn. – Leipzig, 1805.
5. Rosenkranz K. Ueber Calderon's Tragödie vom wunderthätigen Magus: Ein Beitrag zum Verständniß der Faustischen Fabel. – Halle und Leipzig, 1829.

РАЗ, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ – ВЫХОДИ МЕНЯ ИСКАТЬ. СЧИТАЛКИ В ДЕТЕКТИВАХ АГАТЫ КРИСТИ

Статья посвящена анализу роли претекста детских считалок в детективных романах Агаты Кристи. Методами герменевтического и компаративного анализа исследуются три произведения: «Десять негрятят» (1939), «Раз, два – пряжку застегни» (1940) и «Хикори Дикори Док» (1955). Автор приходит к выводу, что А. Кристи вводит в свои произведения различные варианты использования фольклорных считалок в качестве претекста: считалка может отражать логику совершения преступлений («Десять негрятят»), логику их расследования («Раз, два – пряжку застегни») или обманывать ожидания читателя, хорошо знакомого с формулой построения текста этой писательницы («Хикори Дикори Док»). Считалка может быть использована как подсказка для расследования преступлений читателем. Претекст получает в контексте романов новое смысловое наполнение, часто связанное с морально-этическими аспектами рассказываемой истории.

Ключевые слова: формульная литература, детектив, претекст, интертекст, английский детский фольклор, считалки, творчество А. Кристи.

Будучи жанром так называемой «формульной литературы» [8], детектив не блещет разнообразием ни в сюжете, ни в системе образов, ни в композиции. Формульная природа детектива, с одной стороны, позволяет ему процветать в качестве жанра массовой литературы, но, с другой стороны, ставит перед автором детективов, претендующим хотя бы на статус беллетриста, проблему: каким образом можно создать достаточно оригинальный текст, не искажая формулу жанра до неузнаваемости? Популярность многочисленных произведений Агаты Кристи, написанных в детективном жанре, во многом объясняется тем, что писательница не боялась экспериментировать и нарушать некоторые правила построения детектива. Одним из фирменных приемов этого автора является использование в произведениях претекста, взятого из фольклора или классической литературы. Успех А. Кристи среди поклонников детективного жанра сыграл злую шутку с ее литературной репутацией: ее творчество не привлекало внимания литературоведов. В тех же редких случаях, когда произведения писательницы становились предметом серьезного литературоведческого анализа, интертекст объявлялся способом развлечь читателей, причем не всегда удачно реализованным. Такое мнение высказывалось, например, Р. Барнардом, который отдавал должное удачному использованию этого приема в «Десяти негрятях», но резко негативно отзывался о его уместности в более поздних текстах, например в «Хикори Дикори Док» [1, с. 95]. Попытка глубокого исследования роли прецедентных текстов в детективах А. Кристи была предпринята Г.А. Завьяловой. В своем диссертационном исследовании [7], выполненном в рамках лингвокультурологического подхода, она анализирует некоторые романы А. Кристи (в том числе «Десять негрятят» и «Раз, два – пряжку застегни») методом когнитивно-дискурсивного анализа. Исследовательница, будучи лингвистом,

ограничивается рассмотрением функционирования разных типов прецедентных текстов в детективном дискурсе, игнорируя особенности жанра считалки, авторскую интерпретацию считалок и дополнительные коннотации, которые претекст получает внутри детектива.

В данной статье методами герменевтического и компаративного анализа рассматриваются детективы Агаты Кристи, в которых используются именно английские детские считалки.

Считалка – жанр детского фольклора, ритмично произносимый стишок, в результате которого определяются места участников в детских играх; в тексте обязательно упоминаются числа и ограничивается число персонажей. Видимо, именно это наряду с заданностью характера действий и предсказуемостью финала (целью считалки является выбор водящего) навело Агату Кристи на мысль о том, что формульность считалки в чем-то сродни формульности детектива. В 1939 году был написан знаменитый роман, известный русскому читателю под названием «Десять негрятят», за ним последовали менее успешные с коммерческой точки зрения тексты: «Раз, два – пряжку застегни» (1940) и «Хикори Дикори Док» (1955).

Автор не делала попыток запутать читателя: на использование претекста указывали сами названия ее детективов, и, поскольку все эти считалки являются для носителей английского языка прецедентными текстами, не могло быть никаких сомнений, что претекст будет узнан. Как правило, использовалась первая строчка: «Раз, два – пряжку застегни» («One, Two, Buckle My Shoe»), «Хикори Дикори Док» («Hickory Dickory Dock»). Интересная история произошла с заглавием романа «Десять негрятят» («Ten Little Niggers»): оно было изменено самим автором в конце 1939 года по соображениям политической корректности. Роман должен был выйти в США, где слово «nigger» имело негативную коннотацию, поэтому писательница в тексте

поменяла негрят на индейцев, а в заглавие вынесла последние слова считалки: «And Then There Were None» («И никого не стало») [4, с. 393]. Считалка организовывала сюжет произведения, поэтому терять этот претекст в названии было никак нельзя. Смена названия некоторым образом влияла на восприятие текста: в первоначальном варианте задавалось количество жертв, а в итоговом на первый план выводилась идея отсутствия выживших.

Именно в этом романе А. Кристи нашла для себя и формулу введения претекста считалки в детектив: название, затем на первой же странице упоминается Негритянский остров, который становится лейтмотивом в размышлениях приглашенных туда людей. Чуть ниже объясняется, почему он получил такое название («*Остров назвали так потому, что его очертания напоминают профиль человека с вывороченными губами*») [9]. Во второй главе читателю предьявляется сам претекст – он висит в каждой спальне, и гости острова обращают внимание на эту деталь как на проявление эксцентричности их таинственного хозяина.

В третьей главе герои замечают фарфоровые фигурки негрят из считалки на обеденном столе – так образы негрят получают визуальное воплощение. В финале четвертой главы гибель Антони Марстона описывается в тех же выражениях, что и смерть первого негрятенка («*Антони поперхнулся – Один вдруг поперхнулся*») [9]. Герои романа пока не замечают, что это неслучайное совпадение, но внимательный читатель не может игнорировать прозрачный намек. В пятой главе даже герои замечают сходство между текстом считалки и гибелью первого человека на острове. Тем самым А. Кристи уже в открытую дает понять читателю, что между считалкой, фарфоровыми фигурками и убийствами существует связь.

В шестой главе описывается смерть миссис Роджерс, а ее муж опять обращает внимание на исчезновение еще одной фарфоровой фигурки и сообщает об этом доктору Армстронгу. Кажется, что теперь все герои произведения должны сообразить, что к чему. И верно, в седьмой главе Армстронг в беседе с Филиппом Ломбардом открыто заявляет о том, что на острове происходят убийства, способ совершения которых подсказан текстом считалки. Кажется, что автор выложила на стол все карты, но, когда в девятой главе умирает генерал Макартур, а со стола исчезает еще одна фарфоровая фигурка, герои произведения не вспоминают считалку, да и автор не стремится в данном случае заострять внимания на претексте: может быть потому, что способ убийства имеет очень опосредованное отношение к тексту считалки («*Восемь негрят в Девон ушли потом, // Один не возвратился, остались всемером*») [9]. Генерал погиб вдали от остальных героев на берегу моря (графство Девон находится на юго-западе Англии

и славится своими морскими курортами), причиной смерти стал удар чем-то тяжелым по затылку. Эта третья смерть на острове уже не может быть списана на самоубийство, и оставшиеся в живых начинают пытаться отыскать убийцу, быстро приходя (с подачи судьи Уоргрейва) к мысли о том, что таинственный мистер А.Н. Оним, заманивший всех на остров, один из них.

Следующее убийство примечательно тем, что сначала герои замечают отсутствие еще одного фарфорового негрятенка и только затем находят тело Роджерса. К этому моменту они уже могут использовать текст считалки как подсказку для поиска жертвы и даже «прогнозировать» способ совершения следующего убийства. Вера Клейторн в истерике кричит: «*Я эту считалку наизусть знаю. И следующий куплет: “Шесть негрят пошли на пасаку гулять”, поэтому я и спрашиваю, есть ли на острове пасака*» [9]. В дальнейшем после каждого убийства оставшиеся в живых герои будут устанавливать связь обстоятельств смерти с текстом считалки, а в финале Вера совершит самоубийство именно таким способом, как описано в считалке.

Странно, что прибывшая на остров полиция не обратила никакого внимания на соответствие преступлений тексту считалки и не попыталась раскрыть дело, опираясь на этот «сценарий», хотя, по мнению самого преступника, именно этот текст содержит ключ к разгадке тайны («*Причиной смерти Армстронга послужила “приманка”, на которую он попался... Иными словами, в считалке ясно сказано, что смерть Армстронга связана с каким-то обманом. Уже одно это могло бы послужить толчком к разгадке*») [9]. Идеальное убийство, спланированное по сценарию считалки, так и не было раскрыто.

Итак, в «Десяти негрятях» А. Кристи вывела для себя формулу использования претекста считалки в детективе: упоминание в названии, затем использование образа из считалки в качестве лейтмотива (негрятя и Негритянский остров), предьявление самого претекста, визуализация его через фарфоровые фигурки и соотнесение преступлений со строчками считалки. Текст считалки выполняет суггестивную функцию: он помогает направить героев (и читателей!) по ложному следу: как в считалке водящим должен стать последний, на ком остановится счет, так и несчастные жертвы были уверены, что последний, оставшийся в живых, и есть таинственный мистер А.Н. Оним. Так комфортное узнавание претекста и уверенность читателя в том, что он хорошо знает принципы построения и функции детской считалки, помогли королеве детектива, соблюдая принцип честной игры, сохранить интригу до конца.

Успех «Десяти негрят» побудил А. Кристи вновь обратиться к данному приему, но она внесла

в формулу использования считалки в тексте некоторые изменения. Интересно, что в обоих последующих романах, в которых используются английские считалки, сыщиком выступает бельгийский эмигрант Эркуль Пуаро, выросший во франкоязычной культурной среде и приехавший в Великобританию взрослым человеком. Тем не менее он оказывается настоящим знатоком английского детского фольклора и вспоминает считалку, давшую название произведению.

Роман «Раз, два – пряжку застегни», написанный всего через год после «Десяти негрят», но вышедший в свет и под другими заглавиями («Патриотические убийства» и «Передозировка смерти»), опирается на текст довольно бессмысленной английской считалки. А. Кристи вновь выносит первую строчку в заглавие романа, и образ расстегнувшейся пряжки становится в тексте лейтмотивом: обратив внимание на женщину, едва не потерявшую пряжку туфли при выходе из машины, Эркуль Пуаро вспоминает об этом эпизоде еще не раз. Именно туфли с приметными пряжками становятся главной уликой при опознании трупа и раскрытии нескольких преступлений. Но на этом использование претекста в данном романе не исчерпывается, хотя из всех персонажей только Эркюлю Пуаро дано увидеть связь происходящих событий с текстом считалки.

Каждая из десяти глав романа «Раз, два – пряжку застегни» получает название по соответствующей строчке считалки, а образ, заявленный в строчке, так или иначе повторяется в главе. К сожалению, поэтический перевод считалки на русский язык очень неточный, поэтому приведенные ниже параллели ускользают от внимания русскоязычного читателя (названия глав даются ниже в подстрочном переводе), но для знакомящихся с текстом в оригинале они очевидны.

О пряжке, появляющейся в первой главе, уже сказано выше, во второй главе («Три, четыре – захлопни дверь») примечательна финальная фраза, в которой описывается реакция Пуаро на сообщение о внезапной смерти главного свидетеля («На Пуаро это произвело впечатление плотно захлопнувшейся двери») [10]. Пока еще сам герой не осознает этой связи, поэтому А. Кристи использует прием несобственно-прямой речи.

Название третьей главы («Пять, шесть – собери палочки») обыгрывается в сцене, когда знаменитый детектив наблюдает за строящей гнездо птицей и сравнивает с ней себя: птица собирает палочки, он – показания свидетелей и подозреваемых. Размышления Пуаро завершаются тем, что он берет шляпу и палку (трость), отправляясь навестить одного из свидетелей («Then he got up, called for his hat and stick and went out») [2, с. 139]. Образ палки-трости получает уже не метафорическое, но реальное воплощение – частый у А. Кристи прием визуализации

образов претекста через предметную детализацию (см. упомянутую ранее пряжку туфли).

В главе четвертой («Семь, восемь – положи их прямо») сравнение Пуаро со строящей гнездо птицей становится развернутым и герой впервые рефлексировать над приходящими ему в голову строчками считалки: «Пять, шесть – собери палочки»... Он уже собрал их, причем довольно много... Остается следующий шаг – положить их прямо» [10]. Таким образом, претекст считалки начинает осознаваться не только читателями, но и персонажем.

В пятой главе («Девять, десять – хорошая толстая курица») с курицей сравнивается миссис Оливера (Пуаро показалось, что она и внешне смахивает на курицу – большую жирную хохлатку) [10].

Шестая глава («Одиннадцать, двенадцать – люди должны рыть») приносит Пуаро открытие, что один из свидетелей первого убийства, Фрэнк Картер, трудится в качестве садовника у крупного политика и бизнесмена Алистера Бланта, а чуть позже Фрэнк становится главным подозреваемым в покушении на своего работодателя. В финале главы Пуаро вместе с домочадцами Бланта присутствует на службе в сельской церкви. В гимнах, исполняемых прихожанами, внимание детектива привлекает образ ямы, вырытой гордыней для того, чтобы поймать праведника. Пуаро осеняет мысль о том, что все происходящее – ловушка, в которую он едва не попался, а ее цель – направить расследование по ложному пути. Образ роющего яму человека в считалке из буквального (Фрэнк Картер) становится метафорическим.

Глава седьмая («Тринадцать, четырнадцать – девушки кокетничают (за девушками ухаживают)») содержит сцену разговора Пуаро с Джейн Оливера и ее женихом, в которой сыщик цитирует эту строчку из считалки. Параллели между событиями, происходящими в романе, и строчками считалки известны теперь не только главному герою, но на остальных персонажей это не производит никакого впечатления.

Восьмая глава («Пятнадцать, шестнадцать – девушки на кухне») открывается сценой беседы Пуаро с новым, очень важным свидетелем – Агнес Флетчер, горничной убитого дантиста, утверждающей, что видела Фрэнка Картера заходящим в кабинет хозяина в день смерти последнего. Она не решилась рассказать об увиденном полиции, но, по совету своей подруги-кухарки (девушки на кухне!), набралась смелости сообщить об этом Пуаро.

В главе девятой («Семнадцать, восемнадцать – девушки в ожидании») раскрываются все карты, и Пуаро рассказывает Алистеру Бланту, как и почему тот пошел на эти преступления. Параллель со строчкой из считалки здесь не вполне ясна: с одной стороны, преступник находится в томительном ожидании как объяснений сыщи-

ка, так и его снисхождения, настаивая на том, что он – великий политик и нужен стране, а убитые им люди – преступники (шантажист Амбриотис) или ничем не примечательные личности (мисс Сил и дантист Морли). С другой стороны, в финале главы у выхода из библиотеки, где происходит беседа Пуаро с Блантом, сыщика ждет девушка – Джейн Оливера. Именно она и ее жених первыми узнают об аресте банкира по обвинению в тройном убийстве и отказе Пуаро помочь последнему избежать правосудия. Обращаясь к молодой паре, детектив надеется, что новое поколение окажется морально выше политиков типа Бланта.

Очень короткая десятая глава («*Девятнадцать, двадцать – моя тарелка пуста*») оставляет у читателя ощущение, что она необходима прежде всего для соблюдения установленных писательницей правил игры: количество глав в романе должно соответствовать количеству строк считалки. Текст главы представляет собой описание случайной встречи Пуаро с мистером Барнсом: они обсуждают только что раскрытое дело. Барнс признается, что непреднамеренно увел сыщика в сторону, будучи уверенным, что преступник на самом деле охотится на Бланта. В финале опять возникает вопрос о моральной оценке преступлений и того, кто их совершил. Пуаро выражает уверенность в том, что человек, имеющий власть, должен быть морально безупречен, а убийц нужно карать, невзирая на лица. В последней строчке считалки, которую цитирует Пуаро, – «*Моя тарелка пуста*» – звучит идея отсутствия у сыщика корыстных мотивов в осуждении или оправдании преступника: настоящий детектив действует в интересах истины. Так бессмысленная детская считалка, построенная на рифмовке цифр и случайных слов, под пером Агаты Кристи обретает смысл, а ее последняя строчка становится почти девизом для самого знаменитого героя писательницы.

Поскольку роман «Раз, два – пряжку застегни» не повторил успеха «Десяти негрятя», Агата Кристи отказалась от использования считалок в качестве претекста и вернулась к этому приему только в 1955 году. К этому моменту использование детского фольклора в названиях и сюжетах детективов уже стало ее фирменным знаком, и читатели привыкли к тому, что заглавие будет обязательно обыграно в тексте. Название ее нового детектива – «Хикори Дикори Док» – отсылает к коротенькому стишку:

*Hickory, dickory, dock.
The mouse ran up the clock.
The clock struck one,
The mouse ran down,
Hickory, dickory, dock* [3].

*Хикори-дикори-док!
Мышь на будильник – скок!
Будильник: «Бим-бом!»
Мышка – бегом!
Хикори-дикори-док!* [11].

Бессмысленная строчка, начинающая и заканчивающая текст, – свидетельство того, что первоначально это было считалка: слова *Hickory, dickory, dock* восходят к кельтской системе счета, использовавшейся на севере Англии для подсчета овец вплоть до начала XIX века, и переводятся как «восемь, девять, десять» [5, с. 185–186].

Желая обмануть ожидания читателей, уже привыкших к определенной формуле построения ее детективов, Агата Кристи не стала на сей раз связывать с текстом считалки ни последовательность совершаемых преступлений, ни ход расследования или поиск улики. Хотя в первой же главе заявляется связь названия и сюжета произведения: мисс Лемон, секретарша Пуаро, рассказывает о странной серии краж в студенческом пансионе, где экономкой работает ее сестра: «*Пансионат находится в старом доходном доме на Хикори-роуд. Вы, наверное, знаете. Однако Пуаро не слышал о такой улице*» [11]. Таким образом, название улицы не вызывает у Пуаро никаких ассоциаций со считалкой, и долгое время претекст никак не обыгрывается в романе. Но для внимательного и знакомого с принципами построения детективов Агаты Кристи читателя в ее текстах не бывает ничего случайного: образно выражаясь, раз ружье висит на стене, оно обязательно должно выстрелить. Как мы уже знаем, считалка в романах Агаты Кристи отражает либо логику преступника (сценарий преступлений), либо логику сыщика (расследование и нахождение улики). Шестнадцатая глава романа начинается с того, что один из персонажей, Найджел Чепмен, цитирует считалку, при этом переделывая вторую часть, которая начинает звучать как намек на описываемые в романе события:

"Hickory, Dickory, Dock," said Nigel, "the mouse ran up the clock. The police said 'Boo.' I wonder who, will eventually stand in the Dock?" [3]. В русском переводе: «*Хикори-дикори-док! Кто же получит свой срок? Полиция – в дом. Студенты – бегом. Хикори-дикори-док! – продекламировал Найджел*» [11].

Хотя к этому моменту ни у Пуаро, ни у полиции против Найджела нет никаких улик, осведомленность героя о связи происходящего с претекстом для внимательного читателя должна выглядеть очень подозрительно. И действительно, уже в двадцатой главе выясняется, что этот по-детски непосредственный юноша – жестокий убийца четырех женщин (при этом первой жертвой стала его собственная мать). Восстановив справедливость и отправив Найджела за решетку, в последних строчках романа Эркюль Пуаро восстанавливает и первоначальный текст считалки: *The clock behind him struck one. "The clock struck one, The mouse ran down, Hickory dickory dock," declared Hercule Poirot. "I beg your pardon, Mr. Poirot?" "Nothing," said Hercule Poirot* [3]. Последняя фраза сыщика – квинтэссенция роли претекста в данном романе: считалка, на ко-

торую возлагались такие надежды, так и не выстрелила, вернее, выстрелила, но совсем не так, как ожидалось: ожидаемых четких параллелей между текстом считалки и событиями детектива не появилось, хотя считалка была известна и сыщику, и преступнику. Система образов претекста (цифры, мышь, часы) не была использована в тексте. Королева детектива, известная своей любовью к нарушениям детективного канона, обманула ожидания читателя, уверенного в том, что он хорошо знает формулу построения ее детективов.

Итак, Агата Кристи в своих произведениях создает формулу использования фольклорных считалок в качестве претекста. Считалка организует сюжет детектива: она может отражать логику совершения преступлений, логику их расследования или обманывать ожидания читателя, хорошо знакомого с формулой построения текста этой писательницы. Считалка может быть использована и как подсказка для расследования преступлений внимательным читателем, то есть воплощать принцип «честной игры». Кроме того, текст считалки получает в контексте романов новое смысловое наполнение, часто связанное с морально-этическими аспектами рассказываемой истории: «негритята» сами являются преступниками и смерть – наказание за их грехи; пуста тарелка (и карман!) честно выполнившего свою работу сыщика; искаженный преступником текст считалки нужно восстановить, подобно тому, как восстановлен порядок в пансионе на Хикори-роуд. И, хотя произведения Агаты Кристи не претендуют более чем на беллетристичность, можно с уверенностью говорить о том, что ее романы – это блестящий пример интертекстуальности и игры с читателем, дающий право говорить об использовании писательницей принципов постмодернизма в тот момент, когда эти принципы только формировались.

Библиографический список

1. *Barnard R.* A talent to deceive: An Appreciation of Agatha Christie. – New York: Dodd, Mead and Company, 1980. – 211 p.
2. *Christie A.* One, Two, Buckle My Shoe. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 352 с.
3. *Christie A.* Hickory Dickory Dock [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/hickory-dickory-dock-read-68035-1.html> (дата обращения: 13.09.2018).
4. *Pendergast B.* Everyman's guide to the mysteries of Agatha Christie. – Victoria, BC: Trafford Publishing, 2004. – 446 p.
5. *The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes / Opie, I.; Opie, P.* Oxford: Oxford University Press, 1997. – 592 p.
6. *Вольский Н.Н.* Легкое чтение. Работы по теории и истории детективного жанра. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. – 287 с.

7. *Завьялова Г.А.* Особенности прецедентных феноменов в детективном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2014. – 185 с.

8. *Кавелти Дж.* Изучение литературных формул [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://refdb.ru/look/1260355.html> (дата обращения: 13.09.2018).

9. *Кристи А.* Десять негрятят / пер. Л. Беспаловой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/vypusk-1-tom-9-read-380346-1.html> (дата обращения: 13.09.2018).

10. *Кристи А.* Раз, два, пряжку застегни / пер. А.В. Соловьева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/raz-dva-pryazhku-zastegni-read-86140-1.html> (дата обращения: 13.09.2018).

11. *Кристи А.* Хикори Дикори Док / пер. Т. Шишовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.e-reading.club/bookreader.php/30782/Kristi_32_Hikori%2C_dikori%2C_dok....html (дата обращения: 13.09.2018).

References

1. *Barnard R.* A talent to deceive: An Appreciation of Agatha Christie. – New York: Dodd, Mead and Company, 1980. – 211 p.
2. *Christie A.* One, Two, Buckle My Shoe. – М.: Ajris-press, 2005. – 352 s.
3. *Christie A.* Hickory Dickory Dock [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.rulit.me/books/hickory-dickory-dock-read-68035-1.html> (data obrashcheniya: 13.09.2018).
4. *Pendergast B.* Everyman's guide to the mysteries of Agatha Christie. – Victoria, BC: Trafford Publishing, 2004. – 446 p.
5. *The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes / Opie, I.; Opie, P.* Oxford: Oxford University Press, 1997. – 592 p.
6. *Vol'skij N.N.* Legkoe chtenie. Raboty po teorii i istorii detektivnogo zhanra. – Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2006. – 287 s.
7. *Zav'yalova G.A.* Osobennosti precedentnyh fenomenov v detektivnom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk. – Kemerovo, 2014. – 185 s.
8. *Kavelti Dzh.* Izuchenie literaturnyh formul [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://refdb.ru/look/1260355.html> (data obrashcheniya: 13.09.2018).
9. *Kristi A.* Desyat' negrityat / per. L. Bepalovoj [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.rulit.me/books/vypusk-1-tom-9-read-380346-1.html> (data obrashcheniya: 13.09.2018).
10. *Kristi A.* Raz, dva, pryazhku zastegni / per. A.V. Solov'eva [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.rulit.me/books/raz-dva-pryazhku-zastegni-read-86140-1.html> (data obrashcheniya: 13.09.2018).
11. *Kristi A.* Hikori Dikori Dok / per. T. SHishovoj [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.e-reading.club/bookreader.php/30782/Kristi_32_Hikori%2C_dikori%2C_dok....html (data obrashcheniya: 13.09.2018).

Захарова Наталья Владимировна

кандидат филологических наук
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва

ДВИЖЕНИЕ ЗА ПРАВА ЖЕНЩИН И РОЖДЕНИЕ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ДЛЯ ЖЕНЩИН В КИТАЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ ЦИН

В статье рассматриваются вопросы, связанные с возникновением в Китае в начале XX в. нового социально-культурного явления – участия женщин в литературном процессе страны. Начавшееся движение за права женщин (女权) привело к тому, что традиционных для средневекового Китая поэтесс сменяют писательницы – авторы прозаических произведений. Основу движения заложили статьи о европейской эмансипации, опубликованные в издававшихся сначала в Японии, а затем в Китае журналах. В статье делается вывод о том, что вовлечение китаянок в литературный процесс происходило через их участие в периодических изданиях, ориентированных на женскую аудиторию. Основное внимание в статье автор концентрирует на творчестве Кан Ювэй, переводчицы и редактора газеты «Женское обучение», и поэтессы и публициста Цю Цзинь.

Ключевые слова: литературный процесс в Китае, движение за права женщин, периодические издания, эпоха поздней Цин.

Исследователи литературной жизни Китая первого десятилетия XX в. отмечают значимую для этого времени новацию – появление прозаических произведений, авторами которых выступают женщины. Китайки, обладавшие литературными талантами, – типичное для традиционной литературы Поднебесной явление, в истории которой сохранились имена многих известных поэтесс. Они создавали свои творения в различных поэтических жанрах, но вплоть до начала XX в. ограничивались только поэзией. Обращение к прозаическим жанрам связано с социальными переменами в Поднебесной, в первую очередь с возникновением движения за права женщин (*нюйцюань*) (女权).

Впервые термин *нюйцюань* появился в статье «Об общении мужчин и женщин» («论男女交际»), опубликованной в издававшемся китайскими эмигрантами в Японии журнале «Общественное мнение» («清议报») (основан в 1898 г.) [4]. Термин прижился в Китае, но осознание того, что он обозначает, как следует понимать права женщин, началось в среде образованных китайцев лишь спустя два года, когда обучавшийся в Японии Ма Цюнью Ма Цюнью (1881–1940) опубликовал переводы статей Герберта Спенсера¹ «Права женщин» и Джона Стюарта Милля² «О свободе» и «Подчиненность женщины», которые вызвали большой отклик в обществе. В предисловии к переводу «Подчиненности женщины» Ма Цюнью дал небольшую историческую справку о зарождении и развитии феминистского движения в Европе и краткое содержание принципов равноправия женщин, выдвинутые Милем [2, с. 71–72]. Лозунги за освобождение женщин, популярные в Европе, о которых прогрессивная китайская молодежь узнала из публикаций Ма Цюнью, заложили основу движения за женское равноправие в Поднебесной, а в лексиконе молодых китайцев появились выражения «естественные права человека», «равные права мужчины и женщины», «свобода», «равенство». Дальнейшее развитие идеи борьбы за равнопра-

вие китаянок получили отражение в книге Цзинь Тяньхэ (金天翮) (1874–1947) «Колокол женского мира» (女界钟) (1904). Цзинь Тяньхэ пишет о том, что китайские женщины испытывают давление со стороны общества и семьи, они находятся под гнетом традиционных пережитков, это отличает их от европейских и японских женщин. Автор статьи высказывает мнение, что «женщины от природы наделены талантами, превосходящими мужские. <...> Хотя женщины телесно слабы, их способности можно развивать», – писал он [2, с. 75].

Следующий этап внимания к вопросам эмансипации в Китае был связан с «движением против бинтования ног» (*бу чань цзу юньдун*) (不缠足运动), которое стало предтечей движения за освобождение женщин. Инициаторы движения говорили, что традиция бинтования ног приносит не только физические страдания девочкам, но и становится причиной психической травмы. В поддержку движения выступили известные литераторы: Лян Цичао, Янь Фу, Линь Шу, поэтесса Цю Цзинь. По всей стране создавались общества противников бинтования ног. Значительную часть участников обществ составляли образованные женщины, они писали воззвания, статьи, стихи и песни, в которых призывали отказаться от обычая уродовать ноги, воспевали природную красоту женских ног, призывали китаянок стремиться не к телесной, а к духовной красоте. Постепенно от призывов отказаться от бинтования ног участники движения начали расширять свои требования и перешли к лозунгам пересмотра конфуцианской системы воспитания девочек и необходимости изменить образовательную систему Китая.

В традиционном Китае не было школ для девочек. Крестьянки и бедные горожанки были неграмотными, в обеспеченных семьях дочери до замужества (а девочек отдавали замуж в тринадцать – пятнадцать лет) обучались грамоте вместе с братьями. Предполагалось, что если в семье нет возможности нанять учителя, то начальное обучение возлагается на мать: «Сыновей в семье об-

учает мать, готовит их к поступлению в начальную школу; обязанность обучать девочек также лежит на матери, с тем чтобы воспитать их хорошими женами, в этом истинный путь матери» [цит. по: 6]. Только в 1907 г. маньчжурское правительство специальным указом разрешило создавать школы для девочек, а в 1912–1913 гг. был принят закон о совместном обучении мальчиков и девочек в начальной школе [2, с. 82]. Однако еще до принятия этих законов, в первые годы XX в., в Шанхае были открыты частные школы для девочек, например, школа обладателя высшей ученой степени *шэньши* У Хуайцзю (吴怀疚) (1902), школа «Общество обучения девочек» (1903); были открыты школы в провинции Шаньдун (1904) и в Пекине (1905). Занятия в школах давало девочкам возможность приобщиться к литературе, не только классической, но и мировой, поскольку традиционная гуманитарная направленность обучения в Китае, до сих пор ограниченная изучением только конфуцианских памятников, теперь распространилась и на западную беллетристику. Тенденция копирования западных образцов образовательной системы, в частности включение в обязательную программу изучение иностранных языков, давала молодым китайкам возможность читать иностранную художественную литературу не только в переводах на китайский или японский языки, но и в подлинниках.

Развитию литературных способностей китайок способствовали и периодические издания, ориентированные на женскую аудиторию, в которых издателями, авторами и редакторами выступали не только мужчины, но и женщины. Периодические издания, в состав редколлегии которых входили женщины, можно разделить на два вида. К первому виду относились журналы «Бэйцзин ньюбао» («Пекинский журнал для женщин») (北京女报), стал выходить в 1905 г., «Ньюцзин бао» (女镜报) (также 1905 г.), газета «Фунюй жибао» («Газета для женщин») (妇女日报), которая издавалась с 1911 г. в Шанхае. Если названия первых двух журналов звучат, скорее, как указатели на читательскую аудиторию, то журнал «Нью сюэ бао» («Женское образование») (女学报) (с 1898 г.) уже в названии определяет свою издательскую политику – всечески способствовать ликвидации неграмотности среди женской части Поднебесной, а затем постепенному отказу от традиционных конфуцианских моральных установок, в которых воспитывались китайки на протяжении почти двух тысячелетий.

В первое десятилетие XX в. журналов для женщин было гораздо больше, чем газет. В этих журналах поднимались вопросы образования женщин, привлекалось внимание к воспитанию моральных качеств женщин, публиковались статьи, в которых осуждалось бинтование ног и выдвигался призыв отказаться от услуг свах при заключении браков. Вторую группу составляли журналы, статьи кото-

рых делали акцент на политических требованиях: в них говорилось о том, что женщинам необходимо бороться за свою свободу, за равные права с мужчинами. Авторы статей призывали читательниц принимать участие в борьбе за свержение маньчжурского правительства, вместе с мужчинами добиваться возрождения отечества; в этих журналах объединялись вопросы женской эмансипации и национального движения. Позже эти проблемы стали лейтмотивом художественных произведений китайок-писательниц.

Одной из ярких фигур в пространстве китайской периодики эпохи поздней Цин стала Кан Тунвэй (康同薇) (1879–1974), старшая дочь известного политического деятеля, реформатора Кан Ювэя (康有为). Она выросла в семье, где царили прогрессивные взгляды на воспитание детей, где родители, не боясь осуждения общественного мнения, не разрешили бинтовать ноги дочерям и даже отказались прокалывать им уши для серег. Тунвэй, так же как и ее младшие сестры, получила хорошее образование и знала японский и английский языки. С восемнадцати лет девушка начала работать, сначала была переводчицей в газете «Чжисинь бао» (知新报), а потом редактором газеты «Женское образование» («女学报»). После замужества Кан Тунвэй отказалась от издательской деятельности, но увлеклась переводами, в основном с японского языка [3].

Значимый вклад в расширение числа периодических изданий для женщин внесла Цю Цзинь (秋瑾) (1877–1907). Большинство исследователей ее жизни пишут о ней как о первой китайской революционерке, но именно Цю Цзинь входит в группу тех китайок начала XX столетия, для которых участие в общественных движениях стало мотивом увлечения сначала публицистикой, а затем и литературной деятельностью и которые от стихосложения перешли к публицистике. В 1904 г. Цю Цзинь, оставив семью, уезжает в Японию, где сближается с революционно настроенными кругами китайцев-эмигрантов, среди которых были и молодые женщины. Она вместе с дочерью Чэнь Фаня (陈范), редактора газеты «Су бао» (苏报), Чэнь Сефань (陈撷芬) (1882–1923), основала «Союз всеобщей любви» («公爱会»), объединивший двенадцать китайок, находившихся в Токио. Цели Союза были разноплановы, от помощи соотечественницам в получении образования до политических лозунгов – свержения маньчжурской династии [7]. Через год она возвращается в Шанхай, а оттуда в свой родной город Шаосин. Цю Цзинь начинает преподавать – сначала в женской школе «Светлый путь» (明道), а затем, с конца 1906 г., в шанхайской мужской школе «Великое единение» (大同). В 1907 г. она была казнена за подготовку террористического акта, направленного против маньчжурского правительства.

Уже в первой статье – «О пользе публичных выступлений» (演说的好处), которая была напечатана в сентябре 1904 г. в журнале «Разговорный язык» («白话»), – Цю Цзинь пишет о том, что получение образования может происходить различными путями, в частности через присутствие на публичных выступлениях. Статья родилась под впечатлением того опыта, что Цю Цзинь приобрела во время обучения в Японии. Она пишет: «К публичным выступлениям во всем мире проявляют большой интерес потому, что они просвещают умы людей, вдохновляют сердца» [1, с. 49]. Пользу публичных выступлений Цю Цзинь видит в том, что слушательницами могут быть и неграмотные женщины, имеющие возможность благодаря выступающим узнавать о происходящем в стране.

От важности публичных выступлений, доступных неграмотным слушателям, Цю Цзинь приходит к необходимости получения китайками грамотности как залога обретения независимости. Неграмотность она уподобляет мраку и старается убедить соотечественниц в необходимости выйти из мрака неведения. В предисловии к первому выпуска журнала «Китайская женщина» она пишет: «Я сама приложу все силы, пока не освобожусь из мира мрака, пока не увижу свет» [цит. по: 1, с. 51]. В своих статьях, обращенных к китайкам, Цю Цзинь не призывает к революции, не выдвигает требований уйти из семьи, полностью посвятить себя борьбе за социальные преобразования, она предлагает паллиативные методы реформации, считая, что образованность поможет женщинам улучшить экономическое положение семьи, говорит о том, что повышая благосостояние семьи, женщины заслуживают уважение мужчин. В то же время в «Обращении к сестрам» Цю Цзинь критикует китайок, не стремящихся отказаться от многовековых традиций феодального Китая, проявляющихся не только в безусловном подчинении отцу и мужу, но и в согласии уродовать тело: бинтовать ноги и грудь, дабы соответствовать эталонам женской красоты. «Нигде в мире, ни в одной стране нет человека, который был бы в таком рабском положении, как китайка», – с горечью пишет Цю Цзинь [цит. по: 1, с. 54].

Цю Цзинь была казнена в тридцать лет, ее литературное наследство невелико: стихи, несколько публицистических статей, эссе на историческую тематику и пьеса, сочетающая элементы народного сказа под сопровождение музыкальных инструментов и прозаического речитатива (弹词小说). Сказ под названием «Камень Цзинвэй» («精卫石») был написан во время пребывания Цю Цзинь в Японии, в нем она в художественной форме выразила свои мысли, наполнявшие ее публицистические статьи. Название сказа связано с легендой о дочери китайского мифического божества Шэньнуна (神农), которая утонула в море. После смерти девушка

превратилась в птицу Цзинвэй и решила засыпать море. Цзинвэй в представлении китайцев является символом упорства при достижении целей. Судьба главной героини сказа, именные иероглифы которой созвучны с именем Цю Цзинь, во многом схожа с жизнью Цю Цзинь. Героиня сказа, подобно мифической птице Цзинвэй, проявляет решимость и вопреки воле родителей уезжает в Японию, чтобы посвятить себя делу революции. Она вынуждена это сделать, чтобы избежать несчастливого замужества: ее родители, сообразуясь с конфуцианскими устоями, а не с желаниями своей дочери, находят ей жениха – богатого и безвольного молодого человека, единственное увлечение которого – азартные игры [5, с. 71]. Текст повествования наполнен обращениями автора к читателям, точнее говоря к читательницам, потому что Цю Цзинь пишет его с целью на примере главной героини призвать молодых китайок проявлять решимость в вопросах, касающихся их судьбы.

Таким образом, появление в Китае в начале XX в. периодических изданий, ориентированных на женскую аудиторию, было связано с постепенно нарастающей активностью китайок и, прежде всего, с их участием в феминистском движении. В свою очередь, участие женщин в издании журналов способствовало вовлечению китайок в литературный процесс. Многие из них понимали, что нельзя ограничиваться одним жанром публицистики, и постепенно переходили на прозаические жанры (小说), способствуя их популярности как среди мужской, так и среди женской аудитории.

Примечания

¹ Спенсер Герберт (1820–1903) – английский философ и социолог.

² Джон-Стюарт Миль (1806–1873) – основатель английского позитивизма, теоретик либерализма.

Библиографический список

1. *Зяяц Т.С.* Цю Цзинь. Жизнь и творчество (1875–1907). – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1984. – 135 с.
2. *Го Яньли, Го Чжэнь.* Исследование китайской женской литературы. 1900–1919 гг. (郭延礼, 郭蓁. 中国女性文学研究 (1900–1919)). – Цзинань: Изд-во Шаньдун цзяюй, 2016. – 399 с.
3. *Кан Тунвэй (康同薇)* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/康同薇/10827413?fr=aladdin> (дата обращения: 21.09.2018).
4. *Ма Цзюнь (马君武)* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/马君武/128927?fr=aladdin> (дата обращения: 21.09.2018).
5. *Оуян Юньцзы.* Сказ «Камень Цзинвэй» Цю Цзинь (欧阳云梓. 评秋瑾的精卫石) // Вестник института гуманитарных и естественных наук города Шаосин. – 2010. – Вып. 30/4. – № 7. – С. 71–74.

6. Сборник материалов по истории образования в Китае в новое время: эволюция системы образования (中国近代教育史资料汇编: 学制演变). – Шанхай: Изд-во Шанхай цзяоюй чубаньшэ, 2006. – 400 с.

7. Фу Чанъань. Художественные особенности творчества и вклад Цю Цзинь (付常安. 秋瑾文学创作的艺术特色与贡献) // Цзинань чжисюэ сюэюань сюэбао. – 2013. – № 5. – С. 103–104.

References

1. Zayac T.S. Cyu Czin'. ZHizn' i tvorchestvo (1875–1907). – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo un-ta, 1984. – 135 s.

2. Go YAn'li, Go CHzheln'. Issledovanie kitajskoj zhenskoj literatury. 1900–1919 gg. (郭延礼, 郭蓁. 中国女性文学研究 (1900–1919)). – Czinan': Izd-vo SHan'dun czyaoyuj, 2016. – 399 s.

3. Kan Tunvehj (康同薇) [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [https://baike.baidu.com/item/康](https://baike.baidu.com/item/康同薇/10827413?fr=aladdin)

同薇/10827413?fr=aladdin (data obrashcheniya: 21.09.2018).

4. Ma Czyun'u (马君武) [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://baike.baidu.com/item/马君武/128927?fr=aladdin> (data obrashcheniya: 21.09.2018).

5. Ouyan YUn'czy. Skaz «Kamen' Czinvehj» Cyu Czin' (欧阳云梓. 评秋瑾的精卫石) // Vestnik instituta gumanitarnyh i estestvennyh nauk goroda SHaosin. – 2010. – Vyp. 30/4. – № 7. – S. 71–74.

6. Sbornik materialov po istorii obrazovaniya v Kitae v novoe vremya: ehvolyuciya sistemy obrazovaniya (中国近代教育史资料汇编: 学制演变). – SHanhaj: Izd-vo SHanhaj czyaoyuj chuban'sheh, 2006. – 400 s.

7. Fu CHan'an'. Hudozhestvennye osobennosti tvorchestva i vklad Cyu Czin' (付常安. 秋瑾文学创作的艺术特色与贡献) // Czinan' chzhisyueh syuehyuan' syuehba. – 2013. – № 5. – S. 103–104.

**П.В. АННЕНКОВ В «ВЕСТНИКЕ ЕВРОПЫ»
 (по письмам к М.М. Стасюлевичу)**

П.В. Анненков с первого выпуска «Вестника Европы» в 1866 г. – сотрудник журнала и в дальнейшем – постоянный собеседник редактора-издателя М.М. Стасюлевича в письмах к нему. Анненков становится своего рода “проводником” молодого редактора в мир современной журналистики. В статье прослеживается влияние П.В. Анненкова на определение либерального курса журнала «Вестник Европы», приводятся его мнения о русской прессе и литературной жизни 1860–80-х годов. Особое внимание уделяется толкованиям Анненкова публикаций Тургенева в «Вестнике Европы» и откликов в прессе на тургеневские произведения. Рассмотрена позиция Анненкова по вопросу отношений Тургенева с Некрасовым и в связи с этим прокомментировано воспоминание о близости поэта к кружку литераторов “замечательного десятилетия”. В статье учтены мнения Анненкова о раннем и позднем творчестве Некрасова, о причинах популярности его поэзии. Суждения Анненкова о политических событиях в России уточняют представление о личности критика и мемуариста.

Ключевые слова: Анненков, «Вестник Европы», Стасюлевич, письма, “агапы”, Тургенев, Некрасов.

Работы П.В. Анненкова любого жанра важны не только своим содержанием, но и своей интонационной окраской, возникающей в результате позиции автора, его особого «угла зрения» на действительность. «Такие фигуры, как Анненков, цементируют культуру эпохи, в которую им выпало жить. Их вклад в целое – не столько сами произведения, но атмосфера, в которой становится возможным настоящее искусство» [1, с. 5]. Этот тезис И. Сухих можно отнести и к переписке П.В. Анненкова. Два тома его писем к Тургеневу с богатейшими комментариями и статьями Н.Н. Мостовской и Н.Г. Жекулина [3, с. 260–298] содержат бесценный литературный материал. Письма Анненкова к Стасюлевичу дополняют картину истории русской литературы и уточняют наше представление о личности критика.

Анненков, один из авторов «Вестника Европы» с первого его выпуска, приветствовал переход Стасюлевича с января 1868 г. «за Рубикон специальности» [11, с. 293], превращение его научного издания в ежемесячный журнал истории, политики и литературы, что даст свободу движения: «Жутко Вам становится при мысли сделаться из профессора журналистом в полной форме, но шаг необходим, а как он важен, можете судить по тому интересу и говору, которые возбуждены у публики слухом о Вашем предприятии. И она права! Идеал русского журналиста ей не знаком – и она думает, что он именно тут наклёвывается» [11, с. 296–297].

Идеал русского журналиста – этот высокий образ редактора «Вестника Европы» Анненков пока только предвидит как возможность, но дальнейшая история журнала, заметки критика почти по каждому его выпуску подтверждают безошибочность его чутья.

Анненков берёт на себя своего рода роль “проводника” молодого редактора в мир современной журналистики, о которой он делает несколько иронических замечаний в летних письмах 1867 г. Они

связаны с резким откликом в прессе на его статью «Русская современная история в романе И.С. Тургенева “Дым”» («Вестник Европы», 1867, т. 2). Анненков подчеркнул в статье актуальность романа, объяснил, почему Тургенев в 1867 году обратился к спору западников и славянофилов, казалось бы, уже отшумевшему. В романе, по мнению критика, шла речь о *скрытой* сути европеизма – «не о той Европе, которой мы подражаем, а о той, которую мало видим и почти не знаем». Помимо «возмутительных явлений своего быта», она «занята устройством человеческой личности», «возвышением духовной природы человека». Прозрение *этой* Европы необходимо для развития в России «разумных отношений между людьми» («Вестник Европы», 1867, т. 2, июнь, с. 106, 109–110) [1, с. 334, 336–338].

В критической заметке «Новая Европа» в «Отечественных Записках» (1867, № 6) был саркастически обыгран мотив *прозрения новой Европы*: «Новая Европа открыта П.В. Анненковым... и открыта не то чтобы при помощи повести “Дым”, а, скорее, для того, чтобы оказать помощь самой этой повести», чтобы читатели смогли увидеть в ней «что-то кроме *брюзгливости*»; «...на наш грубый и непроницаемый взгляд, – иронизирует рецензент, – всё это очень подозрительно», «мы не видели и не знаем» таинственных западников, о которых «с умилением говорит г. Анненков» («Отечественные Записки», 1867, кн. 6, с. 230, 236, 238); [о других откликах на роман «Дым» см.: 12, т. 9, с. 528–542]. По поводу заметки в «Отечественных Записках» Анненков писал Стасюлевичу 16 июля 1867 г.: «Ультра-патриотизм весь сосредоточился теперь на Литейной, у Краевского, и бушует в пустоте и на просторе, не покидая надежды при том на какую-либо субсидию. Прочтите, что наворотил Краевский по поводу моей статейки... Задела она их...» [11, с. 296]. И в тот же адрес – о звучании актуальной славянской темы: «Вопрос общеславянского единения по-

пал теперь в очень хорошие руки: его сделал своим жизненным призванием Краевский со товарищи, так что газета его [«Голос»] делает совершенно ненужными ни «Московских новостей», ни «Дня», превосходя первые полонофобством, а второго славянофильством. Вы понимаете – какие громадные последствия могут произойти от этого развития Краевского для нашей расы» [11, с. 294]. Анненков предполагал обсудить с редактором «все те пункты, которыми “Вестник Европы” будет отличаться от всех других направлений».

Журнал заявил свой курс поддержки либеральных реформ и все годы проходил через разногласия изданий широчайшего диапазона от крайне радикальных до охранительных. Позднее Анненков признал искусство Стасюлевича: «...я высоко ценю Ваше плавание через Ламаншский канал журнальных препятствий» [11, с. 314], – писал он в апреле 1875 г.

Первую книжку обновленного «Вестника Европы» в 1868 году украсил рассказ Тургенева «Бригадир», «маленький бриллиантик в 1,5 листа, весьма напоминающий те бриллиантики, из которых состоят “Записки охотника”» [11, с. 293–294]. Продолжая выполнять миссию «наставника» редактора «Вестника Европы», Анненков доказывает безосновательность его опасения, что Некрасов может овладеть повестью «Бригадир»: «Вот что значит заниматься одной серьёзной, исторической стороной литературы и не знать её задних комнат и гардеробов, где она о своих срамотах печётся. После того, что было между первым поэтом и первым нувелистом российскими – они уже сойдутся только перед престолом Всевышнего, когда он к нам пожалует. По крайней мере, в этом смысле ручаюсь за Тургенева» [11, с. 295].

Прощальное свидание Тургенева с умирающим Некрасовым состоялось по инициативе А.Н. Пыпина и Стасюлевича в июне 1877 года, бывшие друзья пережили состояние «невыразимого душевного волнения», «ни слова не было сказано во время этого свидания», по воспоминаниям З.Н. Некрасовой [7, с. 456]. Тургеневская оценка Некрасова, поэта и личности, по мнению Н.Н. Мостовской, «осталась для потомства тайной». Мотивы внутреннего несогласия Тургенева с жизненной позицией Некрасова, с его эстетикой Н.Н. Мостовская рассмотрела в связи с обстоятельствами неучастия писателя в парижском вечере памяти поэта. Автор статьи считает, что заключительные строки стихотворения в прозе «Последнее свидание» – «Смерть нас примирила» – не следует понимать буквально. Пафос стихотворения «со всей очевидностью противоречил земным и тем более банальным оценкам»; в нем можно видеть образно-художественное обобщение любимой философской мысли Тургенева – «о тщете мирского перед таинством смерти как примирении, всепрощении» [6, с. 139–140].

Замечания Анненкова о Некрасове в письмах к Стасюлевичу дают дополнительные краски к образу поэта. Узнав о смертельно больном Некрасове, Анненков пишет Стасюлевичу 12 февраля 1877 г.: «Давно мы с ним разошлись, а жалко и очень жалко: много мы с ним, в былые года, съели хлеба, соли, надежд, стремлений и огорчений. Он успел всё это переварить без остатка, но меню старых старых агапов сохранил в памяти. И то ещё хорошо» [11, с. 339].

Слово высокого звучания – агапы – вечера любви в греческом служении времен раннего христианства, по апостольской традиции, в память последней трапезы Христа с учениками – особым образом окрасило высказывание Анненкова. Но рядом с высоким словом – “агапы” – бытовое “успел переварить” и “меню”. *Старые старые агапы*, в контексте фразы Анненкова, – это воспоминание о разговорах в кружке поклонников искусства 1840–50-х годов, о содружестве литераторов вокруг имени Белинского, сопоставимом по высоте идеалов с религиозным служением.

В «Замечательном десятилетии» Анненков объяснил, почему Белинский стал центральной личностью «общины мыслителей», что в нём покорило окружающих: «Необычайная честность всей его природы и способность убеждать других», проповедь «чуткости к правде, добру, красоте», презрение «ко всему пошлому, лицемерному, унижающему», «первые лучи социальной метафизики» [2, с. 179–182, 198]. В этой атмосфере и начинал Некрасов [10, с. 62–88]. Анненков, отправив рукопись «Замечательного десятилетия» Стасюлевичу в феврале 1878 г., сожалел, что в текст записок он не включил материал о Некрасове тех лет, и вспоминал, как в 1843 году «принялся за него Белинский, раскрывая ему сущность его собственной природы и ее силы, и как покорно слушал его поэт, говоривший – “Белинский производит меня из литературной бродяги в дворяне”» [11, с. 352].

В 1846 г. Некрасов (вместе с И.И. Панаевым) стал издателем «Современника» и фактически главой журнала, вокруг которого группировались сторонники эстетики Белинского. Итогом этого благотворного периода для самого поэта был его сборник 1856 года. Социальность в стихах Некрасова вполне соответствовала высоким художественным принципам Белинского 1840-х годов. Урокам учителя Некрасов был верен, оспаривая идеи чистого искусства и утверждая право художника говорить о действительности. «Мне кажется, в этом деле верна одна только теория: люби истину бескорыстно и страстно, больше всего и, между прочим, больше самого себя, и служи ей, тогда всё выйдет ладно: станешь ли служить искусству – послужишь и обществу, и наоборот, станешь служить обществу – послужишь и искусству...», – писал в 1855 г. Некрасов В.П. Боткину [9, с. 193]. Ан-

ненков, наблюдавший развитие Некрасова «с девильных пеленок» [9, с. 255], высоко ценил его ранние стихи. Перечитывая первый том и добрую часть второго в посмертном издании 1879 г., Анненков в письме к А.А. Буткевич от 12 апреля вспоминал молодого Некрасова, «пожираемого огнем творчества и святой злобы к пошлости... Как он был хорош!» [5, с. 102].

Круг литераторов *замечательного десятилетия* во второй половине 1850-х годов по историческим и социальным причинам стал распадаться; к началу 1860-х пути друзей по искусству разошлись. Художественные достижения позднего Некрасова Анненков признавал, но это был для него уже другой поэт. Несколько слов в процитированном письме к Стасюлевичу о принадлежности Некрасова к дружескому объединению поклонников искусства 1840–50-х годов прозвучали с иронией и сожалением: он «успел всё это переварить без остатка, но меню старых старых агавов сохранил в памяти. И то ещё хорошо».

Через год Анненков заметил о некрологе Некрасову, написанном Стасюлевичем: «Ваша статья о Некрасове очень хороший некролог: такую перепутанную фигуру <...> не уловишь на нескольких страничках. Упрощение, которое Вы в ней произвели, самое удобное и приличное для первого известия об уходе человека с земли на экзамен потомства» [11, с. 352]. *Упрощение*, о котором говорит Анненков, заключалось в главной мысли некролога – о просвещающей миссии Некрасова: его поэзия «вносит свет в минуты помрачения или ослабления общественной совести и будит то, что начинает дремать в нашей нравственной природе» («Вестник Европы», 1878, № 2, с. 909). Автор некролога не объясняет секрет обаяния таланта Некрасова, источник его художественной силы. О личности поэта говорится лишь в биографическом очерке первых лет его жизни, записанном Стасюлевичем при свиданиях с больным Некрасовым с его слов.

Анненков в своей работе «Шесть лет переписки с И.С. Тургеневым. 1856–1862» («Вестник Европы», 1885, № 3–4), излагая откровенные беседы с Некрасовым, его покаяния, делает вывод: «...никто яснее Некрасова не видел собственных проступков и прегрешений и никто не следовал так постоянно по раз выбранному пути, хотя бы и осужденному его совестью. Это была странная настойчивость, которую подчас он старался искупить великодушием и готовностью на многочисленные жертвы. Можно сказать, что он всю жизнь состоял под настоятельной потребностью самоочищения и искупления, не исправляясь от грехов, в которых горячо каялся» [2, с. 431].

О «грехах» Некрасова упоминают многие авторы мемуаров. Пишет о них и Н.Н. Скатов в некрасовской биографии в серии ЖЗЛ как о неизбежных компромиссах – особенно в издательской деятель-

ности; в той же книге рассказано о многих случаях щедрой помощи Некрасова тем, кто нуждался. Н.Н. Мостовская отметила существенный для Анненкова «четкий водораздел между Некрасовым-поэтом и человеком» [3, кн. 1, с. 294]. Но следует признать, что Анненков не раз утверждал прямую зависимость таланта от личностных качеств художника. В одном из писем к Тургеневу 1853 г. он размышлял «о роковой связи, какая находится между талантом и жизнью» [3, кн. 1, с. 16]. Эту глубокую связь Анненков учитывал в своих статьях и высказываниях о Писемском, Островском, Герцене, Салтыкове, Л. Толстом. Все случаи упоминания Некрасова в письмах Анненкова к Стасюлевичу говорят о его стремлении дать всестороннее объяснение творческой личности поэта.

Ещё одно замечание Анненкова о Некрасове связано с публикацией «пакостниками “Нового Времени”» 4 мая 1880 г. некрасовской эпитаграммы: «...полагаю, что эпитаграмма на меня, живущего только для брюха, – пишет он Стасюлевичу 25 мая н. с. 1880 г. – сочинена в редакции и Некрасову принадлежать не может. Я имею от него письма за последнее время, после опубликования им поэмы о декабристах, в которых выражает большое уважение к моему характеру и суждению, не говоря уж о словесных заявлениях. А впрочем, может быть, и он состряпал – таков был человек. Если эпитаграмма подлинная, то, вероятно, скропана она была тогда, когда он занимался ограблением Белинского или когда задумал он оттянуть 500 душ от Огарева» [11, с. 387]. Анненков упомянул о фактах некрасовской биографии, имевших горячий отклик в литературных кругах, – об отказе Некрасова сделать Белинского соиздателем «Современника» [8, с. 73–74, 78] и об «огаревском деле». Эти события имели не столь однозначную оценку, какую дал в письме Анненков; сложные обстоятельства, с которыми связаны эти факты, приведены в книге Н.Н. Скатова о Некрасове, где прокомментированы отклики на них в письмах современников [10, с. 26–27, 116–122, 288; 270–278]. В научном издании Некрасова его эпитаграмма на Анненкова «За то, что ходит он в фуражке...», в соавторстве с А.В. Дружининым, отнесена к 1856 году. Стихи, конечно, не предназначались для печати. Известно, что в кругу «Современника» «такого рода эпитаграммы были в ходу, и, по негласному уставу кружка, на них не принято было обижаться. Все упражнялись в этой игре» [4, с. 169–170].

Газета «Новое время» напечатала эту давнюю эпитаграмму в мае 1880 г. в связи с публикацией «Замечательного десятилетия» Анненкова в «Вестнике Европы» (1880, № 1–5). Затерянная эпитаграмма на автора воспоминаний – находка для фельетонистов «Нового времени», ещё один выпад в последовательных «разоблачениях» направления «Вестника Европы». Анненков прекрасно знал цену

газеты. «Признаться ли Вам, что я люблю читать “Новое время”? – пишет он Стасюлевичу в декабре 1882 г. – Чего оно только не делает? И колесом пустится, и зажженную паклю глотает, и крылья подвывает себе, чтобы летать, и каждый № есть представление новой штучки. Недоумеваю, как может держаться оно и ещё с успехом целые года. Разве только потому, что часто объявляет бенефисы в пользу “правительства”, в качестве балагана, взятого ко двору. Но все-таки удивительно – как это одни объявления о предстоящих бенефисах могли ему составить репутацию патриотического органа?» [11, с. 410–411].

В мае 1879 г., комментируя небывалое событие в книжной торговле – оплату за два месяца всего издания Некрасова в 4 томах, Анненков увидел в этом «своего рода знамение времени»: «Чувство литературного достоинства сочинений Некрасова, конечно, входит составной частью в этот неминуемый успех, но есть к нему и ещё двигатель. <...> Если явится какой-нибудь этнографический Гумбольд, который способен разобрать подводное течение нашего общества, тот и скажет – какой это двигатель. Подождем» [11, с. 368–369].

Можно предположить, что *подводное течение нашего общества*, в котором Анненков видит ещё один двигатель успеха издания Некрасова, – это усиление протестных настроений в молодежной среде 1870-х годов, возрастание сочувствия к положению простого народа в связи с застарелыми социальными болезнями в России и бездействием власти. Это *подводное течение* обнаружило себя *хождением в народ* (тема романа «Новь» – «Вестник Европы», 1877, № 1–2) и в фактах террора. Протестное движение получило искаженные формы при невозможности иным образом заявить требование необходимых перемен в российской действительности.

В декабре 1876 г. Анненков писал Стасюлевичу: роман «Новь» – «поэтическая и драматическая защита» нового поколения, с мужественной откровенностью, не утаивающей никаких темных или сомнительных сторон дела. Это и есть художнический способ заявлять своё уважение к поколению...» [11, с. 336]. Откликаясь на анализ интеллектуальной атмосферы в столице после публикации «Нови», на сообщение об истории хождений в цензуре 2-й части романа, о пропуске её в печать благодаря вмешательству «Нептунов» [11, с. 371], Анненков в письме к Стасюлевичу от 19/7 февраля 1877 г. вопрошал: «Значит, старая цепь порядков тянется и до дня сего, несмотря на то, что под ней проскочили, кувыркром как мальчишки, реформы и преобразования» [11, с. 339]. Читая в марте о процессе *наших пропагандистов*, изумляясь, что «Тургенев угадал заранее их ходы и приёмы», Анненков объяснил, за что рассердилась на писателя «псевдо-радикальная партия»: она исходит из фан-

тастических представлений об истинных героях; ей надобны «сверхъестественные люди, чистые от подозрения принадлежать к породе человеческой» [11, с. 340–341; о спорах вокруг «Нови» см.: 12, т. 12, с. 524–540].

Одобрительно отзываясь Анненков о статьях Л. Полонского и А.Н. Пыпина в «Вестнике Европы» по злободневному Славянскому вопросу: «Истинно пора было сказать правду по нашему движению и осветить некоторые далеко не героические и не поэтические его стороны» [11, с. 334]. Но господствующий тон в русской прессе Анненков комментирует иронически: в апреле 1877 г., когда вся Европа была в страхе по случаю угрозы войны с Турцией, – «одно утешение для нас составляют теперь русские публицисты, которые ничего не боятся, ни в чем не сомневаются, ни о чем не беспокоятся», ибо Россия – «волшебное царство фантазии». «Фантазия там напирает снизу, сверху, из газет, монастырей, канцелярий, сходов, заговоров, не останавливаясь ни перед госпиталями с тифом, оспой и чумой, ни перед пустыми банками, погаными биржами...» [11, с. 342]. *Фантазии* разного рода вместо обсуждения реальных проблем развития – такова оценка Анненкова русской публицистики.

Анненков просит Стасюлевича переслать ему июльский и августовский номера «Вестника Европы», которые он не захватил в Петербурге, – «иначе придется смотреть на отечество или с точки зрения изолгавшегося клоуна [А.А. Краевский] или с точки зрения московского, классически образованного сыщика [М.Н. Катков]» [11, с. 349]. Журнал Стасюлевича оказывался «в положении метеорологической обсерватории, знающей, где есть давление атмосферы, откуда может идти шторм и другая чепуха, с которой надо справляться административным и всяким другим корабельщикам» [11, с. 340]. Получив от Стасюлевича вырезанное цензурой «Внутреннее обозрение» Л. Полонского для первой книжки журнала 1879 г., Анненков делает горький вывод: жалуются, что общество не даёт поддержки администрации, а когда умная поддержка народилась, её вырезают; «дельный мыслящий консерватизм» не нужен администрации, «давайте нам поддержку в роде Московских ведомостей, где Охотный ряд является представителем православия и народности, – вот это хорошая поддержка» [11, с. 364]. Обозрение и хроника «Вестника Европы», по словам Анненкова, имели «вид золотиносных песков, промыв которые получаешь куски дорогого металла. Жаль, что нет монетного двора – общественного мнения, – которое тотчас бы их перечекивало и обращало в ходячую монету», – с сожалением заметил он в письме от 1 ноября 1882 г. [11, с. 407].

С волнением откликается Анненков на исторические события. В августе 1877 г. он просит

сочувствия Стасюлевича, признаваясь, что таскает «с собой свою горькую и беспощадную думу и тоску» [11, с. 348]; он уезжал из Петербурга «в лихорадочном состоянии», «в самую минуту опубликования нашего печального дела под Плевно, с 1800 убитыми, которое 4 дня держали в тайне» [11, с. 347]. Горестные размышления Анненкова прозвучали по поводу отношения Европы к России: «Страшные вещи происходят в Турции, но страшнее их всеобщая европейская радость от наших неудач. Точно от кошмара все освободились и вздохнули свободнее, получив возможность думать, что Россия совсем не могущественная и первостепенная держава. Если бы существовала у нас свободная пресса, то очень любопытно бы было разяснить, почему это так» [11, с. 348]. Но свободной прессы в нашем отечестве нет, «без дозы холопства перед кем-нибудь никакая газета существовать не может в России. <...> Газетчик без барина и не желающий никого надуть и обкрадывать – в России! Если бы здешние гомары и кровати знали по-русски – они бы засмеялись при этом известии» [11, с. 349].

Анненков сожалеет об устойчивом негативном образе России в европейском восприятии, даже после окончания войны с Турцией: «Никто и верить не хочет, чтобы Россия могла существовать без какого-либо бедствия. Даже и права за ней не признают добиваться звания благоустроенного государства. Это принадлежит одной Европе и всякие попытки составить себе человеческое положение со стороны России считается оскорблением Европы. Как дошли люди здесь до такого взгляда и убеждения – понять не могу...» [11, с. 366]. Но ужасное событие в Петербурге (покушение А.К. Соловьева 2 апреля 1879 г. на Александра II. – *примечание М.К. Лемке*) – «четыре выстрела у Главного Штаба прокатились по Европе и буквально подняли ее на ноги». Анненков пишет о всеобщей радости, «что злодейство не удалось. Куда же девалась ненависть к России, злорадство по поводу всех ее бед? <...> Должно быть, чувство общечеловеческих преступлений и страх перед ними сильнее антипатий и расчетов в Европе» [11, с. 368].

Факты террора в России были сигналами приближения политического кризиса, что неизбежно вело к катастрофе. В феврале 1880 г. Анненков пишет Стасюлевичу, что его *ошеломила петербургская новость* (взрыв С. Халтурина 5 февраля в Зимнем Дворце, от которого сильно пострадали солдаты Финляндского полка на карауле). После убийства Александра II в марте 1881 г. Анненков в письме к Стасюлевичу от 3 апреля высказал надежду, что «в эти страшные дни злодейства и понятной белой горячки в умах галлюцинация не сделается нормальным состоянием общества» [11, с. 396]. Что имел в виду Анненков, опасаясь *галлюцинации* в состоянии общества? Вероятно,

в результате *понятной белой горячки в умах* – ненависть «ко всему либеральному», убежденность в необходимости сильной полицейской власти.

Ещё резче и откровеннее высказался Анненков о трагических перспективах русской истории в письме Тургеневу от 5/17 марта 1881 г.: «...на нашей почве политическая жизнь сводится на динамит, порох, кинжал и револьвер. Ответом на них будут, разумеется, виселицы, новые убийства, новые виселицы и так в бесконечность. <...> Какая история, какой конец, какая будущность у несчастной земли нашей» [3, кн. 2, с. 135].

В письмах Анненкова к Стасюлевичу преобладают, конечно, суждения литературного содержания. Огорчает Анненкова отсутствие взаимопонимания внутри русского литературного мира; комментируя в письме от 16 апреля 1879 г. чтение Тургенева 13 марта в Петербурге, обстановку на обеде в его честь, он писал: «Хорош Достоевский! Не распознал у Тургенева – идеалов и пожелал на обеде его – выставить его пунцовым драконом, каковые китайцы пишут на своих знаменах. Смелая мысль, не уступающая другой таковой же Салтыкова, который назвал “Новь” водевилем с переодеваниями. Вот образцы справедливости, разума и чувства дела, а между тем люди эти не Авсеенки и Маркевичи, и, несомненно, высокие таланты и честные деятели. Это явление именно и составляет самую печальную сторону нашего быта...» [11, с. 367].

Очень интересны комментарии Анненкова к собственным историко-литературным работам и воспоминаниям при публикации их в «Вестнике Европы», но эта тема требует отдельного разговора.

Библиографический список

1. Анненков П.В. Критические очерки / сост., подг. текста, вступ. статья и примеч. И.Н. Сухих. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитар. ин-та (РХГИ), 2000. – 416 с.
2. Анненков П.В. Литературные воспоминания. – М.: Худож. лит., 1983. – 694 с.
3. Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу. Кн. 1–2 / подг. изд. Н.Н. Мостовской, Н.Г. Жекулина. – СПб.: Наука, 2005.
4. Лебедев Ю.В. Жизнь Тургенева. – М.: Центрполиграф, 2006. – 607 с.
5. Литературное наследство. Т. 51–52. – М.: Изд-во АН СССР, 1949. – Кн. 2: Н.А. Некрасов. – 675 с.
6. Мостовская Н.Н. Тургенев и вечер памяти Некрасова в Париже // Некрасовский сборник. – 2001. – Т. 13. – С. 135–140.
7. Некрасов Н.А. в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит., 1971. – 598 с.
8. Переписка И.С. Тургенева: в 2 т. / сост. и коммент. В. Баскакова, Т. Головановой и др. – М.: Худож. лит., 1986. – Т. 1. – 607 с.

9. Переписка Н.А. Некрасова: в 2 т. / сост. и коммент. В.А. Викторovichа, Г.В. Краснова, Н.М. Fortunatova. – М.: Худож. лит., 1987. – Т. 1. – 543 с.

10. *Скатов Н.Н.* Некрасов. – М., 2004. – 412 с.

11. Стасюлевич М.М. и его современники в их переписке: в 5 т. / под ред. М.К. Лемке. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1912. – Т. 3. – 789 с.

12. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Сочинения: в 15 т. – М.; Л.: Наука, 1960–1968.

References

1. Annenkov P.V. Kriticheskie ocherki / sost., podg. teksta, vstup. stat'ya i primech. I.N. Suhih. – SPb.: Izd-vo Russkogo Hristianskogo gumanitar. in-ta (RHGI), 2000. – 416 s.

2. Annenkov P.V. Literaturnye vospominaniya. – М.: Hudozh. lit., 1983. – 694 s.

3. Annenkov P.V. Pis'ma k I.S. Turgenevu. Kn. 1–2 / podg. izd. N.N. Mostovskoj, N.G. ZHekulina. – SPb.: Nauka, 2005.

4. Lebedev YU.V. ZHizn' Turgeneva. – М.:

Centropoligraf, 2006. – 607 s.

5. Literaturnoe nasledstvo. Т. 51–52. – М.: Izd-vo AN SSSR, 1949. – Kn. 2: N.A. Nekrasov. – 675 s.

6. Mostovskaya N.N. Turgenev i vecher pamyati Nekrasova v Parizhe // Nekrasovskij sbornik. – 2001. – Т. 13. – S. 135–140.

7. Nekrasov N.A. v vospominaniyah sovremennikov. – М.: Hudozh. lit., 1971. – 598 s.

8. Perepiska I.S. Turgeneva: v 2 t. / sost. i komment. V. Baskakova, T. Golovanovoj i dr. – М.: Hudozh. lit., 1986. – Т. 1. – 607 s.

9. Perepiska N.A. Nekrasova: v 2 t. / sost. i komment. V.A. Viktorovichа, G.V. Krasnova, N.M. Fortunatova. – М.: Hudozh. lit., 1987. – Т. 1. – 543 s.

10. Skatov N.N. Nekrasov. – М., 2004. – 412 s.

11. Stasyulevich M.M. i ego sovremenniki v ih perepiske: v 5 t. / pod red. M.K. Lemke. – SPb.: Tip. M. Stasyulevicha, 1912. – Т. 3. – 789 s.

12. Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 28 t. Sochineniya: v 15 t. – М.; Л.: Nauka, 1960–1968.

**«ЕЩЕ РАЗ» ЛИШНИЕ ЛЮДИ: ОТ ЛИТЕРАТУРНОГО ТИПА К КОНЦЕПТУ
(историко-функциональный аспект).
Статья первая**

Статья посвящена исследованию одного из наиболее известных типов русской литературы классического периода – «лишнего человека». Новизна предложенного здесь подхода заключается в рассмотрении перехода этого типа в концепт, репрезентирующий характерный для русской культуры феномен личности, менталитет определенной общественной группы. Формирование этого концепта, как показывает автор, происходило, прежде всего, в литературной критике и публицистике 1840–60-х годов. Ключевыми фигурами, представленными в данной статье, являются Н.Г. Чернышевский и П.В. Анненков. Историко-функциональный анализ работ критика-публициста и критика эстетического направления позволил выявить общие, константные признаки в трактовке ими типа «лишнего человека» – в жизни и литературе – и одновременно разные векторы их интерпретаций. Чернышевский оценивает «лишних людей», руководствуясь идеей общественной активности человека. Критик начинает с признания исторической роли «лишних людей», предшествующих появлению «нового человека», но в итоге приходит к выводу об их гражданской несостоятельности. В центре внимания Анненкова оказывается не внешняя деятельность подобного типа личности, но ее духовное содержание, позволяющее критику прийти к заключению, что именно с «лишних людей» в России начинается «разумная жизнь общества». Таким образом, статус литературного героя, как и у Чернышевского, оказывается тождественным его общественному бытию.

Ключевые слова: литературный тип, концепт, интеллигенция, «лишний человек», И.С. Тургенев, критика и публицистика, Н.Г. Чернышевский, П.В. Анненков.

Историко-литературное понятие «лишний человек» («лишние люди») традиционно соотносится с литературным типом, определение которого включено в большинство литературоведческих словарей. Статус «словарной» статьи свидетельствует об устойчивости явления, обозначенного этим термином, в русском литературном процессе. Включение этого понятия во «Фразеологический словарь русского литературного языка» позволяет говорить о нем не только как о языковом феномене, но и ментальном. Фразеологизмы возникают, как поясняет В.Н. Телия, на основе «образного представления о действительности, отображающего по преимуществу обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями» [8, с. 302]. Неслучайно фразеологические единицы сегодня изучаются в рамках когнитивного подхода к языку.

В литературоведческих словарях статья о «лишнем человеке» принадлежит Ю.В. Манну. При его характеристике ученый обозначает, прежде всего, хронологические границы его существования: это «литературный тип, характерный для русской литературы 20-х – 50-х гг. 19 в.» [6, с. 400]. Действительно, «классический» период функционирования его в литературе ограничен тремя десятилетиями. Именно в это время формируются те константные, идентификационные признаки, которые позволяют говорить о принадлежности литературного героя данному типу. В ряду «лишних людей» традиционно называют Онегина, Печорина, Бельтова, героев И.С. Тургенева. Их характерными чертами считается «отчуждение от официальной жизни России, от родной социаль-

ной среды (обычно дворянской), по отношению к которой герой осознает свое интеллектуальное и нравственное превосходство, и в то же время – душевная усталость, глубокий скептицизм, разлад между словом и делом и, как правило, общественная пассивность» [6, с. 400]. Эти признаки называет или учитывает большинство критиков и историков литературы. Однако оценка типа «лишнего человека», его интерпретация, определение доминанты образа того или иного персонажа оказываются различными. «К тому же, – как писал А.И. Герцен в статье «Еще раз Базаров», – мы грузим на плечи типов больше, чем они могут вынести, и придаем им в жизни значение, которого они не имели или имели в ограниченном смысле. Брат Онегина за *положительный* тип умственной жизни двадцатых годов, за интеграл всех стремлений и деятельностей проснувшегося слоя – совершенно ошибочно, хотя он и представляет одну из сторон тогдашней жизни» [2, с. 387]. Это замечание Герцена можно рассматривать как своего рода предупреждение против восприятия типа «лишнего человека» как наиболее репрезентативного выразителя определенной эпохи, хотя связь любого литературного героя с конкретно-историческим временем, разумеется, очевидна. Речь идет именно о конкретно-историческом времени, ибо десятилетия, входящие в период 1820–50-х годов, принципиально отличаются друг от друга, и поэтому «лишние люди», связанные с каждым из его этапов, несут в себе поколенческую идентичность. Она сохраняется и в дальнейшем, ибо, как показывает опыт историко-литературного развития, тип «лишнего человека» выходит за рамки классического периода своего существования (1820–

50-е годы) и продолжает жить в русской литературе XIX века вплоть до творчества А.П. Чехова.

Наиболее очевидное объяснение подобной литературной «устойчивости» этого типа героя предложила еще критика середины XIX века. Так, А.В. Дружинин в статье, посвященной ранним повестям И.С. Тургенева, писал: «Лишние люди бывали всегда и во всех обществах, только видоизменения их различны в каждом поколении» [4, с. 326]. Примечательно, что Дружинин использует выражение «лишние люди» для характеристики не литературных персонажей, а менталитета определенной общественной группы. Эту общественную группу наиболее точно обозначил Д.Н. Овсяннико-Куликовский – это русская интеллигенция. С его точки зрения, история русской интеллигенции как раз и представляет собою «психологию исканий, томлений мысли, душевных мук идеологов, “отщепенцев”, “лишних людей”...» [7, с. 5].

Связь литературы и действительности, способность художника видеть не только «текущую» жизни, но и повторяющиеся в ней явления, процессы, типы людей – закон литературного развития. С другой стороны, литература способна формировать в общественном сознании представление о созданных ею характерах как реалиях действительной жизни. Речь идет не о наивно-реалистическом отождествлении читателем литературного героя с каким-либо «прототипом», но об «узнавании» (воспользуемся термином В.Г. Белинского) обществом – благодаря литературе – характерных и важных для русской жизни типов людей. В этом случае «имя» литературного героя приобретает обобщающий смысл, вбирая в себя целый спектр оттенков и значений. Так произошло и с «лишним человеком», который из литературного типа постепенно трансформировался в концепт русской культуры.

Общеизвестно, что «название» этому типу героя дал И.С. Тургенев в повести «Дневник лишнего человека» (1850). Это название стало одним из «ключевых слов» русской культуры, хотя писатель, скорее всего, не претендовал на универсальность данного определения, наделив им конкретного литературного персонажа – Чулкатурина. Тем не менее, эта характеристика стала ретроспективно применяться к героям литературы предшествующего периода, а также «перспективно» – к персонажам литературы середины – второй половины XIX века.

Обратим внимание, что Чулкатурина практически никто из критиков, писавших о «лишних людях», не включает в «устойчивый» ряд этих персонажей. Скорее всего, это связано с характером, личностью изображенного Тургеневым героя. Самоощущение Чулкатурина, его осознание себя лишним человеком практически не содержит того «возвышающего» комплекса чувств, идей, которые характерны для подобных персонажей. Чулкату-

рин – это сниженный вариант «лишнего человека». Его рефлексия доведена до саморазрушения, его самолюбие носит болезненный характер; он не размышляет по поводу какой-либо деятельности, возможности себя реализовать и т. д. Приведем одну из записей Чулкатурина в его дневнике: «Лишний, лишний... Отличное это придумал я слово. Чем глубже я вникаю в самого себя, чем внимательнее рассматриваю всю свою прошедшую жизнь, тем более убеждаюсь в строгой истине этого выражения. Лишний – именно. К другим людям это слово не применяется... Люди бывают злые, добрые, умные, глупые, приятные и неприятные; но лишние... нет. То есть поймите меня: и без этих людей могла бы вселенная обойтись... конечно; но бесполезность – не главное их качество, не отличительный их признак, и вам, когда вы говорите о них, слово “лишний” не первое приходит на язык. А я... про меня ничего другого и сказать нельзя: лишний – да и только. Сверхштатный человек – вот и все. <...> Во все продолжение жизни я постоянно находил свое место занятым, может быть оттого, что искал это место не там, где бы следовало. Я был мнителен, застенчив, раздражителен... <...> Я разбирал самого себя до последней ниточки, сравнивал себя с другими, припоминал малейшие взгляды, улыбки, слова людей, перед которыми хотел было развернуться, толковал все в дурную сторону...» [9, с. 173]. Для самого героя найденное им слово «лишний» оказывается синонимом слова «бесполезный». Это абсолютное неприятие самого себя, лишенное даже намека на то, что, «верно было мне назначенье высокое...» [5, с. 96], как писал в дневнике лермонтовский Печорин. Таким образом, определение Тургенева, данное его герою, закрепилось именно как определение, но не как основание для сближения героя повести «Дневник лишнего человека» с Онегиным, Печориным, Бельтовым и Рудиным. Однако Чулкатурин тоже не единичное явление, а один из вариантов типа «лишнего человека». Эту его типичность отметил А.В. Дружинин: «Кто из нас не встречал в жизни целого разряда несомненно хороших людей, опустивших руки, съжившихся нравственно...» [4, с. 328]. Любопытно, что Н.А. Добролюбов, – знаковая фигура революционно-демократического движения, политической активности и т. д. – в «Дневниках» признается, что в какой-то период своей жизни нашел в себе ужасающее его сходство с Чулкатуриным.

Широко использовать это определение стала литературная критика, прежде всего публицистическая критика 1850–60-х годов. В статьях Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова возникла типология литературных героев, которая включает в себя персонажей романов Пушкина, Лермонтова, Герцена, а также романов и повестей Тургенева. Н.Г. Чернышевский впервые приводит ряд литературных героев – «лишних людей» – в статье

«Стихотворения Н. Огарева» (1856). Примечательно, что внимание критика привлекает творчество поэта, который «никогда не пользовался шумной популярностью» [10, с. 323]. Чернышевский и не оценивает художественные достоинства поэзии Огарева, обещая это сделать в следующей статье (не написанной). Очевидно, что для него интересен, прежде всего, лирический герой поэзии Огарева. На первый взгляд, его внутренний облик напоминает хорошо знакомых русской литературе романтических персонажей, наделенных скепсисом, рефлексией, пр. Чернышевский развернуто цитирует стихотворный цикл «Монологи», где явно выражен этот нравственно-психологический комплекс:

Я должен над своим бессилием смеяться
И видеть вокруг бессилие людей,
И трудно в правде мне внутри себя признаться,
А правду высказать еще трудней.
Пред истиной покой исчез,
И гордость личная, и сны любви,
И впереди лежит пустынная дорога,
Да тщетный жар еще горит в крови

[10, с. 327–328] и т. д.

Несмотря на условность и даже вторичность этого лирического «персонажа», Чернышевский подчеркивает, что «лицо, чувства и мысли которого вы узнаете из поэзии Огарева, лицо типическое» [10, с. 327]. Однако в стихотворениях Огарева для критика-публициста 1860-х годов оказывается главным не «мученье внутренней борьбы», отзвук которой он слышит в «Монологах», а ее преодоление, о чем, действительно, свидетельствует четвертая часть этого небольшого цикла, тоже цитируемая в статье. Очевидно, именно заключение «Монологов» привлекает Чернышевского и позволяет ему надеяться на то, что скоро можно будет услышать «другие речи»: «речи человека, который становится во главе исторического движения, с свежими силами» [10, с. 330]. Такие радикальные внутренние изменения, которые претерпевает лирический герой Огарева, конечно, исключение из правила, если рассматривать эту литературную ситуацию в широком литературном контексте. В искренности лирического героя Огарева убеждает, скорее, не литературный, а биографический контекст, судьба самого автора, несомненно известная Чернышевскому.

Вместе с тем, говоря уже о людях своего поколения, готовых и способных «теперь сделать шаг вперед» [10, с. 330], Чернышевский подчеркивает, что это стало возможным «благодаря тому только, что дорога проложена и очищена для них борьбою их предшественников» [10, с. 330]. В качестве этих «учителей» он называет литературных героев: «Онегин сменился Печориным, Печорин – Бельтовым и Рудиным» [10, с. 330]. Однако литературные персонажи незаметно становятся в статье критика реальными историческими лицами, действующими

в обстоятельствах современной жизни. «Мы слышали от самого Рудина, – продолжает Чернышевский, – что время его прошло; но он не указал нам еще никого, кто бы заменил его, и мы еще не знаем, скоро ли мы дождемся ему преемника. Мы ждем еще этого преемника, который, привыкнув к истине с детства, не с трепетным экстазом, а с радостною любовью смотрит на нее; мы ждем такого человека и его речи, бодрейшей, вместе спокойнейшей и решительнейшей речи, в которой слышалась бы не робость теории перед жизнью, а доказательство, что разум может владычествовать над жизнью, и человек может свою жизнь согласить со своими убеждениями» [10, с. 330]. По сути, это уже портрет «нового человека», которого Чернышевский позднее изобразит в романе «Что делать?», однако принципиально важно, что он видит внутреннюю связь «новых людей» с «лишними людьми».

Само определение «лишние люди» появляется у ведущего критика журнала «Современник» год спустя, в «Заметках о журналах» 1857 года. Чернышевский полемизирует здесь с С.С. Дудышкиным по поводу сближения им героев Тургенева с Печориным («Отечественные записки», 1857, № 1). «На каком же это основании?» – спрашивает Чернышевский и сразу поясняет мысль своего оппонента: «На том, что все их главные лица “лишние люди”, не находящие себе счастья и благотворного труда в жизни» [11, с. 698]. Это объяснение явно не устраивает критика, ибо, как он иронично замечает, «после того и “Гамлет”, вероятно, покажется написанным под влиянием литературной школы, к которой принадлежал Лермонтов, – ведь Гамлет тоже лишний человек...» [11, с. 698]. Полемизируя с подобными обобщениями, Чернышевский дает характеристику героям Пушкина, Лермонтова, Герцена и Тургенева, стремясь показать их отличие. Совершенно очевидно, что видовое понятие «лишний человек» не является для него сейчас поводом для их сближения. Он уточняет, что Дудышкин не так понял сопоставление Белинским Онегина и Печорина, Печорина и Бельтова, наконец, его собственное сравнение с ними Рудина: «Но параллель между ними проводилась вовсе не затем, чтобы показать их одинаковость, – сходства между этими четырьмя людьми четырех разных эпох общественного развития вовсе нет, – а затем, чтобы показать различие между характером эпох, которым принадлежат они. <...> Вы видите разницу между Рудиным и Бельтовым: один – натура созерцательная, бездейственная, быть может, потому, что еще не приходило время являться людям деятельным. Другой трудится, трудится неутомимо, – но почти бесплодно. Еще менее возможно найти сходство между Рудиным и Печориным: один – эгоист, не думающий ни о чем, кроме своих личных наслаждений; другой – энтузиаст, совершенно забывающий о себе и весь поглощаемый общими

интересами; один живет для своих страстей, другой – для своих идей. Это люди различных эпох, различных натур, – люди, составляющие совершенный контраст один другому» [11, с. 698]. Акцент в этих рассуждениях явно сделан на индивидуальном, но не общем; персоналиях, но не типе. При этом в каждом герое Чернышевский видит как недостатки, так и определенные достоинства.

Их очевидное сближение произойдет в написанной им всего год спустя статье «Русский человек на rendez-vous», имеющей подзаголовок «Размышления по прочтении повести г. Тургенева “Ася”» (1858). Здесь оценка Чернышевским «лишних людей» принципиально меняется, а литературная критика оказывается подчинена публицистической задаче – демонстрации слабых (с точки зрения революционной демократии) сторон либерализма. Правда, в статье речь идет по преимуществу о творчестве Тургенева (повестях «Ася», «Фауст», романе «Рудин»), а также поэме Н.А. Некрасова «Саша». Из «предшественников» подобного типа героя Чернышевский упоминает только Бельтова, сразу переходя к обобщениям: «Припомним, как поступает Бельтов: и он точно так же предпочитает всякому решительному шагу отступление. Подобных примеров набрать можно было бы очень много. Повсюду, каков бы ни был характер поэта, каковы бы ни были его личные понятия о поступках своего героя, герой действует одинаково со всеми другими порядочными людьми, подобно ему выведенными у других поэтов: пока о деле нет речи, а надобно только занять праздное время, наполнить праздную голову или праздное сердце разговорами и мечтами, герой очень боек; подходит дело к тому, чтобы прямо и точно выразить свои чувства и желания, – большая часть героев начинает уже колебаться и чувствовать неповоротливость в языке...» [12, с. 160] и т. д. Автор статьи сближает «лишних людей», прежде всего, в одном качестве – неспособности к решительному поступку, действию. Вместе с тем эта ироническая характеристика все-таки не мешает Чернышевскому называть подобных героев «лучшими людьми», очевидно, на фоне большинства. Как и в предыдущих статьях, Чернышевский постоянно переходит от литературы к действительности, словно «уравнивая в правах» «лишних людей» в жизни и художественном творчестве.

Статья «Русский человек на rendez-vous» вызвала ответную реакцию критика эстетического направления П.В. Анненкова – статью «Литературный тип слабого человека. По поводу тургеневской “Аси”» («Атеней», 1858, № 32). Здесь тоже есть момент обобщения, как и у Чернышевского, хотя если критик «Современника» делает акцент на повторяющейся ситуации, в которой оказывается герой, то Анненков – на самом типе персонажа. При этом выражение «слабый человек» можно воспринимать как аналог «лишнего человека», хотя

и в более мягком варианте. Работы Чернышевского и Анненкова близки также в методологическом отношении: являются «критикой по поводу», выходящей за рамки разговора о повести И.С. Тургенева. Оба критика размышляют о роли и значении типа «лишнего человека» в русской жизни и литературе. Восприятие их в единстве стало в эпоху 1860-х годов уже устойчивой особенностью общественного сознания, сформированной с «участием» литературы и критики. Как пишет Анненков, «общество, имеющее литературу и взятое целиком, даже думает литературными типами, а совсем не статьями и лекциями, так что любимый публикой образ может служить барометром, по которому легко узнается состояние мысли многих тысяч людей, никогда ее не высказывавших» [1, с. 156].

Анненков соглашается с итоговой оценкой своим «предшественником» (его статью Анненков называет «замечательной») «лишнего человека»: не литературного героя, а типа русской общественной жизни. «Мы считаем самой блестящей стороною критики г. Чернышевского, – пишет он, – развитие той мысли, что, по законам неопровержимой аналогии, люди, подобные нашему Ромео, покажут одинаковое отсутствие энергии и способности действовать всюду, куда бы они ни были призваны, и убегут со всякого честного поля труда, какое представит им неожиданное сочетание обстоятельств или счастливый случай» [1, с. 152]. Итак, отсутствие деятельности, способности к труду – главный упрек, который Анненков, как и Чернышевский, предъявляет этому типу человека. Однако в целом Анненков занимает по отношению к нему совершенно иную позицию – сочувственную.

На протяжении всей статьи критик создает развернутый, обобщенный портрет «слабого человека», отвлекаясь от его вариантов – в жизни и литературе. Речь идет не о герое «Аси» или других литературных персонажах (автор статьи вообще не называет каких-либо имен), но о «первообразе», как пишет Анненков, «слабого человека», или об его архетипе, как говорит современная наука. Выстраивая его характеристику, критик сопоставляет «слабого человека» с так называемым «цельным человеком». Из контекста статьи становится ясно, что это люди, уверенные в себе, энергичные, деятельные, однако их энергия, как уточняет критик, лишена «моральной основы» [1, с. 159]. Это обстоятельство и позволяет Анненкову доказывать превосходство «лишнего человека» над «цельным» человеком. Он приходит к заключению, что при всей своей «слабости», это «единственный нравственный тип, как в современной нам жизни, так и в отражении ее – текущей литературе» [1, с. 157]. Главное нравственное достоинство его критик видит в способности «живо понимать страдания во всех его видах и чувствовать на самом себе беды и несчастья другого» [1, с. 169].

В центре внимания Анненкова оказывается не внешняя деятельность подобного типа личности, но его духовное содержание. Автор статьи пытается проследить саму диалектику внутреннего развития «слабого человека». Его нравственный мир, как полагает Анненков, сформировался под воздействием развитого сознания, которое – в свою очередь – стало результатом образованности и душевной работы. Это был, как замечает критик, «первый пример образования» деятеля, «устанавливающего и созидającego внутренний мир человека, к которому потянется необходимо и вся окружающая его сфера» [1, с. 165]. Именно с этих людей, считает Анненков, у нас начинается «разумная жизнь общества» [1, с. 163]. Их развитое сознание дает им возможность, по мнению критика, анализировать и строго оценивать как самих себя, осознавать свою «нравственную бедность» [1, с. 162], так и окружающее. «Они требовали, – пишет Анненков, – от каждого факта – причин его появления, от каждого поступка – смысла, от каждого действия – мысли, служившей ему поводом и основанием. То, что называлось разрывом с действительностью, отвлеченным пониманием жизни, бесплодным одиночеством, была совершенная невозможность жить, дышать и двигаться в стихии неразумности, случайности, каприза...» [1, с. 164]. Эта внутренняя, как правило, не декларируемая позиция индивидуального человека, по мысли Анненкова, имплицитно влияет на развитие общественного сознания. В этом влиянии Анненков и видит «единственную практическую роль» [1, с. 165] того типа человека, которого он называет «слабым».

Библиографический список

1. Анненков П.В. Литературный тип слабого человека. По поводу тургеневской «Аси» // П.В. Анненков. Критические очерки / под ред. И.Н. Сухих. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. – С. 152–178.
2. Герцен А.И. Еще раз Базаров // Герцен А.И. Письма издали. – М.: Современник, 1981. – С. 383–394.
3. Герцен А.И. Дневник 1842–1845 // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 2. – С. 199–416.
4. Дружинин А.В. Повести и рассказы И. Тургенева // Дружинин А.В. Прекрасное и вечное. – М., 1988. – С. 281–364.
5. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. – М.: Изд-во Академии наук, 1962. – С. 5–118.
6. Манн Ю. Лишний человек // Краткая литературная энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – Т. 4. – С. 400–402.
7. Овсянко-Куликовский Д.Н. Из истории русской интеллигенции // Овсянко-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1989. – Т. 2. – С. 4–305.
8. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание: XI Международный съезд славистов. – М.: Наука, 1993. – С. 300–307.
9. Тургенев И.С. Дневник лишнего человека // Тургенев И.С. Собр. соч.: в 30 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 4. – С. 166–216.
10. Чернышевский Н.Г. Стихотворения Н. Огарева // Чернышевский Н.Г. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Правда, 1974. – Т. 3. – С. 323–331.
11. Чернышевский Н.Г. Заметки о журналах 1857 г. // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. – М.: Гос. изд-во художеств. лит., 1948. – Т. 4. – С. 681–805.
12. Чернышевский Н.Г. Русский человек на rendez-vous // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. – М.: Гос. изд-во художеств. лит., 1950. – Т. 5. – С. 156–174.

References

1. Annenkov P.V. Literaturnyj tip slabogo cheloveka. Po povodu turgenevskoj «Asi» // P.V. Annenkov. Kriticheskie ocherki / pod red. I.N. Suhih. – SPb.: Izd-vo RHGI, 2000. – S. 152–178.
2. Gercen A.I. Eshche raz Bazarov // Gercen A.I. Pis'ma izdaleka. – M.: Sovremennik, 1981. – S. 383–394.
3. Gercen A.I. Dnevnik 1842–1845 // Gercen A.I. Sobr. soch.: v 30 t. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. – T. 2. – S. 199–416.
4. Druzhinin A.V. Povesti i rasskazy I. Turgeneva // Druzhinin A.V. Prekrasnoe i vechnoe. – M., 1988. – S. 281–364.
5. Lermontov M.YU. Geroj nashego vremeni. – M.: Izd-vo Akademii nauk, 1962. – S. 5–118.
6. Mann YU. Lishnij chelovek // Kratkaya literaturnaya ehnciklopediya. – M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1967. – T. 4. – S. 400–402.
7. Ovsyaniko-Kulikovskij D.N. Iz istorii russkoj intelligencii // Ovsyaniko-Kulikovskij D.N. Literaturno-kriticheskie raboty: v 2 t. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1989. – T. 2. – S. 4–305.
8. Teliya V.N. Kul'turno-nacional'nye konnotacii frazeologizmov (ot mirovideniya k miroponimaniyu) // Slavyanskoe yazykoznanie: XI Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov. – M.: Nauka, 1993. – S. 300–307.
9. Turgenev I.S. Dnevnik lishnego cheloveka // Turgenev I.S. Sobr. soch.: v 30 t. – M.: Nauka, 1980. – T. 4. – S. 166–216.
10. Chernyshevskij N.G. Stihotvoreniya N. Ogareva // Chernyshevskij N.G. Sobr. soch.: v 5 t. – M.: Pravda, 1974. – T. 3. – S. 323–331.
11. Chernyshevskij N.G. Zametki o zhurnalakh 1857 g. // Chernyshevskij N.G. Poln. sobr. soch.: v 15 t. – M.: Gos. izd-vo hudozhestv. lit., 1948. – T. 4. – S. 681–805.
12. Chernyshevskij N.G. Russkij chelovek na rendez-vous // Chernyshevskij N.G. Poln. sobr. soch.: v 15 t. – M.: Gos. izd-vo hudozhestv. lit., 1950. – T. 5. – S. 156–174.

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЙ В «ОЧЕРКАХ БУРСЫ» Н.Г. ПОМЯЛОВСКОГО

В данной статье рассматривается тема телесных наказаний в «Очерках бурсы» Н.Г. Помяловского и способы ее раскрытия. Автор анализирует приемы, позволяющие Помяловскому обозначить аксиологическую проблематику телесных наказаний. Во-первых, это повторы, которые обнаруживают себя как на уровне эпизодов-сцен насилия, так и на уровне описательных деталей. Во-вторых – антитеза учеников и учителей и одновременно их неочевидное подобие. Отмечается роль в создании художественного эффекта взаимодействия документально-публицистического и художественного дискурсов. На основании проведенного анализа делается вывод о связи аксиологической проблематики произведения Помяловского с христианской составляющей русской литературы, а также о неразрешимости – в пределах художественного мира произведения – конфликта, возникающего из парадоксального соединения тем детства и физического насилия.

Ключевые слова: телесные наказания, аксиология, Помяловский, «Очерки бурсы», повтор, композиционный прием, персонаж.

Очерк «Зимний вечер в бурсе», появившийся в майской книжке журнала братьев Достоевских «Время» в 1862 году, стал первым художественным произведением, где вопрос о телесных наказаниях бурсаков был поставлен со всей остротой. К этому времени уже появились некоторые литературные (публицистические) труды, в которых поднималась тема физического и морального воздействия на учащихся. Так, в 1858 году в Лейпциге (затем – в Париже и Лондоне) вышла книга священника И.С. Беллюстина «Описание сельского духовенства», где достаточно подробно рассматривался вопрос о телесных наказаниях в русских духовных училищах. 1860 год был отмечен публикацией статьи Н.А. Добролюбова «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами», где «вопрос о розгах, о том: бить или не бить» [6, с. 9] анализировался на основе данных о светских учебных заведениях. Таким образом, «Очерки бурсы» оказались включены в общественно-литературный контекст обсуждения проблемы телесных наказаний.

Следует отметить, что отношение Н.Г. Помяловского к своему замыслу не было однозначным. Еще в 1859 году им был написан и отдан в печать рассказ «Долбня», ставший своего рода подготовкой к «Очеркам бурсы». Но вскоре автор забрал его из журнала. Он писал своему другу Н.А. Благовещенскому: «Ты напрасно думаешь, что книжка о духовных мое произведение. Мало того, я отдумал писать о бурсе, потому что не могу быть беспристрастным в этом деле. Я уже... составил было и отрывок... Но тут-то я понял, что не мне продавать бурсу, и выпросил статью назад» [4, с. 133]. Помяловский не мог быть беспристрастным потому, что в совокупности проучился в бурсе и семинарии четырнадцать лет (половину своей жизни). «Очерки бурсы» – главная и итоговая его книга – автобиографична; так что ужас, который испытывает читатель, знакомясь с «Очерками», был прожит Помяловским в реальности.

С другой стороны, общественная атмосфера, почти революционная, начала 1860-х годов как раз не требовала объективности и отстраненности. В этом смысле «страстные» «Очерки бурсы» были произведением своевременным и сразу же породили не менее эмоциональную реакцию. Помяловский даже был назван «Иудой-предателем» за «его клевету и злонамеренность» [1, с. 29]: настолько, видимо, описание автором бурсацкой жизни – и, в частности, телесных наказаний – в представлении некоторых его критиков – не соответствовало истинному положению вещей. Вопрос о том, клеветал ли Помяловский на родную бурсу, действительно спорный и, по существу, выходящий за рамки обсуждения художественного текста как вторичной реальности. Тем не менее упоминания о телесных наказаниях мы встречаем в огромном количестве текстов как художественного, так и документального (мемуарного) характера: в повести И.С. Никитина «Дневник семинариста», в воспоминаниях Н.П. Гилярова-Платонова, Е.Е. Голубинского, А.Л. Катанского, митрополита Леонтия Московского. «Очерки бурсы» в каком-то смысле были включены в этот длинный ряд воспоминаний на правах «человеческого документа» и, соответственно, могли вызывать и неприятие. Так, например, в воспоминаниях Н.И. Субботина мы можем прочесть: «Замечу кстати, что когда я учился в семинарии, было почти то самое, что описано в пресловутых рассказах о бурсе Помяловского, Ростиславлева, Беллюстина и других, – и должен, по совести, сказать, что тех ужасов, безобразий, жестокостей и бесчинств, какие изображаются у этих авторов, и подобия не видел я в нашей семинарии ни между учениками, ни в обществе наставников» [9, с. 109]. По-видимому, объяснить такое расхождение в воспоминаниях и художественных текстах можно не столько с учетом объективности/субъективности авторов, но и реальных различий между духовными училищами, где наказание во многом зависело от педагогических приемов

и уровня личности конкретных наставников. В любом случае писатель вправе видеть мир таким, каким он ему представляется; внести в изображаемую им картину свои акценты, усиливая важные для него ситуации, факты, положения.

Необходимо уточнить, что тема телесных наказаний является только частным случаем более общей темы – «кулачного права», о котором друг Н.Г. Помяловского Н.А. Благовещенский писал, что «в бурсе вообще» оно имеет «огромное значение» [4, с. 118]; и в то время, как с помощью этого «права» бурсаки организуют внутреннюю иерархию, «начальство, в свою очередь, бьет их всех» [4, с. 118].

Жанр очерка, находящийся «на стыке художественной литературы и публицистики» [5, с. 707], позволяет осветить какую-либо общественную проблему, используя средства изобразительности того и другого вида литературы. Как уже было отмечено, проблема телесных наказаний до появления произведения Помяловского присутствовала по преимуществу в публицистических текстах – многочисленные воспоминания появились позже. Из художественных произведений стоит отметить только напечатанную годом ранее (в «Воронежской беседе на 1861 г.») повесть И.С. Никитина «Дневник семинариста». Но и там лишь один раз упоминается карцер, а о телесных наказаниях сказано: «Ну, в семинарии у нас совсем не то: розги почти совсем устранены, а если и употребляются в дело, так это уж за что-нибудь особенное» [7, с. 420]. Правда, в примечаниях отмечено, что «цензурой был вычеркнут в «Дневнике семинариста» ряд мест, в том числе сцена, где показаны телесные наказания, которым подвергали семинаристов» [7, с. 675].

Однако именно эмоционально-экспрессивная, художественная природа «Очерков бурсы» породила острую, страстную реакцию читающей публики, о которой писали некоторые рецензенты. Важно понять, как удается Помяловскому достигнуть этого художественного эффекта, а для этого рассмотреть приемы, с помощью которых изображаются телесные наказания; определить их значение в создании образов персонажей, их композиционную роль.

Уже самое начало (сильное место) «Очерков бурсы» настраивает читателя на совершенно определенное восприятие изображаемого мира: «Класс кончился. Дети играют» [8, с. 260]. Автор акцентирует внимание на том, что речь пойдет о «детях», детстве – том возрастном периоде, который априорно не предполагает страданий и мучений. Тем контрастнее на фоне этой первой строки мучения бурсаков впоследствии и выглядят. Заметим в скобках, что слово «играть» в дальнейшем также «заиграет» различными оттенками, ведь «игры» бурсаков тоже весьма далеки от того, что привычно ассоциируется с детством.

Если же обратиться к другим сильными местам текста – концу первого очерка и концу всего произведения, которые так или иначе соотносятся с самым началом «Очерков бурсы», то мы обнаружим следующее. В обоих случаях речь идет именно о телесных наказаниях. Приведем последнее предложение первого очерка – «Зимний вечер в бурсе»: «На другой день были многие пересечены в бурсе, и многие напрасно...» [8, с. 298]. О концовке всех «Очерков бурсы» говорить сложнее, так как произведение осталось незавершенным из-за смерти автора. Тем не менее в последнем абзаце – логика его, конечно, не завершающая – это логика перехода к чему-то новому – говорится следующее: «Вместе с выходом старого инспектора по крайней мере наполовину уменьшились в училище спартанские наказания, бросили драть под колоколом, не заставляли держать кирпич в поднятой руке, стоя на коленях среди двора, нередко в грязи, не ставили коленями на ребро парты, не относили на рогожках жестоко сеченных учеников, начальство реже расшибало зубы и ломало ребра своим питомцам» [8, с. 418]. Если учитывать соотносительность сильных мест – начала и конца произведения, – то можно заключить, что в тексте «Очерков бурсы» происходит своеобразное сопряжение двух тем – тем детства и ужаса телесных наказаний. Это и создает художественный эффект произведения, о котором писали многие критики. Так, например, П.В. Анненков назвал «Очерки бурсы» «кровавыми страницами» [3]; на анонимного рецензента журнала «Время» чтение «Зимнего вечера в бурсе» произвело «тяжелое и безотрадное впечатление» [1, с. 28] и т. д.

Все главные герои «Очерков» – дети, хотя и разного возраста. Ю.И. Айхенвальд в статье, посвященной Помяловскому, писал: «Изобразитель бурсы – редкий психолог детского сознания» [2]. Первая строка текста только задает направление читательскому восприятию, чтобы в дальнейшем, раскрыв перед читателем ужасы бурсы, столкнуть эти две противоположные во всех смыслах темы. Таким образом, противопоставление – один из основных композиционных приемов «Очерков бурсы». Аксиологическое измерение основному конфликту, основанному на этом противопоставлении, придает то, что действие происходит в духовном учебном заведении. В разных культурах отношение к детству может сильно различаться (недаром Помяловский упоминает «спартанское воспитание»), но в христианской культуре, проповедующей Бога-Любовь, который именно детей поставил «примером для подражания» («...если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3), «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Мф. 19:14)), такое сопряжение тем детства и физического насилия особен-

но подчеркивает ценностную проблематику разворачивающегося конфликта.

Другой композиционный прием – повтор – проявляется в «Очерках бурсы» на двух уровнях. Во-первых, регулярно повторяются сами сцены телесных наказаний. Во-вторых, можно выделить и повторяющиеся детали, призванные создать художественный эффект и усилить впечатление, производимое сценами насилия. Так, например, на телах бурсаков после сечения остаются «полосы»: «...выстегивал в воздухе полосы, которые должны будут лечь на тело его товарища» [8, с. 273]; «...тело наказываемого было покрыто синими полосами» [8, с. 326], – иногда вместо «полос» упоминаются «рубцы». Неоднократно бурсаки вынуждены «таскать из своего тела прутья» [8, с. 315–316, с. 397]. Один из видов наказания – солить раны: «...жарили его линейкой по ладони, били по щекам, посыпали сеченое тело солью» [8, с. 269]; «Лобов вознес его на воздушях, а потом просолил насквозь сеченое тело» [8, с. 322]. Есть и чрезвычайно важный для нашей темы повторяющийся мотив «продажи души черту». Один из бурсаков «достал перочинный нож, разрезал себе руку и своей кровью написал на бумажке: «Дьявол, продаю тебе свою душу, только избавь меня от сеченья»» [8, с. 316]. Обобщая психологическое состояние воспитанников училища, автор пишет: «Ученики понимали, а в эту минуту особенно ясно сознали, что и при их житье-бытье подчас хоть продавай душу черту» [8, с. 316]. Необходимо отметить, что выражение «продавай душу черту» имеет в данном случае не только фразеологические коннотации. Прозвище одного из бурсаков – Сатана, сама бурса нередко именуется «адам». Все это позволяет сделать вывод, что для Помяловского было существенно важно подчеркнуть это соединение в бурсе «духовного» (так как бурса все-таки – духовное училище) и дьявольского. Более того, такое соединение еще более усиливает именно аксиологическую проблематику конфликта, так как, помимо педагогической, в нем появляется явственная религиозная составляющая.

Прием противопоставления очень хорошо виден в расстановке персонажей. Среди действующих лиц произведения можно выделить две большие группы – педагогов и учеников. Безусловно, внутри этих групп отношения также неоднородны, однако антитеза учеников и учителей, во-первых, гораздо более важна в смысловом отношении, во-вторых, неоднократно подчеркнута автором. Так, Помяловский пишет: «Аборигены училища, насилие посаженные за книгу, образовали из себя товарищество, которое стало во враждебные отношения к начальству и завещало своим потомкам ненависть к нему. Начальство, со своей стороны, также стало во враждебные отношения к товариществу» [8, с. 264]. В другом месте о началь-

стве сказано, что «ученики гадили ему злорадно и с местию» [8, с. 307]. Многие ситуации, описанные в книге, строятся на попытках «товарищества» (как в лице отдельных бурсаков, так и групп) каким-то образом уязвить учителей. Произвол же учителей в отношении бурсаков (см., например, последний абзац произведения, отрывок из которого приведен выше) описывается настолько часто и экспрессивно, что у читателя не остается сомнений в характере отношений учеников и учителей.

Однако это противопоставление осложняется парадоксальным сближением тех и других. Учителя в свое время тоже были бурсаками. Об одном из них – Лобове – автор замечает: «Что этот великий педагог в своей юности – недосечен или пересечен?» [8, с. 321] Другого учителя, Долбежина (заметим в скобках, что Долбежин, безусловно, – говорящая фамилия), Помяловский характеризует следующим образом: «Долбежин сам был точно отпетый. Он, как и товарищество, терпеть не мог городских и одному из них дал самое неприличное прозвище; фискала, пришедшего к нему наушничать, он отодрал не на живот, а на смерть; ученики вроде Гороблагодатского были его любимцами» [8, с. 322]. И, наконец, допускается прямое сравнение учителей с бурсаками, чьи портреты уже были представлены в произведении: «Лобов граничил по своему характеру к Тавле, Долбежин к Гороблагодатскому» [8, с. 325].

Это подобие, своеобразный семантический повтор, выполняет в произведении несколько функций. Во-первых, оно делает систему персонажей замкнутой, бурса становится неким герметичным миром, вынужденным повторять себя в различных поколениях. Это, кстати, и стало поводом для критики «Очерков...» П.В. Анненковым, упрекнувшим автора в том, что он не разглядел в жизни и не вывел в произведении никаких возможностей для изменений. Правда, статья Анненкова была написана после публикации первых двух, самых тяжелых, очерков. В дальнейшем, например у Помяловского, появляется учитель Краснов, персонаж из переходного времени бурсы, значительно более гуманный и образованный. Но и он, нужно заметить, не отказывается от телесных наказаний. Эта «замкнутость» системы персонажей и создает своеобразный эффект безвыходности, мрачности бурсы. Во-вторых, взаимное подобие учеников и учителей является и основой для уже выходящих за «пределы» описания бурсы авторских обобщений и инвектив. В публицистических отступлениях, многократно разбросанных в «Очерках», и, в частности, в случаях прямого обращения к читателю Помяловский рассуждает о феномене телесных наказаний. Подчеркивая, что «в описываемый нами период бурсы нравственный уровень товарищества и начальства был почти одинаков» [8, с. 327–328], он находит и оправдание для учителей: «Лобов,

Долбежин, Батька и Краснов поневоле прибегали к насилию нравственному и физическому. Значит, вся причина главным образом не в учителях и не в бурсаках, а в бурсацкой науке, чтоб ей сгинуть с белого света» [8, с. 342]. Таким образом, негодование автора направлено не на «внутренний» мир бурсы, а куда-то вовне, где и нужно искать причины возникновения такой бурсы. Следовательно, и разрешение конфликта оказывается невозможным в пределах художественного мира произведения, конфликт давит своей неразрешимостью на героев.

Наконец, рассуждения о телесных наказаниях появляются и в публицистических отступлениях или прямых оценках изображенного в «Очерках бурсы», где, уже не прибегая к художественным средствам, Помяловский непосредственно ставит вопрос о телесных наказаниях, например: «Религия, хотя и не проповедуется она в бурсе, как у поклонника Магомета, огнем и мечом, но проповедуется розгой, голодом, дерганьем из головы волос, забиением и заушением» [8, с. 401]. Через несколько строк он продолжает: «Мы думаем, что бурсацкое начальство, поступая так, постепенно и незаметно, однако самым радикальным путем, направляет мирозерцание своих учеников к полному атеизму» [8, с. 401].

Подводя некоторые итоги, можно сделать вывод о том, что Помяловскому удастся отчетливо обозначить аксиологическую проблематику основного конфликта произведения, возникающего при соположении тем детства и физического насилия в духовном учебном заведении. Конфликт этот, включенный в общественную полемику о телесных наказаниях начала 1860-х годов, «внутри» мира произведения остается неразрешимым. Однако писателю важнее всего поставить волнующие его вопросы и вызвать нравственную и эмоциональную реакцию читателя.

Библиографический список

1. Два слова о двух статьях // Время. – 1862. – № 9. – С. 28–41.
2. Айхенвальд Ю.И. Помяловский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/pomyalovskiy/aihenv_pomyalovskiy.html.

3. Анненков П.В. Г-н Помяловский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/a/annenkow_p_w/text_0200.shtml.

4. Благовеценский Н.А. Николай Герасимович Помяловский // Современник. – 1864. – № 101. – С. 115–154.

5. Гордеева Е.Ю. Очерк // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А.Н. Николюкин. – М.: Интелвак, 2001. – С. 707–709.

6. Добролюбов Н.А. Собрание сочинений: в 9 т. – М.; Л.: Гос. изд-во художеств. лит., 1963. – Т. 6. – 572 с.

7. Никитин И.С. Сочинения. – М.: Художественная литература, 1980. – 717 с.

8. Помяловский Н.Г. Избранное. – М.: Советская Россия, 1980. – 432 с.

9. Субботин Н.И. Воспоминания. М.В. Тихонравов и А.М. Бухарев // Архимандрит Феодор (А.М. Бухарев): Pro et contra. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997. – С. 108–128.

References

1. Dva slova o dvuh stat'yah // Vremya. – 1862. – № 9. – S. 28–41.
2. Ajhenvaľd YU.I. Pomyalovskij [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://dugward.ru/library/pomyalovskiy/aihenv_pomyalovskiy.html.
3. Annenkov P.V. G-n Pomyalovskij [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/a/annenkow_p_w/text_0200.shtml.
4. Blagoveshchenskij N.A. Nikolaj Gerasimovich Pomyalovskij // Sovremennik. – 1864. – № 101. – S. 115–154.
5. Gordeeva E.YU. Ocherk // Literaturnaya ehnciklopediya terminov i ponyatij / gl. red. A.N. Nikolyukin. – M.: Intelvak, 2001. – S. 707–709.
6. Dobrolyubov N.A. Sobranie sochinenij: v 9 t. – M.; L.: Gos. izd-vo hudozhestv. lit., 1963. – T. 6. – 572 s.
7. Nikitin I.S. Sochineniya. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1980. – 717 s.
8. Pomyalovskij N.G. Izbrannoe. – M.: Sovetskaya Rossiya, 1980. – 432 s.
9. Subbotin N.I. Vospominaniya. M.V. Tihonravov i A.M. Buharev // Arhimandrit Feodor (A.M. Buharev): Pro et contra. – SPb.: Izd-vo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, 1997. – S. 108–128.

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ «ВЕСЕННЕЙ СКАЗКИ» А.Н. ОСТРОВСКОГО «СНЕГУРОЧКА»

В статье показано, как в процессе творческой работы над «Снегурочкой» Островский осуществляет реставрацию мирозерцания древних славян и реконструкцию обряда встречи солнечного бога Ярилы. Драматург опирается на труды современных этнографов и лингвистов, использует собственные наблюдения над жизнью и бытом крестьянства, над природой в окрестностях Щелькова. Он чутко прислушивается к поэзии и прозе своих предшественников и современников, касающихся этой темы. Будучи тонким знатоком живого великорусского языка, Островский глубоко проникает в его корневые основы, хранящие историческую память. Драматург изучает труды по мифологии древних славян А.Н. Афанасьева, П.С. Ефименко, Н.И. Костомарова. Широко и творчески использует Островский русские народные сказки о Снегурочке, включая поэтическую их интерпретацию в творчестве современников.

Ключевые слова: А.Н. Островский, поэтические воззрения славян на природу, язык как хранитель исторической памяти.

Замысел «Снегурочки» возник у Островского в начале 1873 года. Сказка создавалась в счастливые минуты творческого вдохновения. Работу над нею драматург завершил 4 апреля 1873 года в 10 часов вечера. На одном из белых автографов «весенней сказки» стоит другая дата – 31 марта. Примечательно, что это день рождения писателя, которому в 1873 году исполнилось 50 лет. Вероятно, Островский хотел специально приурочить завершение «весенней сказки» ко дню своего рождения. В «Снегурочке» многое сошлось и очень многое раскрылось. Островский считал, что с этим произведением он выходит на новую дорогу в русской драматургии. Поэтому он высоко ценил свою «весеннюю сказку» и ревниво относился к отзывам о ней.

Стихии «весенней сказки» слишком долго бродили в душе Островского, заявляя о себе даже в самых острых социально-бытовых драмах, содержание которых никогда не сводилось у него к сатире и прямому обличению. В «Снегурочке» они лишь отлились в чистом, отрешённом от быта существовании. Истоки сказки уводят нас к весне 1848 года, к впечатлениям юного Островского от первого путешествия в страну дедов и прадедов, в Кострому, а потом в Щельково. Предание о царстве Берендеев в Переславле-Залесском и открывшаяся за ним земля, обильная горами и водами, с рослым, умным и красивым народом, живущим здесь, запали глубоко в сердце впечатлительного юноши и долго ждали своего часа, чтобы отлиться в чистое золото поэзии.

«Весеннюю сказку» Островский вынашивал в своей душе более двадцати лет. Его сестра, Мария Николаевна, вспоминала, что драматург был особенно влюблён в щельковскую весну. Лучшие замыслы осуществлялись во время деревенского отдыха, среди русской природы, в тесном общении с народом. «Колорит поэтической “Снегурочки”, – писал В. Маслих, – это колорит Щелькова и его

ближайших окрестностей. Там до сих пор сохранилось название места, которое драматург перенёс в свою пьесу, это – “Ярилина долина”, небольшая лесная поляна близ Куекши. Здесь исстари местное население справляло свои весенние праздники, на которых неизменно присутствовал Островский, наблюдая обычаи и обряды крестьян <...> Голубой ключ, бьющий в одном из уголков Ярилиной долины, творческая фантазия художника превратила в озеро. А прототип слободы Берендеевки нетрудно угадать в селе Бережки, расположенном на крутом, заросшем густым лесом берегу Куекши» [15, с. 386].

Создавая образ сказочного царя Берендея, мудрого правителя и художника, Островский привнёс в его облик черты знакомых ему щельковских крестьян. Другом Островского был Иван Викторович Соболев, безземельный крестьянин, художник-самоучка. Он жил в «заречном» селе Бережки, всё отдавая своей любимой страсти. Под влиянием искусного народного мастера пристрастился к занятиям резьбой по дереву и сам Островский. Одарённость Соболева проявлялась и в особенном чутье этого крестьянина к живому великорусскому языку. Как легендарному Берендею, ему была «любезна игра ума и слова».

Сын Соболева Иван Иванович вспоминал: «Нет-нет, да и завернёт Александр Николаевич к нам в Николо Бережки: любил он гулять сюда приходиться и в большой дружбе с моим папашей был. Поставит мать самовар, вынесут во двор стол да часа два-три и сидят. Отец много походил по вольному свету, рассказывать начнёт, а то Александр Николаевич вынет тетрадку, станет читать. На суд, говорит, тебе приношу, верно ли, так ли изобразил? Нет ли фальши какой в простонародном выговоре? Мой отец был специалист-резчик по дереву иконостасной части. Его работы можно и теперь увидеть в нашей церкви. Кроме того, он делал весь ремонт мебели в усадьбе Островских и был принят там как свой человек» [6, с. 35].

Первоотсылкой к возникновению замысла «Снегурочки» послужило пребывание Островского в Щелькове весной и летом 1872 года. Весна оказалась тогда на редкость ранней и дружной, а лето жарким и щедрым. В письме к Н.А. Дубровскому от 20 июня 1872 Островский сообщал: «...у нас теперь необыкновенно хорошо и был бы совершенный рай, если б не засуха, которая нас несколько печалит: травы совсем нет, вся сгорела» [18, с. 398]. Но в конце июня палящие лучи Ярилы-солнца помиловали щельковскую природу, прошли дожди, и наступило доброе лето, сулившее богатый урожай. 13 июля Островский писал Ф.А. Бурдину: «Погода у нас хорошая, дни стоят жаркие, а вечера прохладные. Урожай превосходный...» [18, с. 402]. Наконец, в конце августа, подводя своеобразный итог своему любимому времени года, Островский сообщал тому же Бурдину: «В деревне я пробуду до октября, родилось очень много хлеба, надо его убрать <...> Жаль, что ты не приехал, лето было превосходное, – охота и рыбная ловля на редкость <...> Теперь ездю по вечерам на лодке с острогой» [18, с. 403].

Весь летний период Островский провёл в Щелькове один. По разным причинам многочисленные друзья не приехали тогда под гостеприимный кров его дома. Рыбная ловля под Высоковым – любимое развлечение Островского – проходила, очевидно, в кругу деревенских друзей. Жаркое солнце, изгоняющее «последней стужи след» из сердец веселых и беспечных берендеев, творческие силы могучей природы, опоэтизированные в сказке Островского, – во всём этом есть отзвук весенне-летних впечатлений 1872 года.

Не без воздействия Щелькова возникла в «Снегурочке» поэтическая картина народного праздника, Ярилина дня. В XIX веке этот праздник ещё бытовал на территории Костромского края, в том числе и в окрестностях Щелькова. В дневнике Островского за 1867 год сохранилась лаконичная запись: «июня 11. Воскр[есенье]. (Ярилин день)» [17, с. 404]. На эту дату в 1867 году приходился день Святой Троицы. Очевидно, местные крестьяне приурочивали старый языческий обряд к христианскому празднику, Троицыну дню.

Но смысл этого праздника был иным, совершенно не похожим на тот, который реставрирует Островский в «Снегурочке». В Ярилин день крестьяне XIX века уже не встречали бога Солнца, а хоронили его. По свидетельству современных Островскому фольклористов, в Костроме во Всесвятское заговенье совершался обряд погребения Ярилы. Куклу Ярилы в обрядном шествии нёс в гробике старик, а по сторонам шли женщины и оплакивали в песнях Ярилу как умершего. В Галиче и Кинешме представителем Ярилы выбирали старика, специально одетого в лохмотья, и забавлялись над ним. Гуляния в честь Ярилы совершались

под Кинешмой в Яриловой роще, возле Чухломы на Яриловом поле и на Поклонной горе близ села Туровского в Галиче. На Ярилин день существовал обычай «поневеститься»: крестьянские девушки и парни собирались по вечерам в рощах и долинах у прудов и озёр на пляски и игры.

Смысл этого древнего языческого праздника академик Б.А. Рыбаков определяет так: «Календарно обряд уничтожения кукол падает на два периода: во-первых, на раннюю весну (сожжение Масленицы), а во-вторых, на разгар лета, завершаясь Троицыным днем, днем Ивана Купалы (24 июня) или Петровым днем (29 июня).

Первая, ранневесенняя группа обрядов ясна по своему смыслу: правы те этнографы, которые расценивают весёлое сожжение Масленицы и катание горящих колёс с горы в реку как символическое сожжение зимы, как встречу весны в день весеннего равноденствия, когда день начинает побеждать ночь, тепло побеждает холод. Христианский пасхально-великопостный цикл сдвинул разгульную Масленицу со своего исконного места – 24 марта, в силу чего она утратила свою первоначальную связь с весенней солнечной фазой, но целый ряд этнографических фактов говорит о существовавшей ранее связи. <...>

Второй календарный срок ритуального уничтожения или погребения кукол-чучел, названный народом Зелеными святками, заполнен обрядами совершенно иного значения. Они проводились в то время, когда хлебные злаки уже созревали, когда первичное зерно, посеянное в землю, уже отдало всю свою силу новым росткам, начавшим колоситься. <...> Это не праздник урожая, не торжество земледельцев, собравших спелые колосья (до жатвы остаётся ещё более месяца), а моление о том, чтобы старая вегетативная сила весеннего ярового посева перешла в новые, созревающие, но ещё не созревшие растения, передала бы им свою ярь» [24, с. 172–175].

Очевидно, что обряд встречи солнечного бога Ярилы в эпоху Островского ушёл в историю: народная жизнь его потеряла. На какие же источники опирался драматург, показывая эту встречу в «Снегурочке»?

Работа над «весенней сказкой» началась не позднее февраля 1873 года, так как 20 февраля в письме к Островскому Н.А. Дубровский присылает драматургу описание праздника солнца, нужное ему для работы над сказкой: «Я нашёл в моих выписках описание Праздника солнца, которое совершалось таким образом: в ночь на Петров день, 29 июня, в некоторых местностях средней Руси, крестьяне и крестьянки, одетые в праздничные одежды, собирались на возвышенный холм и там ожидали восхождения солнца, что они называли караулить солнце. Восход солнца они приветствовали радостными кликами и даже песнями и лю-

бовались, как оно играет и переливается разными цветами» [25, с. 314].

Сохранились два наброска (сценария) «Девушки-Снегурочки» (первоначальное заглавие), сделанные на черновой рукописи сказки.

Первый вариант – своеобразное продолжение начатой в 1868 году сказки «Иван Царевич». Здесь встречаются прежние сказочные персонажи (Иван Царевич, дурак) и отсутствует центральный конфликт «Снегурочки», связанный с праздником Ярилы, не разработана тема Берендеева царства (есть лишь упоминание о нём).

Второй вариант сценария «Девушки-Снегурочки» приближается к окончательному тексту. Появляется описание Ярилина дня, разрабатывается психологический конфликт драмы.

Когда же наметился перелом в её сюжете?

Толчком к обогащению и усложнению замысла сказки могло послужить знакомство Островского с романом П.И. Мельникова-Печерского «В лесах». В мартовском номере «Русского вестника» за 1872 год, в главе седьмой второй части романа, Мельников-Печерский дал одну из первых в нашей литературе художественных обработок древнеславянского мифа о встрече бога солнца: «Ходит тогда Ярило ночью порой в белом объяринном балахоне, на головушке у него веночек из алого мака, в руках спелые колосья всякой яри. Где ступит Яр-Хмель – там несаянный яровой хлеб вырастает, глянет Ярило на чистое поле – лазоревы цветочки на нём запекутся, глянет на тёмный лес – птички защечечут и песнями громко зальются, на воду глянет – белые рыбки весело в ней заиграют. Только ступит Ярило на землю – соловьи прилетят, помрёт Ярило в Иванов день – соловьи смолкнут. <...> Тронет Яр-Хмель алым цветком сонную девицу, заночует у ней ретивое, не спится молодой, не ложится, про милого, желанного гребтится... А Ярило стоит над ней да улыбается, сам красную девицу утешает: “Не горюй, красавица, не печалься, не муди своего ретивого сердечка – выходи вечерней зарей на моё на Ярилино поле: хороводы водить, плетень заплетать, с дружкой миловаться, под ельничком, березничком сладко целоваться”. <...> Перелески чернеют, пушистыми волнами серебряный туман кроет Мать Сыру Землю <...> Дохнет Яр-Хмель своим жарким, размычивым дыханьем – кровь у молодежи огнём горит, ключом кипит <...> Пары рдеют, забегают в перелески. Слышится и страстный лепет, и звуки поцелуев. Гуляет Яр-Хмель...» [23, с. 276–277, 279].

Возможно, что Островский, увлечённый поэтическими страницами этой главы, изменил первоначальный замысел сказки и ввёл в неё в качестве центральной темы драматургическую разработку мифа о встрече Ярилы, «бога жизни, весны и любви», сменяющем гнев на милость и возвращающемся в царство берендеев. Находясь весну, лето и даже начало осени 1872 года в Щелькове, дра-

матург мог прочесть мартовский номер «Русского вестника» лишь в октябре. Чтение совпало, по всей вероятности, с тем моментом работы над «Снегурочкой», когда первый вариант её сценария был разработан, но перестал удовлетворять драматурга.

Обратим ещё раз внимание на то, что Островский изображает в «Снегурочке» не похороны, а встречу божества солнечной силы, относящуюся не ко второму, а к первому календарному циклу, когда сжигалось чучело зимы (Масленицы) и праздновалось рождение Ярилы, молодого бога плодородия и жизнотворяющей силы. Драматург производит реконструкцию существовавшего в далёком прошлом, но уже забытого современным ему крестьянством языческого обряда, опираясь на роман Мельникова-Печерского и на труды русских фольклористов мифологической школы.

На основании лингвистических, этнографических и фольклорных изысканий А.Н. Афанасьев пытался восстановить в живых поэтических подробностях языческое мироощущение древних славян: «С умалением светил славяне соединяли веру в предвестие несчастий и бедствий; наоборот, с возрастанием светил они связывали понятия счастья, добра, изобилия и урожая» [2, с. 9]. Царь Берендей в «Снегурочке» Островского ставит народное благополучие в зависимость от милостей солнечного бога Ярилы. Душевную остуду, распад единства и падение нравов в мире берендеев он объясняет гневом палящего бога:

Благополучие – велико слово!
Не вижу я его давно в народе.
Пятнадцать лет не вижу. Наше лето
Короткое, год от году короче
Становится, а весны холодней <...>
Не все у нас благополучно, друг.
Пятнадцать лет не кажется Ярило
На наш призыв... [19, с. 412–413].

«Солнце у западных славян, – отмечал А.Н. Афанасьев, – представлялось юношею сильным и красивым... Светлые божества хранили плодотворную силу в своём жилище – в стране вечного лета, которая лежит на восходе солнца... Чувство любви для язычника являлось делом богов света. Любовь в народной песне названа горячею: “горюча любовь на свете”. В другой песне поётся: “Не огонь горит, не смола кипит, / А горит, кипит ретиво сердце по красной девице”. “Любовь – не пожар, – говорит народная пословица, – а загорится – не затушишь”» [3, с. 10–11]. «Славяне, – утверждал он, – признавали в душе человеческой проявление той же творческой силы, без которой невозможна на земле никакая жизнь: это сила света и теплоты, действующая в пламени весенних гроз и в живительных лучах солнца. Душа – собственно частица, искра этого небесного огня, которая и сообщает очам блеск, крови – жар и всему телу – внутреннюю теплоту. Различные душевные движения народ обозначает уподоблением огню:

чувству он дает эпитеты горячее, тёплое, пылкое; о любви, вражде и злобе выражается, что они возгорелись или погасли. <...> Если душа понималась как огонь, то жизнь возможна была только до тех пор, пока горело это внутреннее пламя: погасало оно – и жизнь прекращалась. У нас уцелело выражение: погасла жизнь; выражение это в народной песне заменено сравнением смерти человека с погасшею свечою...» [4, с. 197, 199].

Персонализация бога Солнца в человеческом образе, в белой светоносной одежде, жертвенная гибель Снегурочки под его лучами приближали языческое мирозерцание народа к осмысленному принятию истин христианской религии. Для Островского это было важно и значимо. Здесь он смыкался с другом своим, историком и этнографом Н.И. Костомаровым, который писал: «Эта идея воплощения, страдания и торжества божественного существа на земле была чудесным предчувствием пришествия Сына Божия, солнца правды, света истины, и служила величайшим историческим подтверждением истины нашего Священного Писания. Это была идея, вложенная Творцом в род человеческий: человек, какую бы религию ни создал себе, непременно должен был проявить в ней то начало, с которым сам произошёл на свет; оторвать от него мысль о вочеловечении Божества было столь же трудно, как истребить веру в свою душу» [12, с. 26].

Язычество древних славян являло собою довольно развитую систему духовно-нравственных представлений, органически связанных с культом воссоздающих, созидающих сил природы, утверждающих «веру в существование души природы, веру в единение природного и человеческого» [22, с. 71]. И нравственное ядро этих древних верований, хранившихся не только в устном народном творчестве, но и в живом великорусском языке, было органически усвоено и переосмыслено православием. Народное мирозерцание оказалось во многом созвучно ему и даже способствовало развитию нравственных начал православия.

«Крещение Руси соединило два родственных мироощущения. Так, русские внесли в православие жизнеутверждающий оптимизм победы добра и усилили его нравственные начала, придав им более конкретный характер практического добролюбия. Этим русское православие отличалось от византийского, которое абсолютизировало идею зла, его неотвратимости, преодолеть которое можно только через строгий аскетизм и мистические искания» [20, с. 23].

П.С. Ефименко, например, убедительно доказал, что культ Ярилы в христианскую эпоху органично перерос в культ Святого Георгия. Существенные черты, характеризующие старого древлеславянского бога, обнаруживаются в народных представлениях «о Егории храбром», в честь

которого 23 апреля совершается в деревнях выгон скота, а крестьянки умываются Егорьевской росой, охраняющей их от всех болезней.

Островский был знаком с работой Ефименко, вышедшей в свет в «Записках Императорского Русского географического общества» в 1868 году, а в 1869-м опубликованной отдельным изданием. Из неё драматург взял описание внешности солнечного бога славян: «Ярило, прекрасный юноша, даёт растительную силу хлебам, травам и деревьям и чадородие людям и животным. На голове у него венчик из свежих весенних полевых цветов, в левой руке горсть колосьев – знак того, что Ярило есть произраститель цветов и хлебов; в правой руке у него человеческая голова, по всей вероятности, голова побеждённой им зимы и ночи» [9, с. 11]. Примечательно, что Островский придал этой голове совсем иную, «светоносную» силу: в правую руку Ярилы он вложил «светящуюся голову человечью» [19, с. 457]. Драматург знал, что мёртвая голова трактовалась в древние времена как символ бессмертия и божественной мудрости [7]. Спорную трактовку этого символа даёт В.А. Кошелев [13].

Труды П.С. Ефименко, Н.И. Костомарова, А.Н. Афанасьева, Ф.И. Буслаева повлияли на замысел «весенней сказки» не только прямо, но и косвенно, самым методом поиска древнего мирозерцания народа через развёртывание образной энергии, скрытой в корневых глубинах русского языка. Вслед за Буслаевым, Островский видел в языке кладёз исторической памяти, «сложную сеть первичных житейских впечатлений, воспринятых человеком, и основных народных представлений о божестве, мире и человеке, какие отложились от этих впечатлений». Слово для него было «не случайной комбинацией звуков, не условным знаком для выражения мысли, а творческим делом народного духа, его поэтической деятельности. Это художественный образ, в котором запечатлелось наблюдение народа над самим собой и над окружающим миром. В первых своих очертаниях этот образ заключался в корне слова. По мере накопления опыта и наблюдения, по мере осложнения впечатлений и отношений первичный образ разрастается в верование, в идею божественной силы, незримо присутствующей в видимом мире, потом в миф, в представление о видимом, осязательном проявлении этой силы, в закон или житейское правило, устанавливаемое этим верованием и представлением, наконец, в обычай и предание, создаваемое верованиями, мифами и законами путем их передачи из поколения в поколение... Так язык рос вместе с народной жизнью, и его история есть летопись этой жизни, и летопись художественная, своего рода эпопея, в поэтических образах отразившая народные верования, понятия, убеждения, обычаи и права в тёмную эпоху их зарождения» [11, с. 225–226].

А.Н. Афанасьев утверждал: «Анализируя слова, возводя их к начальным корням и восстанавливая забытый смысл этих последних», филология «открыла нам мир доисторический, дала средства разгадать тогдашние нравы, обычаи, верования, и свидетельства её тем драгоценнее, что старина выражается и перед нами теми же самыми звуками, в каких некогда выражалась она первобытному народу» [1, с. 52].

Это была очень поэтичная лингвистика, требующая художественной интуиции, с помощью которой в словах раскрывался «спящий» в них смысл, их мифологическая первооснова. Как археолог по отдельным предметам в древнем культурном слое восстанавливает картину ушедшей от нас цивилизации, так и знаток языка, погружаясь в образно-смысловую ткань слова, в самом духе языка улавливает отголоски древнего народного мирозерцания.

Именно такой метод использует Островский в «Снегурочке», когда он соотносит зимнюю природу со стужей людских сердец или когда он изображает пробуждение природы под лучами набирающего силу весеннего солнца и «оттаивание», потепление холодного сердца Снегурочки.

«Обратившись к довольно распространённому сказочному сюжету о Снегурочке, автор внес определенный вклад в жанр литературной сказки, – замечает И.А. Овчинина. – Возможно (наряду с другими фольклорными, историческими и литературными материалами), по-своему откликнулась в новом творении Островского и опубликованная в журнале “Москвитянин” в 1853 году украинская сказка “Снегурка” в переводе Г.П. Данилевского, из которой в сюжет произведения Островского мог войти мотив редкой красоты Снегурочки и тема женихов. В украинской сказке вылепленная из снега красавица, ставшая желанной дочерью бездетных стариков, с каждым днём становилась всё краше и наконец превратилась в “пышную невесту”, чья красота привлекала к себе многих молодых людей: “И, почуяв плод созрелый, / Женихи, как листья в осень, / К ним посыпались в ворота”. Отдельные ситуации драматург позаимствовал из русской народной сказки, из лирических песен, преданий, календарных обрядов» [16, с. 203–204].

Е.В. Душечкина обращает внимание на близкий Островскому финал «Снегурки» Данилевского: «Весной к ней начинают свататься женихи, но она с каждым днём грустнее и, в конце концов, тает на глазах стариков:

Стала таять, словно свечка,
Заклубилась лёгким паром,
Тихо в облачко свернулась
И в лучах зари исчезла...» [8, с. 139]

Исследователи творчества Островского упоминают и на другие источники, которыми пользовался драматург, работая над «Снегурочкой» [5]. В хоре гусяров из второго действия «весенней сказки» звучат мотивы «Слова о полку Игореве»; в монологах Бобыля ощутимы интонации «Песни

Бобыля» И.С. Никитина. Были убедительные попытки сопоставить «Снегурочку» с драмой Шекспира «Сон в летнюю ночь» [10].

Л.М. Лотман установила связь «Снегурочки» с некрасовской поэмой «Зелёный шум», в которой этот шум, «как в игровой украинской песне, был “очеловечен”, превращён в живую фигуру, проникнут нравственным началом, влияющим на поступки людей. Такой же личностью – реальной и властно влияющей на человека и его душевное состояние – является в поэме Зима», которая приобретает «сказочные черты злой колдуньи, несущей “остуду” людским сердцам». Но «приход весны, возрождение природы, начало полевых работ, соединяющих людей в труде, укрепляют веру в нравственной правомерности доброты и самоограничения во имя другого человека, дают герою смелость следовать внутреннему побуждению: “Прощай, пока прощается, / И – Бог тебе судья!”» [14, с. 99–101].

Л.А. Розанова устанавливает переклички между Берендеем в «Снегурочке» и царём в «Притче» (1870) Некрасова. Она же открывает параллели между «весенней сказкой» Островского и сказочной фантастикой в поэме-эпосе Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» [21]. Бесспорны в «Снегурочке» отголоски мотивов Зимы и Мороза из поэмы Некрасова «Мороз, Красный нос».

Одним из существенных источников «весенней сказки» явилась поэзия крестьянских праздников. Среди бумаг драматурга, собранных им во время литературной экспедиции 1856 года, есть копия статьи с описанием майского праздника в Тверской губернии, материал о свадебных обрядах в Даниловском уезде Ярославской губернии (отсюда использованы Островским во втором кличе бирючей наговоры свадебных дружек). Хор птиц заимствован драматургом из народной песни «Какво птицам жить на море», монолог обиженной Мизгирем Купавы несёт в себе следы обработки находящейся в бумагах Островского «Песни о хмеле».

Библиографический список

1. Афанасьев А.Н. Живая вода и вещее слово. – М.: «Советская Россия», 1988. – 512 с.
2. Афанасьев А.Н. Зооморфические божества у славян // Отечественные записки. – 1852. – № 3. – Отд. 2.
3. Афанасьев А.Н. Зооморфические божества у славян // Отечественные записки. – 1852. – № 2. – Отд. 2.
4. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. – Т. 3. – М., 1869. – 840 с.
5. Батюшков Ф. Генезис «Снегурочки» Островского // Журн. Мин-ва нар. просв. – 1917. – № 5. – С. 47–66.
6. Бочков В.Н. Заповедная сторона. (Вокруг Щелыкова). – Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1988. – 96 с.

7. Голова [Электронный ресурс] // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. – М., 2002 – 512 с. – Режим доступа: <http://www.symbolarium.ru/index.php>. (дата обращения: 06.01.2019).

8. Душечкина Е.В. Снегурочка и её лики в русской культуре // «Снегурочка» в контексте драматургии А.Н. Островского. Материалы научно-практической конференции. – Кострома, 2001. – С. 137–146.

9. Ефименко П. О Яриле, языческом божестве русских славян. – СПб.: Тип. Майкова, 1869. – 36 с.

10. Ишук-Фадеева Н.И. «Рассказ любви в прекраснейшей из книг» («Сон в летнюю ночь» Шекспира и «Снегурочка» Островского) // Щельковские чтения 2005. – Кострома, 2006. – С. 145–159.

11. Ключевский В.О. Ф.И. Буслаев как преподаватель и исследователь // Московский университет в воспоминаниях современников. – М.: Современник, 1989. – С. 223–229.

12. Костомаров Н.И. Славянская мифология. Исторические монографии и исследования. – М.: Чарли, 1994. – 688 с.

13. Кошелев В.А. Поэма Ярилы: о мифопоэтике «Снегурочки» // Щельковские чтения 2011. – Кострома, 2012. – С. 96–106.

14. Лотман Л.М. Островский и литературное движение 1850–1860-х годов // А.Н. Островский и литературно-театральное движение XIX–XX веков. – Л.: Наука, 1974. – С. 83–110.

15. Маслих В. А.Н. Островский в Щелькове // Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусству и общественной мысли XIX века. – М.: Государственное издательство культурно-просветительской литературы, 1950. – Т. 8. – С. 359–396.

16. Овчинина И.А. А.Н. Островский. Этапы творчества. – М.: Энциклопедия сёл и деревень, 1999. – 220 с.

17. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 10: Статьи, записки, речи. Дневники. Словарь. – М.: Искусство, 1978 – 720 с.

18. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 11: Письма (1848–1880). – М.: Искусство, 1979. – 782 с.

19. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 7: Пьесы (1866–1873). – М.: Искусство, 1977. – 606 с.

20. Платонов О. Русская цивилизация. – М.: Роман-газета, 1995. – 222 с.

21. Розанова Л.А. «Снегурочка» и аналогичный ряд художественных произведений (XIX век) // Щельковские чтения. – Кострома, 2002. – С. 127–138.

22. Розанова Л.А. О философском значении пейзажей в микромире пьесы «Снегурочка» // Щельковские чтения. – Кострома, 2004. – С. 57–78.

23. Русский вестник. –1872. – Т. 98 (март).

24. Рыбаков Б. Рождение богинь и богов // Мифы древних славян. – Саратов: Надежда, 1993. – С. 141–234.

25. Соковнин А.Е., Мясникова Е.С. Письма к Островскому актёров и театральных деятелей // Литературное наследство. Т. 88: А.Н. Островский. Новые материалы и исследования. Книга первая. – М.: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 1974. – С. 275–410.

References

1. Afanas'ev A.N. Zhivaya voda i veshchee slovo. – М.: «Sovetskaya Rossiya», 1988. – 512 s.

2. Afanas'ev A.N. Zoomorficheskie bozhestva u slavyan // Otechestvennye zapiski. – 1852. – № 3. – Otd. 2.

3. Afanas'ev A.N. Zoomorficheskie bozhestva u slavyan // Otechestvennye zapiski. – 1852. – № 2. – Otd. 2.

4. Afanas'ev A. N. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu. – Т. 3. – М., 1869. – 840 s.

5. Batyushkov F. Genezis «Snegurochki» Ostrovskogo // Zhurn. Min-va nar. prosv. – 1917. – № 5. – S. 47–66.

6. Bochkov V.N. Zapovednaya storona. (Vokrug SHChelykova). – YAroslavl': Verhne-Volzhsкое knizhnoe izdatel'stvo, 1988. – 96 s.

7. Golova [EHlektronnyj resurs] // Slavyanskaya mifologiya. EHnciklopedicheskiy slovar'. Izd. 2-e. – М., 2002 – 512 s. – Rezhim dostupa: <http://www.symbolarium.ru/index.php>. (data obrashcheniya: 06.01.2019).

8. Dushechkina E.V. Snegurochka i eyo liki v russkoj kul'ture // «Snegurochka» v kontekste dramaturgii A.N. Ostrovskogo. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii. – Kostroma, 2001. – S. 137–146.

9. Efimenko P. O YArile, yazycheskom bozhestve russkih slavyan. – SPb.: Tip. Majkova, 1869. – 36 s.

10. Ishchuk-Fadeeva N.I. «Rasskaz lyubvi v prekrasnejšej iz knig» («Son v letnyuyu noch») SHekspira i «Snegurochka» Ostrovskogo // SHChelykovskie chteniya 2005. – Kostroma, 2006. – S. 145–159.

11. Klyuchevskij V.O. F.I. Buslaev kak prepodavatel' i issledovatel' // Moskovskij universitet v vospominaniyah sovremennikov. – М.: Sovremennik, 1989. – S. 223–229.

12. Kostomarov N.I. Slavyanskaya mifologiya. Istoricheskie monografii i issledovaniya. – М.: CHarli, 1994. – 688 s.

13. Koshelev V.A. Poza YArily: o mifopoehtike «Snegurochki» // SHChelykovskie chteniya 2011. – Kostroma, 2012. – S. 96–106.

14. Lotman L.M. Ostrovskij i literaturnoe dvizhenie 1850–1860-h godov // A.N. Ostrovskij i literaturno-teatral'noe dvizhenie NIN–HKH vekov. – Л.: Nauka, 1974. – S. 83–110.

15. Maslih V. A.N. Ostrovskij v SHCHelykove // Zven'ya. Sbornik materialov i dokumentov po istorii literatury, iskusstvu i obshchestvennoj mysli XIX veka. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo kul'turno-prosvetitel'skoj literatury, 1950. – T. 8. – S. 359–396.
16. Ovchinina I.A. A.N. Ostrovskij. Ehtapy tvorчества. – M.: EHnciklopediya syol i dereven', 1999. – 220 s.
17. Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: V 12 t. T. 10: Stat'i, zapiski, rechi. Dnevnik. Slovar'. – M.: Iskusstvo, 1978 – 720 s.
18. Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: V 12 t. T. 11: Pis'ma (1848–1880). – M.: Iskusstvo, 1979. – 782 s.
19. Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: V 12 t. T. 7: P'esy (1866–1873). – M.: Iskusstvo, 1977. – 606 s.
20. Platonov O. Russkaya civilizaciya. – M.: Roman-gazeta, 1995. – 222 s.
21. Rozanova L.A. «Snegurochka» i analogichnyj ryad hudozhestvennyh proizvedenij (XIX vek) // SHCHelykovskie chteniya. – Kostroma, 2002. – S. 127–138.
22. Rozanova L.A. O filosofskom znachenii pejzazhej v mikromire p'esy «Snegurochka» // SHCHelykovskie chteniya. – Kostroma, 2004. – S. 57–78.
23. Russkij vestnik. –1872. – T. 98 (mart).
24. Rybakov B. Rozhdenie bogin' i bogov // Mify drevnih slavyan. – Saratov: Nadezhda, 1993. – S. 141–234.
25. Sokovnin A.E., Myasnikova E.S. Pis'ma k Ostrovskomu aktyorov i teatral'nyh deyatelej // Literaturnoe nasledstvo. T. 88: A.N. Ostrovskij. Novye materialy i issledovaniya. Kniga pervaya. – M.: Institut mirovoj literatury im. A.M. Gor'kogo Rossijskoj akademii nauk, 1974. – S. 275–410.

Овчинина Ирина Алексеевна
доктор филологических наук, профессор
Ивановский государственный университет
ovchni@yandex.ru

Пирвердян Екатерина Алексеевна
кандидат филологических наук,
Ивановская государственная филармония
pirverdyan.katerina@yandex.ru

ОБ АВТОГРАФЕ ЛИБРЕТТО КОМИЧЕСКОЙ ОПЕРЫ А.Н. ОСТРОВСКОГО «НЕ ТАК ЖИВИ, КАК ХОЧЕТСЯ»

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ
исследовательского проекта № 18-012-00141 А.

В статье рассматриваются особенности либретто А.Н. Островского комической оперы «Не так живи, как хочется», переработанного впоследствии во «Вражью силу». Впервые проанализирован черновой автограф либретто, хранящийся в Российской государственной библиотеке (РГБ). Внимание авторов направлено на сложную историю создания произведения, характер различных исправлений, вносимых в текст, художественные приёмы, которыми пользовался драматург, знающий и учитывающий особенности оперной сцены. Изучение рукописного источника в условиях подготовки оперного сценария к научному изданию в Полном собрании сочинений и писем А.Н. Островского является актуальной задачей. Внимательное знакомство с рукописью даёт наглядное представление о замысле драматурга в начале работы и его драматичной судьбе после кардинального изменения представлений А.Н. Серова о сюжете и общей направленности либретто.

Ключевые слова: автограф, издание, источник, опера, либретто, текст, драма.

Творчество А.Н. Островского по праву принадлежит не только истории драмы, но и «истории музыки, так как он был единственным великим писателем, написавшим несколько оперных текстов» [4, с. 3]. Островский был «в постоянном и тесном соприкосновении с музыкой и её представителями» [4, с. 3], с удовольствием сотрудничал с композиторами. В.Н. Кашперов, П.И. Чайковский, Н.А. Римский-Корсаков, М.М. Ипполитов-Иванов не раз обращались к нему с просьбой написать либретто либо помочь советом в его создании. Драматург разбирался не только в вопросах музыкально-сценической интерпретации первоисточника, положенного в основу оперного текста, но и чувствовал тонкую грань между двумя различными жанрами драматургии. Понимая специфику оперного театра, особую роль литературной части, необходимость поступаться словесным текстом в угоду музыке, учитывая предельную сжатость, фактурность, ёмкость и схематичность изложения, он достаточно быстро писал свои оперные либретто, отмечая всё, кажущееся уму лишним на оперной сцене, и тем самым зачастую предупреждая действия композиторов. В одном из писем он признался: «...написать либретто не составляет для меня большого труда» [9, т. 11, с. 255].

Увлёкшись сюжетом «народной драмы в трёх действиях» «Не так живи, как хочется», Серов обратился к Островскому с предложением написать по этой пьесе оперное либретто. Эта идея показалась драматургу неудачной. В письме к композитору он указал на отсутствие в драме страстей, сильных положений. «...В этом сюжете мало картинности для сцены», – писал Островский, пред-

ложив поискать сюжет у других авторов, так как все его сочинения «бытовые и не эффектны для глаз» [9, т. 11, с. 254–255]. Но, не устояв перед натиском убедительной просьбы композитора, драматург принял за написание либретто.

Поначалу работа над сценарием оперы шла быстро, в атмосфере дружеского сотрудничества и взаимопонимания (по прошествии полугода, зимой 1867 г., драматург практически полностью закончил оперное либретто и отдал его композитору). Но Серов, будучи увлечённой натурой, достаточно быстро менял свои взгляды, и его видение сюжета будущей оперы в конечном итоге заметно изменилось. Серов, по мнению М.Я. Раппопорта, «впал в ошибку, отступив в развязке драмы» от художественного решения Островского: «...Развязка является не последствием органически-связанных перипетий драмы, а скорее – мелодраматическим эффектом, слабо мотивированным грубою, необузданною страстью Петра» [7, с. 1]. Как свидетельствует жена композитора, В.С. Серова, драматург «быстро написал три акта либретто, но на четвёртом акте вышла остановка, задержавшая <...> работу над оперой» [5, с. 3]. Переписка композитора и драматурга свидетельствует о том, что Островский трудился над четвёртым актом и высылал текст по частям. Под давлением «заказчика» Островский вынужден был постоянно вносить коррективы в уже готовое произведение. Через полгода после получения окончательной редакции композитор в очередной раз поменял своё мнение, потребовав написать новый сценарий с другим финалом. Но это категорически не устраивало Островского, так как речь шла о кардинальном изменении сюжета его пьесы. Возникшие разногла-

сия привели к конфликту и полному разрыву отношений [8, с. 92–93]. Вероятно, та часть четвёртого действия (первоначально опера и задумывалась как четырёхактная), которую начал Островский и которую забраковал Серов, так и осталась в набросках на отдельных листах на рабочем столе композитора и, по всей видимости, утеряна, так как в написании либретто оперы «Вражья сила» после разрыва двух художников принимало участие несколько авторов (П.И. Калашников, А.Ф. и Н.Ф. Жоховы).

Автограф либретто комической оперы в четырёх действиях «Не так живи, как хочется» – это единственный на сегодняшний день целиком сохранившийся текст оперного либретто, написанный Островским для Серова. Характерно, что автограф присоединён к рукописи пьесы «Не так живи, как хочется» (лл. 28–37), пронумерован в несоответствующем порядке: начало рукописи (лл. 36 об.–37), продолжение первого действия (л. 36, лл. 28–29), второе действие (лл. 29–33 об.), третье действие (лл. 33 об.–35 об.). Рукопись обрывается незавершённым диалогом Петра и Ерёмки. Поэтому П.В. Безобразов сначала принял рукопись первоначальную за стихотворную редакцию пьесы «Не так живи, как хочется»: «Сохранилось несколько листов этих стихов, и надо радоваться, что автор не остался при своём намерении. <...> Как только Островский обработал тот же сюжет прозой, сказала рука мастера» [2, с. 349–350]. Но в следующем номере «Исторического вестника» в заметке «К статье “Рукописи Островского”» он сделал исправление: «Это lapsus calami, которые я заметил... к сожалению, слишком поздно». И далее: «...те листы... представляют собой оперное либретто, написанное самим Островским» [3, с. 735]. Как видно, Н.П. Кашину это исправление было неизвестно и, оспаривая первоначальное утверждение П.В. Безобразова, он заметил: «...упомянутая стихотворная редакция представляет отрывок из либретто для оперы, которое было кончено не самим драматургом...» [6, с. 195].

Черновая рукопись содержит рабочие пометки, вставки, зачёркивания, переносы текста, пропуски, надписи поверх текста, часто трудночитаемые. В тексте много сокращений, отсутствуют знаки препинания, есть фрагменты с пропуском слов (в частности, слова народных песен, включённые по аналогии с пьесой в канву либретто).

Драматург в чётко определил жанр будущей оперы: «Не так живи, как хочется. Комическая опера в 4 действиях» [11, л. 36 об.]. Вследствие многочисленных доработок, сделанных по просьбе Серова, не согласного с определением жанра («комическая опера»), количество действий выросло до пяти. Примиряющий финал пьесы, по сюжету которой создавалось либретто, уже не устраивает композитора; кровавая развязка ему кажется более убедительной и эффектной, что побудило, не советуясь

с драматургом, дать опере новое название – «Вражья сила». Правда, по свидетельству Н.Д. Бернштейна, заглавие своей оперы композитор позаимствовал «из неиспользованного Серовым четвёртого действия» [4, с. 3], что, по его мнению, закрепляет за Островским авторство текста и названия.

Смена названия – это принципиальный момент. Пьеса «Не так живи, как хочется», привлёкшая внимание Серова, вначале называлась «Божье крепко, а вражье лепко: Масленица». Н.Г. Михновец отмечает: «Проблема личной свободы и вопрос об убедительности финального раскаяния героя в драме “Не так живи, как хочется” на протяжении нескольких десятилетий неизменно оставались предметом внимания критиков. Нарушение заветов отцов Петром и Дашей, вступивших в брак без родительского благословения, заложило конфликтную основу пьесы. Своеволие этих героев, определившее развитие действия в пьесе, свидетельствовало об историческом процессе развития народной среды. Предельным выражением своеволия стал масленичный “загул” Петра, заключавший в себе для героя некую роковую предопределённость» [10, с. 811]. Драматургу важно было выразить мысль о том, что лишь на пути покаяния возможно подлинное преобразование и очищение человека. Не случайно произведения этого периода отмечены изображением положительных начал русского народного быта и характера. «Кровавая» развязка, которую хотел видеть в опере Серов, никак не соответствовала художественным представлениям Островского. Необходимо обратить внимание на замечание Н.Г. Михновец: «...своеволие Петра имеет временный характер: загул героя обусловлен широкой Масленицей. Конфликт между личностью, в какой-то момент стремящейся к неограниченному своеволию, и патриархальным обществом, осложнённый внутренним конфликтом в самом герое между любовной страстью и семейным долгом, разрешается утверждением правоты старшего поколения и осознанием Петром своей греховности и его раскаянием. Возможность резкого изменения поведения героя в финальной сцене была мотивирована особенностью русской национальной культуры и русского характера: действие драмы проходило в Прощёный день» [10, с. 812]. А за Прощёным воскресением следует Великий пост.

В черновом автографе либретто «Не так живи, как хочется» перечень действующих лиц представлен не полностью и написан драматургом только для первого действия:

Илья, богатый дворянин, живущий у брата в монастыре на покое.

Пётр, его сын.

Даша, жена Петра.

Афимья, их тётка.

Вася, молодой боярский сын.

Прислуга.

Из текста рукописи видно стремление Островского разнообразить социальный состав произведения

и тем самым придать особый колорит и зрелищность каждой сцене. Илья и Пётр – дворяне, Вася – боярин, тогда как в опере Серова они относятся к купечеству (Илья – богатый московский купец, Вася – молодой купеческий сын). Всё это не могло не отразиться на художественном оформлении сценического пространства и на цветовой гамме костюмов персонажей, во «Вражьей силе» заметно обеднённой. Так как первое действие, по первоначальному замыслу, происходит в доме дворянина, драматург в список действующих лиц включает прислугу. Эффектность сценам второго и третьего действия чернового автографа либретто придало присутствие купцов, ямщиков, а также девушек – подружек Груши.

Примечательно, что, в отличие от пьесы, Островский переносит действие из XVIII столетия в XVII век. Эта немаловажная деталь должна была добавить яркости и выразительности сценическим костюмам и декорациям. Драматург, по признанию Серова, понимал, «что именно требуется музыкально-сценическими условиями»: «Вы перенесли действие драмы на столетие назад и в боярский быт, вероятно, для костюмов, для внешности. Это действительно – не мешает» [1, с. 112]. Впоследствии, в «Записке по поводу проекта “Правил о премиях императорских театров за драматические произведения”», Островский писал: «Что декорации необходимы не только для блеска обстановки, но и для правдоподобия изображаемой в пьесе жизни, это – дело решённое. Искусство становится правдивее, и всё условное мало-помалу сходит со сцены. Как в жизни мы лучше понимаем людей, если видим обстановку, в которой они живут, так и на сцене правдивая обстановка сразу знакомит нас с положением действующих лиц и делает выведенные типы живее и понятнее для зрителей. Артистам правдивые декорации оказывают большую помощь при исполнении, доставляя им возможность натуральных положений и размещений» [9, т. 10, с. 233]. Будучи опытным сценаристом, драматург считал не менее важным уделять внимание мельчайшим деталям, которые можно воспринимать как своего рода режиссёрские указания: «Даша (сидит у стола); Афимья (стоит подле неё). Илья (в зимней одежде с меховой шапкой в руке стоит посреди комнаты)» [11, л. 36 об.]. В опубликованном либретто детали описаны более скудно: «Даша сидит пригорюнясь; около неё Афимья»; «Илья в шубе с тростью и шапкой в руках идёт через комнату к выходной двери» [12, с. 3, 6].

Не улучшили произведение и другие исправления, внесённые, по всей видимости, Серовым. Так, в либретто «Не так живи...» первый монолог Даши звучит так: «Чует, чует ретивое, / Не к добру оно болит! / Перед горем иль бедою / Говорят, его щемит» [11, л. 36]. В либретто оперы «Вражья сила» последние слова во второй и четвёртой строках Серов меняет местами: «Чует, чует рети-

вое, / Не к добру его щемит – / Перед горем иль бедою, / Говорят оно болит!» [12, с. 5]. Другой пример неоправданной замены также является весьма показательным. В начале первого действия чернового автографа либретто Даша с болью говорит: «Да чему и быть другому / <...> / Коли мужу, как чужому / Опостыл родимый дом» [11, л. 36]. В опубликованном тексте слово «опостыл» заменено на «опостылил» [12, л. 36], а это привело к смене ритма. В черновом автографе монолог Даши приближен к русской народной лирической песне, а в издании Стелловского явно проступает танцевальность, дробность, мелкая ударность слова, присущая русским народным плясовым, а это объективно не соответствует настроению героини. В рукописи Островского Даша обращается к Илье: «Хоть бы сына ты дождался» [11, л. 36]. В тексте «Вражьей силы» реплика звучит иначе: «Хоть бы сына-то дождался» [12, с. 7]. На первый взгляд, деталь незначительная, но так может сказать только человек, равный собеседнику и по социальному статусу, и по возрасту. В черновом автографе Островский сначала написал: «Ты б хоть сына-то дождался» [11, л. 36], но потом реплику зачеркнул и исправил, сняв тем самым оттенок укора, не соответствующую характеру диалога.

О том, как создавалось произведение, можно судить и по вставкам, вписанным на полях. Они являются не простым дополнением, а содержат в себе значимые для автора детали, характеризующие персонажей, их взаимоотношения, обстановку. Так, диалог Даши и Васи в 6-м явлении I действия Островский дорабатывает, написав на полях фрагмент, проясняющий ситуацию:

Даша
Ты, Вася скажи мне!
Вася
Постой!
Чужому-то счастью завидно,
И стал набиваться со мной!
Возьми, покажи свою Грушу!
Даша
Какая такая? Ты пей!
Вася
Нет, видно, в чужую-то душу
Не влезешь! И свёз его к ней.
Даша
Ты выпей!
Вася
Нет будет, довольно!
Да только жене ни гу-гу!
И я не сказал бы, да больно
Обидно, стерпеть не могу!
Ты слушай. – Мы ездим к сударке
Не раз, и не два, и к тому ж
Ей всякие возим подарки
Даша
Кто ж он [11, л. 28]

Драматург ищет слова, передающие состояние ошеломлённой известием Даши. На полях он пишет один фрагмент за другим:

Неужто другую? Кого же?
 Не он ли? Не Вася ль сболтнул?
 А что ж ведь! На правду похоже.
 Рассказывай Вася! Уснул.

Другую, другую! Кого же!
(Зачёркнуто: И знать не хочу я о ней)
 Об ней не желаю я знать
 Она же мне, <2 нрзб.>,
 Дурна ли она иль пригожа.
 Жену на чужую менять)
 И знать не хочу я того,
 Дурна ли она иль пригожа.
 Не легче жене оттого!

Неужто другую! Кого же,
 Хотелось бы знать от него
 Дурна ли она иль пригожа,
 Теперь не разбудишь его!

За что мне несчастной, о Боже,
 Такая напасть суждена!

Второе действие открывалось словами Спиридоновны: «Ох, купцы, – молодцы, разудалые» (*сверху вписано: «все суконщики»*). Но затем перед этой репликой драматург пишет обращение к купцам как к гостям, что более соответствовало этикету, привнесило интонацию гостеприимства и уважительности: «Вот, гости дорогие, попивайте! / Да и меня, вдову, не забывайте!» [11, л. 29]. Как хозяйка постоянного двора, она заинтересована в посетителях. Прощаясь с ними, Спиридоновна и Груша произносят: «Спасибо, спасибо на вашем добре. / Вперёд не забудьте о нашем дворе», – на что гости и ямщики отвечают: «Кто раз побывает к хозяйкам таким / Того ты ничем не заманишь к другим» [11, л. 30]. В тексте пьесы этой сцены нет. Она придаёт произведению зрелищность, оправданность включённых в текст либретто песен, которые поют купцы и ямщики.

Анализ рукописи комической оперы «Не так живи, как хочется» ещё раз убедительно показал мастерство А. Н. Островского и его глубокие познания в области драматургии. Многочисленные правки, вставки, зачёркивания, исправления поверх текста показали сложность работы писателя, его сомнения, раздумья, творческий поиск, нацеленные на сохранение атмосферы, типажей героев, общего хода драматургии пьесы «Не так живи, как хочется».

Библиографический список

1. А.Н. Островский и русские композиторы. Письма: Сборник / под ред. Е.М. Колосовой и Вл. Филиппова. – М., 1937. – 249 с.
2. Безобразов П.В. Рукописи А.Н. Островского // Исторический вестник. – 1890. – № 2. – С. 343–372.
3. Безобразов П.В. К статье «Рукописи Островского» // Исторический вестник. – 1890. – № 3. – С. 735.
4. Бернштейн Ник. А.Н. Островский и музыка // Петербургские ведомости. – 1911. – № 120. – С. 3.
5. Икс. К 25-летию оперы «Вражья сила». (У В.С. Серовой) // Петербургская газета. – 1896. –

№ 31. – 1 февраля. – С. 3.

6. Кашин Н.П. Этюды об А.Н. Островском. – М., 1912. – 421 с.

7. М. Р. Театр и музыка. (Еженедельное обозрение) // Русский мир. – 1873. – № 336. – 19 дек. – Среда. – С. 1.

8. Овчинина И.А., Хромова И.А. Оперное либретто А.Н. Островского «Вражья сила» (из истории текста) // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – № 3. – С. 92–96.

9. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. – М.: Искусство, 1973–1980.

10. Островский А.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 18 т. – Т. 1. – Кострома: Костромаиздат, 2018. – 846 с.

11. Островский А.Н. «Не так живи, как хочется». Комическая опера в четырёх действиях. Автограф // ОР РГБ. – Ф. 216. – М. 3097. – Ед. хр. 4. – Л. 28–37.

12. Серов А.Н. Вражья сила: опера в пяти действиях / либретто А.Н. Островского, П.И. Калашникова, Н.Ф. Жохова (по драме А.Н. Островского «Не так живи, как хочется»). – СПб.: Изд-во Ф. Стелловского, 1871. – 46 с.

References

1. A.N. Ostrovskij i russkie kompozitory. Pis'ma: Sbornik / pod red. E.M. Kolosovoj i V.I. Filippova. – M., 1937. – 249 s.
2. Bezobrazov P.V. Rukopisi A.N. Ostrovskogo // Istoricheskij vestnik. – 1890. – № 2. – S. 343–372.
3. Bezobrazov P.V. K stat'e «Rukopisi Ostrovskogo» // Istoricheskij vestnik. – 1890. – № 3. – S. 735.
4. Bernshtejn Nik. A.N. Ostrovskij i muzyka // Peterburgskie vedomosti. – 1911. – № 120. – S. 3.
5. Iks. K 25-letiyu opery «Vrazh'ya sila». (U V.S. Serovoj) // Peterburgskaya gazeta. – 1896. – № 31. – 1 fevralya. – S. 3.
6. Kashin N.P. Ehtyudy ob A.N. Ostrovskom. – M., 1912. – 421 s.
7. M. R. Teatr i muzyka. (Ezhenedel'noe obozrenie) // Russkij mir. – 1873. – № 336. – 19 dek. – Sreda. – S. 1.
8. Ovchinina I.A., Hromova I.A. Opernoe libretto A.N. Ostrovskogo «Vrazh'ya sila» (iz istorii teksta) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 3. – S. 92–96.
9. Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: v 12 t. – M.: Iskusstvo, 1973–1980.
10. Ostrovskij A.N. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 18 t. – T. 1. – Kostroma: Kostromaizdat, 2018. – 846 s.
11. Ostrovskij A.N. «Ne tak zhivi, kak hochetsya». Komicheskaya opera v chetyryoh dejstviiyah. Avtograf // OR RGB. – F. 216. – M. 3097. – Ed. hr. 4. – L. 28–37.
12. Serov A.N. Vrazh'ya sila: opera v pyati dejstviiyah / libretto A.N. Ostrovskogo, P.I. Kalashnikova, N.F. Zhohova (po drame A.N. Ostrovskogo «Ne tak zhivi, kak hochetsya»). – SPb.: Izd-vo F. Stellovskogo, 1871. – 46 s.

Дмитриев Андрей Петрович

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург

apdspb@gmail.com

НАРОДНЫЕ РАССКАЗЫ И КОМЕДИЯ «ПЕРВЫЙ ВИНОКУР» Л.Н. ТОЛСТОГО В ОЦЕНКЕ Н.П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА

В статье впервые рассматривается вопрос об осмыслении народных рассказов и комедии «Первый винокур» Л.Н. Толстого публицистом и философом Н.П. Гиляровым-Платоновым (ему атрибутируются 6 рецензий, опубликованных анонимно). Уделяется особое внимание оценке им рассказов Л.Н. Толстого «Чем люди живы», «Два старика» и «Свечка». Представлены результаты сопоставительного анализа критических методов Н.П. Гилярова-Платонова и авторов церковных изданий, с которыми он полемизировал; при этом устанавливается авторство ряда статей, подписанных криптонимами. Выясняется генезис широко распространенной фельетонной характеристики-определения Л.Н. Толстого как «юродствующего во Христе». Доказано, что оценка Н.П. Гиляровым-Платоновым народных рассказов и комедии «Первый винокур» Л.Н. Толстого вносит немаловажные коррективы в общую картину освоения литературной критикой творчества писателя.

Ключевые слова: народные рассказы, Л.Н. Толстой, литературная критика, Н.П. Гиляров-Платонов, атрибуция, христианская легенда, журнальная полемика.

Произведения Л.Н. Толстого «для народного чтения» или народные рассказы и драмы, созданные в 1880-х гг., в последние тридцать лет стали в литературоведении объектом довольно пристального внимания. И это понятно – ранее, в течение целого столетия, их объективному изучению препятствовала господствующая идеология: до революции в них видели прежде всего антицерковные тенденции, в советский период – мистицизм и реакционный смысл. В последние годы продолжается исследование поэтики народных рассказов и драм Л.Н. Толстого (см., например: [13]), отражения в них «народного православия» ([8]), противостояния этих произведений массовой культуре своего времени ([9]), критических откликов на них ([14]) и др.

В настоящей статье рассматривается литературно-критическая рецепция народных рассказов и комедии «Первый винокур» Никитой Петрови-чем Гиляровым-Платоновым (1824–1887), в молодости преподавателем Московской духовной академии, позже цензором и издателем-редактором московской ежедневной газеты «Современные известия», близким к славянофилам философом и публицистом, литературным критиком, мемуаристом и богословом. Его отзывы оказались вне поля зрения толстоведов, поскольку все они были опубликованы, во-первых, анонимно, а, во-вторых, – на страницах издаваемой Н.П. Гиляровым-Платоновым газеты, крайне редко привлекавшей внимание исследователей.

Следует отметить, что первые подступы к теме «Л.Н. Толстой и Н.П. Гиляров-Платонов» были сделаны только в начале 2000-х гг. О.Г. Панаэтовым ([11]) и Г.В. Красновым ([6]). В 2018 г. нами был детально исследован ранний период во взаимоотношениях писателей, ограничивающийся 1862 г., когда Н.П. Гиляров-Платонов был цензором журнала «Ясная Поляна». Была воссоздана оригинальная позиция Н.П. Гилярова-Платонова

по отношению к толстовской педагогике в контексте его собственных педагогических идей; по архивным документам рассмотрены обстоятельства цензурного прохождения статей Л.Н. Толстого [4, с. 408–424]. Все эти исследования показали, что затронутая тема нуждается в кропотливой проработке и требует привлечения новых, пока еще не введенных в литературоведческий круг архивных и газетных материалов.

Специфика позиции Н.П. Гилярова-Платонова как критика народных рассказов Л.Н. Толстого состояла в том, что он полемизировал не с самим писателем, а с теми религиозными философами и церковно-общественными деятелями, которые подвергли эти произведения разносу, усматривая в них вредные антицерковные тенденции, будто бы способствующие росту сектантских настроений в народе.

Впрочем, открытую полемику на эту тему Н.П. Гиляров-Платонов поначалу считал бесполезной («вместо пользы можешь сделать вред» [10, с. 654]). Когда в августе 1882 г. к нему обратилась публицистка О.А. Новикова с просьбой перепечатать в «Современных известиях» известную рецензию К.Н. Леонтьева на рассказ Л.Н. Толстого «Чем люди живы?» (позже, в брошюре «Наши новые христиане Ф.М. Достоевский и гр. Л.Н. Толстой» получившую название «Страх Божий и любовь к человечеству»), Н.П. Гиляров-Платонов ответил решительным отказом и подробно обосновал свое решение в письме к самому К.Н. Леонтьеву ([3]; адресат не был назван, установлен нами: [10, с. 657]).

Предвзятость леонтьевского подхода критик видит в том, что к художественному произведению предъявляются претензии как к «сокращенному учению о христианских обязанностях» [10, с. 654]: «...это не свято, это не так, здесь не достаёт уяснения необходимости страха, я не вижу влияния Отцов <Церкви>» [10, с. 654]. В таком разборе Н.П. Гиляров-Платонов справедливо усмотрел «фа-

рисейство не в смысле лицемерия <...>, а в смысле преувеличенного служения букве и форме», когда «догмат об иерархическом устройстве становится поверх начал правды и любви» [10, с. 654].

Определив жанр произведения («рассказ есть легенда» [10, с. 656]), Н.П. Гиляров-Платонов восклицает: «...это есть высочайшее произведение: до такой степени воспроизвести нравственное мировоззрение народа, начиная с сущности и кончая выражением, выражением в обширном смысле и самых образов и языка!» [10, с. 656]. И высказывает свое убеждение в значении легенд для народного мирозосерзания: «...наш народ если еще остается в христианстве или, точнее, если и насколько вкусил христианства, тем обязан именно подобным легендам и ничему более. Остальное есть идолопоклонство, хотя во внешней христианской форме» [10, с. 656].

Здесь уместно напомнить о малоизвестном факте: Н.П. Гиляров-Платонов в апреле 1882 г. стал одним из первых читателей рукописной «Исповеди» Л.Н. Толстого, которую редактор журнала «Русская мысль» С.А. Юрьев с ведома писателя прислал ему, однако, вместо того чтобы написать пояснительное предисловие, которое позволило бы беспрепятственно опубликовать произведение, Н.П. Гиляров-Платонов оценил его резко отрицательно – как проявление «духовной гордости» [10, с. 644]. Судя же по его критике рецензии К.Н. Леонтьева, по крайней мере одно положение «Исповеди» он принял всецело. Говоря о религиозном смысле, который народ «придает жизни», Л.Н. Толстой писал: «Смысл этот народ черпает из всего вероучения, переданного и передаваемого ему пастырями и преданием, живущим в народе, и выражающимся в легендах, пословицах, рассказах» [16, т. 23, с. 47].

Отметим, что в своем отношении к христианскому нравоучению, явленному в рассказе «Чем люди живы», Н.П. Гиляров-Платонов был не одинок: так, Н.Н. Страхов констатировал, что читателей более всего поразили в произведении Л.Н. Толстого «евангельский дух» и «евангельская точка зрения» [15, с. 415–418], а И.С. Аксаков подчеркивал: «Какая прелесть – этот рассказ графа Л.Н. Толстого <...>! Что за эпическая простота, какой художественный реализм при самом идеалистическом содержании!» [1, с. 281].

Вернуться к разговору о народных рассказах Л.Н. Толстого Н.П. Гиляров-Платонов решил в январе 1886 г., когда в духовной журналистике начался целый «миссионерский поход», имевший целью добиться от правительства полного запрета к распространению этих произведений писателя, выпускавшихся фирмой «Посредник» отдельными брошюрками.

Н.П. Гиляров-Платонов опубликовал 6 статей с протестом против огульного обличительства народных рассказов (научно републикованы

нами: [10, с. 659–682, 703–706]). Наиболее важная из них, первая, была написана для газеты И.С. Аксакова и носила знаковое название «За что гонение?», однако из-за внезапной кончины издателя «Руси» была помещена в № 40 «Современных известий» от 10 февраля. Н.П. Гиляров-Платонов прибегнул к легко раскрываемой мистификации: поместив статью в фельетонный подвал без подписи, он уже этим намекнул на свое авторство, а добавив примечание от «Автора», в котором упомянул о «давних узах приязни» [10, с. 659], связывавших его с И.С. Аксаковым (что хорошо было известно в Москве), прямо подтвердил догадку читателя.

Поводом послужило состоявшееся 15 января 1886 г. заседание Общества любителей духовного просвещения под председательством протоиерея И.Н. Рождественского. В центре внимания Н.П. Гилярова-Платонова – отчет об этом заседании, помещенный в «Московских церковных ведомостях» от 26 января и составленный, судя по всему, их редактором протоиереем В.П. Рождественским ([12]; см. об этом заседании в статье И.И. Сизовой: [14, с. 44–45]), а точнее – речь протоиерея И.И. Соловьева, публициста церковных изданий, законоучителя Катковской лицея, который изучил 10 брошюр фирмы «Посредник» и выступил в роли эксперта. Он заявил, что в народных рассказах Л.Н. Толстого проводятся идеи его «тенденциозных, религиозного пошиба произведений “Исповедь”, “Новое Евангелие”, “В чем моя вера” и т. п.» [12, с. 51] – о том, что «церковь христианская со всеми ее учреждениями и порядками <...> есть пустая и ненужная выдумка позднейшего времени. Сущность учения евангельского вся сводится к учению о милосердии к бедным <...>» [12, с. 51]. Взяв для образца книжки «Христос в гостях у мужика» Н.С. Лескова и «Два старика» Л.Н. Толстого и изложив их содержание, он сделал парадоксальный вывод: «Каждый из этих рассказов, конечно, не выясняет указанной выше тенденции вполне; отрицательная по отношению к православной церкви сторона ее затенена. Взятые же все вместе, в массе своей, они не только напоминают те тенденции, а как нельзя лучше – нагляднее, живее и увлекательнее – иллюстрируют их, склоняют к ним» [12, с. 51].

Н.П. Гиляров-Платонов увидел в этих умозаключениях протоиерея И.И. Соловьева с их специфической лексикой («религиозного пошиба», «отрицательная сторона затенена», «в массе тенденциозны») невольное самообнажение метода его антитолстовской полемики, который определил как «инквизиционный (совершенно по рецепту Торквемады)» [10, с. 661]. Возражая, Н.П. Гиляров-Платонов пишет, например, о рассказе-легенде «Два старика», что в нем «нравоучение евангельское <...> одетое в форму притчи: еще не богомолье, когда одни ноги трудятся, а душа остается прилеплен-

ною к земным благам» [10, с. 659]. Надуманные же «разоблачения» и придают рассказам Л.Н. Толстого «тенденциозность, которой в них нет», отчего «смущается вера читателя» [10, с. 664].

Особо Н.П. Гиляров-Платонов выделяет запрещенный цензурой рассказ «Свечка» – о крестьянине, которого злой приказчик заставил пахать на Пасху: тот прилепил к сохе свечку, пашет и поет каноны, а свечка чудесным образом не тухнет. Здесь «инквизиционный метод» усмотрел подвох в «напускном мистицизме» [5, с. 11–12] и обрядности вне стен храма. Хотя если взглянуть непредвзято, – пишет Н.П. Гиляров-Платонов, – «мораль рассказа: примирение обязанностей послушания начальству с обязанностью богопочтения, без нарушения той и другой» [10, с. 665].

То есть, по мысли критика, гонению подвергались произведения, как раз научающие благочестию, поддерживающие в народе веру: «...я вижу только, что это чтение увлекательно, что оно склоняет к христианской жизни, отвращает от порока, возбуждает раскаяние во грехах и преступлениях» [10, с. 661]. Критический метод Н.П. Гилярова-Платонова, отправляющийся «от противного», от демонстрации нелепостей в осмыслении толстовской малой прозы авторами церковных изданий, оказывался плодотворным, выявляя попутно скорбное нечувствие реальных духовных нужд народа со стороны ученого священства, занимающегося противосектантской деятельностью.

Спустя месяц, в № 61 «Современных известий» от 4 марта, Н.П. Гиляров-Платонов, статья которого «За что гонение?» вызвала немалый резонанс в Москве, опубликовал отчет «Общество любителей духовного просвещения о книжках Л. Толстого о народе» П. С-ва (составленный, очевидно, сотрудником редакции П.И. Сусоровым) и полемическое открытое письмо «По поводу статей и брошюр для народа Л.Н. Толстого», подписанное И. Дмитриевым (предположительно псевдоним священника И. Д. Петропавловского). В сопроводительной передовой статье Н.П. Гиляров-Платонов, оспаривая доводы последнего, уточнял, что, говоря об «инквизиторстве» критиков-оппонентов, он имел в виду «отыскивание тайного смысла в явных словах» [10, с. 668], и сосредоточился на опровержении априорного тезиса И. Дмитриева (Петропавловского) о том, что Л.Н. Толстой, отрицавший догматическое богословие в трактате «В чем моя вера», якобы не мог эти свои представления не воплотить и в народных рассказах.

В № 184 «Современных известий» от 7 июля Н.П. Гиляров-Платонов вернулся к нападкам на Л.Н. Толстого в Обществе любителей духовного просвещения, опубликовав статью своего сотрудника Ф.П. Преображенского (под псевдонимом «П.») «Странная полемика», а в передовой статье пожелал, чтобы «это Общество не уклонялось на

неблаговидный путь сыска тайных помышлений в писаниях, буквальный текст которых заслуживает только похвалы» [10, с. 680].

Когда фирмой «Посредник» была издана комедия Л.Н. Толстого «Первый винокур», Н.П. Гиляров-Платонов откликнулся рецензией, которую опубликовал в № 182 «Современных известиях» от 5 июля так же, как и статью «За что гонение?»: в газетном подвале без подписи и в сопровождении передовой статьи, содержавшей пояснения к рецензии. Известно, что этой «народной комедии» писатель придавал большое значение, видя в ней противодействие бессодержательной пошлости балаганного театра. Однако Н.П. Гиляров-Платонов был разочарован, впрочем, как и большинство современников Л.Н. Толстого (см.: [14]). Критик не только не оценил символики произведения, но заговорил о его «бездарности» и истощении таланта писателя: «...ни одного художественного штриха, ни одного меткого выражения: растянута, пошло, риторически, ученически» [10, с. 673]. Правда, в отличие от других критиков, он не связывал комедию напрямую с религиозно-философскими взглядами автора.

В этой же рецензии публицист-философ, пытаясь осмыслить своеобразие писателя как художника и мыслителя, дал ему афористические дефиниции, которым, несмотря на их фельетонный характер, суждена была долгая жизнь в журналистике.

Во-первых, Н.П. Гиляров-Платонов уподобил необычность художественного мышления Л.Н. Толстого поведению юридического: «Автор “Войны и мира” способен к юродству и проявлял его и в деятельности своей, и в сочинениях. В детских рассуждениях об историческом фатализме, которыми, в нарушение художественного единства, прошипована “Война и мир”, то же юродство, что в журнале “Ясная Поляна”, что в позднейших сочинениях, претендующих на философское и богословское мышление, и во всей теперешней деятельности» [10, с. 675–676]. При этом критик оговаривается, что в православии «“юродивым” или “блаженным” называют того, кто надевает на себя личину идиота, на деле вполне обладая умственными способностями. Но граф Толстой вполне искренен: он личины не носит» [10, с. 670]. Это словцо «юродство», подхваченное и переосмыслившееся современниками, позже как нечто непреложное было употреблено В.И. Лениным в известной статье «Лев Толстой как зеркало русской революции» (1908): «С одной стороны, гениальный художник <...>. С другой стороны – помещик, юродствующий во Христе» [7, т. 17, с. 209]. Конечно, в этой атеистической инвективе гиляровский смысл («лже-юродивый») уже был утрачен.

Во-вторых, прозвучавшее отголоском в той же статье В.И. Ленина противопоставление в Л.Н. Толстом непревзойденного художника бес-

помощному мыслителю – тоже, пожалуй, первым в столь резкой форме высказал именно Н.П. Гиляров-Платонов, отмечавший: «Везде, где только начинается рассуждать Лев Толстой, вы находите так называемую “женскую логику”, скачки мысли, неспособной к суждению, а увлекающейся представлениями» [10, с. 674].

Антитетическая пара художник – мыслитель оказывается в центре еще одной, шестой по счету статьи критика о Л.Н. Толстом, увидевшей свет в № 312 «Современных известий» от 12 ноября 1886 г. Н.П. Гиляров-Платонов заявляет: «Толстой – великий художник; скажем, даже величайший (из современных писателей он стоит неизмеримо выше всех своею *пластикой*), но никуда негодный мыслитель» [10, с. 704]. Критик сосредотачивается на самом механизме религиозно-философского творчества писателя. Он пишет о Л.Н. Толстом: «Его достоинство и его несчастье – *избыток творчества*. Оно оказывает ему услугу в замысле художественных произведений, в вымысле; но оно же низвергает его, когда он начинает рассуждать отвлеченно. Здесь овладевает им, как выразились мы, “женская логика”, то есть движение мысли не по ее собственным законам, а по страсти; мысли чередуются, влекомые воображением, водимые не понятиями, а образами: прием, естественный художнику, но противоположный для философа» [10, с. 704].

Это выражение «избыток творчества» возвращает нас к письму Н.П. Гилярова-Платонова, адресованному К.Н. Леонтьеву (1882), где сообщалось: «...главный недостаток Толстого, о котором я ему лично докладывал, – избыток творчества, нежелание принять чей-нибудь авторитет без проверки личной, разумеется, а потому, хотя бы у гениального ума, ограниченной и подверженной ошибкам» [10, с. 655]. Любопытно, что текстуально сходную оценку давал Л.Н. Толстому и друг Н.П. Гилярова-Платонова И.С. Аксаков, 4 июня 1885 г. писавший Н.Н. Страхову: «...никто более меня не ценит таланта Толстого и не восхищается им, хотя в то же время я нахожу, что у него *слишком много таланта* и, относительно, *не довольно мастерства*. У него что-то вроде гипертрофии таланта, элифантизм, которым он и владеть не всегда умеет; оттого у него нет ни перспективы, ни планов: *все* на первом плане, потому, что *все* у него *одинаково реально и живо* <...>» [2, с. 141]. Не исключено, что эта мысль об *избытке* творческого таланта у Л.Н. Толстого родилась все же под пером Н.П. Гилярова-Платонова.

Как видим, литературно-критическая рецепция Н.П. Гиляровым-Платоновым народных рассказов и комедии «Первый винокур» Л.Н. Толстого, а также осмысление им религиозно-философских трактатов писателя вносят существенные коррективы в общую картину освоения литературной критикой творчества великого писателя.

Библиографический список

1. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. – М.: Современник, 1981. – 384 с.
2. И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов. Переписка / сост. М.И. Щербакова. – Ottawa: Univ. Of Ottawa; М.: ИМЛИ, 2007. – 192 с.
3. Гиляров-Платонов Н.П. Письмо к ***: (О рассказе «Чем люди живы») // Русский архив. – 1889. – № 11. – С. 425–428.
4. Дмитриев А.П. Н.П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850–1880-х годов. – СПб.: Родник, 2018. – 912 с.
5. Иванов А.Н., *прот.* О книжках для народа, издаваемых фирмой «Посредник» // Пастырский собеседник. – 1886. – № 2. – С. 9–12.
6. Краснов Г.В. В полемике с Л.Н. Толстым // Возвращение Н.П. Гилярова-Платонова. – Коломна: Коломен. гос. пед. ин-т, 2007. – С. 95–97.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1967–1981.
8. Назаров В.Н. Народное православие в религиозных исканиях Л.Н. Толстого // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2018. – Т. 1. – № 3 (27). – С. 32–40.
9. Назарова Ю.В., Полнова К.К. Этика Л.Н. Толстого в контексте массовой культуры XIX в.: народная литература и нравственное просвещение (на примере деятельности издательства «Посредник») // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 7. – С. 10–12.
10. Никита Петрович Гиляров-Платонов: исследования, материалы, библиография, рецензии / под общ. ред. А.П. Дмитриева. – СПб.: Росток, 2013. – 944 с.
11. Панаэтов О.Г. Н.П. Гиляров-Платонов и К.Н. Леонтьев: споры о Толстом. – Краснодар: Кубан. соц.-экон. ин-т, 2002. – 75 с.
12. [Рождественский В.П., *прот.*] Заседание «Общества любителей духовного просвещения» 15 января 1886 года // Московские церковные ведомости. – 1886. – № 4. – С. 51–52.
13. Сам Н.Д. Рассказы-легенды Л.Н. Толстого: поэтика жанра // Сибирский филологический журнал. – 2007. – № 3. – С. 34–38.
14. Сизова И.И. Критические отзывы на комедию Л.Н. Толстого «Первый винокур»: театральные и духовные издания (1886–1896) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 5. – Ч. 3. – С. 43–47.
15. Страхов Н.Н. Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом. – 3-е изд. – СПб.: Типолит. С.М. Николаева, 1887. – 484 с.
16. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. – М.; Л.: Гослитиздат, 1928–1958.

References

1. Aksakov K.S., Aksakov I.S. Literaturnaya kritika. – M.: Sovremennik, 1981. – 384 s.

2. I.S. Aksakov – N.N. Strahov. *Perepiska* / sost. M.I. SHCHerbakova. – Ottawa: Univ. Of Ottawa; M.: IMLI, 2007. – 192 s.
3. Gilyarov-Platonov N.P. Pis'mo k ***: (O rasskaze «Сhem lyudi zhivy») // *Russkij arhiv*. – 1889. – № 11. – S. 425–428.
4. Dmitriev A.P. N.P. Gilyarov-Platonov i russkaya literatura 1850–1880-h godov. – Spb.: Rodnik, 2018. – 912 s.
5. Ivanov A.N., prot. O knizhkah dlya naroda, izdavaemyh firmoyu «Posrednik» // *Pastyrskij sobesednik*. – 1886. – № 2. – S. 9–12.
6. Krasnov G.V. V polemike s L.N. Tolstym // *Vozvrashchenie N.P. Gilyarova-Platonova*. – Kolomna: Kolomen. gos. ped. in-t, 2007. – S. 95–97.
7. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.*: v 55 t. – 5-e izd. – M.: Politizdat, 1967–1981.
8. Nazarov V.N. Narodnoe pravoslavie v religioznyh iskaniyah L.N. Tolstogo // *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo*. – 2018. – T. 1. – № 3 (27). – S. 32–40.
9. Nazarova YU.V., Polnova K.K. Ehtika L.N. Tolstogo v kontekste massovoj kul'tury XIX v.: narodnaya literatura i нравstvennoe prosveshchenie (na primere deyatelnosti izdatel'stva «Posrednik») // *Obshestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. – 2017. – № 7. – S. 10–12.
10. Nikita Petrovich Gilyarov-Platonov: issledovaniya, materialy, bibliografiya, recenzii / pod obshch. red. A.P. Dmitrieva. – Spb.: Rostok, 2013. – 944 s.
11. Panaetov O.G. N.P. Gilyarov-Platonov i K.N. Leont'ev: cpory o Tolstom. – Krasnodar: Kuban. soc.-ehkon. in-t, 2002. – 75 s.
12. [Rozhdestvenskij V.P., prot.]. Zasedanie «Obshestva lyubitelej duhovnogo prosveshcheniya» 15 yanvarya 1886 goda // *Moskovskie cerkovnye vedomosti*. – 1886. – № 4. – S. 51–52.
13. Sat N.D. Rasskazy-legendy L.N. Tolstogo: poehtika zhanra // *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. – 2007. – № 3. – S. 34–38.
14. Sizova I.I. Kriticheskie otzvyvy na komediyu L.N. Tolstogo «Pervyj vinokur»: teatral'nye i duhovnye izdaniya (1886–1896) // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2016. – № 5. – CH. 3. – S. 43–47.
15. Strahov N.N. Kriticheskie stat'i ob I.S. Turgeneve i L.H. Tolstom. – 3-e izd. – SPb.: Tipolit. S.M. Nikolaeva, 1887. – 484 s.
16. Tolstoj L.N. *Poln. sobr. soch.*: v 90 t. – M.; L.: Goslitizdat, 1928–1958.

«ГОФМАНОВСКИЙ КОМПЛЕКС» В ДРАМАХ Л. АНДРЕЕВА «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА», «ЧЕРНЫЕ МАСКИ» И «ЦАРЬ-ГОЛОД»

Данная статья продолжает серию работ по изучению «гофмановского комплекса» в эстетике Серебряного века. Целью статьи является выделение комплекса в драмах Л. Андреева «Жизнь Человека», «Черные маски» и «Царь-голод». Гофмановская идея синтеза искусств у Андреева проявляется в музыкальном и художественном оформлении сцен, что усиливает психологическое воздействие на зрителя, создавая эффект условности происходящего. Образ музыки становится самостоятельным персонажем, помогая выражать мысли и чувства героев. Гофмановская проблема механизации жизни и человека у Андреева отражается в оппозиции *живого* и *неживого* и проявляется в образах маски, куклы, а также в приеме одушевления неживого. Следствием утраты личности героя в драмах Андреева становится материализовавшийся двойник, который овладевает его сущностью. Романтическая ирония и гротеск, восходящие к Гофману, являются важной частью андреевского стиля. Созидательная ирония немецкого романтика трансформируется у Андреева в разрушительную иронию.

Ключевые слова: Э.Т.А. Гофман, Л. Андреев, «гофмановский комплекс», синтез искусств, механизации жизни и человека, кукла, маска, двойник, романтическая ирония и гротеск.

«Гофмановский комплекс» представляет собой сложившуюся как единое целое совокупность театральных и литературных приемов, включающих такие элементы, как живописно-музыкальная гармония (синестезия искусств); романтическая ирония и гротеск; своеобразное решение проблемы механизации жизни и человека, проявляющейся в образах – символах маски, куклы, автомата, марионетки и двойника, которые подменяют человека; символа глаз как единственного способа распознавания подлинности *живого* – *неживого*, а также в одушевлении «неживого». На рубеже XIX–XX веков комплекс получает особую актуальность, о чем свидетельствует его присутствие в творчестве В.В. Соловьева [6], В. Брюсова, А. Блока, А. Белого, Ф. Сологуба, В.Э. Мейерхольда и др. «Гофмановский комплекс» становится частью эстетики Серебряного века. Типологически он выделяется и у Л. Андреева, который в поисках собственного стиля обращался к разным литературным традициям, и в том числе к романтической эстетике. Кроме того, Андреев сам упоминает имя Гофмана в одном из писем к В.И. Немировичу-Данченко [2, с. 288]. Связь Андреева с традициями Гофмана отмечает и Д.С. Тихомиров, утверждая, что у Л.Н. Андреева «черты психологического реализма, идущего от Гоголя, парадоксальным образом соединяются с элементами позднеромантической традиции, идущей в России все от того же Гоголя, а в мире – от Гофмана, По, Гюго» [11, с. 34]. На гофмановский колорит произведений Андреева обращает внимание и исследовательница А. Ботникова [3, с. 230].

«Гофмановский комплекс» у Андреева впервые появляется в рассказах («Мысль», «Ложь», «Смех», «Стена» и др.), где писатель стремится достичь в повествовании такого психологического состояния, когда герои балансируют на грани реального и ирреального и, переступив эту границу, утрачивают способность управлять своим

сознанием, погружаясь в атмосферу ужасного. Однако узкий жанр рассказа не давал ему широких возможностей для творческих экспериментов. В драматических произведениях Андреева «гофмановский комплекс» не только сохраняется, но и обогащается новыми приемами и образами-символами. В связи с этим изучение комплекса в драмах Андреева становится весьма актуальным, так как это помогает раскрыть природу андреевского психологизма, а также наполняет многие образы новым значением, что обогащает символическое содержание драм. Частные истории, описанные русским писателем в рассказах, в драматургии перерастают в глобальные, общечеловеческие, где «гофмановский комплекс» начинает звучать еще более ярко, что дает зрителю и читателю возможность посмотреть на многие проблемы человека и общества по-новому.

Как известно, Андреев не сразу пришел к идее создания драматических произведений. Его первые творческие успехи были связаны с прозой. Однако стойкий интерес к Московскому Художественному театру во главе с К.С. Станиславским и В.И. Немировичем-Данченко, за работой которого Андреев внимательно следил, создавая на пьесы рецензии, вышедшие в книге «Под впечатлением от Художественного театра» (1902), вдохновили его к написанию своих драм. Андреев видел в театре новые возможности для выражения психологизма, так как драма отличается более высоким драматическим напряжением, чем проза. Включившись в общую полемику о реформировании театра, Андреев формулирует свои идеи о принципах нового театра и создает свои театральные эксперименты. Пьесы раннего периода творчества (1907–1910) отмечены поисками новых форм выражения и характеризуются появлением пьес нового типа, основанных на обобщенно-условных образах. Постоянные эксперименты со стилями и средствами

выражения приводят его к созданию пьес разного характера. Как драматург, Андреев балансировал между символизмом, романтизмом и реализмом, поэтому в современном литературоведении его стиль определяется как неореализм – «литературное направление, характеризующееся синтезом романтического, реалистического и модернистского» [12, с. 9]. В этот период Андреев также увлекается идеей создания «театра авторов», суть которой в том, что пьесы должны ставиться с учетом воли автора как при выборе режиссера, так и при постановке самой пьесы. По мнению Андреева, драматург должен возглавлять постановку своих драм и, для «каждого автора руководство должно подбирать и приглашать “подходящего” драматургу режиссера так, чтобы Мейерхольд, к примеру, ставил условные пьесы, а Карпов – бытовые» [9, с. 85]. В связи с этим Андреев создает пьесы под определенного режиссера, опираясь на его теоретические театральные взгляды и идеи.

В центре нашего внимания пьесы, в которых «гофмановский комплекс» проявился в большей степени («Жизнь человека», «Черные маски» и «Царь-голод»). Их постановку Андреев планировал поручить В.Э. Мейерхольду – автору условного театра, идеи которого также основаны на «гофмановском комплексе» [5]. Однако его планы реализуются не полностью. Мейерхольду удалось сделать постановку только «Жизни человека», а к тому моменту, когда были написаны «Черные маски», Мейерхольд в театре В.Ф. Комиссаржевской уже больше не работал, поэтому замысел автора был воплощен Ф. Комиссаржевским и А. Зоновым, а пьеса «Царь-голод» и вовсе была запрещена для постановки цензурой.

Андреева привлекает идея живописно-музыкальной гармонии. Он мастерски сочетает в своих пьесах музыку, живопись, элементы пластики, чтобы дать обобщенное, философское представление о жизни. Эта идея восходит к Гофману – одному из первых практиков синтетического искусства, который в своих произведениях пытался соединить слово, ритм и мелодию. По мнению исследовательницы С.Н. Питиной, это связано с тем, что синтетичность составляла «органическую внутреннюю сущность его художественного мышления» [8, с. 368]. Гофман утверждал, что музыка – это «самое романтическое из всех искусств, пожалуй, можно даже сказать, единственное подлинно романтическое, потому что имеет своим предметом только бесконечное» [4, т. 1, с. 55]. В очерке «Крайне бессвязные мысли» Гофман пишет о синтезе звука, цвета и запаха: «я нахожу известное соответствие между цветами, звуками и запахами. Мне представляется, что все они одинаково таинственным образом произошли из светового луча и потому должны объединиться в чудесной гармонии» [4, т. 1, с. 66].

В одном из писем К.С. Станиславскому Андреев пишет: «Если в Чехове... сцена должна дать жизнь, то здесь – в этом представлении – сцена должна дать только отражение жизни. Ни на одну минуту зритель не должен забывать, что он стоит перед картиною, что он находится в театре и перед ним актеры, изображающие то-то и то-то» [2, с. 181]. При постановке «Жизни человека» в 1907 году Станиславский и Мейерхольд решают использовать прием с черным бархатом, который помогает выразить условность происходящего и создать синтетичность в пьесе: «...представьте себе, что на огромном черном листе... проложены белые линии, очерчивающие в перспективе контуры комнаты и ее обстановки. За этими линиями чувствуется... беспредельная глубина» [10, с. 180]. Мейерхольд в комментариях к постановке «Жизни человека» также иллюстрирует свои условные приемы: «Убраны были совсем: рампа, софиты и всяческие “бережки”». Получилось «серое, дымчатое, одноцветное» пространство. «Серые стены, серый потолок, серый пол». «Из невидимого источника льется ровный, слабый свет, и он так же сер, однообразен, одноцветен, призрачен и не дает ни теней, ни светлых бликов. <...> Секунды три спустя перед зрителем начинают вырисовываться контуры мебели в одном углу сцены» [7, с. 209].

Кроме того, пьесы Андреева наполняются символическими звуками, образами и аллегориями. Он одним из первых использует музыку как действующего персонажа, который помогает ему усилить эффект воздействия на зрителя, делая произведение еще более психологичным. Идея «музыкальной» организации повествования в произведении стала важной точкой пересечения взглядов Андреева и Гофмана. Андреев большое внимание уделяет звуковым эффектам, которые помогают ему раскрывать образы. Он считает, что «все звуки – это одушевленные мысли и ощущения героев» [1, т. 6, с. 480]. Например, в пьесе «Царь-голод» мертвые звуки машин: «вздохи паровиков, жужжание и свист вертящихся колес, шелест бесконечно бегущих ремней» [1, т. 3, с. 196] – вливаются в «живой, меняющийся, но ритмичный стук многочисленных маленьких молотков» [1, т. 3, с. 196] и образуют мелодию, напоминающую «песенку Времени». Хаос и абсурдность происходящего на балу тоже подчеркивается дисгармоничным характером музыки, которая «то начинает играть громко и бравурно, то беспорядочно замолкает; и одна какая-нибудь труба нелепо долбит свою ноту и сразу испуганно обрывается – точно охнув» [1, т. 3, с. 196]. Столь же важна символика музыки в пьесе Андреева «Жизнь человека», где она выступает как действующий персонаж и выражает дисгармонию в обществе: «Коротенькая, в две музыкальных фразы, крикливая полька с подрагивающими, веселыми и чрезвычайно пустыми звуками», выражает

обезличенность и бездуховность гостей, которые похожи на кукол-марионеток. Повторение одного и того же мотива, а также диссонанс звуков подчеркивает кукольность и механистичность происходящего: «Все три инструмента играют немного не в тон друг другу, и от этого между ними и между отдельными звуками некоторая странная разобщенность, какие-то пустые пространства» [1, т. 2, с. 312].

В пьесе «Черные маски» музыка не только передает общее состояние хаоса и безумия, сливаясь с общим хохотом, («Хохот. Музыканты начинают играть что-то дикое, где одновременно звучит злой смех, крики отчаяния и боли» [1, т. 3, с. 240]), но и, одушевляясь, становится действующим персонажем. Звуки музыки тоже «надевают» маски: «Вы послушайте – сегодня даже звуки замаскированы. Правда, я и не знал, что звуки также могут надевать отвратительные маски». Музыка, как живая, выходит из подчинения каждый раз, как только ее пытаются упорядочить: «Красивыми, нежными, безоблачно-ясными, как глаза ребенка, мягкими аккордами начинается аккомпанемент. Но с каждой последующей фразой, которую поет замаскированный, музыка становится отрывистее, беспокойнее, переходит в крики и хохот, в трагическую бессвязность чувств» [1, т. 3, с. 318].

Этот прием одушевления неживого восходит к Гофману, у которого предметы часто оживают и ведут самостоятельную жизнь, что является следствием присутствия другого мира в жизни людей. Например, в новелле «Принцесса Брамбилла» «бесстыжее дерево свесило свою листву в окно, и непрошенным гостем вмешалось в разговор» [4, т. 3, с. 185]. Гофмановский прием одушевления неживого становится важной частью эстетики Андреева. В начале 1910-х годов начинается новый этап в его драматургии. Он провозглашает идею панпсихоза – театра настроения, о чем пишет в «Письмах о театре», где утверждает, что «театр должен перестать быть зрелищем, он должен уступить место величественной и незримой душе» [1, т. 6, с. 480].

Кроме синестезии, важным элементом эстетики Андреева является романтическая идея двоимирия. Он делит мир на реальный мир и зеркальный – это «вторая отраженная жизнь, что не живо и не мертво – это вторая жизнь, загадочное бытие, подобное бытию призрака и галлюцинации» [1, т. 6, с. 472]. Идея двоимирия воплощается у Андреева в бинарных оппозициях: *тьма – свет, живое – неживое, добро – зло*, с помощью которых выражается одна из ведущих проблем произведений Андреева – механизации жизни и человека. Интерес Андреева к гофмановской эстетике в решении этой проблемы подтверждается упоминанием русским писателем в одном из писем эпизода из рассказа немецкого романтика про танцующий автомат,

который сделали двое чудаков «и он имел огромный успех на балу, и чудаки ушли на часок в кабак, а автомат испортился: все в ужасе, а он продолжает вертеть уже бесчувственную девушку и повторяет автоматически: как вы прекрасны!» [2, с. 276]. Как и Гофман, Андреев связывает эту проблему с оппозицией живое – неживое и воплощает ее в образах – символах зеркала, маски, куклы, автомата, марионетки и двойника, которые подменяют человека. Проблема угнетения «живого» «неживым» в современном мире, по мнению Андреева, приобретает всеобщий характер и угрожает всему человечеству. Это становится одной из причин, почему русский писатель во многих произведениях использует не имена, а обобщающие названия: Человек, Жена человека, Сын Человека.

Проблема механизации жизни и человека у Андреева проявляется в пьесе «Царь-голод» (1908), где драматург изображает гротескную картину: люди попали под влияние автоматов, стали бездушными марионетками с «тускло-покорными глазами», превратились в «черные тени», которые говорят и движутся «размеренно и механично» в ритме молотов и работающих машин. Они стали частью машин, поэтому если кто-нибудь «вдруг выступает отдельно, то кажется, что это откололась частица черной машины» [1, т. 3, с. 197]. Как и Гофман, Андреев использует образ глаз в качестве символа души. Рабочие утратили душу, поэтому у них глаза «темные, слепые», они уподобляются машинам, чудовищам, которые «смотрят отовсюду широко открытыми, недвижными слепыми глазами» [1, т. 3, с. 197]. И лишь Царь-голод на фоне мертвых людей имеет «огромные черные, страстные глаза». Звуки рабочих тоже механистичные, мертвые. «Неживые» автоматы подавляют «живое» – людей. Андреев, чтобы довести ситуацию до абсурда, использует гротеск. Люди кричат: «Меня плющит молот. Он выдавил кровь из моих жил...» или «Мы задавлены машинами» [1, т. 3, с. 198]. Автоматы поработают человека: «Мы пища для машин», «Машина – владычица тел и душ» [1, т. 3, с. 198]. Неживое вытесняет живое: живому не дают слова, надевая ему намордник, а мертвое тело голосует на суде.

Проблема механизации жизни и человека становится одной из ведущих и в драме Андреева «Черные маски», где «гофмановский комплекс» проявился в большей степени. И решается эта проблема через описание внутреннего разлада души человека, теряющей свою целостность среди бесчисленных масок, которые пытаются им управлять. Эту драму в литературоведении воспринимают неоднозначно: одни считают ее символистской, другие – романтической монодрамой. Причина неопределенности кроется в том, что Андреев, чтобы достичь максимального психологизма в драме, символически изображает глубинный мир человеческого сознания – мир души герцога Лоренцо, ко-

торый предстает как заколдованный замок («Моя душа – заколдованный замок»). В его душе борются добро и зло, свет и тьма, поэтому эти образы становятся структурообразующим лейтмотивом драмы. Образ Лоренцо имеет много общего с гофмановским Медардусом из романа «Эликсиры дьявола», который также является центром борьбы добра и зла, дьявольского и божественного. У Гофмана эта борьба провоцируется дьявольским эликсиром, который символизирует не просто искушение, он знаменует собой состояние, в котором все темное в душе человека находит выход и действует на него разрушительно. Не случайно Медардус каждый раз, выпив эликсир, впадает в состояние, подобное безумию: «Семя зла едва прозябло во мне, когда я увидел сестру регента, и преступная гордыня дала себя знать, но сатана разыграл меня, подсудобив эликсир, и проклятое зелье взбудоражило мою кровь» [4, т. 2, с. 34]. Андреев тоже использует образ-символ вина: «С нашим вином что-то случилось, Лоренцо. Оно стало красно, как кровь сатаны, и дурманит голову, как змеиный яд. Не пей вина, Лоренцо» [1, т. 3, с. 311]. Этот образ у Андреева усиливает ощущение хаоса в душе человека.

С этой же целью Андреев использует образ-символ маскарада, где среди гостей присутствуют знакомые ему и близкие люди в костюмах и масках: «костюмы обыкновенные, как в маскарадах, – арлекины, пьеро, сарацины, турки и турчанки, животные, цветы» [1, т. 3, с. 308], а также маски, которых он не приглашал: его Сердце – синьора в красном, с черной змеей на шее, его Мысли – черный мохнатый паук – «отвратительное чудовище на зыбких, колеблющихся ногах с тупыми, жадно-свирепыми глазами» [1, т. 3, с. 308], мертвецы, калеки и уроды, Лихорадка – нечто Длинное Серое. Кроме того, материализуются его мысли, в которых он подозревает свою мать в измене, поэтому Королеву на маскараде обнимает пьяный Конох. Остальное пространство заполняют «черные маски». Но маски настолько плотные, что за ними невозможно определить лица, частью которого они стали. Не случайно Лоренцо не может среди гостей найти своей жены Франчески. Ее образ множится, и три женские маски одновременно восклицают: «Лоренцо! Мой любимый». Лоренцо безнадежно пытается распознать свою возлюбленную через глаза – традиционный символ души: «Позвольте мне заглянуть в ваши глаза: из тысячи тысяч женщин я узнаю мою возлюбленную по ее глазам» [1, т. 3, с. 315]. В его сознании живет бессознательный страх одиночества, потери и предательства. Образ глаз как зеркала души в литературной традиции восходит к гофмановской новелле «Песочный человек», в основе которой лежит оппозиция чистых, «живых» глаз Клары и неподвижных, «мертвых» глаз Олимпии. И если у Гофмана глаза позволя-

ют раскрыть подлинную сущность человека, то у Андреева ситуация усугубляется: маски способны скрыть даже глаза, под которыми невозможно распознать человека.

Образ карнавала, который в интертекстуальном плане имеет сходную семантику с маскарадом, является и у Гофмана в новелле «Принцесса Брамбилла», где все пространство захватывают маски, за которыми невозможно разглядеть подлинного человека. Главные герои придумывают себе роли и, переодеваясь в разные костюмы, настолько вживаются в нее и меняют свою сущность, что порождают своих двойников. Например, двойниками Джильо оказываются и капитан Панталоне, и принц Корнельо Кьяппери. Джильо воспринимает их как соперников, поскольку они претендуют на его место и угрожают цельности его «Я».

Образ двойника выполняет важную функцию и у Андреева в «Черных масках», эта традиция также восходит к Гофману. Герцог Лоренцо живет в иллюзиях о добром и честном мире, где все его любят и уважают, но в действительности это мир притворства, обмана и интриг. В результате его сознание раздваивается и появляется образ двойника. Сначала Лоренцо думает, что он настоящий: «Я вижу одни только маски... Только у меня лицо, и лишь относительно меня нельзя ошибиться – кто я» [1, т. 3, с. 326]. Но затем он чувствует, что и его лицо превращается в маску: «Клянусь честью, что это лицо, данное мне господом богом при рождении моем... Маска не может улыбаться... *(Хочет улыбнуться, но только конвульсивно передергивает рот)* Что это? Что сделалось с моим лицом? Оно не слушается меня. Оно не хочет улыбнуться – оно стынет» [1, т. 3, с. 326]. Подобная ситуация происходит с главным героем романа Гофмана «Эликсиры дьявола». Медардус вынужден играть несколько «ролей», что приводит его к потере своей идентичности, когда окружающие принимают его за другого. Герой запутывается в своих ролях и восклицает: «Я тот, за кого меня принимают, а принимают меня не за меня самого; непостижимая загадка: я – уже не я!» [4, т. 2, с. 59]. Его внутренняя двойственность порождает двойников, которые преследуют его. По словам Ф.П. Федорова, «В “Эликсирах дьявола” демонстрируется крайняя степень раздробленности человеческой личности; система событий в романе строится как постепенное обнародование бесконечных расщеплений и бесконечных уподоблений человека, происходящее в результате непрерывной борьбы между божественным и сатанинским мирами» [13, с. 278].

Гофмановский прием одушевления неживого у Андреева трансформируется в попытку символически изобразить внутренний мир человека с его страхами и раздвоенным сознанием. Следствием этого безумного мира становится образ двойника,

который символизирует расщепление души героя. Так, Лоренцо имеет два образа: внешний – уверенного, доброго, справедливого человека и внутренний – подозрительного, ревнивого и амбициозного герцога. Лоренцо, встретившись со своим двойником, воспринимает его как врага, который угрожает его целостности, поэтому пытается убить его: «Лоренцо Вошедший бросается на Лоренцо Бывшего и роняет на землю фонарь... Короткая и глухая борьба, и два тела разъединяются... <...> В полумраке слышен свист и лязг встречающихся шпаг; оба Лоренцо яростно нападают друг на друга, но Лоренцо Бывший, видимо, слабеет» [1, т. 3, с. 321]. Однако кто становится жертвой – непонятно: то ли сам Лоренцо, то ли двойник. Не случайно Лоренцо разговаривает с убитым двойником, как с настоящим Лоренцо. Символично, что сцена поединка героя со своим двойником во многом сходна с Гофманом. В новелле «Принцесса Брамбилла» Джильо видит двойника, который стоит «напротив, прыгая, кривляясь, как он, и размахивая в воздухе своим широким деревянным мечом...» [4, т. 3, с. 215]. Джильо воспринимает его как угрозу собственному «Я» и вступает с ним в поединок: «Только мой двойник виноват в том, что я не вижу своей невесты-принцессы. Я не могу проникнуть сквозь мое собственное “я”, а оно, проклятое, грозит убить меня своим опасным оружием» [4, т. 3, с. 215].

В «Принцессе Брамбилле» Гофмана хаос, безумная суэта в период карнавала носят игровой характер, поэтому ирония, которая сквозит во всем произведении, – положительная, животворящая. В «Эликсирах дьявола» смена ролей и масок переходит в трагическую форму, она угрожает целостности личности, маски-двойники пытаются управлять героем. Подобная атмосфера трагедии и хаоса царит у Андреева. Лоренцо, запутавшись в своих противоречивых мыслях, теряет свою идентичность и погружается в состояние безумия, его мысли бессвязны, хаотичны. «Общий неуправляемый смех» становится основным состоянием героев. Все в замке пронизано разрушительной иронией, которая переходит в хохот. Ирония является важным стилистическим приемом у Андреева. Она имеет корни в романтической эстетике и, в частности, у Гофмана. Сущность гофмановской иронии проявляется в романе немецкого романтика «Эликсиры дьявола» в споре Медардуса и Белькампо: «В том-то и горе, – ответил я, – что твоим дурачествам частенько присущ глубокий смысл, но ты разбазариваешь его, разукрасив такой пестрой дешевкой, что добротная мысль теряет естественный цвет. Ты, как пьяный, не можешь держать линию; тебя заносит то туда, то сюда, авось кривая вывезет!» [4, т. 2, с. 214]. В этом эпизоде Медардус утверждает, что ирония действует губительно на творческий процесс, так как художника, который увлекся иронией, заносит в разные стороны,

и в результате он уходит от истинного, прямого пути. Белькампо же считает, что ирония – это главная защита художника от проблем реальной действительности: «Художник без юмора – существо ничтожество, несчастный тупица, у которого в кармане собственное благополучие, а он киснет в унынии, не пользуясь им» [4, т. 2, с. 214]. Согласно концепции Гофмана, ирония носит созидательный характер, она может через самопознание вернуть человека к цельности, поэтому в финале романа именно этот персонаж остается последним, кто до конца прошел свой путь, поэтому в монастыре он называет себя своим настоящим именем – Петер Шенфельд.

Гофмановская созидательная ирония в творчестве Андреева трансформируется в разрушительную иронию, которая проявляется в образах смеха, хохота, безумия и танца. Андреев считает, что общество погрузилось в единый танец безумия, где мертвецы «встают», «говорят», «грозят». И символом этого безумия становится гротескный образ смеха, который носит разрушительный характер: «Смех растет и ширится, перебрасывается, как огонь под ветром, в разные концы, и вскоре хохочут все. Хохочут до исступления, до бешенства, до хрипоты. Все слилось в один черный, раскрытый, дико грохочущий рот» [1, т. 3, с. 233]. Андреевская ирония усиливает отрицательные стороны происходящего, не давая героям надежды и тем самым создавая эффект всеобщего трагизма. Пример такой разрушительной иронии можно проследить в пьесе Андреева «Жизнь человека» в гротескной сцене на балу у Человека, которую он создает в гофмановском стиле, как в новелле «Песочный человек», где Натанаэль приходит на бал и отдает предпочтение кукле, не замечая настоящих девушек. У Андреева же все гости изображаются как куклы. Они произносят, как автоматы, одни и те же фразы: «как богато, как пышно, как светло, как роскошно», танцуют один и тот же танец. Андреев высмеивает слепое преклонение гостей перед богатством Человека: «Вдоль стены, на золоченых стульях, сидят гости, застывшие в чопорных позах. Туго двигаются, едва ворочая головами, так же туго говорят, не перешептываясь, не смеясь, почти не глядя друг на друга и отрывисто произнося, точно обрубая, только те слова, что вписаны в текст. У всех руки в кисти точно переломлены и висят тупо и надменно». Все имеют одно и то же выражение: «самодовольства, чванности и тупого почтения» [1, т. 2, с. 712].

Гофман в новелле «Песочный человек» изображает реальный мир бездуховным. В нем нет различий между куклой и человеком. Не случайно в Олимпии практически никто из гостей не распознал куклы, а после ее разоблачения «многие влюбленные, дабы совершенно удостовериться, что они пленены не деревянной куклой, требовали от

своих возлюбленных, чтобы те слегка фальшивили в пении и танцевали не в такт... и т. д., а более всего – чтобы они не только слушали, но иногда говорили и сами, да так, чтобы их речи и впрямь выражали мысли и чувства» [4, т. 2, с. 320].

Подводя итоги, следует отметить, что гофмановская традиция в большей степени отражается в творчестве Андреева не через прямое заимствование, а опосредованно, как часть культурного пласта литературной и театральной эстетики Серебряного века, в которой «гофмановский комплекс» благодаря сходной проблематике и средствам ее выражения становится весьма актуальным. Черты «гофмановского комплекса» у Андреева можно выделить и в пьесах более позднего периода, но они не проявляются так ярко и целостно, поскольку именно его ранний период в драматургии связан с поиском собственного стиля и отмечен влиянием эстетики романтизма.

Библиографический список

1. Андреев Л. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Художественная литература, 1990–1996. – Т. 1–3, 6.
2. Андреев Л. Письма Л. Андреева Станиславскому и Немировичу-Данченко // Вопросы театра. Музей МХАТ. – М.: ВТО, 1966. – С. 275–301.
3. Ботникова А.В. Немецкий романтизм: диалог художественных форм. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004. – 352 с.
4. Гофман Э.Т.А. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Художественная литература, 1991–1999. – Т. 1–3.
5. Королева В.В. «Гофмановский комплекс» у В.Э. Мейерхольда // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т. 23. – № 4. – С. 117–119.
6. Королева В.В. «Гофмановский комплекс» в шуточных пьесах Вл. Соловьева («Белая лилия», «Альсим», «Дворянский бунт») // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – Т. 24, № 3. – С. 138–143.
7. Мейерхольд В.Э. Статьи. Речи. Письма. Беседы. Ч. 1. 1891–1917. – М.: Искусство, 1968. – 792 с.
8. Путина С.Н. Э.Т.А. Гофман и его музыкальная деятельность // Музыка Австрии и Германии XIX века. – М., 1975. – Кн. 1. – С. 354–408.
9. Скороход Н.С. Леонид Андреев. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 430 с.
10. Станиславский К.С. Мое гражданское служение России. – М.: Правда, 1990. – 656 с.
11. Тихомиров Д.С. Гоголевская традиция в прозе Л. Андреева: дис. ... канд. филол. наук. – Астрахань, 2016.
12. Тузкова С.А., Тузков С.В. Неореализм. Жанрово-стилевые поиски в русской литературе конца XIX – начала XX века. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 336 с.
13. Федоров Ф.П. Художественный мир немецкого романтизма. – М.: МИК, 2004. – 367 с.

References

1. Andreev L. Sbranie sochinenij: v 6 t. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1990–1996. – T. 1–3, 6.
2. Andreev L. Pis'ma L. Andreeva Stanislavskomu i Nemirovichu-Danchenko // Voprosy teatra. Muzej MCHAT. – M.: VTO, 1966. – S. 275–301.
3. Botnikova A.B. Nemeckij romantizm: dialog hudozhestvennyh form. – Voronezh: Voronezhskij gos. un-t, 2004. – 352 s.
4. Gofman E.H.T.A. Sbranie sochinenij: v 6 t. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1991–1999. – T. 1–3.
5. Koroleva V.V. «Gofmanovskij kompleks» u V.E.H. Mejerhol'da // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – T. 23. – № 4. – S. 117–119.
6. Koroleva V.V. «Gofmanovskij kompleks» v shutochnyh p'esah Vl. Solov'eva («Belaya liliya», «Al'sim», «Dvoryanskij bunt») // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – T. 24, № 3. – S. 138–143.
7. Mejerhol'd V.E.H. Stat'i. Rechi. Pis'ma. Besedy. CH. 1. 1891–1917. – M.: Iskustvo, 1968. – 792 s.
8. Pitina S.N. E.H.T.A. Gofman i ego muzykal'naya deyatel'nost' // Muzyka Avstrii i Germanii XIX veka. – M., 1975. – Kn. 1. – S. 354–408.
9. Skorohod N.S. Leonid Andreev. – M.: Molodaya gvardiya, 2013. – 430 s.
10. Stanislavskij K.S. Moe grazhdanskoe sluzhenie Rossii. – M.: Pravda, 1990. – 656 s.
11. Tihomirov D.S. Gogolevskaya tradiciya v proze L. Andreeva: dis. ... kand. filol. nauk. – Astrahan', 2016.
12. Tuzkova S.A., Tuzkov S.V. Neorealizm. Zhanrovo-stilevye poiski v russkoj literature konca XIX – nachala XX veka. – M.: Flinta: Nauka, 2009. – 336 s.
13. Fedorov F.P. Hudozhestvennyj mir nemeckogo romantizma. – M.: MIK, 2004. – 367 s.

**ФОНОГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СТИЛИЗАЦИИ ТУРЕЦКОГО АКЦЕНТА
В РАССКАЗЕ И.С. ШМЕЛЕВА «ГАССАН И ЕГО ДЖЕДДИ»**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект «Раннее творчество И.С. Шмелева в рукописных источниках: исследование и публикация»
№ 18-012-00381 а*

В статье рассматривается прием стилизации ломаной речи иностранца при помощи фонографических средств в рассказе И.С. Шмелева «Гассан и его Джедди». Сопоставительный анализ сохранившейся черновой рукописи и последнего прижизненного издания рассказа выявил этапы писательской работы над формированием речевого портрета говорящего по-русски турка. В качестве речевых характеристик Шмелев выбирает нарушение твердости/мягкости согласных, нарушение орфографической нормы с сохранением нормы орфоэпической, дефисацию, многоточия. В рукописи эти произносительные особенности представлены в меньшем количестве. Кроме того, и в рукописи, и в печатном издании наблюдается непоследовательность в использовании средств фонографической стилизации. Эти наблюдения позволяют сделать вывод, что автор хотел не реалистически воссоздать детализированный турецкий акцент, а импрессионистически обозначить некоторые фонетические особенности речи героев-турок.

Ключевые слова: И.С. Шмелев, стилизация, фонографические средства стилизации, контаминированная речь.

Начало литературного пути Ивана Шмелева пришлось на сложный период рубежа веков, характеризующийся интенсивными поисками новых форм, приемов, методов, тем, героев. Традиционное и новаторское зачастую объединялись, создавая «образ эпохи» [5, с. 25]. Именно в этот период стилизация получает большое распространение, так как через обращение к чужому слову писатели находили выход в разные сферы: исторические, идейные, жанровые. Как отмечает Е.В. Войнанович, «В начале 1910-х гг. в литературе происходит общий постепенный переход тематики произведений в реальное пространство, эстетизм уходит на второй план. <...> Писателей вновь привлекает устная, спонтанная речь как отличительный выразитель идейного содержания» [1, с. 38].

Уже в ранних своих произведениях Шмелев прибегает к приемам стилизации, наиболее ярко воплотившихся в повести, принесшей писателю известность, «Человек из ресторана». А своеобразной лабораторией по оттачиванию приемов становятся малые жанровые формы (очерки, рассказы). Как правило, стилизация и сказовость у Шмелева обращены к созданию образа русского человека, принадлежащего той или иной социальной среде. Между тем создание живого речевого портрета может выходить за рамки социального в плоскость, например, межнационального, этнического, где противопоставление «своего» и «чужого» наиболее явно. Именно поэтому русские авторы рубежа веков обратились, в частности, к изображению представителей народов, населяющих Россию. Определенный опыт создания образов персонажей иной этнической принадлежности уже был. Русская литература XIX в. тяготела к изображению иностранцев-европейцев [см.: 4], хотя яркие образы представителей восточных и кавказских

народов находим в произведениях А.С. Пушкина, М.Л. Лермонтова, Л.Н. Толстого [см.: 2]. Кроме того, не стоит забывать и о том, как образ иностранца складывается на уровне языка, фиксирующем на разных уровнях характеристики и оценки, даваемые тому или иному этносу (яркий пример – поговорки, дающие оценки представителям того или иного народа, анекдоты, изображающие в том числе и речь инородцев).

Ранние рассказы Шмелева тоже коснулись этой проблематики: писатель рисует словесные портреты евреев («Служители правды», 1906), греков («На морском берегу», 1906), крымских татар («Под горами», 1907). Главными героями рассказа «Гассан и его Джедди» становятся представители турецкого народа: старик Гассан и его внучка – маленькая девочка Джедди. Драматическая история их пребывания на чужбине, в России, вкладывается автором в уста Гассана, который пытается передать глубину своих переживаний скудным запасом чужого ему языка.

Передача особенностей речи говорящего по-русски иностранца – многоаспектная задача для писателя. С одной стороны, речевые характеристики должны содержать в себе особенности родного для изображаемого героя языка, а с другой – они не должны искажать его речь настолько, чтобы она вызвала затруднения при чтении текста русскоговорящим читателем. Кроме того, речевая характеристика – неотъемлемая часть психологического портрета персонажа, указывающая на те или иные черты его характера, важные для понимания образа в целом, а также «эта характеристика может реализовывать разные прагматические функции, такие как простое указание на национальную принадлежность персонажа, социальная характеристика, различные степени аффектации, комизм, ирония и др.» [6, с. 95].

Чтобы передать особенности языка Гассана, Джеджи и их сородичей, Шмелев использует средства фонографической стилизации (далее – ФГС), вводя в русскую речь турок фонетические элементы их родного языка. Обращение к черновому автографу рассказа, датированному 1–2 февраля 1906 г.¹, помогает проследить этапы писательской работы по подбору наиболее адекватных фонографических средств, входящих в речевой портрет героя-инородца, представителя другого этноса, другой культуры, другой веры. Сравнение проводится с последним прижизненным изданием рассказа, опубликованным в 1917 году [7].

Шмелев вводит в речь Гассана и его сородичей нарушение признака твердости/мягкости согласных, одного из важных признаков русской фонологической системы, не играющего дифференцирующей роли в турецком языке. Так, некоторые русские слова получают дополнительное смягчение согласных: «глюпъ» (= глуп), «кукля» (= кукла), «миля» (= милая). Эти произносительные искажения отражают особенность турецкого языка, согласно которой гласные *a* и *i* занимают более переднерядную позицию после согласных *g*, *k*, *l* [см.: 3]. Одна из первых произнесенных фраз Гассана содержит как раз этот произносительный признак: «– Глюпъ... Онъ еще очень малъ... чужой... – сказалъ турокъ, коверкая слова» (с. 4; здесь и далее в круглых скобках указаны страницы издания: [7]). Обращение к черновику показывает, что в слово «глюпъ» сначала было написано грамматически верно («глюпа»), а потом автором окончание «а» было исправлено на «ъ». Это свидетельствует о том, что грамматический дефект был дополнительно внесен Шмелевым, в то время как произносительное искажение слова было задумано изначально.

Слово «кукля» в речи турок и в рукописи, и в печатной редакции рассказа встречается по 15 раз. Но черновая рукопись содержит правильные с фонетической и грамматической точки зрения варианты этого слова. Например:

– Слушай... Ты уѣхала... мы пошли... Джеджи всё говорилъ кукли... какъ вѣтерокъ, говорилъ кукли: „она придетъ, Джеджи, она придетъ“... (с. 20)	– Слушай... Ты уѣхала ² ... Мы пошли... Джеджи говорила съ своей куклой... Она... какъ вѣтерокъ... говорилъ кукли: она придетъ, Джеджи... она придетъ? (л. 5 об.)
– Кукля... кукля... – повторяли они, Джеджи... На ихъ угрюмыхъ лицахъ появилась улыбка (с. 31)	– Кукла... кукла... – повторяли они... Гассанъ!.. А Джеджи... Джеджи... На ихъ ³ угрюмыхъ лицахъ ⁴ появилась улыбка... (л. 9)

Отчасти следуя фонетическому признаку смягчения согласных, Шмелев вкладывает в уста Гассана искаженное прилагательное «милая»: «– Миля, миля... – бормоталъ старикъ по-русски, укутывая ее в свой черный пиджакъ» (с. 7). В рукописи данная форма содержит следы исправления: «– Миля⁵... миля⁶... – бормоталъ старикъ по-русски, укутывая Джеджи⁷ въ свой черный пиджакъ⁸» (л. 2).

В некоторых случаях Шмелев вводит твердые согласные вместо палатализованных: «нѣтъ» (= нѣть), «тебѣ» (= тебѣ), «чилавѣкъ» (= челоувѣкъ). Обращение к черновой рукописи показывает, что эта произносительная характеристика актуализируется автором позднее. Так, в рукописи совсем нет вариантов «чилавѣкъ» и «нѣтъ», а слово «тебѣ» встречается только один раз: «А я тебѣ крабъ ловилъ...» (л. 3), в остальных же случаях используется орфографически верный вариант. Например: «Тебѣ скажу... только тебѣ... Ты хорошій...» (л. 5); «Я тебѣ сказала... скоро большой будетъ... невѣсть будетъ...» (л. 3 об.). Но и в печатной редакции выявляется некоторая непоследовательность использования избранного автором произносительного признака: в речи Гассана преобладают правильные варианты «нѣтъ» и «тебѣ» (например, «Нѣтъ Джеджи, Гассанъ зачѣмъ жить...» (с. 10), «Аллахъ сказалъ: иди... и Джеджи... нѣтъ... и Гассанъ одинъ стала...» (с. 17)). То же неравномерное распределение наблюдается в использовании формы «тебѣ», которая встречается единожды, зато правильная форма «тебѣ» – 4 раза (например, «О тебѣ говорилъ...» (с. 20)).

Обращает на себя внимание форма «чилавѣкъ» (с вариантом «челавѣкъ»), трижды используемая в печатной редакции. Отклонение от орфографической нормы здесь происходит при соблюдении нормы орфоэпической (редукция гласных *e* и *o*), и во всех трех случаях искаженное слово используется применительно к греку Никапулле: «...чилавѣкъ такой... Грекъ Никапулла... богатый, большой богатый...» (с. 8), «Большой чилавѣкъ, – нужно ѣхать» (с. 9), «Шайтанъ! Ай, какой чилавѣкъ! ай, ай...» (с. 16). Себя Гассан тоже называет человеком, и тут Шмелев пишет это слово по всем нормам орфографии: «Проклятой чужой сторона!.. твоя сторона. Бѣдный челоувѣкъ обижаль... Гассанъ обижаль...» (с. 22). Таким образом, средства фонографической стилизации маркируют социально-нравственный конфликт, обозначенный в рассказе: произносительный дефект становится инструментом нравственно-психологической характеристики злого и жадного Никапуллы, недостойного звания человека.

Примерами отклонения от орфографической нормы становятся слова «нада» (с. 13), «можно» (с. 31) и «Магометь» (с. 26). Если использование форм «нада» и «можно» – фонетическая имитация турецкого акцента («Турокъ кивнулъ головой. – Можно, – у Гассанъ никого нѣтъ» (с. 31)), то изменения в написании имени исламского пророка связано, на наш взгляд, с изменением в написании имени Христа, которое в печатной редакции в устах Гассана чаще всего имеет форму 1 склонения:

– Христоса... хорошій Христоса... (с. 25)	– Христось... хорошій Христось... (л. 6 об.)
Али не погибаль... Христоса не зналь... Христоса спасаль Али... (с. 27)	Али не погибаль... Христоса не зналь... Христось спасаль Али... (л. 7)

В черновой рукописи имя пророка Магомеда встречается в речи Гассана трижды и всегда дается в орфографически правильной форме: «Ей сам⁹ Аллах говорить, Магомед говорить...» (л. 1 об.), «Аллах благословить тебя... Магомед помочь...» (л. 3 об.), «Аллах говорил... Христос говорил, Магомед говорил...» (л. 7). В печатной редакции Шмелев оставил только одно упоминание Магомеда, и так как его имя стоит рядом с искаженным именем Христа и сама фраза, где находятся эти два имени, носит сравнительный характер, писатель изменил орфографию: «– А Христа мог дѣлать, какъ нашъ Магометъ, барина?» (с. 26).

Одна из важных функций фонографической стилизации – передача интонации, неизменной характеристики устной речи. Так, эмоциональность и экспрессивность Гассана выражается междометием «ге» (в рукописи встречается 11 раз, в печатной редакции – 14), имеющим приветственно-побудительный или радостно-восклицательный характер. Рукопись фиксирует, что сначала Шмелев вводит междометие «вах», но, видимо, вследствие его яркой отнесенности к кавказским языкам (напомним, что место действия рассказа происходит на черноморском побережье Кавказа), заменяет его междометием «ге»:

– Ге! – сказала Гассанъ, – Ге! А она еще утро зналь... утро лепеталь: “шторма... шторма”... Объ Али плакаль... Какъ объ Али плакаль, – шторма пришла... (стр. 6)	– Вахъ! – сказала Гассанъ... А онъ ¹⁰ еще ¹¹ утро зналь ¹² ... Утро лепеталь: шторма... шторма... объ Али плакаль ¹³ ... Какъ ¹⁴ объ Али плакаль, – шторма пришла ¹⁵ ... (л. 1 об.)
--	---

Междометия, зачастую маркированные дефисами, становятся ярким приемом интонационного окрашивания речи:

– Э!.. э... э... Христоса... хороший Христоса... А-а... Джеджи не ушель... Джеджи живой... Гассанъ нашель Джеджи... Джеджи живой... и Али... и Христоса... (с. 25)	– Христось... хороший Христось... Гассанъ полюбить Христось... Добрый Христось... Джеджи не умерь... И Аллахъ говорить... Джеджи живой... и Али... и Христось... (л. 6 об.)
– О-о-о... ты говорила... А-а-а-а... Али не погибаль... Христоса не зналь... Христоса спасаль Али... А-а-а... не зналь Христоса... (с. 27)	– О!... Ты говорил... гх-а-а... Али не погибаль... Христоса не зналь... Христось спасаль Али... Онъ... не зналь Христоса... (л. 7).

Использование многоточий и дефисов помогает воссоздать те паузы, которые возникают в речевом потоке Гассана, пытающегося найти подходящие слова для оформления своей мысли или выражающего ту или иную преобладающую в нем эмоцию.

Сопоставительный анализ черновой рукописи рассказа «Гассан и его Джеджи» и его печатной редакции 1917 года выявил, что Шмелевым используются такие фонографические средства стилизации, как нарушение признака твердости/мягкости согласных, нарушение орфографической нормы с сохранением нормы орфоэпической, дефисация, многоточия. Все эти средства в черновой рукопи-

си присутствуют в меньшем количестве, что свидетельствует об авторских доработках на уровне орфографической и пунктуационной организации текста для более достоверного отражения особенностей русской речи героев-турок. Несмотря на некоторую непоследовательность в использовании тех или иных ФГС, наблюдаемую и в рукописи, и в печатной редакции, все же можно утверждать, что для писателя оставалось важным сделать «звучащей» ломаную речь Гассана, Джеджи и их земляков. Стоит указать и на относительно небольшое количество ФГС, используемых в тексте. Причиной этому нам видится стремление автора лишь обозначить некоторые произносительные особенности, чтобы излишне детализированный турецкий акцент не затруднил восприятие текста русским читателем и не ввел ненужный комичный эффект, который нивелировал бы драматичность сюжета. Начинающему писателю Шмелеву удается создать образ героя-инородца, вызывающего одновременно симпатию и сочувствие. Его неправильная, контаминированная речь способствует этому, так как своей неправильностью сближается с речью ребенка: душа Гассана по-детски чиста и наивна, он болезненно реагирует на несправедливость и жаждет найти объяснения происшедшим с ним несчастьям, но недостаточное владение чужим языком мешает выразить это.

Писательские опыты стилизации, выявленные в процессе анализа, в последующем формируют сказовую манеру Шмелева, отличающуюся тонким чувством языка и сочетающую в себе реалистические и модернистские средства художественной выразительности.

Примечания

¹ Рукопись чернового автографа хранится в НИОР РГБ (Ф. 387: фонд И.С. Шмелева. К. 1. Ед. хр. 23. 10 л; рукопись расшифрована А.А. Скоропадской и О.А. Сосновской).

² Далее было начато: *Дж*.

³ Далее было начато: *лица*.

⁴ Далее было начато: *пок*.

⁵ Вместо: *Миля* – было: *Миля*.

⁶ Вместо: *Миля... Миля...* – было: *Не дождалась...* Далее было: *нѣжно*.

⁷ Вместо: *Джеджи* – было: *еѣ*.

⁸ Вместо: *бормоталь старикъ по-русски, укутывая Джеджи въ свой черный пиджакъ* – было: *тихо сказалъ Гассанъ... Очень хорошо помнитъ нашу ихуну...* <нрзб.> *А это бригъ...*

⁹ Далее было начато: *Богъ го*.

¹⁰ В *она* вместо *а* вписано *ъ*.

¹¹ Далее было начато: *съ*.

¹² В *знала* вместо конечного *а* вписано *ъ*.

¹³ Вместо: *Утро лепеталь: шторма... шторма... объ Али плакаль* – было: *Сегодня утром она все лепетала – штормъ – плакала об Али*.

¹⁴ Далее было: *Али*.

¹⁵ Вместо: *Какъ обѣ Али плакалъ, – шторма пришла – было: А уже это върный знакъ... Какъ обѣ Али заплачетъ быть буръ...*

Библиографический список

1. *Войнанович Е.В.* Языковые средства сказовой стилизации в семантическом пространстве романа И.С. Шмелева «Няня из Москвы»: реконструкция «своего» и «чужого»: дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2016. – 229 с.

2. Восток в русской литературе XVIII – начала XX века: Знакомство. Переводы. Восприятие. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 256 с.

3. *Гузов В.Г.* К вопросу о фонологическом статусе согласных ‘K’, ‘G’, ‘L’ в турецком языке // Востокведение: Филологические исследования. – 1997. – Вып. 19. – С. 13–17.

4. *Забровский А.П.* К проблеме типологии образа иностранца в русской литературе // Россия и Запад: диалог культур. – М.: МГУ, Центр по изучению взаимодействия культур, 1994. – С. 87–105.

5. *Завгородняя Г.Ю.* Стилизация в русской прозе XIX – начала XX века: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. – М., 2010. – 44 с.

6. *Куликова М.Н.* Фонографические средства изображения контаминированной речи немцев в аспекте перевода // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. – 2009. – Вып. 4. – С. 94–100.

7. *Шмелев И.* Гассан и его Джеджи: Рассказ. – М.: Юная Россия, 1917. – 32 с.

References

1. *Vojnanovich E.V.* YAzykovye sredstva skazovoj stilizacii v semanticheskom prostranstve romana I.S. SHmeleva «Nyanya iz Moskvyy»: rekonstrukciya «svoego» i «chuzhogo»: dis. ... kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 2016. – 229 s.

2. *Vostok v russkoj literature XVIII – nachala XX veka: Znakomstvo. Perevody. Vospriyatie.* – М.: IMLI RAN, 2004. – 256 s.

3. *Guzev V.G.* K voprosu o fonologicheskom statuse soglasnyh ‘K’, ‘G’, ‘L’ v tureckom yazyke // Vostokovedenie: Filologicheskie issledovaniya. – 1997. – Vyp. 19. – S. 13–17.

4. *Zabrovskij A.P.* K probleme tipologii obraza inostranca v russkoj literature // Rossiya i Zapad: dialog kul'tur. – М.: MGU, Centr po izucheniyu vzaimodejstviya kul'tur, 1994. – S. 87–105.

5. *Zavgorodnyaya G.YU.* Stilizaciya v russkoj proze XIX – nachala HXH veka: avtoref. ... dis. d-ra filol. nauk. – М., 2010. – 44 s.

6. *Kulikova M.N.* Fonograficheskie sredstva izobrazheniya kontaminirovannoj rechi nemcev v aspekte perevoda // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9. – 2009. – Vyp. 4. – S. 94–100.

7. *SHmelev I.* Gassan i ego Dzheddi: Rasskaz. – М.: YUnaya Rossiya, 1917. – 32 s.

О ВОЗМОЖНОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ПРЕДТЕКСТЕ И ПРОТОТИПАХ РОМАНА В. НАБОВОВА «ЗАЩИТА ЛУЖИНА»

Стихотворение «Шахматный конь», написанное Владимиром Набоковым в 1927 году, неоднократно привлекало внимание литературоведов в связи с исследованием шахматной темы в его творчестве. Многие обращали внимание на непосредственную связь между сюжетом этого небольшого поэтического текста и романом «Защита Лужина», написанным два года спустя. Как известно, одной из особенностей творческого стиля писателя является неоднократное использование определенных знаковых мотивов и деталей в своих произведениях, и сопоставление стихотворения «Шахматный конь» и первого крупного романа Набокова – яркое тому подтверждение. В статье предпринята попытка проследить развитие тех сюжетных линий «Защиты Лужина», которые, возможно, берут свое начало в стихотворении «Шахматный конь», а также выявить наиболее вероятных прототипов образа шахматиста Лужина.

Ключевые слова: В. Набоков, «Шахматный конь», «Защита Лужина», прототип, мотив, Адольф Андерсен, Вильгельм Стейнниц.

В октябре 1927 года в берлинской газете «Руль» было опубликовано стихотворение В. Сирина «Шахматный конь». Начиналось оно с описания пивной, где старый шахматный гений сидит с друзьями, которые вспоминают его прошлые победы. За разговором окружающие не замечают, что с главным героем начинают происходить странные перемены, а он тем временем все больше погружается в шахматную ирреальность и буквально воплощается в фигуру шахматного коня. Старый маэстро теряет разум и попадает в психиатрическую лечебницу, где

И эдак, и так – до последнего часа –
 в бредовых комбинациях, ночью и днем,
 прыгал маэстро, старик седовласый,
 белым конем [5, с. 310].

Таков вкратце сюжет этого поэтического текста, многие мотивы которого позже найдут отражение в романе «Защита Лужина», сделавшего Набокова знаменитым в среде русской эмиграции и поставившего его имя в один ряд с крупнейшими писателями того времени. По справедливому наблюдению О.А. Дмитриенко, «набоковской прозе свойственна интермедийность – особая форма диалога культур, осуществляемого посредством взаимопроникновения художественных референций» [2, с. 148], что в полной мере отразилось уже в ранних произведениях писателя.

Как замечает в своей монографии Б. Бойд [1, с. 323], появление этого стихотворения могло быть связано с проходившим в это время матчем Капабланка – Алехин и послужить отправной точкой сюжета романа писателя «Защита Лужина». Что любопытно, именно этот период жизни Набокова отмечен его повышенным интересом к миру шахмат, к логике шахматной игры. Достаточно вспомнить поэтический цикл «Три шахматных сонета», многочисленные упоминания о шахматах, встречающиеся в стихотворениях, отдельных рассказах, первом романе «Машенька», где кристаллизовался замысел нового романа.

Сюжет, созданный в «Шахматном коне», во многом отличен от прозаического текста, но именно здесь можно найти ответы на многие загадки романа, куда перешли мотивы и детали, впервые появившиеся именно в этом стихотворении. Это и распадающийся на ровные квадраты пол, и манера Лужина двигаться «ходом коня», и сопоставление шахматной партии с игрой оркестра.

Исследователи не раз отмечали, к примеру, эпизод, где пространство дома невесты наполнялось реалиями шахматной партии: «Но шахматы не сразу исчезли, и, даже когда появилась светлая столовая и огромный, медью сияющий самовар, сквозь белую скатерть проступали смутные, ровные квадраты, и такие же квадраты, шоколадные и кремовые, несомненно, были на пироге» [4, т. 2, с. 70]. И далее: «Тут неприятности на полу так обнаглели, что Лужин невольно протянул руку, чтобы увести теневого короля из-под угрозы световой пешки. И вообще, с этого дня он стал избегать сидеть в гостиной, где было слишком много всяких деревянных вещей, принимавших, если долго смотреть на них, очень определенные очертания» [4, т. 2, с. 73].

Интересно, что эти мотивы возникают первоначально именно в стихотворном тексте, получая позже развитие в романе:

Вдруг черный король, подкрепив проходную
 пешку свою, подошел вплотную.
 Тогда он встал, отстранил друзей,
 и смеющихся, и оробелых.
 Лампа сияла, а пол под ней
 был в квадратах черных и белых [5, с. 310].

Аналогичный образ возникает и в финальном эпизоде «Защиты Лужина», где уличное пространство приобретает вид шахматной доски: «Прежде чем отпустить, он глянул вниз. Там шло какое-то торопливое приготовление: собирались, выравнились отражения окон, вся бездна распадалась на бледные и темные квадраты...» [4, т. 2, с. 152].

Многие литературоведы неоднократно обращали внимание на сходство главного героя с шахмат-

ным конем [6, с. 21]. Действительно, в некоторых эпизодах романа его сгорбленная, с прижатыми к телу локтями фигура напоминает этот шахматный образ, и даже в финале, прежде чем «выпасть из игры», как убедительно показывает в своей статье С.В. Саун [6, с. 23], Лужин передвигается по квартире, где все комнаты расположены так, что напоминают шахматное поле, ходом коня: «И тут началась странная прогулка, – по трем смежным комнатам взад и вперед ходил Лужин, словно с определенной целью... иногда Лужин направлялся в коридор, заглядывал в комнаты, выходившие окнами во двор, и опять появлялся в кабинете» [4, т. 2, с. 148]. Но, как мы помним, и в стихотворении «прыгал маэстро, старик седовласый, белым конем» [5, с. 310].

Есть в романе и еще один мотив, берущий, как нам кажется, свое начало в этом стихотворном тексте, а именно, игра Лужина «вслепую» против значительного числа противников. Так, в стихотворении упоминается, что:

Пили друзья за здоровье маэстро,
вспоминали, как с этой сигарой в зубах
управлял он вслепую огромным оркестром
незримых фигур на незримых досках [5, с. 310].

В романе читаем: «Последнее время он играл много и беспорядочно, а особенно его утомила игра вслепую, довольно дорого оплачиваемое представление, которое он охотно давал. Так он играл против пятнадцати, двадцати, тридцати противников и, конечно, его утомляло количество досок, оттого что больше уходило времени на игру, но эта физическая усталость была ничто перед усталостью мысли, – возмездием за напряжение и блаженство, связанные с самой игрой, которую он вел в неземном измерении, орудуя бесплотными величинами. Кроме всего, в слепой игре и в победах, которые она ему давала, он находил некоторое утешение» [4, т. 2, с. 51].

Но главное, о чем следует упомянуть – это загадка возможных прототипов главного героя произведения. В многочисленных исследованиях, посвященных роману, назывались Акиба Рубинштейн, Курт фон Барделебен, Арон Нимцович, Савелий Тартаковер, Евгений Зноско-Боровский. Многие литературоведы писали о том, что прототипом набоковского героя мог послужить Алехин, за чьей игрой с большим интересом следил писатель. Конечно, ничего общего между внешностью гроссмейстера и Лужина не было. Но вполне возможно, что решение дать герою русское происхождение было связано именно с блестящей игрой этого великого шахматиста. Конечно, Лужин – образ собирательный, однако если принять во внимание сюжет стихотворения, то нельзя не заметить, что, возможно, первоначальный замысел романа был совсем иным.

В «Шахматном коне» упоминается фамилия Кизерицкого. Этот лифляндский шахматист в середи-

не XIX века был одним из ведущих гроссмейстеров мира. В 1851 году на лондонском турнире между ним и другим знаменитым шахматистом Адольфом Андерсеном была сыграна одна из самых известных партий в истории шахмат, получившая название «бессмертной». Уникальность ее в том, что, последовательно пожертвовав двумя ладьями, слоном и ферзем, Андерсен одерживает блистательную победу. Именно о финале этой партии, видимо, упоминает в своем стихотворении Набоков, перенеся место действия из Лондона в Вену:

И друзья вспоминали, как, матом грозя,
Кизерицкому в Вене он отдал ферзя [5, с. 310].

Упоминание об этой партии присутствует и в тексте романа, правда, сначала в совершенно ином, метафорическом контексте, когда речь идет вовсе не о шахматных, а о литературных пристрастиях маленького Лужина, увлекавшегося романом Ж. Верна «Восемьдесят дней вокруг света», и где логика шахматной игры сопоставляется с занимательным приключенческим сюжетом: «...Филеас, манекен в цилиндре, совершающий свой сложный изящный путь с оправданными жертвами, то на слоне, купленном за миллион, то на судне, которое нужно наполовину сжечь на топливо» [4, т. 2, с. 16]. Здесь фигура Филеаса Фогга напоминает ферзя, слона и судно (ладью) – шахматные фигуры, ставшие знаковыми в «бессмертной» партии. Позже, уже почти в финале, Набоков снова вернется к теме жертвованного ферзя: «Были комбинации чистые и стройные, где мысль всходила к победе по мраморным ступеням; были нежные содрогания в уголке доски, и страстный взрыв, и фанфара ферзя, идущего на жертвенную гибель...» [4, т. 2, с. 146].

Фигура Адольфа Андерсена в контексте набоковского романа интересна еще и тем, что он считался мастером комбинации, главой комбинационной школы, а как мы помним, термин «комбинация» – один из ключевых в сюжете «Защиты Лужина». На протяжении почти всего действия герой ищет «ключ к комбинации» собственной жизни и находит его в решении «выпасть из игры».

Что любопытно, Набоков, ни словом не обмолвившийся об этом шахматисте в тексте произведения, в предисловии к английскому переводу пишет: «Перечитывая этот роман сегодня, повторяя ходы его сюжета, я чувствую себя как Андерсен, с нежностью вспоминающий свою жертву обеих ладей в партии с невезучим и благородным Кизерицким, который обречен снова и снова принимать ее в бесконечном числе шахматных учебников, с вопросительным знаком вместо памятника» [3, с. 53].

Однако если говорить о прототипах героев этого стихотворения и романа, то дальнейшее развитие событий связано с судьбой совсем другого гроссмейстера.

Еще раз напомним о Вене – месте турнира, упоминаемого в стихотворении. Вторая зацепка таится в воспоминании друзей:

Друзья вспоминали, какой изобрел он дерзостный гамбит когда-то [5, с. 310].

Две эти детали позволяют сделать предположение еще об одном прототипе набоковского романа – Вильгельме Стейнице, авторе гамбита, получившего его имя, и первом официальном чемпионе мира. Стейниц получил свой чемпионский титул на турнире в Вене в 1873 году. И именно его судьба во многом перекликается не только с судьбой Лужина, но и безымянного старого шахматного гения в тексте стихотворения.

Так же, как и герой романа, Стейниц сделал шахматы своей единственной профессией, что не было принято в то время и воспринималось обществом с известной долей непонимания и даже презрения. В набоковском романе у матери невесты Лужина занятие будущего зятя тоже вызывает недоумение: «Профессия Лужина была ничтожной, нелепой... Существование таких профессий могло быть только объяснимо проклятой современностью, современным тяготением к бессмысленному рекорду (эти аэропланы, которые хотят долететь до солнца, марафонская бегодня, олимпийские игры...). Ей казалось, что в прежние времена, в России ее молодости, человек, исключительно занимавшийся шахматной игрой, был бы явлением немислимым» [4, т. 2, с. 63].

Как и Лужин, Стейниц познакомился с игрой в шахматы в детстве и проявил недюжинный талант уже в этом возрасте. Он с легкостью разрушал шахматные стереотипы, пренебрегая законами композиционной игры. Точно такой же особенностью отличалась игра Лужина, «в ранней его юности так поражающая знатоков невиданной дерзостью и пренебрежением основными как будто законами шахмат» [4, т. 2, с. 54]. Удивительно похожей оказывается и внешность. Стейниц – полный, сутулящийся, лысоватый человек – тут же вызывает ассоциацию с описанием Лужина, отличавшегося «тяжелым профилем и тучным, сгорбленным телом» [4, т. 2, с. 49].

Сближает Стейница с набоковским героем и наличие нервного заболевания – приступ, случившийся с ним во время турнира в Москве, привел к госпитализации в Морозовскую клинику. Что примечательно, он случается с ним сразу после партии с Ласкером – еще одна отсылка к роману, заставляющая вспомнить последнее противостояние Лужина и Турати. Даже характер психического заболевания, приведший его в конце жизни в лечебницу для душевнобольных, где он и окончил свои дни, созвучен мироощущению Лужина – ему казалось, что от него исходит электрический ток,двигающий шахматные фигуры на доске. В набоковском романе герой тоже испытывает подобное чувство во время игры: «Он не видел тогда ни крутой гривы коня, ни лоснящихся головок пешек, – но отчетливо чувствовал, что тот или дру-

гой воображаемый квадрат занят определенной сосредоточенной силой, так что движение фигуры представлялось ему как разряд, как удар, как молния, – и все шахматное поле трепетало от напряжения, и над этим напряжением он властвовал, тут собирая, там освобождая электрическую силу» [4, т. 2, с. 51].

Кроме того, Стейниц был автором защиты, названной его именем. Он был уверен, что многие комбинационные атаки в игре удаются противнику только из-за несовершенства защиты. Так и Лужин на протяжении всего романа изобретает защиту то против Турати, то против роковых повторений в собственной судьбе.

Образ этого знаменитого гроссмейстера нашел отражение и в стихотворении, где главный герой изображен пожилым человеком: «Старый маэстро пивцо попивал, слушал друзей, сигару жевал, кивал головой седовато-кудрястой» [5, с. 310], а, как известно, Стейниц ушел из жизни в шестьдесят четыре года. Более того, сюжет «Шахматного коня» фактически повторяет финал жизни шахматиста, окончившего свои дни «в молчании чистой палаты» [5, с. 310], и вполне возможно, что первоначально Набоков задумывал изобразить жизнь своего персонажа в более длительной перспективе: от молодого вундеркинда до «старого шахматного гения».

Таким образом, можно утверждать, что линия жизни главного героя набоковского романа формировалась под воздействием судеб разных прототипов, чьи образы, тесно сплетаясь в творческом воображении писателя, оказали непосредственное влияние на окончательную версию «Защиты Лужина».

Библиографический список

1. *Бойд Б.* Владимир Набоков: русские годы: Биография / пер. с англ. Г. Лапиной. – М.: Независимая Газета; СПб.: Симпозиум, 2001. – 695 с.
2. *Дмитриенко О.А.* Сюжет крестной мистерии в интермедийальной интерпретации (на материале романа Набокова «Приглашение на казнь») // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2014. – № 4. – С. 148–150.
3. *Набоков В.* Предисловие к английскому изданию романа «Defense» // В.В. Набоков: pro et contra / сост. Б. Аверина, М. Маликовой, А. Долинна. – СПб.: РХГИ, 1997. – С. 52–55.
4. *Набоков В.* Защита Лужина // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. – М.: Правда, 1990.
5. *Набоков В.В.* Стихотворения / подг. текста, сост., вступ. статья и примеч. М.Э. Маликовой. – СПб.: Акад. проект, 2002. – С. 309–310. – (Новая Библиотека поэта).
6. *Сақун С.В.* Шахматный секрет романа Владимира Набокова «Защита Лужина» (новое прочтение) // Филологический вестник Ростовского

государственного университета. – 1999. – № 1. – С. 19–25.

References

1. Bojd B. Vladimir Nabokov: russkie gody: Biografiya / per. s angl. G. Lapinoy. – M.: Nezavisimaya Gazeta; SPb.: Simpozium, 2001. – 695 s.

2. Dmitrienko O.A. Syuzhet krestnoj misterii v intermedial'noj interpretacii (na materiale romana Nabokova «Priglasenie na kazn'») // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova. – 2014. – № 4. – S. 148–150.

3. Nabokov V. Predislovie k anglijskomu izdaniyu romana «Defense» // V.V. Nabokov: pro et contra /

sost. B. Averina, M. Malikovej, A. Dolinina. – SPb.: RHGI, 1997. – S. 52–55.

4. Nabokov V. Zashchita Luzhina // Sobr. soch.: v 4 t. T. 2. – M.: Pravda, 1990.

5. Nabokov V.V. Stihotvoreniya / podg. teksta, sost., vstup. stat'ya i primech. M.EH. Malikovej. – SPb.: Akad. proekt, 2002. – S. 309–310. – (Novaya Biblioteka poehta).

6. Sakun S.V. SHahmatnyj sekret romana Vladimira Nabokova «Zashchita Luzhina» (novoe prochtenie) // Filologicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 1999. – № 1. – S. 19–25.

Кучина Татьяна Геннадьевна

доктор филологических наук
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
tgkuchina@mail.ru

Третьякова Мария Юрьевна

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
mari.tretyakova.94@mail.ru**СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ФУНКЦИИ ВИЗУАЛЬНЫХ АБЕРРАЦИЙ
В РОМАНАХ В. НАБОКОВА «КОРОЛЬ, ДАМА, ВАЛЕТ» И «ОТЧАЯНИЕ»**

В статье на материале романов В. Набокова «Король, дама, валет» и «Отчаяние» рассматриваются приемы репрезентации визуального мира, соотношение точек зрения персонажа и повествователя, обусловленность значимых сюжетных поворотов свойственными героям особенностями видения мира, в частности – визуальными абберрациями. В романе «Король, дама, валет» наблюдательный, видящий реальность в высоком разрешении Драйер и близорукий Франц в равной мере оказываются во власти ложных визуальных образов: в расчетливой, с хищническими повадками Марте Франц подметил «нечто мадоннообразное» (поскольку оказался без очков), а Драйер в момент ее смерти скорбит по уходящей красоте, не подозревая о криминальном плане жены и бедного родственника. Главный герой «Отчаяния» – Герман – по необъяснимым причинам видит в Феликсе свою точную копию – и следствием этой оптической ошибки становится преступление. Мир, увиденный и переданный глазами набокоских героев, является плодом их иллюзий; субъективная правдивость и объективная ложность видения поддерживает постоянное сюжетное напряжение, разрешающееся эстетическим поражением героя.

Ключевые слова: Набоков, визуальная перспектива, иллюзия, абберрация, сюжет, фокализация.

Высокая плотность визуально воспринимаемых деталей и их акцентированная значимость в художественном мире Владимира Набокова – предмет давнего и устойчивого интереса исследователей. Среди актуальных векторов изучения визуальной поэтики писателя можно отметить следующие:

– влияние «зрелищных» видов искусства на прозу Набокова, заимствование основных приемов создания образа из живописи, фотографии, искусства театра и кино. В частности, о поэтике кино и его влиянии на творчество Набокова подробно пишет М. Немцев в диссертации «Стилевые приемы кинематографа в литературе русского зарубежья первой волны» (Москва, 2004) [7]; балетные претексты и танцевальные реминисценции в «Лолите» являются объектом анализа И. Удянской в диссертации «Танец как предмет изображения в литературе русского модернизма» (Москва, 2006) [10]; Ю. Левинг, изучая заимствования И. Бродского из живописи, сравнивает его с В. Набоковым – «несостоявшимся художником (и учеником М.В. Добужинского), перенесшим свою наблюдательность в пространство литературы» [5, с. 52]; о приоритете визуального восприятия подробно пишет и М. Гришакова: «Художественное пространство романов Набокова – это, как правило, определенный визуальный или оптический строй. Важность темы *физического* зрения отделяет Набокова и от символизма, и от европейского романа потока сознания и сближает с французским “новым романом”... <...> У Набокова внимание сосредоточено на самом акте зрения или визуализации и на тех оптических эффектах, что возникают в пространстве между наблюдателем и наблюдаемым» [1];

– воздействие на повествовательную технику Набокова художественных принципов современ-

ного ему актуального искусства (импрессионизма, сюрреализма, экспрессионизма и т. п.); так, в диссертации О. Уиллис «Поэтика городского пейзажа в прозе В.В. Набокова русского периода творчества» (Москва, 2008) рассматривается влияние немецкой живописи (городской пейзаж служит областью реализации авторской магической власти над непрочным материальным миром и средством увековечивания хрупкой красоты мира, открывшейся взгляду художника» [11, с. 9]);

– модернистская субъективная трансформация видимого мира – и проявление в этом принципов антимиметической эстетики Набокова («Визуальная метафора (окно, призма) – один из обычных способов описания природы искусства: не столько отражающие, миметические, сколько преломляющие и деформирующие особенности попадают в фокус внимания модернизма» [1]);

– нарративная и метанарративная функция описаний визуальных явлений: «неожиданный поворот действия или развязка predeterminedены в рамках метанарратива, где по видимости случайные детали образуют нежесткое сцепление. Один из основных приемов “запуска” этого механизма – визуальная метафора, которая актуализует разрозненные детали и делает их взаимосвязь “видимой” в пространстве текста, то есть вводит в рассказ авторский ракурс» [1].

Основная цель нашей работы непосредственно связана с последним из обозначенных аспектов, но более локальна – на материале двух романов Набокова выявить сюжетообразующие функции визуальных абберраций и показать, как они встроены в структурно-семантическую организацию произведений.

Оптическая абберрация – следствие физиологических особенностей зрения у некоторых набокоских героев. Впрочем, В. Набоков был не един-

ственным писателем, который наделял персонажей «иным», необычным видением вещей: например, для автобиографического героя А. Ремизова близорукость – особый способ познания мира, особый дар видеть то, что скрыто от других: «“Подстриженными” глазами я смотрю на мир. Тут мое счастье – мое богатство и моя бедная доля» [8, с. 340]. Герой «Города N.» Л. Добычина тоже близорук, но не знает об этом и воспринимает «приблизительно» видимый мир как объективно существующий, а надев очки – разочаровывается: «Я стал думать о том, что до этого все, что я видел, я видел неправильно» [3, с. 296]. У Набокова же наблюдатель часто оказывается и творцом реальности – поэтому близорукость или астигматизм становятся «космогонически» значимыми (творимый мир является в неожиданных прозрениях или в искажениях).

Наиболее важная категория для понимания и интерпретации набоковского текста – точка зрения (мы воспользуемся определением Н.Д. Тамарченко: точка зрения в литературном произведении – положение «наблюдателя» (повествователя, рассказчика, персонажа) в изображенном мире: во времени, в пространстве, в социально-идеологической и языковой среде, которое определяет его кругозор и выражает авторскую оценку этого субъекта и его кругозора [9, т. 1, с. 207]). В прозе Набокова особое значение приобретает соотношение «внутренней» точки зрения, совпадающей с кругозором героя, и «внешней» точки зрения – читателя, обладающего высокой степенью осведомленности и способного дать эстетическую оценку героя, его целей и ценностей. Внешняя «коррекция» точки зрения персонажа позволяет установить причинно-следственные связи, обуславливающие его поведение, прояснить мотивы, которыми он руководствуется в принятии решений, и – как следствие – выявить значимые для автора сюжетные ходы.

Анализируя визуальную поэтику Набокова, М. Гришакова отмечает: «Смена точек зрения дается, во-первых, оптически, подобно движению кинокамеры, – через локализацию героя в пространстве, а во-вторых, через внутренний монолог» [1]. В этой связи в набоковских текстах особого внимания заслуживает фигура «наблюдателя». М. Ямпольский говорит об особом его типе, который, на наш взгляд, соответствует набоковскому герою: «Новый тип наблюдателя, отказывающийся от “нормального” зрения во имя обнаружения фрагмента, детали, еще воспринимается как травестированная ипостась художника» [12, с. 30]. М. Гришакова дополняет это суждение: «Мир оптически творится наблюдателем... многие явления (цвета, зеркальные отражения) являются “фантомами” и не существуют в физической реальности. Таким образом, если развить эту мысль, каждый наблюдатель – творец иллюзорного мира, подобный писателю и художнику» [1]. Набоковский герой не

столько разглядывает «готовый» мир вокруг себя, сколько сам создает его. Задача повествователя – найти «индивидуальный преломляющий угол» [1], под которым персонажа и его мир увидит читатель.

Иллюзии и оптические aberrации, которые мы встречаем в «Короле, даме, валете» и «Отчаянии», обусловлены как физической, так и душевной слепотой набоковских героев. Первый из названных романов на начальных страницах представляет читателю близорукого Франца, который пристально рассматривает своих попутчиков в поезде. В поле его зрения попадает незнакомый господин: «Нос – крохотный, обтянут по кости белесой кожей, кругленькие, черные ноздри непристойны и асимметричны, на щеках, на лбу – целая география оттенков – желтоватость, розоватость, лоск. Бог знает, что случилось с этим лицом...» [6, т. 2, с. 132] – этот образ вызывает в сознании Франца целый поток самых ужасных и отвратительных воспоминаний. Однако через некоторое время того же господина встречает Драйер, и у него складывается совершенно иное впечатление: «Драйер, мимоходом глянув на него, увидел лицо взрослого человека с носиком грудного младенца» [6, т. 2, с. 141]. Это сигнал читателю: Франц и Драйер по-разному видят и оценивают одни и те же вещи, и чьей точке зрения доверять, пока неясно.

Франц – двадцатилетний провинциал, который впервые в жизни едет в столицу, в Берлин. Взгляд Франца на мир интересен ввиду нескольких обстоятельств: во-первых, он молодой и неопытный юноша из глубинки, во-вторых, он близорук. Эти два фактора мешают ему адекватно оценить происходящее, и читатель также вынужден делать поправку на оптическое искажение. Иногда повествователю напрямую приходится предупреждать читателя о ложности картинки, транслируемой Францем в текст. Например, когда он входит в купе второго класса и впервые видит там Драйера, то принимает его за иностранца, и повествователь вынужден сопроводить этот эпизод кратким комментарием: «Господин, верно, иностранец, оттого что воротничок мягкий, и вообще... Однако Франц ошибся» [6, т. 2, с. 134].

Знаменательно, что знакомство четы Драйеров и Франца происходит лишь визуально (как в немом кино), герои рассматривают друг друга, но не вступают в диалог. Сама ситуация поездки в экспрессе, в одном купе, замкнутом пространстве, ставит героев в условия вынужденного соседства и принуждает их обращать внимание друг на друга. В беседе вступают только Марта и Драйер, а Франц становится пассивным слушателем, и парадокс их разговора в том, что речь идет именно о нем. Ситуация незнания совершенно комическая, но она сообщает читателю о том, что герои многого не видят и регулярно ошибаются (однако именно эти ошибки получают сюжетообразующее значение).

Драйер из всех персонажей наиболее открыт миру, он любит наблюдать (характеристика, данная ему повествователем: «до пустых наблюдений охочий» [6, т. 2, с. 151]). Однако вопреки своему любопытству, знает Драйер меньше всех остальных героев. При первой встрече он буквально «ощупывает» Франца глазами. Заметив множество мельчайших подробностей (предательский лоск манишки, надеваемой поверх суровой сорочки, пошитой дома, зеленый крап дешевого галстука, пиджак вышедшего из моды покроя), сделав выводы о характере и финансовом положении попутчика, Драйер не увидел в нем своего дальнего родственника.

И наоборот, почти слепой без очков Франц ухитряется видеть то, что недоступно остальным. Показателен его первый визит в дом Драйера: картины, развешанные Мартой в комнатах по совету модного художника, подбирались по принципу «чем ярче и неразборчивее, тем лучше», поэтому большая их часть напоминает «жирную радугу, решившую в последнюю минуту стать яичницей или броненосцем» [6, т. 2, с. 153]. Собственно, Франц ничего иного и не смог бы разглядеть: очки его разбиты. Он видел лишь «нежную красочную муть» – но «воспринимал именно то, чего не было в обстановке дома, что должно было в ней быть по мнению Марты, то, за что было ею дорого заплачено, – какую-то воздушную роскошь» [6, т. 2, с. 154]. В холодной и циничной Марте Франц без очков тоже ухитряется увидеть нечто «мадоннообразное» (примеченное еще в вагоне, когда он был в очках, но моментально утраченное); ее платье кажется ему «солнечно-пестрым», а сама атмосфера ее дома – нежной, невесомой, лучистой. Хищнические повадки Марты остаются «предъявлены» только читателю, Франц увидеть их не способен; он, по верному замечанию А. Долинина, «слеп не только в мелочах, но и в главном... и лишь с большим запозданием обнаруживает в ней стареющую женщину, “похожую на большую белую жабу”» [4, с. 54].

В своей собственной персональной реальности остается и Драйер. Несмотря на то, что симпатии автора и читателей явно на его стороне, Драйер – это тот персонаж, которому так и не удается открыть истину. «Наблюдательный, остроглазый Драйер переставал смотреть зорко после того, как между ним и рассматриваемым предметом становился приглянувшийся ему образ этого предмета, основанный на первом остром наблюдении» [6, т. 2, с. 199]. Его маленькое расследование насчет алкогольных пристрастий шофера заканчивается внезапной трагедией и гибелью водителя. Марта тоже умирает, а Драйер так и не узнает, что двое самых близких людей предали его и готовили на него покушение. Он чудом спас себе жизнь, но видел в умирающей Марте, которая в горячечном бреду, в воображении, довершает спланированное убийство, только красоту. «Красота уходит, красо-

те не успеваешь объяснить, как ее любишь, красоте нельзя удержаться, и в этом единственная печаль мира» [6, т. 2, с. 304].

Если Драйер скорбит об идеальной красоте, то герой «Отчаяния» Герман мечтает об идеальном убийстве. Он преподносит себя читателю (повествование ведется от первого лица) как художника, создающего свое лучшее творение. Но все внимание его сосредоточено только на одном единственном предмете – его собственном лице: «Я слишком привык смотреть на себя со стороны, быть собственным натурщиком» [6, т. 3, с. 407]. Сергей Давыдов справедливо замечает: «На самом деле для Германа внешний мир почти не существует. Его глаза устремлены внутрь самого себя» [2, с. 10].

Герман всех вокруг себя считает дураками: свою жену, ее брата-художника, Орловиуса и несчастного Феликса. Когда он впервые встречает последнего в Праге, то приходит в ярость от того, что Феликс не видит ничего общего в их внешности: «Богатый на бедняка не похож» [6, т. 3, с. 403], – отвечает Феликс.

Герман не смог отказаться от навязчивой идеи двойничества: «Я смотрел на чудо. Чудо вызывало во мне некий ужас своим совершенством, беспричинностью и бесцельностью» [6, т. 3, с. 403]. Ардалион – антагонист Германа – отрицает двойничество в принципе: «Всякое лицо уникально» [6, т. 3, с. 421], – заявляет он, когда Герман пытается разговорить его о двойниках, – «вы забываете, сеньор, что художник видит именно разницу. Сходство видит профан» [6, т. 3, с. 421]. Но мир двойничества – это особый, персональный мир Германа: всюду ему мерещатся одинаковые, отразившиеся друг в друге люди и предметы.

Своеобразными намеками-пророчествами являются то ли сны, то ли галлюцинации Германа. После первой встречи с Феликсом его мучает кошмар о человеке, стучащем палкой о стволы деревьев (так, вероятнее всего, делает слепой, боясь потерять дорогу), и отсутствие глаз на искаженном лице – все это предзнаменования визуальной аберрации, произошедшей с Германом и ведущей его к неминуемому краху.

Когда Герман ночует с Феликсом в номере отеля, ему снится сон о «лжесобачке»: «гнусная мимикрия, холоднокровное существо, созданное природой под собачку, с хвостом, с лапками, – все как следует» [6, т. 3, с. 456]. «Лжесобачка» – это символический «двойник» самого Германа. Это он, задумавший убийство ради коммерческой выгоды и представляющий его как произведение искусства, – «гнусная мимикрия»; гротескное двойничество стало продуктом уставшего от вечного поиска копий сознания Германа.

Его неумение видеть очевидное при отсутствии физических недостатков зрения и гипертрофированный эгоцентризм роднят его с Драйером. Как

и Драйер, Герман видит только тот образ предмета, который создан его сознанием. Рассказывая свою повесть, он буквально заставляет читателя увидеть удивительное сходство между ним и Феликсом: «Читатель, ты уже видишь нас. Одно лицо!» [6, т. 3, с. 406]. Он проецирует собственное мировосприятие на сознание другого и не приемлет инакомыслия.

Но Драйер, в отличие от Германа, не замыкается внутри иллюзорного мира, он не теряет связи с реальностью (да и коммерсант он более успешный – хотя и волей случая). Судьба вообще на его стороне, именно благодаря ее непредсказуемому повороту он спасен от смерти. Он любит жизнь, мечтает стать путешественником, лыжником, примеряет роль сыщика (пусть и в неудавшемся расследовании) и вместе с «синещеком» изобретателем создает «живых» кукол. Ему претит мысль о смерти, тем более об убийстве, при посещении криминального музея он разглядывает лица бесчисленных преступников и заключает: «Каким нужно быть нудным, бездарным человеком, тупым однодумом или дураком-истериком, чтобы попасть в эту коллекцию» [6, т. 2, с. 264]. Именно то, что Драйер «невозможно живой», так сильно раздражало Марту; как отмечает А. Долинин, «сама идея убийства сопряжена с ее пошлостью, эгоистическому сознанию, которое умертвляет все, на что оно обращено» [4, с. 53]. Обставленный ею дом, ее понимание счастья – механическая жизнь, подчиненная примитивному порядку.

В отличие от Марты Герман – убийца состоявшийся. Его план был составлен безупречно: выдать труп двойника за свой собственный, получить деньги за страховку и преподнести преступление как творческий акт. Только одно «но»: ни сам Феликс, ни лакей, ни служащие гостиницы, ни полиция и даже жена Германа схождения этого не увидели, что нарушило его планы и ход стройного повествования.

Письмо Ардалиона – это взгляд на Германа извне, оно дает читателю возможность с другого ракурса посмотреть на героя, увидеть то, что тщательно скрывалось на протяжении десяти глав: «Я всегда знал, что Вы грубое и злое животное, и не скрыл от следователя всего, что сам видел. Особенно что касается Вашего с ней обращения (с Лидой. – Т. К., М. Т.)... Вы очень похожи на большого страшного кабана с гнилыми клыками, напрасно не нарядили такого в свой костюм» [6, т. 3, с. 524].

С. Давыдов сделал очень важное замечание: «Повесть Германа является вставным, «внутренним» текстом романа Набокова. Но отношение между «внутренним» текстом и текстом романа усложнены тем, что рукопись Германа идентична роману. Авторство Набокова проявляется лишь в разнице жанровых определений текста. Герман называет свое произведение «повестью» или «рассказом», в то время как Набоков определяет свой

текст как роман» [2, с. 15]. Между автором и его героем возникает соперничество. Проекцию автора нетрудно угадать в том русском литераторе, который живет поблизости, хвалит слог Германа и, вернее всего, украдет его вещь. Но настоящий автор смеется: он разрушает идеально симметричную, из десяти глав, повесть Германа об идеальном убийстве одиннадцатой главой, превращая ее в роман о сумасшедшем убийце.

Таким образом, визуальная абберация становится отправной точкой и «поворотным регулятором» сюжета и в «Короле, даме, валете», и в «Отчаянии»: Франц видит в Марте обольстительную «мадонну» (а Драйер, сам того не зная, создает все условия для их тайных встреч), Герман в Феликсе – собственное отражение. Первоначальная ошибка по ходу развертывания действия многократно умножается: Франц едва не становится убийцей (и испытывает ни с чем не сравнимое облегчение, когда Марта умирает), Герман воплощает план идеального убийства, совершаемого как высокий акт творчества. Мир, увиденный и переданный глазами набоковских героев, является плодом их иллюзий (у Франца – незатейливых, у Германа – претенциозных; даже реалист Драйер заперт в мире приблизительных соответствий); субъективная правдивость и объективная ложность видения подерживает постоянное сюжетное напряжение, разрешающееся эстетическим поражением героя.

Библиографический список

1. Гришакова М. О визуальной поэтике В. Набокова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/40960.html> (дата обращения: 12.12.2017).
2. Давыдов С. «Тексты-матрешки» Владимира Набокова. – Мюнхен: Otto Sagner, 1982.
3. Добычин Л.И. Город Эн. – М.: Эксмо, 2007. – 304 с.
4. Долинин А.А. Истинная жизнь писателя Сирин: Работы о Набокове. – СПб.: Академический проект, 2004.
5. Левинг Ю.П. Иосиф Бродский и живопись: пять этюдов // Звезда. – 2015. – № 5. – С. 7–54.
6. Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений: в 5 т. / сост. Н. Артеменко-Толстой; предисл. А. Долинина; прим. О. Скопечной и др. – СПб.: Симпозиум, 2000.
7. Немцев М.В. Стилиевые приемы кинематографа в литературе русского зарубежья первой волны: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 162 с.
8. Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. – М.: Русская книга, 2000. – 700 с.
9. Тмарченко Н.Д. Теория литературы: учеб. пособие: в 2 т. – М.: Академия, 2004.
10. Удянская И.Ф. Танец как предмет изображения в литературе русского модернизма: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 180 с.

11. Уиллис О.Ю. Поэтика городского пейзажа в прозе В.В. Набокова русского периода творчества: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 193 с.

12. Ямпольский М.Б. Наблюдатель. Очерки истории видения. – М.: Ad Marginem, 2000. – 288 с.

References

1. Grishakova M. O vizual'noj poehtike V. Nabokova [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/40960.html> (дата обращения: 12.12.2017).

2. Davydov S. «Teksty-matreshki» Vladimira Nabokova. – Мюнхен: Otto Sagner, 1982.

3. Dobychin L.I. Gorod EHn. – М.: EHkсмо, 2007. – 304 с.

4. Dolinin A.A. Istinnaya zhizn' pisatelya Sirina: Raboty o Nabokove. – SPb.: Akademicheskij proekt, 2004.

5. Leving YU.P. Iosif Brodskij i zhivopis': pyat' ehtyudov // Zvezda. – 2015. – № 5. – С. 7–54.

6. Nabokov V.V. Russkij period. Sobranie sochinenij: v 5 t. / sost. N. Artemenko-Tolstoj; predisl. A. Dolinina; prim. O. Skonechnoj i dr. – SPb.: Simpozium, 2000.

7. Nemcev M.V. Stilevye priemy kinematografa v literature russkogo zarubezh'ya pervoj volny: dis. ... kand. filol. nauk. – М., 2004. – 162 с.

8. Remizov A.M. Sobranie sochinenij. T. 8. Podstrizhennymi glazami. Iveren'. – М.: Russkaya kniga, 2000. – 700 с.

9. Tamarchenko N.D. Teoriya literatury: ucheb. posobie: v 2 t. – М.: Akademiya, 2004.

10. Udyanskaya I.F. Tanec kak predmet izobrazheniya v literature russkogo modernizma: dis. ... kand. filol. nauk. – М., 2006. – 180 с.

11. Uillis O.YU. Poehtika gorodskogo pejzazha v proze V.V. Nabokova russkogo perioda tvorcestva: dis. ... kand. filol. nauk. – М., 2008. – 193 с.

12. Yampol'skij M.B. Nablyudatel'. Ocherki istorii videniya. – М.: Ad Marginem, 2000. – 288 с.

Иванова Елена Радифовна

доктор филологических наук, доцент
Орский гуманитарно-технологический институт,
филиал Оренбургского государственного университета, г. Орск
iva17051@yandex.ru

СВОЕОБРАЗИЕ ТЕМЫ ШАХМАТ И ШАХМАТНОЙ ИГРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматриваются варианты реализации темы шахмат и шахматной игры в произведениях русских и зарубежных авторов. Очевидно, что шахматы в художественной литературе являются многозначным художественным образом, дающим начало самым разным интерпретациям. Богатая традиция обращения к этому образу позволяет говорить о сформировавшихся подходах к шахматной тематике в художественной литературе. Анализ произведений, написанных в разное время, в различных жанрах, позволил определить основные художественные функции образа шахмат и шахматной игры в литературе: метафора, символ, сюжетобразующее начало и др. В романах современного испанского писателя А. Перес-Реверте почти все обозначенные интерпретации темы и образа шахмат создано особый художественный мир. Более того, автор открывает новые черты в известном материале, демонстрируя неисчерпаемость шахматной тематики в художественной словесности.

Ключевые слова: тема шахмат, художественный образ, сюжетобразующее начало, символ, метафора, А. Перес-Реверте.

Шахматная тематика довольно часто встречается в произведениях русских и зарубежных писателей. Очевидно, что символика, значение фигур, разыгрываемые партии содержат неисчерпаемый потенциал для самых разных интерпретаций в различных видах искусства, и особенно в литературе. Сама история шахмат, популяризация игры во многом были связаны со словом [2]. О происхождении игры рассказывается в одной из сказок цикла «Тысяча и одна ночь». Особое место в становлении традиций шахматной игры занимает трактат «Об игре в шахматы», написанный Лукой Бартоломео Пачоли на рубеже XV–XVI вв. по заказу маркизы Изабеллы Д’Эсте, которая была увлечена этой игрой. Известно, что часть иллюстраций к трактату была сделана Леонардо да Винчи.

Обращение писателей и поэтов различных эпох к шахматной тематике свидетельствует о бесконечных вариациях сочетания художественного слова и реалий этой древней игры [3]. Анализ целого ряда произведений позволяет говорить об определенных традициях в использовании образов и темы шахмат в художественной литературе.

Одним из самых востребованных обращений к шахматной тематике является символическое значение шахмат: в нем чаще всего акцентируется внимание на некой предопределенности игры, на неизменности статуса шахматных фигур. Жизнь человека сравнивается с древней игрой, в которой действуют строгие правила и социальное положение сопоставляется со значимостью шахматной фигуры. К такому символическому значению сводят шахматы, например, Омар Хайям в своем знаменитом рубаи:

Мы только пешки, тогда как судьба – игрок.
И это не образ: играет воистину рок.
Так будем же двигаться по доске бытия,
А там чередом – один за другим – в сундучок!
(перевод И. Сельвинского) [5].

В подобном значении часто упоминаются шахматы и в «Декамероне» Боккаччо, и в романе Сервантеса, где Санчо Панса, рассуждая о жизни и смерти, использует метафору шахмат. Символика шахмат и шахматной игры очевидна и в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир», в сцене, изображающей Наполеона накануне Бородинской битвы. «Вернувшись после второй озабоченной поездки по линии, Наполеон сказал:

– Шахматы поставлены, игра начнется завтра» [11, т. 3, с. 221].

Так писатель показывает, что французский полководец, не знающий поражений, совершенно уверен в своей победе и в своей правоте. Для него предстоящая битва – это очередная партия в шахматы, финал которой для него предрешен. Чтобы подчеркнуть свое понимание личности Наполеона, Толстой использует символику игры в шахматы, которая более, чем какая-либо другая игра, отражает ход битвы и создает бездушный образ.

Близок к символическому значению шахмат их метафорический потенциал. Обращение к емкой метафоре шахмат и шахматной игры присуще в большей степени поэзии. Благодаря этому приему для читателя появляется возможность нового прочтения поэтического текста, множества его интерпретаций, молодое поколение начинает искать особый смысл поэтических строк. Так, в знаменитом стихотворении Б.Л. Пастернака «Марбург» (1928) «шахматная метафора» воплотила в себе многообразие переживаний лирического героя, который испытывает чувство безответной любви:

Ведь ночи играть садятся в шахматы
Со мной на лунном паркетном полу.
Акацией пахнет, и окна распахнуты,
И страсть, как свидетель, сидит в углу.
И тополь – король. Я играю с бессонницей.
И ферзь – соловей. Я тянусь к соловью.
И ночь побеждает, фигуры сторонятся,
Я белое утро в лицо узнаю [7].

Самые неожиданные грани образов и темы в целом открываются в произведениях А. Вознесенского «Ход конем», Е. Коцюба «Индийская защита», А. Ткаченко «Белый ход, черный ход», А. Врадия «По диагонали», К. Кедрова «Шахматная симфония» и мн. др.

Другой подход к шахматной тематике в художественном произведении можно назвать мистическим. В этой интерпретации шахматы предстают как самостоятельный обособленный мир, живущий по своим законам. Только избранным удастся проникнуть в него, увидеть за черно-белыми фигурами и квадратами нечто большее, постичь тайну их бытия, увидеть в передвижении фигур отклик на события реального мира. К таким произведениям можно отнести рассказ Л. Леонова «Деревянная королева» (1922), роман В. Набокова «Защита Лужина» (1930), главу «При свечах» в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1940), рассказ Б. Штерна «Безумный король» (1977) и др.

Мистификация шахматной игры позволяет авторам создать художественное двоемирие, заставить героя делать выбор между реальностью и кажущимся миром. Так в рассказе Л. Леонова «Деревянная королева» увлеченность героя шахматной игрой разрушает его связь с внешним обыденным миром. «...Он сам теперь, Владимир Николаевич Извеков, стоял на шахматном поле, на ход коня от королевы, и та протягивала ему сложенную вчетверо записку. Он взял, подержал незаметно у сердца и, едва скрылась та в треугольном, с отворотом, кармане его камзола, полностью осознал всю непоправимость происшедшего превращения. Было от чего прийти в ужас: он стал черным левофланговым офицером деревянного короля» [4, т. 1, с. 159]. Только в шахматном мире Извеков переживает страсть, любовь, ревность, ненависть, чего не дает ему обыденная реальность. В шахматных комбинациях перед ним разыгрываются и проживаются любовные романы, дворцовые интриги, разворачиваются военные и политические баталии.

Более сложное взаимоотношение героя с шахматным миром изображает В. Набоков в романе «Защита Лужина». Герою произведения совершенно чужд и неинтересен реальный мир. Смерть матери и отца он воспринимает лишь как отметины на временной шкале жизни, от которой стремится укрыться в мире шахмат. Постепенно игра на черно-белом поле захватывает его полностью. «...Шахматы были безжалостны, они держали и втягивали его. В этом был ужас, но в этом была и единственная гармония, ибо что есть в мире, кроме шахмат? Туман, неизвестность, небытие...» [6, т. 2, с. 80]. Игра овладевает внутренним миром Лужина, господствует в нем, становится мерилom ценностей реальной жизни и, наконец, причиной его сумасшествия и гибели.

Тема шахмат в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» имеет множество толкований. Однако в одном исследователи едины: Воланд не мог играть накануне бала ни в карты, ни в домино. Именно шахматы по масштабу соответствуют размаху личности Воланда, наблюдающего, как на поверхности модели земного шара вспыхивают и гаснут войны. «На доске тем временем происходило смятение. Совершенно расстроенный король в белой мантии топтался на клетке, в отчаянии вздымая руки. Три белых пешки-ландскнехты с алебардами растеряно глядели на офицера, размахивающего шпагой и указывающего вперед, где в смежных клетках, белой и черной, виднелись черные всадники Воланда на двух горячих, роющих копытами клетки, конях. Маргариту чрезвычайно заинтересовало и поразило то, что шахматные фигурки были живые» [1, с. 249]. Бегство шахматного короля с поля битвы, передача мантии другой фигуре, невозможность поставить мат королю, которого нет на черно-белой доске, – все это можно интерпретировать бесконечно, но от этого мистическая условность шахматной игры в романе Булгакова не исчезнет.

Иную грань в мистической шахматной тематике демонстрирует Б.Г. Штерн в рассказе «Безумный король». Это произведение относится к целому ряду сюжетов, связанных с проблемой возможностей искусственного интеллекта. В произведении Штерна созданная великим ученым субстанция заполняется исключительно шахматной информацией и помещается в фигуру шахматного короля, который как талисман всегда висит на шее героя и во время игры шептывает ему правильные решения. Однако со временем тактика и стратегия шахматных баталий наполняются для короля реалиями жизни. «...В шахматах смоделирована сама жизнь – с победами, поражениями, надеждой, скукой, болезнями, безденежьем и гибелью. Бросить шахматы для гроссмейстера – значит, покончить с жизнью» [12]. Границы черно-белого поля становятся для шахматного короля узкими и скучными, он стремится познать человеческий мир, пренебрегая интересами своего хозяина. Герои словно меняются ролями, и отныне шахматный искусственный разум определяет бытие человека.

Еще один вариант обращения к шахматной теме связан с самим процессом игры, когда партия в шахматы становится движущей силой сюжета произведения, способом организации отдельных эпизодов. Это наблюдается в сказке Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» (1871), рассказе А.И. Куприна «Марабу» (1905), фельетоне В.П. Катаева «Шахматная малярня» (1925), романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1927), произведении С. Цвейга «Шахматная новелла» (1942), романе Э.М. Ремарка «Жизнь взаймы» (1959), повести Д. Браннера «Квадраты шахматного горо-

да» (1965), фэнтези Дж. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» (1997), детективном романе Б. Акунина «Турецкий гамбит» (1998) и мн. др. Этот перечень бесконечен: в нем произведения писателей мировой величины и бестселлеры, что подчеркивает, как уже отмечалось, неисчерпаемость темы.

Связь сюжета произведения и шахматной партии дает писателю, как и игроку, возможность создавать самые неожиданные перипетии. Детективные истории требуют от героев знания правил игры и строгого следования им, философские произведения позволяют увидеть отдельные стороны человеческой личности, сказочно-фантастические проясняют соотношение, взаимосвязь мира шахмат и мира людей, юмористические, напротив, подчеркивают грань между обывателями и поклонниками шахмат.

Современная литература по-своему реализует тему шахмат, углубляя ее, делая более условной. Например, в произведениях испанского писателя Артуро Перес-Реверте, связанных с темой шахмат, можно увидеть самые разные подходы к этой теме. В романе «Фламандская доска» (1990) разворачивается необычная детективная история: знакомство с историей средневекового полотна, на котором изображено, как рыцари играют в шахматы, повлекло за собой цепь загадочных убийств, совершенных по плану сложной шахматной партии. Автор удивительным образом моделирует художественное пространство романа, превращая его в многоуровневые шахматные партии, ходы которой решают судьбу персонажей.

Символический смысл шахматной игры заложен в картине старого мастера Питера ван Гюйса «Игра в шахматы», на которой художник постарался воплотить суть политической интриги и указать на виновников смерти его друга – рыцаря Роже Аррасского. Разыгрываемая рыцарями партия отражается в зеркале, нарисованном ван Гюйсом на заднем плане, а сами герои картины под углом зрения живописца также становятся фигурами в большой игре. «...Даже пол комнаты, в которую он поместил своих персонажей, расчерчен черными и белыми клетками. Это, в дополнение к символическому характеру картины, подтверждает, что главным ее действующим лицом является именно Роже Аррасский, помещенный ван Гюйсом, заметьте, в самом центре... В общем, все завязано вокруг шахмат» [8, с. 88]. Символический смысл нарисованной шахматной партии мотивирует героев взяться за расследование, которое позволило им ответить на главный вопрос, посланный художником зрителям: «Кто убил рыцаря?» Однако героям предстоит решить еще один вопрос, прежде чем погрузиться в мир версий и догадок: слово «рыцарь» в средневековье означало и шахматную фигуру коня, поэтому вопрос может звучать, как

принято в шахматной терминологии: «Кто съел коня?» Так в романе начинается символическая шахматная партия, инициированная средневековым художником.

Метафорическое значение игры также связано, прежде всего, с картиной. Каждая фигура на полотне является метафорой политических сил, решающих судьбу средневековой Европы. Вместе с тем Перес-Реверте акцентирует внимание на шахматах-метафорах в многочисленных цитатах, которые в качестве эпиграфов появляются в начале каждой главы. Метафорически воспринимает шахматы и один из главных героев романа – Сесар, вспоминая свой проигрыш шахматной баталии: «...Белый король, ненавистный белый король, защищенный непробиваемой стеной плебеев-пешек, издавон, из своей безопасности, с тем же презрением, что было написано на лице владевшего им игрока, созерцал растерянность и бессилие одинокого черного короля, неспособного прийти на помощь своим последним пешкам, которые, разбросанные по полю битвы, но верные своему долгу, вели отчаянный, безнадежный, похожий на агонию бой» [8, с. 398]. Подобное метафорическое восприятие шахмат игроками позволяет писателю дополнить характеристику образа, подчеркнуть смещение ценностных ориентиров в сознании персонажей, воспринимающих игру как реальную жизнь, а окружающих людей как пешки, которых можно с легкостью убить.

Мистификация шахматной игры также очевидна в произведении А. Перес-Реверте: главный «злодей» оказался под странным влиянием шахмат, ощутил себя сверхличностью, которой дано право распоряжаться жизнью других людей. Логика баталии на черно-белом поле возобладала над общечеловеческими нормами, словно поглотила Сесара, поменяв местами мир шахмат и мир людей. Пытаясь объяснить это воздействие, он говорит: «...Речь шла не просто о шахматах, а о некоем личном, глубинном ощущении, об этой игре как связи между жизнью и смертью, между действительностью и мечтой... Шахматы как проекция своего «я», поражение как крах разгоревшегося, но так и не реализованного желания...» [8, с. 405].

И, наконец, сюжет романа «Фламандская доска» соответствует канонам шахматной игры, ставшей организующим началом событийной канвы произведения. Необычным является то, что шахматные партии, по замыслу автора, разворачиваются в разных пространственно-временных уровнях повествования. Одна игра происходит между рыцарями, изображенными на полотне. Художник, замыслив с помощью картины указать на истинного виновника смерти Роже Аррасского, в расстановке черно-белых фигур раскрывает суть политической интриги, жертвой которой пал его друг. Гроссмейстер Муньос, спустя столетия, «отыгрывает» на-

рисованную партию назад, словно поворачивая время вспять. Он ведет свою игру, пытаясь понять, как комбинация фигур на доске, изображенная Питером ван Гуйсом, могла спровоцировать убийства, совершенные в XXI веке. Другую партию ведет Сесар, в котором неожиданно возродились его юношеские амбиции и тяга к шахматной игре. Однако проигравший во всех этих партиях обречен на смерть.

Таким образом, сочетание в романе «Фламандская доска» разных граней шахматной тематики делает произведение более эффективным, организация многоуровневого художественного пространства, связанного с шахматными партиями, создает напряженную интригу, позволяет ввести в повествование объемный культурно-исторический контекст.

Иначе реализуется тема шахмат в романе А. Перес-Реверте «Осада, или Шахматы со смертью» (2011). В этом произведении писатель также сочетает исторический материал с детективной интригой. Тема шахмат, хотя и вынесена в название романа, становится довольно условной, лишь намеченной в общей линии сюжета. Очевидно, что всего спектра обращения к шахматной игре, как в романе «Фламандская доска», в этом произведении нет.

Главный герой произведения – полицейский Рохелио Тисон, расследующий ряд жестоких убийств, происходящих в испанском Кадисе во времена осады города войсками Наполеона. Понять логику убийцы ему помогает игра в шахматы с Ипполито Баррулем, к которому инспектор иногда заходит, чтобы отдохнуть от напряженной работы. Метафорическая шахматная партия разыгрывается в воображении инспектора: «Словно бы на игровой доске города кто-то сделал ход, а Тисон этого вовремя не заметил. Две пешки, считая сегодняшнюю. Две съеденные пешки. Две девушки...» [9, с. 21].

Шахматная партия как эпизод произведения не становится в этом романе сюжетобразующим началом, а порождает в сознании полицейского новые ассоциации и ощущения, которые помогают в поисках преступника. «Партия уже минут пятнадцать как доиграна, но фигуры остаются в прежней, последней позиции: белый король заперт ферзем и конем черных, а белая пешка стоит в одиночестве на другом конце поля – одна-единственная клетка отделяла ее от превращения в королеву. Время от времени Рохелио Тисон поглядывает на доску. Он и сам иногда чувствует себя точно так же, как его король, – в одиночестве среди пустых клеток, по которым движутся невидимые пешки» [9, с. 631]. Замечания и советы профессора Барруля, который заявляет, что «город – это шахматная доска», скорее объясняют особенности метода построения образа преступника и выработки плана его поимки в сознании Тисона, называющего условную партию с преступником «ферзевым гамбитом».

Таким образом, в романе А. Перес-Реверте «Осада, или Шахматы со смертью» обращение к шахматной тематике имеет более сложный, завуалированный характер. При этом автор в полной мере опирается на обозначенные выше подходы к шахматной тематике, хотя не выводит их на первый план повествования. В этом произведении историко-культурный материал настолько масштабен, что доминирует над «шахматной» логикой сюжета. Это делает роман более интригующим и требует от читателя внимательного, вдумчивого прочтения.

В целом тема шахмат в произведениях художественной литературы отличается неисчерпаемым потенциалом интерпретаций. Очевидно, что она будет модифицироваться, следуя за совершенствованием игры в реальном мире. Символика черных и белых фигур всегда будет востребована как способ философского толкования бытия. Метафорический потенциал шахмат в литературе и в искусстве призван привнести новые традиции в изображение характера, портрета, в композицию произведения. Сюжетообразующее начало шахматной игры не только систематизирует художественный материал, но и открывает бесконечное множество вариантов, подобное комбинациям шахматных партий. Все это позволяет отнести тему шахмат к «вечным» темам литературы.

Библиографический список

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М.: Художественная литература, 1988. – 384 с.
2. Вильямс Г. Шахматы. История. Фигуры. Игроки. – М.: АРТ-Родник, 2004. – 160 с.
3. Гук Е. Шахматы в художественной литературе // Наука и жизнь. – 2007. – № 7–8.
4. Леонов Л. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Художественная литература, 1981.
5. Линдер И. Омар Хайям о шахматах в разных переводах [Электронный ресурс] // Новости шахмат. – Режим доступа: <http://www.chess-news.ru/node/627> (дата обращения: 23.12.18).
6. Набоков В. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Правда, 1990.
7. Пастернак Б.Л. Марбург [Электронный ресурс] // Слова. Серебряный век. – Режим доступа: <https://slova.org.ru/pasternak/marburg/> (дата обращения: 23.12.18).
8. Перес-Реверте А. Фламандская доска. – М.: ЭКСМО, 2011. – 448 с.
9. Перес-Реверте А. Осада, или Шахматы со смертью. – М.: ЭКСМО, 2014. – 720 с.
10. Сакун С.В. Шахматный секрет романа В. Набокова «Защита Лужина» // Набоковский сборник: мастерство писателя / под ред. М.А. Дмитриевской. – Калининград: Изд-во КГУ, 2001. – С. 3–32.
11. Толстой Л.Н. Война и мир – М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2000.

12. Штерн Б.Г. Безумный король [Электронный ресурс] / ЛибКинг. – Режим доступа: <https://libking.ru/books/humor-/humor-prose/79857-boris-shtern-bezumnyy-korol.html> (дата обращения: 23.12.18).

References

1. Bulgakov M.A. Master i Margarita. – М.: Hudozhestvennaya literatura, 1988. – 384 s.

2. Vil'yams G. SHahmaty. Istoriya. Figury. Igroki. – М.: ART-Rodnik, 2004. – 160 s.

3. Gik E. SHahmaty v hudozhestvennoj literature // Nauka i zhizn'. – 2007. – № 7–8.

4. Leonov L. Sobr. soch.: v 10 t. – М.: Hudozhestvennaya literatura, 1981.

5. Linder I. Omar Hajyam o shahmatah v raznyh perevodah [EHlektronnyj resurs] // Novosti shahmat. – Режим доступа: <http://www.chess-news.ru/node/627> (дата обращения: 23.12.18).

6. Nabokov V. Sobr. soch.: v 4 t. – М.: Pravda, 1990.

7. Pasternak B.L. Marburg [EHlektronnyj resurs] // Slova. Serebryanyj vek. – Режим доступа: <https://slova.org.ru/pasternak/marburg/> (дата обращения: 23.12.18).

8. Peres-Reverte A. Flamandskaya doska. – М.: EHKSMO, 2011. – 448 s.

9. Peres-Reverte A. Osada, ili SHahmaty so smert'yu. – М.: EHKSMO, 2014. – 720 s.

10. Sakun S.V. SHahmatnyj sekret romana V. Nabokova «Zashchita Luzhina» // Nabokovskij sbornik: masterstvo pisatelya / pod red. M.A. Dmitrovskoj. – Kalinigrad: Izd-vo KGU, 2001. – S. 3–32.

11. Tolstoj L.N. Vojna i mir – М.: EHKSMO-PRESS, 2000.

12. SHtern B.G. Bezumnyj korol' [EHlektronnyj resurs] / LibKing. – Режим доступа: <https://libking.ru/books/humor-/humor-prose/79857-boris-shtern-bezumnyy-korol.html> (дата обращения: 23.12.18).

ОРНИТОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА: ДЖ. СЭЛИНДЖЕР – ОТ А. ЧЕХОВА ДО В. АКСЁНОВА

В статье рассматривается реализация концепции орнитологической поэтики в произведениях Дж. Сэлинджера и В. Аксёнова в контексте диалога национальных литератур. Данное взаимодействие опосредовано литературными традициями русских классиков – А. Чехова, И. Тургенева, А. Островского. По результатам анализа художественных текстов Сэлинджера и Аксёнова автор формулирует трактовки образа птицы в поэтике писателей как символа свободы, компонента религиозных сюжетов в буддизме и христианстве, метафоры советского тоталитарного режима. Итогом работы становится обозначение особенностей культурного контакта орнитологической поэтики в творчестве Дж. Сэлинджера и В. Аксёнова. Предложенный подход заинтересует литературоведов, специалистов в области теории коммуникации и культурологов.

Ключевые слова: поэтика, образ птицы, символ, Дж. Сэлинджер, В. Аксёнов, диалог культур.

Символическое значение образа птицы сохраняется в мировой культуре с древнейших времен. Прообразом орнитологических сюжетов стали первобытные рисованные сюжеты в пещерах задолго до появления письменности. Значительное место эти образы занимали в мифопоэтических произведениях древних греков, римлян и египтян. В те времена птицы были верными спутниками богов. При необходимости божества сами могли превращаться в птиц [6]. Орнитологические мотивы играли не последнее значение и в системе библейских сюжетов. В скором времени образы птиц стали неотъемлемой частью анималистического литературного направления, которое фокусировалось на помещении символики животных в систему человеческого существования [7, с. 78].

Семантическая значимость орнитологической поэтики в художественной литературе менялась в зависимости от социальных требований того или иного исторического периода. Так, в эпоху Средневековья птицы становились символами морального откровения, от которого зависело единение человека с сущностью Создателя. В век Просвещения авторы перешли от моральных уроков к сатирическому обличению социальных недостатков человека в образах птиц [7, с. 81]. Выживание птичьих экосистем легло в основу экологического дискурса в произведениях «Путешествие Гулливера» Д. Свифта и «Робинзон Крузо» Д. Дефо. В общем виде сформировалась устойчивая культурная универсалия: образ любой птицы – мотив всеобъемлющей свободы, который распадается на множество литературных инвариантов. Аналогично с мировым литературным опытом орнитологические мотивы присутствовали и в русской литературе, получив особое экзистенциальное значение в классической литературе XIX века, культурное достояние которой нашло отражение в произведениях XX столетия. В мировой литературе этого периода образ птицы трансформировался в одно из сильных идеологических начал, воздействующих на читателя.

В рамках данного исследования мы обращаемся к опыту использования элементов орнитологической поэтики в творчестве американского классика Дж. Сэлинджера и русского писателя-эмигранта В. Аксёнова в контексте гармоничного межкультурного диалога. Литературоведческое осмысление национальных менталитетов России и США позволяет определить точки диалога культур, способствующих лучшему пониманию инациональных миров.

Самым известным инвариантом образа птицы в произведениях Сэлинджера являются утки из Центрального парка, о которых рассуждает Холден Колфилд в романе «Над пропастью во ржи»: «Я не мог себе представить, куда деваются утки, когда пруд покрывается льдом и промерзает насквозь. Может быть, подъезжает грузовик и увозит их куда-нибудь в зоопарк? А может, они просто улетают?» [16, с. 91].

Если ориентироваться на универсальную трактовку образа птицы в качестве идеи свободы, то тогда высказанное Холденом рассуждение интерпретируется как тоска по его невозможности вписаться в социальное большинство. Подростковый максимализм героя граничит не только с неприятием конформистских ценностей, но и с осуждением бездуховности, захватившей Америку с 1950-х годов. Данная трактовка находит подтверждение, когда Холден приходит в Музей этнографии и видит репродукцию с птицами, улетающими на юг. Он понимает, что они стремятся к свободе, которую ему обрести не под силу, так как музейные экспонаты застывают во времени с сопутствующими им идеями, а любой человек «постоянно менялся, неважно как, но менялся» [16, с. 141]. Зная об увлеченности Сэлинджера А. Чеховым и И. Тургеневым, его утки и музейные птицы согласуются с инвариантами свободы в пьесе «Чайка» и стихотворении в прозе «Без гнезда». Чеховский Треплев, убивший чайку, которая была олицетворением свободы для его возлюбленной Нины, не получив желаемого признания в драматургической среде и страдая от неразделенной любви, чувствует, что

вместе с птицей погубил и собственную свободу. Итогом его терзаний становится самоубийство из того же ружья, которым была убита несчастная чайка. В подобном ключе заканчивает и сэлинджеровский мудрец-буддист Симор Гласс из рассказа «Хорошо ловится рыба-бананка», который после долгой военной службы не находит себе места ни среди людей, ни в браке с красивой, но недалекой девушкой Мюриэль. Переживания лирического героя Тургенева в «Без гнезда» созвучны с социальным дискомфортом Холдена: «Оставаться тошно... а куда полететь?» [18, т. 9, с. 67]. Подобным образом рассуждает и Катерина из пьесы А. Островского «Гроза», считающая себя «вольной птицей», попавшей в «железную клетку». Её фраза: «Отчего люди не летают так, как птицы?» – стала крылатым выражением, соотносящимся с понятием свободы [13, с. 34].

Религиовед Б. Фаликов предлагает другую интерпретацию фрагмента с «утками» Холдена. Зная об увлечении Сэлинджера буддизмом, исследователь связывает вопрос Колфилда об утках со сборником дзенских коанов «Мумонкан», с которым писатель ознакомился в английском переводе Р. Блайса. В одном из коанов содержится сюжет, где наставник Басо задает своему ученику Хякудзэ вопрос о том, куда летят дикие утки. Начинающий монах не находит ответа, поэтому духовник намеренно и болезненно дергает его за нос. Примерно подобную, но душевную боль испытывает Холден, не находя ответа на свои экзистенциальные вопросы [9, с. 41]. С позиций буддизма так же просто объясняется и самоубийство Симора в рассказе «Хорошо ловится рыба-бананка» – для достижения нирваны и прекращения страданий он принимает решение уйти из жизни [17].

В юмористическом рассказе «Голубой период де Домье-Смита» холденовские утки превращаются в «белого гуся, летящего по невыразимо бледному, голубому небу» [17, с. 345] на репродукции, которую видит молодой художник Джон Смит в галерее канадского мастера мистера Йошото, куда он устраивается на преподавательский курс по изобразительному искусству. Эта работа Сэлинджера выдержана в духе католического мистицизма со множеством аллюзий к библейским сюжетам. Однако, обращаясь к древнеиндийской мифологии, мы находим факт о том, что образ гуся символизирует спутника индуистского бога творчества Брахмы [14, с. 189]. Фонетическая природа наименования гуся на санскрите (хамса) соотносится с дыханием космоса. Сочетание: на вдохе звук «хам», на выдохе звук «са» – является ритмом дыхания Вселенной, что функционально восходит к главному дыхательному упражнению в йоге, к которой Сэлинджер также проявлял интерес [15, с. 204]. В финале рассказа Джон Смит испытывает яркое творческое озарение, по дзену называемое

«сатори». Ощущение сатори не зависит от вероисповедания человека и отсылки к христианству (например, актуализация легенды об исправлении блудницы Марии Магдалены, ставшей одной из преданных последовательниц Иисуса Христа) в произведении не являются неуместными. Более того, Сэлинджер следовал учению Веданты, в которой не отрицалось обращение к другим религиям для формирования полноценной духовной личности. Автор считал своё творчество определенной духовной практикой, куда он вкладывал собственное понимание канонов религиозных учений, которым Сэлинджер посвятил большую часть своей жизни [15, с. 421].

В другом рассказе, «В лодке», «птичий» инвариант появляется лишь как изображение на футболке сына мореплавательницы Бу-Бу Таненбаум – Лайонела, где представлен «страус Джером, играющий на скрипке» [17, с. 278]. Данная визуальная композиция имеет скрытый смысл. В английском варианте текстов Веданты («Нерушимые истины»), написанной Р. Рэм, символика образа страуса раскрывается как ситуация познания истинной природы вещей в контексте ошибочного восприятия некоторых явлений окружающей действительности. Более просто данный принцип выражается во фразе «вещи (личности) далеко не такие, какими они нам кажутся». В момент, когда человек ухватывается за свои идеальные представления об интересующем предмете, а его сущность противоречит этим представлениям – рождается страдание, которого можно было избежать при более внимательном обращении к желанному предмету. Называя страуса своим именем, Сэлинджер кодирует послание читателю о том, чтобы он не воспринимал прочитанное лишь в буквальном смысле.

В рассказе Сэлинджера «Человек, который смеялся» в мифологическую часть повествования писателем вводится образ орла. В подавляющем большинстве культур эта птица символизирует светлое магическое начало, которое сопротивляется темным чарам в облике ворона [6]. Текст произведения указывает на то, что орёл был одним из главных спутников обезображенного лицом, но чистого душой Человека, который смеялся. За этим скрывается знак, характеризующий данную птицу как посланницу божественного начала, которая охраняет доблестного героя. Лечение Человека, который смеялся, орлиной кровью реализует значение, в котором орёл признается символом бессмертия и восстановления жизненных сил [17, с. 232].

Образ птицы прослеживается и в творчестве В. Аксёнова. В своих произведениях он продолжает развивать «птичий» инвариант в контексте понятия свободы. Аксёнов создаёт сильные текстовые позиции в облики птицы, которая служит либо инструментом, обличающим произвол советских

директив («Стальная птица», «В поисках жанра»), либо становятся вдохновителем главных героев в процессе духовного освобождения («Цапля», «Ожог», «Желток яйца»).

Писатель и публицист Д. Быков в журнале «Дилетант» (№ 4) даёт трактовку аллегорической повести «Стальная птица». В ней один из главных героев, Попенков, живёт в лифте московского высотного дома. Днём он отпугивает жильцов своим демоническим видом и двумя авоськами с гнилыми рыбой и мясом, а ночью обращается в таинственную Стальную Птицу, которая грозит уничтожить все великие культурные памятники Москвы. В образе Стальной Птицы Быков видит типичный для Аксёнова гротеск на непроходимую цензуру в идеологии СССР, которая уничтожает истинное творческое начало [10, с. 90].

Если обратиться к работе С. Бузиновского и О. Бузиновской «Тайна Воланда», то мы столкнёмся с другой точкой зрения о происхождении «Стальной птицы», восходящей к булгаковской традиции и фигуре мистического советского авиаконструктора итальянца Роберта Бартини. Непростой жизненный путь Бартини всегда шёл на контрасте с гениальными конструкторскими решениями (например, он предлагал модель создания невидимого самолёта), которыми вдохновлялся академик Сергей Королёв, и столкновениями с советским режимом вплоть до нескольких тюремных заключений и шокирующими метафизическими философскими концепциями трёхмерного времени и шестимерного пространства. По мнению авторов, именно философское учение загадочного итальянца легло в основу образа булгаковского Воланда. Анализируя фигуру гротескного Попенкова из «Стальной птицы», супруги Бузиновские приходят к выводу, что его реальным прототипом был Роберт Бартини. Это подтверждается тем фактом, что метаморфоза героя в Стальную Птицу визуально похожа на модель самолёта. Когда фантастическое существо рушит старый арбатский дом, а его жителей переселяют в более спокойный район, нарратор сопровождает повествование восклицанием: «Стальная Птица – спаситель!» [5], что провозглашает код о втором пришествии Христа. Действительно, Попенкову некуда пойти, а его авоськи с рыбой и мясом имеют библейский подтекст. В этом контексте рыба – символ Иисуса, а мясо – предсказание жертвы Сына Божьего на кресте. Демонизируя образ Попенкова, Аксёнов не только осуждает «железный занавес», но и намекает на силу религии в атеистическом советском обществе [8, с. 78]. Этот христианский мистицизм значительно сближает его с духовными идеями Дж. Сэлинджера, исследовательница которого И. Галинская обнаруживает интертекстовые соответствия с произведениями М. Булгакова.

В магической повести «В поисках жанра» образ птицы присутствует в убийстве нырка (род птиц

семейства утиных) группой отдыхающих в Сочи. В экологическом дискурсе главного героя – «артиста оригинального жанра» Павла Дурова – по защите невинной птицы заложена метафора о слепо-коллективизме некоторых советских граждан (Адик, Серго), которые готовы «на спор закидать камнями» того, кто не угоден их режиму. Образ Екатерины, воскресившей нырка, олицетворяет членов советского общества, которые научились приспосабливаться к тяжёлым условиям [1, с. 26].

В комедийной пьесе «Цапля», являющейся парафразом чеховской «Чайки», Аксёнов реализовал символику свободы в образе птицы, которая представлялась экзотической гостьей из Европы, не обремененной тоталитарной идеологией. Эта задумка родилась в период, когда писатель «жил на Балтике и видел, как болотная цапля ежедневно улетала в направлении Польши» [12, с. 339]. Свои переживания он романтизировал в образе «девушки-Европы», обращающейся в цаплю по ночам. При этом облик этого создания не имеет определенного описания и варьируется от аналогии с гадким утёнком («цаплёнком») Х. Андерсена до «Вечной Женственности» С. Соловьёва и «Незнакомки» А. Блока. Нужно отметить, что качества аксёновской цапли не противостоят мировым культурным характеристикам этого образа – она мудра, печальна, бдительна и спокойна. Через неё автор закладывает в произведение библейский мотив. Опираясь на содержание пьесы, мы находим, что христианская символика соотносит цаплю с двумя семантическими вариациями: противостояние Христа и Сатаны, а также момент покаяния грешников. Цапле-спасительнице противопоставлена сатанинская пара стариков-хуторян – Цинтия и Кларенс Ганнергейты, называемые Аксёновым «чертями». Этот демонический дуэт всячески отвлекал героев произведения от криков священной птицы, призывающей их к моральному исправлению своих грешных жизней. Яйцо, снесенное цаплей в завершении пьесы, представляется нам хранилищем нового мира, в котором каждому будут отпущены его грехи [4].

В романе «Ожог» все шесть alter ego Аксёнова нередко ассоциируют себя с таким птичьим обликом, как феникс, который является признанным символом возрождения, в данном случае – творческого. Однако автор не забывает упомянуть в потоке сюрреалистичных тропов о душевном травматизме данного процесса [3].

В поэтике Аксёнова завершённый вид образ птицы обретает в романе-фантазмагии «Желток яйца», в котором главные герои сначала сопоставляют себя с птицами, а в конце повествования обращаются в них, отправляясь в свободный полёт [2].

Как мы видим, культурные основания образа птицы в творчестве Дж. Сэлинджера и В. Аксёнова перекликаются как в обращении к идеям русской

классической литературы («Чайка» А. Чехова), так и в использовании элементов религиозного мистицизма из буддизма и христианства. Это позволяет осмысливать их тексты в мультикультурном комплексе без акцентирования внимания лишь на идеологических позициях.

Библиографический список

1. Аксёнов В. В поисках жанра. – М.: АСТ, 2007. – 224 с.
2. Аксёнов В. Желток яйца. – М.: Эксмо, 2010. – 470 с.
3. Аксёнов В. Ожог. – М.: Эксмо, 2008. – 565 с.
4. Аксёнов В. Пьесы. – М.: АСТ, 2010. – 280 с.
5. Аксёнов В. Стальная птица. – М.: АСТ, 2009. – 248 с.
6. Алкиона // Мифы народов мира: в 2 т.: энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – Т. 1.
7. Берёзкин Ю.Е. Мифы Старого и Нового Света: Из старого в Новый Свет: Мифы народов мира. – М., 2009. – 448 с.
8. Бузиновский С., Бузиновская О. Тайна Воланда. – М.: АСТ, 2012. – 247 с.
9. Бута Е.М. Сэлинджер. Дань жестокому богу. – М.: Алгоритм, 2014. – 240 с.
10. Быков Д. Портретная галерея: Василий Аксёнов // Дилетант. – 2014. – Вып. 4. – С. 88–92.
11. Галинская И.Л. Загадки известных книг. Тайнопись Сэлинджера. – М.: АСТ, 2011. – 345 с.
12. Ефимова Н.П. Василий Аксёнов в американской литературной критике // Вопросы литературы. – 1995. – Вып. 4. – С. 336–348.
13. Островский А. Пьесы. – М.: Художественная литература, 1974. – (Библиотека Всемирной литературы).
14. Похлёбкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. – М., 2011. – 246 с.
15. Славенски К. Дж.Д. Сэлинджер. Идя через рожь. – М.: ЭКСМО, 2014. – 504 с.
16. Сэлинджер Дж. Над пропастью во ржи. – М.: Эксмо, 2014. – 224 с.
17. Сэлинджер Дж. Повести. Рассказы. – М.: Эксмо, 2014. – 204 с.
18. Тургенев И. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 10. – М.: Наука, 1982.

19. Чехов А. Пьесы. – М.: Эксмо, 2012. – 592 с.
20. Шилдс С., Солерно Ш. Сэлинджер. – М.: ЭКСМО, 2015. – 804 с.

References

1. Aksyonov V. V poiskah zhanra. – M.: AST, 2007. – 224 s.
2. Aksyonov V. Zheltok yajca. – M.: EHksmo, 2010. – 470 s.
3. Aksyonov V. Ozhog. – M.: EHksmo, 2008. – 565 s.
4. Aksyonov V. P'esy. – M.: AST, 2010. – 280 s.
5. Aksyonov V. Stal'naya ptica. – M.: AST, 2009. – 248 s.
6. Alkiona // Mify narodov mira: v 2 t.: ehnciklopediya. – M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1987. – T. 1.
7. Beryozkin YU.E. Mify Starogo i Novogo Sveta: Iz starogo v Novyj Svet: Mify narodov mira. – M., 2009. – 448 s.
8. Buzinovskij S., Buzinovskaya O. Tajna Volanda. – M.: AST, 2012. – 247 s.
9. Buta E.M. Sehlindzher. Dan' zhestokomu bogu. – M.: Algoritm, 2014. – 240 s.
10. Bykov D. Portretnaya galereya: Vasilij Aksyonov // Diletant. – 2014. – Vyp. 4. – S. 88–92.
11. Galinskaya I.L. Zagadki izvestnyh knig. Tajnopis' Sehlindzhera. – M.: AST, 2011. – 345 s.
12. Efimova N.P. Vasilij Aksenov v amerikanskoj literaturnoj kritike // Voprosy literatury. – 1995. – Vyp. 4. – S. 336–348.
13. Ostrovskij A. P'esy. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1974. – (Biblioteka Vsemirnoj literatury).
14. Pohlyobkin V.V. Slovar' mezhdunarodnoj simvoliki i ehblematici. – M., 2011. – 246 s.
15. Slavenski K. Dzh.D. Sehlindzher. Idya cherez rozh'. – M.: EHKSМО, 2014. – 504 s.
16. Sehlindzher Dzh. Nad propast'yu vo rzhi. – M.: EHksmo, 2014. – 224 s.
17. Sehlindzher Dzh. Povesti. Rasskazy. – M.: EHksmo, 2014. – 204 s.
18. Turgenev I. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. T. 10. – M.: Nauka, 1982.
19. Shekhov A. P'esy. – M.: EHksmo, 2012. – 592 s.
20. SHilds S., Solerno SH. Sehlindzher. – M.: EHKSМО, 2015. – 804 s.

К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННИХ ПРОЦЕССАХ В АВТОРСКОМ СВЕРХТЕКСТЕ САШИ СОКОЛОВА. СТАТЬЯ 3: ПОТЕНЦИАЛ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ФОРМЫ И НАРРАТИВНОЕ ИНТЕРВЬЮ

В статье анализируется трансформация диалоговой структуры в произведениях Саши Соколова с помощью методики нарративного интервью, предложенной Ф. Шюце для социологических исследований и распространенной затем в гуманитаристике в целом. Исходной точкой анализа становится повторяющаяся в нескольких текстах Соколова диалоговая формула «пришли и спросили», рассматриваемая как запуск в тексте нарративного интервью, провоцирующего повествование героя-рассказчика о прошлом. Реализуясь как нарративное интервью и воспроизводя все формальные показатели этого специфического жанра, «Школа для дураков» предлагает и тот результирующий эффект, который этой методикой достигается: акцентируется акт высказывания, его процедуры, механизмы и, как следствие, демонстрируется процесс текстопорождения. Далее в «Газибо» нарративные схемы биографии концептуализируются до нарративных маркеров, процедура интервью как акт коммуникации предстает автокоммуникацией (интервьюированием героем-рассказчиком самого себя), а нарративное интервью трансформируется в метанарративное, ставящее вопросы организации текста уже перед читателем.

Ключевые слова: Саша Соколов, «Школа для дураков», «Газибо», диалоговая структура текста, нарративное интервью.

Как показало изучение семантического комплекса «пришли и спросили», разработанного Сашей Соколовым в «Школе для дураков» и затем воспроизведенного в «Газибо» [5; 6], актуализация диалоговой структуры в нарративном пространстве позволяет создать самостоятельный текст диалога, рассмотреть возможности стандартных диалоговых схем как потенциально сюжетно- или контекстообразующих, а также обратить внимание на резервы собственно формы диалога. В результате в соколовском сверхтексте можно наблюдать последовательную трансформацию диалоговой структуры: от опустошения содержания до высвобождения вариативной энергии формы. Отсюда – умножение диалоговых версий и практик, представленных в «Газибо», с последующим их наслоением, контаминацией, перекодировкой и т. д.

В качестве одной из таких практик можно рассматривать интервью, очевидно подсказываемое формулой «пришли и спросили», и в частности – интервью нарративное, известное своей направленностью на провоцирование повествования (или истории) о прошлом.

Техника нарративного интервью, предложенная Ф. Шюце [7] для социологических исследований, а затем распространенная в психологии, лингвистике и в целом – в гуманитаристике, основывается на архетипической способности человека к выстраиванию нарративных конструкций и идентификации себя как рассказчика. Предметом рассказа обычно выступает биография интервьюируемого, история собственной жизни, соответственно, повествование ведется от 1-го лица. При этом сама структура интервью такого рода представляет специфический вид коммуникации, при которой

активность участников неравномерна: интервьюер задает «нарративный импульс» – тему и направление потенциальной истории опрашиваемого и далее не вмешивается в ее ход, давая возможность наррации окончательно и самостоятельно сформироваться. Коммуникативные возможности вопрошающего ограничиваются на этом этапе невербальными способами стимуляции речи говорящего или использованием минимальных междометий для его поддержки. Ожидаемые при воспроизведении потока сознания обрывы мысли, алогичность, нелинейность, невнятность становятся самостоятельными компонентами повествования, заслуживающими анализа. При этом для восстановления содержательной логики они могут быть прояснены на 2-м этапе интервью – в фазе нарративных расспросов, когда интервьюер имеет возможность уточнить любые моменты, касающиеся как содержания, так и формы представления событий. В заключительной части интервьюируемый сам может выступать как аналитик, предлагая оценку, аргументацию, объяснение и т. п.

Как представляется, специфический потенциал нарративного интервью, имеющий гуманитарную ценность, состоит в перекодировке ситуации вопрошания, при которой интервьюируемый превращается в рассказчика, акцентируется внимание на его «авторских» возможностях, а также метанарративных ракурсах, демонстрирующих способы формирования повествования. И с другой стороны, минимализация роли интервьюера превращает авторитарную ситуацию интервью в нерегламентированную свободную беседу [2, с. 72], что крайне важно применительно к текстам Соколова, ориентированным если не на подрыв, то на деконструкцию любых властных структур. В этом смысле кон-

струкция «пришли и спросили», уже в «Школе для дураков» коннотативно связанная с историческим и культурологическим страхом ночного прихода вопрошающих и затем демонстрирующая почти психоаналитическое высвобождение страхов в процессе блуждания по лабиринтам памяти, представленным в «Газибо», – вполне подходящий объект для применения методики нарративного интервью.

Уже начало «Школы» представляет собой реализацию исходной схемы нарративного интервью: побуждение к началу – первая нарративная неуверенность – внесодержательная поддержка («Так, но с чего же начать, какими словами? Все равно, начни словами: там, на пристанционном пруду...» [4, с. 11]). Далее этот повествовательный код усиливается введением психиатрической тематики в качестве аутентичной сферы действия нарративного интервью и его узнаваемой маркировки (слабоумие главного героя, того самого интервьюируемого и потенциального нарратора – Ученика Такого-то; его лечение у доктора Заузе и диалоги с ним; наличие вымышленного двойника/брата; обучение в школе для умственно отсталых). Интервью, позволяющее Ученику рассказать о себе и своей жизни (реконструировать биографию), задает и горизонт ожидания: на выходе оно должно завершиться искомой целью – достижением самоидентификации (кто я? – центральный вопрос в «Школе»).

Соответственно, эмблематична фигура психиатра – доктора Заузе: она становится тем запуском нарративного интервью (как запуском ситуации излечения), который необходим для начала наррации. Но сама процедура «лечения» осуществляется другими элементами текста. Проще говоря, доктор никак в романе не действует, не видны результаты его деятельности, но зато очевиден тот необходимый нарративный импульс, который он как стоящий за пределами текста интервьюер подает.

Сходным образом Заузе используется и внутри уже начавшейся наррации – как своеобразный маркер присутствия интервьюера-слушателя, невербальный знак поддержки. Так, к Заузе герой апеллирует, когда ему нужна авторитетная поддержка («Спустя несколько дней я поехал к лечащему доктору Заузе и посоветовался, спросил совета. Доктор сказал мне: знаете, дружок, у вас без сомнения было то самое, бабушкино» [4, с. 29]; «...я немного ушел в себя, но теперь уже вернулся, не беспокойтесь, доктор Заузе называет это растворением в окружающем» [4, с. 152]), или защита («я позвоню доктору Заузе, пусть он отвезет тебя снова туда» (здесь и далее разрядка в цитатах Саши Соколова. – *Е. Т.* [4, с. 55]; «по рекомендации доктора Заузе поступили в мастерскую Леонардо» [4, с. 180]), или, напротив, некое противоречие, дающее обоснование новому витку рассказа («хотя доктор Заузе пытался доказать мне, будто никакого другого меня не существует, я не склонен до-

верять его ни на чем не основанным утверждениям» [4, с. 32] и т. п.).

Лечение сопряжено со страхом, но у Ученика нет страха перед доктором – есть страх перед Вопрошающими, теми, Кто Пришли и Спросили, именно они становятся одним из лейтмотивных сюжетов его истории: уводят в ночи персонажей из его рассказа или жизни, как грозятся увести и его. При этом доктор ценен/полезен/актуален только для Ученика (как его интервьюер и хранитель его истории), но не для других персонажей романа – Норвегова, например, для которого врач попадает в общий ряд враждебных или чужеродных начал: «Врачи, – смеялся Норвегов, – запретили мне подходить к ветряным мельницам ближе, чем на километр» [4, с. 22].

Очевидно, запуск нарративного интервью может осуществлять не только врач (и соответственно, разного рода психиатрические коды), но и другая руководящая инстанция – например, собственно текстовая: автор. Именно он, выступающий в «Школе» как текстовый персонаж, реализует все обязательные функции интервьюера: одобрительно поощряет развитие рассказа героя («Дорогой ученик такой-то, я, автор книги, довольно ясно представляю себе тот поезд – товарный и длинный» [4, с. 36]); не проявляя своего присутствия, выступает адресатом, к которому обращена наррация («Да, дорогой автор, именно так: придти к нему домой, позвонить звонким велосипедным звонком у дверей – пусть он услышит и откроет» [4, с. 40]); наконец, на стадии уточняющих вопросов становится собеседником своего героя («Ученик такой-то, разрешите мне, автору, перебить вас и рассказать, как я представляю себе момент получения вами долгожданного письма из академии...» [4, с. 170]; «Это верно, дорогой автор, наш отец служит как раз по этой части, по части неприятностей» [4, с. 176] и т. д.).

Собственно, сюжет взаимоотношений автора-персонажа и героя-рассказчика (как и в случае с доктором Заузе) развивается именно от вопрошания к «дружеской болтовне», что исполняет обязательную для нарративного интервью установку на комфортность. Поэтому в исследовательских целях оно обычно берется дома у интервьюируемого, условно – за чашкой чая. В тексте эта локация метонимически представлена в подзаголовке второй части романа «Рассказы, написанные на веранде». В противоречие с зоной комфорта вступают дискомфортные ситуации, о которых рассказывает (от которых освобождается) Ученик: пришли ночью / на работу / в школу – увели / забрали / уволили. Герой-рассказчик намеренно умножает эти варианты, воспроизводя травматические опыты, чтобы, огласив и опустошив их, обезопасить, представить неработающими. С этой же целью предлагаются свои механизмы, противопоставленные внешним

и для надежности столь же многочисленны. Отсюда – умножающиеся истории чудесных превращений (в Нимфею), идеальных отношений (с Ветой), эпических путешествий (через Лету к Норвегову). И с другой стороны, реализующее ту же цель вовлечение интервьюера (доктора Заузе, Автора) в собственный текст, превращение его из дружелюбного Постороннего в надежного Своего. Так внутри «биографического» рассказа Ученика образуется «родственная» персонажная система, позволяющая ему безопасно, спокойно и свободно строить из биографии текст, что в его случае равносильно построению мира и освобождению.

Заметим, что болезненными оказываются также диалоги и взаимоотношения героя со своим агрессивным двойником, от которого для достижения собственной идентичности предстоит избавиться. Однако необходимость этого разединения для Ученика не очевидна, как неочевидна собственная ненормальность: «Там, в больнице, Заузе ужасно смеялся над нами, что мы такие фантазеры. Больной такой-то, смеялся он, честно говоря, я не встречал человека здоровее вас, но ваша беда вот в чем: вы невероятный фантазер» [4, с. 46]. Собственно, это противоречие и является основой его рассказа. В параллель противоречивой цели выстраивается противоречивый хронотоп: нарративное интервью предполагает рассказ о прошедшем из настоящего, из перспективы прошедшего. Прошлое при такой ретроспекции тематизируется [1, с. 232], превращается в сюжет, а также структурируется и даже переструктурируется из состояния нового знания. Однако в рассказе Ученика этого не происходит: у него неразличение времен, которое он иногда объясняет болезнью, но объясняет с долей остранения через иронию, абсурдизацию – «как у бабушки» («...у меня приступ той самой наследственной болезни, которой страдала моя бабушка... <...> когда бабушка еще была с нами, она иногда теряла память, так обычно случалось, если она долго смотрела на что-нибудь необыкновенно красивое» [4, с. 29]). Повествование из настоящего предполагает знание о том, как все закончилось, что невозможно для Ученика – он находится в вечном становлении. Рассказ о прошлом трансформируется в создание истории о настоящем и даже о только формирующемся, о самом формировании. Так прошлое предстает мифом (с Летой, Сфинксом, Леонардо) и одновременно новой историей – именно в этом смысле вторая глава «Школы» может быть рассмотрена как авторский текст Ученика. Он достиг стадии творчества, простая по задаче стадия рассказывания о былом, эмоционально поддержанная интервьюером / автором / читателем, раскрепощает и высвобождает собственное авторство / индивидуальность / идентичность. Отсюда – постоянное обновление, старое узнается вновь и описывается как новое, и повествование Ученика, а значит, и его

Текст не иссякают. Закономерно, что закончить его невозможно, можно только прервать на время, что и делает Автор, сообщив об отсутствии бумаги для продолжения романа.

Реализуясь как нарративное интервью и выдерживая все формальные показатели этого специфического жанра, текст «Школы» предлагает и тот результирующий эффект, который этой методикой достигается: акцентируется акт высказывания, его процедуры, механизмы и, как следствие, демонстрируется процесс стихийного творчества, возникающий в живой речи, или высвобождение творчества.

И здесь наблюдается еще один интересный эффект, представляющий диалоговую структуру романа в ином ракурсе, – эффект самоинтервьюирования. В самом деле – выведение интервьюера за рамки повествования или превращение его в персонаж собственного текста и лишение статуса вопрошающего освобождает место для активности некоего Второго. И этот путь активно осваивается в романе. Сначала искомым Вторым предстает alter ego героя, его брат-двойник – именно с ним обсуждается тот первый момент, с которого должна двинуться биография и, соответственно, наррация: «Так, но с чего же начать, какими словами? Все равно, начни словами: там, на пристанционном пруду. На пристанционном? Но это неверно, стилистическая ошибка... пруд может быть околостанционным. Ну, назови его околостанционным, разве в этом дело? Хорошо, тогда я так и начну: там, на околостанционном пруду» [4, с. 11]. Затем в этой роли выступает Автор, которого Ученик, осуществляя свою биографию-текст, превращает в персонажа. Так герой, последовательно исполняя роль автора, замещая автора и, наконец, становясь им, по сути начинает интервьюировать самого себя, демонстрируя через импровизацию и актуализацию высказывания эффект рождения текста.

И дальше в «Газибо», безусловно, имеющем в своей прапамяти «Школу для дураков», будет представлен этот новый виток нарративного интервью, переводящий и героя, и автора, и читателя от проблемы поиска личностной идентичности к проблеме коммуникации и автокоммуникации.

Так, уже отработанная в «Школе» методика заходов в прошлое через стандартные формулы в «Газибо» концептуализируется: здесь сюжетная формула биографии сворачивается в нарративный маркер. В качестве таких «биографических» маркеров выступают типичные схемы биографии, стандартные биографические характеристики; наличие биографа, письменных свидетельств о событиях жизни (писем, объявлений, статистических документов) и т. д. В результате становится достаточно одного элемента, построенного, например, на перечислении биографических событий, чтобы сработала нарративная память и возник сюжет

нарративного интервью или рассказа о прошлом интервьюируемого: «он в юности, / странствуя из вагантов / в зингеры, переехал рейн... пел вокализы и арии... и поселился на эльбе, / и стал гармонии доктор гонорис кауза, / и зажигал балы, и завёл себе мажордома» [3, с. 63–64]. Точно так же стереотипные характеристики персонажа, представленные как хроникальное перечисление, мгновенно формируют его пространственно-временной образ, вписанный в биографический и социально-исторический контекст: «он, верно, очень ценил изящное, / думается, восхищался им, посещал / соответствующие музеи, лекции, / не исключено, что коллекционировал» [3, с. 62]. А присутствие среди персонажей биографа эксплицирует собственно идею биографии как сюжета.

Вместе с последовательным умножением в «Газибо» биографических схем они столь же последовательно травестируются: переводом в иной нарративный жанр (например, не вполне художественный – газетное / брачное объявление); тавтологизацией, ассоциативными подменами и переводом в другие аспекты; переворачиванием оппозиционных полюсов; заменой реальной биографии на вымышленную, иллюзорную, параллельную-тайную (но также схематичную, поскольку она строится обычно на бинарном романтизме: обыденность – экзотичность, быт – искусство). В результате биографическая схема опустошается и остается лишь в качестве пустующей формы, ожидающей своего наполнения, что незамедлительно происходит в бесконечных вариациях. Например, как ассоциативное приращение: «странствуя из вагантов / в зингеры, переехал Рейн / и со стражей, / сначала с третьей, потом с четвертой, / стражей этих стремнин, излук, / с волшебными сердцу латниками с глазами / цвета анжуйского серого, / целовал его, озорное, в дежурной рюмочной...» [3, с. 63].

Как говорилось, нарративное интервью исходит из потенциальной способности каждого человека к выстраиванию связных нарративных историй. В «Газибо» это умение становится самодостаточным – истории возникают бесконечными дублями, именно как потенциально возможные и одновременно типичные (поскольку работает биографическая схема). При этом они наслаиваются друг на друга, отчасти имитируя поток сознания и принцип создания нарративной части интервью, отчасти воспроизводя шум времени, о котором, собственно, все эти истории. Это по-своему биография времени, эпохи, поскольку за историями персонажей «Газибо» прочитываются и мировые войны, и социальные трагедии – причем одновременно вполне узнаваемые и абстрактные вневременные.

Именно наличие биографических маркеров позволяет ввести в текст сразу несколько нарративных интервью со своими интервьюерами

и рассказчиками, а также результатами в виде самостоятельных историй, и сделать это без ущерба для восприятия. Учетчик-арифметик, вдова, «незадачливый муж которой не вернулся с войны», ученый-зоолог – каждый из них включается со своей историей, отвечая на вопросы некоего симулятивного интервьюера. При этом некоторые персонажи сами выступают в качестве вопрошающих и интервьюирующих, поощряя биографические рассказы других. Возникающий хаос событий и какофония голосов с помощью биографических маркеров легко остраиваются и структурируются в обобщающий метасюжет Интервью. Метапозиция предполагает и постоянное удержание или возвращение исходной вопросно-ответной фразы «Газибо»: «А что там, / поскольку, что ли, осведомились, / спросили то есть по поводу, / где-либо повстречав, / что именно, / может, не сильно переменявшись в лице, / но, скорее всего, взволнованно, / определённо взволнованно молвил насчет / изящного кто-нибудь незабвенный» [3, с. 61].

Итак, перед нами метанарративное интервью, в котором интервьюируемым выступает «специалист по изящному» (первый уровень диалога), и каждая из его историй уже как нарратора (второй уровень диалога) или историй созданных им героев-рассказчиков (третий уровень диалога) – так или иначе об изящном. Как Ученик в «Школе для дураков» достигал максимального единения с собой и, соответственно, стадии творчества через ситуацию автоинтервью, так и в «Газибо» кульминацией становится неразличение уровней коммуникации. Происходит это в момент диалога некоего капитана с полковником, умершего с несуществующим, героя рассказа со своим «автором». Капитан, он же ушедший на войну зоолог, с одной стороны, персонаж в истории интервьюируемого специалиста по изящному, а с другой – его alter ego, двойник, внутренний капитан. Равно как и полковник. В результате подобного диалога внутреннего капитана с внутренним полковником, а проще говоря – автоинтервью, осуществляется искомое неразличение интервью как внешнего жанра, интервью как внутреннего сюжета и интервью как факта биографии. Это идеальная беседа с самим собой, на выходе из которой только и может осуществиться изящное.

Процедура концептуализации (свертывания наррации в маркер) происходит в «Газибо» и с другими стадиями нарративного интервью. Так, этап уточняющих и конкретизирующих вопросов маркирован минималистичными и тавтологичными повторяющимися фразами: «пошли и спросили» – «и возражал им»; «и удивились» – «и отвечал им»; «вы звучите обще, излагайте детальней, детализированней» – «извольте»; «говорите отчетливей, вы невнятны» – «я говорю о том, что...». А фаза беседы узнается по характерным конструкциям: «вы, надеюсь, участвуете» – «с моим удо-

вольствием»; «ваше здоровье» – «аналогично»; «мне познакомиться просто прекрасно» – «взаимно» и т. п. Внезапно возникающие в тексте, лишенном диалоговых знаков пунктуации, они отлично структурируют его. Продвигаясь по образованному маркерами фарватеру, то есть вновь переходя в метатекстовый уровень, читатель получает возможность наблюдать, как интервьюируемый становится ведущим, модератором: «и если мне удалось убедить вас, / то нам остается лишь уточнить программу, / лишь выверить вектор, курс дискурса, / то есть давайте же, наконец, отрешимся, / вернее, решимся на нечто определенное, / а ещё вернее, решим, / о каком, в самом деле, искусстве / мы станем тут все беседовать, / о каком конкретно...» [3, с. 88]. Достигая стадии беседы, некогда пассивный опрашиваемый Специалист по изящному занимает активную позицию: переходит в наступление (убеждает вопрошающего), выстраивает дальнейший план и механизм действий («остается уточнить», «давайте отрешимся / решимся / решим»). И, наконец, освоив структуру нового для себя повествования, он сам задает вопрос («о каком искусстве»), даже с уточняющими вариациями («о каком конкретно»). Иначе говоря, автонаррация переключается в регистр метанаррации с повествованием о том, как задается/строится вопрос в тексте. А рассказчик реализует себя как интервьюер, демонстрируя тем самым ситуацию текстопорождения.

При этом постоянные переходы высказывания от одного лица к другому, создающие полифонию, предстают качественно иным типом коммуникативности – условно сетевым, с допуском к диалогу (и интервью) любого потенциального участника. Причем если внешне это выглядит как сбой коммуникации: нарушение логики, грамматики, словообразования, тавтологичность, разрывы, паузы, молчание и т. д., то на деле это результат деконструкции нарративных схем, долженствующий освободить форму для заполнения ее новой коммуникационной активностью. В том числе читательской – вслед за автоинтервьюированием лирического героя-нарратора возможен запуск читательской автокоммуникации.

Так метонимическое неразличение «личного» внутри текста: личная биография – личная история – личное творчество, позволяющее транслировать общечеловеческую историю и искусство через частный нарративный формат, переносится в за-текстовое пространство, вопрошая читателя и вовлекая его в эту потенциально бесконечную наррацию. Его биография также предстает как поле для конструирования и автокоммуникации, а текст на новом витке выступает тем самым вопрошающим интервьюером, или Тем, Кто пришел и спросил.

Библиографический список

1. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Анализ нарративного интервью: реконструкция биографической работы // *Российский гендерный порядок: социологический подход.* – СПб., 2007. – С. 227–249.
2. *Лапишина А.Ю.* Коммуникативная ситуация нарративного интервью // *Вестник Самарского государственного университета.* – 2008. – № 4 (63). – С. 70–79.
3. *Соколов Саша.* Газибо // *Соколов Саша.* Триптих. – М.: ОГИ, 2011. – 286 с.
4. *Соколов Саша.* Школа для дураков. Между собакой и волком. – М.: Огонек-вариант, 1990. – 382 с.
5. *Тюленева Е.М.* К вопросу о внутренних процессах в авторском сверхтексте Саши Соколова. Статья 1: Трансформация мотива // *Вестник Костромского государственного университета.* – 2017. – Т. 23. – № 3. – С. 145–149.
6. *Тюленева Е.М.* К вопросу о внутренних процессах в авторском сверхтексте Саши Соколова. Статья 2: Деконструкция диалога // *Вестник Костромского государственного университета.* – 2017. – Т. 23. – № 4. – С. 151–155.
7. *Schütze F.* Narrative Repräsentation kollektiver Schicksalsbetroffenheit // *Erzählforschung: Ein Symposium.* – Stuttgart: Metzler, 1982. – S. 568–590.

References

1. *Zdravomyslova E., Temkina A.* Analiz narrativnogo interv'yuu: rekonstrukciya biograficheskoy raboty // *Rossijskij gendernyj poryadok: sociologicheskij podhod.* – SPb., 2007. – S. 227–249.
2. *Lapshina A.YU.* Kommunikativnaya situaciya narrativnogo interv'yuu // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2008. – № 4 (63). – S. 70–79.
3. *Sokolov Sasha.* Gazibo // *Sokolov Sasha.* Triptih. – M.: OGI, 2011. – 286 s.
4. *Sokolov Sasha.* SHkola dlya durakov. Mezhdub sobakoj i volkom. – M.: Ogonek-variant, 1990. – 382 s.
5. *Tyuleneva E.M.* K voprosu o vnutrennih processah v avtorskom sverhtekste Sashi Sokolova. Stat'ya 1: Transformaciya motiva // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2017. – T. 23. – № 3. – S. 145–149.
6. *Tyuleneva E.M.* K voprosu o vnutrennih processah v avtorskom sverhtekste Sashi Sokolova. Stat'ya 2: Dekonstrukciya dialoga // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2017. – T. 23. – № 4. – S. 151–155.
7. *Schütze F.* Narrative Repräsentation kollektiver Schicksalsbetroffenheit // *Erzählforschung: Ein Symposium.* – Stuttgart: Metzler, 1982. – S. 568–590.

ЯЗЫКОВАЯ ТРАНСГРЕССИЯ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ТЕКСТЕ (роман Саши Соколова «Палисандрия»)

В статье рассматривается феномен трансгрессивного перехода на примере языка постмодернистского текста. В языке разные аспекты границы проявлены ярче всего, поскольку каждое языковое явление формируется на границе сред, которые диктуют норму, языковое варьирование и нарушение. Автор статьи сосредотачивает внимание на том, что именно в зонах с подвижными границами у Саши Соколова разворачивается самодвижение означающего. Характерной чертой «Палисандрии» является бытие на границе, где усиливается гул языка, возникающий за счет стилиевой разножанровой эклектичности. Анализ показал, что на границе зарождается язык писателя и конкретного произведения. В романе усиленной семиотизации подвергается язык пастыша, который одновременно является и языком порога. Процесс означивания и смыслопорождения осуществляется на стыке фенотекста и генотекста. Особого внимания заслуживают элементы генотекста, благодаря которым текст освобождается от смысловых нормативов.

Ключевые слова: Саша Соколов, «Палисандрия», языковая граница, трансгрессия, язык тела, художественные тропы, работа со словом.

В романе Саши Соколова «Палисандрия» акцентируется лиминальная ситуация «бытия на границе» и последующего трансгрессивного перехода. Бытие языка на границе обнаруживается в генотексте, который, согласно Ю. Кристевой, есть не что иное, как «бесконечное означающее» [3, с. 194], сверхдетерминированное и лишённое смыслоцентричности. А ситуация трансгрессивного перехода, проявляющаяся на всех уровнях языка, неизбежно провоцирует перспективу бесконечно множасьихся интерпретаций, затрагивающих как жанровую принадлежность романа, так и его смысловую наполненность.

Первые очевидные трансгрессивные движения происходят на уровне лексики. Лексическая неоднородность «Палисандрии» складывается за счет того, что писатель намеренно сталкивает книжную, разговорную, устаревшую, архаичную, заимствованную лексику, обнажает художественные тропы и фигуры выразительности, которые пробуждают скрытые возможности языка: «Вот и сегодня, внаброс ^(разг.) (здесь и далее пометы, а также курсив в цитатах сделаны мной. – К. Р.) окрыляя себя крылаткой, паки и паки ^(церк.-слав., устар. и шутл.) влачишься ^(церк.-книжн., поэт. устар.) в Комендантскую башню живым меморандумом: «Все течет! Пришлите специалистов!» А комендант лебезит ^(разг., неодобр.), заискивает, дескать ^(разг.), о да» [4, с. 274]. С помощью метонимического переноса абстрактный автор наделяет Палисандра характеристиками меморандума (от лат. memorandum – то, о чём следует помнить), представляет живым носителем памяти, вскрывая скорее этимологическую, чем собственно семантическую составляющую слова. Внимательный читатель, помнящий о разнополости героя, о должности ключника, которую тот занимает, может понять, насколько абсурден подобный пассаж. Палисандр, обладающий способностью множить пустоту знания о себе / других / истории (вдаваясь в бесконечные пояснения, исправления),

не желает что-то помнить, то есть вспоминать так, как было на самом деле (а точнее прошлые и будущие реинкарнации героя всячески этому препятствуют).

Категория времени и ее формы достаточно устойчивы и вообще частотны в текстах Соколова и рассматриваются в связке с пространством пограничности. Это позволяет предложить методику прочтения, адекватную самому тексту, который построен как постоянно генерирующееся и переформирующееся образование. Роман одновременно о прошлом, о настоящем и о будущем, и тут же о безвременье. Автору важно показать не столько параллельность или сопоставление/напластование времен, сколько их нераздельность, симультанность (отсюда жанровая и стилистическая неоднородность). При этом возможны постмодернистские парадоксы и с личностным началом: все, что для самого Соколова имеет личностный интерес (в данном случае время), в тексте образует массу расщеплений, бесконечно остраиваясь и даже отстраиваясь друг от друга. Именно эти нарочитые выходы за пределы структуры заставляют нас искать способы объяснения в постмодерне.

Язык границы в «Палисандрии» расшатывает устойчивую лексическую и грамматическую сочетаемость слов, благодаря чему и происходит прорыв смысловой плотины: от простого каламбура («Табели о должностях и зарплатах» [4, с. 269] – вместо «табели о должностях и рангах»), через метафорические переносы («сутулясь по отчому дому» [4, с. 273] – тоска отождествляется с позой, которая на языке тела рассказывает как о характере человека, так и о его настроении) к более сложным трансформациям. Рассмотрим наиболее частотные механизмы:

– «работая по принципу *поводка*» [4, с. 271] – за счет языковой игры автор расширяет сочетаемостные возможности слов: лексема «поводок» становится акцентной и распространяет свое значение

(прямое и переносное) на всю фразу (работать в неволе / под чьим-то чутким руководством);

– «во дни дерзновенной пряности» [4, с. 279] – выражение можно разбить на несколько фрагментов: 1) «во дни» – возможная интертекстуальная и даже каламбурная отсылка к стихотворению в прозе И.С. Тургенева «Русский язык» (вслед за Тургеневым Саша Соколов каждым своим произведением поет оду русскому языку и провозглашает его пантеизм [1, с. 16]); 2) словосочетание «дерзновенной пряности» – балансирование на семантической грани коннотативных оттенков: с одной стороны, характеризует оценку какого-либо поступка / помысла, с другой – вписывает слова разных пластов лексики в рамки одного канона (романтического), что провоцирует нестабильность восприятия. Сверх того, соколовская работа со словом на границе смыслов образует лакуны, требующие постоянного наполнения, компенсировать которые и помогает язык тела (здесь под влиянием слова пряность = пикантность);

– «образцово-показательных похорон» [4, с. 280] – пример того, как с помощью языка трансгрессии автору удается продемонстрировать мировоззрение и мироощущение своего героя: смерть для Палисандра – выход к новой вечности, к новому перерождению, поэтому чужие похороны – это опыт переживания своей смерти. Неслучайно семантика насилия у Соколова всегда нейтрализуется семантикой воскрешения/бессмертия, еще со времен «Школы для дураков» и существующего там в зоне лиминальности Норвегова [6, с. 147]. Но здесь и ирония: «образцово-показательные» – это шаблонно-стереотипные, официальные, пафосные, неживые, бесчувственные. В особенности в советском контексте: ассоциативная память о череде похорон позднесоветских лидеров, воспринимавшаяся неофициальной литературой как ритуальный масочный хоровод, – вызывает устойчивый образ декорации и неподлинности;

– «ходульно подумалось» [4, с. 273] – наречие «ходульно» является полисемантом, соответственно, оттенки значения меняются в зависимости от контекста и читательской рефлексии, и можно трактовать его как неуверенность / неустойчивость / несформированность взглядов / мнения или, наоборот, как некую напыщенность / шаблонность.

Актуализировать проблему перехода границы помогает язык тела. На границе невысказанного покоятся скрытые смыслы, которые активизируются в процессе многостороннего диалога семантики, этимологии, читательской активности и контекста: «Как ветер на галереях качал гирлянды китайских фонариков, играл на ксилофонических ветровых колокольчиках, бредил в жалюзи, растворял все двери, и тени ходили по залам, по их анфиладам, свидетельствуя о наших *кромешных радениях*» [4, с. 277]. Выделенные слова, в осо-

бенности слово «кромешный», имеет достаточно устойчивую лексическую сочетаемость: кромешный ад / кромешная тьма. Согласно этимологическому словарю Фасмера, слово «кромешный» является производным от «кроме, из ст.-слав., др.-русс. кромѣ, нареч. «вне, снаружи» [8, с. 381], то есть уже в этимологии слова заложен элемент перехода (нахождение по ту или эту сторону границы). Существительное «радения» с точки зрения семантики может трактоваться как забота о ком-то, так и как обряд самоистязания, который совершался в некоторых сектах в момент религиозного экстаза. В свете проблемы языка тела образовавшееся словосочетание может пониматься как описание запретного акта физической близости.

Нередко на границе значений нескольких слов зарождается смысл, который изначально в них либо не заложен, либо хранится на задворках исторической памяти: «едва не рехнувшегося *от скверны твоих умений*» [4, с. 277] – слова, наделенные негативной коннотацией и разной сочетаемостью, создают эффект эстетизированной порочности. Лексема «скверна» отсылает к телесному низу как порождающему и поглощающему началу. «Возжелав возмездия, я позволяю себе не верить, что *мертвые сраму не имут*. Не верю! Сие суть ложные слухи, муссируемые сторонниками усопших, живо заинтересованными в их посмертной реабилитации» [4, с. 277] – устойчивая фразеологическая единица в контексте языка тела приобретает новые оттенки значений; автор использует фразеологизм, как приметку / след времени: 1) смерть в бою почетна (согласно историческим данным, эта фраза является частью воззвания князя Святослава к воинам), но Соколов подвергает ее деконструкции и выдвигает на первый план телесный компонент: мертвые – это переходный этап на границе старой-новой жизни, пусть к новому воплощению, где человек сливается с мировой памятью, поэтому нет смысла припоминать ему что-то (он уже нечто больше себя самого изначально данного); 2) о мертвых следует говорить или хорошо, или ничего. Палисандр не только нарушает непреложный закон, но в буквальном смысле обнажает Мажорет перед читателем, который участвует в эротизации процесса означивания фразы. Нигилирующий механизм постмодернистской иронии снижает сакральность отношения к мертвым. Ирония создается: а) на контрасте высокой и разговорной лексики, б) на стыке высокой и низкой ситуации (смерть и прагматические желания живых), в) деконструкцией самой идеи возмездия: она подается не через христианские или культурологические схемы (месть греховна или святая месть почетна), а через интертекстуальные трансформации (фраза «Не верю» отсылает к Станиславскому и репрезентирует условность, неподлинность смерти), г) острашением стандартной ситуации. Даже

сакральный в новой истории смысл реабилитации здесь становится в ситуацию пограничности: реабилитировать предполагают не жертв режима, а носителей и создателей режима и, шире, истории.

Тезаурусное мышление Палисандра способно объединить / примирить в одном предложении не только разнородную / разножанровую лексику, но и пробудить скрытую семантику, покоящуюся на дне языка. Этому способствует пастишная основа романной формы, которая сглаживает стилистический диссонанс. Стирание границ и зарождение смысла происходит в процессе чтения текста, правильность восприятия которого определяется культурным багажом читателя. Лишь на границе контекста, семантического потенциала слова и читательского опыта разрывается связь означаемого и означающего: «Наутро ей предложили ангажемент, постоянную должность “*послушницы*” (режис.), и вскоре она *подвизалась* (книжн., ирон.) уже на первых ролях. Карьера ее была решена. Массажирюя влиятельных протезе, Жижки оказалась в фаворе и выхлопотала синектуру для своего мужа Оле, который и постучался ко мне в то однажды» [4, с. 284]. В романе сценам сексуального плана уделено много внимания, поскольку секс, как одна из самых табуированных сфер человеческой жизни, помогает вскрыть болевые точки общества. Именно табуированная лексика, а точнее наделение слов табуированным значением, не просто ломает закоряченные дискурсы, а переформатирует их.

Особые смысловые границы порождают художественные тропы и стилистические фигуры, среди которых чаще всего можно встретить:

1. Плеоназм.

«Сказать откровенно, я забежал *задолжаться, залезть*, то есть, *в долг, занять* у вас энную сумму денег» [4, с. 286] – семантический плеоназм, как и прием аллитерации, создает эффект ритмичной и звучащей речи. В случае с Палисандром мы имеем дело с героем, который предстает в виде «пустого знака» [5, с. 19], полифонический полилог предшествующих и будущих воплощений внутри которого и перегружает фразу в целом.

2. Тавтология.

Если обратиться к семантике имени Палисандра Дальберга, то оно демонстрирует прием двойной тавтологии (на видовом и родовом уровне): Палисандр (от фр. palissandre) – вид древесины деревьев рода дальбергия (*Dalbergia*). Кроме того, именно эта древесина чаще всего используется для изготовления музыкальных инструментов, то есть герой предстает неким инструментом, транслирующим звук, мелодию, шум времени, что в свою очередь актуализирует тему звучащей речи, которая для Саши Соколова имеет большое значение в силу особого отношения к слову звучащему.

Избыточность и перегруженность входят в основную инструментарию писателя, помогая пере-

нести смысловые и формальные акценты на периферию, где актуализируются второстепенные показатели. Подобный избыточный повтор нейтрализует лексическое значение слова и образует пустую форму, потенциальную для заполнения: «Судорога огорчения свела генерал-генералу челюсть» [4, с. 271]; «дядоватого дяди» [4, с. 281]; «говорил я ему, говоря» [4, с. 372]; «Но ежели быть просто-напросто человеком, человеком с так называемым человеческим лицом...» [4, с. 403].

3. Авторские неологизмы: «грешит *онановым* рукомеслом» [4, с. 286] – прилагательное «онановым», образованное путем словообразовательной деривации, характеризует как признак такого ремесла, так и его принадлежность/происхождение (принадлежащий Онану, второму сыну Иуды, который изливал свое семя на землю, за что и понес наказание). С точки зрения семантики и коннотативных оттенков высказывание выглядит не просто перегруженным, а плеоназмическим, поскольку слова «онановым» и «рукомеслом» (под влиянием контекста слово приобретает новые смысловые оттенки, например, рукомесло = рукоблудие) описывают один и тот же процесс.

4. Аллитерация.

Будучи писателем, для которого первостепенное значение имеет форма, а не содержание, Саша Соколов в беседе с Владимиром Кравченко признается: «Звук, ритм, особенно ритм – это вообще основа всякого творчества. А в звуке, точнее сказать, в созвучии, содержится в общем-то все» [2]. Очевидно, что проза (а мы помним специфическую соколовскую установку на создание синтетического литературного рода – проэзии) привлекает звуковая выразительность слова, поэтому он часто прибегает к аллитерации: «*Раззудите* свое *самодовлеющее седалище* аллеями книгохранилищ» [4, с. 278]; «велеречивое лепетание лип» [4, с. 276]; «избегла признаний измызганного тобою» [4, с. 277]. Структура фонетического слова для Соколова самоценна, поэтому наравне с семантическим значением слова аллитерация участвует в процессе смыслопорождения. Границы между фонетическими и лексическими значениями слов становятся проницаемыми и уязвимыми, что провоцирует трансгрессию смыслов.

5. Каламбуры на основе фонетического сходства: «Оклеветан клеветрами» [4, с. 269]; «Бельгийские графья де Брикабракофф обретались когда-то в Париже, достаточно тесно общаясь с семействами Бриков и Браков, над чем в те безоблачные десятилетия столь принято и приятно было подтрунивать» [4, с. 283].

Отдельные фрагменты каламбура, например отсылка к телесности, взрывает стандартное книжное повествование и становится информативно значимой: «Развратила меня, совратив» [4, с. 277] – образ Мажорет демонизируется, она выступает

в роли змеи-искусительницы, которая сбивает героя с истинного пути; «Вы сибаритствуете? Напротив: лечу себорею» [4, с. 285] – герой пытается избавиться от последствий праздного образа жизни, поэтому себорея как процесс физиологический работает на обнажение приема и остранение той процедуры рефлексии, в которой на протяжении всего текста пребывает герой. За счет нарушения логических законов построения текста семантически вариативные каламбуры у Соколова не только создают комический эффект, но и вскрывают подвижные границы внутри самого генотекста.

Именно трансгрессия смыслов становится в «Палисандрии» не просто ведущим, а организующим принципом, к которому Соколов присоединяет низовое/телесное/порождающее начало. Авторские эксперименты со словом провоцируют семантические, логические, грамматические сдвиги и высвобождают энергию самого текста, обращают к «формированию самого тела искусства, текста как говорящей плоти» [7, с. 155].

Поэтому язык трансгрессии для Саши Соколова – возможность снятия запрета, нормативности, наложенного самим языком. Из этого следует, что языковая трансгрессия не предполагает конечной завершенности смыслов, поскольку ее основная цель – поиск вероятностных выходов, которые обрачиваются в итоге бесконечной игрой перспектив.

Библиографический список

1. Вайль П., Генис А. Уроки школы для дураков // Литературное обозрение. – 1993. – № 1–2. – С. 13–16.
2. Кравченко В. О встречах и не встречах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vladkravchenko.livejournal.com/978.html> (дата обращения: 15.10.2018).
3. Кристева Ю. Семиотика: Исследования по семанализу / пер. с фр. Э.А. Орловой. – М.: Академический Проект, 2013. – 285 с.
4. Соколов С. Школа для дураков. Между собакой и волком. Палисандрия. Эссе. – СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2011. – 608 с.
5. Тюленева Е.М. «Пустой знак» в постмодернизме: теория и русская литературная практика. –

Иваново: Изд-во «Иваново», 2006. – 297 с.

6. Тюленева Е.М. К вопросу о внутренних процессах в авторском сверхтексте Саши Соколова. Статья 1: Трансформация мотива // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 3. – С. 145–149.

7. Тюленева Е.М. К вопросу о внутренних процессах в авторском сверхтексте Саши Соколова. Статья 2: Деконструкция диалога // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 151–155.

8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 2. – 671 с.

References

1. Vajl' P., Genis A. Uroki shkoly dlya durakov // Literaturnoe obozrenie. – 1993. – № 1–2. – S. 13–16.
2. Kravchenko V. O vstrechah i nevstrechah [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://vladkravchenko.livejournal.com/978.html> (data obrashcheniya: 15.10.2018).
3. Kristeva YU. Semiotika: Issledovaniya po semanalizu / per. s fr. E.H.A. Orlovoj. – M.: Akademicheskij Proekt, 2013. – 285 s.
4. Sokolov S. SHkola dlya durakov. Mezhdub sobakoj i volkom. Palisandriya. EHsse. – SPb.: Azbuka: Azbuka-Attikus, 2011. – 608 s.
5. Tyuleneva E.M. «Pustoj znak» v postmodernizme: teoriya i russkaya literaturnaya praktika. – Ivanovo: Izd-vo «Ivanovo», 2006. – 297 s.
6. Tyuleneva E.M. K voprosu o vnutrennih processah v avtorskom sverhtekste Sashi Sokolova. Stat'ya 1: Transformaciya motiva // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 3. – S. 145–149.
7. Tyuleneva E.M. K voprosu o vnutrennih processah v avtorskom sverhtekste Sashi Sokolova. Stat'ya 2: Dekonstruksiya dialoga // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 4. – S. 151–155.
8. Fasmer M. EHtimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / per s nem. i dop. O.N. Trubacheva. – M.: Progress, 1986. – T. 2. – 671 s.

Белопухова Ольга Владимировна
кандидат филологических наук
Костромской государственной университет
klepa3367@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА И.С. ТУРГЕНЕВА СЕГОДНЯ. ПО ПОВОДУ ИССЛЕДОВАНИЯ ХОРСТА-ЮРГЕНА ГЕРИКА О И.С. ТУРГЕНЕВЕ

В статье проанализировано исследование Х.-Ю. Герика «Тургенев сегодня. Его значение для литературного сознания настоящего времени» (2012). Главный вопрос автора, актуально ли литературное наследие Тургенева сегодня. Немецкий учёный подчёркивает литературную и общекультурную ценность творчества Тургенева, особо выделяя трактат «Гамлет и Дон Кихот», называя его одним из наиболее важных документов интеллектуальной истории европейской литературы XIX века. Вершиной творчества русского классика Герик называет «Записки охотника», считая, что романы и последующие повести и рассказы, а также «Стихотворения в прозе» сгруппированы вокруг этого творческого центра писателя. В своей статье немецкий учёный анализирует также мировоззренческую разницу позиций Тургенева, Достоевского и Толстого, которая проявляется в их сочинениях. Глубокая гуманность, атеизм и чувство меры делают Тургенева близким и понятным иностранцам и находят продолжение в европейской и американской литературе.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, Х.-Ю. Герик, значение творчества И.С. Тургенева.

Немецкий учёный Хорст-Юрген Герик (Prof. Dr. Horst-Jürgen Gerigk) профессор русской литературы и общего литературоведения в университете Гейдельберга в Германии, неоднократно обращался к творчеству Ивана Сергеевича Тургенева. Одно из последних исследований Х.-Ю. Герика «Тургенев сегодня. Его значение для литературного сознания настоящего времени» („Turgenjew heute. Seine Bedeutung für das literarische Bewusstsein unserer Gegenwart“) является важным звеном в длительной истории немецких литературоведческих исследований, целью которых остаётся культурное наследие России. Лекция на эту тему состоялась 24 июня 2012 года во Дворце Бирон в Баден-Бадене, по случаю 20-летия немецкого Тургеневского общества. Материалы лекции и последующего обсуждения легли в основу монографии «Тургенев: Введение для сегодняшнего читателя» («Turgenjew: eine Einführung für den Leser von heute»), которая, по мнению критики, оживляет Тургенева и заставляет современных читателей взглянуть на его творчество по-новому.

Сочинение немецкого литературоведа представляет собой тщательный, выдержанный в научно-публицистическом стиле обзор сведений о жизни великого русского писателя, но также анализ творческой деятельности Тургенева. Главный вопрос, который задаёт себе автор, актуально ли литературное наследие русского классика сегодня. Главным свидетельством актуальности творчества Тургенева в Германии является, по мнению Герика, существование немецкого Тургеневского общества под руководством Ренате Эфферн, которое уже более 20 лет занимается изучением произведений русского писателя, и интерес к ним неизменно растёт.

Немецкий учёный называет Тургенева вместе с Достоевским и Толстым в международном контексте нашего времени одним из «триумфаторов русского романа», подчёркивая литературную

и общекультурную ценность его творчества. Далее литературовед, со свойственной ему скрупулёзностью, обращается к подробному анализу литературного наследия Тургенева. Он упоминает романы, журналистские сочинения, состоящие из рецензий, воспоминаний, отчеты, некрологи. Вершиной творчества русского классика Герик называет «Записки охотника», считая, что романы и последующие повести и рассказы, а также «Стихотворения в прозе» сгруппированы вокруг этого творческого центра писателя. Немецкий исследователь подчёркивает, что «Стихотворения в прозе» Тургенева положили начало новому литературному жанру, пандану городским «Поэмам в прозе» Ш. Бодлера, однако созданному на сельском материале.

Герик восхищается разносторонностью литературного таланта Тургенева, в творчестве которого представлены произведения разных жанров, от эпического повествования его шести романов до «Стихотворений в прозе» поздних лет. Немецкий тургеновед поддерживает теорию о «поэтическом реализме» классика, отдельно подчёркивая лирический элемент его произведений.

Неизменным для Герика является сравнение Тургенева с двумя другими корифеями русской литературы – Толстым и Достоевским. Он считает, что последние пытаются донести до читателя своё, в их понимании единственно правильное понимание мира. В отличие от миссионерского мистического понимания религии Достоевским и нравственных взглядов Толстого, Тургенев – либерал и космополит, он является созерцательным наблюдателем человеческого существования, изображает жизнь во всех ее аспектах без иллюзий, с «критическим спокойствием». Тургеневские литературные тексты требуют специфического настроения, они ориентированы на внутренний мир читателя. По его мнению, Тургенев в сравнении с Толстым и Достоевским занимает центральное место в «поэзии сердца», а не в «прозе жизни».

Тургеневский образ человека, по Герiku, отмечен философским космополитизмом, Герик называет его атеистом и пессимистичным филантропом, что близко европейцам. Так, Герик приводит мнения европейцев о Достоевском и Толстом, подчёркивая, что Тургенев и его произведения не могли вызвать подобной реакции у европейца. Зигмунд Фрейд, например, яростно дистанцируется от «узколобого русского национализма» Достоевского в своём трактате 1928 года, но хвалит «Братьев Карамазовых» как «величайший роман, когда-либо написанный» [5]. А Томас Манн осуждает «морализм Толстого» как «гигантское заблуждение», но ранее называет «Анну Каренину» «крупнейшим социальным романом в мировой литературе» [5]. Подобная противоречивость мнений наблюдается и в оценке других русских писателей, но, констатирует Герик, не Тургенева. «Русский европеец» и человек мира Тургенев понятен Европе и Америке. «Записки охотника», по словам Генри Джеймса, в их «нежности, их юморе, их разнообразии выдают наблюдателя очень редкого воображения» [4, с. 22]. Джозеф Конрад был глубоко признателен Тургеневу за «Записки охотника», он пишет в 1917 году, что «для нерусских читателей тургеневская Россия – это просто холст, на котором несравненный художник человечества наносит свои цвета и формы в великолепном свете и свежем воздухе мира» [4, с. 25]. Э. Хемингуэй читал Тургенева, чтобы «учиться» и совершенствовать свое писательское мастерство. «Записки охотника» Хемингуэй считал своей настольной книгой, для него Тургенев – величайший писатель, который когда-либо писал [5].

Глубокая гуманность Тургенева делает его таким понятным и англоязычному миру. Все его герои, по мнению немецкого тургеноведа, являются людьми, а не «странными существами в тьме мистических противоречий» [4, с. 99] (несомненно, удар по Достоевскому!). Персонажи Тургенева – люди, способные жить, страдать, сражаться, побеждать. Тургенев, считает Герик, был также первым русским писателем, которого Европа встретила и поняла. Хотя Толстой и Достоевский и имели европейскую известность, их русская истина всегда будет чужда западноевропейской. Они потрясают иностранца и удивляют его, а Тургенев околдовывает его. Европейцы считают Тургенева своим. Когда они впервые встретились с ним, они поняли, что Россия – часть Европы. «Пушкин дал всем европейцам русскую меру, Тургенев дал всем русским европейское измерение», – говорит Герик [4, с. 112].

Тургенев установил тесные дружеские отношения со своими европейскими и американскими коллегами: Генри Джеймсом, Теодором Штормом, Гюставом Флобером, Ги де Мопассаном. Из коллег-писателей, которые чтит Тургенева, немец-

кий учёный выделяет трех: Генри Джеймса, Эрнеста Хемингуэя и Джозефа Конрада. Х.-Ю. Герик освещает проблематику роли и значения Тургенева в мировой литературе, его влияние на возникновение и развитие повествовательных жанров. Стоит напомнить, что к творчеству Тургенева обращались многие зарубежные критики, писатели и литературоведы, его книги переводились и обсуждались в Западной Европе и Америке. Литературная деятельность русского писателя высоко ценилась, о чем свидетельствует, например, присвоенное ему звание почетного доктора Оксфордского университета.

Отвечая на вопрос о том, что еще живо в литературном наследии Тургенева в наше время, Герик в первую очередь называет «Записки охотника», а также роман «Отцы и дети», рассказ «Первая любовь», «Стихотворения в прозе» и «Гамлет и Дон Кихот».

Рассказ «Живые мощи» Герик называет самым самобытным рассказом в русской литературе. Немецкий славист подробно останавливается на образе Лукерьи. В этом рассказе Тургенев нарисовал прекрасный, чисто русский образ смиренного страдания и покорности воле Божьей. Несмотря на перенесенные страдания и настоящее тяжелое положение героини, она и не падает духом, кажется даже довольной своим положением, поет песни, любит природу. Когда автор дивится ее терпению, она замечает, что ее терпение ничто в сравнении с терпением Иоанна Столпника или Жанны Д'Арк, предание о которой она передает. Она глубоко религиозна, видит пророческие сны, Христа, иногда и свою собственную смерть, которой она совсем не боится, она ждет ее, как какой-то радости. Атеист Тургенев наносит тем самым удар по христианской церкви и её абсурдной концепции греха. Душа Лукерьи освободилась от всех страстей, у нее не было ни злобы, ни зависти, ни ревности; себе она ничего не желала, а только заботилась о других.

По Герiku, в этом рассказе дано в реалистичном ключе аллегорическое представление об истинном христианстве. Немецкий учёный сравнивает легенду Достоевского о «Великом Инквизиторе» в «Братьях Карамазовых» с рассказом «Живые мощи». В обоих повествованиях появляется Христос с той разницей, что «Живые мощи» были задуманы атеистом, а «Великий инквизитор» – христианином-миссионером. В деревне Лукерью называют «живые мощи», и служитель церкви говорит: «Сама ничего не требует, а напротив – за всё благодарна; тихоня, как есть тихоня, так сказать надо. Богом убитая, – так заключил десятский, – стало быть, за грехи; но мы в это не входим. А чтобы, например, осуждать ее – нет, мы ее не осуждаем. Пушай ее!» [1, т. 3, с. 340]. Атеист Тургенев присоединяется к мнению священника. В силе тер-

пения русский классик, по мнению Герика, видел типическую черту национального характера, сложившуюся под влиянием тяжелых естественных и исторических условий жизни русского народа.

В качестве другого примера Герик приводит рассказ Тургенева «Певцы» из «Записок охотника», где в центре внимания находится певческое искусство солистов придорожного кабака. Повествование намеренно ведётся с точки зрения слушателей, подробно описывается выступление каждого певца. Сам автор рассказа, выступив в роли одного из слушателей, заезжего охотника, случайно ставшего свидетелем необычного музыкального поединка, чётко формулирует свою позицию. Музыка возвышает человека над действительностью, унося его в особый мир переживаний, которые у каждого слушателя свои. Яков, победитель турнира, потрясает своим пением присутствующих, а Тургенев восхищается немецкого учёного захватывающим поэтическим повествованием, в котором звучит русская душа. Герик с удовольствием цитирует обширный отрывок из произведения в лекции. Тургенев тонко чувствует музыку и ощущает её связь с бесконечностью, музыка заменяет Тургеневу религию, считает Герик, музыка даёт ему то, что другие черпают из религии и веры.

Обращаясь далее к тургеневским романам, немецкий учёный отмечает, что эти сочинения Тургенева рассказывают об историческом пути России, передавая в хронологическом порядке этапы её общественного развития с 1940-х по 1870-е годы. Роман «Отцы и дети» особенно важен в этом ряду. Этим романом Тургенев «встретил нерв общественного интереса» [4, с. 15] современной ему России, выразил культурно-общественный конфликт поколений в характерах и действиях. Результатом явилась захватывающая картина духовной ситуации того времени. Базаров и его сторонники выступают за «нигилизм» и понимают его как отказ от всех общепринятых ценностей: поэзия Пушкина и Гете, «Сикстинская Мадонна» Рафаэля не приносят пользы людям. Любовь, дружба и даже музыка Моцарта, Шуберта высмеиваются как выражение избыточной чувствительности, а работы Бюхнера, Либиха, Фогта прославляют научный прогресс. Герик цитирует мнение другого немецкого литературоведа, П. Тиргена, о том, что Тургенев даёт своему роману «Отцы и дети» «преобразованный термин нигилизма в мультипликативной функции Ницше» [4, с. 54].

Герик приводит несколько примеров, как романы Тургенева находят своё продолжение в современной литературе. Необычным является влияние романа Тургенева «Отцы и дети» на американскую литературу. Роман был опубликован в 1900 году в Нью-Йорке на английском языке в переводе Эдварда Гарнетта. А в 1902 году появляется роман Оуэна Уистера «Вирджиния. Всадник равнин».

Главный герой американского романа, как и тургеневский Базаров, имеет обострённое чувство справедливости. Ковбой из Вирджинии в Вайоминге в конце 1880-х годов заводит дружбу со школьным учителем с Востока, который даёт ему, простому парню, разные книги. Джейн Остин он решительно откладывает в сторону, она клонит в сон, ничего не хочет знать он и об «Отелло» Шекспира. «Отцы и дети» приходится ему по душе, он хочет быть похожим на Базарова, о судьбе которого сожалеет и спрашивает, есть ли у него какие-либо другие книги этого автора, и учитель снабжает его, ковбоя, разнообразным чтением. Так образ Базарова трансформируется в американской литературе.

Роман «Накануне» вдохновил в 1991 году ирландского писателя Уильяма Тревора опубликовать свой роман «Чтение Тургенева» (на немецком языке он издан в 1994 году под названием «Тургеневская тень»). Этот роман описывает, как молодая женщина несчастна в браке с мужчиной, старше её по возрасту, которого она не любит. Место действия – ирландская провинция. Героиня полностью погружается в себя и общается исключительно со своим неизлечимо больным двоюродным братом, который внезапно умирает. После его смерти она наделяет его в своем воображении атрибутами идеального партнера и любовника. Женщина часто с радостью вспоминает, как он, пока был еще жив, читал ей повесть Тургенева «Ася». Отрывки повести выделены курсивом в тексте романа Тревора. Эти счастливые моменты помогают ей справиться с невзгодами. И Тургенев находит здесь необычную преемственность, хотя и в качестве «тени».

Герик подробно анализирует известное сочинение Тургенева «Гамлет и Дон Кихот», усматривая в нём тургеневский манифест об образе человека. Тургенев называет здесь два вечных типа, две противоречивые особенности человеческой природы, ссылаясь на своё настоящее, Россию в 1860 году, где каждый хочет быть Гамлетом. Автор особо выделяет произведение «Гамлет и Дон Кихот», называя его «одним из наиболее важных документов интеллектуальной истории европейской литературы XIX века, сопоставимых только с эссе Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии» [4, с. 48].

Вопрос об актуальности Тургенева неоднократно поднимался в немецком литературоведении. Так, Питер Бранг в своей статье по поводу 100-летия со дня смерти Тургенева в «Neue Zürcher Zeitung» от 3 сентября 1983 года уже поднимал вопрос, не устарел ли Тургенев. Дело в том, что первоначальная оценка Тургенева в XIX веке состояла в том, чтобы отвергнуть его. Например, Герик приводит мнение Д.С. Мирского в «Истории русской литературы». По его словам, Тургенев получал много внимания со стороны современников в России в Западной Европе, но его произведения утратили сегодня всю актуальность, его работы скоро

будут восприниматься только как «чистое искусство». Однако творчество Тургенева, по мнению Герика, не только не устарело, оно вне времени, и сегодня как никогда актуально. Статья последовательно доказывает это, и сейчас особенно важно заново открыть «русского европейца» Тургенева для мирового читателя.

Библиографический список

1. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1987.

2. Efferen Renate. Turgenev Gesellschaft Deutschland, Baden-Baden // Zu Turgenev nach Baden-Baden. Sammelband der Beiträge der internationalen wissenschaftlichen Konferenzen (2013–2014). – М.: Ekon-Inform, 2016. – с.5-17.

3. Gerigk Horst-Jürgen. Turgenjew und die Musik Ein Vergleich mit Dostojewskij und Tolstoj // Baden-Baden 2017. 25 Jahre Deutsche Turgenjew-Gesellschaft (Universität Heidelberg) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.horst-juergen-gerigk.de/aufs%C3%A4tze/turgenjew-und-die-musik/> (дата обращения: 13.01.2019).

4. Gerigk Horst-Jürgen. Turgenjew. Eine Einführung für den Leser von heute // Beiträge zur neueren Literaturgeschichte. – Heidelberg, 2015. – Band 338. – 318 S.

5. Gerigk Horst-Jürgen. Turgenjew heute. Seine Bedeutung für das literarische Bewusstsein unserer

Gegenwart. – Режим доступа: <https://www.horst-juergen-gerigk.de/aufs%C3%A4tze> (дата обращения: 13.01.2019).

References

1. Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t. – М.: Izd-vo AN SSSR, 1987.

2. Efferen Renate. Turgenev Gesellschaft Deutschland, Baden-Baden // Zu Turgenev nach Baden-Baden. Sammelband der Beiträge der internationalen wissenschaftlichen Konferenzen (2013–2014). – М.: Ekon-Inform, 2016. – с.5-17.

3. Gerigk Horst-Jürgen. Turgenjew und die Musik Ein Vergleich mit Dostojewskij und Tolstoj // Baden-Baden 2017. 25 Jahre Deutsche Turgenjew-Gesellschaft (Universität Heidelberg) [Elektronnyj resurs]. – Режим доступа: <https://www.horst-juergen-gerigk.de/aufs%C3%A4tze/turgenjew-und-die-musik/> (дата обращения: 13.01.2019).

4. Gerigk Horst-Jürgen. Turgenjew. Eine Einführung für den Leser von heute // Beiträge zur neueren Literaturgeschichte. – Heidelberg, 2015. – Band 338. – 318 S.

5. Gerigk Horst-Jürgen. Turgenjew heute. Seine Bedeutung für das literarische Bewusstsein unserer Gegenwart. – Режим доступа: <https://www.horst-juergen-gerigk.de/aufs%C3%A4tze> (дата обращения: 13.01.2019).

РОЛЬ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАСФЕРЫ В ТРАНСФОРМАЦИИ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

В статье рассматриваются некоторые параметры современной медиасферы, такие как «осетевление», принцип рандомного потребления медиапродукта, появление новых мультимедийных жанров, феномен визуализации, замещение эфирного ТВ и бумажных СМИ Интернет-ресурсами, появление «умных» медиа, работающих по принципу Искусственного Интеллекта, и способных генерировать алгоритмы адресной персонализированной доставки контента потребителю. Все эти параметры влияют на формирование нового типа медиапотребления, и особенно восприимчивыми оказываются подростки, чье психологическое и интеллектуальное развитие совпало с приходом цифровой эпохи. Цель статьи – очертить границы изменений и указать на эти параметры.

Ключевые слова: медиасфера, медиапотребление, принцип рандомного потребления, «осетевление», агрегирование контента, стримовое вещание, подростки.

В современных стремительно меняющихся реалиях происходит быстрая трансформация традиционных культурных и социальных институтов. Более того, меняется сенсорика человека – она становится все более и более зависима и обусловлена гаджетами – это в чистом виде то, что М. Маклюэн обозначал как «внешние расширения человека». Претерпевают серьезные изменения и информационно-когнитивный статус человека как биосоциального существа – речь идет уже не просто о клиповом мышлении, «мозаичной картине мира» (А. Моль) и фрагментарности, ставших общим местом; дело касается изменения алгоритмов мышления в информационную эпоху, и едва ли в лучшую сторону. Термины «цифровое слабоумие» и «информационная псевдодебильность» говорят сами за себя.

Можно рассуждать и об особом формирующемся хронотопе цифровой эпохи, в котором темпоральность, пространство и время собираются по новым принципам и по-новому переживаются человеком. «Глобальная деревня» в терминологии того же Маклюэна, оказавшегося пророком, это то устройство медиaproстранства и та форма коммуникации, которые сегодня уже очевидны, но, возможно, еще не вполне проявили себя.

Совокупность всех этих факторов мощно и быстро меняет все социальные институты и социальные практики, в частности, журналистику и практики потребления медиаконтента и взаимодействия с ним.

Важно оговориться, что в контексте цифровой эпохи журналистика все чаще получает теоретическое осмысление как часть медиасферы, понимаемой как «совокупность идей, тем, мнений и других нематериальных сущностей, представленная медиатекстами, обладающими следующими признаками: важность, значимость для разных групп аудиторий, сиюминутность, злободневность, открытость для многочисленных интерпретаций» [2, с. 209].

Понятие «медиа» носит рамочный характер, включая в себя большой массив процессов и яв-

лений, и журналистика является частью медиа. Ведущие же теоретики в последнее время постоянно подчеркивают, что есть острая необходимость в «выработке корректного названия нашей научной дисциплины – изучающей, помимо журналистики, масс-медиа, медиасферу, медиaproстранство» [3]. Также важным является вопрос о целостности медиaproстранства и о соотношении категорий «медиaproстранство» и «медиасфера» [11, с. 179].

В рамках данной статьи имеет смысл обосновать использование термина медиасфера, его достаточную укорененность в теории журналистики, связанную с емкостью понятия.

Медиасфера и практики взаимодействия с ней становятся частью повседневности разных групп и социальных институтов, видоизменяя их и трансформируя. И культурно-социальный институт взросления, детско-подростковая культура претерпевают едва ли не самые большие изменения в новых медийных условиях.

Еще меньше 10 лет назад традиционные (аналоговые) СМИ, в первую очередь ТВ, играли огромную роль в социализации и инкультурации ребенка и подростка. Исследователи рассматривали телевизионный контент, вообще Экран в широком смысле слова, как фактор опасности [1, с. 365–370]. Печатные СМИ тоже играли определенную роль в функционировании культурного института взросления, хотя уже несколько лет было ясно, что их доля в совокупном медиапотреблении подростков ничтожна [9].

Сегодня же можно говорить о тотальной трансформации алгоритма потребления медиаконтента вообще и среди детско-подросткового сегмента в частности.

Попробуем обозначить кратко некоторые параметры медиасферы и цифровой эпохи и то, как они меняют привычные нам институты и группы – мы сосредоточимся на подростках, потому что именно эта возрастная группа является поколением, полностью погруженным в цифровой контекст изначально.

Стоит отдельно заметить, что каждый из кратко очерченных параметров можно разбирать отдельно, в рамках полноценной статьи; каждый из параметров непосредственно влияет на социокультурные практики и психологический статус современного человека, и тем более подростка.

Особенно интересно заострить внимание на том, что буквально каждый из ниже рассмотренных параметров обусловлен тем, что Интернет занял в нашей жизни огромное (может, в дальнейшем, и главное, структурообразующее) место – после того, как стал:

- а) массовым;
- б) быстрым;
- в) дешевым;
- г) «портативным», то есть появилась опция «всегда с собой» – весь мир в телефоне.

Все это стало цивилизационной практикой примерно 5–6 лет назад. Поэтому по умолчанию медиасфера и ее параметры рассматриваются в тесной связи с Интернетом. В нашу задачу входит иллюстрация совокупности этих факторов – вполне осязаемых, но, возможно, еще не проявившихся в полной мере. Попытаемся осмыслить, каким образом эти факторы влияют на подростков и потребление ими медиаконтента.

1. «Осетвление». Таким термином исследователь В.Д. Мансурова предлагает обозначать внедрение социальных сетей в наши повседневные практики [5, с. 189]. В широком смысле, если мы говорим о подростках, мы подразумеваем социализацию через социальные сети: сегодня исследователи говорят о новом типе выстраивания отношений, горизонтальной структуре отношений.

Аккаунты в соцсетях, фото и «аватарки» человека становятся более репрезентативными в сознании подростков (и не только), чем сам человек. Количество подписчиков и «френдов» играет роль маркера «доброкачественности» актора соцсетей. Уметь «написать» свои «сториз» – более важный навык, чем реальное общение, навык своевременно «постить фотки» более важен, чем умение адекватно проживать моменты, этими фото фиксируемые. Эти проявления активности становятся неотъемлемыми компетенциями, обеспечивающими релевантную социализацию.

Личность человека в новом цифровом контексте получает новую субъективацию – виртуальную, он-лайн версию, и это новая «герменевтика субъекта», если пользоваться термином Мишеля Фуко, «герменевтика», которая только ждет своего экзегета, нового толкователя, который будет способен сынтетризовать ансамбль новых практик.

Естественно, что новому поколению, которое никогда не жило вне цифрового контекста, ситуация, при которой соцсети – не менее важны, чем реальная жизнь, а порой и более, кажется естественной и нормальной. Совокупность лайков, диз-

лайков, «шервов», «репостов» и комментариев – та медиасфера, то медиапространство, которое влияет на современных подростков больше, чем любой традиционный институт, включая школу. Синдром «недолайканности» как дефицит социальных связей и акт «френдоцида» как весомый аргумент в споре – новые механизмы социализации.

Думается, что бессмысленно выдвигать оценочные суждения, важнее осознать, что эта новая реальность не менее реальна, как бы тавтологично это ни звучало. Новая реальность – это и есть медиареальность, а глобальная медиасфера соцсетей – современный механизм социализации.

С «осетвлением» во многом связан еще один параметр, который можно обозначить как «демонстративность». Детальная фиксация событий, использование элементов внутреннего психического мира как медиаповода, инфоповода для выстраивания некоего нарратива, постоянный монтаж виртуальной версии бытия, перенесение своей жизни, в том числе и внутренней вовне, ее тотальная экстернизация.

Современный исследователь Ю.Н. Харари, описывающий мейнстрим современных западных гуманитарных исследований, предлагает термин «датаизм», то есть религия больших данных (от английского data – данные).

«Религия данных говорит, что каждое слово и действие – это часть великого информационного потока. <...> Для истово верующих отлучение от информационного потока равносильно потере смысла жизни. Зачем что-то делать или что-то переживать, если никто об этом не узнает и это не станет частью глобального обмена информацией? <...> Мы должны фиксировать переживания и отправлять их в великий информационный поток. <...> **Это не вопрос моды. Это вопрос выживания.** Мы вынуждены доказывать себе и системе, что все еще что-то значим. И значимость наша не в способности переживать, а в умении превращать свои переживания в свободно текущую информацию [13, с. 452–453].

Похоже, что современные подростки рассматривают свое присутствие в соцсетях как **выживание**.

Большой вопрос, который пока мало затрагивался – можно ли говорить об инкультурации как приобщении к национальной и цивилизационной культуре в рамках сетевой коммуникации.

2. Вытеснение аналоговых СМИ стримовым (потокowym) вещанием приводит к размыванию темпоральности и возникновению особого цифрового хронотопа. По сути, постепенная замена эфирного ТВ и радио стримовым вещанием – века не меньшая, чем появление кино, экрана и телевидения в начале XX века.

Бумажные журналы, газеты и эфирное ТВ для современных подростков кажутся анахронизмом – они однозначно (и не только подростки, но и дру-

гие группы населения) потребляют медиаконтент через мобильные приложения или браузеры. Зачем покупать газету или спешить к экрану, если в любое время можно найти этот контент в Интернете? Предварительный опрос подтвердил гипотезу: из 50 опрошенных подростков московской школы (12–15 лет) никто не выписывает печатные издания и не покупает издания регулярно. Зачем, если «все есть в телефоне» – вот самый распространенный ответ.

Современный подросток не может смоделировать в воображении ситуацию, которая была знакома каждому человеку, жившему в 1980–1990 гг., в частности подростку, который вырос в конце XX века. Шуткой им кажется информация о том, что советские колхозники обратились к правительству СССР с просьбой перенести время показа сериала «Богатые тоже плачут», так как оно совпало с вечерней дойкой. Не поверят они и в то, что во время показа этого сериала прекращались военные действия в Сербии и на грузино-абхазской границе. Журналистка Евгения Пищикова исследовала отдельные кейсы, связанные с первыми сериалами, показанными на территории стран социалистического лагеря. Разрозненные кейсы в совокупности дают довольно четкое представление о том, в какие социальные ситуативные практики выливалось эфирное вещание [6].

Для сравнения с современной ситуацией можно вспомнить о сериале «Обычная женщина», снятом телеканалом ТВ3 и показанном в эфире в октябре 2018 года, чьи рейтинги были очень низкими (что позволило говорить о том, что сериал «провалился в эфире») из-за того, что канал ТВ3 выкладывал в интернет серию после каждого эфира.

Журналист Александр Политковский, один из ведущих легендарной программы «Взгляд», вспоминает, что, когда программа шла в эфире, пустели магазины и улицы – все смотрели программу по телевизору [4].

Сегодня радио уступает место подкасту как новому типу медиатекста, получившему уже и теоретическое осмысление. «Подкаст – это законсервированное радио, радио для индивидуального потребления», – сказал известный журналист Сергей Пархоменко, автор подкаста на «Эхо Москвы» [8, с. 47].

То есть человек может прослушать программу тогда, когда захочет, а не тогда, когда она идет в эфире, может воспользоваться всеми удобствами, связанными с дигитализацией: может ставить на паузу, может «пролистывать» («скроллить») запись, возвращаться к интересным местам, перемещаться по ссылкам, форматируя свое видение и определяя меру включенности и интерактивности и т.д. Это совсем другой тип взаимодействия с медиаконтентом, другая стилистика потребления его, в корне отличная от традиционной цепочки «реципиент–месседж».

Телевидение также уступает место записям, выложенным на ю-тубе, сериалы (еще один видный сегмент медиасферы) можно смотреть либо на профильных платформах, либо на разных «пиратских» ресурсах.

Привязка к аналоговому приемнику (ТВ или радио) или бумажному журналу, вкупе с эфирной сеткой – практика медиапотребления, разительно отличающаяся от современной: когда человек может в любое удобное ему время выбрать любой медиапродукт, сформатировать медиапотребление под себя, максимально его индивидуализировать и облегчить.

И, безусловно, подростки всецело восприняли новые практики потребления медийного продукта.

3. Рандомность (то есть случайность) потребляемой медиапродукции, стихийность, хаотичность: часто в случае с подростками речь идет не о прицельном потреблении какого-то контента (например, о просмотре определенного блогера), а о том, что называется «серфинг» по интернету: потребление часто происходит по типу «серфить» – то есть человек переходит по гиперссылкам, пока не наткнется на что-то интересное. Именно этот параметр связан с такой чертой как «информационная перенасыщенность», «информационная интоксикация». Единственным фильтром часто оказывается тот самый принцип рандомности. Естественным следствием является состояние, которое исследователи обозначают как «цифровое слабоумие» (digital dementia), к изучению которого приступили медиапсихологи, нейрофизиологи и когнитивные психологи. Некоторые авторитетные исследователи считают, что сейчас мы видим только самое начало разворачивающейся когнитивной революции, которая приведет к тектоническим сдвигам в мышлении человека, сейчас же «речь идет о снижении умственной работоспособности, утрате навыков мышления и способности к критической оценке фактов, неумении ориентироваться в потоках информации» [12, с. 19].

4. Визуализация контента. Это общая тенденция трансформации всей медиасферы: примат визуального наполнения перед собственно текстовым. Эта эволюция (или же регресс, если говорить о типе мышления?) видна, если проследить в каком порядке появлялись соцсети: от Живого Журнала, в котором практиковались большие, сложно выстроенные тексты до Инстаграмма, в котором фото и картинки – главный элемент. Если мы говорим о подростках, то их медиадиета включает себя большой процент именно визуального контента. Это бесчисленные каналы блогеров на ю-тубе, группы в соцсетях, Инстаграмм с его визуальным наполнением. Тексты в лучшем случае «скроллятся».

5. Агрегированная (персонифицированная) доставка контента реципиенту. Речь идет о новых алгоритмах «умных медиа», которые определяют ин-

тересы адресата. Самые яркие примеры – ресурс «Дзэн-Яндекс», где можно через настройки указать свои интересы и получать нужный контент. Это и контекстная реклама, и алгоритмы соцсетей типа «Вы можете их знать». Конечно, пока эти механизмы несовершенны, но, как говорят западные исследователи, это дело времени. Религия датаизм – на пороге: «Мы скоро превратимся в неотъемлемые части гигантской глобальной сети» [13, с. 456].

6. Появление новых типов медиатекста, более созвучных человеку *net*-мышления, как предлагает называть новую парадигму мышления основатель медиапсихологии Е.Е. Пронина. В частности она отмечает, что новые цифровые условия «приближает скорость поиска и проработки информации к естественному темпоритму мышления» [7, с. 270], то есть, другими словами, меняют темпоральность поиска информации и сведений.

Журналистика перестраивается в новом контексте, можно говорить о том, что обозначены новые «контуры адаптации средств массовой информации и журналистики к условиям цифровой реальности. <...> Медиапространство моментально оказалось наводненным историями самого различного качества: развлекательными, скандальными, скабрёзными. Но практика современной отечественной журналистики демонстрирует и образцы высокопрофессиональной адаптации требований цифрового софта к функциям медиатекста» [5, с. 22]. Сторителлинг в разных видах – нарратив, «сториз», лонгриды – новые мультимедийные жанры оказываются необычайно востребованы подростковой аудиторией и созвучны ее мышлению.

Даниил Трабун, медиадиректор Яндекс Дзэн, представляющий свою платформу как «идеальную систему потребления информации», тоже акцентирует внимание на принципе «истории» как главном системообразующем принципе современной медиасферы: «Платформы по-разному помогают создавать истории. Это могут быть и какие-то инструменты – типа нарратива в Дзене, новых шрифтов в инстаграм-сториз, опросов в фейсбуке, или это могут быть какие-то напоминания, советы» [10].

Подростковая аудитория оказывается наиболее подготовленной к восприятию нового типа медиатекста, а новая медиасреда оказываются ей имманентна.

Кажется невозможным безусловно выделить какой-то один параметр и описать его как базовый, основополагающий с точки зрения трансформации практик медиапотребления в среде подростков. Особенность современной ситуации связана с тем, что все параметры оказываются теснейшим образом связаны между собой, представляют некое интегральное целое, воздействуют в совокупности и не отделимы друг от друга.

В рамках одной статьи представляется совершенно невозможным рассмотреть всю совокуп-

ность параметров современной медиасферы, порожденной цифровой эпохой. Однако уместным кажется хотя бы их указание, попытка очертить рамки трансформаций, наметить контуры, и в дальнейшем уже исследовать каждый из параметров. Это самые общие, наиболее очевидные аспекты, трансформирующие институт взросления и предлагающие новый цифровой хронотоп.

Библиографический список

1. *Абраменкова В.В.* Социальная психология детства: учебное пособие. – М.: ПЕР СЭ, 2008. – 431 с.
2. *Буряк М.А.* Медиасфера: концептуализация понятия // Вестник СПбГУ. Серия 9. – 2014. – № 2. – С. 200–212.
3. *Вартанова Е.Л.* Медиасфера, «медиасреда», «медиапространство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.journ.msu.ru/blog/blog_vartanovoy/35.php (дата обращения: 23.01.2019).
4. *Додолев Е.* Александр Политковский: «Нынешнее телевидение – это гадюшник» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://svpressa.ru/society/article/22074/> (дата обращения: 23.01.2019).
5. *Мансурова В.Д.* «Цифровая каллиграфия» современного журналиста: власть digital контента // Вестник Московского Университета. Серия 10. Журналистика. – 2017. – № 4. – С. 17–33.
6. *Пищикова Е.* Гля, какой сладкий! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://horoshiy-text.ru/library/29/14/104/> (дата обращения: 23.01.2019).
7. *Пронина Е.Е.* Психология журналистской деятельности. – М.: Университет Книжный Дом, 2006. – 365 с.
8. *Распопова С.С., Саблина Т.А.* Подкастинг. – М.: Аспект-Пресс, 2018. – 112 с.
9. *Стебловская С.Б.* Ценностно-смысловое поле современных журналов для подростков: дис. ... канд. фил. наук. – М., 2010.
10. *Шевцова А.* Нарратив на завтрак, лонгрид на обед: Даниил Трабун об идеальном Дзэн-канале [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nationmagazine.ru> (дата обращения: 23.01.2019).
11. *Шкондин М.В.* Системность и организованность медиасферы: интегративные аспекты // Вопросы теории и практики журналистики. – 2018. – Т. 7. – № 1. – С. 177–186.
12. *Штутцер М.* Антимозг: цифровые технологии и мозг. – М.: АСТ, 2013. – 288 с.
13. *Харапу Ю.Н.* Homo Deus. Краткая история будущего. – М.: Синдбад, 2018. – 494 с.

References

1. *Abramenkova V.V.* Social'naya psihologiya detstva: uchebnoe posobie. – M.: PER SEH, 2008. – 431 s.
2. *Buryak M.A.* Mediasfera: konceptualizaciya ponyatiya // Vestnik SPbGU. Seriya 9. – 2014. – № 2. – S. 200–212.

3. Vartanova E.L. Mediasfera», «mediasreda», «mediaprostranstvo [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.journ.msu.ru/blog/blog_vartanovoy/35.php (data obrashcheniya: 23.01.2019).
4. Dodolev E. Aleksandr Politkovskij: «Nyneshnee televidenie – ehto gadyushnik» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://svpressa.ru/society/article/22074/> (data obrashcheniya: 23.01.2019).
5. Mansurova V.D. «Cifrovaya kalligrafiya» sovremennogo zhurnalista: vlast' digital kontenta // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. ZHurnalistika. – 2017. – № 4. – S. 17–33.
6. Pishchikova E. Glya, kakoj sladkij! [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://horoshiy-text.ru/library/29/14/104/> (data obrashcheniya: 23.01.2019).
7. Pronina E.E. Psihologiya zhurnalistskoj deyatel'nosti. – M.: Universitet Knizhnyj Dom, 2006. – 365 s.
8. Raspopova S.S., Sablina T.A. Podkasting. – M.: Aspekt-Press, 2018. – 112 s.
9. Steblovskaya S.B. Cennostno-smyslovoe pole sovremennyh zhurnalov dlya podrostkov: dis. ... kand. fil. nauk. – M., 2010.
10. SHEvcova A. Narrativ na zavtrak, longrid na obed: Daniil Trabun ob ideal'nom Dz"n-kanale [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://nationmagazine.ru> (data obrashcheniya: 23.01.2019).
11. SHkondin M.V. Sistemnost' i organizovannost' mediasfery: integrativnye aspekty // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. – 2018. – T. 7. – № 1. – S. 177–186.
12. SHpitcer M. Antimozg: cifrovye tekhnologii i mozg. – M.: AST, 2013. – 288 s.
13. Harari YU.N. Homo Deus. Kratkaya istoriya budushchego. – M.: Sindbad, 2018. – 494 s.

ОРДАЛИЙ В ПРАКТИКЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА ДРЕВНЕВОСТОЧНЫХ ГОСУДАРСТВ

Предметом исследования в настоящей статье выступает процессуальный институт ордалий как способ достижения истины при рассмотрении дела, когда виновность или невиновность лица устанавливалась при помощи специального религиозного испытания. Ордалий как элемент судебного процесса существовал более одного тысячелетия в разных государствах и культурах, и один только этот факт уже говорит в пользу того, что данный феномен достоин внимательного изучения. В процессе исследования были проанализированы нормы об ордалиях, содержащиеся в древневосточных памятниках права, таких как Авеста, Законы Хаммурапи, Законы Ману, Законы Нарады. Автор приходит к выводу о наличии общих закономерностей становления правового регулирования в государствах Древнего Востока и в целом общих мировоззренческих установок, сложившихся в указанных обществах на данном этапе их развития.

Ключевые слова: ордалий, Божий суд, Древняя Индия, дхармашастры, Авеста, судопроизводство, доказательство.

Как у всякого юридического феномена имеется своя история, так и у института доказательств есть свои начала, лежащие в глубине веков, в недрах народных традиций и верований. Изучая историю права различных государств, судебные структуры и процедуры, невольно обращаешь внимание на сходство многих процессуальных действий, которые закреплялись в правовых источниках, разного рода документах, из которых современный исследователь может почерпнуть знания о развитии правовой жизни государств на разных ее этапах.

Речь в настоящей статье пойдет об институте ордалий, или Божьем суде, который известен многим народам с древних времен. Видный специалист в области истории права А.Я. Гуревич в свое время писал: «Божий суд представлял собой средство установления юридической истины путем обращения к воле Творца. Тяжущиеся лица добровольно соглашались подвергнуться испытанию, для того чтобы доказать, на чьей стороне правда. В основе ордалии лежало убеждение в том, что Богу известны все людские дела и он незримо участвует в процессе. Ритуальный характер ордалии как нельзя лучше соответствовал культурным представлениям и верованиям многих народов. Ордалий не предполагал признания подозреваемого, и об истине судили на основании следов, оставленных судебным испытанием» [8, с. 400].

По замечанию известного отечественного санскритолога Н.А. Корнеевой, «обращение к божеству как наилучшему свидетелю человеческой лжи или правды характерно почти для всех архаических обществ, различие может заключаться лишь в степени использования этого свидетельства и сложности ритуалов, связанных с этой процедурой» [5, с. 307].

Обратимся к одному из древнейших правовых памятников Индии, где достаточно подробно из-

ложены различные виды ордалий – к дхармашастре Нарады [2] (I–VI вв. н. э.). В отличие от хорошо известной в российской историко-правовой науке дхармашастры Ману [3] и менее известной шастры Яджнавалкьи [7], дхармашастра Нарады значительный объем своего содержания посвящает именно вопросам судопроизводства.

Все доказательства, правовому регулированию которых в данном памятнике уделялось большое внимание, делились на человеческие и божественные. К человеческим доказательствам относились документы и свидетельские показания, к божественным – клятвы и ордалии (II. A28) [2]. Перечень человеческих доказательств, поименованных в шастре Нарады, не являлся исчерпывающим, допускалось предъявление других доказательств по спорному делу. Интересно, что они имели заранее установленную «иерархию», в частности, указывалось, что «документ весомее, чем свидетельские показания» (1. 125) [2].

В контексте данного исследования нас интересуют не столько «человеческие», сколько «божественные» доказательства, точнее, способы их получения и интерпретации. В шастре Нарады говорится: «Если у тяжущихся нет свидетеля, то надлежит испытать их ордалиями и разного рода клятвами» (1. A247) [2]. Процедура ордалия назначалась в случае совершения тяжких преступлений, в менее значимых случаях обвиняемый для снятия подозрения должен был произнести клятву, вызывая к богам (1. A249) [2]. Тексты клятвы встречаются в дхармашастре Ману и других шастрах и зависят от варны, к которой принадлежит испытуемый. Так представитель высшей варны, брахман, в случае, если на него упало подозрение, которое он хочет опровергнуть, должен перед Богом и людьми поклясться своим сыном, возложив руку на его голову. Подобного рода клятвы известны у многих

народов Востока и Запада. Если вскоре с ребенком что-то случалось (устанавливался двухнедельный «испытательный» срок), это означало, что клятва была ложной. И виновный считался уже наказанным богами, поскольку в индийском обществе для любого отца сын считался самым дорогим, что у него имелось. Сила клятвы была мощным орудием получения правдивой информации. Едва ли нашлся бы отец, готовый солгать при такой клятве. Даже в современном, насквозь секуляризованном и атеистическом обществе трудно представить ситуацию, где здравомыслящий родитель стал бы клясться своим единственным сыном, положив руку на его голову и при этом утверждая ложь. Клятвы для вайшьев имели не такой драматический характер, но тем не менее человек ставил «на кон» то, что для него ценно, понимая, что, солгав, он может все потерять. Недооценивать клятву как способ получения правдивых доказательств нельзя. В традиционном обществе с глубокими и устойчивыми религиозно-нравственными основами, где все мировоззрение зиждилось на религиозном фундаменте, клятва была весьма действенным инструментом.

В случаях, перечисленных в шлоках (статьях) A241 и A242 дхармашастры Нарады, в качестве способа получения истины, при отсутствии свидетелей по делу, применялся ордалий. Это судебные процессы по делам о невозвращении долга, о насилии, о кражах, о грабежах, по делам, совершенным в безлюдном месте, в лесу, а также по делам, касающимся чести женщины [2].

Более ста шлок – с A239 по A348 – посвящены видам ордалия, способам его применения и «расшифровке» результата. Сама процедура проведения Божьего суда была обставлена множеством деталей, направленных на то, чтобы подозреваемый, знающий свою вину, мог признать ее в любой момент, не доводя до испытания. Но если подозреваемый настаивал на своей невинности и призывал в подтверждение своих слов богов, то ордалий был обязателен. Во всех делах, связанных с насилием, «средствами доказательства являются ордалии» (A250) [2], – говорится в дхармашастре Нарады.

Дхармашастра Ману упоминает о пяти основных видах божественного испытания (огнем, водой, ядом, весами, освященной водой), однако не описывают их подробно, видимо полагая, что людям они хорошо известны [3]. А шастра Нарады говорит уже о семи видах ордалия, в том числе и не встречавшихся ранее – рисом и монетой [6]. Каждый из них подробнейшим образом описан в дхармашастре. Указано, что ордалии проводятся на глазах «у всего мира», то есть любой человек мог присутствовать и лично засвидетельствовать результат.

Испытание водой было известно с глубокой древности. Еще за два тысячелетия до указанного

периода в Древнем Вавилоне существовал обычай, зафиксированный в Законах Хаммурапи, что в случае подозрения человека в чародействе при отсутствии доказательств он должен был «броситься в Реку». «Если Река очистит этого человека и он останется невредим, то того, кто бросил на него обвинение, должно убить» (ст. 2) [4]. Еще одно упоминание содержится в статье 132 Законов Хаммурапи: «Если против жены человека будет протянут палец из-за другого мужчины, а лежащей с другим мужчиной она не была захвачена, то для своего мужа она должна броситься в Реку» [4] (ст. 131). Для сравнения: «Если жена человека будет захвачена лежащей с другим мужчиной, то должно их связать и бросить в воду. Если муж сохранит жизнь своей жене, то и царь сохранит жизнь своего раба» (ст. 129) [4]. Это означало, что при подобных преступлениях, если «потерпевшая сторона» прощала виновницу, то и ее сообщник освобождался от наказания. Очевидно, что в первом случае речь идет об ордалии водой как единственном способе для женщины подтвердить свою невинность, а во втором случае – явно, что о наказании в виде утопления. Но текст Хаммурапи настолько древний, что ожидать точного перевода с клинописи невозможно. А вот санскрит переводится достаточно ясно и однозначно, что облегчает понимание особенностей этой судебной процедуры.

Итак, Божий суд применялся в делах, где отсутствовали свидетели и иные доказательства, а также в делах о насилии, кражах, грабежах, делах, касающихся чести женщин и др. В тех случаях, когда клятва не могла быть применена в качестве критерия истины, суд назначал ордалий. Вид ордалия зависел от варны, к которой принадлежал подозреваемый, от состояния его здоровья, от погоды, от возраста и пола. Так, в жару запрещалось применять ордалий огнем, в холодную погоду – водой, в период дождей – ядом, в ветреную погоду запрещался ордалий весами (1. A259) [2]. Не назначался ордалий больным, слепым, прокаженным, аскетам, старикам, немощным, детям и женщинам (1. A255, A256) [2]. Необходимо особо подчеркнуть, что испытуемый должен был добровольно согласиться на Божий суд (1. A257) [2]. В противном случае испытание таким способом не проводилось. Скорее всего, из этого следовали процессуальные выводы о том, что человек говорит неправду.

Принадлежность к одной из четырех варн была основным критерием выбора вида ордалия. Как указывает источник, к брахманам применялось только испытание весами, кшатриев надлежало испытывать огнем, другие варны – всеми остальными способами. Однако в ряде статей указано, что кшатрию не следует касаться раскаленного железа, а шудру лучше испытывать ядом, вайшью – водой. На этот счет имеется ряд противоречий в статьях дхармашастры, но исследователи источника счита-

ют, что это не ошибки перевода, а своего рода традиция помещать противоречивые указания рядом. Решение вопроса оставалось за комментаторами, коими были «хранители мира, призванные в этот мир для защиты дхармы» (1. А257) [2] – сведущие в законах ученые брахманы-пандиты.

Дхармашастра Нарады подробнейшим образом регламентирует производство и установку весов, вид материалов, которые должны быть использованы при их изготовлении, их качество и размеры, форму весов, глубину врытия опоры и, конечно, саму процедуру взвешивания испытуемого, время, место, произнесение клятв, слова молитвы, предварительное очищение (1. А260 – А264) [2]. Ни один из других видов ордалия не регламентировался столь подробно в 24 последовательных шлоках. Испытуемого взвешивали дважды – до и после клятвенных показаний. Уменьшение веса или внезапная поломка весов означали невиновность.

Шлоки с А285 по А303 регулируют ордалий огнем, если испытуемый заявляет, что готов понести огонь в подтверждение своих слов. Он должен произнести соответствующую процедуру молитвы и пройти семь шагов с раскаленным железом в ладонях. Правда, перед этим судьи сами привязывали на его ладони семь листьев специального дерева, так что результат ордалия вовсе не был предрешен. После этого руки осматривали все присутствующие и в случае отсутствия ожога правда считалась доказанной, как бы подтвержденной свыше. Если же оставались сомнения в наличии раны, испытуемый должен был 7 раз сильно сжать в ладонях зерна риса, после чего судьи по этим зернам определяли, являются ли ладони обожженными или нет [2].

Подробно описан ордалий водой, чему посвящены шлоки с А304 по А314. Как уже говорилось, эта процедура могла применяться только в теплую погоду и к людям, здоровым физически. В первой половине дня, после ритуального очищения и молитв испытуемый должен был опуститься в воду с головой и, закрепившись там (описано, как именно), пробыть там определенное время (как оно отсчитывалось, подробно указано в шлоках). Если он сместился в другое место или поднялся из-под воды, то считалось, что он изобличен Богами и должен понести наказание. Если же оставался под водой до определенного момента, то считался оправданным [2].

Ордалий ядом также имеет подробное изложение и содержится в статьях А319 – А326. Регламентируется порядок приготовления напитка, строгая дозировка, растение, из которого добывается яд, количество потребления, молитва, читаемая в это время, и место, где должен сидеть или лежать испытуемый до окончания дня. Если он не испытывает мучений, значит невиновен [2], указано в шлоке.

«Превосходным» средством в дхармашастре Нарады названо испытание освященной водой,

которому посвящены шлоки с А327 по А332 [2]. Оно применялось к людям набожным и физически здоровым. Если в течение двух недель после того, как он выпил три глотка освященной определенным образом воды, с ним ничего не случилось, то он освобождался от подозрений. Но если в течение этого времени с ним происходило несчастье, то наказание становилось неизбежным.

Невозможно не вспомнить в связи с двумя упомянутыми видами ордалий встречающийся в другом древневосточном источнике – сборнике нормативных предписаний древних иранцев «Авеста» – ордалий кипящей водой, в которой растворяли серу и золото, и давали выпить лицу, обвиняемому в совершении преступления. Обвиняемого, который не был оправдан посредством ордалия, подвергали телесному наказанию [1, с. 108].

Следующий вид ордалия, упомянутый в дхармашастре Нарады, ордалий посредством жевания зерен риса, который назначался в случае подозрения в воровстве. Во всех подробностях в шастре описана процедура приготовления, жевания и проверки результата. И последний вид ордалия, о котором говорится в дхармашастре, – монетой. Для определения честности или нечестности испытуемый должен был дотронуться указательным пальцем до монеты, находящейся в кипящем масле. Если после этого на пальце отсутствовали характерные для ожога повреждения, он признавался невиновным (1, А348) [2].

Применение ордалий в судопроизводственной практике являлось закономерным этапом правового развития большинства обществ, причём не только древних, но и раннесредневековых, что свидетельствует о наличии сходных черт в мировоззрении, присущем различным обществам на начальном этапе становления государственности.

Библиографический список

1. Авеста. Закон против дэвов (Видевдат). – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. – 301 с.
2. Дхармашастра Нарады [Электронный ресурс] / пер. с санскрита и комментариев А.А. Вигасина и А.М. Самозванцева; вступ. ст. А.А. Вигасина. – М.: Восточная литература РАН, 1998. – Режим доступа: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2932/4119_1_o.pdf.
3. Законы Ману [Электронный ресурс] / пер. С.Д. Эльмановича. – М.: Наука, 1992. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/asiatica/indica/samhita/manu/rus.html>.
4. Законы Хаммурапи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm>.
5. Корнеева Н.А. Древнеиндийские ордалии // Indologica: сб. статей памяти Т.Я. Елизаренковой. Кн. 2 / сост. Л. Куликов, М. Русанов. – М.: РГГУ, 2012. – С. 307–366.

6. Корнеева Н.А. Ордалия раскаленной монетой: текст и реальность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-233-3/978-5-88431-233-3_05.pdf.

7. Самозванцев А.М. Книга мудреца Яджнавалкьи. – М.: Восточная литература, 1994. – 376 с.

8. Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. – М.: РОССПЭН, 2003. – 631 с.

References

1. Avesta. Zakon protiv dehvov (Videvdat). – SPb.: Izd-vo Politekhn. un-ta, 2008. – 301 s.

2. Dharmashastra Narady [EHlektronnyj resurs] / per. s sanskrita i kommentarij A.A. Vigasina i A.M. Samozvanceva; vstup. st. A.A. Vigasina. – М.: Vostochnaya literatura RAN, 1998. – Режим доступа: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2932/4119_1_o.pdf.

3. Zakony Manu [EHlektronnyj resurs] / per.

S.D. Ehl'manovicha. – М.: Nauka, 1992. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/asiatica/indica/samhita/manu/rus.html>.

4. Zakony Hammurapi [EHlektronnyj resurs]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm>.

5. Korneeva N.A. Drevneindijskie ordalii // Indologica: sb. statej pamyati T.YA. Elizarenkovej. Kn. 2 / sost. L. Kulikov, M. Rusanov. – М.: RGGU, 2012. – С. 307–366.

6. Korneeva N.A. Ordaliya raskalenoj monetoj: tekst i real'nost' [EHlektronnyj resurs]. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-233-3/978-5-88431-233-3_05.pdf.

7. Samozvancev A.M. Kniga mudreca YAzhnavalk'i. – М.: Vostochnaya literatura, 1994. – 376 с.

8. Slovar' srednevekovej kul'tury / pod red. A.YA. Gurevicha. – М.: ROSSPEHN, 2003. – 631 с.

Романовская Вера Борисовна

доктор юридических наук

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

vera_borisovna@mail.ru

Серпухова Ольга Юрьевна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

chernova1108@mail.ru

РЕВОЛЮЦИЯ СЕМЕЙНОГО ПРАВА В СТРАНАХ ЗАПАДА В XX ВЕКЕ (на примере США)

В данной статье рассматривается проблема правового регулирования брачно-семейных отношений в странах Запада (на примере США).

В XX веке в США под влиянием идей либерализма меняется понимание сущности и назначения центральных институтов семейного права – брака и семьи. Анализ судебной практики, нормативно-правовых актов, принятых в данный период, свидетельствует о законодательной поддержке таких изменений. Законодательство закрепило возможность создания «квазибрачных» союзов, основной целью которых является приобретение экономических выгод, а не создание семьи и рождение детей. В свою очередь, попытка защиты традиционного брака на законодательном уровне терпит крах.

Формулируется вывод о трансформации институтов брака и семьи в США, понимания их сущности и назначения, обосновывается вывод о негативном влиянии указанных процессов на дальнейшее развитие общества и государства.

Ключевые слова: брак, семья, семейное право, традиция, революция, «квазибрачный» союз, домашнее партнерство, гражданский союз, взаимные бенефициары.

В последние десятилетия в подавляющем большинстве западных государств институты брака и семьи претерпели серьезные изменения, главные из которых коснулись понимания сущности и назначения указанных институтов [3; 4; 8].

Теперь для большинства западных государств уже обычной стала нетрадиционная семья, создаваемая лицами одного пола посредством заключения «квазибрачных» союзов, партнерств и даже браков. Однако анализ предпосылок появления «квазибрачных» союзов свидетельствует о том, что такие союзы создаются в первую очередь не с целью создания семьи и рождения детей, а с целью приобретения экономических выгод лицами, в них вступающими. Одновременно с этим во многих государствах (например, Великобритания, Канада, США, Франция) такие семьи все же наделены правами в области попечения над детьми (приемное родительство, усыновление) [7, с. 585].

Такие тенденции имеют скорее негативный характер, в связи с чем все чаще говорят о трансформации и даже о кризисе института брака и семьи [1].

Вместе с тем указанные изменения находят законодательную поддержку, нормы современного семейного законодательства стран Запада уже не защищают традиционные семейные ценности (под традиционными семейными ценностями в настоящей статье авторы подразумевают брак как союз мужчины и женщины, а основную функцию семьи – в воспроизводстве населения).

В свою очередь, это явилось следствием «революции» семейного права, произошедшей в странах Запада в XX веке.

Одной из причин «революции» семейного права стала «либерализация всех сфер общественной

жизни, что является одним из важнейших исторических достижений буржуазных революций, провозгласивших приоритетность прав и свобод каждой конкретной личности» [2, с. 86].

Идеи свободы и равенства в XX веке находят свое развитие в контексте свободы сексуальной и равенства не только независимо от пола, но и независимо от сексуальной ориентации.

Под влиянием таких идей в XX веке в США создаются первые общественные организации, защищающие права сексуальных меньшинств, проводятся первые демонстрации лиц нетрадиционной ориентации, гей-парады. Кроме того, выходят первые издания, предназначенные для сексуальных меньшинств, слова «гей», «лесбиянка» используются в кино [5]. Начинает формироваться судебная практика по делам о защите прав лиц нетрадиционной сексуальной ориентации (по делам о дискриминации в области трудовых прав, об отмене законов, устанавливающих ответственность за гомосексуализм, о попытках заключения однополых браков и т. д.). Несмотря на то, что законодательство штатов США данного периода разнилось в вопросах гомосексуализма и лишь в 2003 году решением Верховного суда США по делу *Lawrence v. Texas*, 539 U.S. 558 (2003) отменена уголовная ответственность за гомосексуализм [15], уже в XX веке в ряде штатов гомосексуальные отношения были декриминализованы.

Так, например, в 1965 году суд Нью-Йорка запретил задерживать мужчин за поцелуи в общественных местах. Штат Иллинойс ещё в 1961 году отменил уголовную ответственность за гомосексуальное сожительство [5, с. 44].

В 1971 году президентская комиссия по реформе уголовного законодательства порекомендовала

исключить из уголовного законодательства штатов положения, направленные против гомосексуалов, а в 1973–1974 гг. Американская психиатрическая ассоциация исключила гомосексуализм из списка психических расстройств, позже, в 1992 году, аналогичное решение принято Всемирной организацией здравоохранения [5, с. 45].

На протяжении 1970–1990-х гг. представления о гомосексуализме проделали большой путь (от отнесения его к преступлению и расстройству до признания его нормой). «Тем не менее из этого не следует, что “патологическое” ограничивается социокультуральным и не имеет биологического основания, и что человеческое общество может произвольно и беспредельно диктовать природе свои “нормы”. За такого рода произвол общество неизбежно расплывается, подчас неуследимо и самым неожиданным образом» [6].

Действительно, декриминализация гомосексуализма, исключение его из перечня психических расстройств позволили рассматривать его в качестве нормального явления, что, в свою очередь, способствовало принятию законов, предоставляющих сексуальным меньшинствам определенные права, в том числе и в брачно-семейной сфере.

Со второй половины XX века в отдельных штатах США принимаются нормативно-правовые акты, выносятся судебные решения, создающие правовой механизм для оформления отношений однополых пар.

Так, 5 мая 1993 года Верховным судом Гавайи вынесено решение по делу *Baehr v. Lewin*, 74 Haw. 530, 852 P. 2d 44 (1993) [9], в соответствии с которым отрицание однополых пар признано антиконституционным.

Указанное решение явилось предпосылкой возникновения в 1997 году института взаимного бенефициара (*reciprocal beneficiaries*). Взаимные отношения бенефициаров определялись как правовое партнерство между двумя людьми, которым запрещено вступать в брак. Взаимным бенефициарам был предоставлен ряд прав и льгот, однако их перечень первоначально был существенно уже перечня привилегий, предоставленных лицам, состоящим в браке. Однако в дальнейшем, посредством принятия поправок, перечень таких прав, льгот и привилегий был существенно расширен [12, р. 243–244].

В 1999 году в Калифорнии появляется институт домашнего партнерства (*domestic partnership*).

Сам термин был впервые использован в 1983 году в суде при рассмотрении дела *Brinkin v. Southern Pacific Transportation Co.*, 572 F. Supp. 236 (N.D. Cal. 1983) [11]. В районный суд Калифорнии обратился истец Лоуренс Бринкин о признании незаконным отказа Южной Тихоокеанской транспортной компанией в предоставлении трех дней оплачиваемого отпуска в связи со смертью своего гомосексуального «домашнего партнера»,

с которым истец проживал одиннадцать лет (аналогичные отпуска предоставлялись состоящим в гетеросексуальном браке сотрудникам указанной компании). При рассмотрении дела истец утверждал, что он был вовлечен в «домашнее партнерство», сродни намерениям и целям брака. Несмотря на то, что Бринкин проиграл свое дело, термин «домашнее партнерство» стал популярным в Калифорнии для обозначения своего положения неженатыми парами, проживающими вместе. В 1995, 1997, 1998 гг. было внесено три законопроекта, направленных на введение общегосударственной схемы регистрации домашнего партнерства, и, наконец, в 1999 году принят закон о домашнем партнерстве [12, р. 245], согласно которому отношения в форме домашнего партнерства могут оформить все однополые пары, а также гетеросексуальные пары, где по крайней мере один партнер достиг возраста 62 лет и старше.

Как и для взаимных бенефициаров, так и для института домашнего партнерства характерно то, что домашние партнеры первоначально были наделены более узким объемом прав в отличие от лиц, состоящих в браке, впоследствии перечень прав был расширен.

22 июля 1997 года три однополых пары, которым было отказано в выдаче лицензий на брак в городах Милтон и Шелбурн и городе Южный Берлингтон (штат Вермонт), обратились в суд с требованием о принятии декларативного решения о нарушении таким отказом брачных статутов и Конституции Вермонта.

20 декабря 1999 года Верховным судом Вермонта вынесено решение по делу *Baker v. Vermont*, 744 A.2d 864 (Vt. 1999) [10] о признании отказа в браке однополым парам нарушением Конституции Вермонта, об обязанности государства предоставить одинаковые гарантии и льготы как гетеросексуальным, так и однополым парам, об обязанности законодательного органа в «разумный период времени» найти способ обеспечить однополые пары этими преимуществами либо посредством разрешения однополых браков, либо посредством реализации альтернативного правового механизма оформления отношений однополых пар.

Указанное решение явилось предпосылкой возникновения еще одного механизма официального закрепления отношений однополых пар в виде гражданского союза (*civil union*), который получил широкое распространение и законодательное закрепление во многих штатах, начиная с начала 2000-х гг.

Одновременно с возникновением указанных выше институтов в США на федеральном уровне принимается попытка защиты традиционного брака.

Так, в 1996 году принят закон «О защите брака», который определил брак как юридический союз между одним мужчиной и одной женщиной как муж и жена, а также то, что слово «супруг» от-

носится только к лицу противоположного пола, являющемуся мужем или женой [13].

Вместе с тем принятие данного закона вызвало отрицательную реакцию общественности, его положения неоднократно оспаривались в судебных инстанциях [14]. Это объясняется тем, что семейное положение является основанием для приобретения лицами, состоящими в браке, ряда прав, обязанностей и льгот.

Таким образом, принятие Закона о защите брака фактически ограничило эти права, льготы супружеским парам противоположного пола. Хотя многие из этих прав чрезвычайно специфичны и редко используется, другие заслуживают особого внимания, в том числе: право на получение социальных пособий умершего супруга и пособия по потере кормильца; право на иммиграционные льготы; право на льготы и вычеты по налогу на прибыль; право подать на совместное банкротство; право ходатайствовать о выдаче приказа о защите от насилия в семье; отпуск по случаю потери кормильца; право на совместную подачу федеральных налоговых деклараций; право принимать медицинские решения от имени супруга; право на супружескую привилегию в уголовном судопроизводстве; наследственные права и др. [12, р. 238].

Однако попытка защиты брака как союза мужчины и женщины не оказалась успешной. Позже, в 2013 г., Верховным судом США будет вынесено решение по делу *United States v. Windsor*, 12-307, 570 U.S. (2013) [16] о неконституционности третьей части Закона о защите брака.

Таким образом, либерализация общественной жизни в XX веке существенно повлияла на развитие семейного права стран Запада и его центрального института – брака и семьи. Революция семейного права привела к тому, что сегодня в большинстве западных государств брак уже не рассматривается в традиционном ключе как союз мужчины и женщины, а основная функция семьи – в воспроизводстве населения. Сегодня существует множество способов официального оформления отношений между двумя людьми, в том числе и одного пола, основной целью которого в первую очередь выступают экономические интересы сторон, их самореализация, при этом в ряде стран такие лица наделены правом на усыновление детей.

Появление «квазибрачных союзов» приводит к снижению числа традиционных браков, к умалению его роли в обществе, что, в свою очередь, может негативно сказаться на дальнейшем развитии общества и государства, первейшим фундаментом которых как раз и является традиционная семья.

Библиографический список

1. *Ананских И.А., Серпухова О.Ю., Шелепова М.А.* Формирование новой концепции брака и семьи в западной христианской церкви (амери-

канский профессор Джеймс В. Браунсон о новом прочтении Священного Писания) // *Юридическая наука: история и современность.* – 2017. – № 4. – С. 181–188.

2. *Богатова М.И.* Постмодернистское эхо великой французской революции // *Парадигма: философско-культурологический альманах.* – 2016. – № 25 (25). – С. 86–103.

3. *Бурова С.Н.* Современная семья: крах или другая жизнь? // *Социология.* – 2015. – № 2. – С. 4–15.

4. *Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И.* От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // *Мир политики и социологии.* – 2013. – № 10. – С. 90–98.

5. *Кочарян Г.С.* Гомосексуальные отношения и современная Америка // *Здоровье мужчины.* – 2007. – № 4 (23). – С. 42–53.

6. *Савенко Ю.С.* О предмете психиатрии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.npar.ru/journal/2003/2/subject.php> (дата обращения: 25.11.2017).

7. *Серпухова О.Ю.* Усыновление однополыми парами детей как негативное последствие легализации однополых браков // *Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой: в 2 т. Т 2.* – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. – С. 584–588.

8. *Чернова О.Ю.* «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // *Ученые записки юридического факультета.* – 2015. – № 38 (48). – С. 81–85.

9. *Baehr v. Lewin*, 74 Haw. 530, 852 P. 2d 44 (1993) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lambdalegal.org/sites/default/files/legal-docs/downloads/baehr_hi_19930505_decision-hi-supreme-court.pdf (дата обращения: 26.11.2017).

10. *Baker v. Vermont*, 744 A.2d 864 (Vt. 1999) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/vermont/supreme-court/1999/98-032op.html> (дата обращения: 26.11.2017).

11. *Brinkin v. Southern Pacific Transportation Co.*, 572 F. Supp. 236 (N.D. Cal. 1983) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/572/236/2310457/> (дата обращения: 26.11.2017).

12. *Curry-Summer I., Curry-Summer S.* Is the Union Civil? Same-Sex Marriages, Civil Unions, Domestic Partnerships and Reciprocal Benefits in the USA // *Utrecht Law Review.* – 2008. – Vol. 4. – No. 2. – P. 236–278.

13. *Defense of Marriage Act* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-104publ199/html/PLAW-104publ199.htm> (дата обращения: 26.11.2017).

14. Judge throws out binational couple's DOMA lawsuit [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advocate.com/news/daily-news/2011/09/29/judge-throws-out-binational-couple39s-doma-suit> (дата обращения: 26.11.2017).

15. Lawrence v. Texas 539 U.S. 558 (2003) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/539/558/case.html> (дата обращения: 16.10.2017).

16. United States v. Windsor, 12-307, 570 U. S. (2013) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.supremecourt.gov/opinions/12pdf/12-307_6j37.pdf (дата обращения: 16.10.2017).

References

1. Ananskih I.A., Serpuhova O.YU., Shelepova M.A. Formirovanie novoy koncepcii braka i sem'i v zapadnoj hristianskoj cerkvi (amerikanskij professor Dzhejms V. Braunson o novom prochtenii Svyashchennogo Pisaniya) // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. – 2017. – № 4. – S. 181–188.

2. Bogatova M.L. Postmodernistskoe ehkho velikoj francuzskoj revolucii // Paradigma: filosofskokul'turologicheskij al'manah. – 2016. – № 25 (25). – S. 86–103.

3. Burova S.N. Sovremennaya sem'ya: krah ili drugaya zhizn'? // Sociologiya. – 2015. – № 2. – S. 4–15.

4. Zhdanov P.S., Sal'nikov S.P., Romanovskaya V.B., Cyganov V.I. Ot gumanizma k immoralizmu, ot prav estestvennyh k pravam protivooestestvennym: smena cennostnyh osnovanij zapadnogo prava // Mir politiki i sociologii. – 2013. – № 10. – S. 90–98.

5. Kocharyan G.S. Gomoseksual'nye otnosheniya i sovremennaya Amerika // Zdorov'e muzhchiny. – 2007. – № 4 (23). – S. 42–53.

6. Savenko YU.S. O predmete psihiatrii [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.npar.ru/journal/2003/2/subject.php> (дата obrashcheniya: 25.11.2017).

7. Serpuhova O.YU. Usynovlenie odnopolymi parami detej kak negativnoe posledstvie legalizacii odnopolnyh brakov // Transformaciya chelovecheskogo potenciala v kontekste stoletiya: materialy mezhdunar.

nauch.-prakt. konf. / pod obshch. red. prof. Z.H. Saralievoy: v 2 t. T 2. – N. Novgorod: Izd-vo NISOC, 2017. – S. 584–588.

8. Chernova O.YU. «Pravo» na odnopolnyj brak v kontekste lichnyh prav cheloveka // Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta. – 2015. – № 38 (48). – S. 81–85.

9. Baehr v. Lewin, 74 Haw. 530, 852 P. 2d 44 (1993) [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.lambdalegal.org/sites/default/files/legal-docs/downloads/baehr_hi_19930505_decision-hi-supreme-court.pdf (дата obrashcheniya: 26.11.2017).

10. Baker v. Vermont, 744 A.2d 864 (Vt. 1999) [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://law.justia.com/cases/vermont/supreme-court/1999/98-032op.html> (дата obrashcheniya: 26.11.2017).

11. Brinkin v. Southern Pacific Transportation Co., 572 F. Supp. 236 (N.D. Cal. 1983) [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/572/236/2310457/> (дата obrashcheniya: 26.11.2017).

12. Curry-Sumner I., Curry-Sumner S. Is the Union Civil? Same-Sex Marriages, Civil Unions, Domestic Partnerships and Reciprocal Benefits in the USA // Utrecht Law Review. – 2008. – Vol. 4. – No. 2. – P. 236–278.

13. Defense of Marriage Act [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-104publ199/html/PLAW-104publ199.htm> (дата obrashcheniya: 26.11.2017).

14. Judge throws out binational couple's DOMA lawsuit [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.advocate.com/news/daily-news/2011/09/29/judge-throws-out-binational-couple39s-doma-suit> (дата obrashcheniya: 26.11.2017).

15. Lawrence v. Texas 539 U.S. 558 (2003) [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/539/558/case.html> (дата obrashcheniya: 16.10.2017).

16. United States v. Windsor, 12-307, 570 U. S. (2013) [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.supremecourt.gov/opinions/12pdf/12-307_6j37.pdf (дата obrashcheniya: 16.10.2017).

ГОСУДАРСТВА БЕЗ «ПРИЗНАКОВ ГОСУДАРСТВА» НА ТЕРРИТОРИИ АРАВИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

В статье обсуждается проблема признанных и непризнанных государств на территории Африки и ближнего Востока. Автор обращает внимание на признаки государства, выработанные в теоретико-правовой науке, которые не применимы к некоторым территориальным образованиям и к государствам, чье положение на мировой арене является неустойчивым. Рассматриваются политико-правовые особенности организации жизни социума в таких государственных образованиях как Палестина, Йемен, Ливия, Ливан, Курдистан, Ирак. Делается вывод о некорректности применения хрестоматийных критериев государства к большому числу политически суверенных территорий, существующих в современном мире, но на практике не соответствующих указанным выше критериям. Речь идет о государствах, признанных на мировом уровне и существующих на политической карте мира, но не являющихся таковыми на практике в силу различных социально-экономических и военно-политических причин.

Ключевые слова: признаки государства, суверенное государство, религиозные столкновения, цветные революции, Ближний Восток, Африка, Ливия, Палестина, Йемен, Ливан, Курдистан, Ирак.

Традиционно понятие государства в российской науке теории государства и права определяется как «властно-политическая организация общества, обладающая государственным суверенитетом, специальным аппаратом управления и принуждения, устанавливающая правовой порядок на определенной территории» [1, с. 74].

Из определения вытекают и основные признаки государства: «публичность власти, наличие согласованной системы налогов и займов, территориальное деление, право, суверенитет» [4, с. 120]. Перечисленные признаки не являются исчерпывающими и могут быть дополнены, но не могут быть сужены, поскольку являются базой, основой, по которой судят о наличии в том или ином обществе государства и государственной власти.

Большая часть известных на сегодняшний день стран соответствует этому определению. Однако на политической карте мира есть и такие страны, которые, хотя и соответствуют данным критериям, но являются непризнанными мировым сообществом. Не касаясь этого вопроса в настоящей работе, поскольку данная тема была нами рассмотрена в других статьях [2, с. 217], обратимся к другому, не менее интересному феномену – к государствам, которые чисто теоретически существуют, но на практике не соответствуют указанным выше критериям. Речь идет о государствах, признанных на мировом уровне и существующих на политической карте мира, но не являющихся таковыми на практике в силу различных социально-экономических и военно-политических причин.

Ближний Восток в течение всей известной человеческой истории является ареной для событий военного характера. Междоусобные войны там происходили еще в доисламский период, когда различные враждующие арабские племена воевали друг с другом за лучшие земли оазисов, за контроль над караванными путями, проходившими через районы Западной Аравии. В этом же процессе уча-

ствовали Иран и Византия, которые вели борьбу за торговые пути, проходившие здесь, и связывавшие Индию и Средиземноморье с Персидским заливом. Внешний интерес и внутренние племенные столкновения создавали неустойчивую политическую ситуацию в регионе. Приход новой идеологии и религии единобожия на некоторое время ослабил эти противоречия. Благодаря активной деятельности и яркой проповеди нового Пророка удалось преодолеть межплеменную разобщенность и создать единое арабское государство. Сложилось централизованное государство, которое быстро расширяло границы своего влияния и территорию. Однако после смерти Пророка, пользовавшегося неколебимым авторитетом и всеобщей любовью единоверцев, начались разногласия среди претендентов на власть, расколы в обществе, и, как следствие, кризис и гражданская война. Разногласия, возникшие в VII веке, не прекращаются уже 1500 лет, и являются горючей смесью для разжигания различных войн между странами Ближнего Востока.

В беспокойной политической атмосфере существование стабильных государств возможно только в условиях их экономической и финансовой устойчивости, сильного харизматичного правителя, имеющего надежную опору у всего населения, а не только у своего рода или клана, единую в обществе религиозную основу, умеющего договариваться с лидерами соседних государств и ведущего разумную внешнюю политику. Таких государств совсем немного. Исторически большинство из них постоянно находилось в нестабильном состоянии. Множество внешних и внутренних факторов, среди которых и стремление к расширению территориальных границ, и политические амбиции недалекновидных лидеров, и неспособность проявить гибкость в межгосударственных спорах, и колебания на внутренних рынках, и экономические проблемы у одних и бедность у других, создают условия для бесконечных революций и гражданских войн.

Несколько государств Ближнего Востока и Африки на сегодняшний день являются децентрализованными, хотя они обладают основными признаками государственности и являются признанными на международной арене, на практике они состоят из территорий, которые решительно декларируют свою независимость от центральной власти и не подчиняются центральному правительству. Некоторые из этих государств либо распадаются, либо находятся в перманентном состоянии распада.

История неоднократно демонстрировала, что в восточных государствах не приживается западная демократия, которую старательно насаждают европейские и американские политики. Тысячелетиями сложилась практика управления страной, при которой только религиозно-политический авторитет лидера-монарха или диктатора способен удержать страну от хаоса. А когда западные страны поспособствовали свержению монархии через разные цветные революции («арабская весна»), то в этих государствах возникла нестабильность, которая в конечном итоге привела к их фактическому разрушению. Среди таких государств можно назвать Ирак. В период руководства государством Саддама Хусейна страна была одним из лидеров Ближнего Востока. В результате американо-британской интервенции 2003 г. его власть была свергнута и установлена парламентская республика. Это повлекло за собой внутренние конфликты различных национальных и религиозных кланов. Фактически центральная власть контролирует только юг страны и столицу, где преобладает шиитское население, остальные части страны подчиняются лидерам живущих там суннитских общин. На всей территории враждуют разные кланы. Отдельно существует проблема государственности Курдистана: является ли Курдистан самостоятельным государством или частью территории Ирака [3, с. 274]. Иракский парламент не эффективен. Часть военно-политических структур ориентирована на Иран, особенно в районах, где проживает шиитское население. Кроме того, нефтяные районы Ирака также заражены сепаратизмом (Басра). Таким образом, государство Ирак как единое существует лишь де-юре, а де-факто – находится в состоянии перманентного распада.

Другое государство, находящееся в похожем состоянии – это Ливан. С момента завоевания независимости 1943 году была установлена республика, в которой действовали квоты на государственные посты за различными религиозными общинами. Правительство и парламент представляли в равных долях христиане (православные, католики и др.) и мусульмане (сунниты, шииты, алавиты), благодаря чему государство развивалось динамично и, учитывая красоту и разнообразие тамошней природы, имело статус «Ближневосточ-

ной Швейцарии». К великому сожалению, такая благоприятная ситуация продолжалась совсем недолго. Сегодня в стране наблюдаются перманентные гражданские столкновения этноконфессиональных группировок, присутствие иностранных войск, палестинских беженцев, вмешательство западных государств, конфликты местных кланов за выгодные рынки. Все это раскололо ливанское общество. И хотя Ливан считается признанным суверенным государством, политическая ситуация в нем такова, что не все хрестоматийные признаки государства можно там усмотреть.

Еще одно государство без признаков государства – это Палестина. Все попытки мирового (западного) сообщества создать на территории Палестины суверенное государство, добрососедствующее с Израилем, не привели ни к какому результату. Министры территории есть, глава территории есть, международная финансовая поддержка и признание есть, а государства нет.

Проблемы государственности ярко выражены в Йемене. После получения освобождения от колониальной зависимости от Великобритании было образовано два йеменских государства: на севере – Йеменская Арабская республика, на юге – Народно-демократическая республика Йемен, которые в 1994 г. объединились в единое государство. Но оно оказалось неустойчивым, разразилась серия конфликтов, в которых приняла горячее участия Саудовская Аравия и другие страны персидского залива. Сегодня страна не существует как единое государство, хотя на карте мира по-прежнему есть такая страна. Главную роль в политике играют религиозные авторитеты племен.

Если посмотреть на события в Ливии, то здесь наиболее показательной будет история, когда свержение национального лидера – полковника Муаммара Каддафи, в результате международного заговора, привело к полному разрушению государственности. Противостояние племен, образование племенных союзов, контролирующих нефть и трубы, разрушение всех государственных структур. Де-юре есть государство Ливия, де-факто – его нет. Ни один из признаков государства, характеризующих его наличие, не существует на этой территории.

Таким образом, политическая карта мира лишь приблизительно фиксирует наличие суверенных государств во многих регионах, особенно Ближнего и Среднего Востока и Африканского континента. Теория государства должна более осторожно определять признаки государств, государственных образований, территорий и сообществ, понимая, что кроме устойчивых государств существуют и непризнанные государства и «мифические» государства, которые никак не соответствуют выработанным в науке теоретическим критериям.

Библиографический список

1. *Бабаев В.К.* Теория государства и права: учебник для бакалавров. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 715 с.
2. *Груздев В.В.* Проблемы и перспективы реализации прав граждан на образование в непризнанных государствах юго-востока Украины // Вестник Костромского государственного университета – 2016. – № 5. – С. 217–220.
3. *Сатановский Е.Я.* «Котёл с неприятностями. Ближний Восток для «чайников». – М.: Эксмо, 2016. – 540 с.
4. *Пиголкин А.С.* Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата / А.С. Пиголкин, А.Н. Головастикова, Ю.А. Дмитриев; под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 516 с.

References

1. *Babaev V.K.* Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya bakalavrov. – M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2019. – 715 s.
2. *Gruzdev V.V.* Problemy i perspektivy realizacii prav grazhdan na obrazovanie v nepriznannyh gosudarstvah yugo-vostoka Ukrainy // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – 2016. – № 5. – S. 217–220.
3. *Satanovskij E.YA.* «Kotyol s nepriyatnostyami. Blizhnij Vostok dlya «chajnikov». – M.: EHksmo, 2016. – 540 s.
4. *Pigolkin A.S.* Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata / A.S. Pigolkin, A.N. Golovastikova, YU.A. Dmitriev; pod red. A.S. Pigolkina, YU.A. Dmitrieva. – M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2019. – 516 s.

Черкасов Константин Валерьевич

доктор юридических наук
Всероссийский государственный университет юстиции,
Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
Вятский государственный университет
CherkasovKV1978@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МОНИТОРИНГА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках работы по проекту на тему:
«Развитие антикоррупционного законодательства в сфере государственного управления».
Номер проекта 19-011-00729

В настоящей статье проанализированы отдельные организационно-правовые аспекты мониторинга правоприменения в современной России в ракурсе реализации государственной антикоррупционной политики. Определены юридические основы правового мониторинга. Изложена авторская позиция относительно следующих пяти моментов: сущности правоприменения; цели и задач мониторинга правоприменения, их соотношения со SMART; содержания ежегодного доклада Правительства Российской Федерации Президенту России; реального значения Министерства юстиции России в процессе мониторинга правоприменения; роли Министерства юстиции России в процессе подготовки, формирования ежегодного доклада Правительства Российской Федерации Президенту России. Сделан вывод, что одной из основных проблем правоприменения в настоящее время является постоянно увеличивающийся объем законодательства и основанных на нём правоприменительных актов при наличии негативных факторов, которые отрицательно сказываются на эффективности и единообразии правоприменения, а в конечном счете – единстве правового пространства России. В свою очередь это самым непосредственным образом негативно влияет на результативность осуществления мер противодействия коррупции в сфере государственного управления.

Ключевые слова: правоприменение, мониторинг, правовое пространство, законодательство, правовой акт, доклад, федеральный орган исполнительной власти, государственное управление, коррупция, противодействие коррупции.

Мониторинг правоприменения по широкому кругу общественных отношений на систематической основе в качестве комплексной и плановой деятельности органов государства осуществляется в России сравнительно недавно. Его начало справедливо связывают с изданием Указа Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» [1], утвердившем аналогичное положение, и принятием в соответствии с ним и в его исполнение Постановления Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» [2]. Дополнительно ежегодно Правительство России принимает план мониторинга правоприменения на будущий календарный год [3].

Особое значение с точки зрения обеспечения единообразия в процессе правового мониторинга играют разработанные Министерством юстиции России Рекомендации [4; 5]. Важными в исследуемой сфере представляются тематические акты федеральных органов исполнительной власти, иных федеральных государственных органов, а также акты субъектов Российской Федерации [6–8]. Нельзя не отметить и осуществление правового регулирования «узкого» мониторинга правоприменения [9; 10], а равно деятельности организационно-структурных подразделений государственных органов, их взаимодействия в вопросах правового

мониторинга [11–13]. Обоснованное внимание спектру вопросов мониторинга правоприменения уделено на региональном уровне [14; 15], а равно и в юридической литературе, в том числе в контексте оптимизации государственного управления разного уровня и противодействия коррупции [17–22].

Более чем семилетний период безуспешного осуществления требований и предписаний указанных нормативных актов, тем не менее, даёт основание говорить и о целесообразности актуализации некоторых теоретических и организационных задач, решение которых позволит оптимизировать мониторинг правоприменения, в некоторой степени повысить его эффективность. Речь, в частности, идёт о ряде позиций, требующих единого понимания, восприятия и некоторого уточнения.

Во-первых, что же, по сути, представляет собой мониторинг правоприменения? Конечно, его основная сущностная составляющая изложена на законодательном уровне, в соответствии с которым он есть процесс сбора, обобщения, анализа и оценки информации для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) нормативных правовых актов. Подобное восприятие мониторинга правоприменения представляется весьма широким и в большей степени теоретическим. На практике мониторинг правоприменения сводится к плановому контролю за реализацией принятых нормативных правовых актов и систематическому наблюдению за возникающими, изменяющимися и прекращающимися

правоотношениями в той или иной сфере жизнедеятельности общества в результате действия нормы права. Исходя из этого, анализируются нормативные правовые акты, выстраивается их система, соотносятся нормы одного акта с другим, выискиваются коллизии, пробелы, проблемы реализации положений правового акта. Фактически он не только и не столько дополняет текущий контроль, осуществляемый законодательными и исполнительными органами власти на плановой основе в общем порядке, сколько точно акцентирует их внимание на вопросах правоприменения.

Во-вторых, в чём конкретно заключается цель и задачи мониторинга правоприменения и как они соотносятся со SMART (мнемонической аббревиатурой, используемой в менеджменте и проектном управлении для определения целей и постановки задач)? Основная цель правового мониторинга, обозначенная в нормативных документах, состоит в совершенствовании правовой системы Российской Федерации. Отсюда и его задачи, среди которых одна из важнейших – обеспечение единства правового пространства страны. В целом схема в диалектическом развитии видится такой: компетентный орган власти – утвержденная государственным органом норма права – субъект, на который распространяется норма права – ожидаемый положительный результат действия нормы права (не достигается, а следовательно, норма «не работает») – выявление проблемы посредством правового мониторинга – исправление ситуации. Негативный момент состоит в отсутствии обратной связи, аналитической информации от субъектов правоотношений – граждан, индивидуальных предпринимателей, юридических лиц, на регулирование организации и деятельности которых и направлено действие правовых норм. Вместе с тем при подготовке плана мониторинга предусмотрен запрос предложений институтов гражданского общества и средств массовой информации.

В-третьих, что, в сущности, должен содержать в себе ежегодный доклад Правительства Российской Федерации Президенту России? Описание нерешенных проблем или перечень исполненного, решенного, осуществлённого в течение года? Данный документ является важнейшим инструментом механизма оптимизации законодательства [16]. По-видимому, цель подготовки и последующего представления доклада о мониторинге правоприменения имеет в своей основе то, что разрешение ряда проблемных вопросов входит в исключительную компетенцию главы государства, он активно использует как право законодательной инициативы, так и собственное нормотворчество, а также то, что Президент России, подписывая и обнародуя федеральные законы, фактически «завершает» законодательный процесс. В силу определенных обстоятельств он не должен иметь вид лишь отчета

о проделанной органами исполнительной власти и иными государственными органами работы. Доклад, помимо нормативно установленных позиций, по нашему мнению, должен содержать три раздела с изложением в первом из них информации о решённых в течение отчетного года проблемах (достижении прошлогодних плановых показателей); во втором – информации о текущем состоянии выявленных проблем; в третьем – информации о детальном перспективном плане реализации мероприятий по решению выявленных проблемных вопросов. Такая форма доклада представляется более практико-ориентированной, нежели существующая. Одновременно целесообразно представить план законопроектной деятельности Правительства России. Логичным видится также направлять аналогичный ежегодный доклад Правительства Российской Федерации в Государственную думу Федерального собрания России в порядке информирования, а также для перспективного внесения депутатами законодательных инициатив.

В четвёртых, каково реальное значение Министерства юстиции Российской Федерации в процессе мониторинга правоприменения? Правовые предписания наделяют данное ведомство координационными и методическими полномочиями по обеспечению осуществления мониторинга правоприменения иными федеральными органами исполнительной власти, но не раскрывают их содержание в подробностях. Подчёркнуто, что мониторинг правоприменения осуществляют все федеральные органы исполнительной власти, и это составляет их полномочия. При этом федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления могут осуществлять мониторинг по собственной инициативе. Вопрос, в чём же конкретно состоят координация и методическое обеспечение со стороны Минюста России? На наш взгляд, в целом назначение данного органа в указанном процессе видится: в налаживании взаимодействия между федеральными и региональными органами исполнительной власти в процессе осуществления правового мониторинга; в формировании статистической отчетности, её формы на основе информации от этих органов (сведение итогов мониторинга в единый документ); в разъяснении им неясных вопросов методики осуществления правового мониторинга, детализации и адаптации её предписаний (приспособлении); в запросе с федеральных и региональных государственных органов планов и сборе предложений по мониторингу правоприменения, их обобщении и координации; в доведении до сведения федеральных органов исполнительной власти отчётов о мониторинге правоприменения на региональном уровне, в том числе во избежание «двойного» планирования.

В пятых, какова роль Министерства юстиции Российской Федерации в процессе подготовки, формирования ежегодного доклада Правительства Российской Федерации Президенту России и в чём она ещё должна состоять? Данный вопрос имеет в своей основе определённый нюанс, который заключается в том, что ведомство, курирующее ту или иную отрасль или сферу государственного управления (ответственный федеральный орган исполнительной власти) по понятным соображениям более компетентно, яснее воспринимает ситуацию и связанное с ней правоприменение. Вместе с тем не исключено и сознательное игнорирование отдельных проблемных аспектов, в частности выявленных представителями общественности, актуализация которых не видится данному органу необходимой, по крайней мере в данный период времени. В вопросах правового мониторинга Министерство юстиции России, несомненно, должно обладать статусом «определяющего», «главного» федерального органа исполнительной власти, обладающего правом давать официальное толкование и связанные с этим обязательные к исполнению указания. Но уже в нынешнем положении оно может и должно являться «площадкой» для диалога государственных структур и институтов гражданского общества в вопросах совершенствования правоприменения и оптимизации законодательства, а возможно, и своего рода арбитром в спорных и неоднозначных ситуациях, в том числе в процессе подготовки доклада главе государства.

Отметим, что вопросы совершенствования законодательства и практики его применения и особенно необходимости его мониторинга не утрачат своей актуальности как минимум в ближайшие годы. Одна из основных проблем видится в постоянно увеличивающемся объеме законодательства и основанных на нём правоприменительных актов при наличии ряда негативных факторов. К сожалению, некоторые из позже принимаемых правовых актов в большинстве своём в какой-либо части не соответствуют или даже в какой-то мере противоречат правовым актам, изданным ранее. Как правило, речь идет об игнорировании прежних действующих положений, запоздалом внесении изменений в правовые акты, использовании иных формулировок, глаголов, предлогов и т. д. При этом подобное наблюдается как в правовых актах одинаковой, так и разной юридической силы, принятые как одним, так и разными государственными органами.

Всё это крайне затрудняет процесс приведения правовых предписаний в соответствие друг другу, не может отрицательным образом не сказаться на эффективности правоприменения, его единообразии, а в конечном счете – единстве правового пространства Российской Федерации. Более того, что крайне важно в современных социально-общественных условиях, обозначенные общие проб-

лемы российской правовой системы на практике существенно тормозят реализацию антикоррупционной государственной политики в масштабах страны, во многом выступают препятствием осуществления эффективных мер противодействия коррупции в сфере государственного управления, причём на всех его уровнях: федеральном, межрегиональном, региональном.

Существование «противоречивого» законодательства препятствует осуществлению должного контроля (надзора) в области требуемой применимости той или иной нормы правового акта антикоррупционной направленности. Отсюда, даже фокусируясь на мониторинге правоприменения в области противодействия коррупции в сфере государственного управления, установить истинное положение дел в этой области и внести необходимые коррективы не всегда представляется возможным. Несомненно, решение проблемы нейтрализации коррупционных проявлений и их негативных последствий в полной мере нереально без оптимизации как законодательства, так и практики его применения. При этом, безусловно, действенный мониторинг правоприменения способен качественно обеспечить функционирование механизма противодействия коррупции в сфере государственного управления.

Библиографический список

1. О мониторинге правоприменения в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 (с послед. изм. и доп.) // Собр. законодательства РФ. – 2011. – № 21. – Ст. 2930; 2014; № 30. – Ч. 2. – Ст. 4286.
2. Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 19 августа 2011 г. № 694 // Собр. законодательства РФ. – 2011. – № 35. – Ст. 5081.
3. Об утверждении плана мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2019 год: Распоряжение Правительства РФ от 29 августа 2018 г. № 1805-р // Собр. законодательства РФ. – 2018. – № 36. – Ст. 5708.
4. Рекомендации по вопросам организации деятельности по мониторингу правоприменения, сбора информации и привлечения лиц и организаций к процессу мониторинга правоприменения: (утверждены Министерством юстиции РФ). – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»: Российское законодательство (версия Проф).
5. Рекомендации по использованию показателей мониторинга правоприменения в сфере государственной гражданской службы. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»: Эксперт-приложение.
6. Об организации мониторинга правоприменения в Министерстве сельского хозяйства Россий-

ской Федерации: приказ Минсельхоза России от 20 июля 2016 г. № 316. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»: Российское законодательство (версия Проф).

7. Об организации исполнения Указа Президента Российской Федерации «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации»: Приказ Генпрокуратуры России от 23 июня 2011 г. № 180. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»: Эксперт-приложение.

8. Об организации в Минэкономразвития России работы по мониторингу правоприменения в Российской Федерации: Приказ Минэкономразвития России от 03 декабря 2015 г. № 905 // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»: Эксперт-приложение.

9. О рабочей группе по мониторингу и анализу правоприменительной практики в сфере предпринимательства: Распоряжение Президента РФ от 16 февраля 2016 г. № 27-рп // Собр. законодательства РФ. – 2016. – № 8. – Ст. 1111.

10. О проведении мониторинга правоприменительной практики части 4 статьи 19.30 КоАП РФ: письмо Рособнадзора от 30 мая 2018 г. № 05-167. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»: Эксперт-приложение.

11. Об утверждении Положения о Центре мониторинга законодательства и правоприменительной практики (Центре мониторинга права) при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Распоряжение Председателя СФ ФС РФ от 25 апреля 2008 г. № 173рп-СФ. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»: Эксперт-приложение.

12. Об Экспертном совете при Министерстве юстиции Российской Федерации по мониторингу правоприменения в Российской Федерации: Распоряжение Минюста России от 12 апреля 2012 г. № 674-р. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»: Эксперт-приложение.

13. План реализации в 2016 году мероприятий, предусмотренных Соглашением между ТПП России и Минюстом России о взаимодействии в сфере осуществления мониторинга правоприменения: (утвержден ТПП РФ 19 ноября 2015 г.). – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»: Эксперт-приложение.

14. О плане мониторинга правоприменения нормативных правовых актов Нижегородской области, принятых Законодательным Собранием Нижегородской области, на II полугодие 2018 года: Постановление Законодательного собрания Нижегородской области от 28 июня 2018 г. № 678-VI. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»: Региональное законодательство.

15. О результатах мониторинга правоприменения Закона Нижегородской области «Об отходах производства и потребления»: Постановление За-

конодательного собрания Нижегородской области от 26 июля 2018 г. № 693-VI. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»: Региональное законодательство.

16. Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2016 год. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»: Российское законодательство (версия Проф).

17. Варкова С.А. Проблемы организации мониторинга законодательства и правоприменения // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 10. – С. 30–34.

18. Гусев А.Ю. Значение мониторинга правоприменения для совершенствования законодательства о социальном обеспечении // Российский судья. – 2016. – № 2. – С. 47–49.

19. Петров Д.А. Контроль в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства: мониторинг правоприменения // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2016. – № 3. – С. 51–54.

20. Черкасов К.В. Становление и развитие института полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах / под ред. П.П. Сергуна. – Саратов: Саратовский юридический ин-т МВД России, 2006.

21. Черкасов К.В. Система органов государственной власти и управления на уровне федерального округа / под ред. П.П. Сергуна. – Саратов: Поволжский (г. Саратов) юридический институт (фил.), 2008.

22. Чеснокова М.Д. Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: опыт субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. – 2010. – № 8. – С. 89–95.

References

1. O monitoringe pravoprimereniya v Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF ot 20 maya 2011 g. № 657 (s posled. izm. i dop.) // Sobr. zakonodatel'stva RF. – 2011. – № 21. – St. 2930; 2014; № 30. – CH. 2. – St. 4286.

2. Ob utverzhenii metodiki osushchestvleniya monitoringa pravoprimereniya v Rossijskoj Federacii: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 19 avgusta 2011 g. № 694 // Sobr. zakonodatel'stva RF. – 2011. – № 35. – St. 5081.

3. Ob utverzhenii plana monitoringa pravoprimereniya v Rossijskoj Federacii na 2019 god: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29 avgusta 2018 g. № 1805-r // Sobr. zakonodatel'stva RF. – 2018. – № 36. – St. 5708.

4. Rekomendacii po voprosam organizacii deyatelnosti po monitoringu pravoprimereniya, sbora informacii i privlecheniya lic i organizacij k processu monitoringa pravoprimereniya: (utverzheny Ministerstvom yusticii RF). – Dostup iz sprav.

pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus»: Rossijskoe zakonodatel'stvo (versiya Prof).

5. Rekomendacii po ispol'zovaniyu pokazatelej monitoringa pravoprimeneniya v sfere gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus»: EHkspert-prilozhenie.

6. Ob organizacii monitoringa pravoprimeneniya v Ministerstve sel'skogo hozjajstva Rossijskoj Federacii: prikaz Minsel'hoza Rossii ot 20 iyulya 2016 g. № 316. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus»: Rossijskoe zakonodatel'stvo (versiya Prof).

7. Ob organizacii ispolneniya Ukaza Prezidenta Rossijskoj Federacii «O monitoringe pravoprimeneniya v Rossijskoj Federacii»: Prikaz Genprokuratury Rossii ot 23 iyunya 2011 g. № 180. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus»: EHkspert-prilozhenie.

8. Ob organizacii v Minehkonmrazvitiya Rossii raboty po monitoringu pravoprimeneniya v Rossijskoj Federacii: Prikaz Minehkonmrazvitiya Rossii ot 03 dekabrya 2015 g. № 905 // Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus»: EHkspert-prilozhenie.

9. O rabochej gruppe po monitoringu i analizu pravoprimenitel'noj praktiki v sfere predprinimatel'stva: Rasporyazhenie Prezidenta RF ot 16 fevralya 2016 g. № 27-rp // Sobr. zakonodatel'stva RF. – 2016. – № 8. – St. 1111.

10. O provedenii monitoringa pravoprimenitel'noj praktiki chasti 4 stat'i 19.30 KoAP RF: pis'mo Rosobrnadzora ot 30 maya 2018 g. № 05-167. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus»: EHkspert-prilozhenie.

11. Ob utverzhdenii Polozheniya o Centre monitoringa zakonodatel'stva i pravoprimenitel'noj praktiki (Centre monitoringa prava) pri Sovete Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii: Rasporyazhenie Predsedatelya SF FS RF ot 25 aprelya 2008 g. № 173rp-SF. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus»: EHkspert-prilozhenie.

12. Ob EHkspertnom sovete pri Ministerstve yusticii Rossijskoj Federacii po monitoringu pravoprimeneniya v Rossijskoj Federacii: Rasporyazhenie Minyusta Rossii ot 12 aprelya 2012 g. № 674-r. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus»: EHkspert-prilozhenie.

13. Plan realizacii v 2016 godu meropriyatij, predusmotrennyh Soglaseniem mezhdru TPP Rossii i Minyustom Rossii o vzaimodejstvii v sfere

osushchestvleniya monitoringa pravoprimeneniya: (utverzhden TPP RF 19 noyabrya 2015 g.). – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus»: EHkspert-prilozhenie.

14. O plane monitoringa pravoprimeneniya normativnyh pravovyh aktov Nizhegorodskoj oblasti, prinyatyh Zakonodatel'nym Sobraniem Nizhegorodskoj oblasti, na II polugodie 2018 goda: Postanovlenie Zakonodatel'nogo sobraniya Nizhegorodskoj oblasti ot 28 iyunya 2018 g. № 678-VI. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus»: Regional'noe zakonodatel'stvo.

15. O rezul'tatah monitoringa pravoprimeneniya Zakona Nizhegorodskoj oblasti «Ob othodah proizvodstva i potrebleniya»: Postanovlenie Zakonodatel'nogo sobraniya Nizhegorodskoj oblasti ot 26 iyulya 2018 g. № 693-VI. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus»: Regional'noe zakonodatel'stvo.

16. Doklad o rezul'tatah monitoringa pravoprimeneniya v Rossijskoj Federacii za 2016 god. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus»: Rossijskoe zakonodatel'stvo (versiya Prof).

17. Varkova S.A. Problemy organizacii monitoringa zakonodatel'stva i pravoprimeneniya // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. – 2011. – № 10. – S. 30–34.

18. Gusev A.YU. Znachenie monitoringa pravoprimeneniya dlya sovershenstvovaniya zakonodatel'stva o social'nom obespechenii // Rossijskij sud'ya. – 2016. – № 2. – S. 47–49.

19. Petrov D.A. Kontrol' v otnoshenii sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva: monitoring pravoprimeneniya // ZHurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava. – 2016. – № 3. – S. 51–54.

20. CHerkasov K.V. Stanovlenie i razvitie instituta polnomochnyh predstavitelej Prezidenta Rossijskoj Federacii v federal'nyh okrugah / pod red. P.P. Serguna. – Saratov: Saratovskij juridicheskij in-t MVD Rossii, 2006.

21. CHerkasov K.V. Sistema organov gosudarstvennoj vlasti i upravleniya na urovne federal'nogo okruga / pod red. P.P. Serguna. – Saratov: Povolzhskij (g. Saratov) juridicheskij institut (fil.), 2008.

22. CHesnokova M.D. Monitoring zakonodatel'stva i pravoprimenitel'noj praktiki: opyt sub"ektov Rossijskoj Federacii // ZHurnal rossijskogo prava. – 2010. – № 8. – S. 89–95.

О СОДЕРЖАНИИ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ СЛЕДСТВЕННОГО ОТДЕЛА ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Преступные посягательства коррупционного характера в сфере экономики продолжают оставаться одним из наиболее негативных факторов, сдерживающих социально-экономическое и общественно-политическое развитие государства и общества. Поэтому задача уголовно-правовой охраны индивида и общества от данных посягательств является одной из приоритетных в уголовно-правовой политике, которая достигается, в частности, путем всестороннего, полного и объективного расследования следственными органами указанных преступлений. При этом важнейшим условием обеспечения качественного расследования подобных преступных деяний выступает надлежащая организация такой деятельности. В свою очередь, выработка оптимальных подходов к упорядочиванию рассматриваемых организационно-управленческих отношений вызывает необходимость не только анализа правоприменительной практики, законодательства, но и выстраивания с учетом специфики предмета расследования теоретических конструкций, моделей организации расследования. В связи с этим в статье на примере деятельности межрайонного следственного отдела предлагается теоретическая модель организации работы такого следственного подразделения, содержание которой составляет комплексная система действий и мер, состоящая из трех подсистем: внешнефункциональной, внутрифункциональной и вспомогательной (обеспечивающей).

Ключевые слова: следственный отдел, расследование преступлений, коррупция, коррупционное преступление в сфере экономики, организация работы следственного отдела, организация видов деятельности, организационно-правовые основы организации расследования преступлений.

Проблема противодействия коррупции в последнее время приобрела наибольшую актуальность, о чем свидетельствуют ежегодные послания Президента Российской Федерации, законодательные новеллы Государственной думы, Федерального собрания, дополнительные меры Правительства Российской Федерации, а также выверенный стратегический курс, направленный на подавление угроз государственной и общественной безопасности. В Указе Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» среди главных угроз определены преступные посягательства, направленные против общественной и экономической безопасности, и, в частности, коррупция.

В свою очередь, одной из форм обеспечения экономической безопасности выступает осуществляемое органами предварительного расследования в рамках предоставленной им компетенции уголовное судопроизводство по делам коррупционных преступлений в сфере экономики.

Учитывая, что подавляющее большинство преступлений данной категории расследуется в форме предварительного следствия, особое место в реализации уголовной политики в рассматриваемой сфере занимает деятельность следственных органов, в частности, межрайонных следственных отделов как основного звена системы следственных органов, где представляющими их уполномоченными лицами по результатам проверки поступивших сообщений о преступлениях коррупционной направленности в сфере экономики дается им оценка на предмет наличия в них оснований для возбуждения уголовного дела, проводится расследование уголовных дел.

При этом эффективность производства предварительного следствия обусловлена не только неукоснительным соблюдением правовых норм при осуществлении проверки сообщений и расследования уголовных дел, но и надлежащей организацией деятельности следственных подразделений.

Несмотря на то, что по организационно-управленческой тематике проводились диссертационные исследования [2, с. 10], издавались монографии, методические пособия и прочие работы, представляющие научный и практический интерес [1, с. 28], вопросы организации расследования вызывают необходимость дополнительного изучения закономерностей, присущих упорядоченной деятельности (организации) расследования преступлений, в том числе коррупционной направленности в сфере экономики, перспективах её развития.

В связи с этим представляется уместным для понимания правового и теоретического аспектов организации работы следственного отдела и, в частности, следователей по расследованию преступлений коррупционной направленности в сфере экономики обратиться к специфике предмета расследования указанных преступлений, а также к таким понятиям, как «организация», «организация работы» и др.

При этом, не вдаваясь в многочисленные дискуссии по поводу терминологии и содержания рассматриваемых преступных деяний, с целью выделения их специфики отметим лишь главные черты, присущие коррупционному (коррупционной направленности) преступлению в сфере экономики, а также организационно-правовые основы организации расследования таких преступлений.

В первую очередь преступления данной категории должны быть:

– совершены определенными субъектами уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, а также лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, выполняющим функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях;

– связаны со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;

– у субъекта присутствует корыстный мотив (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц);

– преступление совершено с прямым умыслом;

– действия ориентированы на причинение вреда отношениям, складывающимся в процессе производства, обмена, распределения и потребления материально-опосредованного продукта или под видом таких отношений, либо обусловленных ими.

Под основами правового регулирования данной деятельности принято понимать разновидность и (или) совокупность нормативных правовых актов, в первую очередь Конституцию РФ, федеральные законы, другие нормативные акты, регламентирующие ключевые, базовые положения в рассматриваемой сфере отношений, в том числе функции, направления и принципы деятельности следственных органов, их организационную структуру, а также организацию государственной службы в правоохранительных органах, осуществляющих функцию уголовного преследования в форме предварительного следствия.

При этом понятие «организация» рассматривается, с одной стороны, как определенное образование, имеющее соответствующую организационную структуру, состав должностей, штатную численность и созданное для осуществления какой-либо деятельности. Данная точка зрения находит свое отражение и в ряде других исследований [3, с. 5].

Исходя из этого, органы предварительного следствия, в том числе, к примеру, межрайонный следственный отдел, осуществляющие в пределах своих полномочий функцию расследования преступлений, являются социальными образованиями (объектами), созданными государством и действующими от его имени для реализации конкретных задач в сфере уголовного судопроизводства.

Очевидно, что нормальное функционирование таких органов предполагает создание надлежащих

условий для деятельности данной организации: наличие соответствующей законодательной базы, укомплектованность профессиональными квалифицированными кадрами, своевременное и полное финансирование, размещение в подходящих зданиях, их ремонт, оснащение мебелью, компьютерной и другой оргтехникой, канцелярскими принадлежностями и иными условиями соответствующего обеспечения их деятельности.

В связи с этим, с другой стороны, организацию работы (деятельности) следственного отдела уместно рассмотреть как комплекс действий и мероприятий по созданию оптимальных условий для осуществления следственным отделом предварительного следствия, а также иных направлений деятельности. В этом смысле понятие «организация» схоже с такими понятиями, как «организационное обеспечение», «обеспечительная деятельность».

При этом соответствующим должностным лицам этой структуры определяются цели, задачи, полномочия, то есть они наделяются соответствующей компетенцией. После этого формируются, поддерживаются и развиваются необходимые организационно-правовые и материально-технические, финансовые, социальные условия функционирования этой системы и входящих в нее структур.

Таким образом, сущность организации работы (деятельности) состоит в обеспечении такого состояния системы, когда каждый субъект совместной деятельности находится на своем месте и наиболее эффективно выполняет свои обязанности [3, с. 8].

Разделяя предложенный А.В. Шмониным утверждение, что организация работы по расследованию преступлений может быть представлена в виде совокупности устойчивых взаимосвязанных элементов (с точки зрения элементного подхода) и в виде разработки и реализации комплекса мер, обеспечивающих процесс расследования преступлений на каждом этапе как единое целое (с точки зрения деятельного подхода) [8, с. 281–282], видится возможным сформулировать определенную модель организации функциональной деятельности следственного отдела.

Содержание этой теоретической модели можно представить в виде трех реально существующих подсистем организации деятельности межрайонного следственного отдела. При этом подсистемы (элементы) охватывают всю осуществляемую отделом деятельность и образуют в целом систему действий и мер.

Внешнефункциональная, или внесистемная, деятельность выражается в реализации следственным отделом имеющихся полномочий для достижения целей, ради которых они созданы. При этом такие цели, задачи закреплены в соответствующих законах (ст. 1 ФЗ «О следственном комитете Российской Федерации», ст. 10 ФЗ «О федеральной службе безопасности» и др.), а также в подзаконных актах,

определяющих функциональную деятельность конкретных следственных органов, уполномоченных проводить расследование в соответствии со ст. 151 УПК РФ (к примеру, Указ Президента РФ от 14.01.2011 № 38 (ред. от 31.12.2015) «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» (вместе с «Положением о Следственном комитете Российской Федерации»), приказ МВД России от 09.01.2018 № 1 «Об органах предварительного следствия в системе МВД России» (ред. от 09.07.2018) и иных актах).

Организация работы (деятельности) в данной подсистеме включает в себя обеспечение приема, регистрации, проверки сообщений о преступлениях, возбуждение уголовных дел, производство предварительного расследования, рассмотрение обращений, жалоб, участие в координационной деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, других функций и иных направлений (видов) деятельности.

Организация деятельности в данной подсистеме заключается в принятии конкретных мер, создающих условия для реализации должностными лицами своих процессуальных и служебных полномочий в целях достижения целей уголовного судопроизводства, соблюдения в своей деятельности принципов, отраженных в Конституции Российской Федерации, уголовно-процессуальном законодательстве и других нормативных правовых актах.

Следует отметить, что субъектами такой деятельности могут выступать именно те должностные лица следственного отдела, которым предоставлены полномочия в пределах своей компетенции осуществлять предварительное расследование, отдельные следственные и иные процессуальные действия.

Деятельность по расследованию преступлений коррупционной направленности в сфере экономики в следственном отделе строится на принципах межведомственного взаимодействия, активного информационного обмена, применения современных технологий и средств в процессе оперативной и следственной деятельности. В этой связи в анализируемой сфере отношений можно выделить особую значимость взаимодействия следователей с оперативными работниками, компетентными лицами контролирующих органов, сотрудниками межправительственных органов и объединений, в особенности в сфере борьбы с коррупцией, соответствующими подразделениями и службами собственной безопасности всех без исключения органов государственной власти и местного самоуправления РФ, общественными объединениями, инициативными группами граждан, средствами массовой информации.

В связи с этим руководителю следственного отдела следует инициировать проведение межведомственных совещаний, рабочих встреч с предста-

вителями контролирующих органов, оперативных подразделений, экспертно-криминалистических подразделений, прокурорскими работниками, а также вышестоящими субъектами управления; как собственными правами, так и правами вышестоящего субъекта управления необходимо инициировать создание постоянно действующих аналитических групп, следственно-оперативных групп как для раскрытия преступлений определенной категории, так и на период расследования конкретных уголовных дел, включающих в себя наиболее опытных оперативных сотрудников, специалистов контролирующих органов, экспертно-криминалистических подразделений и других специалистов.

Вместе с тем деятельность внешнефункциональной подсистемы, выражающая сущность осуществляемого следственным отделом уголовного судопроизводства, не может эффективно существовать без сопровождающей деятельности по созданию организационных условий внутри такого отдела, образующей вторую подсистему – внутрифункциональную (внутрисистемную).

Организатором данной подсистемы является руководитель следственного органа, который вправе как поручить часть своих полномочий другим работникам отдела, к примеру заместителю руководителя следственного отдела, своему помощнику (инспектору), так и дать конкретные задания работникам отдела, не являющимся должностными лицами, в том числе сотрудникам канцелярии. Таким образом, внутрифункциональную подсистему образуют действия как должностных лиц, в компетенцию которых входит осуществление досудебного производства, так и действия других работников следственного отдела.

В этой подсистеме эффективная работа по расследованию коррупционных преступлений в сфере экономики, отличающихся особой сложностью, не может быть построена без соответствующей специализации следователей; их особой мотивации, которая может выражаться в получении повышенных надбавок, льготной выслуги и пр.; особого контроля, руководства ходом расследования уголовных дел и проверки сообщений о преступлениях анализируемой категории; непосредственного изучения уголовных дел и материалов проверок, согласования планов проведения проверок по сообщениям и расследованием уголовных дел, составленных следователями, которые должны базироваться на синтезе передовых научных знаний в сфере коррупционной и экономической криминалистики; дачи следователям непосредственных указаний; создания следственных групп как на первоначальном этапе расследования (для фиксации следов преступления), так в ходе расследования объёмных уголовных дел; изучения следственной и судебной практики; прогнозирования перспективы расследования, её обсуждения с вышестоящими

субъектами управления, прокурорскими работниками, соответствующими специалистами экспертных, контролирующих подразделений и других органов и организаций.

Следующая подсистема призвана обеспечить слаженную организацию функционирования следственного отдела путем предоставления всех необходимых ресурсов, что обуславливает её название – вспомогательная (обеспечивающая) подсистема. В неё входят: кадровое, криминалистическое, методическое обеспечение; делопроизводство; организация и ведение учета, отчетности; материально-техническое и финансовое обеспечение; организация работы архива, камеры хранения вещественных доказательств; организация работы пропускного режима; организация противопожарной безопасности, мобилизационной подготовки и другие элементы.

Организация данной подсистемы в следственном отделе проявляется в выявлении и определении потребности в материальных и нематериальных ресурсах, обеспечении следственного отдела такими ресурсами.

Вспомогательную (обеспечительную) подсистему образуют действия как руководителя следственного отдела, работников следственного отдела (делопроизводителей, архивариусов и т. д.), так и действия со стороны следственного управления города, субъекта в лице работников материально-технического, кадрового, финансового и других подразделений соответствующего уровня.

Особая значимость в этой сфере уделяется созданию и ведению специфических учетов расследования уголовных дел анализируемой категории, повышению профессиональной подготовки следователей по данной тематике, повышению квалификации; созданию собственных экспертно-криминалистических подразделений, применению современной криминалистической техники; внедрению положительного опыта, внесению предложений в вышестоящий субъект управления по вопросам совершенствования методического и иных действий и мер обеспечительного характера.

Изложенное позволяет подтвердить тезис, сформулированный А.С. Петровым еще в 60-е гг. прошлого столетия: «Организацию можно характеризовать как процесс образования структуры системы и ее качественного совершенствования. Объектом организации является структура определенной системы» [5, с. 30–31].

Таким образом, под организацией работы (деятельности) следственного отдела по расследованию преступлений коррупционной направленности в сфере экономики следует понимать функционирование трех подсистем (внешнефункциональной, внутрифункциональной, вспомогательной (обеспечивающей)), которые создают условия для реализации руководителем следственного отдела,

следователем предоставленных полномочий на различных направлениях процессуальной и служебной деятельности, направленных на достижение целей уголовного судопроизводства при расследовании преступлений, имеющих признаки коррупционной направленности и посягающих на экономические отношения, осуществляемых в соответствии с требованиями законодательства РФ, решениями вышестоящих субъектов управления и рекомендациями по научной организации труда.

Библиографический список

1. *Абрамов А.В.* и др. Организация расследования преступлений органами внутренних дел: учебник / под ред. Б.Я. Гаврилова. – М.: Академия управления МВД России, 2013. – 520 с.

2. *Ефремова Е.Л.* Организация расследования преступлений экономической направленности: монография / под ред. А.В. Шмонина. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 189 с.

3. *Кобзарев Ф.М.* К вопросу о понятийных основах теории организации работы и управления в органах прокуратуры // Вестник академии генеральной прокуратуры. – 2016. – № 6 (56).

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.10.2018).

5. *Петров А.С.* Что такое организация управления: монография. – 1967. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 12.11.2018) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 5.12.2018).

7. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 5.12.2018).

8. *Шмонин А.В.* Методология криминалистической методики: учебник. – М.: Юрлитинформ, 2010.

References

1. Abramov A. V. i dr. Organizaciya rassledovaniya prestuplenij organami vnutrennih del: uchebnik / pod red. B.YA. Gavrilova. – M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2013. – 520 s.

2. Efremova E.L. Organizaciya rassledovaniya prestuplenij ehkonomicheskoy napravlenosti: monografiya / pod red. A.V. SHmonina. – M.: YUrlitinform, 2014. – 189 s.

3. Kobzarev F.M. K voprosu o ponyatijnyh osnovah teorii organizacii raboty i upravleniya v organah prokuratury // Vestnik akademii general'noj prokuratury. – 2016. – № 6 (56).

4. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetoм popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) [EHlektronnyj resurs] // Konsul'tantPlyus: sprav. pravovaya sistema. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashcheniya: 20.10.2018).

5. Petrov A.S. CHto takoe organizaciya upravleniya: monografiya. – 1967. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

6. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 12.11.2018) [EHlektronnyj resurs] // Konsul'tantPlyus: sprav. pravovaya sistema. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (data obrashcheniya: 5.12.2018).

7. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 12.11.2018) [EHlektronnyj resurs] // Konsul'tantPlyus: sprav. pravovaya sistema. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (data obrashcheniya: 5.12.2018).

8. SHmonin A.V. Metodologiya kriminalisticheskoy metodiki: uchebnik. – M.: YUrlitinform, 2010.

ДИНАМИКА И АНАЛИЗ ПРИЧИН АБСЕНТЕИЗМА В РОССИИ С НАЧАЛА 1990-Х ГОДОВ

Автор анализирует проблему абсентеизма и выделяет факторы, предопределяющие уровень абсентеизма, его зависимость от вида и уровня выборов. Отмечается рост явки на выборах в России в 1990-е годы, обусловленный переходным, неустойчивым положением страны, широким спектром политических партий, тяжелым экономическим положением населения. С начала 2000-х годов автором анализируются причины повышения уровня абсентеизма, которые связаны как с улучшением благосостояния населения, так и с укреплением вертикали власти, кратным уменьшением числа политических партий, изменениями избирательного законодательства, приведшими к тому, что в 2011 году оказалось 7 зарегистрированных политических партий. С 2011 года в России наблюдается период «избирательных контрреформ», направленный на повышение легитимности, доверия к власти, увеличение ее представительности. Автором проводятся параллели электоральных процессов и уровня абсентеизма в России и зарубежных странах.

Ключевые слова: абсентеизм, электоральная активность граждан, причины абсентеизма, динамика абсентеизма, явка на выборах, причины низкой явки, политическая система России.

В настоящее время абсентеизм является актуальной социальной и политической проблемой для многих государств, граждане которых сознательно отказываются от своего права избирать и быть избранными, от участия в управлении делами государства.

В то же время уровень абсентеизма в государствах, а также внутри государств – в различных административно-территориальных образованиях (субъектах федеративного государства) – значительно отличается. Представляется, что такое различие можно объяснить следующими факторами: историческими предпосылками, длительностью существования выборных институтов, традициями, национальными особенностями, экономическим положением граждан, внешнеполитической и внутривнутриполитической конъюнктурой во время избирательных кампаний. Традиционно явка граждан отличается и на выборах различных институтов и уровней власти – местной власти, законодательных и исполнительных органов субъектов федеративного государства, федерального парламента и главы государства.

В России, в силу отсутствия демократических традиций, молодого возраста выборных институтов власти и особенностей национального менталитета, исторически предопределяющего наибольшую поддержку институтов исполнительной власти, уровень абсентеизма выше по сравнению с европейскими государствами.

Анализируя электоральные процессы в России с 1993 года по настоящее время, можно прийти к выводу о нарастающей тенденции снижения явки на выборах, что связано с завершением формирования определенной модели российского государства и общества. После распада Советского Союза и формирования нового, молодого российского государства у жителей нашей страны появился интерес к институту со старым названием и совершенно новым содержанием – «выборам». Было

создано большое количество политических партий, предлагающих совершенно различные пути развития России, формировалась рыночная экономика, люди были готовы активно участвовать в политической жизни, ощущали конкурентность выборов, зависимость результатов выборов, а следовательно курса развития страны, от отданного голоса.

Явка на выборах Президента РСФСР в 1991 году составила 76,66 %, в 1996 году – 69,8 % в первом туре и 69,4 % во втором [4]. Что касается парламентских выборов, то на выборах в Государственную думу в 1993 году явка составила 54,81 %, в 1995 году – 64,76 %, в 1999 году – 61,85 %.

Стоит обратить внимание и на количество партий – как зарегистрированных в 1990-е годы, так и получивших право на участие в парламентских выборах. В 1990-е годы для регистрации федеральной партии достаточно было иметь 5 тысяч членов. Вместе с тем, помимо партий, в выборах могли принимать участие и другие общественные объединения, в силу чего правом на участие в выборах депутатов Государственной думы 1995 г. обладали 269 общественных объединений [3]. На выборах в Государственную думу в 1993 году участвовали 13 политических партий и избирательных блоков [7], в 1995 году – выбор граждан России осуществлялся уже среди 43 субъектов [9], в 1999 году число субъектов, вошедших в избирательный бюллетень на выборах в федеральный парламент, составило 26. Таким образом, несмотря на то, что большинство политических партий и избирательных блоков так и не сумели пройти «заградительный барьер» для получения депутатских мандатов, в России в 1990-е годы процветал политический плюрализм, позволяющий каждому избирателю поддержать представляющие его интересы политические силы.

Помимо многопартийности на явку избирателей оказал влияние и экономический фактор, желание людей, чтобы новая власть улучшила

экономическое положение обедневшего после распада СССР населения России. В 1990 году показатель ВВП на душу населения в России составлял 3 485 долларов США, в 1992 году он был равен 3 095 долларов, в 1994 – 2 663 долларов, в 1996 – 2 643 доллара, в 1998 – 1 634 доллара, в 2000 году – 1 771 доллар [6]. Таким образом, население страны становилось беднее с каждым годом и ждало от государства принятий необходимых решений, которые бы вывели страну из кризиса. Нужна была сильная власть, которую народ был готов поддерживать на выборах.

Отметим, что помимо внутривнутриполитических событий на ухудшение экономического благосостояния российского народа большое влияние оказали и цена на нефть, главный экспортный товар, приносящий большой долларовый доход, который играл большую роль в формировании доходов федерального бюджета. Нефть марки Brent, которая на протяжении 1990-х годов продавалась в среднем по 18 долларов за баррель, достигла своего наименьшего значения в декабре 1998 года и составила 9,1 доллара [2].

Внутриполитическая, экономическая ситуация в России изменилась в начале 2000-х годов, что отразилось и на электоральном процессе.

В 2000 году явка на выборах Президента России, в которых одержал победу В.В. Путин, составила 68,7 %. В 2004 году явка на президентских выборах составила 64,38 %, в 2008 – 69,81 % [4], в 2012 г. – 65,34 % в 2018 – 67,54 % [8].

Явка на выборах в Государственную думу в 2003 году составила 55,67 %, в 2007 году – 63,71 % [3], в 2011 – 60,21 %, в 2016 – 47,88 % [8].

Проанализируем также показатели ВВП и цену на нефть с начала 2000-х годов. В 2001 году ВВП России на душу населения составил 2 100 долларов США, к 2005 году показатель ВВП увеличился более чем в 2 раза и составил – 5 323 доллара США, а в 2008 году он достиг 11 635 долларов США. После мирового экономического кризиса в 2009 году показатель ВВП на душу населения упал до 8 562 доллара США, к 2013 году он увеличился до своего максимального значения – 16 тысяч долларов США. В 2014 году данный показатель вновь начал падать в связи с введением санкций в отношении России со стороны Европейского союза и США и составил 14 125 долларов, в 2017 году он составил 10 743 доллара США, что меньше показателя 2008 года [6].

Отметим, что если баррель нефти марки Brent в 2001–2002 годах стоил в районе 30 долларов за баррель, то к июлю 2008 года он достиг исторического максимума и составил 143,95 доллара. Таким образом, по сравнению с 1990-ми годами нефть выросла в цене в 8 раз, а следовательно, на такую сумму выросли и доходы бюджета в рублевом эквиваленте. Высокая цена на нефть и большая дол-

ларовая выручка оказали влияние и на курс рубля по отношению к долларом, а следовательно, и на приток большого количества западных качественных и недорогих товаров на российский рынок.

Таким образом, мы можем проследить, что с появлением «сильной» власти в лице Президента РФ В.В. Путина и улучшением экономической ситуации, благодаря кратному росту цен на экспортируемую Россией нефть произошло существенное улучшение экономического благосостояния населения страны, поэтому стал падать интерес к выборам. Явка была выше только при появлении дополнительного интереса к выборам, что произошло в 2008 году, когда действующий Президент страны уже не мог избираться на новый срок, и в 2018 году благодаря проводимой активной внешней политике (воссоединение России с Крымом, помощь Сирии в борьбе с мировым терроризмом, противостояние России западным санкциям).

Высокая явка, а следовательно, и поддержка на выборах оказывалась только Президенту страны. Явка на парламентских выборах демонстрирует отрицательный тренд, что обусловлено снижением роли российского парламента как во внутриполитической, так и внешнеполитической жизни, а также принятием парламентариями законов, ограничивающих политическое многообразие, появившееся в 1990-е годы.

В 2001 году был принят федеральный закон «О политических партиях». Все партии должны были перерегистрироваться. Только партии получили право самостоятельно выдвигать кандидатов в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти, которое ранее было предоставлено общественным объединениям. Были ликвидированы региональные и межрегиональные политические общественные объединения. Минимальная численность партии была увеличена с 5 до 10 тысяч членов.

В декабре 2004 года внесены поправки, предусматривающие минимальную численность членов партии в 50 тысяч и наличие более чем 45 региональных отделений (по 500 человек в каждом). К 1 января 2006 года всем партиям следовало предоставить документы, доказывающие соответствие их партийных структур требованиям закона о минимальном размере численности и количестве региональных отделений. На выборах в Государственную Думу IV и V созыва заградительный барьер был увеличен до 7%, кроме того, выборы стали проводиться исключительно по пропорциональной системе.

Изменения были связаны не только с сокращением числа партий. Была исключена строка «против всех», ликвидирован минимальный порог явки, запрещены избирательный блоки, произошел отказ от института избирательного залога. Упрочнялась и вертикаль исполнительной власти – были созданы

федеральный округа, в которые назначался представитель Президента России по федеральному округу, в 2003 году произошел отказ от выборности высших должностных лиц субъектов РФ, они стали назначаться Президентом, вслед за этим и муниципальные образования получили право отказаться от избрания главы муниципального образования.

Думается, что вышеназванные изменения не могли не отразиться на политической системе общества и на явке избирателей. Численность политических партий кратно уменьшалась с каждым годом. Если в 2003 году на выборах в Государственную думу участвовало 23 политических субъекта, то в 2007 году их стало 11, в 2011 – 7. И если в 1990-е годы в федеральных выборах могли участвовать 269 общественных объединений, то в 2011 году официально было зарегистрировано всего 7 политических партий.

С 2011 года государство обратило внимание на значительное снижение явки на выборах, представительства и легитимности власти, в связи с чем был проведен ряд «избирательных контрреформ». Количество членов политической партии, необходимое для ее регистрации, было снижено до 500 человек; возвращена смешанная избирательная система на выборах Государственной думы России; установлен 5%-ный «заградительный барьер»; возвращены прямые выборы высшего должностного лица субъекта РФ, правда, с введением муниципального фильтра, что значительно отличает их от аналогичных выборов до 2004 года. Было введено большое количество гарантий избирательных прав, повышающих доверие граждан к выборам – это система «мобильный избиратель», позволяющая голосовать по месту нахождения гражданина; видеонаблюдение на избирательных участках, транслируемое в интернет; общественное наблюдение от Общественной палаты РФ и Общественных палат субъектов РФ, и «жесткая» реакция Центральной избирательной комиссии на любые нарушения в рамках избирательного процесса.

Благодаря данным изменениям численность политических партий была увеличена с 7 до 63 [10]. К сожалению, на данный момент не возвращены институты избирательных блоков и избирательного залога, строка «против всех» в избирательном бюллетене.

Таким образом, небольшие политические партии не могут объединиться, чтобы пройти «заградительный барьер», а кандидаты-самовыдвиженцы обязаны собирать подписи, часть из которых может оказаться недействительными и по объективным причинам, в том числе невнимательности избирателей, что не позволит избирательной комиссии зарегистрировать кандидата. Что касается «муниципального фильтра», то без согласия определенной доли муниципальных депутатов (5–10 %) лицо

не может быть зарегистрировано кандидатом на должность высшего должностного лица субъекта РФ. А так как у всех партий, кроме правящей, нет необходимого количества «местных» депутатов, то они еще долгое время не смогут самостоятельно выдвигать кандидатов, не «согласовывая» это с другой партией.

В каждой стране можно выделить две части электората – голосующую и не принимающую участие в голосовании на выборах органов власти. Политические партии ориентируются на избирателей, систематически посещающих избирательный участок. С пассивной частью электората работа практически не ведется. Уровень абсентеизма увеличивается не только по причине усталости людей от выборов, отсутствия альтернативы действующей власти, но и в силу естественной смены поколений. Старшее поколение, на правосознание которого воздействие оказал Советский Союз, относится к выборам как к гражданскому долгу, в отличие от молодежи, которая является аполитичной и безучастной, не видит практического смысла в голосовании на выборах. Как следствие, доля пассивного электората с каждым годом растет, следовательно, растет и уровень абсентеизма.

Если обратиться к опыту зарубежных стран, то можно отметить как тенденцию повышения уровня абсентеизма, так и резкий рост явки при появлении серьезных проблем в обществе, как социального, так и экономического характера, появлении внешней угрозы, участии государств в противостоянии с другими государствами и иных экстраординарных событиях. В такие моменты неголосующая часть электората приходит на избирательный участок и фактически изменяет прогнозируемые результаты выборов, «палитру» власти. В данный момент мы наблюдаем увеличение поддержки правых сил в странах Европейского союза. Именно за данные партии проголосовали политически неактивные граждане, включившиеся в политическую жизнь «только на этапе предвыборной кампании или вовсе голосующие не из-за устойчивых политических убеждений, а в знак несогласия с политикой действующих властей» [1, с. 127]. По словам И.В. Григорьева, именно не соответствующая ожиданию людей миграционная и социальная политика поспособствовала поддержке правых сил на выборах в Чехии, Австрии, Италии и Германии [1, с. 124–125].

Отмечая увеличение активности ранее политически пассивной части европейского электората, можно прийти к следующему выводу: люди не участвовали в выборах не в силу пассивного протеста, а в силу согласия с политикой действующей власти, отсутствия психологической необходимости участия в выборах вследствие переизбрания одоваемой власти на новый срок без их участия. При появлении миграционных проблем, способных

привести к потере национальной идентичности, перераспределению экономических благ в пользу мигрантов, террористическим угрозам и нарушениям общественного порядка и общественной безопасности в совокупности с бездействием власти, пассивное согласие превратилось в активное несогласие с политикой правящей партии/коалиции, что и привело к поддержке на выборах правых сил, предлагающих радикальные, но действенные методы нависших над обществом угроз.

К.И. Куренкова, анализируя взаимосвязь миграционной политики европейских государств и электоральную активность населения, пишет о том, что как только миграционные проблемы вышли в публичную плоскость, в политической сфере начался партийный раскол, так как часть партий выступает за радикальную миграционную политику, другие партии считают необходимым ограничиться умеренными шагами, третьи выступают за гуманистический путь решения проблемы [5, с. 65–69].

Подводя итоги, можно прийти к выводу, что абсентеизм в наше время характерен для большинства развитых государств, в которых пассивный электорат делится на тех, кто не голосует по причине несогласия с существующей политической системой, политикой, проводимой в жизнь правящими партиями, и тех, кто не голосует в силу согласия с существующим положением дел, не видя смысла в голосовании и считая, что действующая власть будет поддержана и без их голосов. Представляется, что именно возникновение важных, существенных социальных, экономических, политических проблем и приводит на избирательные участки пассивный электорат, в том числе и молодежь. Это происходит благодаря тому, что политика переходит в публичную сферу, политические вопросы становятся первыми на повестке дня всего общества, а на политической арене появляются субъекты с кардинально разными путями решения данных проблем, что повышает значимость в глазах гражданина участия в выборах, делает каждого избирателя участником выбора вектора развития общества.

Библиографический список

1. Григорьев И.В. Современные электоральные процессы в Европе и России: социально-политический анализ // Духовная сфера общества. – 2018. – № 15. – С. 124–128.
2. Динамика цен на нефть с 1990 года [Электронный ресурс] // ТАСС. Инфо: сайт. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/4903091> (дата обращения: 21.01.2019).
3. История выборов в Государственную Думу современной России [Электронный ресурс] // ТАСС. Инфо: сайт. – Режим доступа: <https://tass.ru/spravochnaya-informaciya/508433> (дата обращения: 21.01.2019).

4. История выборов президента России. Досье [Электронный ресурс] // ТАСС. Инфо: сайт. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/4820163> (дата обращения: 21.01.2019).

5. Куренкова К.И. Миграционная политика европейских государств и электоральная активность населения: процессы и проблемы взаимодействия // Русская политология. – 2017. – № 1 (2). – С. 63–69.

6. Показатели мирового развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.google.com/publicdata/explore?ds=d5bncppjof8f9_&met_y=ny_gdp_pcap_cd&hl=ru&dl=ru#!ctype=c&strail=false&bcs=d&nselm=s&met_y=ny_gdp_pcap_cd&scale_y=lin&ind_y=false&met_c=ny_gdp_pcap_cd&scale_c=lin&ind_c=false&idim=country:BIH:RUS&ifdim=country:region:ECS&pit=947869200000&hl=ru&dl=ru&ind=false (дата обращения: 23.01.2019).

7. Результаты выборов депутатов Государственной Думы по общефедеральному округу 12 декабря 1993 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1993/1993_itogi_FS_obshefed_okrug.php (дата обращения: 24.01.2019).

8. Сведения о проводящихся выборах и референдумах [Электронный ресурс] // Центральная избирательная комиссия РФ: сайт: Выборы, референдумы и иные формы прямого волеизъявления. – Режим доступа: <http://www.vybory.izbirkom.ru/> (дата обращения: 24.01.2019).

9. Сводная таблица Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации второго созыва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1995/files/1995-Svodnaya_CIK.xls (дата обращения: 24.01.2019).

10. Список зарегистрированных политических партий [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Российской Федерации. – Режим доступа: <https://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения: 25.01.2019).

References

1. Grigor'ev I.V. Sovremennye ehlektoral'nye processy v Evrope i Rossii: social'no-politicheskij analiz // Duhovnaya sfera obshchestva. – 2018. – № 15. – S. 124–128.
2. Dinamika cen na nef't s 1990 goda [EHlektronnyj resurs] // TASS. Info: sajt. – Rezhim dostupa: <https://tass.ru/info/4903091> (data obrashcheniya: 21.01.2019).
3. Istoriya vyborov v Gosudarstvennyuyu Dumu sovremennoj Rossii [EHlektronnyj resurs] // TASS. Info: sajt. – Rezhim dostupa: <https://tass.ru/spravochnaya-informaciya/508433> (data obrashcheniya: 21.01.2019).

4. Istoriya vyborov prezidenta Rossii. Dos'e [EHlektronnyj resurs] // TASS. Info: sajt. – Rezhim dostupa: <https://tass.ru/info/4820163> (data obrashcheniya: 21.01.2019).

5. Kurenkova K.I. Migracionnaya politika evropejskih gosudarstv i ehlektoral'naya aktivnost' naseleniya: processy i problemy vzaimodejstviya // Russkaya politologiya. – 2017. – № 1 (2). – S. 63–69.

6. Pokazateli mirovogo razvitiya [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.google.com/publicdata/explore?ds=d5bncppjof8f9_&met_y=ny_gdp_pcap_cd&hl=ru&dl=ru#!ctype=c&strail=false&bcs=d&nselm=s&met_y=ny_gdp_pcap_cd&scale_y=lin&ind_y=false&met_c=ny_gdp_pcap_cd&scale_c=lin&ind_c=false&idim=country:BIH:RUS&ifdim=country:region:ECS&pit=947869200000&hl=ru&dl=ru&ind=false (data obrashcheniya: 23.01.2019).

7. Rezul'taty vyborov deputatov Gosudarstvennoj Dumy po obshchefederal'nomu okrugu 12 dekabrya 1993 goda [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/

[gosduma/1993/1993_itogi_FS_obshefed_okrug.php](http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1993/1993_itogi_FS_obshefed_okrug.php) (data obrashcheniya: 24.01.2019).

8. Svedeniya o provodyashchihsya vyborah i referendumah [EHlektronnyj resurs] // Central'naya izbiratel'naya komissiya RF: sajt: Vybory, referendumy i inye formy pryamogo voleiz'yavleniya. – Rezhim dostupa: <http://www.vybory.izbirkom.ru/> (data obrashcheniya: 24.01.2019).

9. Svodnaya tablica Central'noj izbiratel'noj komissii Rossijskoj Federacii o rezul'tatah vyborov deputatov Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo sobraniya Rossijskoj Federacii vtorogo sozyva [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1995/files/1995-Svodnaya_CIK.xls (data obrashcheniya: 24.01.2019).

10. Spisok zaregistrirrovannyh politicheskij partij [EHlektronnyj resurs] // Ministerstvo yusticii Rossijskoj Federacii. – Rezhim dostupa: <https://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (data obrashcheniya: 25.01.2019).

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ОКАЗАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

В статье рассматриваются проблемные аспекты привлечения медицинских работников к уголовной ответственности за ненадлежащее оказание медицинской помощи. Автором указывается, что медицинская помощь должна отвечать требованиям доступности и качества, которые не нашли четкого закрепления в законодательстве. В статье перечислены доктринальные позиции о понятии качества медицинских услуг, объективные и субъективные причины, влияющие на процесс оказания помощи. Отмечается, что оценочный характер категории «ненадлежащее, некачественное оказание медицинской помощи» может привести к неоднозначной квалификации деяния врача и к проблемам при отграничении его от правомерного поведения и врачебной ошибки. В статье приводятся перечень элементов, которым должна соответствовать деятельность медицинского работника, чтобы привлечь его к уголовной ответственности, и конкретные примеры судебной практики.

Ключевые слова: состав преступления, уголовная ответственность, качество медицинской помощи, ненадлежащее оказание медицинской помощи, врачебная ошибка, халатность, несчастный случай.

Вслед за международными нормативно-правовыми актами, в связи со становлением и развитием в России институтов социального, правового государства, в Конституции РФ был расширен перечень прав, принадлежащих каждому человеку и гражданину. Так, в статье 41 Основного закона было закреплено право на охрану здоровья и медицинскую помощь, реализация которого обеспечивается с помощью мер различного характера, направленных на поддержку и укрепление здоровья в целях активной долголетней жизни, а также на предоставление гражданину медицинской помощи в случае утраты здоровья. В соответствии с ФЗ от 21.11.2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» критериями оказываемой медицинской помощи является качество и доступность, иное может оказать негативное влияние на жизнь и здоровье человека.

Следственный комитет России отмечает ежегодное увеличение обращений граждан, неудовлетворенных оказанной им медицинской помощью. Так, в 2016 году в следственные органы Следственного комитета России поступило 4 947 сообщений о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинских услуг и врачебными ошибками, в 2017 года – 6050, или на 22,3 % больше. По результатам проведенных проверочных действий при рассмотрении указанных сообщений в 2016 году следственными органами было возбуждено 878 уголовных дел, а в 2017 году – 1 791 [7].

В целях защиты прав пациентов от возможных некавалифицированных действий медицинских работников межведомственная рабочая группа по вопросам расследования преступлений, связанных с врачебными ошибками, предлагает введение новых составов преступлений в Уголовный кодекс РФ: ненадлежащее оказание медицинской помощи (ст. 124.1) и сокрытие нарушения оказания медицинской помощи (ст. 124.2).

Между тем участниками рабочей группы не определено, по каким конкретно признакам следователь будет осуществлять оценку качества оказанной медицинской помощи, а отсюда, и квалификацию деяния работников здравоохранения. Следует отметить, что данный вопрос не был разрешен с помощью единого законодательного регулирования. Так, в ФЗ «Об охране здоровья граждан в Российской Федерации» закреплено, что качество медицинской помощи представляет собой совокупность характеристик, отражающих своевременность оказания медицинской помощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи, степень достижения запланированного результата. При этом качество оказания медицинской помощи связывается, во-первых, с применением стандартов и порядков оказания медицинской помощи; во-вторых, с предоставлением медицинской организацией гарантированного объема медицинской помощи в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи; в-третьих, оснащением медицинских организаций оборудованием для оказания медицинской помощи с учетом особых потребностей инвалидов и других групп населения с ограниченными возможностями здоровья; в-четвертых, с возможностью беспрепятственного и бесплатного использования медицинским работником средств связи или транспортных средств для перевозки пациента в ближайшую медицинскую организацию в случаях, угрожающих его жизни и здоровью. В региональном законодательстве различных субъектов РФ предлагались и иные признаки качественной медицинской помощи. Например, в законе Санкт-Петербурга от 26.10.2008 года № 50/142 «О контроле качества медицинской помощи в Санкт-Петербурге» в качестве критериев устанавливались: правильность выполнения медицинских технологий; минимальный риск ухудше-

ния состояния пациента вследствие несоблюдения медицинских технологий; эффективность использования кадровых и материально-технических ресурсов здравоохранения и медицинского страхования; удовлетворенность пациентов.

Помимо этого, в медицинской и юридической доктрине также делаются попытки определить единые критерии качества оказания медицинских услуг. Так, И.В. Тимофеев указывает, что оценка медицинской помощи должна осуществляться в зависимости от соблюдения установленных сроков оказания профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации; от правильности и обоснованности выбора методов профилактики, диагностики, лечения; от позитивной результативности, проявляющейся в выздоровлении, улучшении здоровья, отсутствии прогрессирования основного заболевания, отсутствии осложнений; отсутствии инвалидизации и летального исхода [8, с. 159]. О.Н. Бобровская определяет качественную медицинскую помощь как «оказанную медицинским работником медицинскую помощь, исключающую негативные последствия, затрудняющие стабилизацию или увеличивающие риск прогрессирования имеющегося у пациента заболевания, повышающие риск возникновения нового патологического процесса, приводящие к затруднению оптимального использования ресурсов медицинского учреждения; вызывающие неудовлетворенность пациента при его взаимодействии с медицинским учреждением» [1, с. 38]. При этом качественная медицинская помощь не предполагает наличие врачебных ошибок, возникновения новых патологических процессов, недостаточного использования ресурсов здравоохранения, неудовлетворенности потребителей медицинских услуг.

Необходимо отметить, что неоднозначность толкования каждого из законодательных и доктринальных критериев указывает на оценочный, субъективный характер таких категорий, как «ненадлежащее оказание медицинской помощи», «качественная медицинская помощь». Представляется, что в практической деятельности контрольных, надзорных, судебных органов такая неопределенность при отсутствии специализированных знаний, при недостаточной изученности процессов, происходящих в человеческом организме, приводит к невозможности точного отграничения преступных деяний медицинских работников от правомерного поведения и врачебных ошибок. Кроме того, качество медицинской помощи связано не только с профессиональным уровнем, квалификацией врача, последовательностью тех действий, которые он выполняет в процессе диагностики или лечения, но и с материально-техническим оснащением учреждений здравоохранения, объемом финансирования сферы здравоохранения на феде-

ральном и региональном уровнях, нехваткой специалистов, особенно в удаленных районах.

Думается, что попытки стандартизации порядка оказания медицинской помощи со стороны законодателя не всегда приводят к положительным результатам и могут негативно отражаться на деятельности медицинских работников. Например, Министерством здравоохранения России установлены стандарты оказания медицинской помощи в зависимости от вида заболевания и категории лиц, которым оказывается медицинская помощь. В приказе Минздрава России от 08.02.2018 г. № 53 н «Об утверждении порядка разработки стандартов медицинской помощи» указано, что все стандарты медицинской помощи должны включать в себя возрастную категорию пациента, пол пациента, вид медицинской помощи, условия оказания медицинской помощи, формы оказания медицинской помощи, фазу течения заболевания (состояния), стадию и (или) степень тяжести заболевания, осложнение (при наличии), среднюю продолжительность лечения законченного случая в количестве дней.

Помимо этого, Минздравом России был издан приказ от 19.12.2016 г. № 973н «Об утверждении типовых отраслевых норм времени на выполнение работ, связанных с посещением одним пациентом врача-кардиолога, врача-эндокринолога, врача-стоматолога-терапевта», устанавливающий количество времени, необходимого врачу для оказания качественной медицинской помощи. Например, для осуществления медицинской помощи врачу-кардиологу выделено 24 минуты, врачу-эндокринологу – 19 минут, врачу-стоматологу-терапевту – 44 минуты.

Следует обратить внимание, что установление четких правил, стандартов осуществления медицинской помощи, с одной стороны, позволяет определить требования к деятельности врачей, методы диагностики и лечения, актуальные для настоящего времени, сформировать общее представление о том, как должны быть оказаны медицинские услуги, что способствует верной квалификации деяния. С другой стороны, излишняя формализация оказания медицинской помощи не учитывает иные факторы, которые влияют на её качество. Представляется, что к таким факторам можно отнести: 1) недостаточную изученность некоторых вопросов диагностики, лечения и профилактики заболеваний и осложнений; 2) несовершенство используемых медицинских методов диагностики и лечения; 3) атипичность, редкость или злокачественность заболевания; 4) несоответствие между требуемым набором действий врача по диагностике и лечению и объемом его прав и обязанностей; 5) недостаточный уровень материально-технической оснащенности лечебных учреждений; 6) индивидуальные особенности организма пациента; 7) непослдовательные действия самого пациента и его близ-

ких родственников (несвоевременное обращение за медицинской помощью, уклонение, нежелание воспользоваться методами лечения и диагностики, нарушение режима лечения). Ученые отмечают, что процессы стандартизации в здравоохранении происходят крайне медленно и не демонстрируют пока положительного влияния на безопасность медицинской помощи для пациентов; по сравнению с другими отраслями медицинские услуги – это наиболее сложный объект стандартизации в связи с их индивидуальным характером, обременением врачебной тайной, информированным согласием и другими факторами [6, с. 52].

Исходя из изложенного, можно указать, что при квалификации действий медицинского работника в качестве предполагаемого преступления невозможно руководствоваться исключительно стандартами и клиническими рекомендациями при оказании медицинской помощи. Убедительной представляется позиция авторов, указывающих, что объективная сторона преступления, совершенного врачом, должна выражаться не в несоблюдении стандартов оказания медицинской помощи, а в запоздалом, недостаточном, неправильном (неадекватном) её предоставлении, обусловленное субъективными причинами [11, с. 253].

В литературе к таким случаям преступных деяний относят: небрежный уход и наблюдение за больным в отделениях; недостаточные обследование и подготовка; неправильное выполнение операций; несвоевременная госпитализация; неверное использование и назначение лекарственных средств и инструкций по их применению [3, с. 175].

К примеру, в одном из уголовных дел в хирургическое отделение клинической больницы был доставлен пациент К. По экстренным показаниям скорой медицинской помощи была проведена операция, после которой состояние К. оставалось тяжёлым с некоторой положительной динамикой. Через 4 дня было отмечено ухудшение состояния больного, в связи с чем врач-хирург Ш. на основании полученной от нейрохирурга клинической картины должен был установить причины кровотечения, проанализировать имеющуюся у К. клиническую картину, измерить показатели частоты сердечных сокращений, частоты дыхательных движений, назначить и обеспечить проведение ультразвукового исследования, определить правильную дальнейшую тактику ведения больного, перевести его в экстренном порядке в реанимационное отделение. В результате бездействия врача-хирурга Ш. наступила смерть пациента, что было оценено судом как дефект оказанной медицинской помощи, образующего состав преступления ч. 2 ст. 109 УК РФ [10].

Вместе с тем в другом уголовном деле врач-невролог Р. выписала направление для проведения магнитно-резонансной томографии (далее – МРТ) пациентке С., которая жаловалась на боли в пояс-

ничном отделе позвоночника. Зная, что пациентке был установлен однокамерный электрокардиостимулятор, врач посоветовала обратиться к кардиологу для предварительной консультации. Через две недели С. направилась на МРТ, в информированном согласии указала, что у нее не имеется противопоказаний для осуществления данной процедуры, не указала сведения о ранее проведенных операциях, о наличии спиц, металлических пластин, кардиостимуляторов или ушных имплантов. В результате проведенного МРТ пациентка скончалась. Между тем суд установил, что в действиях врача-невролога не было допущено нарушений при оказании медицинской помощи, а значит, и состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ [9].

Вышеописанные случаи позволяют прийти к выводу, что для возникновения уголовной ответственности необходимо установить наличие нескольких элементов в деятельности медицинского работника. Во-первых, противоправность деяния, выразившегося в неправильном выполнении или невыполнении каких-либо обязательных, известных в медицине требований. При этом к противоправному деянию не следует относить действия врача, который выбрал один из нескольких альтернативных вариантов диагностики, лечения и профилактики, но неблагоприятные последствия всё равно наступили. Во-вторых, причинение вреда жизни и здоровья пациента в виде получения осложнений заболевания, инвалидизации или смерти пациента. В-третьих, наличие причинно-следственной связи, установленной с помощью комиссионной судебно-медицинской экспертизы, между деянием врача и наступившими неблагоприятными последствиями.

Следует обратить внимание, что наказуемые упущения со стороны врача следует отличать от таких случаев возможного наступления неблагоприятных последствий в процессе лечения, как несчастный случай и врачебная ошибка. По мнению Г.Р. Колоколова, «несчастный случай – это неблагоприятный исход такого врачебного вмешательства, в результате которого его не удастся предвидеть, а следовательно, и предотвратить из-за объективно складывающихся случайных обстоятельств, хотя врач действует правильно и в полном соответствии с принятыми в медицине правилами и методами лечения» [4]. В то же время под врачебной ошибкой понимается добросовестное заблуждение врача относительно диагноза, методов лечения, выполнения операций [5, с. 2]. Добросовестное заблуждение означает, что при наличии определенных условий (профессионального опыта, квалификации, материально-технической оснащенности и других) врач не должен был и не мог знать о возможных результатах лечения. Ненаказуемость врачебных ошибок подтверждают и представители Следственного комитета РФ. Так, заместитель главного

управления криминалистики Следственного комитета РФ Анатолий Сазонов заявил, что к уголовной ответственности будут привлекаться только те медицинские работники, которые допустили грубейшие нарушения стандартов и протоколов лечения, а не врачебные ошибки [2].

Таким образом, можно сделать вывод, что повышенное внимание правоприменителей и правоохранительных органов к охране здоровья, к качеству оказываемых медицинских услуг и медицинской помощи является оправданным в связи с участвовавшими случаями обращения граждан за защитой своих прав в судебные органы. Вместе с тем введение новых составов преступлений не является эффективным способом разрешения проблем в здравоохранении: не определена объективная сторона предполагаемых преступлений; критерии, по которым их можно отграничить от врачебных ошибок, которые не являются наказуемыми; не устранены некоторые объективные причины возможного совершения преступлений (чрезмерное и противоречивое нормативное регулирование медицинской деятельности, отсутствие материально-технического оснащения, недостаточное финансирование и другие).

Библиографический список

1. Бобровская О.Н. К вопросу о дефектах качества медицинской помощи // Медицинское право: теория и практика. – 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 34–41.
2. Врачебные ошибки подводят под статью [Электронный ресурс] // РБК: Новости: сайт – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/07/20/5b5072cc9a7947a9996679f0> (дата обращения: 28.01.2019).
3. Гильфанова А.Ш. Уголовная ответственность медицинских работников за врачебные ошибки // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2014. – № 14. – С. 174–177.
4. Колоколов Г.Р. Комментарий законодательства о медицинском обслуживании населения [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Комментарии законодательства. – М., 2018. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
5. Магомедов Р.М., Шевченко С.В., Гасангусейнова П.А. Врачебная ошибка: проблемы юридического определения // Международный студенческий научный вестник. – 2016. – № 6. – С. 1–4.
6. Самородская И.В., Степченков В.И., Батрова Ю.В., Саверский А.В. Стандарты медицинской помощи в России и США // Менеджер здравоохранения. – 2015. – № 4. – С. 46–54.
7. Состоялось заседание межведомственной рабочей группы по вопросам расследования преступлений, связанных с врачебными ошибками [Электронный ресурс] // Следственный комитет Российской Федерации: сайт. – Режим доступа: <https://sledcom.ru/news/item/1240870/> (дата обращения: 28.01.2019).

8. Тимофеев И.В. Критерии качества медицинской помощи: к вопросу о взаимосвязи конституционно-правовых и медико-юридических аспектов // Медицинское право: теория и практика. – 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 153–161.

9. Уголовное дело № 1-40/2016 (1-566/2015) // Архив Кировского районного суда г. Томска.

10. Уголовное дело № 1-686/2015 // Архив Октябрьского районного суда г. Томска.

11. Финаева Е.П., Доница А.Д. Обеспечение прав пациента как проблема модернизации национального законодательства // Успехи современного естествознания. – 2011. – № 8. – С. 253–253.

References

1. Bobrovskaya O.N. K voprosu o defektah kachestva medicinskoj pomoshchi // Medicinskoje pravo: teoriya i praktika. – 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 34–41.
2. Vrachebnye oshibki podvodyat pod stat'yu [EHlektronnyj resurs] // RBC: Novosti: sajt – Rezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/07/20/5b5072cc9a7947a9996679f0> (data obrashcheniya: 28.01.2019).
3. Gil'fanova A.SH. Ugolovnaya otvetstvennost' medicinskih rabotnikov za vrachebnye oshibki // Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya: problemy i rezul'taty. – 2014. – № 14. – С. 174–177.
4. Kolokolov G.R. Kommentarij zakonodatel'stva o medicinskom obsluzhivanii naseleniya [EHlektronnyj resurs] // Konsul'tantPlyus: sprav. pravovaya sistema. – Kommentarii zakonodatel'stva. – М., 2018. – Dostup iz lokal'noj seti Nauch. b-ki Tom. gos. un-ta.
5. Magomedov R.M., Shevchenko S.V., Gasangusejnova P.A. Vrachebnaya oshibka: problemy yuridicheskogo opredeleniya // Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik. – 2016. – № 6. – С. 1–4.
6. Samorodskaya I.V., Stepchenkov V.I., Batrova YU.V., Saverskij A.V. Standarty medicinskoj pomoshchi v Rossii i SSHA // Menedzher zdavoohraneniya. – 2015. – № 4. – С. 46–54.
7. Sostoyalos' zasedanie mezhdovedstvennoj rabochej gruppy po voprosam rassledovaniya prestuplenij, svyazannyj s vrachebnymi oshibkami [EHlektronnyj resurs] // Sledstvennyj komitet Rossijskoj Federacii: sajt. – Rezhim dostupa: <https://sledcom.ru/news/item/1240870/> (data obrashcheniya: 28.01.2019).
8. Timofeev I.V. Kriterii kachestva medicinskoj pomoshchi: k voprosu o vzaimosvyazi konstitucionno-pravovyh i mediko-yuridicheskikh aspektov // Medicinskoje pravo: teoriya i praktika. – 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 153–161.
9. Ugolovnoe delo № 1-40/2016 (1-566/2015) // Arhiv Kirovskogo rajonnogo suda g. Tomska.
10. Ugolovnoe delo № 1-686/2015 // Arhiv Oktyabr'skogo rajonnogo suda g. Tomska.
11. Finaeva E.P., Donika A.D. Obespechenie prav pacienta kak problema modernizacii nacional'nogo zakonodatel'stva // Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. – 2011. – № 8. – С. 253–253.

**ДОСТУП К БАЗАМ ДАННЫХ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОПЕРАТОРОВ СВЯЗИ:
ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ**

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования удаленного доступа к базам данных кредитных организаций и операторов связи, предлагаются изменения в систему нормативных правовых актов, регламентирующих такой доступ. Автор обосновывается тезис зависимости эффективности деятельности правоохранительных органов по противодействию мошенничествам, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий от скорости получения информации в кредитных организациях и у операторов связи. Акцентируется внимание на необходимости предоставления круглосуточного удаленного доступа к базам данных кредитных организаций органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность по аналогии с доступом, предоставляемым к базам данных операторов связи. Предложения, выносимые автором, направлены на оптимизацию существующего процесса получения информации, необходимой сотрудникам оперативных подразделений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Ключевые слова: СОРМ, базы данных кредитных организаций, базы данных операторов связи.

Одним из наиболее распространенных видов преступлений в Российской Федерации в настоящее время являются мошенничества. В январе – ноябре 2018 года было зарегистрировано 197 392 преступления, которые квалифицируются по ст. 159, 159.1 – 159.6 УК РФ, что составило 10,7 % от общего количества зарегистрированных преступлений. Общее число раскрытых мошенничеств составило 53 208, то есть раскрывается только каждое четвертое мошенничество [1].

Слабые результаты по раскрытию мошенничеств, их высокий удельный вес в структуре преступности требуют от правоохранительных органов реализации комплекса мер, направленных на повышение эффективности противодействия преступлениям данной категории. Учитывая, что противодействие мошенничествам, совершаемым традиционными способами (гадание, снятие порчи, продажа медицинских приборов по завышенным ценам и др.) широко освещены и на протяжении многих лет изучались рядом ученых, наибольший практический и научный интерес представляет совершенствование способов противодействия новым способам мошенничеств, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). В связи с особенностями формирования уголовной статистики сведений о точном количестве таких мошенничеств в настоящее время нет [2, с. 83].

Эффективность противодействия мошенничествам, совершаемым с использованием ИКТ, зависит от решения ряда проблем правового, организационного и тактического характера, а также организации информационного обеспечения процесса противодействия преступлениям данного вида. К числу наиболее значимых, на наш взгляд, относятся правовые и организационные проблемы, связанные с получением информации у операторов связи, а также с организацией доступа к базам данных кредитных организаций органам, осуществля-

ющим оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД).

Мошенничества, совершенные с использованием ИКТ, объединяет одна общая черта: все они совершены дистанционно, то есть личный физический контакт между потерпевшим и преступником отсутствует. Поэтому, вне зависимости от способа совершения преступления, для реализации преступного умысла необходимо решить два основных вопроса: организация какого-либо способа связи с потерпевшим (телефонная связь, сеть Интернет, мессенджеры и т. д.), а также решение вопроса о способе перевода денежных средств (банковские карты, электронные кошельки, экспресс-переводы). Как справедливо отмечают Е.В. Кузнецов и А.Е. Ступницкий, «сегодня немислим обмен информацией между людьми, в том числе субъектами, представляющими оперативный интерес, без технических и электронных средств» [3, с. 5].

В этой связи получение информации в кредитных организациях и у операторов связи имеет ключевое значение при установлении виновных лиц, получении доказательств их преступной деятельности, а также для обнаружения и изъятия похищенных денежных средств, в связи с чем необходима оптимизация процедуры получения такой информации, в том числе в экстренных и неотложных случаях. Данная цель может быть достигнута в результате совершенствования нормативно-правовой базы, регламентирующей порядок получения информации у операторов связи и в кредитных организациях [4, с. 151].

Традиционная форма взаимодействия в виде запросов, направляемых почтой, имеет очевидный недостаток, связанный с потерей времени на обработку, сортировку, физическое перемещение корреспонденции, последующую ее обработку организацией-адресатом, подготовку и направление ответа инициатору запроса с последующей потерей времени на аналогичные процедуры. Такая форма взаимодействия представляется малоэффективной

в связи с тем, что преступники могут избавиться от средств связи и иных орудий преступления до того, как правоохранительные органы получат информацию, которая может позволить пресечь преступные действия и задержать виновных лиц. Развитие ИКТ в настоящее время позволяет организовать иную форму взаимодействия – посредством закрытых каналов связи, препятствующих «утечке» информации, при этом вышеуказанные потери времени на физическое перемещение запросов отсутствуют. В настоящее время такая форма взаимодействия реализуется при получении информации из баз данных операторов связи.

В соответствии с ч. 2 ст. 44 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи», правила оказания услуг связи, а также права и обязанности операторов связи утверждаются Правительством Российской Федерации.

Обязанности операторов связи при взаимодействии с органами, осуществляющими ОРД, установлены Правилами взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими ОРД, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 августа 2005 г. № 538 (далее – Правила). В соответствии с Правилами, получение информации от операторов связи посредством закрытых каналов связи организовано путем предоставления государственным органам, осуществляющим ОРД, круглосуточного удаленного доступа к базам данных операторов связи. Несмотря на то, что в Правилах отсутствуют причины выбора такого способа взаимодействия, очевидно, что к числу основных из них относится необходимость оперативного получения информации, содержащейся в базах данных операторов связи, в целях выявления, пресечения и раскрытия преступлений.

Технический аспект организации удаленного доступа к базам данных операторов связи регламентирован «Требованиями к сетям электросвязи для проведения оперативно-разыскных мероприятий. Часть 1. Общие требования», утвержденными приказом Министерства информационных технологий и связи РФ от 16 января 2008 г. № 6 (далее – Требования). В соответствии с Требованиями, базы данных об абонентах оператора связи и базы данных об оказанных оператором связи услугах связи, а также оборудование средств связи, в том числе программное обеспечение, обеспечивающие выполнение действий при проведении ОРМ, подключаются оператором связи к пункту управления ОРМ через точку (точки) подключения в соответствии с техническими условиями, устанавливаемыми уполномоченным органом. На пункт управления ОРМ информация от операторов связи передается посредством сетей электросвязи.

Анализ действующего законодательства показал, что в настоящее время в Российской Федера-

ции не реализуется процедура получения информации в кредитных организациях, аналогичная процедуре получения информации от операторов связи.

Так, Федеральным законом «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 установлена лишь обязанность кредитных организаций выдавать справки по операциям и счетам по запросам органов, осуществляющих ОРД, а также органов предварительного следствия. Данным нормативным правовым актом не предусмотрено норм, устанавливающих обязанность кредитных организаций предоставлять удаленный доступ к своим базам данных.

На наш взгляд, факторов, объективно препятствующих предоставлению удаленного доступа правоохранительным органам к базам данных кредитных организаций, нет. Такой доступ может позволить повысить эффективность работы не только по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием ИКТ, но и широкому спектру других преступлений, в том числе экономических и налоговых, а также способствовать реализации законодательства, регламентирующего противодействие коррупции.

В связи с изложенным полагаем, что в целях защиты прав и законных интересов граждан и организаций, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств Федерального закон «О банках и банковской деятельности» целесообразно дополнить статьей 26.1. «Обязанности кредитных организаций при проведении оперативно-разыскных мероприятий» следующего содержания:

«1. Кредитные организации обязаны обеспечивать реализацию установленных федеральным органом исполнительной власти в области связи по согласованию с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, требований к сетям и средствам связи для проведения этими органами в случаях, установленных федеральными законами, мероприятий в целях реализации возложенных на них задач, а также принимать меры по недопущению раскрытия организационных и тактических приемов проведения указанных мероприятий.

2. Порядок взаимодействия кредитных организаций с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, устанавливается Правительством Российской Федерации».

Также считаем необходимым разработку и утверждение Правительством Российской Федерации правил взаимодействия кредитных организаций с уполномоченными государственными органами, осуществляющими ОРД, в которых

в числе прочих должны быть предусмотрены следующие положения.

1. Органы Федеральной службы безопасности осуществляют взаимодействие с кредитными организациями при проведении в рамках ОРД ОРМ, в том числе в интересах других уполномоченных органов.

2. Информационные системы, содержащие базы данных, а также технические средства подключаются кредитными организациями посредством сетей связи к пункту управления органа Федеральной службы безопасности через точки подключения. Указанные точки подключения в субъекте Российской Федерации определяются органом Федеральной службы безопасности.

Полагаем, что в современных условиях именно скорость и полнота получаемой информации – это ключ к решению множества важных задач, в том числе задач по обеспечению защиты прав и законных интересов граждан, защиты общества и государства от преступных посягательств. В связи с этим реализация изложенных предложений представляется обоснованной.

Библиографический список

1. Состояние преступности в России за январь – ноябрь 2018 года: Отчет ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД Российской Федерации [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/15304733/> (дата обращения: 30.01.2019).

2. Кузьмин И.А. О вопросах формирования и использования уголовной статистики при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов 22-й международной науч.-практ.

конф. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2017. – С. 83–86.

3. Кузнецов Е.В., Ступницкий А.Е. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учеб. пособие. – Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России, 2011. – 132 с.

4. Усов Е.Г. К вопросу об определении предмета преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ: сб. материалов V Международной науч.-практ. конф. «Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран». – Иркутск, 2016. – С. 151–154.

References

1. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' – noyabr' 2018 goda: Otchet FKU «Glavnyj informacionno-analiticheskij centr» MVD Rossijskoj Federacii [EHlektronnyj resurs]. – 2019. – Rezhim dostupa: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/15304733/> (data obrashcheniya: 30.01.2019).

2. Kuz'min I.A. O voprosah formirovaniya i ispol'zovaniya ugolovnoj statistiki pri vyyavlenii, raskrytii i rassledovanii prestuplenij, sovershennyh s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij // Deyatel'nost' pravoohranitel'nyh organov v sovremennyh usloviyah: sb. materialov 22-j mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf. – Irkutsk: Vostochno-Sibirskij institut MVD Rossii, 2017. – S. 83–86.

3. Kuznecov E.V., Stupnickij A.E. Osnovy operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del: ucheb. posobie. – Irkutsk: FGKOU VPO VSI MVD Rossii, 2011. – 132 s.

4. Usov E.G. K voprosu ob opredelenii predmeta prestupleniya, predusmotrennogo st. 138.1 UK RF: sb. materialov V Mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf. «Problemy sovremennogo zakonodatel'stva Rossii i zarubezhnyh stran». – Irkutsk, 2016. – S. 151–154.

**КАТЕГОРИЯ «ИНТЕРЕС» В КОНТЕКСТЕ ЗАКРЕПЛЕНИЯ
И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СЕКУНДАРНЫХ ПРАВ**

Гражданско-правовые отношения, структура которых осложнена наличием вторичных прав у участников таких правоотношений, обуславливают необходимость рассмотрения вопроса об обеспечении взаимного баланса интересов сторон. Вторичные права наряду с классическими субъективными правами являются основными правовыми средствами, призванными реализовать интересы субъектов права. В некоторых случаях можно наблюдать ничем не обоснованное наделение одной из сторон обязательства вторичными правами, радикальным образом влияющее на продолжение отношений сторон, на их структуру. На примерах нормативного регулирования обязательственных правоотношений обращается внимание на необходимость добросовестной реализации вторичных прав. Основное внимание в работе акцентировано на том, что закрепление вторичных прав за участниками правоотношений должно быть обусловлено объективными причинами и осуществляться обдуманно. Причём такая предусмотрительность требуется как от законодателя, так и от сторон ответственного правоотношения.

Ключевые слова: вторичные права, интерес, юридическая возможность, односторонний отказ от договора, одностороннее изменение условий, правовые средства, усмотрение, правоотношения, подряд.

Интерес как научная категория является предметом изучения целого ряда наук, так как данное явление имеет своё проявление и влияние почти во всех сферах общественной жизни, давая почву для исследовательской деятельности в широких научных кругах. Значительное место указанное понятие занимает и в праве как науке, посвященной изучению закономерностей и развития правового регулирования отношений, складывающихся и протекающих в процессе жизнедеятельности и взаимодействия индивидуумов и групп людей в обществе.

Интерес имеет место быть в самых различных общественных отношениях, так как он составляет ядро этих отношений. Он имеет своего рода «центробежную силу», которая, в зависимости от интенсивности, затрагивает всё вокруг – предметы материального мира, нематериальные блага, отдельных лиц и их группы, государство и органы государственной власти, вовлекая их в те самые общественные отношения.

Общеизвестно, что деятельность человека в мире как существа, обладающего сознанием, предопределяет и направляет его мыслительно-волевая сфера разума. Изучение основ и закономерностей сознательных процессов этой сферы представляет немаловажное, если не основополагающее значение для общенаучного исследования в целом и для юриспруденции как науки о праве в частности. Необходимость изысканий по данному вопросу в конечном итоге направлена на совершенствование права, в частности гражданского, призванного к упорядочению имущественных и личных неимущественных отношений, основанных на равенстве и автономии воли.

В научно-исследовательской литературе имеется довольно большое количество изысканий по вопросу соотношения двух вышеназванных категорий. Не останавливаясь подробно на них, следует только сказать, что интерес понимается

как иное от других качественное состояние потребности [1, с. 12]. Иными словами, интерес, по мнению С.В. Михайлова, «представляет собой потребность, присущую человеку как социальному субъекту, т. е. потребность, имеющую социальный характер. Именно такая потребность выступает в качестве интереса» [5, с. 21]. Аналогичного мнения придерживается и другой выдающийся ученый-цивилист В.П. Грибанов [2, с. 197].

Право призвано регулировать общественные отношения таким образом, чтобы обеспечить максимально возможное удовлетворение интересов максимально возможного количества участников таких отношений. При этом механизм регулирования должен быть сбалансированным и эффективным настолько, чтобы можно было рассматривать такую правовую систему в рамках отдельного государства как справедливую, то есть предоставляющую равные и равноценные юридические средства удовлетворения интересов.

Говоря в частности о гражданском праве, стоит согласиться с высказанным Т.С. Яценко мнением, что «в самом общем виде назначение гражданского права заключается в установлении в процессе регулирования общественных отношений твердого правопорядка с целью охраны прежде всего частных интересов» [14, с. 4].

Каждый участник гражданско-правовых отношений обладает своим уникальным интересом, не совпадающим с интересами других лиц. Наиболее ярко такое обособление частного интереса проявляется при установлении договорных отношений. Так, Д.И. Степанов отмечал, что «интересу одной стороны договора здесь противостоит интерес другой, причём как сама необходимость заключения договора, так и его последующее исполнение направлены на удовлетворение таких противостоящих интересов: интерес каждой стороны достигается посредством заключения и последующего исполнения договора» [13, с. 196].

Правовое регулирование отношений предполагает наделение участников таких отношений определёнными юридическими средствами достижения и удовлетворения их интересов. Такое распределение юридических возможностей может быть различным и зависеть от многих факторов и обстоятельств, в которых протекают эти общественные отношения. Выделяемые в теории, англо-саксонская и романо-германская правовые семьи имеют кардинальные, отличные друг от друга подходы, методы регулирования, источники права, уникальные правовые институты, которые могут иметь эффективное практическое применение только будучи в контексте той правовой действительности, где они получили своё начало и развитие. В свою очередь, правовая система отдельного государства уникальна и неповторима по отношению к правовым системам других государств даже в рамках одной правовой семьи. И уж тем более правовая система даже какого-то конкретного государства может различаться на протяжении всего времени своего существования в зависимости от политического режима, способа производства, доминирующего в экономике, социальной сферы общества, наличествующей в государстве идеологии.

На протяжении всего исторического развития правовой системы мы можем наблюдать, как в зависимости от социально-экономического контекста меняются концептуальные принципы правового регулирования отдельных институтов частного права. В качестве примера можно привести изменения, связанные с залоговыми правоотношениями в римском гражданском праве. Так, первоначально целям залога служил институт *fiducia*. Должник передавал закладываемую вещь кредитору юридически в его полную собственность. Если долг не будет уплачен, кредитор имеет право не возвращать вещь, он становится окончательным собственником вещи. В случае, если долг будет уплачен, но кредитор вещи не вернул, то должник не имел какого-либо иска. Лишь впоследствии преторским эдиктом на этот случай был установлен иск – *actio fiduciae* [6, с. 352–353]. Таким образом, у кредитора не возникает какая-либо обязанность по возврату вещи даже в случае добросовестного исполнения обязанности со стороны должника. Кредитор имеет право вернуть вещь либо оставить её у себя, независимо от поведения противоположной стороны. Можно сказать, что такое право имеет признаки секундарности.

Сам же И.А. Покровский по этому поводу отмечает, что интерес, которому служит институт *fiducia*, есть исключительно интерес кредитора – «желание как можно надежнее обеспечить кредитора приводит к забвению справедливых интересов должника» [6, с. 352–353]. Данная специфика правового регулирования характерна для того времени, однако с течением времени и увеличением капита-

лов *fiducia* оказалась недостаточной для обеспечения потребностей экономического оборота.

На смену *fiducia* пришло использование *pignus*, суть которого заключалась в том, что должник передавал кредитору вещь не в собственность, а в простое владение, и вся обеспечительная сила такого залога заключалась только в том, что кредитор мог удерживать вещь у себя, пока долг не будет уплачен [6, с. 375].

Становится очевидным, что при *fiducia* подразумевались главенствующими в первую очередь интересы кредитора, однако когда стали применять *pignus*, наблюдалась противоположная крайность – интересы кредитора были обеспечены не так очевидно, чем того требовалось с точки зрения разумности и целесообразности, тогда как интересы должника находились в более привилегированном положении.

Важно с точки зрения развития и совершенствования гражданского законодательства определить и сформулировать подход к закреплению за участниками гражданского оборота таких юридических возможностей, которые позволяют изменять не только свою, но и чужую правовую сферу.

Среди многих выделяемых и изучаемых секундарных прав право на одностороннее изменение условий обязательства или право на односторонний отказ от его исполнения наиболее радикальным образом влияют на правоотношение в целом и на интересы другой стороны в частности.

Так, к примеру, статья 717 ГК РФ устанавливает, что заказчик может в любое время до сдачи ему результата работы отказаться от исполнения договора, уплатив подрядчику часть установленной цены пропорционально части работы, выполненной до получения извещения об отказе заказчика от исполнения договора, если иное не предусмотрено договором подряда. При этом также заказчик обязан возместить подрядчику убытки, причинённые прекращением договора подряда, в пределах разницы между ценой, определенной за всю работу, и частью цены, выплаченной за выполненную работу.

Стоит отметить, что положения данной статьи весьма неоднозначны в контексте баланса правового положения сторон договора, стабильности гражданско-правовых отношений.

Так В.Е. Карнушин отмечает, что «секундарное право, предусмотренное ст. 717 ГК РФ, делает экономический оборот несколько нестабильным. Предоставленное заказчику право необъяснимо с позиции логики» [3, с. 196].

А.А. Кравченко высказывается в пользу того, чтобы признать данное право, закреплённое за заказчиком, в качестве мер защиты, которые реализуются в регулятивных правоотношениях [4, с. 103]. Однако данная позиция представляется несколько неоднозначной, ведь ст. 715 ГК РФ предусматривает те самые меры защиты интересов заказчика,

реализация которых предполагает наличие охранительных правоотношений. Так, в случае, если подрядчик не приступает своевременно к исполнению договора подряда или выполняет работу настолько медленно, что окончание ее к сроку становится явно невозможным, заказчик вправе отказаться от исполнения договора и потребовать возмещения убытков (п. 2 ст. 715 ГК РФ). Согласно п. 3 этой же статьи, если во время выполнения работы станет очевидным, что она не будет выполнена надлежащим образом, заказчик вправе назначить подрядчику разумный срок для устранения недостатков. И в том случае, если подрядчик в назначенный срок не устранит выявленные недостатки, то у заказчика появляется право отказаться от договора подряда или поручить исправление работ другому лицу за счет подрядчика, при этом потребовав возмещения убытков. Мы видим, что для реализации указанного механизма защиты интересов заказчика не обязательно наличие факта нарушения со стороны подрядчика. Достаточно, если заказчик признает, что работы выполняются медленно или он посчитает очевидным, что работы не будут выполнены должным образом. Однако по сравнению со статьёй 717 ГК РФ в данных ситуациях, тем не менее, есть некоторое недобросовестное выполнение условий договора со стороны подрядчика, чего не наблюдается в рамках реализации вторичного права заказчика в соответствии со статьёй 717 ГК РФ. Поэтому если права, предусмотренные статьёй 715 ГК РФ, можно отнести к мерам защиты, то право заказчика на отказ от исполнения договора подряда в рамках статьи 717 ГК РФ таковым не является. Таким образом, наблюдается довольно-таки «сильное» правовое положение заказчика по договору подряда.

Данная норма является диспозитивной. Однако в судебной практике не сформировалось однозначного подхода к тому, когда считать положения данной статьи неприменимыми к правоотношениям сторон, в случае если они предусмотрели возможность одностороннего отказа заказчика от договора в связи с виновными действиями подрядчика.

С одной стороны, суды при решении данного вопроса приходят к выводу, что включение в договор условия об одностороннем отказе заказчика от договора вследствие ненадлежащего исполнения подрядчиком своих обязательств исключает применение правил ст. 717 ГК РФ [10; 12].

Между тем в судебной практике наблюдается также и иной подход, согласно которому даже в том случае, если стороны оговорили в договоре условия о возможности одностороннего отказа заказчика от договора по причине ненадлежащего исполнения со стороны контрагента, действие ст. 717 ГК РФ не исключается. Исходя из данной позиции, применение ст. 717 ГК РФ должно быть прямо исключено сторонами и с необходимостью

следовать из буквального толкования условий договора [7; 11].

Рассматривая положения данной нормы и релевантную судебную практику, принимая во внимание необходимость соблюдения баланса интересов и обеспечения стабильности гражданско-правовых отношений и всего гражданского оборота в целом, представляется более целесообразным, если правоприменительная система пойдёт по пути сужения сферы действия ст. 717 ГК РФ, предоставляющей заказчику ничем не ограниченное право на односторонний отказ от договора, подходу комплексно к толкованию тех или иных условий договора подряда, позволяя тем самым выявить истинные намерения сторон относительно возможности предоставления заказчику вторичного права на односторонний безмотивный отказ от договора.

Также не совсем понятно, по какой причине подобный односторонний отказ от договора со стороны заказчика лишает подрядчика помимо продолжения отношений, связанных с подрядом, также и возмещения убытков, включающих упущенную выгоду, в полном размере.

Исходя из приведённого примера, можно говорить, что ключевое воздействие на динамику такого правоотношения во многом исходит от одной из сторон – заказчика. Характеризуя его вторичное право на односторонний отказ от договора, следует говорить о широкой свободе усмотрения заказчика относительно необходимости продолжения правоотношения в целом.

Стоит отметить, что в некоторых случаях законодатель предоставляет равные возможности для сторон договора отказаться от дальнейшего его исполнения. Это может быть обусловлено характером обязательственных правоотношений. Так, например, п. 2 ст. 610 ГК РФ предусматривает право каждой из сторон договора аренды, заключенного на неопределённый срок, немотивированно отказаться от договора, предупредив об этом другую сторону в установленные для этого сроки. В соответствии с разъяснениями Пленума Высшего арбитражного суда РФ, «эта норма хотя и не содержит явно выраженного запрета на установление иного соглашения сторон, но из существа законодательного регулирования договора аренды как договора о передаче имущества во временное владение и пользование или во временное пользование (статья 606 ГК РФ) следует, что стороны такого договора аренды не могут полностью исключить право на отказ от договора, так как в результате этого передача имущества во владение и пользование фактически утратила бы временный характер» [9]. Как видно из приведённого примера, за сторонами закреплены идентичные вторичные права, при этом с целью минимизации каких-либо потерь стороны, вынужденной претерпевать реализацию вторичного права на отказ от до-

говора противоположной стороной, законодатель предусмотрел необходимый минимальный срок для уведомления такой стороны. Однако данный срок может быть изменён по договорённости сторон, если иное не установлено иными законами.

Следует обратить внимание, что момент усмотрения присущ реализации любых гражданских прав, как субъективных, так и вторичных. Участники правоотношений претворяют в жизнь те или иные имеющиеся у них юридические возможности на основе собственного исключительного понимания и осознания социально-экономических условий, правовых реалий, индивидуальных интересов, которые должны соотноситься с интересами других лиц.

Относительно права на односторонний отказ от договора законодателем установлены общие принципы осуществления такого вторичного права, а именно: сторона, которой ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором предоставлено право на отказ от договора (исполнения договора), должна при осуществлении этого права действовать добросовестно и разумно в пределах, предусмотренных ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором (п. 4 ст. 450.1 ГК РФ). Нарушение этой обязанности может повлечь отказ в судебной защите названного права полностью или частично, в том числе признание ничтожным одностороннего изменения условий обязательства или одностороннего отказа от его исполнения (п. 2 ст. 10, п. 2 ст. 168 ГК РФ) [8].

Таким образом, можно прийти к выводу, что сама природа вторичных прав – односторонний характер осуществления – с точки зрения обеспечения баланса интересов сторон требует особого подхода к регулированию общественных отношений, в структуре которых имеют место быть такие права. Сегодня наблюдаются попытки на законодательном уровне очертить границы реализации юридических возможностей по одностороннему вмешательству в структуру правоотношения (тем самым оказывая воздействие на возможность реализации интересов другого лица) одним из участников такого правоотношения. В частности, это происходит путём уточнения принципов разумности и добросовестности при осуществлении прав. Однако, учитывая динамику социально-экономического развития общества в целом, необходимо продолжать работу по выявлению недостатков правового регулирования, анализу правоприменительной практики, пересмотру неактуальных или «алогичных» правовых норм, предоставляющих участникам правоотношений вторичные права, осуществление которых способно ущемить интересы других лиц.

Библиографический список

1. *Бондаренко Л.И.* Интерес как категория политической экономики // *Экономические науки.* – 1970. – № 8. – С. 12–20.

2. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2000. – 411 с.

3. *Карнушин В.Е.* Вторичные права в гражданском праве Российской Федерации: общие вопросы теории, вторичные права в Гражданском кодексе РФ / под ред. В.П. Камышанского. – М.: Статут, 2016. – 256 с.

4. *Кравченко А.А.* Соотношение мер защиты и мер ответственности как способов защиты субъективных гражданских прав // *Российский юридический журнал.* – 2015. – № 2. – С. 94–104.

5. *Михайлов С.В.* Категория интереса в российском гражданском праве. – М.: Статут, 2002. – 205 с.

6. *Покровский И.А.* История римского права. – М.: Статут, 2004. – 540 с.

7. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17.08.2017 № Ф03-2878/2017 по делу № А51-30117/2016 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 25.01.2011 по делу № А82-20130/2009 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 29.07.2010 по делу № А19-17219/08 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Постановление ФАС Уральского округа от 18.03.2009 № Ф09-1282/09-С4 по делу № А76-7696/2008-27-50 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

13. *Степанов Д.И.* Свобода договора и многосторонние сделки (договоры) // *Свобода договора: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова.* – М.: Статут, 2016. – 671 с.

14. *Яценко Т.С.* Гражданско-правовая охрана публичных интересов: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2016. – 363 с.

References

1. Bondarenko L.I. Interes kak kategoriya politicheskoy ehkonomii // *Ekonomicheskie nauki.* – 1970. – № 8. – S. 12–20.

2. Gribanov V.P. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskih prav. – M.: Statut, 2000. – 411 s.

3. Karnushin V.E. Sekundarnye prava v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii: obshchie

voprosy teorii, sekundarnye prava v Grazhdanskom kodekse RF / pod red. V.P. Kamyshanskogo. – M.: Statut, 2016. – 256 s.

4. Kravchenko A.A. Sootnoshenie mer zashchity i mer otvetstvennosti kak sposobov zashchity sub"ektivnyh grazhdanskih prav // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. – 2015. – № 2. – S. 94–104.

5. Mihajlov S.V. Kategoriya interesa v rossijskom grazhdanskom prave. – M.: Statut, 2002. – 205 s.

6. Pokrovskij I.A. Istoriya rimskogo prava. – M.: Statut, 2004. – 540 s.

7. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Dal'nevostochnogo okruga ot 17.08.2017 № F03-2878/2017 po delu № A51-30117/2016 [EHlektronnyj resurs]. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

8. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 22.11.2016 № 54 «O nekotoryh voprosah primeneniya obshchih polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ob obyazatel'stvah i ih ispolnenii» [EHlektronnyj resurs]. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

9. Postanovlenie Plenuma Vysshego arbitrazhnogo suda RF ot 14.03.2014 № 16 «O svobode dogovora i ee predelah» [EHlektronnyj resurs]. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

10. Postanovlenie FAS Volgo-Vyatskogo okruga ot 25.01.2011 po delu № A82-20130/2009 [EHlektronnyj resurs]. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

11. Postanovlenie FAS Vostochno-Sibirskogo okruga ot 29.07.2010 po delu № A19-17219/08 [EHlektronnyj resurs]. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

12. Postanovlenie FAS Ural'skogo okruga ot 18.03.2009 № F09-1282/09-S4 po delu № A76-7696/2008-27-50 [EHlektronnyj resurs]. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

13. Stepanov D.I. Svoboda dogovora i mnogostoronnie sdelki (dogovory) // Svoboda dogovora: sb. st. / otv. red. M.A. Rozhkova. – M.: Statut, 2016. – 671 s.

14. YAcenko T.S. Grazhdansko-pravovaya ohrana publicnyh interesov: dis. ... d-ra yurid. nauk. – M., 2016. – 363 s.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРОВ В СВЕТЕ РЕКОМЕНДАЦИЙ ОРГАНОВ СОВЕТА ЕВРОПЫ (Часть 1)

В статье представлен обзор международных актов – рекомендаций Комитета министров Совета Европы и заключений Консультативного совета европейских прокуроров, в которых затрагивались вопросы организационно-управленческого обеспечения функционирования органов прокуратуры, такие как информационно-аналитическая работа, отбор и повышение квалификации прокурорских кадров, гарантии независимости прокуроров, принятие и реализация управленческих решений, контроль за их исполнением, оценка результатов деятельности прокуратуры, взаимодействие структурных единиц внутри системы прокуратуры, а также с внешними партнерами: судами, органами уголовного преследования, средствами массовой информации, адвокатурой, органами уголовно-исполнительной системы, правозащитными организациями. Приведенные рекомендации представляют собой обобщенный международный положительный опыт, направленный на повышение эффективности деятельности органов прокуратуры по обеспечению прав и свобод человека и гражданина, верховенства закона и демократии.

Ключевые слова: прокуратура, суд, правосудие, судопроизводство, Комитет министров Совета Европы, Консультативный совет европейских прокуроров, уполномоченный по правам человека, эффективность правосудия, права человека, независимость прокуроров.

Совет Европы является международной организацией, обеспечивающей сотрудничество входящих в ее состав 47 стран в целях обеспечения прав и свобод человека и гражданина, верховенства закона и демократии, которые признаны общими и непреходящими ценностями. В результате его деятельности в 1950 году разработана Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека – ЕКПЧ, Конвенция), которая вступила в силу 3 сентября 1953 года. Для России Конвенция и протоколы к ней ратифицированы в марте 1998 года. Это основополагающий, фундаментальный нормативный правовой акт, установивший в качестве главной ценности личность, ее права и свободы, а также предусмотревший механизм (гарантии) их обеспечения, в том числе посредством осуществления правосудия в Европейском суде по правам человека (ЕСПЧ), куда за защитой своих прав вправе обратиться любой человек с заявлением против своего государства. Впоследствии на основе и во исполнение данной Конвенции руководящим органом Совета Европы – Комитетом министров – приняты различные рекомендации, в которых на основе обобщения положительного международного опыта, а также практики рассмотрения ЕСПЧ жалоб граждан предложены способы оптимального обеспечения основных прав и свобод человека за счет повышения эффективности, согласованности деятельности государственных органов, совершенствования законодательства, рационального использования имеющихся финансовых, кадровых и иных ресурсов.

В процессе функционирования Совета Европы в его составе создавались различные консультативные органы, рабочие группы для рассмотрения вопросов, находящихся в ведении данной организа-

ции, изучения практики реализации рекомендаций Комитета министров. При этом значительное внимание этими структурами уделялось и уделяется проблемам деятельности прокуратуры и суда как основных органов, обеспечивающих верховенство закона, защиту прав граждан. 13 июля 2005 года на седьмой конференции генеральных прокуроров в Москве создан Консультативный совет европейских прокуроров (КСЕП), целью деятельности которого являлось обеспечение международного сотрудничества по осуществлению уголовного преследования, регулирование отношений между прокурорами и полицией, прокурорами и судебными органами, координация процедур при оказании правовой помощи.

Рекомендации Комитета министров Совета Европы и Консультативного совета европейских прокуроров внесли значительный вклад в развитие, реформирование прокуратур стран-участников Совета Европы, в том числе России. В настоящей статье обобщены основные положения указанных рекомендаций, касающиеся организации деятельности органов прокуратуры, сделаны выводы об их практической реализации в прокуратуре Российской Федерации.

В рекомендациях R (95) 12 Комитета министров государств-членов «Об управлении уголовным правосудием», принятых 11 сентября 1995 года [1] в качестве условий, направленных на оптимизацию работы прокуроров, названы следующие:

– освобождение прокуроров от выполнения задач, которые могут быть выполнены другим персоналом (п. 7);

– активное планирование продвижения по службе, поощрение специализации, создания возможностей для освоения новых навыков и приобретения нового опыта (п. 13);

– обеспечение обмена информацией о результатах рассмотрения уголовных дел между судебными органами, прокуратурой и органами, занимающимися борьбой с преступностью, на центральном, региональном и местном уровне (п. 17).

6 октября 2000 года на 724-м заседании заместителей министров приняты *Рекомендации «О роли государственного обвинения в системе уголовного правосудия» REC(2000)19* [2], которые впоследствии положены в основу всех других международных актов, касающихся вопросов прокурорской деятельности. В данных рекомендациях отмечена «ключевая роль» прокуратуры в обеспечении прав личности, эффективности системы уголовного правосудия, международном сотрудничестве по уголовно-процессуальным вопросам; необходимость создания «соответствующих юридических и организационных условий» функционирования органов прокуратуры. Юридические условия заключаются в надлежащем регулировании правового статуса прокуроров, законодательном закреплении системы их гарантий, прав и обязанностей, ответственности. Организационные условия состоят в надлежащем финансовом, материально-техническом обеспечении, упорядочении работы прокуроров, принятии мер внутри системы прокуратуры для повышения эффективности их деятельности. Так, всем странам-участникам Совета Европы предлагается обеспечить:

– объективные и беспристрастные процедуры профессионального отбора, повышения в должности и перемещения по службе прокуроров (п. 5а);

– справедливость и объективность при решении вопросов о дисциплинарной ответственности прокуроров (п. 5е);

– установление и доведение до прокуроров механизмов, способов согласования своих действий, необходимый уровень профессиональной подготовки прокуроров как до, так и после поступления на службу, а также в необходимых случаях обучение в соответствии с определенной специализацией; формирование с целью борьбы с определенной категорией преступлений мультидисциплинарных команд, включающих наряду с юристами бухгалтеров, работников таможенной службы, экспертов и др., что обеспечит высокую оперативность работы (п. 7е и пояснительная записка к данному пункту);

– сотрудничество прокуроров с органами исполнительной власти в целях содействия справедливости и эффективности политики в области борьбы с преступностью (п. 15);

– организацию работы по принципу субординации, то есть подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим, не допуская при этом неэффективное руководство, излишние бюрократические процедуры, оставляя достаточно возможностей для сотрудничества и работы в команде (п. 36а и пояснительная записка к нему);

В пояснительной записке к данным рекомендациям подчеркивается важность согласованной работы всех звеньев органов прокуратуры (на местном, региональном, центральном уровнях), а также важность и необходимость согласованной работы всех органов: суда, прокуратуры, полиции, уголовно-исполнительной системы и других в целях «эффективного и действенного» уголовного правосудия, что может быть достигнуто не только за счет внутренних процедур по оптимальному управлению рабочей нагрузкой, финансами, инфраструктурой, кадровыми ресурсами, взаимоотношениями структурных единиц внутри каждой системы, но и за счет сбалансированной общей политики государства в области борьбы с преступностью и уголовного правосудия, при которой должны быть скоординированы, сформированы общие для них цели (политика государства) в данной сфере.

В рекомендациях отмечена тесная взаимосвязь прокуроров и судей как частей одной и той же правовой системы, «взаимодополняющий характер их обязанностей», общие задачи, такие как стабильность и последовательность правоприменительной практики: сокращение сроков производства по уголовным делам; аналогичные гарантии, квалификационные требования для людей данных профессий, что в совокупности определяет возможность «изменения профессии судьи на профессию прокурор и наоборот в ходе карьеры».

Во взаимоотношениях с органами полиции подчеркивается наличие общей цели борьбы с преступностью, возможность прокуроров непосредственно влиять на расследование уголовных дел; в качестве важнейшего элемента, обеспечивающего эффективное применение инструкций, выдаваемых прокуратурой, названо ее участие в процессе обучения работников полиции, а в качестве ключевых характеристик их взаимоотношений – взаимодействие и сотрудничество.

19 сентября 2012 года приняты *Рекомендации см/REC (2012) 11 Комитета министров Совета Европы «О роли государственных прокуроров вне системы уголовного правосудия»* [3], в которых отмечается, что для защиты общественных интересов, прав и основных свобод человека, верховенства права необходимо организовать и развивать сотрудничество и контакты органов прокуратуры с уполномоченными по правам человека («омбудсменами») или аналогичными ему институтами, региональными и местными властями, представителями гражданского общества, включая неправительственные организации.

Перечисленные положения рекомендаций Комитета министров послужили основой, отправной точкой для подготовки дальнейших международных актов, касающихся деятельности прокуратуры, и получили дальнейшую конкретизацию в заключениях Консультативного совета европейских прокуроров (КСЕП).

Согласно *Заключению № 4 (2009) КСЕСП «О взаимоотношениях судей и прокуроров» (или Бордосская декларация «О судьях и прокурорах в демократическом обществе»)* [4] отмечается, что судьям и прокурорам принадлежит основная роль в обеспечении функционирования системы правосудия на независимой и беспристрастной основе. Общая цель судей и прокуроров, в том числе тех прокуроров, которые выполняют функции вне уголовно-правовой сферы, состоит в справедливом, непредвзятом и эффективном отправлении правосудия (п. 3 пояснительной записки). Необходимым условием надлежащего отправления правосудия является повышение профессиональной квалификации, развитие навыков управления у судей и прокуроров, в том числе при проведении совместных учебных мероприятий для судей, прокуроров и адвокатов по вопросам, представляющим для них общий интерес, что может способствовать достижению высокого качества отправления правосудия (п. 10). Непосредственное участие судей и прокуроров в организации курсов обучения позволит им обмениваться мнениями, сформированными исходя из их профессионального опыта, при этом важно привлекать к занятиям адвокатов и профессиональных преподавателей. Обучение должно касаться не только вопросов права и защиты гражданских свобод, но и включать курсы по практике управления и изучению функций судей и прокуроров (пояснительная записка, п. 44, 45, 47).

Согласно *Заключению № 6 (2011) КСЕСП «О взаимоотношениях между прокурорами и администрацией пенитенциарных учреждений»* (принято на 6-м пленарном заседании КСЕСП, состоявшемся в г. Страсбурге 24–25 ноября 2011 г.) [5], странам-участникам рекомендовано создавать в системе прокуратуры специализированные подразделения по вопросам пенитенциарной системы; издавать руководящие документы, обобщающие положительный опыт и содержащие рекомендации по совершенствованию общих или специальных подходов к деятельности прокуроров в отношении администрации пенитенциарных учреждений; разработать специальную программу для подготовки прокуроров, осуществляющих деятельность в отношении администрации пенитенциарных учреждений; устанавливать и развивать отношения сотрудничества или контакты с омбудсменом или аналогичными институтами и государственными органами, связанными с реабилитацией и реинтеграцией правонарушителей, а также с представителями гражданского общества и соответствующими неправительственными организациями (п. 35).

В *Заключении № 7 (2012) КСЕСП «Об управлении ресурсами прокурорской службы»* (принято на 7-м пленарном заседании КСЕСП, состоявшемся в г. Страсбурге 26–27 ноября 2012 г.) [6], подготовленном на основе ответов, полученных от 30 государств-членов (п. 12), указано следующее:

– в условиях экономического кризиса бюджеты прокуратуры недостаточны, что создает дополнительные сложности для обеспечения эффективности правосудия; в этих условиях необходимо максимально эффективно использовать имеющиеся ресурсы (п. 4);

– необходимо разработать систему расчёта рабочей нагрузки на прокуроров с целью определения растущих потребностей, которая позволит оценивать факторы, влияющие на выполнение прокурорами своих задач, с тем чтобы эти задачи решались на должном уровне (п. 38);

– там, где в использовании ресурсов участвуют несколько органов (например, прокуратура, полиция и налоговая служба), принципы их использования должны соблюдаться при тщательной координации работы, чтобы избежать дублирования функций (п. 39); при условии сохранения независимости, с целью экономии органы прокуратуры могут заключать соглашения с другими государственными органами относительно совместного использования помещений и административных услуг или участия в совместных действиях (п. 40);

– органам прокуратуры следует широко использовать компьютерное оборудование, информационные технологии, системы электронного учета и управления делами, а также обмена данными с правоприменительными органами, с которыми прокуроры контактируют в процессе выполнения своих функций; установить и использовать совместимые компьютерные системы для планирования, мониторинга и сравнительного анализа расходов, обеспечения баланса использования ресурсов для сокращения рабочей нагрузки на территориальные подразделения прокурорской службы, выработки сравнимых показателей использования ресурсов подразделениями различного уровня, быстрого перераспределения ресурсов и обеспечения строгой отчётности за расходование средств (п. 42, 43);

– четко упорядочить структуры прокурорской службы, обеспечить рациональное распределение их компетенции и повысить эффективность управления с целью обеспечить оптимальное использование как финансовых, так и кадровых ресурсов (п. 48);

– обеспечить контроль и мониторинг для определения наиболее передовых практик внутри органов прокуратуры с целью проведения сравнительного анализа ведения дел в различных подразделениях и по различным направлениям (п. 49);

– при оценке результатов деятельности органов прокуратуры следует исходить из того, в какой степени реализованы её общественные задачи (например, привлечение к уголовной ответственности), а также задачи, на которые прокуратура напрямую влияет и которыми сама может управлять (например, эффективность оперативной деятельности, контроль качества, управление персоналом) (п. 54);

– отчет о результатах работы прокуроров должен поступать из территориальных органов прокуратуры в вышестоящий орган, а оттуда – в государственный орган, отвечающий за распределение ресурсов, или в парламент (п. 56) и в зависимости от достижения прокуратурой ее целей, а также перспективных задач, стоящих перед органами прокуратуры, следует планировать ее бюджет на предстоящий период (п. 57);

– для работников прокуратуры, на которых возложены функции управления, необходимо организовать специальное обучение по вопросам управления; установить четкое регулирование процедур сотрудничества между прокуратурой и внешними экспертами в области финансов и аудита (п. VII, выводы);

– организовать обмен опытом в сфере менеджмента и управления ресурсами органов прокуратуры как внутри страны, так и на международном уровне (п. X, выводы).

Отдельное заключение принято по вопросам взаимодействия прокуроров со средствами массовой информации – *Заключение № 8 (2013) КСЕП «О взаимоотношениях между прокурорами и средствами массовой информации»* (принято на 8-м пленарном заседании КСЕП, состоявшемся в г. Ереване 8–9 октября 2013 г.) [7], в нем указано на необходимость обеспечения доступа СМИ к информации о работе органов прокуратуры и поощрение их взаимодействия с прокурорами (п. 12). В качестве возможных форм взаимодействия со СМИ предложены: пресс-релиз, брифинг, пресс-конференция, дача интервью, участие в семинарах и круглых столах, размещение информации на интернет-сайтах (п. 42). Рекомендована также подача информации при взаимодействии с полицией и «иными компетентными органами», что является «демонстрацией координации усилий различных служб», «превенцией распространения ложной информации» (п. 43).

Согласно *Заключению № 9 (2014) КСЕП «О европейских нормах и принципах, касающихся прокуроров» (Римская Хартия)* [8], в условиях иерархического построения системы прокуратуры важным является создание гарантий независимости прокуроров, осуществление контроля со стороны вышестоящих прокуроров при наличии «надлежащих гарантий прав каждого прокурора» (п. 42);

– организация работы и внутреннее функционирование прокуратуры, в частности распределение и перераспределение дел, должны регулироваться «прозрачно», отвечать требованию беспристрастности, с учетом обязанностей и компетенции в области принятия решений (п. 43, 44);

– управление прокуратурой должно быть эффективным и не допускать каких-либо бюрократических проволочек. С этой целью прокуроры должны иметь в достаточном количестве квалифицированный административный персонал, прошедший адекватную подготовку. Должны быть

также предоставлены эксперты в различных областях, в частности в области приёма жертв преступлений, обработки данных, статистики (п. 115);

– следует установить эффективную систему взаимодействия между прокурорами конкретного органа прокуратуры, внутри системы, а также с прокурорскими службами других государств – не только в связи с исполнением международных запросов и поручений, но и при обмене положительным опытом (п. 120–123).

В *Заключении № 10 (2015) КСЕП «О роли прокуроров в расследовании преступлений»* (принято на 10-м пленарном заседании КСЕП, состоявшемся в г. Страсбурге 19–20 ноября 2015 г.) [9] указано на необходимость принимать эффективные меры, способствующие надлежащему функциональному сотрудничеству со следственными органами (п. 29).

Таким образом, приведенные рекомендации касаются таких организационно-управленческих аспектов деятельности в системе прокуратуры, как информационно-аналитическое, кадровое, финансовое обеспечение, взаимодействие, принятие и реализация управленческих решений, контроль и оценка результатов деятельности. Наряду с предложениями об усовершенствовании внутренней организации не меньшее значение придается развитию, укреплению взаимоотношений прокуратуры с внешними партнерами: судами, органами уголовного преследования, адвокатурой, органами уголовно-исполнительной системы, правозащитными организациями, уполномоченным по правам человека, средствами массовой информации и др., что рассматривается в качестве важнейшего условия эффективного функционирования органов прокуратуры.

Библиографический список

1. Рекомендации R (95) 12 Комитета министров государств-членов «Об управлении уголовным правосудием» [Электронный ресурс] // Европейская комиссия по эффективности правосудия: официальный сайт. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016804c07f5> (дата обращения: 06.01.2019).

2. Рекомендации REC(2000)19 «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»: Международное право (дата обращения: 06.01.2019).

3. Рекомендации CM/REC(2012)11 Комитета министров Совета Европы «О роли государственных прокуроров вне системы уголовного правосудия» [Электронный ресурс] // Европейская комиссия по эффективности правосудия: официальный сайт. – <https://www.coe.int/en/web/cepej> – Режим доступа: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805c9d19 (дата обращения: 06.01.2019).

4. Заключение № 4 (2009) КСЕП «О взаимоотношениях судей и прокуроров» (или Бордоская декларация «О судьях и прокурорах в демократическом обществе») [Электронный ресурс] // Сборник заключений Консультативного совета европейских прокуроров. – 2017. – С. 32–45 – Режим доступа: http://www.agka.kz/cms/wp-content/uploads/2017/04/Zakliuchenia_KSEP_No_1-10.pdf (дата обращения: 06.01.2019).

5. Заключение № 6 (2011) КСЕП «О взаимоотношениях между прокурорами и администрацией пенитенциарных учреждений» [Электронный ресурс] // Сборник заключений Консультативного совета европейских прокуроров. – 2017. – С. 51–60. – Режим доступа: http://www.agka.kz/cms/wp-content/uploads/2017/04/Zakliuchenia_KSEP_No_1-10.pdf (дата обращения: 06.01.2019).

6. Заключение № 7 (2012) КСЕП «Об управлении ресурсами прокурорской службы» [Электронный ресурс] // Сборник заключений Консультативного совета европейских прокуроров. – 2017. – С. 61–70. – Режим доступа: http://www.agka.kz/cms/wp-content/uploads/2017/04/Zakliuchenia_KSEP_No_1-10.pdf (дата обращения: 06.01.2019).

7. Заключение № 8 (2013) КСЕП «О взаимоотношениях между прокурорами и средствами массовой информации» [Электронный ресурс] // Сборник заключений Консультативного совета европейских прокуроров. – 2017. – С. 71–78. – Режим доступа: http://www.agka.kz/cms/wp-content/uploads/2017/04/Zakliuchenia_KSEP_No_1-10.pdf (дата обращения: 06.01.2019).

8. Заключение № 9 (2014) КСЕП «О европейских нормах и принципах, касающихся прокуроров» (Римская хартия) [Электронный ресурс] // Сборник заключений Консультативного совета европейских прокуроров. – 2017. – С. 79–100. – Режим доступа: http://www.agka.kz/cms/wp-content/uploads/2017/04/Zakliuchenia_KSEP_No_1-10.pdf (дата обращения: 06.01.2019).

9. Заключение № 10 (2015) КСЕП «О роли прокуроров в расследовании преступлений» [Электронный ресурс] // Сборник заключений Консультативного совета европейских прокуроров. – 2017. – С. 101–110. – Режим доступа: http://www.agka.kz/cms/wp-content/uploads/2017/04/Zakliuchenia_KSEP_No_1-10.pdf (дата обращения: 06.01.2019).

References

1. Rekomendacii R (95) 12 Komiteta ministrov gosudarstv-chlenov «Ob upravlenii ugovolnym pravosudiem» [EHlektronnyj resurs] // Evropejskaya komissiya po ehffektivnosti pravosudiya: oficial'nyj sajt. – Rezhim dostupa: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDC TMContent?documentId=09000016804c07f5> (data obrashcheniya: 06.01.2019).

2. Rekomendacii REC(2000)19 «O roli prokuratury v sisteme ugovolnogo pravosudiya»

[EHlektronnyj resurs]. – Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus»: Mezhdunarodnoe pravo (data obrashcheniya: 06.01.2019).

3. Rekomendacii SM/REC(2012)11 Komiteta ministrov Soveta Evropy «O roli gosudarstvennyh prokurorov vne sistemy ugovolnogo pravosudiya» [EHlektronnyj resurs] // Evropejskaya komissiya po ehffektivnosti pravosudiya: oficial'nyj sajt. – <https://www.coe.int/en/web/cepej> – Rezhim dostupa: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805c9d19 (data obrashcheniya: 06.01.2019).

4. Zaklyuchenie № 4 (2009) KSEP «O vzaimootnosheniyah sudej i prokurorov» (ili Bordosskaya deklaraciya «O sud'yah i prokurorah v demokraticheskom obshchestve») [EHlektronnyj resurs] // Sbornik zaklyuchenij Konsul'tativnogo soveta evropejskih prokurorov. – 2017. – S. 32–45 – Rezhim dostupa: http://www.agka.kz/cms/wp-content/uploads/2017/04/Zakliuchenia_KSEP_No_1-10.pdf (data obrashcheniya: 06.01.2019).

5. Zaklyuchenie № 6 (2011) KSEP «O vzaimootnosheniyah mezhdru prokurorami i administraciej penitenciarnyh uchrezhdenij» [EHlektronnyj resurs] // Sbornik zaklyuchenij Konsul'tativnogo soveta evropejskih prokurorov. – 2017. – S. 51–60. – Rezhim dostupa: http://www.agka.kz/cms/wp-content/uploads/2017/04/Zakliuchenia_KSEP_No_1-10.pdf (data obrashcheniya: 06.01.2019).

6. Zaklyuchenie № 7 (2012) KSEP «Ob upravlenii resursami prokurorskoj sluzhby» [EHlektronnyj resurs] // Sbornik zaklyuchenij Konsul'tativnogo soveta evropejskih prokurorov. – 2017. – S. 61–70. – Rezhim dostupa: http://www.agka.kz/cms/wp-content/uploads/2017/04/Zakliuchenia_KSEP_No_1-10.pdf (data obrashcheniya: 06.01.2019).

7. Zaklyuchenie № 8 (2013) KSEP «O vzaimootnosheniyah mezhdru prokurorami i sredstvami massovoj informacii» [EHlektronnyj resurs] // Sbornik zaklyuchenij Konsul'tativnogo soveta evropejskih prokurorov. – 2017. – S. 71–78. – Rezhim dostupa: http://www.agka.kz/cms/wp-content/uploads/2017/04/Zakliuchenia_KSEP_No_1-10.pdf (data obrashcheniya: 06.01.2019).

8. Zaklyuchenie № 9 (2014) KSEP «O evropejskih normah i principah, kasayushchihsya prokurorov» (Rimskaya hartiya) [EHlektronnyj resurs] // Sbornik zaklyuchenij Konsul'tativnogo soveta evropejskih prokurorov. – 2017. – S. 79–100. – Rezhim dostupa: http://www.agka.kz/cms/wp-content/uploads/2017/04/Zakliuchenia_KSEP_No_1-10.pdf (data obrashcheniya: 06.01.2019).

9. Zaklyuchenie № 10 (2015) KSEP «O roli prokurorov v rassledovanii prestuplenij» [EHlektronnyj resurs] // Sbornik zaklyuchenij Konsul'tativnogo soveta evropejskih prokurorov. – 2017. – S. 101–110. – Rezhim dostupa: http://www.agka.kz/cms/wp-content/uploads/2017/04/Zakliuchenia_KSEP_No_1-10.pdf (data obrashcheniya: 06.01.2019).

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ РЕШЕНИЙ, ПРИНИМАЕМЫХ В УСЛОВИЯХ РИСКА: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

В статье рассматривается проблема, связанная с осуществлением прокурорского надзора за законностью решений, принимаемых субъектами оперативно-розыскной деятельности в условиях риска. Автор критически анализирует норму Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующую условия (критерии) правомерности причинения вреда охраняемым данным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели. На основании рассмотрения теоретических и научных разработок, правоприменительной практики и законодательных норм, регламентирующих оперативно-розыскную деятельность, формулируется ряд концептуально важных выводов. В частности, указывается, что объективное представление о законности оперативно-розыскных решений, принимаемых в условиях риска, может складываться как у субъектов оперативно-розыскной деятельности, так и у уполномоченных прокуроров при осуществлении надзорной деятельности, если вести речь об обоснованно возможных в конкретной ситуации мерах для предотвращения вреда. В резолютивной части работы предлагается внесение изменений в Уголовный закон Российской Федерации.

Ключевые слова: прокурорский надзор, прокурорская деятельность, уполномоченный прокурор, законность, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное решение, информационная неопределенность, профессиональный риск, оправданный риск, преступление.

Законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), согласно ст. 29 Федерального закона от 17.01.1992 «О прокуратуре Российской Федерации» входит в предмет прокурорского надзора, обуславливая целый спектр направлений надзорной деятельности по активизации и оптимизации оперативно-розыскного реагирования на все проявления преступного характера. Красной нитью прокурорского надзора в указанной области является соблюдение субъектами ОРД предписаний Конституции России и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, устанавливающих правовое пространство и инструментарий ОРД (исчерпывающий перечень оперативно-розыскных мероприятий, основания, условия, порядок, ограничения их проведения и др.), а также упреждение и пресечение нарушений оперативно-розыскного процесса, влекущих необоснованное ограничение прав и свобод граждан.

Сложившаяся функциональная модель прокурорского надзора в значительной мере является обоснованной и понятной. Правоприменительной практике известно немало случаев, когда вследствие злоупотреблений и иных отступлений от требований закона сотрудниками оперативных подразделений избегали ответственности члены организованных преступных групп и преступных сообществ, в целях дискредитации негласно собирались сведения в отношении физических и юридических лиц, происходили непоправимые трагедии, сопровождаемые гибелью людей. Подобные примеры, безусловно, не должны выпадать из поля зрения уполномоченных прокуроров, а, напротив, находить своевременное и объективное отражение в актах прокурорского реагирования. В то же время

сопровождаящие ОРД негативные явления не стоит абсолютизировать и подвергать сомнению всю социальную полезность этой деятельности, многократно подтвержденную конкретными результатами эффективной борьбы с преступностью. В равной мере неоправданно преднамеренно зауживать рамки надзорной деятельности прокуратуры лишь теми нарушениями в оперативно-розыскной сфере, которые происходят умышленно вопреки присяге и интересам службы. Диапазон надзора, на самом деле, значительно шире в силу специфики ОРД, осуществляемой преимущественно в условиях информационной неопределенности и риска.

В данном контексте стоит отметить, что в юридической доктрине вопросы прокурорского надзора за законностью оперативно-розыскных решений, принимаемых в условиях риска, не нашли должного освещения. При всем многообразии исследовательских работ, находящихся в открытом доступе, авторы преимущественно ведут дискуссии либо вокруг теоретико-методологических проблем современной правовой науки, либо строго в рамках существующих направлений прокурорской деятельности, ограничиваясь в большей степени неконфликтными предложениями по внесению изменений в действующее законодательство. В лучшем случае затрагиваются лишь отдельные и частные аспекты ОРД, и то лишь в ракурсе обыденных для этой отрасли знаний постулатов.

Причин сформировавшегося в науке пробела, как нам кажется, может быть несколько. Во-первых, это количественная скудность разработок проблемы оперативного риска, выступающего неотъемлемым явлением ОРД, что препятствует развитию представлений относительно сущности данного риска и управления им. Во-вторых, это низкая

популярность прикладных вопросов прокурорского надзора в сфере ОРД, граничащих с секретными особенностями этой деятельности, освещение которых может влечь неблагоприятные последствия. В-третьих, это поверхностность знаний о законности оперативно-розыскных решений, трактуемой, как правило, достаточно узко – лишь в срезе соблюдения нормативных положений.

В данной работе мы не преследуем цели системно проанализировать весь спектр связанных с риском оперативно-розыскных решений, а также спорных подходов осуществления прокурорского надзора за их правоммерностью. Ограничимся уголовно-правовым аспектом многогранной проблемы, фокусируя внимание на законодательной регламентации профессионального риска в той мере, которая позволяет уполномоченным прокурорам давать объективную оценку решений оперативно-розыскных подразделений по борьбе с преступностью на предмет законности.

В свете предложенного к обсуждению вопроса познавательного обозначить два момента.

Во-первых, правовая защита сотрудников оперативных подразделений, принимающих решения в характерных для ОРД ситуациях информационной неопределенности и риска, является важным условием профессиональной деятельности, обусловленным существующим к ней недоверием даже в кругах самых компетентных и авторитетных государственных структур. Например, как отмечает судья Конституционного суда Российской Федерации Т.Г. Морщакова, «конспиративная по своей природе, скрытая от общественности ОРД представляет собой сферу повышенного риска ущемления и нарушения прав и свобод граждан, так как возможности социального контроля над ней ограничены» [4].

Во-вторых, в опорных нормативных правовых актах Российской Федерации, регламентирующих ОРД (Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», Федеральный закон «О полиции»), предписания о защите сотрудников оперативных подразделений, принимающих решения в условиях риска, неоправданно отсутствуют, что негативно влияет на решительность и наступательность в непростом деле борьбы с преступностью. В данном случае нам импонирует подход украинского законодателя, который в ч. 4 ст. 12 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» закрепил положение, согласно которому «не несет ответственности сотрудник оперативного подразделения, причинивший вред правам, свободам человека, интересам государства во время осуществления оперативно-розыскной деятельности, находясь в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости либо профессионального риска (выделено нами. – Д. Б.), а также в связи с задержанием лица, в действиях которого есть признаки преступления» [2].

Единственным законодательным актом, вносящим частичную ясность в вопрос оценки уполномоченным прокурором правоммерности оперативно-розыскных решений, принимаемых либо уже принятых в условиях риска, выступает Уголовный кодекс Российской Федерации. Согласно ст. 41 («Обоснованный риск»), «не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели. Риск признается обоснованным, если указанная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием) и лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам. Риск не признается обоснованным, если он заведомо был сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия» [7].

Как показывает обзор литературных источников, вышеуказанная норма Уголовного закона в существующих форме и содержании выступает плодом работы не одного коллектива ученых и практиков. Вокруг отдельных ее положений дискуссии не утихают и по сей день.

В частности, такой видный ученый, как В.А. Петровский, занимаясь проблемами психологии, еще в 1975 году пришел к интересным выводам. По его авторитетному мнению, с которым сложно не согласиться, осознание допустимого риска охватывает: осознание поставленной цели как социально положительной; осознание возможности достижения наибольшего профессионального результата при понимании опасности, которая неминуемо возникает в процессе достижения цели; понимание того, что времени и информации недостаточно для принятия однозначно правильного решения; оценивание возможных негативных последствий рискованного поведения как менее вероятных в сравнении с положительными; формирование представлений о возможных мерах безопасности на основе информации о ситуации и прогноза ее возможного развития [5, с. 27].

Уже спустя четверть века иная представительница области психологических знаний О.Д. Ситковская деликатно ставит под сомнение некоторые из указанных критериев оправданного риска и рекомендует свои: оценка ситуации, исключая возможность достижения цели без опасности или возможности выбора между опасным и безопасным вариантом действий либо вариантами с разной степенью опасности; наличие определенного объема информации, достаточного для предвидения возможных последствий данного варианта поведения, а также для вероятного вывода о шансах на достижение цели [6, с. 195–196].

В свою очередь, деятели уголовно-правовой школы, такие как С. Келина и В. Широков, отстаи-

вая свои научные взгляды, предлагают дополнительные условия правомерности риска: действия должны отвечать современным требованиям науки и техники, а лицо обязано предпринять все необходимые меры для предупреждения негативных последствий [3, с. 15; 9, с. 90].

Схожих и отличительных концепций оправданного риска в науке немало. И порой они представлены весьма противоречиво. На наш взгляд, идея нормативного закрепления критериев обоснованного риска достаточно проста и заключается в освобождении человека от любой юридической ответственности, если он действует в допустимых Уголовным законом условиях. В равной мере это касается ОРД, принимаемых в этой сфере оперативно-розыскных решений, а также оценки уполномоченным прокурором оперативно-розыскных мероприятий, проводимых в условиях информационной неопределенности.

Кратко остановимся на сути закрепленных Уголовным законом критериев обоснованного риска, которые нуждаются в разъяснениях.

Так, *общественно полезный характер цели* не может быть оправдан любым решением либо действием, направленным на ее достижение. В современном уголовном праве правило «цель оправдывает средства» не приветствуется, считается аморальным и недопустимым. Для решения вопроса об общественной полезности деяния применяется ряд иных мерил. Среди них большое значение имеет ценность того объекта, которому причиняется вред во время достижения цели.

Цель может быть достигнута исключительно путем осуществления деяния, в результате которого возникает возможность причинения вреда охраняемым Уголовным законом интересам. Данный критерий обоснованного риска с интересом обсуждается в сообществе специалистов уголовно-правовой науки. Большинство из них последовательно придерживается позиции, согласно которой лицо, принимающее решение, должно быть убеждено, что нерискованного пути к достижению цели не существует. Что же касается самого решения, то оно имеет субъективную природу, опирающуюся на объективные факторы. Поэтому, если есть несколько рискованных путей решения проблемы, нужно выбрать наиболее эффективный. При наличии наименьшей возможности достижения цели без совершения рискованного деяния субъект в обязательном порядке должен ею воспользоваться. Если же лицо, не учитывая безопасную возможность, все-таки совершает деяние, в результате чего причиняется вред охраняемым интересам, признавать правомерным такое деяние нельзя, а субъект подлежит уголовной ответственности на общих основаниях.

Принятие достаточных мер для предотвращения вреда охраняемым Уголовным законом интере-

сам как критерий обоснованного риска является наиболее дискуссионным. Дело в том, что универсального определения мер, влияющих на предотвращение вреда в любой обстановке, не существует. И это очевидно. Каждый человек в рамках своей профессиональной деятельности такие меры определяет самостоятельно в соответствии с имеющимися умениями и навыками, особенностями восприятия проблемной ситуации. Например, в ОРД принятие мер для предотвращения вреда охраняемым интересам связывается с использованием проверенных оперативно-розыскной практикой и рекомендованных профильной теорией способов решения оперативно-тактических задач, с профессионально важными личностными качествами работников оперативных подразделений, с опытом принятия решений о проведении оперативно-розыскных мероприятий в нестандартных условиях служебной деятельности.

По нашему убеждению, формулировка о «достаточности мер» для предотвращения вреда охраняемым Уголовным законом интересам некорректна. И в этом контексте придерживаемся опытного мнения мэтров оперативно-розыскной науки Э.А. Дидоренко и Б.Г. Розовского, считающих критерий достаточности неопределенным. Авторы аргументированно утверждают, что если предпринять достаточные меры, то риска можно избежать вообще. Риск потому и существует, что принять все меры для предупреждения вреда не представляется возможным, прогнозируемая ситуация содержит элементы неопределенности, устранить которые нельзя [1, с. 81].

Не менее логичной считаем точку зрения ученых в области уголовного права, согласно которой выполнение лицом всех достаточных мер отображает в основном внутреннее субъективное оценивание реализованных субъектом мер безопасности в ситуации деяния, связанного с риском. Субъект обязан выбрать именно те меры для предотвращения вреда интересам третьих лиц, общества или государства, которые в конкретной ситуации зависели от него и, по его мнению, предполагали достижение общественно полезной цели без причинения вреда [9, с. 170–171].

Как видим, существующая редакция ст. 41 Уголовного закона Российской Федерации ставит сотрудников оперативных подразделений в заведомо проигрышные условия, порождая своего рода дилемму. С одной стороны, не рисковать – значит бездействовать, а бездействовать в борьбе с преступностью – значит нарушить присягу и закон. С другой стороны, принятие рискованных оперативно-розыскных решений в ситуациях цейтнота и информационной неопределенности неминуемо влечет опасность привлечения инициаторов оперативных разработок к уголовной ответственности, так как предпринять все достаточные меры для ис-

ключения вероятности причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам невозможно.

На наш взгляд, объективное представление о законности оперативно-розыскных решений, принимаемых в условиях риска, может складываться как у субъектов ОРД, так и у уполномоченных прокуроров при осуществлении надзорной деятельности, если речь вести об обоснованно возможных (выделено нами – Д. Б.) в конкретной ситуации мерах для предотвращения вреда. Сам термин «возможность» необходимо и важно рассматривать одновременно в субъективном и объективном аспектах. Субъективное понимание возможных мер опирается на личный профессиональный и жизненный опыт конкретного сотрудника оперативного подразделения, его реализм и профессионализм в оперативной работе. В объективном понимании возможные меры выражают определенное состояние действительности, наличие в нем таких факторов и явлений, которые в результате принятия решений содействуют и выполнению задач ОРД, и предупреждению возможных негативных последствий.

Опираясь на вышеизложенные размышления и приведенные аргументы, считаем необходимым внести изменения в ст. 41 Уголовного закона Российской Федерации в части замены термина «достаточные» на термин «возможные».

В резолютивной части работы хотим отметить, что отдельные тезисы представленного исследования были апробированы на Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы государства и права: опыт, проблемы, решения» (секция «Прокурорский надзор как одна из функций государственной власти»), состоявшейся 28 ноября 2018 года в ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (г. Курск). Не претендуем на безапелляционность предложенных автором положений. Надеемся на их критическое обсуждение учеными и практиками, не безразличными к проблемам прокурорского надзора в сфере ОРД. Приглашаем к содержательной конструктивной дискуссии.

Библиографический список

1. Дидоренко Э.А., Кириченко С.А., Розовский Б.Г. Процессуальный статус ОРД в уголовном судопроизводстве: монография. – Луганск: РИО ЛИВД, 2000. – 95 с.
2. Закон України від 18.02.1992 «Про оперативно-розшукову діяльність» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2135-12> (дата обращения: 01.10.2018).
3. Келина С. Профессиональный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Советская юстиция. – 1988. – № 22. – С. 14–15.
4. Особое мнение судьи Конституционного суда Российской Федерации Т.Г. Морщаковой по делу о проверке конституционности отдельных

положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в связи с жалобой гражданки И.Г. Черновой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/1251540/1251540-003.htm> (дата обращения: 01.10.2018).

5. Петровский В.А. Психология активности // Вопросы психологии. – 1975. – № 3. – С. 25–29.

6. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. – М.: НОРМА, 1998. – С. 195–196.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/839b239b53d61b92833f911c4e4538ffe3b15417/ (дата обращения: 01.10.2018).

8. Широков В. Производственный риск // Хозяйство и право. – 1991. – № 3. – С. 86–91.

9. Ющик О.І. Кримінально-правове регулювання діяння, пов'язаного з ризиком, за законодавством України: дис. ... канд. юрид. наук. – О., 2004. – 229 с.

References

1. Didorenko E.A., Kirichenko S.A., Rozovskij B.G. Processual'nyj status ORD v ugovolnom sudoproizvodstve: monografiya. – Lugansk: RIO LIVD, 2000. – 95 с.
2. Zakon Ukraïni vid 18.02.1992 «Pro operativno-rozshukovu diyal'nist'» [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2135-12> (data obrashcheniya: 01.10.2018).
3. Kelina S. Professional'nyj risk kak obstoyatel'stvo, iskluchayushchee prestupnost' deyaniya // Sovetskaya yusticiya. – 1988. – № 22. – С. 14–15.
4. Osoboe mnenie sud'i Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii T.G. Morshchakovoj po delu o proverke konstitucionnosti otdel'nyh polozhenij Federal'nogo zakona «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» v svyazi s zhaloboj grazhdanki I.G. Chernovoj [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.echr.ru/documents/doc/1251540/1251540-003.htm> (data obrashcheniya: 01.10.2018).
5. Petrovskij V.A. Psihologiya aktivnosti // Voprosy psihologii. – 1975. – № 3. – С. 25–29.
6. Sitkovskaya O.D. Psihologiya ugovolnoj otvetstvennosti. – М.: NORMA, 1998. – С. 195–196.
7. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/839b239b53d61b92833f911c4e4538ffe3b15417/ (data obrashcheniya: 01.10.2018).
8. SHirokov V. Proizvodstvennyj risk // Hozyajstvo i pravo. – 1991. – № 3. – С. 86–91.
9. YUshchik O.I. Kriminal'no-pravove reguluyannya diyannya, pov'yazanogo z rizikom, za zakonodavstvom Ukraïni: dis. ... kand. yurid. nauk. – О., 2004. – 229 s.

**ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ АВТОРСКИХ ПРАВ РОССИИ
В СРАВНЕНИИ С ОПЫТОМ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

Статья посвящена комплексному исследованию развития издательского дела и авторского права в России. Анализ историко-правовых основ авторского права России позволяет сделать вывод о том, что российское законодательство заметно отставало от ведущих мировых держав. Автор определил основные этапы развития авторского права зарубежных стран и провёл сравнение с российским опытом. Обобщается опыт законодательных инициатив авторского права России на протяжении всей истории. Основное внимание в работе автор акцентирует на нормативно-правовом регулировании авторского права в историческом разрезе и возможности его развития на территории России. На основании этого автор сделал вывод о том, что именно исторические особенности государственного регулирования и нестабильность государственного режима прямо повлияли на развитие авторского права в России.

Ключевые слова: авторское право, автор, привилегии, издательское дело, произведение.

Начало истории авторского права в России связано с 1 марта 1771 г., когда в Российской империи открывается первая в её истории частная типография, получившая от государства право печатать иностранные книги с условием, что вся издаваемая литература будет проходить государственную цензуру [3].

Основанием для этого послужил сенатский указ «О даче иноземцу Гартунгу привилегии на заведение в Санкт-Петербурге вольной типографии и словолитной, для иностранных языков» [4]. По воле Екатерины II и решению Сената привилегия владельцу типографии Гартунгу была нужным и полезным делом для общества. После успешного опыта книгопечатания зарубежных книг в 1783 году было получено разрешение на печатание русскоязычной литературы. Однако в 1796 году частные типографии были лишены права книгопечатания Екатериной II, и право монопольного книгопечатания снова перешло к государству.

В 1801 году Александр I отменяет запрет на частное книгопечатание, создав возможность получения привилегии на осуществление типографического дела. Однако важным аспектом этого дозволения стала жёсткая государственная цензура, которая распространялась на всю издаваемую литературу в Российской империи. Уровень частного книгопечатания напрямую зависел от государства, которое не давало возможности создать конкуренцию между типографиями, регламентируя последних как посредников государственной воли и контроля сознания [5].

Вплоть до XIX века в России прослеживается тенденция превалирования интересов государства в печатном деле. Всё правовое регулирование произведений заключалось в государственном цензуре. Несмотря на выпуск литературы с указанием автора, формально не существовало законодательства, регламентирующего права авторов.

Таким образом, первые предпосылки к возникновению авторского права появляются на основе частного издательского дела по аналогии с

европейским опытом развития – путём выдачи привилегий на книгопечатание. Однако авторское право в России уже на начальном этапе заметно отстаёт от европейского пути развития авторских прав и их защиты.

Например, в Англии первая государственная привилегия была предоставлена Лондонской гильдии 4 мая 1557 г., получив название «copyright», что в дословном переводе означает «право на копию», которая продолжает существовать вплоть до настоящего времени в англосаксонском праве [9]. Привилегии представляли собой закреплённое за издателем право, позволяющее заниматься издательским делом. Семантика термина «privileg» происходит от латинских слов «privus» – частный, отдельный, и «lex» – закон, то есть отдельный закон, призванный оградить права конкретного человека (издателя) или нескольких людей. Привилегия предоставляла им исключительную возможность заниматься определённой деятельностью, в частности, такие права давали разрешение на издание или распространение книг [6].

Во Франции в 1547 г. король Генрих II издаёт Акт о книжных делах. Законом было запрещено печатать и продавать книги, содержание которых очерняло статус католической церкви и религии в целом. Но помимо содержащихся в нём запретов им было закреплено предписание, согласно которому издатели были обязаны указывать на каждом печатном экземпляре не только имя издателя, но и автора.

Таким образом, на первом этапе развития авторского права Россия заметно, более чем на двести лет, отставала от европейских держав.

22 апреля 1828 г. Николаем I принимается Цензурный устав, который можно отнести к первой государственной воле, регламентирующей права авторов. Главной особенностью данного нормативно-правового акта является наличием главы «О сочинителях и издателях книг» [2].

Исходя из названия Устава, принятый документ содержал в себе ряд внушительных ограничений

и запрещал публиковать сочинения, в которых содержалось «что-либо клонящееся к поколебанию учения православной греко-российской церкви, её преданий и обрядов, или вообще истин и догматов христианской веры». Помимо этого, запрещалось издавать «что-либо нарушающее неприкосновенность верховной самодержавной власти, или уважение к Императорскому дому, и что-либо противное коренным государственным постановлениям», и оскорбляющее «добрые нравы и благопристойность» [8].

В 1832 г. выходит в свет официальное издание расположенных в тематическом порядке действующих законодательных актов России – Свод законов Российской империи, включающий в себя собрание всех законодательных актов страны, куда был включен Цензурный устав. Это положило начало законодательному закреплению первых положений к становлению авторского права в России, которое выглядело весьма запоздавшим по сравнению с опытом зарубежных стран.

Если в Российской империи первые законодательные инициативы в отношении авторов и издателей были реализованы в нормативно-правовых актах в XIX веке, то самые первые упоминания о регламентированных авторских правах во всём мире относятся к Венецианской республике. Считается, что первоначальная модель авторского права возникла в XV веке в этой крупнейшей морской и торговой державе того времени. В 1476 г. был принят первый Указ о патентах и привилегиях для охраны изобретений и произведений. Таким образом, получение исключительного права на книгопечатание стало возможным при помощи привилегий, которые по своей природе являлись монопольным правом на производство и распространение печатной продукции [6].

Веком ранее Соединённым Королевством был принят Статут королевы Анны (в 1710 г.), положения которого утвердили права автора. Первоочередной целью нормативно-правового акта была защита авторских прав, нежели издательских, в то время как в России все ещё превалировал государственный интерес и устанавливались минимальные права издателей.

В 1845 г. принимаются нормы, устанавливающие авторские права композиторов, а в 1846 г. – авторские права художников и архитекторов. С 1857 г. Цензурный устав включал в себя нормы о литературной и музыкальной собственности. Также в законе стали решаться вопросы об охране статей в журналах, частных писем и хрестоматий, тем самым увеличивая перечень охраняемых результатов интеллектуальной собственности.

В 1886 г. происходит мировое событие для авторского права – в Швейцарии была подписана Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений. Однако Россия

не ратифицирует международный акт в силу разногласия с национальным законодательством. Согласно конвенции, авторы могли запрещать вносить изменения в издаваемые ими книги, что не соответствовало положениям Цензурного устава. Несоответствие национальному законодательству и отсутствие заинтересованности менять имеющиеся нормы привело к отказу Российской империи присоединиться к Бернскому союзу, что в очередной раз сделало Россию отстающей от мировых держав в сфере развития авторского права и интеллектуальной собственности в целом.

Первым самостоятельным нормативно-правовым актом России в сфере регулирования отношений в области авторского права стал закон Российской империи «Об авторском праве» от 20 марта 1911 г. Акт был составлен на основе лучших образцов европейского законодательства и международных соглашений, регулирующих правоотношения с интеллектуальной собственностью. Он содержал основные понятия авторского права, перечень охраняемых объектов, срок действия авторского права, вопросы правопреемства, нарушения авторских прав, средства их защиты и др.

В перечень охраняемых произведений были добавлены географические, топологические, астрономические карты, глобусы, атласы, рисунки по естествознанию, строительные и другие технические планы, рисунки, чертежи, драматические, музыкально-драматические, фотографические и подобные им произведения [7].

Несмотря на учёт европейского опыта и заимствования основ авторского права зарубежных стран, Россия так и не ратифицировала Бернскую конвенцию, поскольку не все положения нового законодательства соответствовали положениям конвенции, в частности, законом допускался свободный перевод произведений без получения разрешения у автора.

После Октябрьской революции 1917 г. перестаёт существовать Российская империя, а вместе с ней теряет юридическую силу всё законодательство, включая закон «Об авторском праве» 1911 г. Дальнейшая судьба авторского права напрямую зависела от Совета народных комиссаров (далее – СНК). Так, на основании декрета СНК «О научных, литературных, музыкальных и художественных произведениях» 1918 г. любое произведение могло быть признано достоянием республики, однако при издании произведения автор мог претендовать на получение гонорара [1].

В отличие от закона «Об авторском праве» 1911 г., Декрет не преследовал в качестве цели охрану прав автора и его наследников, напротив, целью новой власти была охрана революционных достижений. К примеру, на основании Декрета СНК в 1919 г. список признаваемых достоянием РСФСР произведений дополнили работы П.И. Чайковско-

го, М.П. Мусоргского, А.П. Бородина и других известных композиторов [2]. В акте также указывалось, что наследники авторов, чьи произведения были национализированы, вознаграждаются в соответствии с текущим законом. Помимо указанного вознаграждения, в случае смерти автора право на получение материальной помощи возникало у его нуждающихся и нетрудоспособных родственников, в то время как авторское право на произведение не передавалось по наследству.

Первым советским законом об авторском праве стал закон СССР «Об авторском праве» 1925 г., в 1928 г. претерпевший некоторые изменения. В первой версии законопроекта срок действия авторского права составлял 25 лет с момента опубликования произведения, а с принятыми изменениями – всю жизнь автора и последующие 15 лет после его смерти [7].

Закон «Об авторском праве» просуществовал до 1960-х гг., вплоть до периода кодификации законодательства, где было решено выделить авторское право в виде самостоятельного раздела в Основах гражданского законодательства СССР и союзных республик. Согласно новому, адаптированному закону, авторское право подразделялось на два вида прав: личные права, дающие право распространять произведение под своим именем, псевдонимом или анонимно, право на неприкосновенность произведения, право на его опубликование и распространение, и имущественные права, дающие право на получение материальной выгоды.

Что касается периода современной России, то в 1993 г. был принят закон РФ «Об авторском праве и смежных правах». Согласно законодательному акту, авторские права охранялись в течение жизни автора и ещё пятидесяти лет после его смерти, с 1 января последующего года. Авторское право подразделялось на личное и имущественное, и для охраны произведения не требовалось соблюдения формальных процедур.

Закон 1993 г. действовал вплоть до принятия четвёртой части ГК РФ, работа над которой началась в 2005 г. Впоследствии ныне действующий закон объединит в себе охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. Кроме того, сроки авторского права вновь были увеличены, и действуют в течение жизни автора и семидесяти лет после его смерти. Проект был принят 24 ноября 2006 г., и четвёртая часть ГК РФ вступила в силу с 1 января 2008 г., где действует на территории Российской Федерации по сей день.

Проанализировав динамику развития авторского права в России, необходимо резюмировать, что законодательство в сфере защиты авторских прав заметно отставало от зарубежного развития не менее чем на два столетия, что может быть представлено в виде одной из причин существующих

проблем современного авторского права и его признания государством и обществом.

При первой попытке признания интеллектуальной собственности частным правом в 1911 г. страну охватывает большевистская и коммунистическая идеологии, отрицающие институт интеллектуальной собственности европейского образца, тем самым отодвигая дальнейшее развитие авторского права на столетие вперёд.

Законодательство об интеллектуальной собственности советского периода характеризуется динамичностью, обусловленной как экономическими, так и политическими событиями. Идеология коммунистической партии имела прямо противоположные авторскому праву принципы, что не давало возможности развитию института интеллектуальной собственности и авторским правам.

В конечном счёте, только в конце XX – начале XXI века авторское право в России регламентировало полный объём прав автора, утвердив его как частное право и практически нивелировав участие государства в гражданских правоотношениях.

Результаты проведённого исследования позволяют сделать предположительное заключение о том, что российское авторское право не имело возможности стабильно и поэтапно развиваться в имеющихся условиях, что создавало трудности его естественному формированию. Вплоть до XX века за авторами произведений не закреплялись в полном объёме авторские имущественные и личные неимущественные права. Таким образом, исторический опыт развития авторского права в России свидетельствует о том, что институт интеллектуальной собственности долгое время оставался монопольной прерогативой государства, не давая возможности авторам произведений в полной мере пользоваться своими творческими трудами. Все исторические предпосылки авторского права образовывались и возникали заметно позднее, нежели в зарубежных странах, что обусловлено особенностями правления и государственной политикой России на протяжении всех лет.

Библиографический список

1. Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А. Авторское право. – М.: Юридическая литература, 1957. – 278 с.
2. Давыдова Н.Ю. Правовое регулирование авторского права в России в 1917–1928 гг. // Учёные записки Орловского государственного университета. – Орёл: Орловский гос. ун-т им. И.С. Тургенева, 2013. – № 5 (55). – С. 168–169.
3. Плиева С.В. Исторические этапы развития авторского права в России // Бизнес в законе. – 2009. – № 5. – С. 48–50.
4. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 19. – Юридический центр, 2013. – 1083 с.

5. Салицкая Е.А. Развитие отечественного законодательства в области авторского права: исторический аспект // Наука. Инновации. Образование. – 2014. – № 16. – С. 265–274.

6. Соколова Т.В. Основные этапы становления и развития немецкой терминологии авторского права как науки // Омский научный вестник. – Омск: Омский гос. тех. ун-т, 2011. – № 2 (96). – С. 102–105.

7. Судариков С.А. Интеллектуальная собственность. – М.: Изд-во деловой и учебной литературы, 2007. – 796 с.

8. Утверждён устав о цензуре 1828 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/history/619216> (дата обращения: 02.11.2018).

9. История авторского права. Ч. 2. Кровавая Мэри [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://geektimes.ru/post/162011/> (дата обращения: 01.11.2018).

References

1. Antimonov B.S., Flejshic E.A. Avtorskoe pravo. – М.: YUridicheskaya literatura, 1957. – 278 s.

2. Davydova N.YU. Pravovoe regulirovanie avtorskogo prava v Rossii v 1917–1928 gg. // Uchyonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. –

Oryol: Orlovskij gos. un-t im. I.S. Turgeneva, 2013. – № 5 (55). – С. 168–169.

3. Plieva S.V. Istoricheskie ehtapy razvitiya avtorskogo prava v Rossii // Biznes v zakone. – 2009. – № 5. – С. 48–50.

4. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda. T. 19. – YUridicheskij centr, 2013. – 1083 s.

5. Salickaya E.A. Razvitie otechestvennogo zakonodatel'stva v oblasti avtorskogo prava: istoricheskij aspekt // Nauka. Innovacii. Obrazovanie. – 2014. – № 16. – С. 265–274.

6. Sokolova T.V. Osnovnye ehtapy stanovleniya i razvitiya nemeckoj terminologii avtorskogo prava kak nauki // Omskij nauchnyj vestnik. – Омск: Омский гос. тех. ун-т, 2011. – № 2 (96). – С. 102–105.

7. Sudarikov S.A. Intellektual'naya sobstvennost'. – М.: Izd-vo delovoj i uchebnoj literatury, 2007. – 796 s.

8. Utverzhdyon ustav o cenzure 1828 g. [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.prlib.ru/history/619216> (data obrashcheniya: 02.11.2018).

9. Istoriya avtorskogo prava. CH. 2. Krovavaya Mehri [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://geektimes.ru/post/162011/> (data obrashcheniya: 01.11.2018).

SUMMARY

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL SCIENCES

Sergey Ya. Alibekov

*The Povolzhye State Technical University,
the City of Yoshkar-Ola, Mari El autonomy, Russia
kmim@volgatch.net*

Svetlana A. Kurochkina

*Research Centre for Cultural Heritage Preservation,
the City of Saratov
kurochkina-sveta@bk.ru*

Yuriy A. Pavlenko

*Research Centre for Cultural Heritage Preservation,
the City of Saratov
pavlenko127@mail.ru*

Daniil D. Shmelyov

*Research Centre for Cultural Heritage Preservation,
the City of Saratov
aors87@yandex.ru*

Preliminary analysis of the ceramic material of the monument "Old Samara. Wooden buildings" erected no later than the middle of the 19th century" (according to archaeological materials of 2017)

In 2017, rescue archaeological research was carried out in the territory of Samara "Dugout Fortress". As a result of this work, 2 thousand fragments of ceramic material have been obtained. The authors of the article in order to obtain additional information about the technological features of the manufacture of "Samara" ceramics processed a series of ceramic material. They used such natural scientific methods as heat treatment, binocular microscopy method, chemical X-ray fluorescence analysis, macroscopic analysis. We conducted technical-technological and natural-scientific analyses and we have shown the heterogeneity of labour skills among Samara potters. The basis of the range of the analysed groups of ceramics include jugs, little and large pots, bowls, crocks. The time of their existence – the 17th—18th centuries and the 19th century, which coincides with the time of the existence of the monument itself. In the considered time period, Samara pottery was already a handicraft industry, and the traditions of local craftsmen were similar to the traditions of potters from other Russian centres.

Keywords: dugout fortress, ceramic material, technical and technological method, natural science methods.

Guzel' V. Ibneyeva

*Kazan (Near-the-Volga) Federal University,
the City of Kazan, Tatarstan autonomy, Russia
guzel.ibneyeva@yandex.ru*

Anastasiya I. Lebedeva

*Kazan (Near-the-Volga) Federal University,
the City of Kazan, Tatarstan autonomy, Russia
performance0707@mail.ru*

Subjects of the Russian Empire's colonisation policy abroad in 1762–1766: structure and hierarchy

The article deals with the problem of forming a system of the Russian Empire abroad's representatives, who solved the problems of the government's colonization policy. Based on archival sources, the authors identify the categories of Russian agents who

performed the functions of recruiting and sending foreigners to Russia for the development of uninhabited territories. The article investigates the characteristic features of the differentiation's process of the colonisation policy conductors' official powers. The authors conclude that the formation of the administrative structure responsible for attracting potential colonists and their transportation to Russia faced certain difficulties. Such obstacles affected both the mechanism of calling foreigners and the structure of the system of Russian agents of colonisation policy abroad.

Keywords: colonisation, callers, recruitment of colonists, Empress Catherine II, colonization policy, agitators, commissioners, envoys.

Galina P. Kamneva

*Moscow Region State University
kamnevagp@gmail.com*

Andrey A. Sotnikov

*Moscow Region State University
microlabuss@mail.ru*

Sergey A. Sotnikov

*Moscow Region State University
sergey@histr.ru*

Security agencies in the Russian Empire in the second half of the 19th century

This work is devoted to the study of the security agencies of the Russian Empire in the second half of the 19th century. What refers to security agencies are any state structures of the Russian Empire engaged in the identification and suppression of political dissent as well as (subsequently), of political terrorism. In this paper we will consider the specific situations of "exchange of blows" between the first Russian revolutionaries and the security structures. The authors analyse the security agencies' development during the second half of the 19th century, including their functions, tasks, structure of the Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, the activities of the "Department for Protecting the Public Security and Order". The influence of specific manifestations of political terror in the Russian Empire, such as Stepan Khalturin's attempted assassination of Alexander II of Russia, on strengthening the fight against the revolutionary movement is noted.

Keywords: Ministry of Home Affairs, detection of dissenters, secret police, suppression, Third Section, Gendarmery Corps.

Yuliya A. Krivosheyeva

*Demidov Yaroslavl State University
glory_lies@mail.ru*

Yaroslavl provincial female textile workers' everyday and family life in the second half of the 19th – the early 20th centuries

The article considers the key aspects of family and everyday life of Yaroslavl Province's female textile workers in the second half of the 19th – the early 20th centuries. Nowadays, studying of everyday life of women engaged in heavy activity, including heavy industry, becomes possible within approaches of everyday life history, gender history (especially women's)

as well as within approaches of local history. On the basis of archival documents, the author analyses and compares living conditions, morbidity, social security of workwomen. The issues of morality, social deviations in families, organisation of leisure, as well as the change of gender roles among textile workers are of particular attention. The author concludes that despite of the labour legislation development and considered decision touching the social policy of manufacturers, female workers' life quality was well below than male workers'.

Keywords: women, textile industry, family and everyday life, social problems, gender, daily life history.

Natal'ya M. Shchetinina
Voronezh State Technical University
n.shchetinina2014@yandex.ru

**Formation of charitable institutions
in the territory of Voronezh land
in the late 19th — the early 20th centuries**

The article is devoted to the problem of creation of educational establishments for children with special needs in the territory of Voronezh land. New tendencies in the development of central administration and public assistance evoked intra-local innovative processes. The first school for blind children in the Central Black-Soil Region was founded in the late 19th century. Local charity had helped greatly to create the educational establishment. The first half of the 20th century saw the beginning of education for the deaf. These institutions were to conduct training for children with special needs and facilitate their social adaptation. The article concludes that the schools for blind and deaf children have served as a model for the contemporary system of inclusive education.

Keywords: disabled children, blind, deaf, charity, education, prototype, Voronezh Province, late 19th — first half of 20th centuries.

Vadim V. Yegorov
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University;
Nizhny Novgorod Institute of Management
of the Russian Academy of National Economy
boarin123@yandex.ru

**Jews' participation in economic and labour
activities in Nizhny Novgorod
and Ivanovo-Voznesensk provinces
in the late 19th — the early 20th centuries**

The article analyses the peculiarities of participation of the Jews in economic and labour activities in Nizhny Novgorod and Ivanovo-Voznesensk provinces in the late 19th — the early 20th centuries. The policy of the authorities regarding the Jews' admittance to the designated provinces is analysed, since for most of them, it was restricted by residency law on the Pale of Settlement. The author comes to the conclusion that the Jews settled in Nizhny Novgorod Province, first of all, in order to participate in the economic and labour relations associated with the work of Nizhny Novgorod Fair. Local authorities were interested in them. However, the authorities of Ivanovo-Voznesensk Province showed less interest in the Jews. Despite the prohibi-

tions, some Jews settled in both provinces. However, most of them left the Pale of Settlement for the said provinces legally. Their economic and labour activities brought great benefits to the indigenous population.

Keywords: Jews, Nizhny Novgorod Province, Ivanovo-Voznesensk Province, honoured citizens, right of residence, Nizhny Novgorod Fair, economic activity, labour activity, accommodation.

Aleksandr A. Turygin
Kostroma State University
aturigin@mail.ru

**"German dam to resist the head
of the Polish waves":
the Pan-Germanism geopolitics**

The paper discusses the internal colonisation policy of Polish lands launched by the government under Bismarck, the Chancellor of the German Empire. The internal colonisation policy, implemented by the Prussian Settlement Commission, was supported by those First Reich's politicians who were disposed to nationalism. The interest in colonisation issues had triggered the academic thought, which resulted in forming the geopolitical doctrine and motivated the rise of nationalist movements that soon found a definite organisational and political structure. The experience gained through the activities of the Settlement Commission, shaped the public and political career of Alfred Hugenberg, the Pan-German League's leader, who backed the active internal and external colonial policy. He developed and suggested the First Reich's internal colonisation scheme. These ideas were later implemented in the policy led by the First Reich's Chancellor.

Keywords: geopolitics, Pan-Germanism, Prussian Settlement Commission, colonisation, Germanisation, Lebensraum, "Leo Wegener's circle", nationalism, cooperation, Raiffeisen Bank.

Yelena A. Osipova
Kostroma State University
yelena-decide@yandex.ru
Aleksandr A. Turygin
Kostroma State University
aturigin@mail.ru

**Image of the Russian Empire and the empire
borders in the minds of the right-wing
monarchical conservative parties before 1917**

The aim of this article is the effort to describe the image of the Russian Empire and the empire borders in the minds of the right-wing monarchical conservative parties before the revolutionary events of 1917. The authors pay attention to the theoretical prerequisites of the ideological views of the black-hundredists (the "official nation" theory and the conception of the later Slavophiles) and the practical mission that they set for themselves on the political stage (striving for saving the united and indiscerptible Russian Empire). The main conclusion is that in the minds of the right-wing monarchical organisations, the Russian national tradition was very closely connected with the paradigm of the united Empire which was deemed to be the absolute political value and was fulfilling the defence func-

tion to face the western civilisation. Only the unitary model of the state structure for the sake of the strict centralisation and turning down the outskirts' request of autonomy provided cultural and economic prosperity.

Keywords: right-wing monarchical parties, Black Hundred, imperialism, "official nation" theory, Nikolay Danilevsky, Konstantin Leontiev, Russian Empire.

Yelena M. Petrovicheva
The Stoletovs Vladimir State University
helenp94@mail.ru

Galina M. Ptitsyna
The Stoletovs Vladimir State University
ms_ptitsina@mail.ru

Voters' behaviour during Volost Zemstva elections in 1917 (in terms of Vladimir Province)

The article is devoted to the behaviour of the rural population during the elections to Volost Zemstvo institutions in 1917 in one of the most typical industrial region of Central Russian – Vladimir Province. Analysis of the local press and messages from the provincial and district commissioners of the Provisional Government stored in central and local archives made it possible to identify the peculiarities of the attitude of this region's peasantry and the rural intelligentsia to the revolutionary power in the early autumn of 1917. The reasons for indifference of the peasantry to the elections of a new Zemstvo unit are analysed. They include, first of all, the Provisional Government's delay in working out and implementation of the Zemstvo reform; presence of executive land committees and councils of peasants' deputies already representing the interests of the peasantry; insufficient organisational and explanatory pre-election work; financial and organisational problems of Volost Zemstva.

Keywords: peasants' social behaviour, election campaign, Volost Zemstvo, 1917, revolution, Provisional Government.

Aleksey N. Zuyev
Kostroma State University
zuewa-1987@mail.ru

Overcoming housing shortage in Russia during first years of the Soviet power and role of building and loan cooperation

The present article deals with highlight measures taken by the Soviet power towards housing shortage overcoming in Russia after the country withdrawal from the World War I and the Russian Civil War. The building and loan cooperation development in the 1920s in Russia is of special attention. The author reveals the living conditions of the Russian population in the first 2 decades of the 20th century. The author investigates the process of formation of regulatory and legal framework of the Soviet state in the housing sector. The article shows the governmental measures to support building and loan cooperation as well as particular preference and exclusiveness of the labour class in Russian policy. The article highlights figures in square metres of residential blocks constructed by the building and loan cooperation. The author arrives at conclusion that the building and loan cooperation in

the 1920s made a great contribution in housing shortage overcoming in Russia.

Keywords: Soviet power decrees, legal framework concerning building, cooperative housing societies, house-leasing cooperatives, labour housing cooperative associations, general civil cooperative associations, living conditions.

Vladimir S. Okolotin
Ivanovo State University
okolotin.vladimir@yandex.ru

The production of shells for 45 mm anti-tank guns on the plants of Ivanovo Region in 1942

The article is devoted to the research of the activity of engineering plants of Ivanovo Region on the production of 45 mm shells for acting army in 1942. Special attention is paid to disclosure of its effectiveness and also to identification of the causes impeding implementation of the resolutions of the State Defence Committee of the USSR. The article reflects the role of the regional committee of the Communist Party on the operational solution of the issues connected with the provision of the plants with metal, fuel, labour force. Its efforts on the mobilisation of regional resources and on creation of the new materials required for the production of the shells is also of our attention. The article is prepared on the materials of Russian state archive of social and political history and the State archive of Ivanovo Region. It presents the new material on the history of Ivanovo Region in the years when it was home front of the World War II; lots of the archival documents have been introduced for the first time. The results of this research may be of interest of the specialists in the field of regional economics and the World War II history.

Keywords: USSR State Defence Committee, enactments, acting army, projectiles, Communist Party regional committee, enterprises of Ivanovo Region, plan, special steel, shortage in metal, search for solutions, blast furnace, cast semi-steel, peat coke production, execution of production programme.

Sergey V. Ushkalov
Bryansk State Technical University
sushkalov@yandex.ru

Yuriy T. Trifankov
Bryansk State Technical University
trifankov.yury@yandex.ru

Lyudmila I. Zakharova
Bryansk State Technical University
tim-lyud@yandex.ru

The role of Major General Pavel Lazarev's tank troops in the run at Sevsk and Dmitrovsk in winter to spring 1943

The article based on the analysis of archival documents of the Central archive of the Russian Ministry of Defence, deals with the importance of the offensive operations of the Central front in winter to spring, 1943. The article is devoted to one of the obscure battles that occurred near the City of Bryansk. As a result of this operation, the "Kursker Bogen" was formed, which served as a place of arms for subsequent operations on Oryol and Kharkiv line of advance in the summer of 1943, as

the result of which, the strategic initiative was finally seized by Red Army. The article reveals unknown pages of history based on archival data. The authors come to the conclusion that the offensive operations of the Central front in early 1943 had influenced the outcome of the Battle of Kursk. As a result of the troops' actions at the Central, Bryansk, Western and Kalinin fronts from February to March, 1943, the German command had to pullout their military from Rzhev-Vyazma salient; thereby, the immediate menace to the Soviet capital – the city of Moscow – had been called off.

Keywords: World War II East Front, Central front of Soviet WW II theatre, run at Sevsk and Dmitrovsk.

Sergey M. Zinchuk
Kostroma State University
zinchuk_sergej@mail.ru

Nikita Khrushchev's anti-religious campaign of 1954—1964: practical implementation and results

The article reveals the instrumental complex of Nikita Khrushchev's persecutions in the process of adoption by state structures of special normative and legal acts that violated the rights of believers, the realisation of a wide range of economic sanctions aimed at undermining the economic base of the Russian Orthodox Church (hereinafter – the ROC), carrying out anti-religious propaganda, including with the active participation of those who had deserted religion on display. All this was addressed, first of all, to the Soviet youth and assumed a wide use of the management reserves to exert pressure on clergy and laity. At the same time, under conditions of a relative loosening of the totalitarian regime as a result of the debunking of Joseph Stalin's cult of personality and the policy of the so-called "thaw", believers had a legal opportunity to protect their religious rights unlike in the 1920s to 1930s, when the state used undisguised violence against clergy and laity. It is obvious that Nikita Khrushchev had to take into account the the ROC's increased role in the Soviet society after the World War II and partial improvement of state-church relations in the 1940s – the early 1950s; however, despite all the activities of the anti-religious campaign, it had failed. Such a result was due to inefficiency of the methods of its realisation, their lack of reasoning when used against believers.

Keywords: state-church relations, Russian Orthodox Church, atheistic policy, Alexy I Patriarch of Moscow & all Rus', Metropolitan Nicholas (worldly Yarushevich).

Anna N. Shigareva
Kostroma State University
schigareva.an@yandex.ru

The past and the present in the Soviet propaganda's service (in terms of the book "Facing America" devoted to Khrushchev's first US visit)

60 years sharp have passed since Nikita Khrushchev visited the "den" of the USSR's ideological enemy, the USA. During this visit, the Soviet leader for the first

time became the public person of Euro-Antlantic scale, the most eminent visitor from the world of socialist reality. The Soviet leader's official visit to the USA had been from the very beginning presented not just as an event significant in the field of international policy. It was a historic step and a memorable event. Peculiar chronicle of Khrushchev's visit "Facing America: On Nikita Khrushchev's trip to the USA. September 15-27, 1959" holds a specific place among that period's publications. Well-grounded work of a group of authors who accompanied the Soviet figure on his trip is saturated with various materials and sources, documentary evidences of the said era. An attempt to define the place of design of the past in structure of the Soviet political myth about Khrushchev's visit to America, reflected in this book, which has no precedent as for quality and volume of historical material, has been undertaken in the article.

Keywords: Soviet propaganda, Nikita Khrushchev, Cold War, political discourse, totalitarianism, US trip, revering memory, ideology.

Kirill A. Zverev
Kostroma State University
zverew.kir@yandex.ru

History as instrument of propaganda in the political struggle of the Baltic republics in the 1990s–2000s

The article considers the use of history as an instrument of propaganda in terms of Estonia, Latvia, Lithuania. With restoration of these Baltic states' sovereignty, the attitude to many historical events has changed. In particular, the period of the World War II and the existence of Estonian SSR, Latvian and Lithuanian SSRs as part of the Soviet Union were reconsidered. Since the 1990s, these events have been referred to as the "Soviet occupation period". This thesis has found support in the scientific literature, school textbooks, press and cinema of these nations and worldwide. Propaganda focuses primarily on the younger generation and is each time activated on the eve of political elections, in order to mobilise the nationalist electorate. These actions have had a negative impact on the situation with the Russian-speaking population in the Baltic states, which was deprived of political rights and the ability to influence legislative activity. By rewriting history, local authorities are trying to distract the population from current problems and get rid of political rivals.

Keywords: propaganda, occupation, Russian-speaking population, political struggle, history, nationalist electorate, Baltic states.

Marina B. Abekhtikova
Kostroma State University
m.marinab@mail.ru

History of Russian children's and youth organisations in the 20th century: from scout movement to orthodox camps

The 20th century is traced in the article on the example of the basic facts and events history of general and additional education of children, teenagers and youth in Russia. The author of the article addresses a

number of the problems Russian education faced in the early 20th century, briefly stops on the issues of how schools belonging to the ministry of people's education and parish schools worked; she shows the history of the scout movement origin in Russia. At the early 20th century, the scout movement got accustomed in Russia and began to extend actively; in general, it completely corresponded to the idea of formation of a citizen and a patriot, a believer, who on oath would declare call of duty to God and to the country. The author feels sorry about the fact that the scout movement broke up after the revolution. The author of the article analyses the subsequent steps of the Soviet leadership on creation of shelters for homeless children before and after the World War II, as well as children's camps; she considers advantages and disadvantages of the Soviet system of children's institutions, shows return of the scout movement to Russia and revival of the religious, spiritual and moral upbringing which began in the 1990s.

Keywords: teenagers, youth organisations, children's organisations, education, scout movement, Young Pioneers, spiritual and moral upbringing, church revival, orthodox camps.

Yelena A. Sipyagina
Kostroma State University
sipyagina2015@yandex.ru

Social service of the Russian Orthodox Church in modern historiography (1988—2008)

It is necessary to understand that the Soviet power saw massive destruction to the Russian Church but since 1988, it has been trying its best to restore its organisation, and this fact allowed it intensifying its social work. It is obvious that this process will attract the attention of various researchers. The article analyses the church and secular historiography of both the 1990s and the 2000s as part of the study of the issue of charitable activities of the Russian Orthodox Church. The list of questions studied by researchers in different periods both in idealistic and materialistic understanding is revealed. It is important to note that one of the core problems considered in the historians' works is the analysis of the terminology of church charity.

Keywords: Russian Orthodox Church, Church social service, charity in Russia.

Vladislav A. Tulyanov
Moscow Region State University
v.tulyanov@mail.ru

Charity of the Russian Orthodox Church in the phenomenon of modern Russian charity (in terms of the orthodox service "Mercy")

The article investigates some aspects of the social role of the Russian Orthodox Church in modern Russia. The purpose of the article is to study the place of church charity (on the example of the service "Mercy") in the phenomenon of modern Russian charity. The article sets the following research objectives: to identify the main sources of funding for the service "Mercy"; to identify the main channels of spending money by the service "Mercy". The basis of the research methodol-

ogy was the analysis of statistical information of the reporting documentation of the service "Mercy" and some secular charitable organisations. It is concluded that church charity occupies one of the leading places in the Russian charity in general, and the service "Mercy" is much more successful project to attract donations for social needs than some secular funds.

Keywords: church charity, Russian Orthodox Church, orthodox service "Mercy", charitable foundations.

SCIENCE OF LITERATURE

Natal'ya A. Trufanova
Lomonosov Moscow State University
rasorblade@yandex.ru

Charms against a snake and a worm in medieval German tradition

This article focuses on the main features of German charms aimed against a snake and a worm. Such formulas are known from the Old High German to Early New High German period and appear in all regions of Germany, which allows of high popularity of these texts and real practical usage of them. Within the framework of this article the author examines mainly the texts of the High Middle Ages attributed to High German as well as to Low German language areas, which are published in the Russian translation for the first time. The article contains the analysis of the syntactic structure and lexical data of these charms as well as the pragmatic component and discovers common characteristics and main models of the texts within this thematic group. The drawn conclusions will be of interest of specialists in the field of the German language history and literature as well as of study of folklore and the medieval medicine.

Keywords: charms, folklore, Middle Ages, medicine, German language, snake, worm, "wurm und wyrmin".

Yelena-Neola Yu. Motsart
Gorky Literary Institute, Moscow
mozart_jj@mail.ru

The romantic transformation of the characters of Don Juan and Faust by Christian Dietrich Grabbe

The article considers the romantic transformation of the characters of Don Juan and Faust in terms of the tragedy "Don Juan and Faust..." by Christian Dietrich Grabbe, and it also analyses the specific features of these characters by Ch. D. Grabbe. The author focuses on the comparison of Faust and Don Juan through their contraposition as plot rivals and dramaturgic foes: in the tragedy, the German static word is set of in opposition to the Roman, Latin (Spanish) dynamic music. The author of the article focuses on the two heroes opposite of each other, on two opposing elements and two cultures, as well as on Grabbe's desire to offer his own romantic interpretation of Faust the main feature of which, is that his hero can fully exist only in "close liaison" with his twin antipode.

Keywords: Don Juan, Faust, statics, word, dynamics, music, romantic hero.

Tat'yana V. Ternopol

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University
ternopoldp@mail.ru*

**One, two, three, four, five – come and find me.
Counting rhymes in A. Christie's detective novels**

The article is devoted to analysing the role of pretext of nursery counting-out rhymes in Agatha Christie's detective novels. Methods of hermeneutics and comparative analysis are used to study three novels: "And Then There Were None" (1939), "One, Two, Buckle My Shoe" (1940) and "Hickory Dickory Dock" (1955). The researcher makes a conclusion that Agatha Christie has invented various models of using folklore counting-out rhymes as pretext: it can be used as a scheme of committing crimes ("And Then There Were None"), logics of their investigation (One, Two, Buckle My Shoe), or tricking a reader aware of formula of the authoress' text structure ("Hickory Dickory Dock"). A counting-out rhyme can be used as the hint for investigation of crimes by the reader. Often in the context of the novels, pretext finds new semantic filling connected with moral and ethical aspects of the narrated story.

Keywords: formula stories, detective novel, pretext, intertextuality, English nursery rhymes, counting-out rhymes, Agatha Christie's creative work.

Natal'ya V. Zakharova

*Gorky Literary Institute, Moscow
radaeva2002@gmail.com*

**Women's rights movement and rise of periodicals
for women in the Late Qing China**

The article reviewed questions connected with emergence of the new social-cultural event in China in the early 20th century – women's participation in literary process of the country. When the women's rights movements (女权) began it had subsequently led to the poetesses' replacing by prose authoresses (the former ones were traditional for medieval China). The foundation of the movement was laid by articles about the European emancipation published in Japanese, later in Chinese, magazines. The article concludes that participation in the periodicals focused on female audience in which publishers, authors and editors were not only men, but also women, became the next stage on the way of involvement of Chinese women into literary process. The author focuses the main attention on the creative work of the translator and editor Kang Youwei, editor of the "Woman's Education" newspaper ("女学报") as well as on work of Qiu Jin, who was a poetess and a publicist.

Keywords: literary process in China, women's rights movement, periodicals, late Qing epoch.

Nina A. Lobkova

*Kostroma State University
lobkova.nina.a@yandex.ru*

**Pavel Annenkov in "Vestnik Europy" (in terms
of the critic's letters to Mikhail Stasyulevich)**

Pavel Annenkov, one of the authors of the magazine "Vestnik Europy" (Herald of Europe) since first its first issue in 1866, would regularly write letters to

editor Mikhail Stasyulevich. Pavel Annenkov became "guide" for the young editor into world of the press of that time. The article describes Pavel Annenkov's influence on the liberal course of the journal "Vestnik Europy" (Herald of Europe); it comments his opinions set out in writing to Mikhail Stasyulevich about Russian press, literary and historical events of the period of 1860s—1880s. Special attention is paid to Pavel Annenkov's comments about Ivan Turgenev's publications in "Vestnik Europy" (Herald of Europe) and about press' responses to Ivan Turgenev's works. The article describes Pavel Annenkov's attitude to Ivan Turgenev's relations with Nikolay Nekrasov; it comments Pavel Annenkov's recollection of the "Remarkable Decade" about Nikolay Nekrasov's propinquity to this literary circle. The article tells about Pavel Annenkov's opinions about Nikolay Nekrasov's early and later creative work and about the reasons of popularity of that poet. Pavel Annenkov's judgements about Russian political events define his personality more precisely.

Keywords: Pavel Annenkov, "Vestnik Europy" (Herald of Europe), Mikhail Stasyulevich, letters, "Agape feasts", Ivan Turgenev, Nikolay Nekrasov.

Natal'ya V. Volodina

*Cherepovets State University,
the City of Cherepovets, Vologda Region
natalivolodina@mail.ru*

**"Once again" about "unwanted people":
the transformation from literary type to a concept
(historical and functional aspect). Part I.**

The article is devoted to a research of one of the most well-known type of Russian classical literary character – an "unwanted person". The novelty of the proposed approach consists in consideration of transformation of this character type into a concept, which represents a phenomenon of the personality and mentality of the certain public group. The formation of this concept (as the author shows) happened in the literary criticism and journalism of the 1840s – the 1860s. The key personalities presented in this article include Nikolay Chernyshevsky and Pavel Annenkov. The historical and functional analysis of two critics' work (the former was a political essays' critic, the latter, a critic in the field of aesthetics) allowed revealing constant signs in the "unwanted people's" character and at the same time, different vectors of their interpretation. Nikolay Chernyshevsky estimates "unwanted people", guided by the idea of public activity of a person. The critic first of all recognises the "unwanted people's" historical role as "old faces can't make new policy"; then he comes to a conclusion about civic inconsistency of the said ones. The said people's spiritual contents rather than their practice allow Annenkov come to a conclusion that it is "unwanted people" in Russia who begin "intelligent life of society". Thus, the literary hero status, just like in Nikolay Chernyshevsky's works, appears to be identical to the hero's social being.

Keywords: literary type, concept, intellectuals, "unwanted people", Ivan Turgenev, criticism vs political essays, Nikolay Chernyshevsky, Pavel Annenkov.

Nikolay A. Degterov
Cherepovets State University,
the City of Cherepovets, Vologda Region
koldeg@mail.ru

Axiological problems of corporal punishment in Nikolai Pomyalovsky's "Seminary Sketches"

This article discusses the corporal punishment topic in "Seminary Sketches" by Nikolai Pomyalovsky and methods of its disclosure. The author analyses the techniques that allow Nikolai Pomyalovsky identifying corporal punishment's axiological problems. This includes repetitions that reveal themselves both at the level of episodes depicting scenes of violence, and at the level of descriptive details. This is also an antithesis of pupils and teachers and at the same time, their non-obvious similarity. The role of documentary-journalistic and artistic discourses' interaction in the creation of the artistic effect is noted. Based on the analysis, the author concludes that axiological problems of Nikolai Pomyalovsky's work are related to the Russian literary Christian component as well as to unsolvability – within the "Sketches" artistic world – of the conflict arising from the paradoxical combination of the themes of childhood and physical violence.

Keywords: corporal punishment, axiology, Nikolai Pomyalovsky, "Seminary Sketches", repetition, compositional technique, literary character.

Yuriy V. Lebedev
Kostroma State University
y.v.lebedev@yandex.ru

Creative history of a "spring's tale" "The Snow Maiden" by Alexander Ostrovsky

It is shown in the article how Alexander Ostrovsky when creatively working on the play "The Snow Maiden", carries out restoration of the ancient Slavs' world view and a reconstruction of a ceremony of meeting Jarylo, the solar god. The playwright relies on the works of his contemporaries – ethnographers and linguists, – and he uses his own observations over life and everyday life of the peasantry, as well as over the nature in the neighborhood of Shchelykovo. He sensitively listens to his predecessors' and contemporaries' poetry and prose which touch upon this subject. As a connoisseur of the living Great Russian language, Alexander Ostrovsky deeply gets into its root bases which keep historical memory. The playwright studies the ancient Slavs' mythology works by Alexander Afanasyev, Petro Yefymenko, Nikolay Kostomarov. Alexander Ostrovsky widely and creatively uses Russian folk tales of the Snow Maiden as well, including their poetic interpretation in his contemporaries' creative work.

Keywords: Alexander Ostrovsky, Slavs' poetic views upon nature, language as historical memory keeper.

Irina A. Ovchinina
Ivanovo State University
ovchn@yandex.ru

Yekaterina A. Pirverdyan
Ivanovo State Philharmonic
pirverdyan.katerina@yandex.ru

On the libretto manuscript of the comic opera "Live Not as You Would Like to" by Alexander Ostrovsky

The article examines the particular features of Alexander Ostrovsky's libretto of the comic opera "Live Not as You Would Like to", which was later transformed into the opera "The Power of the Fiend". The libretto's draft manuscript which is kept in the Russian State Library has been analysed for the first time. The authors' attention was drawn to the complicated history of the libretto's creating, to the nature of various corrections in the text of the opera, to the artistic devices used by the playwright who knew opera productions' peculiarities and took them into account. It is a timely task to study the hand-written text in order to get the plot of the opera libretto ready for academic publication in Alexander Ostrovsky's Complete works and letters. The thorough investigation of the manuscript gives a clear idea of the playwright's early intention and of its further dramatic fate when Alexander Serov's views on the plot and the general libretto trend cardinaly changed.

Keywords: manuscript, edition, source, opera, libretto, text, drama.

Andrey P. Dmitriyev
The Russian Literature Institute (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg
apdspb@gmail.com

Leo Tolstoy's folk stories and the comedy "The First Distiller" in Nikita Gilyarov-Platonov's assessment

For the first time, which question is considered, is how publicist and philosopher Nikita Gilyarov-Platonov interpreted Leo Tolstoy's folk stories and his comedy "The First Distiller" (he is attributed to 6 reviews published anonymously). Special attention is paid to the assessment of Leo Tolstoy's short stories "What Men Live By", "Two Old Men" and "The Candle". The results of a comparative analysis of the critical methods of Nikita Gilyarov-Platonov and authors of church publications, with whom he argued, are presented; whereby the authorship of a number of articles signed by cryptonyms is established. The genesis of the widely spread feuilleton characteristic-definition of Leo Tolstoy as "fool for Christ". It is proved that Nikita Gilyarov-Platonov's estimate of Leo Tolstoy's folk stories and his comedy "The First Distiller" makes important corrections in the overall picture of the mastery of the writer's work by literary criticism.

Keywords: folk stories, Leo Tolstoy, literary criticism, Nikita Gilyarov-Platonov, attribution, Christian legend, journalistic polemics.

Vera V. Korolyova

*The Stoletovs Vladimir State University
queenvera@yandex.ru*

**"Hoffmann's complex" in dramas
"The Life of Man", "Black Masks"
and "Tsar Hunger" by Leonid Andreyev**

This article continues the series of works on the investigation of "Hoffmann's complex" in the aesthetics of the Fin de siècle in Russian literature. The purpose of the article is to mark out the complex in Leonid Andreyev's dramas "The Life of Man", "Black Masks" and "Tsar Hunger". The idea of E. T. A. Hoffmann's synthesis of arts is manifested in Leonid Andreyev's works in the musical and artistic design of the scenes. Music becomes an independent character, which helps to express the characters' thoughts and feelings. E. T. A. Hoffmann's issue of the mechanisation of life and man in Leonid Andreyev's creative work is reflected in the opposition the living and the unliving and in images of a mask, a puppet, and in the assumption of the animation of the unliving. What becomes a consequence of the loss of the person in Leonid Andreyev's dramas is a materialised double of a living person. Romantic irony and grotesque, dating from E. T. A. Hoffmann, are of great importance in Leonid Andreyev's style. Leonid Andreev turns the creative irony of the German romanticism into a destructive irony.

Keywords: Ernst Theodor Wilhelm Hoffmann, Leonid Andreyev, "Hoffmann's complex", synthesis of arts, mechanisation of life and man, puppet, mask, double of person, romantic irony and grotesque.

Anna A. Skoropadskaya

*Petrozavodsk State University,
the City of Petrozavodsk, Karelia autonomy, Russia
san19770@mail.ru*

**Phonographic means of styling
the Turkish accent in the short story
"Hassan and his Jeddi" by Ivan Shmelyov**

The article discusses the technique of styling broken speech of a foreigner with the help of phonographic means in the short story "Hassan and his Jeddi" by Ivan Shmelyov. A comparative analysis of the remaining draft manuscript and the last lifetime edition of the short story revealed the stages of the writing work on the formation of the speech portrait of a Russian-speaking Turk. What Ivan Shmelyov chooses as speech characteristics, includes violation of hardness or softness of consonants, violation of the spelling norm with preservation of orthoepic norm, hyphenation, and dots. These pronunciation features are less presented in the manuscript. In addition, there is an inconsistency in phonographic styling's usage in both the manuscript and the printed publication. These observations allow concluding that the author wanted to expressionistically identify some phonetic features of the Turkish heroes' speech rather than to realistically recreate the detailed Turkish accent.

Keywords: Ivan Shmelyov, stylisation, phonographic means of stylisation, semiliterate speech.

Anastasiya A. Pimkina

*Moscow Pedagogic State University
a130672@yandex.ru*

**About a possible poetic pretext
and the prototypes of Vladimir Nabokov's novel
"The Luzhin Defense"**

The poem "The Chess Knight", written by Vladimir Nabokov in 1927, was frequently of interest of literary critics in connection with the study of the chess theme in his work. Many of them drew attention to a direct connection between the plot of this small poetic text and the novel "The Luzhin Defense", written two years later. As is generally known, one of the features of the writer's creative style is the repeated use of certain iconic motifs and details in his works, and a comparison of the poem "The Chess Knight" with the first major Nabokov's novel is a vivid confirmation of that statement. The article attempts to trace the development of those plot lines of "The Luzhin Defense", which, perhaps, originate in the poem "The Chess Knight", and it also tries to identify possible prototypes of the image of the chess grandmaster Luzhin.

Keywords: Vladimir Nabokov, "Chess Knight", "Luzhin Defense", prototype, motif, Karl Ernst Adolf Anderssen, William Steinitz.

Tat'yana G. Kuchina

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
tgkuchina@mail.ru*

Mariya Yu. Tret'yakova

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
mari.tret'yakova.94@mail.ru*

**Visual aberrations and their structural functions
in the plot of Vladimir Nabokov's novels
"King, Queen, Knave" and "Despair"**

The methods of representing the visual world, correlation of the narrator's and characters' points of view, determination of the important plot twists by the peculiarities of how characters see the world, particularly by the visual aberrations, in Vladimir Nabokov's novels "King, Queen, Knave" and "Despair" include the subject of the paper. In "King, Queen, Knave", Dreyer as a keen observer as well as short-sighted Franz both are in the power of the false visual images: despite Martha's cruelty and coldness Franz considers her to be like Madonna because he just had an occasion not to wear his glasses; at the moment of her death Dreyer mourns over the lost beauty unaware of the criminal plot of his wife and the villain not a patch on him. The central character of "Despair" – Hermann Karlovich – sees the exact copy of himself in Felix by inexplicable reason, and this optical error results in a murder. Nabokov's characters consider the world to be a figment of their illusions; the subjective true and the objective false of their vision produces suspense which ends in aesthetic failure of the character.

Keywords: Nabokov, visual perspective, illusion, aberration, plot, focalisation.

Yelena. R. Ivanova

*Orsk Institute for the Humanities and Technology
(branch of Orenburg State University),
the city of Orsk, Orenburg Region
iva17051@yandex.ru*

**The originality of the chess topic in fiction
in terms of creative work
of Arturo Pérez-Reverte Gutiérrez**

The article discusses options for the implementation of the chess topic in the creative work of Russian and foreign authors. It is obvious that chess in fiction is a polysemous artistic image, giving rise to a variety of interpretations. The rich tradition of referring to this image allows talking about the formed approaches to chess topics in the literature. Analysis of works written at different times, in different genres, has allowed defining the main artistic features of the chess playing image in literature: metaphor, symbol, plot-beginning, etc. In the novels of contemporary Spanish writer, Arturo Pérez-Reverte Gutiérrez almost all marked interpretation of the theme and the image of chess create a special artistic world. Moreover, the author opens up new features in the well-known material, demonstrating the inexhaustibility of chess themes in art literature.

Keywords: chess, artistic image, plot-organising principle, symbol, metaphor, Arturo Pérez-Reverte Gutiérrez.

Yaroslav O. Rezakov

*Academician Petrovsky Bryansk State University
ric.darko@mail.ru*

**Ornithological poetics: Jerome David Salinger –
from Anton Chekhov to Vasily Aksyonov**

This article reviews the concept of the ornithological poetics in the works by J. Salinger and Vasily Aksyonov in the context the dialogue of national literatures. This interaction is maintained by Russian classical writers' – Anton Chekhov, Ivan Turgenev, Alexander Ostrovsky – traditions. After complex analysing texts of these writers the author found such interpretations of the bird image like the symbol of freedom, element of religious narrative in Buddhism and Christianity, metaphors of Soviet totalitarian regime. In conclusion, the author defines point of cultural interaction between J. D. Salinger and Vasily Aksyonov in the field of ornithological poetics. The article's concept will be of interest of literary and cultural theorists, specialists of communication theories.

Keywords: poetics, bird image, symbol, Jerome David Salinger, Vasily Aksyonov, dialogue of cultures.

Yelena M. Tyuleneva

*Ivanovo State University
talen@rambler.ru*

**To the issue of internal processes in the author's
supertext of Sasha Sokolov. Article 3: The capacity
of dialogic structure and the narrative interview**

The article analyses the transformation of dialogic structure in Sasha Sokolov's works using the narrative interview method proposed by Fritz Schütze for sociological research and distributed in humanities as a whole. The starting point of the analysis is the dialogic formula "they came and asked", repeated in several

texts by Sasha Sokolov, considered to be a launch of the narrative interview in a text that provokes the narration of the character-narrator about the past. Being implemented as the narrative interview and reproducing all the formal indicators of this specific genre, "The School for Fools" offers the resulting effect that is achieved by this technique: a speech act, its procedures, mechanisms are emphasised and, as a result, the process of the text generation is demonstrated. Then, in "Gazebo", narrative biography schemes are conceptualised to narrative markers, the interview procedure as an act of communication is presented as autocommunication (a character-narrator interviews itself), and the narrative interview is transformed into a metanarrative one that offers questions of the text organisation this time to the reader.

Keywords: Sasha Sokolov, "The School for Fools", "Gazebo", text dialogic structure, narrative interview.

Kseniya A. Rebrikova

*Ivanovo State University
rebrikova_kseniya1992@mail.ru*

**Language transgression in a postmodern text
("Palisandria" by Sasha Sokolov)**

The article deals with the phenomenon of transgressive transition in terms of the postmodern text language. Different border aspects are most clearly manifested in language, since each language phenomenon is formed on the border of the media, which dictate the language norm, variation and violation. The author of the article focuses on the fact that it is in areas with moving borders that Sasha Sokolov's self-movement of the signifier unfolds. What is the characteristic feature of the multi-level romance representation in "Palisandria", is being on the border, where the buzz of the language is enhanced due to the style and diversity of eclecticism. The analysis showed that the language of the writer and the concrete work originates on the border, which not only opposes the world of reality, but also enters into dialogical relations with it. In the novel, the pastiche language, which is at the same time the language of the threshold, undergoes enhanced semiotisation. The process of denoting and enhanced meaning is carried out at the junction of fenotext and genotext. Elements of the genotext deserve special attention thanks to which, the text is freed from semantic standards.

Keywords: Sasha Sokolov, "Palisandria", linguistic boundary, transgression, body language, tropes, word processing.

Ol'ga V. Belopukhova

*Kostroma State University
klepa3367@mail.ru*

**Significance of Ivan Turgenev's works today.
Horst-Jürgen Gerigk's study of Ivan Turgenev**

The article analyses Horst-Jürgen Gerigk's study "Turgenev today. His significance for the literary consciousness of our present" (2012). What the author wonders above all, is if Ivan Turgenev's literary heritage is topical to date. The German scholar accents literary and cultural value of Ivan Turgenev's creative work emphasising the work "Hamlet and Don Quix-

ote". He calls the work one of the most important scripts of the intellectual history in the European literature of the 19th century. Horst-Jürgen Gerigk names "A Sportsman's Sketches" the centre point of the Russian classical author, he means that Ivan Turgenev's novels, as well as subsequent stories and short stories and also "poems in prose" cluster around this creative centre. In his article, the German scientist analyses the worldview difference between Ivan Turgenev, Fyodor Dostoevsky and Leo Tolstoy, which is represented in their works. Ivan Turgenev's profound humanity, atheism and sense of harmony makes him understandable and congenial to foreigners and the European and American literatures do need him.

Keywords: Ivan Turgenev, Horst-Jürgen Gerigk, significance of Ivan Turgenev's creative work.

Sof'ya B. Steblovskaya
Moscow International University
steb1@inbox.ru

Contemporary mediaspace and teens' mediaconsuming transformation

Some parameters of the modern media sphere – such as "Internetization", the principle of random consumption of media product, emergence of new multimedia genres, visualisation phenomenon, substitution of the broadcasting TV and printing editions for the Internet resources, emergence of "smart" media working by the Artificial Intelligence principle and capable to generate algorithms of the address personified content delivery to the consumer, are considered in article. All these parameters influence the formation of new type of media consumption, and who are especially susceptible, are teenagers whose psychological and intellectual development has coincided with coming of the digital era. The purpose of the article is laying the border of changes and disclosing of these parameters.

Keywords: media sphere, media consumption, random consumption principle, "Internetization", content aggregation, streaming, teenagers.

JURAL SCIENCES

Valentin G. Medvedev
Togliatti State University, the City of Togliatti, Samara Region
medvedev.tgu@mail.ru

Trial by ordeal in judicial practice of ancient Oriental states

The subject of the study in this article is the procedural institute of trial by ordeal as a way to achieve the truth in the case when a person's guilt or innocence was established with the help of a special religious test. Ordeal as an element of the judicial process had existed for more than one millennium in different states and cultures, and this fact alone already speaks in favour of this phenomenon as worthy of precise study. In the course of the research, the norms of trial by ordeal contained in ancient sources such as the Avesta, Hammurabi's Code, the Manusmṛti, the Nāradaśmṛti, were analysed. The author comes to the conclusion that there are common trends of legal regulation in the states of the Ancient East, and, in general, the common

worldview that had formed in those societies at that stage of their development.

Keywords: ordeal, trial by ordeal, Ancient India, Dharmaśāstras, Avesta, legal proceedings, evidences.

Vera B. Romanovskaya
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
vera_borisovna@mail.ru

Ol'ga Yu. Serpukhova
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
chernova1108@mail.ru

Family law revolution in Western countries in the 20th century (in terms of the USA)

This article deals with the problem of legal regulation of marriage and family relations in the West (the example is the United States). In the 20th century's USA, influenced by liberalism ideas, the understanding of essence and purpose of the central institutions of family law, marriage and family, has changed. The analysis of judicial practice, legislation, adopted during this period, indicates the legislative support for such changes. The legislation has established the possibility of "quasi-marital" unions the main purpose of which, is to obtain economic benefits, rather than creation of family and birth of children. In turn, the attempt to protect traditional marriage at the legislative level fails. The conclusion about the transformation of marriage and family institutions in the United States, the understanding of their nature and purpose, the conclusion about the negative impact of these processes on the further development of society and the state is formulated.

Keywords: marriage, family, family law, tradition, revolution, "quasi-marital" union, domestic partnership, civil union, reciprocal beneficiaries.

Vladislav V. Gruzdev
Kostroma State University
vgruzdev@ksu.edu.ru

The Arabian peninsula and North Africa: states without "statehood"

The article discusses the problem of states in Africa and in the Middle East, either recognised or not. The author draws attention to the signs of statehood, developed in the theoretical and legal science, which are not applicable to some territorial entities and to the states whose position on the world stage is unstable. Political and legal features of the organisation of life of society in such state formations as Palestine, Yemen, Libya, Lebanon, Kurdistan, Iraq are considered. It is concluded that the application of axiomatic statehood criteria to a large number of states formally existing in the modern world is incorrect. Some states do exist in theory but do not meet the above criteria in practice. We are talking about the states recognised at the UN level and existing on the political map of the world, but failing to implement their statehood in practice due to various socio-economic and economic factors.

Keywords: signs of statehood, sovereign state, clashes because of religious discord, colour revolutions, Middle East, Africa, Libya, Palestine, Yemen, Lebanon, Kurdistan, Iraq.

Konstantin V. Cherkasov

*Russian State University of Justice;
Sorokin Syktyvkar State University, Komi autonomy, Russia;
Vyatka State University, the City of Kirov
cherkasovkv1978@yandex.ru*

Some issues of law enforcement monitoring in modern Russia in the context of combating corruption in the field of public administration

This article analyses selected organisational and legal aspects of law enforcement monitoring in modern Russia from the perspective of the implementation of the state anti-corruption policy. We defined the legal basis of legal monitoring. The author's position is stated regarding the following five points: the essence of law enforcement; goals and objectives of monitoring law enforcement, their correlation with the SMART; the content of the annual report of the Government of the Russian Federation to the President of Russia; the real significance of the Ministry of Justice of Russia in the process of monitoring law enforcement; the role of the Ministry of Justice of Russia in the preparation process; the formation of the annual report of the Government of the Russian Federation to the President of Russia. It is concluded that one of the main problems of law enforcement at the present time is the ever-increasing amount of legislation and law-enforcement acts based on it, in the presence of negative factors that adversely affect the effectiveness and uniformity of law enforcement, and ultimately the unity of the legal medium of Russia. In turn, this affects the anti-corruption measures' implementation effectiveness in the field of public administration directly negatively.

Keywords: law enforcement, monitoring, legal medium, legislation, legal act, report, federal executive body, state administration, corruption, anti-corruption.

Andrey Ye. Lysakov

*The Investigative Committee of the Russian Federation,
the City of Kostroma
andrey144@rambler.ru*

On the content of organisation of work of an investigative department for the investigation of corruption in the field of economy

Criminal offences against economic sphere continue to be one of the most negative factors constraining the socio-economic and socio-political development of state and society. Therefore, the task of the criminal law protection of the individual and the society against these offences is one of the priorities in the criminal law policy, which is achieved, inter alia, by means of comprehensive, full and objective investigation of these crimes by the investigating authorities. At the same time, the most important condition for ensuring a quality investigation of such criminal acts is proper organisation of such activities. In turn, the development of optimal approaches to streamlining the organisational and managerial relations under consideration necessitates not only an analysis of law enforcement practice, legislation, but also building up the specifics of the subject matter of the investigation, taking into account theoretical designs, models of organisation of the investigation. In this regard, the article proposes a

theoretical model for organising the work of such an investigative unit based on the example of the activities of the inter-district investigative department, the content of which, is a complex system of actions and measures consisting of three subsystems – external functional, internal functional and auxiliary (support).

Keywords: investigative department, investigation of crimes, corruption, offence against economic sphere, organisation of investigation department work, organisation of activities, organisational & legal framework for organising crimes' investigation.

Aleksandr S. Tkach

*National Research Tomsk State University
alexandertkach01@gmail.com*

Dynamics and analysis of the causes of absenteeism in Russia since the early 1990s

The author analyses the absenteeism problem and identifies the factors that determine the absenteeism level, its dependence on the type and the level of elections. The article notes that the country's transitional, unstable situation, a wide range of political parties, and the difficult economic situation of the population had caused increase in absence from elections in Russia in the 1990s. The author points out that the increase in the absenteeism level was overcome due to the improvement of people's welfare, the power vertical strengthening, multiple decrease in the number of political parties, changes in electoral legislation in the early 2000s. It led to the fact that there were as little as seven registered parties in 2011. The period of "electoral counter-reforms", aimed at increase in legitimacy, in trust to the government, and at increase in its representativeness, has been in Russia since 2011. The author correlates electoral processes and the absenteeism level in Russia and foreign countries.

Keywords: absenteeism, citizens' electoral activity, causes for absenteeism, absenteeism dynamics, voter turnout, causes for low voter turnout, political system of Russia.

Olga V. Zheleva

*National Research Tomsk State University
zheleva.olga@gmail.com*

The criminal liability for wrong medical care

The article deals with the problem aspects of prosecution of medical workers for the wrong medical care. The author states that medical care must be available and of high quality; these requirements have not been clearly defined in the legislation. The article lists doctrinal positions on the concept of quality of medical services, objective and subjective causes of the process of providing care. The article notes that the evaluative nature of the category "wrong, poor quality medical care" can lead to an ambiguous qualification of the physician's actions and problems in distinguishing it from legitimate behaviour and medical error. The article provides a list of elements that the act of a medical worker must comply to prosecute, and specific examples of judicial practice.

Keywords: corpus delicti, criminal liability, quality of medical care, wrong medical care, medical error, negligence, accident.

Ivan A. Kuz'min

*East Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia
mariadaivan@yandex.ru*

**Access to base data of credit organisations
and communication operators:
legal and organisational questions**

The article deals with the issues of legal regulation of remote access to the databases of credit institutions and telecom operators, proposes changes to the system of regulatory legal acts regulating such access. The author substantiates the thesis of the law enforcement agencies' effectiveness dependence on the speed of obtaining information in credit institutions and from telecom operators when countering frauds committed using information and communication technologies. The attention is paid to the need to provide round-the-clock remote access to the databases of credit organisations to the bodies that carry out operational-search activity, similar to access provided to the databases of telecom operators. The proposals made by the author are aimed at optimising the existing process of obtaining information that is necessary for the staff of the operational units of the bodies engaged in operational investigative activities.

Keywords: SORM (System for Operative Investigative Activities), databases of credit institutions, databases of telecom operators.

Sergey Yu. Khaziyev

*Bashkir State University,
the City of Ufa, Bashkortostan autonomy, Russia
hsy92@mail.ru*

**The category "interest" in the context
of consolidation and implementation
of secondary rights**

Civil-legal relations the structure of which is complicated by the presence of the secondary rights of the participants of such legal relations, necessitate consideration of the issue of ensuring a mutual balance of the interests of the parties. The secondary rights along with the classical subjective rights are the major legal means that are designed to realise the interests of subjects of law. In some cases, it is possible to observe the unjustified empowering of one of the parties of the obligation by the secondary rights that radically affect continuation of the relations of the parties their structure. On the examples of normative legislation of the obligations legal relationships attention is drawn to the need for the good faith realisation of the secondary rights. The main attention is paid to the fact that the consolidation of the secondary rights for the participants of the legal relations should be caused by the objective reasons and be implemented thoughtfully. Moreover, such foresight is demanded from both the legislator and the participants of the obligations legal relationships.

Keywords: secondary rights, interest, legal possibility, unilateral refusal of contract, unilateral change

of conditions, legal means, discretion, legal relation, works contract.

Alla V. Kudryashova

*Kostroma State University
alla880@mail.ru*

**Organisational aspects of prosecutors' activity
in view of recommendations of bodies
of the Council of Europe. Part 1**

The review of the international acts – recommendations of the Committee of Ministers of the Council of Europe and opinion letters of the Council of Europe Consultative Council of European Prosecutors, in which issues of organisational and administrative ensuring of the prosecutor's office bodies functioning, such as work on information and analysis; selection and professional development of public prosecutor's staff; prosecutors' independence guarantees; adoption of management decisions and their realisation as well as control if they are executed; assessment of prosecutor's office activity results; intra-systemic interaction of structural units of prosecutor's office and its interaction with external partners, namely with courts, criminal prosecution authorities, mass media, lawyers, bodies of penal correction system, human rights organisations are touched upon, – are presented in the article. The stated recommendations represent the generalised international positive experiment aimed at increase in efficiency of activity of bodies of prosecutor's office for ensuring the rights and freedoms of the person and the citizen, for ensuring rule of law and democracy.

Keywords: public prosecutor's office, court, justice, legal procedure, Committee of Ministers of Council of Europe, Consultative Council of European Prosecutors, Commissioner for Human Rights, efficiency of justice, human right, independence of prosecutors.

Dmitriy A. Babichev

*Kostroma State University
babichev-lavd@inbox.ru*

**Prosecutor's supervision of the law of operational-
investigative decisions taken under risk conditions:
problems of criminal law**

The article deals with the problem associated with the implementation of the prosecutor's supervision over the legality of decisions taken by the subjects of operational-search activity in risk conditions. The author critically analyses the norm of the Criminal Code of the Russian Federation, which regulates the conditions (criteria) of the legality of causing harm to the interests protected by this law with a reasonable risk to achieve a socially useful goal. Based on a review of theoretical and scientific developments, law enforcement practices and legislative norms governing operational investigative activities, a number of conceptually important conclusions are formulated. In particular, it is stated that an objective understanding of the legality of operational search decisions made under conditions of risk can be formed both among the subjects of operational search activities and with authorized prosecutors in the performance of supervisory activities, if we are talking about

measures that are reasonably possible in a particular situation to prevent harm. In the operative part of the work it is proposed to introduce amendments to the Criminal Law of the Russian Federation.

Keywords: prosecutor's supervision, prosecutor's activity, authorised prosecutor, legality, operational search activity, operational search solution, information uncertainty, professional risk, justified risk, crime.

Valeriy A. Oganyan

*Russian State Social University, Moscow
valeon210194@icloud.com*

**Historical and legal basis of regulation
the copyright law in Russia in comparison with
the experience of foreign countries**

The article is devoted to a comprehensive study of the development of publishing and copyright in Russia. An analysis of the historical and legal basis of

copyright in Russia allows us concluding that Russian legislation has been behind that of the leading countries. The author identified the main stages of the development of copyright law in foreign countries and made a comparison with the Russian experience. The experience of legislative initiatives of copyright Russia throughout the history is generalised. The author focuses on the main attention on the legal regulation of copyright law from a historical perspective and on the possibility of its development in Russia. Based on this, we conclude that it was the historical particular qualities of state regulation and instability of the state regime that had a direct impact on the development of copyright law in Russia.

Keywords: copyright, author, privileges, publishing, product.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях.

Все материалы следует представлять в редакцию **по электронной почте: e-mail: vestnik@ksu.edu.ru.**

1. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** (*.doc, *.docx, *.rtf). Если Вы используете нестандартный шрифт, приложите к письму копию статьи в формате PDF, а также файл с шрифтом. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

2. Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**. При проверке используется сайт: <http://www.antiplagiat.ru>.

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – **не более 14 страниц машинописного текста.**

5. Аннотация к статье должна быть объемом 100–120 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.) указывается в круглых скобках сразу после названия статьи на русском языке.

8. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не менее 5 и не более 20 источников.

После библиографического списка на русском языке в статье должен быть представлен **транслитерированный библиографический список**. При составлении списка библиографических ссылок на латинице («References») русскоязычные источники необходимо транслитерировать, а иностранные источники привести в соответствие требованиям транслитерации.

При транслитерации используется сайт: <http://translit-online.ru/>

9. Единицы измерения приводятся в соответствии с Международной системой единиц (СИ).

10. **Рисунки, схемы, диаграммы.**

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

11. **Таблицы.** Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10.

12. **Формулы** выполняются только в редакторе **MS Equation**.

13. **Десятичные дроби** имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Убедительная просьба соблюдать построение статьи!

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.
8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
(Ссылка на грант или источник финансирования – если есть).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (100–120 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).
14. References.

Правила составления аннотации к научной статье

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую, идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.
2. Описание хода исследования.
3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

10.01.01. Филология, Русская литература.

УДК 821.161.1.09”20”

Кучина Татьяна Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль

tgkuchina@mail.ru

Адрес: 123456, г. Иваново, ул. Ивановская, д. 12, кв. 34; Тел.: 89876543210

Б. Пастернак и В. Маяковский в системе интертекстуальных связей лирики Б. Ахмадулиной

Аннотация: Интертекстуальная техника Б. Ахмадулиной рассматривается сквозь призму отсылок к творчеству Б. Пастернака и В. Маяковского и мотивных, сюжетных, цитатных переключек с конкретными стихотворениями этих поэтов. На материале таких произведений Б. Ахмадулиной, как «Снегопад», «Февраль без снега», «Милость пространства. 10 марта», показаны способы актуализации поэтического претекста: апелляция к маркированным словам-образам из лирики Б. Пастернака («снег», «зима», «февраль»), переход от пейзажного к метапоэтическому плану в развертывании лирического сюжета, сохранение инвариантной структурно-семантической схемы текста-предшественника, экспликация ключевых пастернаковских инвариантных тем и подтем – единства разного и сопричастности частного, индивидуального вечному и бесконечному. Иначе строится поэтическая коммуникация с текстами В. Маяковского: их сюжетно-тематический план в реминисцентном микроконтексте, как правило, редуцирован, но при этом в стихотворениях Б. Ахмадулиной выделены те узнаваемые словесные компоненты, которые указывают на текст-источник. В статье делается вывод о том, что интертекстуальная связь с лирикой В. Маяковского – это поэтика точечных понятийных пересечений.

Ключевые слова: Ахмадулина, Пастернак, Маяковский, интертекст, реминисценция, аллюзия, приемы выразительности.

Tatyana G. Kuchina

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

tgkuchina@mail.ru

B. Pasternak and V. Mayakovsky in the system of intertextual connections of the lyrics of B. Akhmadulina

The intertextual techniques of B. Akhmadulina is viewed in the article through the lens of the references to the poems written by B. Pasternak and V. Mayakovsky. The author examines some of Akhmadulina's creative works (namely "Snowfall", "The February without Snow", "The Favour of Space. March 10") and points out the basic ways of actualization of the poetic pretext such as usage of Pasternak's lyrical vocabulary ("snow", "winter", "February"), transition from landscape plane to metapoetic one in lyrical plot, preserving the invariant structure and semantics of the precedent text, explication of the most important and constant themes of Pasternak's poetry – the unity of different things and the association of private, local existence with eternal and infinite space. The "communication" of Akhmadulina's texts with Mayakovsky's ones is constructed in the other ways. Plots of the precedent poems in reminiscent context are reduced but B. Akhmadulina underlines the "sygnal" (specifically "mayakovskyan") words which indicate the concrete pretext. In article the conclusion that therefore intertextual correlation of her creations with Mayakovsky's poetry should be viewed as poetics of semantically "pinpoint" crossings.

Key words: Akhmadulina, Pasternak, Mayakovsky, intertext, reminiscence, allusion, techniques of expressiveness.

Текст статьи...

Библиографический список

References

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть: в кол-ве т. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет.

Например:

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и том: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть: в количестве т. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Том. – Количество страниц.

Например:

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название газеты. – Год издания. – Номер или дата выпуска.

Например:

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Название словаря / сведения о составителях; редакторах и т.п. – Номер переиздания (если есть). – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания / сведения о составителях; редакторах и т.п. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Фамилия и инициалы автора. Название диссертации: дис. ... канд. (д-ра) отрасли науки. – Место издания, год издания. – Количество страниц.

Например:

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Фамилия и инициалы автора. Название автореферата: автореф. дис. ... канд. (д-ра) отрасли науки. – Место издания, год издания. – Количество страниц.

Например:

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.) [Электронный ресурс]. – Выходные данные издания. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Тюпа В.И. Жанр и дискурс [Электронный ресурс] // Критика и семиотика. – Вып. 15. – Новосибирск; М., 2011. – С. 31–42. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature1/tyupa-11.htm> (дата обращения: 18.02.2018).

Архивные материалы

Например:

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2019 – Т. 25 – № 1

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 21.03.2019.
Дата выхода в свет 22.04.2019.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 32,5.
Уч.-изд. 33,8 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 100.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна